РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1892.

АВГУСТЪ.

Москва.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.

СОДЕРЖАНІЕ:

текстъ: „Какою мѣрою мѣрите, такою же отмѣрится и вамъ“— передъ вами широкое и вольное теченіе жизни, зной юной страсти и свѣжесть весны, гдѣ среди благоуханій проходятъ и тонкія струи острыхъ, крѣпкихъ испареній—въ роковомъ и внезапномъ столкновеніи съ неумолимою силой закона, отрытаго изъ-подъ забытыхъ хартій энергическимъ, суровымъ правителемъ въ отсутствіе мудраго и кроткаго государя. Никакія соображенія, никакія мольбы не въ состояніи поколебать отвлеченнаго принципа, разъ онъ забралъ въ свои руки дѣло спасенія общества. На отчаянныя восклицанія умоляющей за брата красавицы:

„Явите-жь здравый смыслъ“........ „Явите правосудье“........
„Явите хоть какую-нибудь жалость!“—

блюститель принципа отвѣчаетъ словами достойными лучшей цѣли:

„Являю жалость болѣе всего,
Когда являю твердость правосудья:
Тутъ я жалѣю тѣхъ, кого не знаю,
Такъ какъ плоды отпущенной вины
Способны отравлять покой невинныхъ...
И справедливость воздаю тому,
Кто, разсчитавшись за одинъ проступокъ,
Не будетъ жить, чтобъ совершить другой“.

И эта ледяная скала, не взирая ни на какія житейскія соображенія, грозитъ опрокинуть и раздавить общество, еслибы deus ex machina піесы—инкогнито скрывающійся великодушный государь—не отстранилъ скалу, отбросивъ ее на повинную голову самого носителя принципа, и не спасъ общества, доказавъ изъ самыхъ происшествій драмы, что для благоденствія обществъ необходимо не „Мѣра за мѣру“, а „Все въ должную мѣру“, и что не менѣе распущенности, если не болѣе, гибельны доведенные до крайнихъ своихъ послѣдствій идеалы нравственнаго порядка, въ принудительныхъ дѣйствіяхъ власти,

„Тщета и суетность формальнаго закона,
Правленіе безъ почвы и корней“.

Въ драмѣ, теперь предлагаемой въ дословной передачѣ—въ превратностяхъ „Венеціанскаго купца“ передъ нами снова тотъ же философско-юридическій тезисъ, повернутыю только другой стороной, - несостоятельность доведенныхъ до своихъ крайнихъ послѣд-

ствій требованій формальнаго гражданскаго права, съ идеаломъ выраженнымъ формулой: „*Fiat justitia—pereat mundus*".

Но хотя по свойству своихъ выводовъ оба произведенія существенно сходны между собой — тамъ несостоятельность административныхъ крайностей; здѣсь—неумолимой логики гражданскаго права.—По тону красокъ, по нравственному складу, по средѣ и настроенію дѣйствующихъ лицъ—эти произведенія до того различны, что едва ли кому-нибудь до сихъ поръ приходилось дѣлать между ними такое сближеніе. Тамъ, веселый пиръ юности, беззаботная радость жизни; здѣсь—все серьезно, сдержанно, разсудливо, погружено въ соображенія матеріальныхъ выгодъ и мелкихъ житейскихъ заботъ—и ровный полутонъ разсчетливой житейской мудрости носится въ воздухѣ, особенно въ началѣ пьесы. Тамъ, шумная разнузданность страсти наталкивается на непреклонную строгость закона, грозящую сокрушить ее, не щадя изъ-за нея и самой жизни; здѣсь—чувство приличія и высокое, или просто независимое положеніе лицъ даютъ всему тонъ разсудительности и порядочности, сдерживая даже естественные порывы—и самый ужасъ въ приложеніи закона, не внезапный сокрушительный ударъ надъ разгуломъ страстей, а дальновидная, тонко-выработанная стратагема, изъ несомнѣнныхъ положеній закона созданная засада, въ видахъ убійства изъ мести, но на основаніяхъ существующихъ не для подавленія, а напротивъ, для огражденія гражданской свободы. Вся вакханалія личной страсти тамъ, здѣсь, въ лицѣ напримѣръ, Граціано (отчасти Лоренцо и прекрасной Жидовки), умѣряется высшимъ тономъ общества и серьезностью самыхъ интересовъ, стремленій и цѣлей, въ которыхъ всѣ дѣйствующія лица, такъ или иначе, принуждены вращаться. Самъ Граціано, котораго бурная веселость скорѣе вызываетъ смѣхъ, чѣмъ неловкость, даетъ обѣщаніе держать себя въ уровень съ высшимъ тономъ у высоко поставленной феодальной дамы. Шейлокъ, изъ котораго профессіональная сцена сдѣлала, и продолжаетъ дѣлать, страшилище кровожадности и изувѣрства, самый этотъ Шейлокъ, какъ блистательно доказалъ Ирвингъ въ своемъ художественномъ воспроизведеніи въ прошломъ году, въ присутствіи знаменитаго гебраиста Ренана, и какъ онъ выразился потомъ въ разговорѣ съ нимъ за ужиномъ: „въ полномъ смыслѣ слова, по своему, настоящій джентльменъ". Онъ утонченно-вѣжливъ (когда съ кѣмъ захочетъ), и потому глубоко чувствуетъ всякій уколъ пренебреженія, а тѣмъ болѣе оскорбленія; онъ тонокъ,

сдержанъ и остроуменъ, что̀ замѣтили уже о немъ Шлегель и нашъ Пушкинъ. „Но буква закона, говоритъ Шлегель, его божество.... ... Онъ стоитъ на непреклонной справедливости, которая обрушивается въ концѣ концовъ на его же собственную голову. Такимъ образомъ, онъ является воплощеніемъ всей исторіи своего несчастнаго племени.“ Ежели порой онъ вдается въ цинизмъ и не сдерживаетъ своихъ выраженій, какъ напримѣръ, въ сценѣ суда, такъ это съ преднамѣренною цѣлію оскорбить и унизить ненавистное ему христіанское общество въ его учрежденіяхъ и въ лицѣ его высшихъ представителей. И тутъ опять онъ это дѣлаетъ такъ ловко, съ такою неожиданностью, не поднимая голоса, что его не могутъ ни предупредить, ни остановить. Самая эта сказочная исторія съ вы̀рѣзаніемъ живаго человѣческаго мяса, вытекая изъ глубоко-засѣвшей личной ненависти, есть въ то же время и плодъ дальновиднаго разсчета для удовлетворенія чувства чудовищной ироніи, открытаго издѣвательства надъ этимъ „самохвальнымъ христіанскимъ обществомъ“;—западня, подставленная на полномъ ходу „его самомнѣнію“....... „Всѣ они обожаютъ Антоніо, а онъ ненавидитъ избранный народъ и слышать не можетъ о процентахъ—такъ и прекрасно!—тѣмъ охотнѣе согласится выдать на себя обязательство такого нелѣпаго свойства—безъ процентовъ! Деньги—безъ приращенья!—И вмѣсто того, такъ—для шутки, въ видѣ неустойки въ случаѣ просрочки, фунтъ его мяса—*въ ближайшемъ къ сердцу мѣстѣ*!—Посмотримъ, ка̀къ-то они тогда изъ этого вывернутся, ка̀къ они съ своими христіанскими „благожелательствами и вѣжливостями“ выручатъ своего Антоніо... Дожъ долженъ мнѣ дать правосудіе... А счастье Израиля мнѣ поможетъ, что будетъ просрочка...“ Въ этомъ смыслѣ онъ выражается и на судѣ, и до суда, съ явнымъ и твердымъ намѣреніемъ искусить достоинство и послѣдовательность статутовъ республики и поставить въ безвыходную дилемму это „хвалёное христіанское общество“: или пожертвовать любимымъ всѣми Антоніо, позорно допустивъ его всенародное убійство, или:

„Откажете—къ чему тогда законъ?
Въ опредѣленіяхъ Венеціи—нѣтъ силы!“

И дѣйствительно, съ необычайною скоростью исполняются всѣ самыя обольстительныя мечты Шейлока: гордость Венеціи, великолѣпные корабли Антоніо, тонутъ на всѣхъ моряхъ одинъ

за другимъ, какъ еслибъ они были желѣзные опилки; и вотъ наступаетъ радостный день и часъ просрочки...

Но Шейлокъ одного не разсчелъ — кто можетъ все предвидѣть!—Что народилось новое безпокойное и бойкое поколѣніе, въ которомъ молодыя женщины и дѣвушки изучали философію, классиковъ и заглядывали въ Ульпіана,—и несли „возрожденіе“ міру, нисколько не стѣсняясь его, Шейлока, упованіями и вѣрованіями, что молодая женщина такого умственнаго уровня, да еще высшаго полета, не остановится ни передъ чѣмъ, если она видитъ явно-терпимую несправедливость, или что̀ ей кажется таковою, когда еще въ добавокъ въ этомъ замѣшаны интересы любимаго человѣка; и что Паллада-Аѳина, о которой Шейлокъ имѣлъ, конечно, самыя сбивчивыя понятія, не только на полѣ брани, но и въ форензической борьбѣ никогда не оставалась побѣжденною; что такимъ образомъ его повидимому совершенно основательное требованіе „о точномъ исполненіи формальнаго обязательства согласно буквальному смыслу“, доведенное до крайнихъ своихъ послѣдствій, вдругъ встрѣтится при самомъ уже исполненіи съ такими условіями и осложненіями, которыя, будучи поставлены въ надлежащемъ свѣтѣ другимъ, болѣе свѣдующимъ и ловкимъ законникомъ, обратятся сторицею съ головы должника на голову самого заимодавца, къ подтвержденію другой извѣстной формулы: *Summum jus—summa injuria.*

„И есть такой законъ?“

въ оцѣпенѣніи спрашиваетъ на смерть пораженный истецъ.

„Самъ можешь видѣть текстъ,“

сухо отвѣчаетъ представитель законности:

„Поклонникъ справедливости формальной,
Утѣшься—ты ее получишь больше,
Чѣмъ ты бы самъ хотѣлъ.“

Въ этой знаменательной фразѣ все разрѣшеніе одной изъ фабулъ, давшихъ содержаніе піесѣ—о займѣ у Жида,—вся философія права піесы. *Arcus nimis intensus — frangitur.* Жиду предлагаютъ на судѣ втрое, вшестеро, вдесятеро!.. Какъ вдругъ изо всего этого выходитъ, что ему не слѣдуетъ ничего, что онъ явно посягалъ на жизнь гражданина, — и онъ разомъ лишается всего, и самая его жизнь отдана на усмотрѣніе дожа... Другая фабула, романтическая сторона піесы, эта горькая иронія жизни въ выборѣ будущей жены посредствомъ отмыканія загадочныхъ

ларцевъ, причемъ совершается такое не новое въ жизни чудо, что чѣмъ кто умнѣе, повидимому, разсуждаетъ, тѣмъ глупѣе выходитъ—вся выражается меткимъ сарказмомъ въ радостномъ восклицаніи невыбранной невѣсты:

„О, эти многодумные глупцы!
При выборѣ, они имѣютъ мудрость
Терять свой смыслъ по правиламъ ума!“

Замѣчательно, что оба рѣшающія слова, измѣрившія самую глубину смысла піесы, сказаны однимъ и тѣмъ же лицомъ, и притомъ лицо это—женщина; такъ какъ она же и рѣшившій эту „cause celèbre“, по приглашенію дожа, великій юристъ, въ заимствованной у знаменитаго кузена одеждѣ доктора правъ, и, что важнѣе — въ полномъ обладаніи тѣхъ профессіонально-сдержанныхъ пріемовъ и изумительныхъ свѣдѣній, которыя не пріобрѣтаются въ одно свиданіе, въ одинъ урокъ, а есть дѣло постояннаго и усерднаго умственнаго труда, прилежнаго изученія, самостоятельнаго развитія, давшаго ей возможность вращаться въ кругу такихъ лицъ, какъ знаменитый падуанскій юристъ Белляріо. Такимъ образомъ, на двухъ противуположныхъ концахъ всего этого хитросплетенія двухъ фабулъ, этого поэтическаго микрокозма въ смѣшеніи серьезнаго, забавнаго и романическаго, философскихъ идей, ироніи отрицанія и рапсодій любви—это свѣтлое и умиротворенное, какъ чистый разумъ, лицо является выразительницей господствующей мысли, объединяющей всѣ части пьесы. И не случайно это такъ выходитъ. Самая исключительность общественнаго положенія, врожденная способность такъ обращаться съ людьми, что всѣ принимаютъ ея просьбу за „милое приказаніе“, и въ самой вспышкѣ досады и неудовольствія жесткость выговора теряетъ горечь личнаго чувства, а является какъ бы отвлеченнымъ выводомъ разума; какъ напримѣръ, когда она прерываетъ неумѣстную самолюбивую обидчивость принца Аррагонскаго, напоминая ему, что онъ только осужденъ судомъ, которому самъ же добровольно подчинился, и потому не имѣетъ никакого права обижаться.

„Судить и оскорблять—различныя призванья:

Они враждебны по самой природѣ.. ..“ рѣдкія душевныя свойства, и еще болѣе рѣдкая въ женщинѣ, въ молодой дѣвушкѣ серьезность, положительность ума, развитаго и обогащеннаго множествомъ познаній на благодатной почвѣ классическаго міра, не допускаютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что

для возсозданія такого лица поэту надо было вращаться въ средѣ, имѣющей весьма мало общаго съ обыкновенными героинями *Green Room*'а; знать такихъ лицъ коротко, имѣть доступъ *in most intimate privacy* къ ихъ задушевному міру, усвоить себѣ ихъ тонъ, ихъ голосъ, самые переходы и оттѣнки голоса, въ минуты искреннихъ душевныхъ изліяній, или случайныхъ вспышекъ и порывовъ страсти,— а не въ тѣ, когда простымъ непосвященнымъ смертнымъ все представляется въ отдаленномъ и обманчивомъ блескѣ искусственной свѣтской условности... Былъ ли то интимный кружекъ королевы; кто-нибудь изъ просвѣщеннѣйшихъ женщинъ вѣка—сама она, или леди-Бэконъ, или можетъ-быть Джэни Грэй—несчастная „Королева Мая", память о которой конечно воскресла при дворѣ съ торжествомъ протестантизма, — нравственный образъ которыхъ носился предъ воображеніемъ поэта при созданіи имъ этого замѣчательнаго лица... Но если когда-нибудь замаскированная въ поэтической формѣ лесть доходила до слуха Елисаветы Тюдоръ, то характеристика, открывающая начало пьесы:

„*Есть знатная наслѣдница въ Бельмонтѣ*...
И *хороша она*.....
. . . . А на чело
Ей ниспадаютъ *солнечные кудри*,
Какъ бы руно златое..... И сталъ замокъ
Ея, *Бельмонтъ* - Колхидскимъ Лукоморьемъ,

И многіе плывутъ къ нему Язоны"... прямо можетъ быть отнесена къ этой вѣчной царственной невѣстѣ, у которой увѣренность въ своей красотѣ была непомѣрна, волосы были песочнаго цвѣта, а множество знатныхъ жениховъ, въ соискательствѣ ея руки, плыли къ *Колхидскому Лукоморью*—Бельмонту (Англіи—столь же богатой, сколько и прекрасной—bel-monte). Нѣкоторыя фактическія данныя очевидно указываютъ на королеву Елисавету, и на ту близость, которую имѣлъ поэтъ къ міру придворной сплетни. Вся эта придворная исторія съ принцемъ Анжуйскимъ о публичномъ поцѣлуѣ и надѣваніи ему на палецъ своего кольца прямо списана въ сценѣ окончательнаго „удачнаго выбора". Самая эта неразрѣшимая человѣческимъ умомъ загадка выбора ларцовъ ни что̀ либо иное, какъ поэтическое воспроизведеніе множества случаевъ сватовства Елисаветы, которая изъ политическихъ видовъ постоянно завлекала и вводила въ заблужденіе, а затѣмъ отвергала своихъ жениховъ, и этимъ лишь сбивала всѣхъ

съ толку; такъ какъ духъ ея не терпѣлъ зависимости, и она не выносила мысли о бракѣ. „Въ моихъ рукахъ, кажется, не веретено“, будто бы говаривала она—и дѣйствительно, это было не веретено!.. И героиня драмы, хотя по ходу дѣйствія и въ шутливомъ тонѣ, тоже говоритъ:

. . . . „Съумѣю и кинжалъ
Носить съ изящнымъ видомъ забіяки“...

Что она затѣмъ и еще съумѣла — въ этомъ вся мудрость и прелесть IV и V актовъ, и этого никогда не забыть Шейлоку, если только онъ могъ еще долго пережить свое пораженіе. Несчастный, до чиста обобранный и осмѣянный, онъ, который уже было такъ хорошо наточилъ свой ножъ, былъ ею просто безъ ножа зарѣзанъ одною неумолимою послѣдовательностью юридической логики, имъ самимъ излюбленной буквы закона. Свѣтлый ореолъ, постоянно окружающій нашу красавицу, и одинъ только отличающій ее отъ ея прототипа, какъ будто нѣсколько меркнетъ при ея сдержанно-злорадномъ торжествѣ, и той жесткой разсчитанности, съ которою она постепенно подводитъ свою жертву къ неминуемой развязкѣ. Но тутъ надо различать и хорошенько помнить, что все, что̀ мы видимъ здѣсь дурнаго по нашимъ теперешнимъ понятіямъ, есть дѣло ея вѣка и того поколѣнія, все же высокое и прекрасное—ея собственное, что̀ по истинѣ даетъ ей право назваться женщиной эпохи „возрожденія“, *первой эманципированной дѣвицей въ Европѣ*, употребляя, конечно, слово въ самомъ лучшемъ и возвышенномъ смыслѣ,—эманципированной въ духѣ Платона и Аристотеля, а не въ духѣ рабынь римскаго цирка.

Въ полномъ сознаніи своихъ силъ она берется за исполненіе рискованной и трудной задачи — и не какъ Имогена, Розалинда или Целія, которыя переодѣвались въ мужчинъ вынужденныя къ тому обстоятельствами — преслѣдованія, отвергнутой любви, и пр., а по сознательному разсчету, *motu proprio*, съ высоты счастія, богатства и величія, по собственной патриціанской прихоти, она переодѣвается въ мужское платье, чтобы стать, подобно своему историческому образцу, между двухъ на смерть враждующихъ сторонъ и съ безтрепетнымъ, невозмутимымъ духомъ доказать вѣрующимъ въ непогрѣшимость логики и буквы закона, что полное удовлетвореніе вѣчныхъ требованій правды такъ же недостижимо человѣческими уставами, какъ неопредѣлимы человѣческою логикой и вѣчные законы истины.

Н. Шепелевъ.

Москва, 1892, августа 30.

ВЕНЕЦІАНСКІЙ КУПЕЦЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Дожъ Венеціи.
Принцъ Мороккскій } женихи.
Принцъ Аррагонскій }
Антоніо, Венеціанскій купецъ.
Бассаніо, его другъ.
Граціано }
Салярино } ихъ общіе друзья.
Соланіо }
Лоренцо, обожатель Іессики. [1]
Шейлокъ, богатый Еврей, отецъ Іессики.
Тубалъ, его другъ, Еврей изъ его колѣна.
Лёнчлотъ Гоббо, клоунъ, шутъ.
Старикъ Гоббо, его отецъ.
Порція, владѣтельная дама, наслѣдница.
Нерисса, дѣвица изъ ея свиты.
Іессика, [1] Еврейка, дочь Шейлока.
Бальтазаръ, Стефено, Леонардо — слуги Порціи и Бассаніо. Кромѣ того, безъименные слуги, Маньификосы, судебные пристава, тюремщики, свита и проч.

Мѣсто—частію Венеція, частію Бельмонтъ—резиденція.

---

[1] *Примѣчаніе.* Это имя должно читаться такъ, какъ еслибъ оно начиналось съ одной гласной «Е», какъ оно читается въ другихъ европейскихъ языкахъ — иначе произойдетъ, какъ измѣненіе въ имени, такъ и невозможное нарушеніе стиха.

ДѢЙСТВІЕ I.

СЦЕНА I.

Венеція. Улица.

Входятъ **Антоніо, Салярино** и **Соляніо.**

Антоніо. —Не знаю, право, почему мнѣ скучно.
Мнѣ это тяжело: вы говорите,
Что тяжело и вамъ; но ка̀къ дошелъ я
До этого, какъ это захватилъ;
И изъ чего оно порождено,
Иль создано — я-бъ самъ узналъ охотно.
И такъ мнѣ скука притупила умъ,
Что я не узнаю и самъ себя.
Салярино.—У васъ душа на зыби океана,
Гдѣ ваши же могучія суда
Съ распущенными гордо парусами,
Какъ господа, иль знатные граждане
На лонѣ водъ, иль—какъ бы такъ сказать:
Торжественное зрѣлище морей—
Та̀къ принижаютъ мелкихъ торгашей,
Что тѣ почтительно склоняются предъ ними,
Когда они несутся мимо [1]
Съ своими самодѣльными крылами.
Соляніо. —Повѣрьте, еслибъ это у меня
Такія предпріятья были въ морѣ,
То и всѣ чувства лучшія мои
Тамъ были бы вблизи моихъ надеждъ.
Я-бъ все листочки рвалъ съ травы, чтобъ знать
Откуда вѣтеръ; все-бъ смотрѣлъ на карты,

---

[1] Rev. *John Hunter*, M. A. и друг. относятъ слова: «*as thye fly*» къ «*petty traffickers*», *мелкихъ торгашей*, какъ это и было мною передано вполнѣ согласно съ поэтическимъ представленіемъ о маленькихъ судахъ, которыя на ходу всегда быстрѣе, и нѣсколько склоняются на сторону подъ напоромъ вѣтриль. Но Театральный Комитетъ въ этомъ усмотрѣлъ неточность. Въ виду того, что великое значеніе подлинника нисколько не измѣнится отъ того, такъ, или иначе будетъ понято сказанное мѣсто, я сдѣлалъ измѣненіе согласно указанію.

Гдѣ порты, пристани и рейды,—и все то,
Что возбудить могло бы опасенья
За предпріятье, дѣлало-бъ меня,
Конечно, очень скучнымъ.
Салярино.—А я такъ дуя на свой супъ, надулъ бы
Себѣ простуду, какъ подумать только,
Чего надѣлать можетъ бòльшій вѣтеръ
На океанѣ. Видѣть бы не могъ
Движенія песку въ песочной стклянкѣ, [1]
Не думая объ отмеляхъ и рифахъ;
Не видя перла изъ моихъ судовъ
Зарывшимся въ пески, склонившимъ
Высокую вершину ниже реберъ,
Чтобы лобзать свой гробъ. Хотя бы въ церковь
Пришлось пойти—священная твердыня
Напомнила бы мнѣ опасность скалъ,
Одно прикосновеніе которыхъ
Къ бокамъ любимца корабля, размечетъ
Его всѣ бакалеи по водамъ,
Одѣнетъ бурные валы въ мои шелка—
И, словомъ, что лишь вотъ—имѣло цѣну—
— И вотъ, уже не стòитъ ничего!
Имѣя смыслъ сообразить все это,
Какъ могъ бы я же не сообразить,
Что, еслибъ такъ случилось въ самомъ дѣлѣ,
Меня могло бы это сдѣлать скучнымъ?
И не толкуйте мнѣ: Антоніо, я знаю,—
Скучаетъ въ страхѣ за свои товары.
Антоніо.—Повѣрьте, нѣтъ: благодаря судьбѣ,
Мои затраты ввѣрены различнымъ
Судамъ, и не въ одномъ они районѣ;
И состояніе мое по оборотамъ
Отъ одного лишь года не зависитъ:
Выходитъ, не отъ дѣлъ моихъ мнѣ скучно.
Салярино.—Ну, если такъ, вы влюблены...
Антоніо.— Ну вотъ!—
Ну вотъ!

[1] Общеупотребительное выраженіе, говоря о песочныхъ часахъ—„бьетъ такая-то стклянка“: вмѣсто „теперь такой-то часъ“.

Салярино.— Какъ, и не влюблены?
Ну, если такъ, мы скажемъ, что вамъ скучно
Лишь отъ того, что невесело вамъ;
И что вамъ также было бы легко
Играть, смѣяться—говоря, что вамъ
Затѣмъ и весело, что вамъ не скучно.
Клянусь двуликимъ Янусомъ!—Природа
Творитъ подчасъ престранныя созданья:
Одни готовы вѣчно щурить глазки,
И хохотать подобно попугаю,
Заслыша лишь гудокъ; другіе жъ вѣчно
Съ такимъ прокислымъ, уксуснымъ лицомъ,
Что зубъ своихъ не выкажутъ улыбкой,
Хотя бы Несторъ клялся, что смѣшно—

Входятъ **Бассаніо, Граціано** и **Лоренцо.**

Соляніо.—Вотъ и Бассаніо, вашъ благородный другъ,
Грацьяно и Лоренцо. До свиданья:
Мы въ лучшемъ обществѣ оставимъ васъ.
Салярино.—Остался бы, пока развеселю васъ,
Но лучшіе друзья смѣняютъ насъ.
Антоніо. —Я вашу дружбу высоко цѣню;
Но такъ какъ васъ зовутъ свои занятья,
Вы пользуетесь случаемъ уйти.
Салярино.—Синьоры, съ добрымъ утромъ.
Бассаніо.—Друзья, когда мы будемъ вновь смѣяться?
Скажите мнѣ—когда? Вы что-то насъ
Совсѣмъ чуждаться стали—такъ-ли надо?
Салярино. - Весь нашъ досугъ въ распоряженьи вашемъ.
(**Саляр.** *и* **Солян.** *уходятъ*).
Лоренцо.--Ну, такъ какъ вы Антоніо нашли,
Мы оба васъ оставимъ; но къ обѣду
Не позабудьте мѣста нашей встрѣчи.
Бассаніо.— Не измѣню вамъ.
Граціано.—Синьоръ Антоніо, вы будто нездоровы...
Вы слишкомъ заняты дѣлами свѣта:
Тутъ, кто купилъ за многія заботы,
Ужь потерялъ предметъ своей покупки.
Повѣрьте, вы ужасно измѣнились.

Антоніо.—Я понимаю свѣтъ, какъ свѣтъ, Граціано:
Подмостки, на которыхъ каждый долженъ
Свою исполнить роль,—и мнѣ досталась
Печальная.—
Граціано.— Мнѣ-жъ дайте роль шута:
Пусть подъ веселый смѣхъ придутъ морщины...
Пусть лучше печень грѣется виномъ,
Чѣмъ сердцу коченѣть отъ скорбныхъ вздоховъ. [1]
И почему же долженъ человѣкъ,
Имѣя кровь горячую внутри,
Сидѣть подобно изваянью предка?
Спать на яву и быть брюзгой, покуда
Не разольется желчь? Вотъ что тебѣ скажу.
Антоніо, какъ я тебя люблю—
Моя любовь во мнѣ и говоритъ:
Есть люди, у которыхъ лица могутъ
Тускнѣть и меркнуть, какъ стоячій прудъ,
И сохранять серьезность напускную
Въ надеждѣ, что чрезъ то пріобрѣтутъ
Во мнѣньяхъ важность, и глубокомысленье,
И мудрость такъ, какъ еслибъ говорили:
„Я—самъ оракулъ; ни единый песъ
Не смѣй залаять, какъ разину ротъ“.
О, мой Антоніо, я знаю и такихъ,
Что потому лишь прослыли за умныхъ,
Что все молчатъ; а то, увѣренъ, только
Заговори—ввели бы въ грѣхъ тѣ уши,
Которыя, ихъ слыша, не могли бы
Не обозвать глупцами ближнихъ.

[1] Здѣсь поэтомъ дѣлается указаніе на одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ примѣровъ вліянія душевнаго настроенія на происхожденіе тѣлесныхъ недуговъ. *Брезгливость* причисляется къ тѣмъ душевнымъ разстройствамъ, которыя д-ръ Коплэндъ въ своемъ *Медицинскомъ Словарѣ* полагаетъ «самой обыкновенной возбудительной причиной желтячки». То, что говоритъ Граціано о вліяніи унынія на температуру сердца, и вина на печень, имѣетъ также непосредственную связь съ медицинскими науками. (Rev. John Hunter.) Не удивительно ли, что человѣкъ, находившійся по своему положенію совершенно внѣ сферы науки и профессіональныхъ ученыхъ, былъ такъ коротко знакомъ съ самыми послѣдними выводами ихъ научной спеціальности, что они всегда и при всякомъ случаѣ „были тотчасъ же у него на языкѣ“...

Подробнѣе о семъ въ другое время:
Но не уди такой приманкой грусти
Ты пискаря-глупца—такое мнѣнье.
Идемъ, Лоренцо: будьте же пока
Здоровы; проповѣдь мою закончу
Послѣ обѣда.

Лоренцо.— Ну, и такъ мы съ вами
Разстанемся до времени обѣда.
Мнѣ предстоитъ быть, кажется, однимъ
Изъ этихъ молчаливыхъ мудрецовъ,
Такъ какъ Граціано никогда не дастъ
Мнѣ говорить.

Граціано.— Да, вотъ побудь со мною
Еще годочка съ два, такъ не узнаешь
Ты голоса, пожалуй, своего.

Антоніо.— Прощайте: а то, право, станешь самъ
Говоруномъ подъ-стать съ говорунами.

Граціано.—Благодарю за честь: такъ какъ молчанье
Лишь хорошо въ копченомъ языкѣ,
Да въ непродажной дѣвѣ. *(Уходятъ* Грац. *и* Лор.*)*.

Антоніо.— Ну,—вотъ такъ:
И что теперь онъ въ сущности сказалъ?

Бассаніо.—Граціано наскажетъ безконечное количество „ничего", какъ никто во всей Венеціи: его разсужденія какъ два зерна пшеницы въ двухъ четверикахъ мякины: надо проискать цѣлый день, чтобъ ихъ найти, а когда найдешь, то увидишь, что они не стоили, чтобъ ихъ искать.

Антоніо.—Ну, хорошо; скажи же мнѣ теперь,
Что̀ это за особа, для которой
Ты далъ обѣтъ паломничества втайнѣ,
О чемъ хотѣлъ мнѣ нынче разсказать.

Бассаніо.—Тебѣ, Антоніо, не безъизвѣстно,
Какъ я свое разстроилъ состоянье,
Выказывая въ нѣкоторомъ родѣ
Жизнь болѣе роскошную и пышность,
Чѣмъ то мои оправдывали средства.
Я не ропщу, что я теперь обрѣзанъ
Въ патриціанскихъ прихотяхъ моихъ;
Но главная моя забота—выдти
Съ достоинствомъ изъ множества долговъ,

Въ которые я впутался въ то время,—
Шальное точно, въ нѣкоторомъ родѣ...
Тебѣ, Антоніо, я долженъ больше всѣхъ
И деньгами, и дружбой; въ той же дружбѣ
Я черпаю увѣренность и смѣлость
Открыть тебѣ всѣ замыслы мои,
Какъ выпутаться мнѣ изъ всѣхъ долговъ.

Антоніо. — Прошу тебя мнѣ объяснить, въ чемъ дѣло:
И если все, какъ любишь ты и самъ,
Согласно съ чувствомъ чести, будь увѣренъ,
Мой кошелекъ, я самъ, мои всѣ средства—
Отверзто все въ твое роспоряженье.

Бассаніо.—Въ дни дѣтства, какъ бывало промахнусь
Одной стрѣлой, я ей вослѣдъ другую
Пускалъ опять туда же, съ той же силой,
Но съ болѣе разсчитаннымъ прицѣломъ,
Чтобъ ту найти; и часто такъ рискуя
Обѣими, я обѣ находилъ.
Я выставляю этотъ дѣтскій опытъ,
Такъ какъ ребячество и то, что будетъ дальше...
Я много долженъ, и—безпутный малый—
Все, что я долженъ, пусть за мной пропало.
Но еслибы попробовать пустить
Стрѣлу другую въ томъ же направленьи,
Въ какомъ пускалась та—не сомнѣваюсь,
Что, постаравшись лучше взять прицѣлъ,
Я иль найду ихъ обѣ, иль послѣдній
Твой рискъ я возвращу тебѣ, а въ первомъ
Признательнымъ останусь должникомъ.

Антоніо.—Меня ты знаешь, и лишь тратишь время,
Такъ около ходя издалека;
И ужь, конечно, для меня обиднѣй
Сомнѣніе твое въ моей любви,
Чѣмъ если спустишь все, что я имѣю;
Скажи же просто, чтò я долженъ дѣлать,
И чтò по твоему могу я сдѣлать—
Et j'y suis, [1]—а потому—вѣщай.

---

[1] Слово «prest» не англійское, а старинное французское, итальянское «presto», и употреблено здѣсь въ подлинникѣ вмѣсто англійскаго «ready»;

Бассаніо.—Есть знатная наслѣдница въ Бельмонтѣ.
И хороша она,—но дивныхъ свойствъ
Ея не выразитъ вамъ это слово.
Изъ глазъ ея я получалъ порой
Прекрасныя, безмолвныя посланья...
Ей имя—Порція: ничѣмъ она не ниже
Супруги Брута, дочери Катона.
И полонъ міръ хвалой ея достоинствъ:
Всѣ страны свѣта къ ней изъ всѣхъ концовъ
Шлютъ знатныхъ жениховъ; а на чело
Ей ниспадаютъ солнечныя кудри,
Какъ бы руно златое... И сталъ за́мокъ
Ея, Бельмонтъ,—Колхидскимъ лукоморьемъ
И многіе плывутъ къ нему Язоны. [1]
О, мой Антоніо, имѣй я только средства,
Чтобъ потягаться хоть съ однимъ изъ нихъ,—
Есть у меня предчувствіе успѣха,
Есть вѣра, что я выйду съ торжествомъ.

Антоніо.—Ты знаешь—всѣ мои богатства въ морѣ;
И у меня ни денегъ, ни товара,
Чтобъ обратить въ наличность: потому
Немедленно отправься, попытай,
Что̀ можетъ мой въ Венеціи кредитъ;
Его мы выжмемъ, вытянемъ до нельзя,
Чтобъ только снарядить тебя въ Бельмонтъ
Къ прекрасной этой дамѣ. Такъ идемъ;
Разузнавай—я также,—гдѣ есть деньги?
При этомъ безразлично для меня—
Подъ мой кредитъ, иль лично для себя. *(Уходятъ.)*

а потому это мѣсто и передано по-французски, какъ шутливый оборотъ рѣчи между друзьями.

[1] Золотистыя кудри вообще превозносились въ то время въ знакъ непрямой тонкой лести королевѣ Елисаветѣ, у которой волосы были просто песочнаго цвѣта. (См. *характеристику главнаго лица* въ концѣ предисловія.) Они даже до того вошли въ моду, что тогдашнія щеголихи и львицы, если у какой были отъ природы свои прекрасные черные локоны, считали непозволительнымъ не носить рыжихъ накладныхъ волосъ, какъ это можно дальше видѣть въ разсужденіи надъ ларцами Бассаніо. И тутъ l'histoire se répéte...

СЦЕНА II.

Бельмонтъ. Покои за́мка.

Порція и Нерисса.

Порція.—По правдѣ сказать, Нерисса, мое маленькое существо начинаетъ тяготиться этимъ большимъ свѣтомъ.

Нерисса.— Было бы такъ, еслибы вмѣсто вашихъ успѣховъ вы испытывали однѣ неудачи. Но, какъ погляжу, пресыщеніе отъ излишества такъ же нездорово, какъ и изнуреніе отъ нужды: выходитъ, это не малое счастье умѣть довольствоваться малымъ. Изобиліе скорѣе доводитъ до сѣдыхъ волосъ, и только довольство долговѣчно.

Порція.—Мысли хороши, и высказаны не дурно.

Нерисса.—Еще было бы лучше, еслибъ имъ слѣдовали.

Порція.—Еслибы дѣлать было такъ же легко, какъ знать, что̀ хорошо было бы дѣлать, часовенки стали бы церквами, а нищенскія хижины дворцами. Это ужь хорошій проповѣдникъ, который самъ исполняетъ свои назиданія: мнѣ легче научить двадцать человѣкъ, что̀ хорошо бы сдѣлать, чѣмъ быть одною изъ этихъ двадцати, которая послѣдовала бы моему собственному ученію. Сколько мозгъ ни изобрѣтай законовъ для нашихъ чувствъ, страстныя натуры перепрыгиваютъ чрезъ холодныя правила. Безумная юность, какъ заяцъ, всегда перескочитъ черезъ сѣти инвалида—мудраго совѣта. Но всѣ эти разсужденія не таковы, чтобы выбрать мнѣ мужа. О, я несчастная! Это слово—выбрать! Я не могу ни выбрать кого бы я хотѣла, ни отказать тому, кого не хочу: такъ-то желанія живой дочери подчинены желанію покойнаго отца.— Ну, не жестоко ли это, Нерисса, что я не могу ни выбрать кого бы то ни было, ни отказать никому.

Нерисса.—Вашъ батюшка былъ всегда добродѣтеленъ, а людямъ святой жизни бываютъ въ минуту смерти добрыя наитія: такимъ образомъ, эта игра въ случай, придуманная имъ съ этими тремя ларцами изъ золота, серебра и свинца (изъ которыхъ кто выберетъ по его мысли, тотъ и выберетъ васъ), безъ сомнѣнія, наведетъ на правильный выборъ только того, кого вы можете истинно полюбить. Но есть ли въ васъ какое-нибудь чувство хоть къ одному изъ высокихъ соискателей, которые уже явились?

Порція.—Перебирай ихъ, пожалуста, по именамъ, а я, по мѣрѣ того, какъ ты будешь называть ихъ, буду ихъ описывать, и по моимъ описаніямъ ты можешь угадать мои чувства.

Нерисса.—Итакъ, первый: неаполитанскій принцъ.

Порція.—Ну, это просто какой-то жеребенокъ: онъ ни о чемъ больше не можетъ говорить, какъ о своей лошади, и поставляетъ это въ великую заслугу своимъ талантамъ, что самъ можетъ подковать ее. Право, мнѣ кажется, ужь не знавалась ли его маменька съ кузнецомъ.

Нерисса.—Затѣмъ, есть у насъ Палатинскій графъ.

Порція.—Только и дѣлаетъ, что хмурится, какъ будто говоря: „Что̀ жь, если меня не желаете,—выбирайте"... Слушаетъ смѣшное, и не улыбнется:—Этотъ, мнѣ кажется, къ старости превратится въ плачущаго философа: такъ преисполненъ онъ неприличной скуки въ молодости. Лучше ужь выйти замужъ за мертвую голову съ костью во рту, чѣмъ за кого-нибудь изъ этихъ двухъ. Боже упаси меня отъ нихъ!

Нерисса.—А что̀ скажете о французскомъ грандѣ, monsieur le Bon?

Порція.—Богъ сотворилъ его, и потому—идетъ за человѣка. Ну, право, я знаю, что грѣхъ быть насмѣшницей. Но этотъ!.. Помилуйте, у него лошадь еще лучше, чѣмъ у Неаполитанца; дурная привычка хмуриться еще лучше, чѣмъ у Палатинскаго графа: онъ просто всѣ — и никто: сто̀итъ защелкать дрозду, и онъ ужь начинаетъ подпрыгивать; драться на рапирахъ готовъ хоть съ собственною тѣнью. Если я выйду за него, то у меня будетъ двадцать мужей. Еслибъ онъ вздумалъ мнѣ оказывать пренебреженіе, я и это простила бы ему; потому что еслибы даже онъ любилъ меня до безумія, то никогда бы не встрѣтилъ отвѣта.

Нерисса.—Ну, въ такомъ случаѣ, что̀ скажете о Фольконбриджѣ,—юномъ англійскомъ баронетѣ?

Порція.—Ты знаешь, мы не говоримъ съ нимъ, потому что ни онъ меня не понимаетъ, ни я его: онъ ни по-латыни, ни по-французски, ни по-итальянски... а я—ты можешь принять судебную присягу, какъ жалокъ мой копѣечный англійскій. Это картинка статнаго мужчины; но увы! какъ подѣлиться мыслями съ живою картиной? И какъ онъ всегда странно одѣтъ. Мнѣ такъ и кажется, что его дублетъ пріобрѣтенъ имъ въ Италіи, панталоны во Франціи, шапочка въ Германіи, а манеры—по всему свѣту.

Нерисса.—А что̀ вы думаете о шотландскомъ лордѣ, его сосѣдѣ?

Порція.—Что онъ преисполненъ сосѣдскаго благодушія, такъ какъ, занявъ пощечину у Англичанина, поклялся ее возвратить ему при первой возможности: кажется, Французъ взялся быть за него поручителемъ, и подписался на другую. [1]

Нерисса.—А какъ вамъ нравится юный Германецъ, племянникъ Саксонскаго герцога?

Порція.—Довольно противенъ утромъ, когда еще не пьянъ, и невыносимъ послѣ полудня, когда уже пьянъ: въ самомъ лучшемъ своемъ видѣ онъ нѣсколько хуже человѣка; въ худшемъ же немного лучше животнаго. Еслибы меня постигло самое худшее, что̀ только можетъ случиться, ужь что-нибудь придумаю, чтобъ избавиться отъ него.

Нерисса.—А если онъ потребуетъ участія въ выборѣ и выберетъ ларецъ настоящій,—вы должны будете отказать въ повиновеніи волѣ вашего отца, если вы отъ него откажетесь.

Порція.—Потому, во избѣжаніе худшаго, поставь, пожалуста, добрую стопу рейнскаго на *не тотъ ларецъ:* будь тамъ хоть чортъ внутри, а это искушеніе снаружи,—я знаю, что онъ его выберетъ. Я скорѣе на все пойду, Нерисса, чѣмъ соглашусь выйти за губку.

Нерисса.—Ну, вамъ ужь нечего опасаться этихъ господъ: они сообщили мнѣ свои намѣренія, которыя собственно въ томъ, чтобы возвратиться во-свояси и не безпокоить васъ больше своимъ сватовствомъ, если ужь васъ невозможно добыть никакимъ другимъ способомъ, кромѣ указаннаго вашимъ отцомъ, посредствомъ выбора ларцовъ

Порція.—Хотя бы я дожила до ветхихъ лѣтъ Сибиллы, [2] я умру чиста, какъ Діана, если не буду взята согласно послѣдней волѣ моего отца. Очень рада, что эта партія соискателей оказалась такъ благоразумна, такъ какъ нѣтъ ни одного изъ нихъ, котораго отсутствія я не желала бы страстно, и не молила бы Бога о его благополучномъ отъѣздѣ.

---

[1] Саркастическій намекъ на тогдашнія политическія отношенія, причемъ Шотландія постоянно ожидала помощи со стороны Франціи во всѣхъ ея столкновеніяхъ съ Англіей; и въ угоду національному самолюбію здѣсь предполагается, что и Франція также будетъ поколочена.

[2] Знаменитѣйшая изъ Сибиллъ была та, которая пророчествовала въ Кумахъ, и когда Аполлонъ изъ любви къ ней обѣщалъ исполнить всякую ея просьбу, чего бы она ни пожелала—просила, чтобъ ей было даровано столько же лѣтъ жизни, сколько песчинокъ она держала въ своей горсти. И ей было дано долголѣтіе; но впослѣдствіи она горько сѣтовала, что не догадалась тогда же включить въ свою просьбу также и о продленіи красоты и силъ юности.

Нерисса.—А помните, еще при жизни вашего отца—одинъ Венеціанецъ, такой начитанный, и воинъ—пріѣзжалъ сюда въ свитѣ маркиза Монферрато?

Порція.—Да, да, Бассаніо,—такъ, кажется, его звали?

Нерисса.—Именно: вотъ кто изо всѣхъ мужчинъ, на комъ только останавливались мои глупые глаза, заслуживалъ бы жену красавицу.

Порція.—Я помню его хорошо, и помню, что онъ достоинъ твоей похвалы...—Чего тамъ? Что̀ еще?

Входитъ слуга.

Слуга.—Четыре чужеземца ожидаютъ вашей милости, чтобы откланяться; а еще прибылъ курьеръ отъ пятаго съ извѣстіемъ, что его повелитель, принцъ Мороккскій, прибудетъ сюда нынче къ вечеру.

Порція.—Еслибъ я могла съ такимъ же искреннимъ удовольствіемъ привѣтствовать пятаго, съ какимъ иду проводить этихъ четырехъ—я была бы, значитъ, очень рада его пріѣзду. Если у него, при всѣхъ качествахъ святаго, цвѣтъ кожи и наружность дьявола, то мнѣ было бы пріятнѣе имѣть его своимъ духовникомъ, чѣмъ своимъ мужемъ.—Идемъ, Нерисса! А ты впередъ, любезный.—Только-что выпроводимъ за дверь одного поклонника, другой уже стучится въ двери. *(Уходятъ.)*

СЦЕНА III.

Венеція. Площадь.

Входятъ Бассаніо и Шейлокъ.

Шейлокъ.—Три тысячи дукатовъ, хорошо—

Бассаніо.—Такъ точно—на три мѣсяца, синьоръ—

Шейлокъ.—На три мѣсяца,—хорошо—

Бассаніо.—Въ каковыхъ, какъ я уже вамъ говорилъ, обязательство на Антоніо—

Шейлокъ.—И обязательство на Антоніо,—хорошо—

Бассаніо.—Можете ли вы помочь мнѣ? Угодно ли вамъ одолжить меня? Узнаю ли я вашъ отвѣтъ?

Шейлокъ.—Три тысячи дукатовъ,—на три мѣсяца—и обязательство на Антоніо.

Бассаніо.—Вашъ на это отвѣтъ.

Шейлокъ.— Антоніо хорошій человѣкъ.

Бассаніо.—Развѣ вы слышали, чтобы кто-нибудь утверждалъ противное?

Шейлокъ.—О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ; говоря, что Антоніо хорошій человѣкъ, я хотѣлъ бы, чтобы вы меня поняли въ томъ смыслѣ, что онъ благонадеженъ; но все же его средства только предположительны: одинъ корабль у него на пути къ Триполи, другой въ Индію; кромѣ того, какъ я могъ понять на Ріальто, у него третій въ Мексикѣ, четвертый пошелъ въ Англію; есть у него еще и другія предпріятія, раскиданныя здѣсь и тамъ. Но корабли только доски, моряки только люди: есть сухопутныя крысы, и морскія крысы; сухопутные воры, и морскіе воры; я разумѣю—пираты; и потомъ, есть опасности и отъ вѣтровъ, и отъ волнъ, и отъ скалъ. Человѣкъ, несмотря на то, благонадеженъ.—Три тысячи дукатовъ—Я думаю, я могу взять его обязательство.

Бассаніо.—Будьте увѣрены, что можете.

Шейлокъ.—Желаю быть увѣренъ, что могу; а чтобъ я могъ быть увѣренъ, желаю подумать. - Могу я говорить съ самимъ Антоніо?

Бассаніо.—Не угодно ли вамъ будетъ отобѣдать съ нами?

Шейлокъ.—Такъ!—Чтобъ нанюхаться свинины; вкусить отъ обиталища, въ которое вашъ пророкъ, Назарянинъ, загналъ заклинаніями дьявола! Я готовъ торговать съ вами, покупать—продавать съ вами, прогуливаться съ вами и такъ далѣе... Но я никогда не стану ѣсть съ вами, пить съ вами, молиться съ вами.—Что̀ новаго на Ріальто?[1]—Кто это такой идетъ сюда?

Входитъ **Антоніо.**

Бассаніо.—Это самъ синьоръ Антоніо.

Шейлокъ.. (Про себя.)—Какъ онъ на льстиваго кабатчика похожъ![2]
Онъ ненавистенъ мнѣ, и какъ христіанинъ,
И еще больше тѣмъ, что въ низкомъ простофильствѣ,

[1] Ріальто сперва называлось *L'Isola del rivo alto*, то-есть островъ глубокаго потока, или теченія, такъ какъ омывавшій его берегъ морской эстуарій былъ достаточно глубокъ для принятія значительныхъ судовъ. Ріальто стало также названіемъ и моста, соединяющаго островъ съ кварталомъ св. Марка; впослѣдствіи подъ этимъ именемъ всегда уже разумѣлась устроенная на островѣ) биржа. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ оно здѣсь и употребляется.

[2] Слово „publican"—трактирщикъ, кабатчикъ (нашъ прежній цѣловальникъ употребляется въ этомъ смыслѣ до сихъ поръ и въ *Times*, и въ другихъ мѣстахъ, когда говорится, напримѣръ, объ ограниченіи продажи спиртныхъ

Ссужаетъ деньги даромъ, понижая
У насъ въ Венеціи размѣръ процента.
Когда-бъ хоть разъ ему вцѣпиться въ ляжку,
Насыщу застарѣлую я злобу.
Онъ ненавидитъ избранный народъ;
Ругается надъ нами даже тамъ,
Гдѣ наибольше сходятся купцы;
И надо мной, моими барышами,
И прибыльми стяжанными безгрѣшно,
Которыя онъ называетъ лихвой.
Будь проклято мое колѣно, если
Ему прощу!

Бассаніо.— Вы слышите, Шейлокъ?

Шейлокъ.—Я тутъ соображаю, чѣмъ могу
Располагать сейчасъ,—и нахожу,
По приблизительной, на память, смѣтѣ,
Что тотчасъ не могу собрать всей суммы—
Трехъ тысячей дукатъ.—Что̀ изъ того?
Зажиточный Еврей изъ моего колѣна
Снабдитъ меня [1].—Но стойте: Вы-бъ хотѣли
На сколько мѣсяцевъ?—Всѣ блага вамъ, синьоръ:
(Это къ Антоніо, котораго будто бы только-что увидалъ).
Вы были только-что у насъ на языкѣ.

Антоніо.—Шейлокъ, хоть не беру и не даю
Я въ долгъ, не признавая права роста;
Но чтобъ помочь, вотъ, другу въ затрудненьи,
Нарушу правило.— *(Къ Бассаніо.)*
Извѣстно ли ему
Количество?

Шейлокъ. — Да-да! Три тысячи дукатовъ.

напитковъ въ Индіи. Но Московскій Театральный Комитетъ предлагаетъ передать это словомъ „*мытарь*“. Вопервыхъ, этого слова, хотя быть-можетъ и болѣе литературнаго, нѣтъ въ подлинникѣ, а потомъ, ка̀къ согласить его съ прилагательнымъ „льстивый“, „ласкающійся“—„fawning“, эпитетъ мало идущій къ мытарю и, какъ извѣстно, вполнѣ идущій къ заманивающему кабатчику.

[1] Здѣсь должно замѣтить, что надежда лица еврейскаго племени на помощь своего единовѣрца даже въ вопросахъ такого исключительнаго свойства основана прямо на словахъ самого Писанія: „Иноземцу отдавай въ ростъ, а брату твоему не отдавай въ ростъ, чтобы Господь Богъ твой благословилъ тебя во всемъ“... Второзак. XXIII, 20. (Rev. Iohn Hunter, M. A.)

Антоніо.—И на три мѣсяца.

Шейлокъ.— Я и забылъ—

Три мѣсяца—вы говорили такъ.

Что̀-жь, ваше обязательство—и вотъ

Увидимъ.—Но, послушайте, однако:

Мнѣ показалось, вы сказали, что

Не занимаете и не даете денегъ

Для прироще́нья.—

Антоніо.— Этого не дѣлалъ.—

Шейлокъ.—Когда Іаковъ пасъ стада овецъ

У дяди своего Лавана,—сей Іаковъ

Отъ нашего святаго Авраама—

(Свершеньемъ мудрой матери своей)

Сталъ третьимъ въ родѣ; да, да, онъ сталъ третьимъ.

Антоніо.—Къ чему же тутъ о немъ? И онъ бралъ лихву?

Шейлокъ.—Не лихву, нѣтъ; не то, что̀ бъ вы назвали

Такъ прямо лихвой; нѣтъ: вотъ что̀ Іаковъ сдѣлалъ:—

Когда они съ Лаваномъ согласились,

Что всѣ съ полосками и пестрые ягнятки

Должны пойти Іакову за трудъ; [1]

И поздней осенью, прійдя въ охоту, овцы

Сошлись съ баранами, и дѣло зарожденья

Когда межь волосатыхъ совершалось—

Искусный пастырь снялъ мнѣ съ прутьевъ кожу,

И въ самомъ актѣ воспроизведенья

Натыкалъ ихъ предъ блудящими овцами...

Тѣ тутъ же зачали—во время же ягненья

Всѣ наплодили пестренькихъ ягнятокъ;—

А эти всѣ—Іакова. Вотъ это

Былъ путь къ преумноженію богатства;

И Яковъ былъ благословенъ; и прибыль

Благословенна,—если то не кража.

Антоніо.—Удачный случай, наградившій службу,

[1] Измѣненія, утвержденныя Драматическою Цензурой на случаи представленія на сценѣ:

И овцы осенью съ баранами сошлись—
Искусный пастырь снялъ мнѣ съ прутьевъ кожу
И, распестривъ, наставилъ ихъ вездѣ
Передъ овцами—тѣ жъ, въ пору ягненья,
Всѣ наплодили пестренькихъ ягнятокъ;—

Направленный небесною рукой,
Чего безъ этого Іакову-бъ не сдѣлать.
Что̀-жь, это вставлено, чтобъ оправдать лихву?
Иль ваше золото и серебро—
Овечки и бараны?

Шейлокъ.—Я не могу сказать: я заставляю
Ихъ такъ же множиться.—Но вникните, синьоръ—

Антоніо.—Бассаніо, замѣть на всякій случай—
И дьяволъ можетъ приводить Писанье
Себѣ въ угоду. Злобная душа,
Ссылаясь на свидѣтельства святыя,
Что негодяй съ привѣтливымъ лицомъ:
Красивый плодъ, прогнившій въ сердцевинѣ.
Какихъ прикрасъ не принимаетъ лживость!

Шейлокъ.—Три тысячи дукатовъ—ничего:
Хорошенькая, кругленькая сумма.
Три изъ двѣнадцати—счесть, сколько будетъ въ мѣсяцъ...

Антоніо.—Ну что̀-жь, Шейлокъ, надѣяться на васъ?

Шейлокъ.—Синьоръ Антоніо, не разъ, а много разъ
Меня вы на Ріальто поносили
За капиталъ мой, и за сроки роста.
Я выносилъ все это постоянно
Лишь съ терпѣливымъ пожиманьемъ плечъ:
Терпѣнье—знамя нашего народа.
Вы обзывали извергомъ меня,
Собакой кровожадной, и плевали
На мой еврейскій плащъ; и это все—
За пользованье тѣмъ, что̀ есть мое же...
Ну, хорошо—теперь какъ бы выходитъ,
Что вы нуждаетеся въ помощи моей:
Давно бы такъ: пожалуйте!—Вотъ вы
Приходите ко мнѣ и говорите,
„Шейлокъ, намъ нужны деньги", говорите,
Вы, извергавшіе свою слюну
Мнѣ въ бороду мою, пинками въ спину
Толкавшіе меня, какъ пса бродяща
Чрезъ свой порогъ: теперь вамъ нужны деньги—
Что мнѣ сказать на это вамъ? Сказать ли:
„Есть у собаки деньги? То возможно-ль,
Чтобъ песъ ссудилъ три тысячи дукатовъ?"

Иль мнѣ пригнуться, и въ холопскомъ тонѣ,
Подобострастнымъ, робкимъ шепоткомъ
Такъ вамъ сказать: „Прекраснѣйшій синьоръ,
Въ ту середу вы на меня плевали;
Меня вы тамъ-то встрѣтили пинками
Въ такой-то день; въ другое время вы
Изволили назвать меня собакой:
И за любезности такого рода
Какъ не ссудить вамъ столько-то дукатокъ?"
Антоніо.—Намѣренъ такъ честить тебя и впредь,
Плевать, а можетъ и толкать ногою.
Когда намъ ссудишь деньги, такъ ссужай
Не какъ друзьямъ—зачѣмъ?—когда же дружба
Беретъ приплодъ съ безплоднаго металла? [1]
Ссужай намъ деньги, какъ своимъ врагамъ:
Тогда ты можешь въ случаѣ просрочки
Съ пріятнымъ видомъ вытребовать пеню.
Шейлокъ.—Ай!—Посмотрѣть, въ какомъ же вы волненьи!
А я бы такъ хотѣлъ быть въ дружбѣ съ вами,
Пріобрѣсти любовь, забыть позоръ,
Какимъ меня пятнали, васъ снабдить
Въ теперешней нуждѣ, не взявъ полушки
За продержанье вами капитала;
А вы меня и слушать не хотите:
Я предлагаю вамъ отъ доброты.
Антоніо.—Ужь то была-бъ и точно доброта.
Шейлокъ.—И эту доброту я окажу:
Идемъ къ нотаріусу; подпишите
Тамъ обязательство, простое, на себя;
И такъ только,—ну просто, ради шутки,

[1] Противники ростовщичества утверждали, что въ немъ заключается нарушеніе субботы, такъ какъ деньги вынуждаются приносить доходъ во всѣ дни недѣли, и что даже вовсе ни съ чѣмъ не сообразно взымать проценты, по причинѣ естественной безплодности металла, который не можетъ порождать, какъ скотъ, или зерновой хлѣбъ. Миресъ говоритъ: „ростовщичество и прибыль въ серебрѣ и въ золотѣ незаконны, потому что противны самой природѣ, которая создала ихъ безплодными; ростовщичество же заставляетъ ихъ порождать". Въ этомъ же родѣ высказывался и Бэконъ Веруламскій въ своихъ „Опытахъ". Антоніо прямо цѣликомъ, и здѣсь и дальше, выражается ихъ словами.

Что если не послѣдуетъ уплаты
Мнѣ съ васъ въ такой-то день, въ такомъ-то мѣстѣ,
Такой-то суммы, иль такихъ-то суммъ,
Означенныхъ въ контрактѣ—неустойкой
Пусть будетъ ровно фунтъ живаго мяса,
Которое мнѣ вырѣзать и взять
Изъ тѣла вашего въ какомъ угодно мѣстѣ.

Антоніо.—Готовъ, ей-ей! Подъ обязательствомъ такимъ
Я подпишусь, и стану утверждать,
Что доброта бываетъ и въ Жидѣ.

Бассаніо.—Ты обязательства такого не подпишешь
Изъ-за меня.—Пусть лучше я нуждаюсь...

Антоніо.—Чего! Вотъ испугался: не просрочу...
Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ,—что будетъ
Какъ разъ за мѣсяцъ до исхода срока,—
Я ожидаю возвращенья втрое
Утроенной цѣны всей этой ссуды.

Шейлокъ.—О, отче Авраамъ! Вотъ каковы
Всѣ эти христіане, у которыхъ
Жестокость собственныхъ ихъ дѣлъ ихъ учитъ
Подозрѣвать намѣренья другихъ.
Скажите мнѣ, прошу васъ, только это:
Какъ скоро онъ нарушитъ данный срокъ,
Что̀ я возьму взысканьемъ неустойки?
Фунтъ человѣческаго мяса, взятый
Изъ человѣка—и не столько цѣненъ,
И менѣе полезенъ, чѣмъ фунтъ мяса
Быка, козла, барана. Говорю же—
Чтобъ пріобрѣсть его расположенье
Такъ далеко я простираю дружбу:
Захочетъ онъ принять ее—пусть такъ;
Нѣтъ—и прощайте.—За мою-жъ любовь
Я васъ прошу, меня не обижайте.

Антоніо.—Подъ обязательствомъ я подпишусь, Шейлокъ.

Шейлокъ.—Тогда къ нотаріусу прямо—прикажите,
Чтобъ изготовилъ сей забавный актъ;
А я явлюсь, и вамъ вручу дукаты.
Домой навѣдаться, а то оставилъ домъ
На попеченье нерадивой твари—
И то̀тчасъ же я съ вами. *(Уходитъ.)*

Антоніо. — Посиѣши,
Милѣйшій Жидъ! —Еврей нашъ сталъ любезенъ:
Пожалуй, обратится въ христіанство.
Бассаніо. —Не по нутру мнѣ выгодность условій,
Предложенныхъ предательской душой.
Антоніо. —Пойдемъ; совсѣмъ напрасная забота;
Мои суда придутъ за мѣсяцъ до разсчета.

(Уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ II.

СЦЕНА I.

Бельмонтъ Залъ въ замкѣ.

Входятъ: **принцъ Морокко** *и его свита;* **Порція, Нерисса** *и прочіе изъ домашнихъ. Тушъ роговъ.*

Морокко. —Не отвергай меня по цвѣту кожи.
Ливреѣ темной пламеннаго солнца,
Которому сосѣдъ я и питомецъ.
Пусть явится прекраснѣйшій изъ всѣхъ,
Рожденныхъ въ царствахъ полуночи, гдѣ
Отъ Фебовыхъ лучей не таетъ иней—
И сдѣлаемъ надрѣзы въ знакъ любви:
Чья кровь краснѣй—его, или моя? [1]
Скажу тебѣ, что этотъ образъ мой
Безстрашныхъ устрашалъ; моей любовью.
Клянусь, наипочетнѣйшія дѣвы
Странъ солнечныхъ—и тѣ его любили.
Я не хотѣлъ-бы измѣнить свой цвѣтъ,
Какъ лишь затѣмъ, чтобы твои мечты
Склонить къ себѣ, прекрасная царица.
Порція. —Въ условьяхъ выбора мнѣ не дано
Руководиться дѣвственнымъ капризомъ;
И лотерейный смыслъ моей судьбы

[1] Монтэнь въ своихъ „Опытахъ“ 1, 40, говоритъ: „у Турокъ есть обыкновеніе наносить себѣ раны въ честь своихъ красавицъ“. Алая кровь была всегда традиціоннымъ признакомъ отваги и мужества. Потому и Бассаніо дальше упоминаетъ о трусахъ, у которыхъ печень такъ же бѣла, какъ молоко.

Лишилъ меня свободы при избраньи.
Но еслибъ не стѣснилъ меня отецъ,
Не ограничилъ вымысломъ своимъ—
Отдаться въ жены только подъ условьемъ,
Которое я объясняла вамъ,
То Вы-бы были, достославный принцъ,
Въ моихъ глазахъ не менѣе прекрасны,
Чѣмъ кто-либо изъ посѣтившихъ насъ. [1]

Морокко.— Благодарю Васъ даже и за это.
И такъ прошу Васъ—пусть меня сведутъ
Передъ ларцы, чтобъ попытать мнѣ счастья.
Клянусь кривымъ мечемъ, сразившимъ Софи,
Персидскаго царевича, въ трехъ битвахъ
Разбившаго Султана Солимана,—
Что пересилю самый грозный взглядъ. [2]
Встревожу духъ отважнѣйшій на свѣтѣ,—
Схвачу сосущихъ малыхъ медвѣжатъ
Изъ-подъ медвѣдицы, готовъ дразнить
Рыкающаго по добычѣ льва,—
Чтобъ овладѣть тобой.—Но что̀ все это?
Когда Гераклъ съ Лихасомъ мечутъ кости,
Кто бо̀льшій тутъ изъ нихъ? Счастливый случай
Дастъ болѣе очковъ рукѣ слабѣйшей:
И вотъ, Алкидъ побитъ своимъ слугой.
И я могу по слѣпотѣ судьбы,
Впавъ въ заблужденье, не достичь того,
Чего достигнетъ менѣе достойный—
И съ горя умереть...

Порція.—Вамъ надо взять свой жребій...
И—или не пытайтесь выбирать,
Иль выбирайте, но сперва давъ клятву,
Что если выборъ будетъ неудаченъ,

---

[1] Тонкая насмѣшка надъ чернотою принца (пре-*красны*), еще болѣе замѣтная въ подлинникѣ отъ непереводимой игры словъ: fair—прекрасный, и fair—бѣлокурый, свѣтлый... Порція не терпитъ всѣхъ своихъ жениховъ, и потому послѣдняя ея любезность скорѣе отзывается дерзостью; но какъ насмѣшка, такъ и дерзость смягчаются въ ея сознаніи тѣмъ, что этотъ чужеземецъ не могъ понять ни того, ни другаго.

[2] Въ замѣткѣ Театральнаго Комитета выражена догадка, что этотъ буквально переданный стихъ (существуетъ и другое чтеніе „over-stare“, что̀ будетъ то же самое), значитъ *заставлю потупиться*... Я совершенно того же мнѣнія.

Вы больше съ женщиной не заведете рѣчи
О бракѣ никогда: такъ взвѣсьте-жь все...
Морокко.—Да будетъ: я готовъ нести свой жребій.
Порція.—Сперва пойдемте въ храмъ; послѣ обѣда
Вы можете допрашивать судьбу.
Морокко.—И такъ, слѣпаго счастья приговоръ—
Блаженство, или горестный позоръ.
(Уходятъ при звукѣ роговъ.)

СЦЕНА II.

Венеція. Улица.

Входитъ Ленчелотъ Геббо. [1]

Ленчелотъ.—Разумѣется, моя совѣсть меня оправдаетъ, если убѣгу отъ этого жида, моего хозяина: бѣсъ-то все толкаетъ меня подъ локоть и искушаетъ, говоря: „Гоббо, Ленчелотъ Гоббо, добрый Ленчелотъ, или добрый Гоббо, или добрый Ленчелотъ Гоббо, употреби въ дѣло свои ноги, возстань и спасайся!“ А совѣсть-то говоритъ: „нѣтъ, берегись, честный Ленчелотъ; берегись, честный Гоббо“, или, какъ это вышеупомянуто: „честный Ленчелотъ Гоббо; не уходи, гнушайся показывать пятки“. Бѣсъ-то не испугался: приказываетъ мнѣ собираться. „Via!“ говоритъ бѣсъ: „валяй!“ говоритъ бѣсъ: „во имя самого неба, соберись ты съ духомъ“, говоритъ бѣсъ, „и уходи“. Какъ же, — а совѣсть-то вотъ повисла у меня на сердцѣ да и говоритъ, все будто такъ умно: „мой честный другъ, Ленчелотъ, ты сынъ честнаго человѣка, или—такъ-бы надо сказать—честной женщины; потому—отецъ-то, точно, что-то смекалъ, до чего-то доходилъ, какъ будто ощущалъ нѣкоторый непріятный вкусъ. Такъ вотъ совѣсть-то и говоритъ: „Ленчелотъ—ни-ни!“ „Валяй“, говоритъ бѣсъ. „Ни-ни!“ говоритъ совѣсть. Совѣсть, говорю я, хорошъ твой совѣтъ. Хорошъ, бѣсъ, и твой совѣтъ, говорю я; послушаться совѣсти, такъ оставаться мнѣ у жида, моего хозяина, который (прости Господи!) тоже что-то въ родѣ дьявола; а дать тягу отъ этого самаго жида, такъ стало-быть послушаться бѣса, который, на томъ не взыщите, и есть уже самъ дьяволъ. Да жидъ-то, право, само воплощеніе дьявола; и если ужъ по совѣсти, такъ моя совѣсть довольно-таки безчувственная

[1] Гоббо по-итальянски значитъ – горбунъ.

совѣсть, коли заставляетъ меня оставаться у жида. Бѣсъ больше по душѣ совѣтуетъ: уйду, бѣсъ, мои ноги въ твоемъ распоряженіи; уйду.

Входитъ **старикъ Гоббо** *съ корзиной.*

Гоббо.—Господинъ молодой человѣкъ, постойте; прошу васъ, куда тутъ къ господину жиду?

Ленчелотъ.—Господи! Да вѣдь это самый мой настоящій единоутробный отецъ; и слѣпъ, какъ еслибъ въ глазахъ у него былъ не то, чтобъ песокъ, а щебень съ шоссейной дороги,—и вѣдь не узнаетъ меня: попробуемъ-ка сыграть съ нимъ штуку.

Гоббо.—Господинъ молодой баринъ, прошу васъ, куда тутъ къ господину жиду?

Ленчелотъ.—Повернитесь направо при первомъ же поворотѣ, но при самомъ послѣднемъ поворотѣ налѣво; ну, а затѣмъ, при самомъ-то ужь слѣдующемъ поворотѣ не поворачивайтесь ни направо, ни налѣво, а повернитесь прямо и непосредственно къ дому жида.

Гоббо.—Господи! Вотъ дорожка, которую не легко будетъ найти. Не можете-ли вы мнѣ сказать—есть тутъ одинъ Ленчелотъ, который живетъ у него.—Что: живетъ онъ у него еще, или нѣтъ?

Ленчелотъ.—Вы говорите о молодомъ господинѣ Ленчелотѣ? *(въ сторону)* Теперь смотрите: я начинаю замучивать воду: *(къ нему)* Вы говорите о молодомъ господинѣ Ленчелотѣ?

Гоббо. Не о господинѣ, сударь, а о сынѣ бѣднаго человѣка; отецъ его, хоть и я говорю это, честный и пребѣдный человѣкъ, а благодареніе Богу, тоже—живетъ...

Ленчелотъ.—Ну, пускай тамъ его отецъ будетъ чѣмъ ему угодно; мы, кажется, здѣсь говоримъ о молодомъ господинѣ Ленчелотѣ.

Гоббо.—О Ленчлотѣ, если будетъ угодно вашей милости.

Ленчелотъ.—Ergo—о господинѣ Ленчлотѣ. Не говорите больше о господинѣ Ленчлотѣ, такъ какъ сей молодой джентльменъ (согласно судьбамъ и предопредѣленіямъ, и тому подобнымъ общепринятымъ изреченіямъ, тремъ сестрицамъ, и тому подобнымъ отраслямъ знаній), въ дѣйствительности скончался; или, какъ вѣрно сказали бы вы, по просту—переселился на небо.

Гоббо.—Что вы! Господи, сохрани и помилуй! Да вѣдь онъ былъ костылемъ моей старости, моей истинной подпорой.

Ленчелотъ—*(про себя).* Неужели я и въ самомъ дѣлѣ похожъ

на дубинку, что-ли, на хлевной подсошекъ, костыль, или на подпорку? (*къ нему*) Что ты не узнаешь меня, батя?

Гоббо.—Вотъ грѣхъ-то! Не знаю я васъ, молодой господинъ: только ужь вы сдѣлайте милость, скажите мнѣ, что мальчикъ мой (упокой Господи, его душу!), живъ, али померъ?

Ленчелотъ.—И ты не узнаешь меня, батя?

Гоббо.—Какъ узнать-то: ужь больно слѣпъ; нѣтъ, не знаю я васъ.

Ленчелотъ.—Да, и въ правду, еслибъ и глаза-то были, пожалуй, что не узналъ-бы: это ужь умный, да умный отецъ, что самъ знаетъ своего ребенка. Хорошо-же, старикъ, я разскажу тебѣ новости о твоемъ сынѣ. (*Преклоняетъ колѣно*). Благослови: правда должна выйти на свѣтъ; смертоубійство не можетъ быть долго укрываемо; сынъ-же своего отца—можетъ, но въ концѣ концовъ истина все-таки выйдетъ наружу.

Гоббо.—Прошу васъ, сударь, встаньте; я увѣренъ, что вы не Ленчлотъ, мой сынъ.

Ленчелотъ.—Прошу и я — довольно всякаго дурачества на этотъ счетъ; давай мнѣ свое благословеніе: я именно самый твой Ленчлотъ и есть, который твоимъ мальчикомъ былъ, твоимъ сыномъ есть, и твоимъ ребенкомъ долженъ-бы быть.

Гоббо.—Не могу подумать, чтобъ вы были мой сынъ.

Ленчелотъ—А я ужь и не знаю, что̀ я долженъ думать объ этомъ... а только я Ленчлотъ, живу у жида, и увѣренъ въ томъ, что жена твоя, Маргарита, мнѣ приходится матерью.

Гоббо.—Маргарита—это точно: это хоть подъ присягу; ежели то-есть, только ты самый тотъ Ленчлотъ, ты моя плоть и кровь. (*Шаритъ рукой у него на затылкѣ*). Господи! Слава Тебѣ Создателю! Борода-то какъ у тебя отрасла: теперь у тебя больше волосъ на подбородкѣ, чѣмъ у моего коренника Доббина на хвостѣ.

Ленчелотъ.—Стало у твоего Доббина хвостъ растетъ на убавку? А то я увѣренъ, что у него было больше волосъ на хвостѣ, чѣмъ у меня на лицѣ, когда я въ послѣдній разъ его видѣлъ.

Гоббо.—Господи! И перемѣнился-жъ ты. Ну, какъ вы теперь съ своимъ хозяиномъ? А я ему на поклонъ гостинца вотъ принесъ. Ну, что, какъ вы съ нимъ теперь?

Ленчелотъ.—Да такъ себѣ—я собственно какъ уже поставилъ на томъ, чтобъ удрать, то я и не остановлюсь, пока не буду отъ него на разстояніи. Мой господинъ—это чистый жидъ. Ему? Гостинцы съ поклономъ!—Петлю ему на шею! Онъ голодомъ меня заморилъ на своей службѣ: можно просто пересчитать всѣ мои пальцы

моими ребрами.—Это хорошо, что ты пришелъ; давай мы поднесемъ этотъ твой гостинецъ тутъ одному господину Бассаніо; вотъ тотъ ужь точно что одѣваетъ своихъ въ отличныя новыя ливреи. Если только мнѣ не у него служить,—забѣгу туда, куда только доходитъ Божья земля.—О, рѣдкостный случай! Вотъ это онъ самый и есть:—къ нему, отецъ. Потому—будь я самъ жидъ, ежели еще буду служить у жида.

Входятъ Бассаніо, Леонардо *и прислуга.*

Бассаніо.—Такъ и сдѣлать;– но поспѣшить со всѣмъ этимъ настолько, чтобъ ужинъ былъ готовъ никакъ не позже пяти. Позаботься объ отправкѣ этихъ писемъ; закажи ливреи, и попроси Граціано тотчасъ ко мнѣ. (*Слуга уходитъ.*)

Ленчелотъ.—Отецъ—къ нему.

Гоббо.—Господи благослови вашу милость.

Бассаніо.—Grand merci—тебѣ что-нибудь нужно?

Гоббо.—Да вотъ—сынишка у меня, сударь,—бѣдный малый,—

Ленчелотъ.—Не бѣдный малый-съ, а богатаго жида человѣкъ, которому бы хотѣлось—какъ это мой отецъ вамъ сейчасъ объяснитъ.

Гоббо.—У него большое навожденіе, сударь, какъ-бы вамъ такъ сказать,—служить,—

Ленчелотъ.—Это точно; долго-ли, коротко-ли, а я служу у жида, и имѣю-съ желаніе, то-есть—да вотъ, какъ это мой отецъ вамъ сейчасъ объяснитъ,—

Гоббо.—Они съ своимъ хозяиномъ что-то (не въ обиду будь сказано вашей милости) какъ будто не совсѣмъ сродни,—

Ленчелотъ.—Да просто, коли ужь если говорить по чистой правдѣ, жидъ мнѣ сдѣлалъ такую обиду, и заставляетъ еще—да вотъ какъ мой отецъ, будучи въ надеждѣ какъ есть настоящій старецъ, и можетъ вамъ доказать.

Гоббо.—Я вотъ тутъ голубковъ принесъ, хочу пожертвовать вашей милостя; а просьбишка-то моя...

Ленчелотъ.—Да чего ужь проще, просьба, что просто даже противна мнѣ самому, какъ ваша милость узнаете вотъ отъ этого почтеннаго старца, и хоть и я это говорю, что ужь именно, что старецъ, а все-таки мой отецъ—и бѣдный человѣкъ-съ...

Бассаніо.—Да говорите одинъ кто-нибудь за обоихъ.—Что̀ вамъ нужно?

Ленчелотъ.—Вамъ-съ — служить-съ...

Гоббо.—Вотъ тутъ-то и зацѣпка всего дѣла, сударь.

Бассаніо.—Тебя я знаю, и твоя ужь просьба
Уважена: хозяинъ твой Шейлокъ
Со мною нынче говорилъ, и сдѣлалъ
Твое тѣмъ повышенье; если только
Назваться это можетъ повышеньемъ,
Чтобъ къ бѣдному наняться господину,
Оставивши богатаго жида.

Ленчелотъ —Отлично раздѣлилась-съ старинная поговорка между вами и моимъ хозяиномъ, Шейлокомъ: при васъ, значитъ, Божья благодать, а у него за то есть, что̀ взять.

Бассаніо.—Ты это очень хорошо сказалъ.—
Ну, папенька съ сынкомъ, пока ступайте;
Съ своимъ патрономъ прежнимъ распроститесь,
И отыщите мой пріютъ.—Ливрею
Ему почище дайте, посвѣжѣе,
Чѣмъ у другихъ: смотрите-же, исполнить. *(Прислугѣ.)*

Ленчелотъ.—Пойдемъ, отецъ.—Я не умѣю выпрашивать себѣ мѣстъ, нѣтъ. У меня на это никогда нѣтъ языка. Ну что̀ жь! *(глядя на свою ладонь)* существуетъ-ли во всей Италіи человѣкъ, у котораго была-бы лучше ладонь: такъ и просится возложить на книгу для принесенія присяги, что мнѣ всегда во всемъ будетъ счастье.[1] Такъ и надо: вотъ простенькая линія жизни. Вотъ нѣкая малая толика женъ: ахъ, пятнадцать женъ—это ничего: одиннадцать вдовъ и девять дѣвицъ, это самый настоящій комплектъ для одного порядочнаго мужчины; затѣмъ—три раза тонуть и не потонуть, и быть въ опасности жизни на краю пуховой постели: ну, это не важныя еще опасности.—Дѣло! Если фортуна женщина, такъ она предобрая бабенка за такой подборъ. Идемъ, отецъ; я распрощаюсь съ моимъ жидомъ во мгновенье ока. *(Уходятъ Ленчелотъ и Гоббо.)*

Бассаніо.—Я попрошу, любезный Леонардо,
Похлопочи объ этомъ: закупивъ
Все это и распредѣливъ какъ должно,
Скорѣе возвращайся, такъ какъ нынче

---

[1] Въ хиромантіи или гаданьи по ладони, линія проходящая вокругъ начала большаго пальца считалась *линіей жизни*; та же, которая, начинаясь у мизинца, проходитъ къ началу указательнаго пальца, *линіей счастья.*

Я угощаю избранныхъ друзей:
А потому, пожалуйста, скорѣй.
Леонардо.—Употреблю на это всѣ старанья.

Входитъ Граціано.

Граціано.—Гдѣ господинъ вашъ?
Леонардо.— Тамъ-съ, вонъ онъ идетъ.
(Леонардо уходитъ.)
Граціано.—Синьоръ Бассаніо.
Бассаніо.— Грацьяно.
Граціано.—Имѣю просьбу къ вамъ.
Бассаніо.— Готовъ исполнить.
Граціано.—Ты мнѣ не можешь отказать: я ѣду
Съ тобой въ Бельмонтъ.
Бассаніо.— Такъ что-же; и поѣдешь.—
Но слушай, Граціано: ты шумливъ,
И грубоватъ, твой голосъ слишкомъ громокъ;
Всѣ эти качества къ тебѣ идутъ
И не во вредъ, пожалуй, между нами,
Но гдѣ тебя не знаютъ, очень могутъ
Быть приняты за вольность и неловкость.
Прошу тебя, старайся какъ-нибудь
Холодными росинками приличій
Смирять и отрезвлять свои порывы,
Чтобы своимъ неловкимъ поведеньемъ
Не повредить мнѣ тамъ, куда я ѣду,
И тѣмъ не погубить моихъ надеждъ.
Граціано.—Синьоръ Бассаніо, склони свой слухъ:
Ну если не приму я трезвый видъ,
Не стану говорить почтительно,—ругнусь-же
Такъ иногда лишь, въ видѣ исключенья,—
Носить молитвенникъ въ карманѣ, лицемѣрить;
Да что!—Во время чтенія молитвъ,
Какъ должно, шляпой прикрывать глаза,
И воздыхать, и говорить „Аминь";—
Не стану всякихъ соблюдать приличій,
Какъ въ строгости нашколенный юнецъ
На утѣшенье бабушки-старушки—
Тогда не вѣрь мнѣ болѣе ни въ чемъ.

Бассаніо.—Посмотримъ, какъ ты выдержишь себя.
Граціано.—Нѣтъ, исключенье, впрочемъ, на сегодня:
Меня судить не должно по тому,
Что будетъ въ эту ночь.
Бассаніо.— Нѣтъ, правда, было-бъ жаль:
Напротивъ, я просилъ-бы намъ явить
Твой самый безшабашный родъ веселья,
Такъ какъ друзья придутъ повеселиться...
Но мнѣ, однако, некогда—прощай.
Граціано.—И мнѣ пора къ Лоренцо и къ другимъ;
Но къ ужину тебя мы навѣстимъ. (*Уходятъ.*)

СЦЕНА III.

Тамъ же; въ домѣ Шейлока.

Входятъ **Іессика** [1] **и Ленчелотъ.**

Іессика.—Мнѣ очень жаль, что ты уходишь такъ
Отъ моего отца. Хоть домъ нашъ—адъ,
Но ты живой, веселый дьяволенокъ
Лишалъ его извѣстной доли скуки.
Какъ быть—прощай, и вотъ тебѣ дукатъ.
Да вотъ что, Ленчелотъ,—ты тамъ увидишь
За ужиномъ—Лоренцо—онъ въ гостяхъ
У новаго у твоего патрона—
Отдай ему письмо,—да осторожно...
И такъ, прощай: не надо, чтобъ отецъ
Насъ захватилъ съ тобой на разговорѣ.

Ленчелотъ.—Прощайте. Слезы говорятъ за мой языкъ. Самая распрекраснѣйшая язычница,—сладчайшая Еврейчка! Если только какой-нибудь христіанинъ да не сплутуетъ, чтобъ добыть тебя, тогда я ничего не смыслю. Ну, прощайте! Эти глупыя капли точно утопили мое мужество: Прощайте! (*Уходитъ.*)

Іессика.—Прощай, мой добрый Ленчелотъ.—
Ахъ, ненавистный грѣхъ сидитъ во мнѣ,
Стыдъ дочери за своего отца.

---

[1] Это имя должно читаться такъ, какъ еслибъ оно начиналось съ одной гласной „Е“—какъ въ другихъ европейскихъ языкахъ—иначе произойдетъ какъ измѣненіе въ имени, такъ и невозможное нарушеніе стиха.

Но если я и дочь ему по крови,
То не по свойствамъ. О, Лоренцо, если
Ты вѣренъ мнѣ,—покончу я борьбу,
Связавъ крещеніемъ съ тобой свою судьбу. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА IV.

Тамъ-же. Улица.

Входятъ: **Граціано, Лоренцо, Салярино и Соляніо.**

Лоренцо.—Нѣтъ; ускользнемъ мы просто въ самый ужинъ
Ко мнѣ переодѣться, и вернемся—
Все въ часъ какой-нибудь...
Граціано.—Да мы еще порядкомъ не готовы.
Салярино.—Еще ни слова о факелоносцахъ. [1]
Соляніо.—Выходитъ пошло, если не изящно,
И лучше ужь по моему не браться.
Лоренцо.—Теперь четыре только; два часа
Еще имѣемъ для приготовленій.

Входитъ **Ленчелотъ** *съ письмомъ.*

Другъ Ленчелотъ, что новаго мнѣ скажешь?
Ленчелотъ.—Угодно-ли вамъ будетъ вскрыть вотъ это,
Оно, похоже, что-нибудь покажетъ. (*Подаетъ письмо.*)
Лоренцо.—Рука знакома—да: прекрасная рука!
Бѣлѣй бумаги, на которой пишетъ,
Прекрасная рука, что это пишетъ.
Граціоно.—Навѣрное любовное посланье.
Ленчелотъ.—Прощенья просимъ-съ.
Лоренцо.— Ты теперь куда?
Ленчелотъ—Да вотъ-съ – приглашать моего стараго хозяина, Жида, на ужинъ къ моему новому господину, христіанину.
Лоренцо.—Постой, возьми...—Скажи Іессикѣ милой,
Что я не измѣню ей, да-тихонько
Ей говори; ступай.—Ну, господа,
Угодно вамъ приготовляться къ маскамъ?
А у меня готовъ факелоносецъ.

---

[1] «Люди съ факелами, по словамъ Стивенса, были въ XV—XVI вѣкѣ постоянною и необходимою принадлежностью всякой компаніи масокъ.»

Салярино.—Ну, такъ и быть, отправлюсь одѣваться.
Соляніо.—Иду и я.
Лоренцо.— Меня и Граціано,
Найдете у него, такъ—черезъ часъ.
Салярино.—Вотъ и отлично. *(Салярино и Соляніо уходятъ).*
Граціано.—Письмо, конечно, было отъ прекрасной
Іессики.
Лоренцо.— Долженъ все тебѣ сказать.
Она увѣдомляетъ, ка́къ я долженъ
Ее похитить изъ дому отца;
Какъ много съ нею денегъ и бриллъянтовъ;
Какъ у нея готовъ костюмъ пажа...
Ну, если жидъ нашъ попадетъ на небо,
Такъ ради милой дочери своей;
И никогда да не дерзнетъ несчастье
Враждебно пересѣчь ея пути,
Какъ развѣ лишь съ единымъ извиненьемъ,
Что это дочь невѣрнаго жида.
Идемъ-же вмѣстѣ—ты прочтешь дорогой:
Іессика будетъ мой факелоносецъ. (*Уходятъ.*)

СЦЕНА V.

Венеція. Передъ домомъ Шейлока.

Входятъ **Шейлокъ** и **Ленчелотъ.**

Шейлокъ.—И хорошо, увидишь—пусть твои глаза
Тебѣ-жь судьею будутъ—все различье
Между Шейлокомъ старымъ и Бассаньо.—
Іессика, гэ!—Не будешь обжираться,
Какъ у меня ты обжирался—да.
Іессика, гэ!—Ни спать такъ и храпѣть,
И рвать одежду въ клочья.—Гэ, Іессика!
Что-жь, это?
Ленчелотъ.— Гей, Іессика!
Шейлокъ.—И кто-же приказалъ тебѣ кричать?—
Я-жь не приказывалъ тебѣ кричать.

Ленчелотъ.—Вы-жъ мнѣ всегда выговаривали, что я ничего не могу сдѣлать безъ приказанія.

Входитъ Іессика.

Іессика.—Вы кликали,—что вамъ угодно?
Шейлокъ.—Я приглашенъ на ужинъ—приглашенъ
Іессика:—вотъ мои ключи.—Зачѣмъ я
Туда пойду? Я званъ не изъ любви:
Они меня прельщаютъ улещеньемъ;
И я-жь пойду изъ ненависти къ нимъ—
Питаться мотовствомъ христіанина.
Іессика, дѣвочка, смотри за домомъ.
Претитъ мнѣ къ нимъ идти! На мой покой
Не доброе завариваютъ что-то:
Не даромъ снились мнѣ мѣшки червонцевъ.

Ленчелотъ.—Нѣтъ ужь, это мы будемъ васъ покорнѣйше просить—пожалуйте; мой молодой господинъ очень дожидается вашего *дохода.* [1]

Шейлокъ.—А я—его...

Ленчелотъ.—И у нихъ тамъ какъ-бы заговоръ:—я не скажу, что вы непремѣнно увидите маски, но если это такъ случится, такъ стало-быть не даромъ у меня пошла изъ носа кровь въ понедѣльникъ послѣдней святой недѣли въ шесть часовъ утра, что̀ приходится въ этомъ году какъ разъ на среду первой недѣли великаго поста четыре года тому назадъ, послѣ полудня.

Шейлокъ.—Еще и маски?—Двери на запоръ!—
Іессика, какъ заслышишь барабанъ
И гнусный визгъ скривленнаго гудка,
Не вздумай ты взлѣзать на подоконья,
Высовываться изъ оконъ къ толпѣ,
Чтобы глазѣть на христіанскихъ дурней
Съ раскрашенными лицами; но въ домѣ
Заткни всѣ уши,—то-есть всѣ отверстья;—
И да не внидетъ звукъ пустыхъ забавъ
Въ мой скромный домъ—клянусь Іакова жезломъ!
Я праздновать не думалъ эту ночь.
Но я пойду.—Ступай впередъ бездѣльникъ:
Скажи имъ, что приду.

---

[1] Здѣсь Ленчелотъ, въ качествѣ шута, „clown'a", умышленно путаетъ слова, употребляя одно вмѣсто другаго. Не передать этой путаницы, какъ мнѣ предлагали, значило бы лишить всякаго смысла отвѣтъ Шейлока.

Ленчелотъ. —Я и пойду впередъ.—А вы, синьора,
Поглядывайте все-таки въ окошко:
Тамъ будетъ проходить христіанинъ,
Который стоитъ чудныхъ глазъ жидовки. *(Уходитъ.)*
Шейлокъ.—Что тамъ сказалъ глупецъ отъ чреслъ Агари—га? [1]
Іессика.—Сказалъ: прощайте; больше ничего.
Шейлокъ.—Бездѣльникъ добрый малый, но обжора;
На прибыль медленъ, какъ улитка, спитъ-же
Въ теченьи дня онъ больше дикой кошки.
Для трутней мѣста нѣтъ въ моемъ ульѣ,
И вотъ, я отпустилъ его; но отпустилъ
Къ тому глупцу, чтобъ онъ ему помогъ
Скорѣй растратить занятыя деньги.—
А что-же ты, Іессика?—Въ домъ иди!
Быть-можетъ, я и тотчасъ возвращусь—
Ты дѣлай, какъ приказано: всѣ двери
Запри на всѣ засовы за собой:
Что крѣпко хранено,
То скоро найдено.
Пословица, которой никогда
Не обветшать въ разсчетливыхъ умахъ. *(Уходитъ.)*
Іессика.—Прощай: коль счастіе захочетъ мнѣ помочь,
Теряю я теперь отца, ты—дочь. *(Уходитъ.)*

СЦЕНА VI.

Тамъ-же.

Входятъ **Граціано** и **Салярино** *замаскированные.*

Граціано.—Вотъ домъ съ навѣсомъ, гдѣ Лоренцо насъ
Заставилъ дожидаться.—
Салярино.— Да и часъ
Ужь чуть-ли не прошелъ.—

---

[1] Когда Могаммедъ пытался привлечь къ себѣ многихъ изъ лицъ еврейскаго племени, находившихся тогда въ Аравіи, они рѣшительно отказались признать пророкомъ человѣка, происходившаго отъ Агари—рабыни. Потому и это названіе Ленчелота потомкомъ Агари должно быть понимаемо въ смыслѣ презрѣнія къ бѣдному «язычнику», принадлежащему въ добавокъ къ домашней прислугѣ.

Граціано.— На удивленье,
Что и влюбленный можетъ опоздать:
Они всегда опережаютъ время.
Салярино.—О, голубки Венеры въ десять разъ
Быстрѣй, когда кладутъ печати къ новымъ узамъ,
Чѣмъ ограждая неприкосновенность
Уже скрѣпленныхъ узъ.
Граціано.— Вездѣ одно:
Кто встанетъ отъ роскошнаго стола
Съ такимъ же точно острымъ аппетитомъ,
Съ какимъ онъ сѣлъ за столъ? Гдѣ этотъ конь,
Который-бы съ несбавленнымъ огнемъ
Шелъ вновь по мѣсту скучной дрессировки,
Какъ шелъ въ началѣ?—Такъ и все на свѣтѣ—
Манитъ вдали сильнѣй, чѣмъ въ обладаньи.
Какъ сходно съ юношей, иль съ блуднымъ сыномъ,
Изъ гавани родной летитъ судно,
Въ объятіяхъ ласкаемое вѣтромъ...
Какъ сходно съ блуднымъ сыномъ возвращенье:
Съ потертыми, помятыми боками,
Въ изодранной одеждѣ парусовъ,
Избитое, истрепанное бурей.

Входитъ **Лоренцо.**

Салярино.—А, вотъ Лоренцо:—а объ этомъ послѣ.
Лоренцо.—Друзья, прошу простить за промедленье!
Не я, дѣла заставили васъ ждать.
Когда вы вздумаете сами разыграть
Воровъ невѣстъ, то на мое терпѣнье
Разсчитывайте смѣло.—Подходите:
Здѣсь обитаетъ мой папаша жидъ
Гей! кто тамъ есть?

Входитъ **Іессика** *вверху, въ одеждѣ мальчика.*

Іессика.—Кто вы? Скажите,—чтобъ мнѣ не бояться—
Хотя, клянусь, мнѣ голосъ тотъ знакомъ...
Лоренцо.—Лоренцо, и—твоя любовь.
Іессика.—Лоренцо—да! Любовь моя, конечно,—
Кого-жь еще могла-бъ я такъ любить?

А вотъ, твоя-ли я? - кто это можетъ знать,
Кромѣ тебя, Лоренцо!—

Лоренцо.—Душа твоя и небо это знаютъ.

Іессика. —На—вотъ, лови эту коробку: стоитъ...
Я рада—ночь... И ты меня не видишь,
А то бы я сгорѣла со стыда!
Любовь слѣпа, влюбленные не видятъ
Тѣхъ милыхъ глупостей, которыя творятъ,—
А иначе—Эротъ-бы покраснѣлъ—
Да, самъ Эротъ!—увидѣвши меня
Такъ странно превращенную въ мальчишку.

Лоренцо.—Сойдите—будете моимъ факелоносцемъ.

Іессика.—Что-о-о!—Мнѣ-жь держать свѣчу передъ моимъ стыдомъ?
И безъ того онъ слишкомъ—слишкомъ яркъ.
Вѣдь это открывающимъ къ лицу,
А мнѣ-бы, милый, скрыться...

Лоренцо.—Вы и скрыты, душа моя, подъ этою прелестной
Одеждой мальчика. Сходите-же скорѣй,
Такъ какъ ужь ночь готовится къ побѣгу,
А у Бассаніо насъ ждутъ на пиръ.

Іессика.—Запру всѣ двери, и позолощусь
Еще дукатами,—и тотчасъ съ вами. *(Уходитъ съ верху.)*

Граціано.—Мой капюшонъ!—Жантилька,—не жидовка. [1]

---

[1] Тутъ всѣми несомнѣнно признается игра словъ, происходящая изъ разныхъ значеній слова- латинскаго *gentilis* — язычникъ, въ отличіе отъ *обрѣзанныхъ*, т.-е. Евреевъ, какъ напримѣръ, въ извѣстномъ выраженіи «о призваніи язычниковъ», или въ противупоставленіи ап. Петру ап. Павла, какъ „*апостола язычниковъ*"; и французскаго *gentile* — милый, прелестный, и проч. Откуда произведено и у насъ, путемъ довольно беззастѣнчиваго барбаризма, неуклюжее слово *жантилька.* Но Граціано, замаскированный, какъ ему и подобаетъ, отшельникомъ, ловко обращаетъ себѣ на пользу самую неловкость этого слова, клянясь своимъ капюшономъ и подшучивая, что дѣвушка *это самое* и въ *латинскомъ* смыслѣ, какъ противуположеніе жиду, и во *французскомъ*, какъ необыкновенно милая дѣвушка. Передать это мѣсто, какъ мнѣ предлагали, словами: «христіанка, а не жидовка», т.-е., просто сказать, перевести слово „язычникъ" (gentilis) словомъ «христіанинъ» я не берусь — предоставляя это сдѣлать тѣмъ, кому эта мысль пришла въ голову. Передать чисто по-русски: «милашка—не жидовка»—выйдетъ и стихъ, тогда какъ при обращеніи христіанина въ язычника даже и стиха бы не было, но уничтожится очень интересное сопоставленіе словъ. Стѣсняться-же одною вульгарностью выраженія значитъ совершенно не понимать характера Граціано, который, какъ говорится, за словомъ въ карманъ не полезетъ и который потомъ и про свою возлюбленную, дѣвушку хорошаго общества, говоритъ при всѣхъ, что онъ ее пріобрѣлъ „ухаживаньемъ до втораго пота".

Лоренцо.—Чортъ побери! люблю ее сердечно:
Умна, насколько я могу судить,
Прекрасна, сколько можетъ видѣть глазъ,
И постоянна, что ужь доказала;
А потому - прекрасной, умной, вѣрной,
Она пребудетъ, какъ она сама,
Въ душѣ моей на-вѣки неизмѣнно.

Входитъ Іессика, *внизу.*

Ну вотъ - пришла?—Идемте-жь, господа!
Теперь насъ заждались другія маски.
(Уходятъ съ Іессикой и Салярино.)

Входитъ Антоніо.

Антоніо.—Кто это здѣсь?
Граціано.— Синьоръ Антоніо?
Антоніо.—Ай-ай-ай! Граціано! Гдѣ-жь другіе?
Ужь девять: наши всѣ васъ не дождутся.
До масокъ-ли! попутный дуетъ вѣтеръ,
Бассаньо тотчасъ ѣдетъ на корабль:
Я слугъ ужь двадцать разослалъ за вами.
Граціано.—Я лучше ничего и не хочу,
Какъ подъ вѣтрило: тотчасъ укачу. *(Уходитъ).*

СЦЕНА VII.

Бельмонтъ. Залъ въ зáмкѣ.

Тушъ роговъ. Входятъ Порція *съ* Мороккскимъ принцемъ *и ихъ свиты.*

Порція.—Отдерните завѣсы и откройте
Всѣ три ларца почтившему насъ принцу—
— Теперь, вашъ выборъ, Принцъ...
Морокко.—Одинъ изъ золота, и носитъ надпись:
„Кто выберетъ—возьметъ, что̀ многіе хотятъ.“
Другой изъ серебра, надписанъ обѣщаньемъ:
„Кто выберетъ—возьметъ, чего онъ самъ достоинъ.“
И третій изъ свинца, съ такою-же тупой
И грубою, какъ самъ свинецъ, угрозой:
„Кто выберетъ—рискнетъ отдать все, что̀ имѣетъ.“
Какъ тутъ рѣшить, что̀ именно мнѣ выбрать?

Порція. -Въ одномъ изъ нихъ хранится мой портретъ;
И если, Принцъ, вы выберете этотъ,—
То и меня возьмете на придачу.
Морокко.—Хотя бы нѣкій богъ навелъ мой умъ!—Позвольте:
Пересмотрю всѣ надписи обратно:
Что̀ говоритъ свинцовый?
„Кто выберетъ—рискнетъ отдать все, что̀ имѣетъ".
Отдать за что̀? Все—за свинецъ? Рискнуть
Всѣмъ для свинца? Въ ларцѣ какъ-бы угроза:
Кто всѣмъ рискуетъ, долженъ быть въ надеждѣ
Какихъ-либо иныхъ прекрасныхъ выгодъ;
Златой кумиръ души не можетъ пасть
До подлой мишуры.—Нѣтъ, для свинца
Я не намѣренъ жертвовать ничѣмъ.
Что̀ дѣвственное скажетъ серебро?
„Кто выберетъ—возьметъ, чего онъ самъ достоинъ".
Чего достоинъ—самъ? Постой, Морокко,
И взвѣсь себя рукою безпристрастной...
Коли цѣнить тебя твоей оцѣнкой,
Ты стоишь много; и, однако-жь много
Еще не есть—достигнуть до нея.
И робость за достоинство свое
Есть жалкое самоуничиженье:
Чего я самъ достоинъ?—Да ея-же:
По роду, по богатству, по уму
И по изящнымъ свойствамъ воспитанья;
Но главное—я по любви достоинъ...
Что̀ еслибъ дальше не блуждая, здѣсь
Остановить свой выборъ?—Поглядимъ
Еще, что̀ скажетъ намъ на золотѣ реченье:
„Кто выберетъ—возьметъ, что̀ многіе хотятъ".
Опять, она-жь... Весь свѣтъ ее желаетъ:
Со всѣхъ концовъ земли сюда стремятся
Облобызать сей дышащій ковчегъ,
И поклониться смертной сей святынѣ.
Гирканія, [1] и мертвыя пространства
Аравіи пустынной—превратились
Въ большіе, торные пути для принцевъ,

[1] Это были обширныя страны, къ юго-востоку отъ Каспія, часть которыхъ (Мервь) оружіемъ Скобелева приведена въ подданство Россіи.

Чтобъ увидать прекрасную—ее.
И царство водъ, чтò яростной слюной
Спѣсиво брызжетъ въ небо – не преграда,
Какъ маленькій ручей для чужеземцевъ,
Чтобъ увидать прекрасную—ее.
Одинъ изъ этихъ трехъ хранитъ небесный образъ.
Возможно-ли, чтобъ это былъ свинецъ?
Подумать только—было-бъ богохульство:
По мнѣ, онъ слишкомъ грубъ, чтобы хранить
Ея могильный саванъ въ темномъ склепѣ.
Подумать-ли, что въ серебрѣ она,
Когда предъ пробнымъ золотомъ оно
Дешевле въ десять разъ?—О, грѣшный помыслъ!
Во вѣки не бывалъ такой алмазъ
Въ оправѣ худшей золотой оправы.
Есть въ Англіи монета золотая
Съ фигурой ангела, оттиснутой на ней...
Тамъ это лишь наружная чеканка;
Тогда какъ здѣсь—самъ ангелъ въ серединѣ
Ковчега золотаго.—Дайте ключъ:
Мой выборъ сдѣланъ—тамъ ужь будь, чтò будетъ.

Порція.—Вотъ, Принцъ, возьмите—если образъ мой
Хранится тамъ,—тогда я ваша.

Морокко.—(*Отпираетъ ларецъ*). —Адъ!
Что это—смрадный черепъ? И въ прогнившей
Глазной дырѣ—записка? Прочитаемъ:

„Не все то злато, чтò блеститъ,
Намъ это опытъ говоритъ.
Жизнь рады многіе продать,
Чтобъ только видъ мой созерцать:
Златъ-гробъ—лишь храмина червей.
Будь такъ-же ты уменъ, какъ смѣлъ,
Юнъ мышцами, сужденьемъ зрѣлъ—
Отвѣтъ могъ быть тебѣ милѣй...
Прощай: ты выбрать не съумѣлъ“.

Мнѣ – холодно – и жизни смыслъ потерянъ...
Прощай, мой пылъ: морозу буду вѣренъ.—
Прощайте!—Слишкомъ духъ мой омраченъ,
Чтобъ соблюдать условья этикета:
Кто проигралъ—уходитъ безъ привѣта. (*Уходитъ.*)

Порція.—Освобожденіе... Задерните завѣсы,—
Идите.—Еслибъ съ этимъ цвѣтомъ кожи
И всѣ они меня такъ выбирали. (*Уходятъ.*)

СЦЕНА VIII.

Венеція. Улица

Входятъ **Салярино** и **Соляніо.**

Салярино.—Что думаешь?—Бассаніо я видѣлъ
Подъ парусами. Съ нимъ нашъ Граціано;
Лоренцо-жь съ ними нѣтъ на кораблѣ.
Соляніо.—Мерзавецъ жидъ мольбами поднялъ дожа:
Чуть не подвергли обыску корабль.
Салярино.—Да поздно: онъ ужь былъ подъ парусами.
Но дожу тутъ дано было понять,
Что кто-то видѣлъ ужь въ гондолѣ вмѣстѣ
Лоренцо и влюбленную Іессику;
Къ тому-жь Антоніо удостовѣрилъ дожа,
Что у Бассаніо ихъ нѣтъ на кораблѣ.
Соляніо.—Не видывалъ такой горячки страсти,
Такихъ нелѣпыхъ, дикихъ переходовъ,
Какими жидъ на улицахъ гремитъ:
„Дочь!—О, мои дукаты!—Моя дочь!
Ушла съ христіаниномъ!—Правосудье!—
О, христіанскіе мои дукаты!
Законъ... Мои дукаты! Моя дочь!
Мѣшокъ съ печатью, два мѣшка съ печатью,
Съ дукатами, съ дукатами двойными
Дочь у меня покрала!—А брилльянты!—
Два камня, два цѣннѣйшихъ въ мірѣ камня
Украла дочь!—Къ властямъ! Сыскать дѣвченку!
На ней самой и камни, и дукаты!“
Салярино.—Всѣ, кажется, въ Венеціи мальчишки
Гоняются по улицамъ за нимъ,
Крича про камни, „дочь мою, дукаты...“
Соляніо.—Да—доброму Антоніо не худо
Быть точнымъ въ срокъ,—иль онъ за все заплатитъ.
Салярино.—Вотъ кстати что напомнилъ. Мы вчера
Разговорились тутъ съ однимъ Французомъ;
Онъ говорилъ, что въ узкомъ тамъ проливѣ

Межь Англіей и Франціей разбился
Корабль изъ нашихъ съ богатѣйшимъ грузомъ.
Я вспомнилъ про Антоніо при этомъ,
И молча пожелалъ, чтобы корабль
Былъ не его.

Соляніо.— Не лучше ли бы было
Ему все разсказать, что̀ тамъ ты слышалъ;
Но осторожно, чтобъ не напугать.

Салярино.—Добрѣе нѣтъ души на бѣломъ свѣтѣ.
Я видѣлъ ихъ прощаніе съ Бассаньо:
Тотъ говорилъ ему, что возвращеньемъ
Своимъ онъ поспѣшитъ; а онъ отвѣтилъ:
„Не дѣлай этого, чтобъ не испортить
Изъ-за меня всего; но терпѣливо
Высматривай и выжидай удачи.
Что-жь до жидовскихъ исковъ на меня.
Не допускай ихъ къ помысламъ своимъ;
Будь веселъ и направь главнѣйше мысли
Къ чарующимъ привѣтствіямъ любви,
Которыя приличествуютъ тамъ."
И тутъ-то, съ полными глазами слезъ
Онъ отвернувшись руку протянулъ
Свою назадъ, съ невыразимымъ чувствомъ
Его сжалъ руку—такъ они разстались.

Соляніо.—Мнѣ кажется, ему и бѣлый свѣтъ
Милъ только имъ.—Пойдемъ его разыщемъ,
И постараемся разсѣять какъ-нибудь
Имъ овладѣвшую тоску.

Салярино.— Пойдемъ. (*Уходятъ.*)

СЦЕНА IX.

Бельмонтъ. Залъ въ за̀мкѣ.

Входитъ **Нерисса** *съ прислугой.*

Нерисса.—Пожалуйста, скорѣе открывайте...
Принцъ Аррагонскій принялъ ужь присягу,
И ужь идутъ сюда, чтобъ дѣлать выборъ.

Тушъ роговъ. Входятъ **Порція, принцъ Аррагонскій** *и ихъ свиты.*

Порція.—Вотъ, Принцъ,- взгляните—тамъ стоятъ ларцы;
И если вы тотъ выберете, гдѣ

Я собственной персоной,—то мы тотчасъ
Отпразднуемъ обряды нашей свадьбы.
При неудачѣ-жь, не взыщите, Принцъ:
Безъ всякихъ безполезныхъ объясненій
Вы тотчасъ-же оставите мой домъ.

Аррагонскій.—Я связанъ клятвой соблюсти три пункта:
Вопервыхъ, никогда не открывать
Кому-либо, какой ларецъ я выбралъ.
Потомъ, при неудачѣ, во всю жизнь
Уже не сватать дѣвственной невѣсты;
И, наконецъ, при неудачѣ—тотчасъ
Откланяться—и убираться вонъ. [1]

Порція.—Обѣтамъ этимъ всѣ приносятъ клятву,—
Кто къ намъ сюда приходитъ рисковать
Собой за недостойную меня.

Аррагонскій.—И я такъ прихожу! Когда бы счастье
Отвѣтило на упованье сердца.—
Вотъ злато, серебро и презрѣнный свинецъ.
„Кто выберетъ—рискнетъ отдать все, что̀ имѣетъ".
Будь поврачнѣй, чтобъ я рискнулъ отдать.
Что̀ скажетъ золото?—А-га! Посмотримъ:
„Кто выберетъ—возьметъ, что многіе хотятъ."
Подъ „многими", которые „хотятъ",
Не разумѣется-ли глупая толпа,
Могущая лишь выбирать съ показу,
Не изучая далѣе того,
Что̀ учитъ видѣть легковѣрный глазъ;
Не проникая мыслью за поверхность,
Какъ птичка-стрижъ, что̀ вьетъ гнѣздо на вѣтрѣ,
На выступѣ стѣны, вполнѣ во власти
И на пути опасностей случайныхъ.
Нѣтъ, я не выберу, что̀ „многіе хотятъ";
Какъ съ пошлымъ не могу совпасть умомъ,
И въ уровень стать съ грубою толпою.
Ну, что̀-жь, тогда къ тебѣ, серебряный ковчегъ;

---

[1] Гордость и самомнѣніе принца Аррагонскаго таковы, что онъ при одной мысли о возможности для него неудачи впадаетъ въ цинизмъ и несдержанность выраженій,—почему строгая хозяйка тотчасъ же и осаживаетъ его, прерывая полупрезрительнымъ холоднымъ замѣчаніемъ и ударяя на слово „всѣ".

Повѣдай снова мнѣ свой заголовокъ:
„Кто выберетъ—возьметъ, чего онъ самъ достоинъ“.
И славно сказано! Такъ какъ никто
Не долженъ тщиться провести судьбу,
И быть въ чести безъ подлинныхъ достоинствъ.
Пусть не пытается никто носить
Незаслуженныхъ почестей!—О, еслибъ
Всѣ званья, должности и состоянья
Пріобрѣтались правильнымъ путемъ!
Когда-бы почесть покупалась только
Достоинствомъ того, кто пріобрѣлъ!
Одѣлись сколько-бъ тѣхъ, кто нынче нагъ;
Подъ властью сколько-бъ стали, кто у власти;
Какъ много было-бы пустаго мужичья
Отсортировано отъ чистыхъ зеренъ чести;
Какъ много чести было-бъ найдено—
Чтобъ вновь пріять свой блескъ—
Въ мякинѣ и отребіи временъ!—Да—но мой выборъ:
„Кто выберетъ—возьметъ, чего онъ самъ достоинъ.“
Беру достоинство:—позвольте ключъ,
И отомкните здѣсь мою судьбу.

Порція.—Какъ долго для того, что̀ ждетъ васъ тамъ.

Аррагонскій.—Что̀ это? Скорченная рожа идіота,
Сующаго записку мнѣ!—Прочтемъ—
Какъ ты далекъ, однако-жъ, отъ нея!
И отъ моихъ достоинствъ и надеждъ!
„Кто выберетъ—возьметъ чего онъ самъ достоинъ.“
Такъ я не стою больше ничего,
Какъ головы глупца?—И въ томъ моя оцѣнка!
И только въ томъ достоинства мои!

Порція.—Судить и оскорблять—различныя призванья:
Они враждебны по самой природѣ.[1]

Аррагонскій.—(*Читаетъ.*)
„Семь разъ испытанъ я огнемъ:
Съ испытаннымъ семь разъ умомъ

---

[1] Новое, и уже болѣе рѣзкое замѣчаніе со стороны хозяйки. Въ порывѣ самолюбивой обидчивости принцъ вдается въ разглагольствія, и забывая клятву, тѣмъ нарушаетъ приличіе; а потому хозяйка уже съ бо̀льшимъ нетерпѣніемъ рѣзко прерываетъ его, напоминая, что это приговоръ суда, которому онъ самъ подвергъ себя добровольно, а слѣдовательно не имѣетъ никакого основанія оскорбляться имъ.

Безъ страха можно выбирать:
Кто любитъ призраки ласкать,
Будь счастливъ призрачнымъ привѣтомъ;
Бываютъ, знаю, какъ и этотъ,
Посеребренный былъ глупецъ:
Сходись ты съ женщиной любою—
Всегда я буду вамъ главою:
Иди-же—здѣсь съ тобой конецъ".
Еще глупѣй я покажусь,
Коль медлить здѣсь не устыжусь:
Шелъ сватать съ глупостью одной,
Уйду-же съ глупостью двойной.—
Прощайте! Клятву я сдержу;
И гнѣвъ терпѣньемъ охлажу. (*Уходитъ.*)

Порція.—Вотъ такъ-то моль о свѣчку обожглась. —
О, эти многодумные глупцы!
При выборѣ они имѣютъ мудрость
Терять свой смыслъ по правиламъ ума.

Нерисса.—Выходитъ, старая-то присказка права: —
Повѣситься-ль, жениться-ль—все судьба.

Порція.—И такъ, задерни занавѣсъ, Нерисса.

Входитъ слуга.

Слуга.—Гдѣ, гдѣ наша госпожа?

Порція.—Здѣсь-съ. Что̀ угодно нашему господину?

Слуга.—Сударыня, тамъ у воротъ молодой Венеціанецъ прибылъ извѣстить о приближеніи своего господина, и привезъ отъ него чувствительныя приношенія, то-есть (не считая изысканныхъ и вѣжливыхъ словъ) богатѣйшіе подарки; я не видывалъ еще такого подходящаго посланника любви: апрѣльскій день никогда не былъ такъ прекрасенъ, чтобъ возвѣстить всю пышность будущаго лѣта, какъ этотъ предвѣстникъ прибытія своего господина.

Порція.--Прошу довольно; мнѣ ужъ, просто, страшно
Что ты откроешь въ немъ свою родню:
Ты тратишь столько высшаго витійства
На похвалы ему.—Идемъ, идемъ, Нерисса,
И я желаю видѣть, что̀ за вѣстникъ
Отъ быстраго Эрота, такъ любезный...

Нерисса.—Когда-бъ Бассаніо къ намъ, господинъ Эротъ...

(*Уходятъ.*)

Іюня 1877.

ГЕБРСКАЯ МОГИЛА.

(Окончаніе.)

Міръ полонъ зла и нечистоты, продолжалъ почтенный старецъ, но не все въ мірѣ заполнено ими; послѣ мрака всегда наступаетъ свѣтъ, рядомъ со злыми живетъ доброе, вмѣстѣ съ грязью и нечистотой встрѣчается чистое, свѣтлое и святое. Есть въ мірѣ злыя животныя, злые люди, тяжелыя скорби, болѣзни и страданія, есть въ мірѣ безобразныя чудовища, страшныя зловонія, тяжелые сны и многое другое—порожденіе зла... Но Хармузъ святъ и милостивъ—зло не побѣдитъ добра, мракъ не затемнитъ свѣта, болѣзнь не убиваетъ жизни, зловоніе не заглушаетъ ароматовъ, врагъ не замѣнитъ друга... Человѣкъ почитающій Хармуза не долженъ ужасаться зла. Бороться съ нимъ, уничтожать его и очищать—вотъ его обязанность, и свѣтлый рай Хармуза уготованъ для тѣхъ, кто всю жизнь свою боролся съ мракомъ, зломъ и нечистотой...

Какъ ни видоизмѣнилось въ настоящее время мудрое ученіе Зороастра, но какъ много въ немъ высокаго, ободряющаго и поднимающаго духъ человѣка! То не мрачный пессимизмъ буддизма, провозгласившій, что вся жизнь есть страда, и что единственный выходъ изъ нея — есть нирвана, погруженіе въ небытіе, то-есть отрицаніе всякой жизнедѣятельности, всегда высоко поднимающей какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлые народы... Нѣтъ, жизнь для послѣдователя Зендавесты не страда, а арена борьбы, притомъ не безплодной, какъ для буддиста, а борьбы, возвышающей человѣка, поднимающей его до высоты

помощника свѣтлаго божества, борца со зломъ міра и его нечистотой. Крайне непонятно, почему современные философы, проникнувшіеся сознаніемъ всеміpнаго зла, окутанные сѣтями пессимистическихъ воззрѣній, обратились къ изученію и даже послѣдованію буддизма и его нирванѣ, замѣсто изученія парсизма... Мертвящее, убивающее всякую энергію духа, проповѣдующее одно небытіе и покой замѣсто жизни и дѣятельности, ученіе Сакбемуни, при всей его нравственной чистотѣ, стоитъ гораздо ниже ученія Зороастра, учившаго какъ бороться со зломъ жизни и какъ его побѣждать. Замѣсто смерти и небытія обѣщалась побѣда жизни и добра, замѣсто безсмысленной апатіи ко всему, что̀ относится до жизни и ея радостей, какъ то проповѣдывалъ будда, мудрый пророкъ Ирана училъ какъ жить, бороться, пользоваться радостями жизни, какъ достигать совершенства и приближаться къ божеству въ качествѣ его соратника и помощника... Воззрѣніе достойное высокаго назначенія человѣка!...

„Буддизмъ есть религія отчаянія павшаго человѣка... Буддистъ знаетъ одно средство къ спасенію—въ нравственномъ самоубійствѣ и въ полномъ самоуничтоженіи... Человѣческая жизнь въ ея полномъ развитіи чужда исповѣдующимъ его спящимъ народамъ. Жизнь ихъ идетъ въ молчаливомъ терпѣніи бѣдъ и скорбей... тихо, глухо, безъ разумныхъ обнаруженій...“ Совсѣмъ иначе отразилось ученіе Зороастра на древнихъ Персахъ, создавшихъ его и послѣдовавшихъ за нимъ... „Это былъ отважный и живой народъ, убѣжденный, что онъ призванъ для постоянной борьбы съ темными силами. Этою подвижностью объясняются и его внѣшнія войны, и его неустойчивость и частыя перемѣны во внутреннемъ бытѣ...“ Въ противуположность буддизму, религія Зороастра была религіей кипучей дѣятельности, вѣчной борьбы, религіей небезысходнаго отчаянія, а свѣтлой надежды на конечную побѣду...

Высоко и нравственно стоялъ древній народъ Ирана, пока живы были въ немъ принципы ученія Зороастра, до тѣхъ поръ былъ онъ славенъ, силенъ и могучъ... Пали основы древняго ученія, забыта мораль Зендавесты, и глубоко палъ вмѣстѣ съ тѣмъ позднѣйшій потомокъ славнаго народа... Едва ли гдѣ-нибудь въ мірѣ можно найти бо̀льшій контрастъ, какъ между древнимъ и современнымъ насельникомъ Ирана.. На нихъ всего лучше можно прослѣдить вліянія тѣхъ или другихъ религіозныхъ

принциповъ и ту перемѣну, которая произошла въ измѣненіи нравственной стороны жизни цѣлаго народа, едва онъ смѣнилъ вѣру своихъ предковъ на шаткую мораль исламизма.

„Чистота въ сердцѣ и дѣйствіе—вотъ основная добродѣтель и исходъ всѣхъ нравственныхъ дѣйствій древняго Иранца...“ Онъ былъ олицетвореніемъ правды—добродѣтели, приближавшей его къ Ормузду, по ученію Зендавесты; клятва была чужда древняго Перса, потому что каждое его слово было уже клятвой... Ложь считалась самымъ величайшимъ преступленіемъ. „Чего не позволено Персамъ, писалъ старикъ Геродотъ, о томъ запрещено имъ и говорить.“

Религія дѣятельности и борьбы требовала отъ древняго Перса постояннаго неусыпнаго труда; лѣность и безпечность были такимъ же тяжкимъ грѣхомъ, какъ и ложь и оскверненіе чистоты. Воздѣлываніе земли и умноженія земныхъ благъ было вмѣнено въ религіозную обязанность Перса, какъ борца съ нечистыми силами природы, стремящимися породить недостатокъ и лишенія. Удаленіе нечистоты не только въ самомъ человѣкѣ, но и во всей окружающей его природѣ, доходившее до величайшей мелочности, составляло также отличительную черту древняго Перса. Не довольствуясь самымъ скрупулёзнымъ очищеніемъ тѣла, жилища, одежды и пищи, послѣдователь Зороастра принималъ особыя мѣры къ очищенію матери-земли и въ особенности воды, которую онъ считалъ за силу, способствующую порожденію человѣка, животныхъ и растеній... Огонь сталъ символомъ чистоты и позднѣе символомъ самого великаго Ормузда лишь потому, что являлся въ глазахъ Перса самымъ могущественнымъ средствомъ очищенія всякой нечистоты на землѣ... Личная свобода человѣка—поклонника и помощника Ормузда въ древнемъ Иранѣ стояла высоко; древній Персъ ненавидѣлъ стѣсненіе личныхъ правъ, деспотизмъ властителей противенъ принципамъ Зендавесты и развился позднѣе съ потерей и забвеніемъ ея основной морали..

Въ сравненіи съ этимъ высокимъ нравственнымъ обликомъ древняго народа, какимъ жалкимъ и презрѣннымъ является современный „фарзи“, не сохранившій даже чистоты нрава своихъ славныхъ предковъ, не говоря уже о чистотѣ ихъ ученія. Пропитанный ложью, пронырливый, хитрый, на каждомъ шагу дающій и преступающій клятвы, современный сынъ Ирана является однимъ изъ самыхъ презрѣнныхъ народовъ Востока. Подавленный рабствомъ, угнетенный многовѣковою тиранніей,

онъ потерялъ давно свою честь, и въ этомъ отношеніи стоитъ ниже даже изворотливаго Араба, котораго настоящій фарзи презираетъ такъ глубоко. Подлость, низость и самая постыдная трусость современнаго Перса вошли даже въ пословицу. Не только разбойникъ Туркменъ, но даже Курдъ и Татаринъ презираютъ Перса, который не вѣритъ самому себѣ и готовъ ради самой ничтожной выгоды продать своего друга и даже отца. Забывъ основной законъ древней религіи, считающій правду лучшими украшеніями человѣка, современный Персъ далекъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ отъ древняго послѣдователя Зороастра. Потомокъ Иранца, считавшаго чистоту физическую требованіемъ своей религіи, современный „фарзи", кичащійся предъ всѣми другими народами, грязенъ до того по отношенію къ своему тѣлу, одеждѣ, пищѣ и жилищу, что даже грубый кочевникъ имѣетъ въ этомъ преимущество надъ нимъ. Не оскорбляя чувства приличности, нельзя и говорить о той страшной грязи, которою отличается современный Персъ, живущій среди нечистоты, носящій грязь на своемъ собственномъ тѣлѣ и одеждѣ, загрязняющей все, до чего не прикасается его неопрятная рука. Припомнимъ, что у древняго Перса было вмѣнено въ законъ не строить ничего новаго впродолженіи цѣлаго года на томъ мѣстѣ, гдѣ найденъ былъ какой-нибудь трупъ человѣка или даже животнаго. Припомнимъ слова Геродота, сообщающаго, что Персы не льютъ даже воды въ рѣку, чтобы не осквернить ее нечистотой, ничего не моютъ въ ней, не умываютъ надъ ней рукъ и не дѣлаютъ ничего подобнаго. Современный Персъ не признаетъ ничего сквернымъ и заслуживающимъ отвращенія: онъ живетъ часто рядомъ съ трупами, строитъ жилища въ навозѣ, пьетъ воду оскверненную падалью животныхъ. Сколько разъ я встрѣчалъ трупы собакъ и шакаловъ въ водѣ систернъ, которыми жители пользовались цѣлыми мѣсяцами, не давая часто себѣ труда даже выловить отравляющую воду падаль. Не разъ меня поражало то обстоятельство, что Персъ словно враждебно относится ко вмѣстилищу своей единственной воды, умышленно загрязняя ее всѣмъ тѣмъ, что̀ только находится въ его распоряженіи.. Въ небольшихъ струйкахъ живой воды (которою такъ бѣдна Персія), выбѣгающихъ прямо на большую дорогу, можно видѣть воочію такое страшное загрязненіе воды, которое трудно встрѣтить гдѣнибудь въ другомъ мѣстѣ на земномъ шарѣ.

Только въ нѣкоторомъ уваженіи къ огню и домашнему очагу,

замѣчаемымъ и у современныхъ Персовъ, можно видѣть остатокъ того высокаго культа огня, который составлялъ единственную религію древняго Ирана. Гораздо болѣе за то слѣдовъ древняго ученія не только съ догматической и обрядовой стороны, но и въ моральномъ отношеніи можно встрѣтить среди вымирающихъ Гебровъ, вѣрныхъ завѣтамъ Зендавесты и хранящихъ многое такое, что̀ даетъ имъ право считаться истинными сынами Ирана.

* * *

„Тягучее вещество, изъ котораго сложенъ апатичный Индѣецъ, говоритъ картинно Хрисанѳъ, уцѣлѣло, говоря метафорически, а металлъ, изъ котораго скованъ былъ Иранецъ, сокрушенъ, разбитъ сильнымъ напоромъ историческихъ движеній. Правда, и у Индусовъ давно уже отлетѣла жизнь, но они все еще хранятъ связь съ преданіями своего прошлаго; Персы или Иранцы—нынѣ совершенно чуждые на землѣ отцовъ“; мало того, прибавимъ мы, они сдѣлались гонителями тѣхъ, кто имѣетъ неоспоримое право считать своею родиной Иранъ. Презираемые современными Персами, какъ идолопоклонники, Гебры съ великимъ трудомъ и упорствомъ отстаиваютъ не только свое существованіе, но и свой древній языкъ и большинство религіозныхъ обрядовъ. Въ то время какъ Персы забыли древній языкъ Зендовъ, многіе Гебры знаютъ его, на немъ читаютъ свою Зендавесту, на немъ произносятъ молитвы и за него готовы умереть. Лишь очень немногіе изъ передовыхъ людей современнаго Ирана относятся съ уваженіемъ и симпатіей къ этимъ немногимъ гебрскимъ общинамъ, хранящимъ завѣты древняго Ирана: правда, за послѣднее время въ Персіи образовалась даже одна новая секта, имѣющая цѣлью возстановить забытый культъ Зендавесты и сблизиться съ его хранителями Гебрами, но всѣ эти немногія симпатіи къ этимъ послѣднимъ не уравновѣшиваютъ суммы всего того, что̀ имъ приходится претерпѣвать. Давно Гебры были бы истреблены, еслибъ ихъ не охраняла особая грамота халифа Али—племянника и зятя Пророка.

Подъ Тегераномъ есть небольшая колонія Гебровъ, живущая преимущественно садоводствомъ и потому выставляющая лучшихъ садоводовъ въ столицу Персіи. Съ однимъ изъ представителей этой небольшой общины, не насчитывающей и двухъ сотъ членовъ, я познакомился достаточно близко, чтобъ еще болѣе присмотрѣться къ Гебрамъ. Старый Мехметъ, отлично полировавшій

розы и разводившій садовые плоды, повидимому, былъ однимъ изъ наставниковъ своей общины и отправлялъ даже кое-какіе религіозные обряды. Знакомство съ нимъ поэтому было очень интересно для меня тѣмъ болѣе, что старый Гебръ, вообще не чуждавшійся особенно чужеземцевъ, особенно благоволилъ къ Русскимъ, благодаря которымъ онъ получилъ свободу изъ туркменскаго плѣна при разгромѣ хивинскаго разбойничьяго гнѣзда. Нѣсколько разъ я бывалъ въ бѣдной хижинѣ Мехмета, ѣлъ съ нимъ изъ одной трапезы и при помощи своего джигита разспрашивалъ много обо всемъ, что̀ интересовало меня.

Мехметъ ходилъ всегда въ длинной бѣлой рубахѣ, поверхъ которой набрасывалъ нѣчто въ родѣ плаща съ широкими разрѣзными рукавами. Небольшая желтая чалма покрывала его голову, не пробритую такъ безобразно, какъ у Перса. Неотъемлемою принадлежностью его костюма былъ красный поясъ, который, быть-можетъ, служилъ знакомъ принадлежности его къ числу послѣдователей Зендавесты. Поясъ этотъ Мехметъ никогда не снималъ, даже во время сна, такъ какъ онъ, по мнѣнію стараго Гебра, спасалъ его тѣло отъ козней духа тьмы и ночи. Поясъ, какъ намъ извѣстно, служилъ символомъ принадлежности къ обществу вѣрующихъ и союза съ Ормуздомъ у древнихъ Зендовъ. Кусочекъ двухцвѣтной матеріи, носимой Мехметомъ на груди, но скрытый подъ сорочкой, быть-можетъ, также былъ подобіемъ того священнаго пенома, который употреблялся древними Персами для прикрытія рта при совершеніи молитвы. Желтый цвѣтъ чалмы символизировалъ свѣтъ солнца, какъ сознавался самъ Мехметъ. Нѣсколько амулетовъ, сдѣланныхъ изъ мѣди и камня, дополняли костюмъ стараго Гебра.

Не богато было его жилище, но въ немъ можно было замѣтить, что хозяинъ его не принадлежитъ къ обыкновеннымъ неопрятнымъ фарзи; чистота въ хижинѣ Мехмета была удивительная; бѣлыя стѣны его были постоянно чисты, окраска поновлялась каждый годъ. Простенькіе ковры были чисто выколочены, а постель старика по своей опрятности могла походить на постель дѣвушки, а не простаго земледѣльца-садовника. Никакой нечисти не водилось въ домикѣ Мехмета, и ночь, проведенная въ немъ, была для меня отдыхомъ послѣ многихъ безсонныхъ ночей, проведенныхъ въ борьбѣ съ различными паразитами, кишащими въ персидскихъ домахъ. Принципъ самой скрупулезной чистоты былъ проведенъ во всемъ хозяйствѣ стараго Мехмета со стро-

гостью достойною требованій Авесты; небогатая посуда, одежда и немногія принадлежности обихода стараго Гебра блистали единственно опрятностью, которая поражала меня послѣ столькихъ примѣровъ безобразной грязи, видѣнныхъ даже въ богатыхъ персидскихъ домахъ; сколько разъ въ сутки умывался старый Мехметъ, не знаю, но что онъ мылся тщательно не только до и послѣ принятія пищи, но и при всякомъ случаѣ,—это я наблюдалъ не разъ... Я слышалъ прежде много о томъ, что у современныхъ Гебровъ чистота и, въ особенности, обряды очищенія доведены до высшей степени мелочности, и на своемъ новомъ знакомцѣ могъ убѣдиться самымъ несомнѣннымъ образомъ. Я помню, какъ однажды попотчивалъ Мехмета англійскимъ печеніемъ... Старикъ, не гнушавшійся вкушать пищу даже отъ рукъ чужестранца, взялъ бережно предлагаемое, нѣсколько разъ обдулъ его сверху, положилъ бережно на чистый платокъ, лежавшій въ широкомъ карманѣ, и затѣмъ пошелъ обмыть руки и ротъ предъ вкушеніемъ пищи. Вернувшись, старый Мехметъ снова обдулъ печеніе и, прочитавъ какую-то молитву, съѣлъ первый отломленный кусокъ. Бормотаніе молитвенныхъ словъ нѣсколько разъ прерывало употребленіе въ пищу сладкаго куска, сготовленнаго не посвященными руками.

Въ приготовленіи пищи старый Гебръ соблюдалъ особенно тщательно возможную въ его положеніи чистоту; его опрятности при несложной стряпнѣ могла бы позавидовать самая чистоплотная кухарка. Надо было видѣть, какъ обмывались овощи, какъ чистились они, съ какими предосторожностями клался рисъ для плова, какъ бережно снималась накипь и какъ далеко отъ дому затѣмъ относились въ особомъ сосудѣ, прикрытомъ чистою тряпкой, всѣ тѣ отбросы, которые остались отъ стряпни. Я не знаю, далеко ли такъ опрятны всѣ Гебры, какъ мой знакомецъ Мехметъ, но есть данныя думать, что онъ не составляетъ исключенія.

Я не видѣлъ, какъ молился Мехметъ, но въ домѣ его замѣтилъ двѣ мѣдныя жаровни и изящно сдѣланную курильницу, по всей вѣроятности, употребляемыя имъ при совершеніи какихъ-нибудь обрядовъ или религіозныхъ церемоній.

— Добрый сынъ мой, сказалъ мнѣ однажды Мехметъ на мой вопросъ, обращенный къ нему по поводу гебрскихъ храмовъ, молитвъ и религіозныхъ церемоній.—не далеко ушло то счастливое время, когда Гебры не были такимъ презрѣннымъ и угнетен-

нымъ народомъ, какъ теперь видишь ты. Были тогда у насъ великіе храмы Огня, въ которыхъ мы молились Хармузу и приносили ему обильныя жертвоприношенія. Не угасалъ тогда священный огонь во всѣхъ жертвенникахъ, посвященныхъ великому царю солнца и небесъ, вѣчно поднимались отъ нихъ благовонныя куренія, не умолкали сладостные стихи Авесты, денно и нощно молились тамъ погруженные въ созерцаніе жрецы... Сладки были великому Хармузу наши молитвы, пѣснопѣнія и огни; не разъ въ неугасимыхъ земныхъ огняхъ нашихъ храмовъ являлся онъ самъ лучезарно блистающій, и тогда предъ нимъ померкали всѣ земные разноцвѣтные огни... Новый въ тысячу кратъ болѣе блистающій огонь горѣлъ на нашихъ жертвенникахъ, неизъяснимые ароматы исходили отъ нихъ—весь народъ нашъ, объятый священнымъ трепетомъ, тогда вмѣстѣ съ жрецами лежалъ распростершись долу, прислушиваясь къ громовымъ раскатамъ, которые привѣтствовали Хармуза... Теперь нѣтъ у Гебровъ великихъ храмовъ, отступился отъ нихъ и великій Хармузъ... Развалинами храмовъ нашихъ покрыта вся страна, наступаетъ царство тьмы, погибаетъ народъ Хармуза, послѣдніе Гебры дочитываютъ священныя слова Авесты...

— Я видѣлъ развалины вашихъ храмовъ, сказалъ я въ отвѣтъ старику, но какъ же безъ храмовъ молитесь вы Хармузу?

— Вмѣсто роскошнаго обѣда бѣднякъ ѣстъ одинъ хлѣбъ или плоды, отвѣчалъ Мехметъ.—такъ и мы, лишенные храмовъ, молимся Аллаху—вѣдь онъ то же, что Хармузъ,—повсюду, гдѣ застанетъ насъ часъ молитвы. Мы видимъ Аллаха на небѣ въ солнцѣ, въ лунѣ и въ звѣздахъ, на землѣ въ огнѣ, твореніяхъ божіихъ, и онъ видитъ также превѣчный своихъ бѣдныхъ поклонниковъ въ ихъ хижинахъ, въ скорби и нищетѣ...

И чѣмъ больше вслушивался я въ слова и разсужденіе старика, тѣмъ все симпатичнѣе становилась мнѣ эта погибающая древняя религія, вымирающіе представители которой хранятъ незыблемыми завѣты и преданія своихъ дѣдовъ и отцовъ. Правда, религія дуализма, исповѣдуемая современными Парсами, далеко не та, что во времена Зороастра, правда, въ ней почти исчезъ самый дуалистическій принципъ, но она отъ подобной поправки, навѣянной ученіями Христа и Магомета, только выиграла въ цѣльности. Въ „современномъ катихизисѣ Гвебра, говоритъ мною цитированный Хрисанѳъ, признается одинъ богъ Ормуздъ безтѣлесный, безвидный и безпространственный: Ариманъ исчезъ

безвозвратно, но за то сильнѣе содержится вѣра въ безсмертіе... Нынѣшніе Парсы отрицаютъ посредниковъ между богомъ и человѣкомъ. Спаситель одинъ—Ормуздъ, а средства къ спасенію одни добрыя дѣла... Это не та вѣра, что заключена въ Яснѣ, Вендидадѣ и Виспаредѣ. Авеста стала уже мертвою буквой..." но далеко не совсѣмъ. Настоящіе Парсы во многомъ повторяютъ своихъ славныхъ предковъ и жизнью, и моралью, и религіозными обрядами.

Они также считаютъ себя народомъ, призваннымъ на борьбу съ темными силами, всякою нечистью и зломъ на землѣ и по мѣрѣ своихъ силъ помогаютъ Ормузду въ очищеніи міра. Такъ же какъ древніе Иранцы, они отличаются высокою честностью, вѣрностью данному слову; ложь для нихъ ненавистна такъ же, какъ коварство, обманъ и развратъ и вообще нравственная нечистота. Высоко они цѣнятъ, какъ и прямые послѣдователи Зороастра, святость брачныхъ узъ, какъ средство для распространенія царства Ормузда и увеличеніе числа поклонниковъ бога свѣта и огня. Хотя главѣ семьи нынѣшній Парсъ и отводитъ себѣ самое высокое мѣсто почти съ деспотическою властью, тѣмъ не менѣе женщина Парсовъ поставлена выше, чѣмъ у сосѣдей послѣдователей ислама; многоженство почти не встрѣчается между настоящими Гебрами. Супружескіе союзы и браки съ иновѣрцами у этихъ послѣднихъ презираются такъ же, какъ и у древнихъ Иранцевъ; эти смѣшенія, думаютъ они, уменьшаютъ число послѣдователей Авесты и ограничиваютъ царство Ормузда. Сосѣди мусульмане за послѣднее время нерѣдко похищаютъ красивыхъ гебрскихъ дѣвушекъ и обращаютъ ихъ насильно въ исламъ; это одна изъ причинъ сокращенія числа Парсовъ, и немудрено, что эти послѣдніе страшными проклятіями громятъ даже подобныхъ невольныхъ ренегатовъ. Согласно принципу древняго ученія, современный Парсъ любитъ земледѣліе, разведеніе полезныхъ животныхъ и особенную симпатію питаетъ къ садоводству, какъ труду, пользующемуся преимущественнымъ покровительствомъ Ормузда. Всѣ Гебры трудолюбивы, настойчивы въ преслѣдованіи намѣченной цѣли, не лишены и коммерческихъ способностей, причемъ выгодно отличаются среди Персовъ своею высокою честностью, довѣріемъ къ слову и чистотой своихъ торговыхъ оборотовъ; благодаря этимъ качествамъ, Гебры Іезда и Кирмана играютъ довольно значительную роль, какъ посредники торговыхъ сношеній съ Индіей.

Преслѣдуя съ фанатическою строгостью чистоту своей крови, Гебры, несмотря на свою малочисленность, крайне гордятся этимъ; они сохраняютъ въ самомъ дѣлѣ чистоту древняго иранскаго типа. Среди Гебровъ Іезда, такъ же какъ и Парсовъ Бомбея, можно встрѣтить прекрасныя лица; женщины ихъ, не носящія покрывалъ и ходящія съ открытыми лицами, отличаются нерѣдко особенною красотой; нравственность ихъ также высока, и сколько ни сыплется обвиненій на идолопоклонниковъ Гебровъ, никто не можетъ упрекнуть ихъ въ безнравственности, доходящей среди шіитовъ-Персовъ до самыхъ чудовищныхъ степеней. Эта нравственная чистота Гебровъ удивительна тѣмъ болѣе, что Авеста, не признающая ни постовъ, ни аскетизма, ни самоистязаній, считала вполнѣ законными всѣ чувственныя наслажденія.

Но если нравственный и внѣшній обликъ Гебра Индіи или Ирана можно очертить сравнительно легко, благодаря тѣмъ сношеніямъ, въ которыхъ они принимаютъ такое живое участіе, то многія черты ихъ религіозной жизни совершенно ускользаютъ отъ самыхъ усердныхъ наблюдателей, и о нихъ приходится говорить либо по-наслышкѣ и догадкѣ, либо по тѣмъ отрывочнымъ даннымъ, которыя удается раздобыть. Гебръ, не отличающійся особенною скрытностью и недовѣріемъ къ чужестранцу, не совсѣмъ откровененъ съ нимъ лишь по отношенію къ религіознымъ вопросамъ; это происходитъ вовсе не отъ особой таинственности, которою будто бы облекается ихъ культъ, сколько отъ страха боязни и преслѣдованія: народъ, который гонимъ за вѣру уже столько столѣтій своими же родными и земляками, не можетъ быть слишкомъ откровеннымъ по отношенію къ единственному своему сокровищу—культу и языку. Не надо однако забывать, что у гебрскихъ священниковъ первые европейскіе изслѣдователи познакомились съ зендскимъ языкомъ и самою Зендавестой.

Вымирающіе нынѣ поклонники свѣта и огня точно такъ же, какъ и послѣдователи другаго загадочнаго культа—іезиды, неправильно именуемые поклонниками дьявола, безъ сомнѣнія едва ли исповѣдуютъ чистый культъ древности, но все-таки вѣрованіе тѣхъ и другихъ вовсе не представляетъ такой пестрой смѣси съ христіанскими и магометанскими воззрѣніями, какъ то говорятъ многіе авторы, писавшіе о Парсахъ. Не совсѣмъ вѣрно, говоритъ поэтому и Реклю, указывая на то, что „религія персидскихъ Гвебровъ не представляетъ никакого различія съ религіей послѣднихъ мусульманъ". Чтобы пріобрѣсти ихъ благорасположеніе,

огнепоклонники допускаютъ, что Зердуштъ или Зороастръ есть одно и то же лицо, которое Евреи, христіане и мусульмане какъ „книжники“ знаютъ подъ именемъ Авраама; въ каждомъ спорѣ собесѣдники съ ними вѣжливо соглашаются, что это именно такъ и есть...“ Совершенно соглашаясь съ этими послѣдними словами Реклю относительно того, что отожествленіе Зороастра съ Авраамомъ и тому подобныя сближенія, допускаемыя Гебрами, есть не что̀ иное, какъ простыя уловки, употребляемыя послѣдними въ религіозныхъ спорахъ съ болѣе сильнымъ противникомъ, я повторяю, что большинство примѣсей христіанскаго вѣроученія и ислама, на которыя указывается, какъ на видоизмѣненіе ученія Зендавесты, у нынѣшнихъ Гебровъ существуютъ только въ видѣ компромиссовъ съ религіей гонителей ихъ, сосѣдей. То же самое удалось намъ указать и въ религіозныхъ вѣрованіяхъ іезидовъ, исповѣдующихъ культъ весьма близкій къ тому, которому слѣдуютъ и Гвебры Ирана.

Правда, забыты или затмились у нихъ основные принципы Авесты, сводящіе весь міръ и весь круговоротъ жизни къ борьбѣ Ормузда съ Ариманомъ, борьбѣ добраго и свѣтлаго начала съ темнымъ и злымъ, одинъ лучезарный Ормуздъ или Хармузъ признается у современныхъ послѣдователей Зороастра за высшее, ни съ кѣмъ не раздѣляющее своей власти, божество, идеи монотеизма взяли верхъ надъ дуализмомъ, но поэтическое оживотвореніе природы осталось и въ современномъ парсизмѣ. И небо, и земля, и огонь, и всѣ стихіи, даже камень и вода—все признается живымъ, чувствующимъ, а иногда и разумнымъ. Парсъ видитъ міръ оживотвореннымъ, наполненнымъ жизнью, борьбой, но для него не ясна вполнѣ та борьба противуположныхъ началъ, о которой такъ много говорится въ Яснѣ и Вендидадѣ. Если древняя религія Парсовъ, проводившая глубоко принципы дуализма, приводила всю міровую жизнь къ борьбѣ двухъ началъ, борьбѣ, ведущейся съ перемѣннымъ счастіемъ, съ частою побѣдой зла надъ добромъ, причемъ окончательная побѣда Ормузда надъ Ариманомъ предполагалась лишь въ концѣ міроваго цикла,—то въ современномъ парсизмѣ острый характеръ этой борьбы началъ считаться оконченнымъ, тѣнь Аримана сошла съ горизонта религіознаго міросозерцанія, и Ормуздъ признается побѣдителемъ и единственнымъ безспорно владыкой міра.

Хотя и затмился въ понятіяхъ современнаго Парса грозный соперникъ Ормузда Ариманъ, но далеко не пропали въ міросо-

зерцаніи Гебра темные духи—пособники Аримана, второстепенные геніи міроваго зла... Болѣе конкретныя представленія всегда переживаютъ болѣе отвлеченныя; это замѣчается при всякомъ регрессивномъ развитіи древнѣйшихъ религій человѣчества. Добрымъ силамъ природы и у современныхъ Парсовъ, какъ и въ древнемъ Иранѣ, противупоставлены темныя, нѣсколько имъ противодѣйствующія, хотя и жестокой борьбы между ними не допускаетъ уже современный Гебръ. Онъ боится страшныхъ дэвовъ Андры, Акумано, Эшмо, различныхъ друковъ и другихъ злыхъ духовъ темнаго царства, но боится ихъ, какъ, напримѣръ, у насъ боятся чертей, не придавая имъ того важнаго значенія, какъ то было въ древнемъ Иранѣ. По всѣмъ собраннымъ и имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, современные Парсы, хотя и сохраняютъ имена нѣкоторыхъ добрыхъ и злыхъ геніевъ древности (амеша-спента, яцаты, ферветы—добрые геніи, дэвы, друки, пайрики—злые геніи), но между ними не предполагается того сопоставленія, какъ въ Зендавестѣ, понятія объ этихъ геніяхъ такъ спутаны у нынѣшнихъ Парсовъ, что въ нѣкоторыя молитвы ихъ, говорятъ, входятъ даже геніи злаго начала, какъ духи, сочувствующіе человѣку. Еще болѣе выродились у нынѣшнихъ Гебровъ представленія о фравашисъ или ферверахъ-геніяхъ, покровителяхъ частныхъ формъ жизни, отдѣльныхъ существованій и самого человѣка. Древній зендъ считалъ, что не только каждый человѣкъ, но и всякое живое существо имѣло своего фервера, то-есть генія-хранителя; нынѣшніе Парсы, говорятъ, смѣшиваютъ ферверовъ съ тѣнями усопшихъ, а иногда и съ душой человѣка: это послѣднее представленіе еще болѣе подходитъ къ воззрѣніямъ Авесты: ферверы растеній и животныхъ, признававшіеся этою послѣднею, повидимому, вовсе не входятъ въ міросозерцаніе современнаго парсизма.

Вслѣдствіе потери принциповъ дуализма у современныхъ Гебровъ едва ли ясно представляется имъ и ученіе о сотвореніи міра, какъ и объ его исходѣ. По ученію Зендавесты, міръ являлся результатомъ борьбы двухъ началъ Ормузда съ Ариманомъ, создавшимъ видимыя формы, какъ средства для междуусобной борьбы; результатомъ исхода этой послѣдней является, согласно съ этимъ воззрѣніемъ, и кончина видимаго міра. По понятіямъ древняго Иранца, міръ духовъ добраго и злаго начала, созданныхъ Ормуздомъ и Ариманомъ, явился раньше сотворенія видимаго міра. Лишь позднѣе Ормуздъ создаетъ этотъ послѣдній, какъ физиче-

ское препятствіе для распространенія царства Аримана, причемъ для сотворенія первыхъ живыхъ существъ свѣтлый богъ посылаетъ своихъ чистыхъ духовъ, облекая ихъ земною оболочкой. Человѣкъ есть тоже воплощеніе невидимыхъ духовъ, „носитель того разума, той вѣчной правды, что̀ отъ вѣка сіяетъ въ самомъ Ормуздѣ“; онъ безсмертенъ поэтому какъ ферверъ, облеченный плотію. Послѣ видимой смерти онъ восходитъ опять ко Ормузду, его ферверъ — душа соединяется съ божествомъ Аримана, не успѣвшій помѣшать Ормузду въ сотвореніи видимаго міра, жизни и человѣка, не могъ разрушить матеріальнаго созданія своего противника, но онъ за то дополнилъ его зломъ, преисполнилъ нечистью, созданіями своей злой воли и существами, ставшими во вредъ всему сотворенному Ормуздомъ; не довольствуясь этимъ, Ариманъ отвратилъ даже человѣка отъ почитанія своего творца. Дальнѣйшее развитіе зендскихъ представленій о судьбахъ міра и человѣчества отчасти сходно съ библейскими. Въ бундегешѣ повторяется библейское сказаніе о грѣхопаденіи первыхъ людей посредствомъ употребленія запрещеннаго плода. Благодаря первому грѣху, зло было внесено Ариманомъ даже въ родъ человѣческій —лучшее твореніе Ормузда, носителя его божественнаго разума и силы. Это зло было однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ для Ормузда, такъ какъ борьба между двумя началами была перенесена главнымъ образомъ изъ небесныхъ сферъ въ среду человѣческаго рода. „Исторія человѣка, какъ и исторія творенія міра, является поэтому зрѣлищемъ взаимной борьбы между началами добра и зла“... Въ мірѣ явились двѣ противоположныя группы людей, совращенныхъ Ариманомъ и оставшихся вѣрными Ормузду, вѣчно враждовавшихъ между собою. Поколѣніе первыхъ людей, почитателей дэвовъ, распространившихъ почти по всей землѣ поклоненіе Ормузду, было смѣнено поколѣніемъ отвернувшимся отъ Ормузда и поклонившимся Ариману. Когда мѣра нечестія человѣческаго рода преисполнилась, великій Ормуздъ послалъ въ міръ воплощеніе своей силы —пророка Зороастра для того, чтобъ отвратить ихъ отъ Аримана, научить закону, и помощію котораго они могли бы бороться противъ злыхъ духовъ.

Но и самое появленіе такого великаго пророка, какъ Зороастръ,—не могло обезпечить человѣку полной побѣды надъ наущеніями Аримана; человѣкъ позналъ средства и возможность противиться ему и побѣждать дэвовъ во славу Ормузда, но онъ того не восхотѣлъ, сбитый наущеніями Аримана. Злое начало

торжествуетъ, міръ почитателей Аримана возрастаетъ, царство Ормузда и людей, поклоняющихся ему, уменьшается. Настоящее время, можно сказать смѣло, становясь на точку зрѣнія Парса, представляетъ настоящую побѣду Аримана; почитатели Ормузда—современные Гебры являются каплей въ морѣ среди исповѣдниковъ другихъ религій, а слѣдовательно, идущихъ по внушенію Аримана. Великій пророкъ Зендавесты, вѣроятно, провидѣлъ такое странное оскудѣніе вѣры, развивая съ особенною силой ученіе объ эсхатологіи, то-есть о концѣ видимаго міра въ связи съ оскудѣніемъ числа почитателей Ормузда. „Концу міра и окончательной побѣдѣ добра надъ зломъ должно предшествовать появленіе новаго послѣдняго пророка, а затѣмъ воскресеніе мертвыхъ и обновленіе вселенной. Всѣ явленія, предшествующія этому катаклизму, такъ сходны съ библейскими, что многимъ внушали мысли о заимствованіи. Новый пророкъ Сосіошъ, представляющій „воплощеніе всего того нравственнаго могущества, какое можетъ вмѣстить въ себѣ человѣкъ“, то-есть воплощеніе всѣхъ силъ Ормузда, водворитъ побѣду свѣтлаго начала въ сердцахъ людей, приблизитъ ихъ снова къ божеству и повергнетъ Аримана и всѣхъ его дэвовъ уже навсегда. Окончательная побѣда надъ духомъ смерти и разрушенія, какимъ является въ Зендавестѣ Ариманъ, предполагаетъ уже само по себѣ воскресеніе мертвыхъ. Воскресшія тѣла соединятся со своими фервёрами или душами и составятъ вновь полнаго человѣка, уже на вѣки принадлежащаго къ царству Ормузда. Но не всѣ люди удостоятся сразу такого великаго счастія; въ небесный міръ Ормузда могутъ войти только вполнѣ чистые и свободные отъ всякой Ариманевой нечистоты. Судъ вновь воскресшихъ людей, который произведетъ Сосіошъ, раздѣлитъ людей; одни войдутъ прямо въ царство Ормузда, а другіе будутъ подлежать очищенію вмѣстѣ со всѣмъ міромъ, преисполненнымъ нечистоты Аримановой, отъ которой его можетъ очистить только огонь, нисходящій съ неба. Упадетъ съ небесной выси тогда комета, земля разрушится, огонь растопитъ горы, и растопленные металлы потекутъ по землѣ, какъ рѣки. Три дня и три ночи будетъ происходить это огненное очищеніе міра; злые люди и самъ Ариманъ со своими твореніями дэвами будутъ низринуты въ этотъ огонь очищенія... Черезъ трое сутокъ міръ, люди и самый Ариманъ очистятся, совершенно будутъ чисты, свѣтлы и достойны того, чтобъ образовать новое просвѣтленное царство Ормузда. Для

людей наступитъ тогда вѣчная блаженная жизнь въ лучахъ свѣтлаго Ормузда, предъ которымъ въ качествѣ жреца или молитвенника предстанетъ и самъ очищенный Ариманъ"...

Таковы въ краткихъ чертахъ основныя вѣрованія древняго Ирана, и его религіозное міросозерцаніе... Мы нарочно немного подробно остановимся на нихъ для того, чтобъ указать ту основную канву, на которой развились позднѣйшія измѣненія воззрѣній Зендавесты подъ вліяніемъ различныхъ толкованій ея, забвенія древнихъ преданій, философскаго смысла тѣхъ или другихъ дуалистическихъ представленій и, наконецъ, подъ напоромъ новыхъ вѣяній, стремившихся заглушить совершенно религію древняго Ирана...

Современные Гебры объ основаніи міра, твореніи животныхъ и людей, а также и о конечной судьбѣ всего видимаго мыслятъ нѣсколько отлично, какъ тому учитъ Зендавеста. Стройность философской системы, построенной на принципахъ дуализма, рушится, разумѣется, въ представленіяхъ современныхъ Парсовъ, у которыхъ выпалъ самый краеугольный камень изъ міросозерцанія, созданнаго ихъ предками.

— Все въ мірѣ создалъ Хармузъ, говорилъ мнѣ однажды Мехметъ на вопросъ, обращенный къ нему, относительно порядка и сущности творенія.—Въ началѣ созданы были свѣтлые дэвы, потомъ души человѣковъ, а затѣмъ рукой Хармуза сплетена и ткань отдѣльно для неба и земли. Въ ячейки небесной ткани великій Хармузъ вложилъ свой правый глазъ—солнце, въ ячейки земли—вложены были камни, огонь и вода... Лѣвый глазъ Хармуза сталъ затѣмъ луной, искры, сыпавшіяся отъ его очей, разсѣялись звѣздочками по ткани неба... Свѣтлые духи ниспускались тогда на землю и, сложивъ тѣла изъ глины, сока растеній и огня, вошли туда и оживорили ихъ. Души людей нашли на землѣ уже готовыми оболочки, созданныя дэвами... Животныя явились также при помощи дэвовъ, старавшихся также заполнить ячейки земли горами, лѣсами, морями и пустынями...

Я не буду перечислять всѣхъ тѣхъ версій и сказаній, которыя циркулируютъ между современными Гебрами относительно творенія міра, потому что они могутъ быть интересными только для спеціалиста. Мы остановимся только на представленіяхъ нынѣшнихъ Парсовъ относительно дальнѣйшихъ судебъ видимаго міра и человѣческаго рода вообще и Гебровъ въ частности.

— Великій Хармузъ гнѣвается на землю, сообщилъ мнѣ по

этому поводу Мехметъ:—онъ видитъ съ высоты неба, что люди забыли его, возлюбили зло замѣсто добра, покинули жертвенники свѣта и поклонились тьмѣ... Посмотри кругомъ—во всемъ ты видишь гнѣвъ Хармуза... Знойное солнце выпиваетъ воду, попаляетъ нивы, и обращаетъ ихъ въ пустыни, пески засыпаютъ поля и сады; на землю приходятъ съ неба морозы и ядовитые вѣтры; болѣзни, скорби и смерть все болѣе и болѣе распространяются между людьми позабывшими Хармуза... Не дологъ вѣкъ человѣка, съ послѣднимъ Гебромъ, говорятъ наши старики, погибнетъ и родъ человѣческій... Вѣрные почитатели Хармуза пойдутъ на небо къ своему отцу, другіе люди умрутъ и исчезнутъ безъ слѣда. Старики говорятъ, что огонь упадетъ на землю и пожретъ все то, что̀ находится на ея поверхности, и животныхъ, и людей... Лишь Гебры, да люди, сознающіе себя хотя въ мысляхъ своихъ поборниками добра и поклонниками Хармуза спасутся... Читай священную Авесту, она научитъ тебя, какъ угождать Великому и хотя въ мысляхъ твоихъ быть Гебромъ—почитателемъ Хармуза...

Я не могу, разумѣется, считать слова Мехмета за выраженіе современнаго міросозерцанія Гебровъ, но нѣтъ сомнѣнія, что старый огнепоклонникъ говорилъ то, чему учили его старики. Въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ моихъ съ нимъ по этому поводу я слышалъ дополненіе, развитіе вышесказаннаго и массу взглядовъ, указывающихъ на постороннія примѣси и искаженія въ видоизмѣненномъ имъ міросозерцаніи Зендовъ. Мехметъ сообщилъ мнѣ напримѣръ сказанія о потопѣ, о спасеніи части людей при помощи большаго корабля, говорилъ о долголѣтіи древнихъ людей, объ ихъ порокахъ и грѣхахъ и о томъ, что не разъ великій Хармузъ посылалъ къ нимъ своихъ пророковъ для вразумленія. Разсказывалъ Мехметъ также и о томъ, что къ каждому человѣку приставленъ добрый и злой геній, и что между собою они подѣлили тѣло; часть верхняя принадлежитъ Хармузу, часть нижняя—сѣдалище грѣха—обитаніе злаго духа... Строгимъ воздержаніемъ и многочисленными очищеніями человѣкъ можетъ избавиться отъ присутствія этого послѣдняго, но надо остерегаться опять, чтобы духъ злобы и грѣха не вошелъ снова въ человѣка черезъ дыханіе или вмѣстѣ съ нечистою пищей... Сбивчивы были понятія стараго огнепоклонника и относительно пророка и самого Ормузда, который иногда, по его словамъ, представлялся чуть не антропоморфированнымъ... Я не буду

перечислять всѣхъ грубыхъ и безсмысленныхъ суевѣрій, которыми преисполнено религіозное міросозерцаніе современнаго Парса; лишь въ очень немногихъ случаяхъ въ основаніи ихъ можно видѣть ту или другую подкладку древняго зендскаго ученія, всѣ остальныя суевѣрія — очевидный плодъ невѣжества, созданный безо всякой религіозной или умозрительной системы...

Что касается до обрядовой стороны современнаго Зендскаго культа, то въ немъ такъ же, какъ и въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, проглядываетъ много такого, о чемъ мы можемъ читать и въ Зендавестѣ, но не мало и безсмысленныхъ обрядовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ культомъ свѣта и огня.

Помимо указаннаго выше, уже не вполнѣ ясно сознаваемаго участія въ борьбѣ добраго начала со злымъ, бывшаго краеугольнымъ камнемъ древняго культа, современные Парсы выражаютъ свои чувства къ высшему божеству по преимуществу молитвой, чтеніемъ древнихъ книгъ, языка которыхъ они часто и не понимаютъ, а также жертвоприношеніями, сожигаемыми вмѣстѣ съ благовоніями на небольшихъ курильницахъ и молитвенныхъ жаровняхъ и очажкахъ. Одну изъ такихъ я видѣлъ въ домѣ Мехмета. Обыкновенная мѣдная жаровня, употребляемая повсюду на Востокѣ для согрѣванія, служившая старому огнепоклоннику въ качествѣ домашняго алтаря, поразила меня только какими-то странными рисунками, грубо вырѣзанными на ея исподѣ и краяхъ. Я замѣтилъ между прочимъ изображеніе трехголовой женщины съ шестью парами рукъ, но съ двумя грудями и двумя ногами; около нея вдоль по краю закоптѣлой жаровни шли зигзаги, напоминавшіе мнѣ символическое изображеніе молніи у арійскихъ народовъ.

Я не знаю, всѣ ли жаровни Гебровъ имѣютъ какіе-нибудь отличительные рисунки, но въ настоящее время эти сосуды, по преимуществу мѣдные, являются необходимыми принадлежностями не только гебрскихъ храмовъ, но и частныхъ жилищъ. Культъ огня по своей простотѣ не требовалъ необходимо особыхъ зданій для совершенія религіозныхъ обрядовъ: первыми алтарями въ честь Ормузда были простые жертвенники изъ камней, поставляемые на самыхъ возвышенныхъ мѣстахъ. Каждое семейство могло имѣть подобный собственный алтарь, на которомъ приносились жертвы и возліянія. Еще во времена Геродота у древнихъ Персовъ не было особенныхъ храмовъ, посвященныхъ божеству. Многія изъ каменныхъ сложеній, которыя видитъ

теперь путешественникъ на высокихъ горахъ, могутъ быть считаемы за разрушенные алтари Гвебровъ. Въ настоящее время фанатики мусульмане не дозволяютъ этимъ послѣднимъ воздвигать свои „языческіе“ алтари, и поклонники огня должны таить въ своихъ домахъ средства для жертвоприношенія и свои переносные алтари.

Храмы огня появились въ Персіи сравнительно поздно; первые изъ нихъ были созданы въ сѣверо-восточной части Ирана, гдѣ обиліе нефтеносныхъ слоевъ обусловливало естественное поддержаніе, такъ-называемыхъ, вѣчныхъ огней, столь сильно дѣйствовавшихъ на впечатлѣнія поклонниковъ Ормузда. Храмы эти были четырехугольные безъ особыхъ архитектурныхъ украшеній, чаще всего открытые къ небу для удобства жертвоприношенія. Никакой обстановки храмы эти не имѣли, такъ какъ заключали собственно говоря тотъ же самый жертвенникъ, который ставился и подъ открытымъ небомъ. Въ храмахъ заведено было впервые обыкновеніе поддерживать на алтаряхъ вѣчный огонь при помощи растительнаго масла, а вѣроятно и нефти. Одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ храмовъ огня былъ расположенъ около Балка; у насъ не далеко отъ Баку тоже показываютъ прекрасно сохранившійся храмъ вѣчнаго огня. Съ возникновеніемъ особыхъ храмовъ простой самъ по себѣ культъ огня получилъ болѣе сложныя формы, самое служеніе облеклось таинственностью, стало мистеріей; въ святилище огня, заключенное въ стѣнахъ храма, могли входить только жрецы, поддерживавшіе священный огонь. Въ числѣ средствъ, употребляемыхъ для пищи св. огню, были куски финиковыхъ и гранатовыхъ деревъ, цвѣты, плоды, молоко и куски особаго растенія священной гомы. Болѣе сложный культъ потребовалъ и бо̀льшаго разнообразія въ обстановкѣ храмовъ. Въ числѣ утвари, бывшей въ храмахъ огня, указываютъ на сосуды для очищенія, ложки для бросанія ароматовъ, ступки для измельченія поднесеній, особыя сосуды для собиранія сока гомы, камень для чтенія Зендавесты и другія принадлежности. Въ позднѣйшихъ знаменитѣйшихъ храмахъ Ирана самый огонь жертвенниковъ былъ не простымъ, а составленнымъ изъ 12 разноцвѣтныхъ огней, изъ которыхъ былъ зажигаемъ отъ солнца—небеснаго огня при помощи чечевицеобразнаго огня. По всей вѣроятности, въ позднѣйшихъ храмахъ огня поставляемы были и символическія статуэтки, изображающія Митру, Рамана, Анагиту и другихъ яцатовъ Ормузда...

Съ возникновеніемъ преслѣдованія религіи Парсовъ мусульманами и съ разрушеніемъ не только храмовъ, но и отдѣльныхъ жертвенниковъ огня, обрядовая сторона религіи Гебровъ приняла снова упрощенный характеръ... Уже въ XIII в. въ Иранѣ не было ни одного дѣйствующаго храма огня, остались одни жертвенники, но и они были сокрушены, и тогда общины Гебровъ заключились въ самихъ себѣ и унесли въ свои дома древнія жаровни—единственные остатки священной утвари храмовъ. Въ настоящее время во всей Персіи лишь жертвенникъ Тофта возлѣ „города Свѣта" Іезда напоминаетъ угнетеннымъ огнепоклонникамъ о величествѣ ихъ древнихъ храмовъ огня. Всѣ другіе жертвенники Іезда, Кирмана и другихъ уголковъ Ирана сокрушены или замѣнились описанными выше жаровнями, тщательно скрываемыми обыкновенно Гебрами отъ непосвященныхъ. Самое старое названіе жертвенниковъ огня забыто, и ихъ останки, разсѣенные по Ирану, въ настоящее время носятъ арабское названіе аташъ-газъ, аташъ-каде...

Самое совершеніе богослуженія и жертвоприношеній, не особенно сложное у древнихъ Парсовъ, не отличается разнообразіемъ церемоній и понынѣ. Жрецы древняго Ирана помимо поддержанія священнаго огня читали Авесту, пѣли гимны въ честь Ормузда, приносили жертвы, совершали сложные обряды очищеній; пѣніе и музыка составляли неотъемлемую часть иранскаго богослуженія. Нынѣшніе Парсы, не имѣющіе возможности поддерживать священный огонь, ограничиваются лишь временнымъ его возжиганіемъ на своихъ жаровняхъ и очажкахъ, причемъ въ пищу огню приносятся попрежнему различныя благовонія, мясо чистыхъ животныхъ, а также молоко и сокъ нѣкоторыхъ растеній, замѣняющій, по всей вѣроятности, гому и при совершеніи этихъ обрядовъ и нынѣ, какъ и прежде, читается Авеста, языка которой многіе изъ слушателей не понимаютъ; точно также непонятны для значительнаго числа Гебровъ древніе гимны и молитвы употребляемыя въ повседневной жизни и при богослуженіи. Какъ ни сложны обряды очищеній, употреблявшіеся у древнихъ Иранцевъ, они все-таки не потеряли своего значенія и у современныхъ почитателей Ормузда. Въ глубокой древности средствами для очищенія считались всѣ стихіи, воздухъ, земля, вода и огонь. Очищенію черезъ воздухъ подвергались тѣла умершихъ, причемъ разсчитывалось также на помощь птицъ и солнечныхъ лучей; очищенію черезъ огонь подлежали лишь вещества, оскверненныя

присутствіемъ самого Аримана, нѣкоторыя одѣянія усопшихъ и тѣла нечистыхъ животныхъ; самыми же обыкновенными средствами очищенія были вода и земля; частыя омовенія рукъ, ногъ и тѣла водой, иногда смѣшанною съ благовоніями, вытиранія ихъ землей, и послѣдовательное новое умовеніе были обыкновенными обрядами, выполняемыми и при совершеніи богослуженія. Современные Парсы продѣлываютъ самымъ тщательнымъ образомъ всѣ эти сложныя церемоніи очищеній, думая въ простотѣ сердечной, что въ отправленіи ихъ заключается одно изъ важнѣйшихъ требованій культа свѣта и огня. Мехметъ разсказывалъ мнѣ, что нѣкоторые Гебры въ день совершаютъ не менѣе 10—12 омовеній, жрецы доходятъ еще до болѣе высшихъ степеней очищенія, употребляя кромѣ воды еще сокъ различныхъ травъ пустыни, символизирующихъ божественную гому. У современныхъ Гебровъ, какъ и у древнихъ Иранцевъ, установлены особые дни очищеній; и въ эти празднества совершается самое тщательное и торжественное очищеніе всего гебрскаго народа; поклонники огня этими очищеніями какъ бы приготовляютъ себя къ тому, чтобы стать достойными воителями Ормузда. Никакихъ болѣе детальныхъ подробностей о гебрскихъ очищеніяхъ я не могъ добиться ни у Мехмета, ни у другихъ свѣдущихъ лицъ. Знаю только, что очищеніе въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и степеняхъ примѣняется теперешними Гебрами при всякомъ случаѣ жизни. Не говоря уже о случаяхъ смерти, объ обрядностяхъ которыхъ мы уже упоминали, особенно тщательныя и сложныя церемоніи очищенія примѣняются при рожденіи, бракосочетаніи, по выздоровленіи отъ тяжкой болѣзни, послѣ совершенія тяжкаго грѣха, предъ покаяніемъ и великими празднествами. Мнѣ сообщали также, что на могилахъ своихъ родныхъ во дни, посвященные поминовенію умершихъ, современные Гебры приносятъ небольшія жертвы, состоящія изъ благовоній и особыхъ хлѣбовъ. На описанной выше гебрской могилѣ я встрѣтилъ въ самомъ дѣлѣ небольшое кострище, которое позволяло думать о подобномъ жертвоприношеніи. Небольшіе лоскутки разноцвѣтныхъ тряпокъ, видѣнные мною на камняхъ Кала-Гебри, напоминаютъ также о своеобразномъ приношеніи даровъ духамъ предковъ и дэвамъ, охраняющимъ могилы. Остатки трапезы, встрѣченные нами въ гебрской могилѣ, вскорѣ послѣ дня поминовенія усопшихъ, указываютъ и на то, что современные Парсы, подобно своимъ предкамъ, пировавшимъ на могилахъ въ праздникъ Fravardian,

совершают и донынѣ обильныя тризны въ память усопшихъ родныхъ. Другихъ гебрскихъ праздниковъ я не знаю, хотя мнѣ не разъ говорили о различныхъ торжествахъ, которыя отправляютъ Гебры преимущественно возлѣ своихъ дахмэ—могилъ. Горсть вымирающихъ поклонниковъ Ормузда, не находящая сочувствія среди живыхъ, собираясь на могилахъ своихъ предковъ, здѣсь только чувствуетъ себя не совсѣмъ одинокими на землѣ. Глубокій трагизмъ видится мнѣ въ этомъ обыкновеніи современныхъ Парсовъ, даже во дни величайшихъ празднествъ собирающихся на могилы.

При отсутствіи храмовъ современныя Кала-Гебри въ настоящее время являются такимъ образомъ своего рода центрами не только религіозными, но и національными. Со своею общею могилой та или другая кучка Гебровъ Ирана связана не только правомъ дѣдовъ и отцовъ, но и традиціями, которыя соединяются для современнаго Парса единственно съ ближайшею Кала-Гебри. Бѣлая башня молчанія, возвышающаяся одиноко среди каменной пустыни, говоритъ очень много не только сердцу Гебра, но и каждому путнику, понимающему ея глубокое значеніе.

То не простая могила, думалось мнѣ, когда я, покидая Тегеранъ, въ послѣдній разъ бросилъ прощальный взглядъ на виднѣвшуюся вдалекѣ одинокую Кала-Гебри. То могила цѣлаго народа, могила великаго древняго культа, отразившагося глубоко на міросозерцаніи всѣхъ народовъ древняго и новаго міра. У подножія этой одинокой бѣлой башни, трепеща ежедневно за свое жалкое существованіе, собираются послѣдніе представители вымирающаго народа, послѣдніе огнепоклонники міра. Религія свѣта и огня отжила свое время и сдѣлала свое дѣло; она не могла выдержать состязанія съ новыми религіями, болѣе глубокими и сильными своимъ рѣзко выраженнымъ монотеизмомъ, но она не пропала безслѣдно. Въ вѣрованіяхъ всѣхъ народовъ Средней Азіи замѣтны рельефно принципы дуализма, отъ нихъ не освободилось совершенно даже міросозерцаніе нѣкоторыхъ европейскихъ народовъ. Въ свое время древняя религія Ирана породила много сектъ и расколовъ въ самомъ христіанствѣ Востока, и еще до сихъ поръ есть теософы, указывающіе на близость Зендавесты со многими частями библейскаго вѣроученія. Религія огня возвысила Иранъ и сдѣлала его одно время міровою монархіей древняго міра. Вмѣстѣ съ паденіемъ принциповъ Зороастрова ученія пала и великая слава Ирана; религія дѣятель-

ности и борьбы, поднимавшая нравственныя силы Иранскаго народа, смѣнилась проповѣдью покоя и наслажденій; живой, подвижной и отважный народъ сдѣлался бездѣятельнымъ, апатичнымъ и трусливымъ. Исламъ, пришедшійся по вкусу изнѣженнаго и сластолюбиваго оріентала, задался цѣлью истребить остатки древняго ученія, столь несогласнаго съ его подвижною моралью, и достигнулъ этого безъ особаго труда. Древній культъ заглохъ, спрятался въ таинственную глубину своихъ полуразрушенныхъ храмовъ и могилъ; остатки древняго настоящаго персидскаго народа столпились около нихъ, какъ утопающіе на одинокихъ камняхъ, высящихся среди бушующей стихіи. Но не далеко то время, когда отойдутъ къ своему отцу Ормузду и эти послѣдніе огнепоклонники, и тогда лишь однѣ бѣлыя башни молчанія будутъ напоминать современной Персіи объ ея древней мудрой религіи, объ ея минувшей славѣ и о тѣхъ, которые погибли схоронивъ съ собою несмѣшанную чистую кровь благороднаго Ирана.

А. Елисѣевъ.

СТАРЫЕ СЧЕТЫ.

Повѣсть.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XVI.

Вечеромъ, послѣ чаю, обѣ сестры и Степанъ сидѣли на нижнемъ балконѣ. Солнце садилось и въ воздухѣ, полномъ смолистаго аромата окрестныхъ лѣсовъ, послѣ іюньскаго, жаркаго дня, было тихо... Степанъ читалъ о ту пору новую повѣсть Анны Михайловны и Наташа допрашивала его о впечатлѣніи.

— Неужли это похоже на кружева?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ подумавъ:—Это осмыслено и тепло; но онъ правъ въ одномъ отношеніи:—тутъ, дѣйствительно, нѣтъ ничего политическаго.

Варя молчала, занятая, на рѣдкость, какою-то ручною работой, хотя оживленное выраженіе ея глазъ свидѣтельствовало, что она не теряетъ ни слова изъ сказаннаго.

Съ повѣсти разговоръ незамѣтнымъ образомъ перешолъ на Анну Михайловну, а потомъ на Хлюдова и обѣщанную имъ для журнала статью.

— Петръ Осиповичъ сегодня спрашивалъ... Съ почты не было никакого пакета?

— Не было, отвѣчала Варя.

— Ну, значитъ, самъ привезетъ... и обращаясь къ Степану:— Онъ вамъ не говорилъ, когда онъ будетъ?

— Нѣтъ; но сказалъ, что ему приказано быть на недѣлѣ...

Неосторожное слово слетѣло съ его языка совсѣмъ неумышленно, но онъ сдѣлалъ еще и другую глупость, взглянувъ при этомъ на Варю.

Лицо у дѣвушки загорѣлось яркимъ огнемъ.

— Это неправда! сказала она, не отрывая глазъ отъ шитья.— Я ему ничего не „приказывала" и никогда не приказываю... Неправда!.. Неправда!.. Но голосъ ея, сначала твердый, оборвался и перешелъ въ истерическое, сдавленное рыданіе.

Степанъ глядѣлъ на нее испуганный, не понимая, что̀ это значитъ.

— Я не могу этого слышать!.. Нѣтъ!.. Не могу!.. Не могу! твердила она бросая работу на столъ въ напрасныхъ усиліяхъ овладѣть собой; а между тѣмъ, что-то подпрыгивало у ней въ груди и на шеѣ замѣтна была порывистая, спазматическая работа мускуловъ, словно сердце грозило выпрыгнуть и она усиливалась его проглотить.

— Стыдись! сказала сестра, повидимому спокойно, но въ тонѣ голоса ея пробивалось скрытое раздраженіе.—Приказывала или не приказывала, не все ли это равно?.. Ты дѣлаешь глупую сцену изъ пустяковъ!

Но не успѣла она договорить, какъ Варя вскочила и, ухватясь руками за горло, кинулась прочь.

Оставшіеся глядѣли другъ другу въ глаза. Наташа едва владѣла собой, Степанъ былъ блѣденъ какъ воскъ... Онъ что-то спросилъ;—ему отвѣчали нехотя и съ досадой.

— Неужли не понимаете? Эта дура вбила себѣ съ чего-то въ голову, что ея исторія съ Хлюдовымъ уронила ее въ вашихъ глазахъ, и вотъ уже третьи сутки какъ сходитъ съ ума... Идите и разувѣрьте ее.

Онъ кинулся... Въ головѣ у него ходило кругомъ, но на сердцѣ вдругъ отлегло... Съ минуту Наташа слышала за кустами поспѣшный шагъ;—потомъ все стихло.

Только тогда ей стало ясно, что дѣло гораздо серьезнѣе, чѣмъ она воображала. Какое дурачество она сдѣлала, давъ ему ключъ, который онъ врядъ ли нашелъ бы самъ!.. „Мужчины такъ глупы!.." Она сидѣла, прислушиваясь; но все было тихо;—только ревнивое сердце било въ набатъ.

Степанъ обѣжалъ два раза весь садъ, пока убѣдился, что Вари тамъ нѣтъ.

— Вы не видали Варвару Өедоровну? спросилъ онъ у горничной, отворявшей окно.

— Сейчасъ ушли за калитку, въ лѣсъ, отвѣчала дѣвушка.

Онъ бросился по знакомой дорожкѣ и скоро догналъ ее. У Вари, когда она обернулась къ нему, оказались заплаканные глаза и плечи ея подергивало, но къ этому времени онъ уже зналъ, что̀ ему остается дѣлать.

— Гнался за вами съ ордою жалобъ; но хоть убей не припомню теперь ни одной! сказалъ онъ, тронутый ея жалкимъ видомъ.—Спасибо вашей сестрѣ. Еслибъ она не надоумила, я бы и до сихъ поръ блуждалъ въ потемкахъ!.. Голубчикъ, вы задали мнѣ загадку, которая чуть съ ума меня не свела... Ахъ, Варя, еслибы вы знали, что̀ дѣлалось у меня на душѣ эти два дня, вы бы не волновались изъ пустяковъ!.. Какое мнѣ дѣло до Хлюдова и его претензій. Еслибъ у васъ было десять Хлюдовыхъ и всѣ они перебѣсились отъ ревности, это не пошатнуло бы ни на мигъ моего высокаго уваженія къ вамъ!.. Кому же и вѣрить если не вамъ? Кто полюбилъ меня съ дѣтскихъ лѣтъ и послѣ несчетныхъ потерь привѣтствовалъ здѣсь какъ роднаго?.. Кого мнѣ любить, на кого надѣяться кромѣ васъ?

Клеванская слушала въ сильномъ смущеніи.

— Довольно ли этого, чтобы васъ разувѣрить? спрашивалъ онъ:—Или я долженъ собрать всю дерзость, къ какой я способенъ и не глядя вамъ въ глаза, чтобы не струсить, прибавить еще пару словъ?.. Дайте мнѣ руку на счастье.

Она обернулась къ нему и протянула обѣ руки. Лицо ея было свѣтло и на немъ, какъ солнце послѣ дождя, свѣтилась та робкая, дѣтски-довѣрчивая усмѣшка, которая послѣ ихъ первой прогулки завоевала Степана.

Онъ собирался что-то сказать, но не вытерпѣлъ и окончилъ свое объясненіе тѣмъ первобытнымъ способомъ, который отъ сотворенія міра считается самымъ краснорѣчивымъ.

* * *

Прозрачная ночь съ ея пряными запахомъ мокрой травы и хвои застала ихъ далеко отъ дома, на берегу Славянки. Они сидѣли обнявшись и шепотъ рѣчей перерывался страстными поцѣлуями; а время летѣло и только мѣсяцъ, выплывшій изъ тумана, напомнилъ имъ, что должно быть уже за полночь и что пора наконецъ вернуться домой.

— Гдѣ мы? спросилъ озираясь Степанъ.

Клеванская назвала деревню и разстояніе дó дому.

— Пожалуй безъ васъ не найти и дорóгу назадъ...

— А ваша звѣзда?

— Какая звѣзда?

Смѣясь, она разсказала ему свой сонъ, но не кончивъ, ахнула и широко открыла глаза.

— Голубчикъ! Чтò это значитъ, что вы безъ шляпы?

Степанъ хватился рукою за голову... Въ самомъ дѣлѣ безъ шляпы!.. Стали припоминать, но оказалось, что онъ и не могъ быть въ шляпѣ, такъ какъ забылъ ее взять, когда его звали пить чай. Но если въ томъ, что онъ не взялъ ея съ собой когда побѣжалъ за Варей, не было ничего удивительнаго, то какъ объяснить, что ни онъ, ни она, такъ долго не обратили на это вниманія, особенно, Варя не спускавшая съ него глазъ?.. Вопросъ былъ брошенъ, какъ безнадежный; но у калитки они еще разъ надъ нимъ задумались... Ясно, что если они вернутся вмѣстѣ, онъ не успѣетъ сбѣгать за шляпой... Поэтому Варя пошла впередъ, какъ авангардъ, который долженъ отвлечь вниманіе непріятеля, тогда какъ Степанъ прокрался въ обходъ и поспѣлъ къ ней на выручку въ самый моментъ, когда Наташа, на верхнемъ балконѣ, увидѣвъ сестру и перегнувшись черезъ перила, спрашивала:

— А гдѣ же Стёпа?

— Здѣсь, отвѣчалъ онъ весело, уже съ шляпой въ рукахъ.

— Гдѣ это вы пропадали такъ долго?

Онъ отвѣчалъ, что сбились съ дороги.

— Хотите ужинать?

— Страшно хотимъ...

Но еще до ужина Варя была настигнута въ своей комнатѣ и выдержала весьма непріятный допросъ.

— Отбила-таки? сказала Наташа, за время долгаго ожиданія успѣвшая заподозрить сестру въ обдуманномъ, длившемся двое сутокъ маневрѣ.

Отвѣтъ былъ труденъ, ибо она не могла сказать: — „Ты сама его бросила", не сознавшись въ своемъ торжествѣ, но прежде всего потому, что сестра была явно не въ духѣ слушать ея оправданіе. Догадывалась или не догадывалась Наташа, что промахъ ея непоправимъ, а трехъ-часовая прогулка, ночью, послѣ разыгранной, какъ казалось лишь для отвода глазъ,

комедіи, сама по себѣ составляла въ ея глазахъ улику, противъ которой нечего возражать.

Быстро сообразивъ свое неловкое положеніе, Варя сказала:— „Глупости!“ и сѣла перемѣнять свои вымокшія въ росѣ ботинки.

— Можно однако полюбопытствовать, чѣмъ у васъ кончилась ссора?

— Ну, разумѣется, помирились.

— Не больше того?

— Чего же еще?.. Имѣй терпѣніе; завтра я все тебѣ разскажу; а сегодня я такъ устала, что у меня языкъ насилу шевелится.

— Видно ему была работа! ворчала Наташа, хлопнувъ съ досады дверью.

Она была недовольна собой и зла на сестру. — „Навѣрно“, думала она:—„скажетъ, что я сама отъ него отказалась; но развѣ это не значитъ ловить человѣка нá словѣ?“

За ужиномъ она хорошо владѣла собой, но послѣ ужина убѣжала въ слезахъ и, не давая себѣ труда раздѣться, бросилась на постель... Варнавинъ, которому надоѣло ждать, велѣлъ постлать у себя внизу и давно уже спалъ... Пустая комната, — мертвая тишина,—сердце ея замирало отъ зависти и тоски.

Съ пріѣзда Степана, она догадывалась не разъ, что ея романъ приходитъ къ концу; но ей и во снѣ не снилась такая развязка... Родная сестра!.. Могла ли она когда-нибудь думать чтобы Варя, которую она на рукахъ носила, стала ея преемницей?.. Не хочетъ признаться, но по глазамъ уже видно, что дѣло у нихъ рѣшено!..

Мысли ея блуждали.—„Хотя бы совсѣмъ уже кончилось, такъ чтобы больше его не видать... Такъ нѣтъ же! Теперь отъ него ничѣмъ не отвяжешься!..“

И въ памяти у ней ожило все, что̀ мужъ ея говорилъ по поводу этой несчастной исторіи съ деньгами Стёпы... Переговоры съ нимъ начаты были уже съ недѣлю, такъ, исподволь, только чтобъ ощупать почву; но можетъ-быть именно потому что за нихъ не рѣшались серьезно взяться, не повели ни къ чему... Совѣстится... „Я молъ на все согласенъ... Какъ сами желаете, такъ и будетъ,... а у меня только одно желаніе, чтобы вы никогда не раскаялись въ томъ, что̀ вы сдѣлали“... Но мужъ не вѣритъ.—„Нашла, говоритъ, отшельника!.. Ему не семьдесятъ лѣтъ;— онъ можетъ жениться и наплодить многочисленную семью... Тогда и желанія его будутъ опредѣленнѣе; а мы, если до этого отъ

него не отвяжемся,—будемъ кормить уже не его одного, а шестеро,—десятеро! Да и жена его можетъ взглянуть на дѣло совсѣмъ иначе и можетъ потребовать вчетверо"... Но это онъ ей говорилъ, а про себя, конечно, будетъ ужасно радъ... Сказать ему развѣ сейчасъ, чтобы душу отвесть?.. Нѣтъ, онъ послѣ этого не уснетъ, да и она съ нимъ; а ей надо выспаться, чтобы завтра никто не замѣтилъ чего ей стоило это извѣстіе.

Наташа встала и медленно начала раздѣваться, не позабывъ заглянуть при этомъ и въ зеркало.

— Чѣмъ она хуже сестры?.. За Варю нельзя отвѣчать, что въ тридцать она не растолстѣетъ; а у нея до сихъ поръ торсъ какъ изъ мрамора... Не даромъ скульпторы заглядываются!.. У Вари шея и плечи прелестны, но въ поясѣ она толще и ростомъ короче... Мужчины однако не входятъ въ такія тонкости... Этотъ Хлюдовъ!.. Съ нимъ будетъ много еще хлопотъ!.. Статью обѣщалъ на дняхъ... Какъ разъ будетъ завтра... Вотъ одолжитъ!

На этомъ мысли ея окончательно спутались и она уснула.

* * *

При всей своей вспыльчивости, Наташа имѣла довольно покладливый нравъ и за ночь сердце ея отошло... Конечно, утромъ, когда сестра разсказывала ей свои вчерашнія похожденія, дѣло не обошлось безъ вспышекъ ревности и упрековъ въ закрытой игрѣ; однако, на этотъ разъ она не набрасывалась уже на дѣвушку такъ свирѣпо и слушала ее очень внимательно. Но и у Вари, поутру, мысли пришли въ порядокъ, такъ что она не ходила въ карманъ за оправданіями.

— Странно воображать, говорила она,—что люди въ горячкѣ способны вести обдуманную игру!.. Когда я убѣжала отъ васъ вчера, мнѣ казалось, что все потеряно и что мнѣ остается только уйти куда-нибудь съ глазъ долой, чтобы спрятать свой стыдъ... Въ саду могли видѣть... Настя какъ разъ выглядывала въ окно... поэтому я убѣжала въ лѣсъ... Ноги подкашивались... сердце хотѣло лопнуть! И только когда онъ догналъ меня, когда я увидала его лицо, у меня мелькнула догадка, что можетъ-быть дѣло мое не совсѣмъ безнадежно... А ты говоришь, что я тебя поймала на словѣ! Куда мнѣ было ловить другихъ, когда я сама бѣжала какъ беззащитный звѣрокъ, за которымъ гонится стая собакъ. Дѣло мое казалось такъ плохо, что я и не думала о тебѣ... Отказалась или не отказалась ты отъ него, не все ли

это равно для человѣка, который проваливается?.. Не все ли равно и для тебя?.. Какъ будто бы то, что̀ случилось, зависѣло отъ тебя, — или отъ меня, — или отъ Стёпы?.. Какъ будто бы кто-нибудь изъ насъ зналъ куда мы идемъ?.. Ты тоже вѣдь ничего не предвидѣла... Съ пріѣзда и до вчерашняго дня я не имѣла съ нимъ никакихъ объясненій, не слышала отъ него никакихъ признаній... Онъ тоже всѣ эти дни блуждалъ въ потемкахъ.—„Еслибы ваша сестра, говоритъ, не надоумила, я бы съ ума сошелъ надъ заданною мнѣ загадкой!..“ Минуту спустя, развязка свалилась намъ на голову какъ снѣгъ... Я не успѣла ахнуть, не сознавала во снѣ ли это со мной или на яву!

Наташу подергивало и на лицѣ у нея свѣтилась завистливая усмѣшка.

— Святая невинность! сказала она.—Прибавь что тебѣ и на умъ не приходило выйти за него замужъ... Прибавь пожалуста, потому что этого только не достаетъ.

— А хотя бы и думала, отвѣчала Варя зардѣвшись. — Мало ли что̀ приходитъ на умъ... Мысли не жаворонки и ихъ не засадишь въ клѣтку. Ты развѣ не думала о замужествѣ, когда между вами не было еще и помину о чемъ-нибудь кромѣ воскресныхъ школъ?

Слезы сверкнули въ глазахъ у старшей сестры.

— Пожалуста ты оставь въ покоѣ мое прошедшее. Оно ни въ чемъ не похоже на то, что̀ теперь у васъ происходитъ. Степанъ полюбилъ меня не за то, что я напоминала ему другую, и я его ни у кого не отбивала. Мы не разыгрывали старой погудки на новый ладъ, и оба были свободны.

Бѣдная Варя едва владѣла собой, но все же владѣла лучше сестры.—Ну полно же, говорила она съ ласкающею усмѣшкой:— Полно! Будь справедлива. Изо всего что̀ ты мнѣ ставишь въ вину, существенно только то, что вы когда-то любили другъ друга; но это давно уплыло... Ты замужемъ и ты поступила умно, не воспользовавшись предоставленною тебѣ свободой. А онъ?.. Еслибъ я могла повѣрить хоть на минуту, что онъ еще любитъ тебя, клянусь я не поставила бы ему на счетъ его признаній и поцѣлуевъ, а поплакала бы наединѣ, да и махнула рукой... Что̀ жь дѣлать? Бываютъ въ жизни и не такія ошибки!.. Но для меня не нужно было твоихъ отказовъ. Мнѣ и безъ нихъ было ясно какъ день, что ты заигрываешь съ давно потухшимъ огнемъ. Изъ-за чего же я бы испортила себѣ жизнь?.. Будь

справедлива, Наташа, подумай изъ-за какихъ пустяковъ ты портишь мнѣ этотъ радостный день!

Наташа хмурилась, улыбалась и снова хмурилась,—плакала и опять улыбалась, но въ тайнѣ души была обезоружена и окончила тѣмъ, что сдалась.

— Ну, Богъ съ тобой! сказала она.—Я тебѣ не помѣха. Твой Степа можетъ быть нѣсколько старъ для тебя, но если у васъ будутъ дѣти, то ты его скоро догонишь. Его исторія съ Мери Питерсъ тоже по моему не совсѣмъ ясна, но онъ проученъ и врядъ ли забудетъ во что̀ ему обошлась Америка.

XVII.

Едва улеглось волненіе поднятое пріѣздомъ Степана и дачная жизнь Варнавиныхъ стала входить въ свою колею, какъ новый толчокъ разбудилъ и поставилъ на ноги всѣхъ. Событіе его породившее подкралось какъ воръ и захватило врасплохъ весь домъ, но никто не затронутъ былъ имъ такъ чувствительно, и не съумѣлъ оцѣнить такъ вѣрно его значеніе, какъ Петръ Осиповичъ. Самыя черныя его опасенія не сбылись, и онъ могъ наконецъ вздохнуть свободно. Наташа теперь уже отъ него не уйдетъ! Но торжество его было омрачено другими соображеніями. Сѣтуя на неясность и неустойчивость финансоваго ихъ положенія, онъ не разъ намекалъ женѣ, что воскресшій изъ мертвыхъ можетъ жениться и что въ подобномъ случаѣ, если они не успѣютъ начисто съ нимъ расквитаться, задача ихъ, уже и такъ нелегкая, будетъ фатально усложнена вмѣшательствомъ въ нее новаго фактора. Но ему и во снѣ не снилось, что этимъ факторомъ станетъ Варя!.. Конечно, это имѣло свои хорошія стороны. Дѣвушка хоть и съ норовомъ, все-таки свой человѣкъ и столковаться съ нею не такъ мудрено какъ съ Почаевымъ. Но Варя и прежде, когда всѣ жизненные ея интересы тѣснѣйшимъ образомъ связаны были съ семействомъ ея сестры—стоявшая за Почаева несравненно усерднѣе чѣмъ онъ самъ (plus royaliste que le roy, какъ подсмѣивались надъ ней Варнавины), теперь уже прямо возьметъ его дѣло въ руки какъ собственное свое и принесетъ ему въ приданое именно то, чего ему больше всего недостаетъ. Ему неизвѣстенъ бюджетъ изданія, а она, какъ бухгалтеръ, знаетъ его наизусть. Онъ скромничаетъ, а Варю нельзя упрекнуть

въ излишкѣ смиренія: это требовательная, настойчивая, самоувѣренная особа съ воинственными наклонностями и хорошо привѣшеннымъ языкомъ. Степанъ простодушно надѣется, что „предложеніе перевѣситъ спросъ" и въ этой надеждѣ ведетъ выжидательную игру, а она не захочетъ ждать и если ей не уступятъ сразу всего, что́ ей нужно, объявитъ войну.

Конечно, все это были зловѣщіе признаки; но они не указывали Варнавину ничего осязательнаго. Онъ только чувствовалъ, что у него отнимаютъ плоды его шестилѣтнихъ трудовъ и что онъ припертъ къ стѣнѣ,—искалъ простора, отсрочки чтобъ обдумать свою игру, желалъ чтобы руки его оставались свободны, желалъ чтобы прочно основанный имъ журналъ не улетучился. Дальнѣйшее уходило въ потемки, гдѣ мы и оставимъ его покуда.—„Глубокъ колодезь, не разглядѣть что̀ у него на днѣ", сказалъ о немъ Хлюдовъ, едва ли угадывая какъ далеко хватаетъ его намёкъ. На днѣ этой совѣсти было такъ темно, что даже и самъ хозяинъ ея не могъ разглядѣть, что̀ тамъ шевелится, а изъ близкихъ людей только одна Наташа знала какъ измѣнилось сердце его къ Степану.

Надо было однако что-нибудь предпринять... Осматриваясь, онъ убѣждался что онъ одинъ и чувство своей безпомощности побуждало его искать союзниковъ. Но у Варнавина, какъ у Бисмарка, когда этотъ страстный игрокъ смекнулъ, что хватилъ черезъ край, и началъ оглядываться, выборъ былъ невеликъ. Единственный человѣкъ, на котораго онъ съ грѣхомъ пополамъ еще могъ разсчитывать, былъ его тесть; да и того, какъ совѣсть ему шептала, онъ въ свое время успѣлъ уже поднадуть. Ѳедоръ Лаврентьичъ не могъ быть долго оставленъ въ невѣдѣніи откуда у его дочери деньги. Секретъ понемногу вышелъ наружу и вызвалъ съ его стороны заслуженные укоры.—Жалѣю, что я за васъ поручился, сказалъ онъ:—ибо вы не заслуживаете того... Смотрите сами чтобы вамъ не попасть въ отвѣтъ за то что̀ вы сдѣлали; а на меня не разсчитывайте. Я въ другой разъ не полѣзу за васъ въ огонь.

Онъ опасался претензій со стороны наслѣдниковъ этого „свистуна", какъ онъ легкомысленно называлъ Почаева; но позже, когда журналъ сталъ на ноги и ни съ какой стороны не слышно было сомнѣній въ правѣ собственности Наташи на это доходное предпріятіе, Клеванскій, питавшій высокое уваженіе къ уму и способностямъ своего зятя, не только махнулъ рукой на его

продѣлку, но въ тайнѣ души даже гордился отвагой къ какою Петръ Осиповичъ создалъ изъ ничего такое солидное положеніе.

— Люди, говаривалъ онъ,—дѣлятся на два сорта. Одни трубятъ о своемъ призваніи и развертываютъ широковѣщательныя знамена, но съ первою неудачей размякнутъ и послѣ того продаются за грошъ. Другіе, (къ которымъ онъ причислялъ и себя) не хвалятся идучи на рать, а молча берутся за дѣло и дѣлаютъ его не покладая рукъ. Эти, если ихъ Богъ не обидѣлъ умомъ, нерѣдко идутъ далеко. Петръ Осиповичъ, хотя и выбралъ себѣ такой скользкій, чтобы не сказать двусмысленный, путь, пойдетъ далеко, если послушается его совѣта и окончательно разорветъ съ дореформенною горячкой.

Клеванскій, съ тѣхъ поръ какъ онъ занялъ свой видный постъ, предпочиталъ Аптекарскій островъ всѣмъ лѣтнимъ убѣжищамъ. Не говоря уже объ извѣстныхъ удобствахъ этой бонтонной мѣстности, - живя въ чертѣ города, онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Павловскомъ и нерѣдко видѣлъ когонибудь изъ своихъ. Извѣстіе, что бѣглецъ оказался живъ и намѣренъ вернуться на родину, зять сообщилъ ему еще до отъѣзда изъ города и на первыхъ порахъ оно сильно встревожило старика, но когда Варнавинъ прочелъ ему нѣсколько строкъ изъ письма Степана къ Наташѣ, онъ улыбнулся и, потрепавъ его по плечу, сказалъ:—Не бойтесь, чортъ не такъ страшенъ какъ на картинахъ малюютъ. Это, сколько могу судить, порядочный человѣкъ и умѣючи взявшись за дѣло, съ нимъ будетъ нетрудно поладить.

Варнавинъ не спорилъ на счетъ порядочности, но заключеніе тестя казалось ему преждевременнымъ.

— Признаться вамъ, Ѳедоръ Лаврентьичъ, сказалъ онъ, — я предпочелъ бы всякое ясно опредѣленное требованіе этому жидко сентиментальному отношенію къ денежному вопросу. Добрыя чувства могутъ быть зачтены ему на томъ свѣтѣ, а въ настоящемъ они ни къ чему его не обязываютъ.—Что̀ это значитъ:—согласенъ на все?.. Вѣдь если я предложу ему за его претензію 10.000, онъ приметъ это за шутку;—и 20 тоже. А между тѣмъ, въ продажѣ по вольной цѣнѣ, журналъ едва ли выручитъ болѣе 30, ибо спросъ на этого рода товаръ невеликъ, а рискъ со стороны покупателя очевидный.

— Положимъ, сказалъ Клеванскій; – но почему же не объяснить ему этого по-пріятельски. Спросъ не бѣда. . Конечно, еслибы деньги его были у васъ не тронуты, онъ получилъ бы ихъ

полностію, обратно; но чѣмъ же вы виноваты, что онъ попалъ оффиціально въ списокъ убитыхъ? Наташа, распорядившись его состояніемъ какъ своею собственностью, не болѣе какъ исполнила волю его... Письмо, въ которомъ онъ завѣщаетъ ей деньги, цѣло?

— Цѣло.

— И консульское удостовѣреніе въ смерти?...

— Тоже.

— Ну, значитъ и спору о вашемъ правѣ не можетъ быть. Худо ли, хорошо ли распорядились, вы можете ему доказать по книгамъ, на что̀ его деньги издержаны;—а тамъ какъ угодно... Хочешь бери въ свои руки журналъ...

— Зачтя намъ за трудъ прожитое, вставилъ Варнавинъ.

— Разумѣется... А не хочешь, такъ получи за него по курсу то что̀ онъ стоитъ на рынкѣ... Поймите, я вовсе не утверждаю что дѣло у васъ дойдетъ до обвиненій съ одной стороны, и оправданій съ другой. Я утверждаю только, что если, какъ кажется, онъ не сутяга, онъ самъ пойметъ чего онъ въ правѣ отъ васъ ожидать и не запроситъ лишняго. Самое худшее, это что можетъ-быть вы поторгуетесь, но это еще небольшая бѣда.

На этомъ Ѳедоръ Лаврентьичъ задумался и видя, что его доводы плохо дѣйствуютъ, счелъ нелишнимъ оговориться.

— Конечно, продолжалъ онъ:—въ чужую душу не влѣзешь. Можетъ-быть всѣ мы въ немъ ошибаемся; но это уже ваше дѣло, такъ какъ вы знаете его коротко; а я его вовсе не знаю... Можно ли за него ручаться, что, въ крайнемъ случаѣ, онъ не подастъ на васъ въ судъ.

Варнавинъ молчалъ въ большомъ затрудненіи.

— Да, сказалъ онъ, повидимому серьезно взвѣсивъ вопросъ.— По крайней мѣрѣ я отвѣчаю, что онъ не сдѣлаетъ этого доброю волей. Но могутъ быть положенія, въ которыхъ самый порядочный человѣкъ не въ состояніи отвѣчать за свои поступки. Онъ можетъ жениться и быть подъ башмакомъ у какой-нибудь взбалмошной, жадной чертовки... Или надѣлать долговъ и очутиться въ когтяхъ у ростовщиковъ.

Лицо у его тестя (значительно облысѣвшаго и посѣдѣвшаго за пять лѣтъ) приняло озадаченный видъ и нижняя губа выпятилась.

— Въ виду подобнаго рода прискорбныхъ случайностей, сказалъ онъ,—благоразуміе требуетъ обезпечить себя нотаріальною сдѣлкой.

Варнавинъ сидѣлъ у него, въ этотъ день, весь вечеръ и въ результатѣ ушелъ значительно успокоенный; но не на долго. Мѣсяцъ спустя, наканунѣ пріѣзда Степана, мы уже видѣли изъ интимныхъ его объясненій съ женой,—какъ мало въ сущности измѣнился первый, тревожный взглядъ его на свое положеніе.

XVIII

Въ началѣ іюля стояли жары и на Аптекарскомъ, несмотря на избытокъ воды, было душно. Өедоръ Лаврентьичъ, окончивъ свою обычную, предписанную врачами ради обмѣна веществъ, передобѣденную прогулку, возвращался бульваромъ домой въ нѣсколько желчномъ расположеніи духа, свойственномъ большинству служащихъ людей натощакъ,—когда у воротъ его дачи на Набережной, и почти у самаго носа его, остановилась пролетка.

— Кого я вижу! воскликнулъ онъ съ просіявшимъ лицомъ, протягивая пріѣзжему обѣ руки.

Это былъ его зять, по просьбѣ своихъ спѣшившій его извѣстить о важномъ семейномъ событіи.

— Что̀ это съ вами, голубчикъ? сказалъ Клеванскій, садясь и усаживая его на балконѣ.—Вы смотрите на меня, какъ заряженный пистолетъ!.. Ужь не случилось ли чего до̀ма?

— Случилось, Өедоръ Лаврентьичъ, но не тревожтесь;—извѣстіе, которое я вамъ привезъ, „не заставитъ плакать ваши глаза“, и вообще не имѣетъ въ себѣ ничего печальнаго... Варварѣ Өедоровнѣ вчера было сдѣлано предложеніе, и она сама порывалась къ вамъ; но она до того взволнована, что мы убѣдили ее отложить поѣздку на нѣсколько дней.

Клеванскій, забывъ подобающее его лѣтамъ и сану достоинство, подскочилъ на стулѣ, какъ дутый резиновый мячъ.

— Кѣмъ? спросилъ онъ, краснѣя.

— Очень порядочнымъ и солиднымъ, хотя лѣтами не старымъ еще человѣкомъ, лейтенантомъ Союзной Американской арміи, Степаномъ Почаевымъ... Означенный лейтенантъ влюбился въ нее безъ памяти; да и она далеко не равнодушна; но разумѣется не могла ему дать рѣшительнаго отвѣта, не испросивъ сперва родительскаго благословенія... Поручила мнѣ, между прочимъ, расцѣловать васъ и передать вамъ множество самыхъ нѣжныхъ вещей: но какъ вы знаете, я не мастеръ на нѣжныя объясненія.

Тесть слушалъ его въ какомъ-то оцѣпененіи, напоминая собою удава, только что проглотившаго что-нибудь очень крупное.

— Господи! произнесъ онъ, крестясь;—вотъ не гадалъ и не чаялъ!.. Но какъ же? Какъ же, голубчикъ; а этотъ вопросъ о его состояніи?.. Надѣюсь, вы уже объяснились съ нимъ и рѣшили, что̀ слѣдовало рѣшить, ко взаимному удовольствію?

— Нѣтъ, Өедоръ Лаврентьичъ, не объяснялись и не рѣшили еще ничего.

Лицо у Клеванскаго вытянулось, изображая недоумѣніе.

— Что̀ жь такъ? спросилъ онъ упавшимъ голосомъ.

— Да какъ вамъ сказать? Онъ вѣроятно предчувствовалъ, что къ этому старому, скоро припутается другой, съ иголочки новый вопросъ, и ждалъ когда этотъ послѣдній выяснится, чтобы не терять по-напрасну времени, разсматривая ихъ порознь. А я, хотя и не разъ совѣщался съ Наташей, къ стыду своему признаюсь, до сихъ поръ еще не пришелъ ни къ какому рѣшенію. Не знаю ужь и жалѣть ли, такъ какъ теперь первоначальный вопросъ сталъ совсѣмъ на другую почву. Онъ можетъ войти въ семейство и въ такомъ случаѣ дѣло конечно получитъ въ его и въ нашихъ глазахъ совсѣмъ другой смыслъ.

— Другими словами, вы въ затрудненіи? Но поймите, мой другъ, что вѣдь и я не меньше, если еще не больше вашего затрудненъ. Что̀ я знаю о немъ, кромѣ того что онъ былъ замѣшанъ въ скверную политическую исторію и семь лѣтъ находился въ бѣгахъ?.. Ну, скинемъ, пожалуй, кой-что на увлеченіе молодости и допустимъ, что онъ теперь совершенно отрезвившійся, вполнѣ благонамѣренный человѣкъ: все же я не могу сказать ничего рѣшительнаго по поводу его предложе́нія Варѣ, покуда я не узнаю, чѣмъ они будутъ жить;—а это зависитъ отъ васъ съ Наташей... Жаль, что вы не прихватили ее съ собой.

— Оставивъ пылающія сердца безъ присмотра?.. Мы это пробовали, когда они сами не знали еще ничего, но и тогда оказалось не безопасно.

Клеванскій пропустилъ шуточку мимо ушей.

— Знаете что̀? сказалъ онъ, замѣтивъ въ дверяхъ лакея съ салфеткой.—Отложимъ-ка это лучше до послѣ-обѣда. Дѣло не потеряетъ если остынетъ: а уха не любитъ стоять на столѣ.

Өедоръ Лаврентьичъ всегда любилъ угощать, а подъ старость сталъ членомъ обжорнаго клуба и гастрономомъ. Послѣ ухи съ живыми налимами и ершами, поданы были осташковскіе, непомо-

вѣрно-крупные раки и спаржа чуть ли не по пяти штукъ на фунтъ; а въ видѣ букета—клубника со сливками

Послѣ обѣда пошли разспросы съ преобладающею политическою окраской.—Что̀ дѣлалъ бѣглецъ за границей? Не былъ ли въ близкихъ сношеніяхъ съ лондонскою и женевскою эмиграціей?.. За что̀ содержался въ тюрьмѣ и чьими стараніями оттуда освобожденъ?.. Не было ли, по возвращеніи, какихъ-нибудь замѣшательствъ съ паспортомъ? и такъ далѣе.

Отвѣты Варнавина, въ общемъ, звучали успокоительно. Онъ разсказалъ извѣстную намъ исторію, ставя въ особенности на видъ, что не только преступнаго въ политическомъ смыслѣ, но даже и подозрительнаго въ ней не было вотъ настолько (онъ показалъ на кончикъ мизинца)... Въ Женевѣ не былъ, а въ обществѣ лондонскихъ эмигрантовъ едва не взбѣсился отъ скуки. Затѣмъ это была карьера простаго кавалерійскаго офицера, въ исходѣ которой бѣдняга попалъ, какъ ворона въ супъ. Какой бы кары онъ ни заслуживалъ съ точки зрѣнія нашихъ отечественныхъ законовъ, она показалась бы шуткой въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ онъ вынесъ въ американской тюрьмѣ. Подумайте только: пять лѣтъ оторванъ былъ отъ всего, что̀ ему дорого, русскаго слова не слышалъ, ни одной вѣсточки изъ Россіи не получалъ; не зналъ даже окольнымъ путемъ, что̀ у насъ тутъ дѣлается; ни одного письма отъ него не попало на почту, а за попытки отправить ихъ запертъ былъ въ одиночное помѣщеніе!.. Наконецъ и потери!.. Еслибъ онъ былъ убитъ, онъ немногимъ больше бы потерялъ. По-истинѣ было съ чего возненавидѣть всѣ тайныя общества, какія когда-нибудь существовали на свѣтѣ, и разувѣриться въ пресловутой республиканской свободѣ!..

— Конечно, закончилъ Варнавинъ, — всѣ эти свѣдѣнія подкрѣплены только личнымъ его свидѣтельствомъ, но сомнѣваться въ его правдивости нѣтъ никакого повода, за исключеніемъ кое-какихъ, неважныхъ деталей, касающихся его препровожденія времени въ домѣ умалишенныхъ и позже въ секретномъ его отдѣленіи, да амуретки, которую онъ тамъ имѣлъ. Но и тутъ не слѣдуетъ забывать, что онъ писалъ къ своей бывшей пассіи... Въ остальномъ ему незачѣмъ было прятаться отъ друзей, которые знали его чуть не со школьной скамьи.

Оговорка насчетъ „неважныхъ деталей“ имѣла видъ чего-то случайно выскользнувшаго и сказана была въ шутливомъ тонѣ; но отъ Клеванскаго не укрылась тѣнь, мелькавшая на лицѣ его

зятя. Одинъ только ротъ его усмѣхался; глаза, изъ-подъ нависшихъ надъ ними густыхъ бровей, глядѣли болѣе чѣмъ серьезно. Въ нихъ просвѣчивала забота, тревожно шарящая въ потемкахъ.

— Пожалуста вы ничего не проглатывайте, сказалъ Θедоръ Лаврентьичъ, напрасно старавшійся прочитать на лицѣ говорившаго его заднюю мысль. — Разъ дѣло идетъ о судьбѣ моей дочери, для меня не можетъ быть безразличныхъ деталей. Не то, чтобъ я вообще не вѣрилъ его показаніямъ о себѣ; но вы сами знаете: нѣтъ такого правдиваго человѣка, который, разсказывая о личныхъ своихъ похожденіяхъ, не умолчалъ бы о чемъ-нибудь или чего-нибудь не прикрасилъ, А что касается мелочей, то на нихъ-то разсказчикъ чаще всего и проговаривается. Разсказывая о важныхъ вещахъ, человѣкъ, уже изъ опасенія уронить себя въ вашихъ глазахъ, не скажетъ лишняго; но въ пустякахъ или, пожалуй, въ томъ, что̀ кажется ему пустяками, проскакиваютъ иной разъ невольно черты, которыя сразу выдадутъ вамъ человѣка... Короче, мнѣ нужно знать о вашемъ пріятелѣ все, до послѣдней мелочи, и, между прочимъ: какая была у него амуретка въ тюрьмѣ?

— Θедоръ Лаврентьичъ! протестовалъ Варнавинъ: — вы придаете слишкомъ большое значеніе шуткѣ!.. Ну, нечего съ вами дѣлать,—слушайте. Свои догадки я послѣ вамъ разскажу; а вотъ факты. При политическомъ отдѣленіи дома умалишенныхъ въ Z** былъ врачъ, человѣкъ семейный: жена и двѣ дочери, молодыя дѣвушки, и всѣ онѣ на досугѣ были, повидимому, усердно заняты ловлей жениховъ. Пріятеля нашего, пользовавшагося отличною рекомендаціей, приняли, какъ роднаго, и съ помощью хитрой шельмы, попа, состоявшаго при больницѣ, пущены были въ ходъ всѣ средства, чтобы помѣшать его выдачѣ, какъ военноплѣннаго. Пугали ужасами военной тюрьмы, гдѣ плѣнные якобы гибли десятками тысячъ, опасностью попасться въ когти какой-нибудь партизанской шайки, масса которыхъ бродила въ тылу регулярной арміи, и тому подобное. А старшая дочь тѣмъ временемъ играла свою игру. Пріятель нашъ, не въ укоръ будь сказано, влюбчивъ. Вмѣстѣ съ попомъ и смотрителемъ арестантскаго отдѣленія, скоро потомъ женившимся на меньшо̀й сестрѣ, его обошли такъ ловко, что онъ изъ военноплѣннаго мало-помалу сталъ политическимъ арестантомъ, и всѣ надежды его когда-нибудь вырваться на свободу исчезли. Вы можете сами сообразить, какимъ искушеніямъ подвергался пламенный молодой кава-

лерпстъ, лишенный свободы п женскаго общества, за псключеніемъ только одной, готовой на все, чтобы завладѣть рукой п сердцемъ, пе говоря уже о карманѣ, преслѣдуемой добычп. Попъ былъ усерднымъ ея союзнпкомъ, п когда бѣднягу заперлп окончательно подъ замокъ, то п дѣло твердплъ о Мерп, превознося ея добродѣтелп: смпреніе, набожность, безграничную преданность своему семейству, а подъ шумокъ этпхъ акафпстовъ, передавая пхъ письма п, сколько можно судпть, устрапвая даже свпданія. Въ ппсьмѣ, которое мы получплп вскорѣ послѣ его освобожденія, пзъ Нью-Іорка все это было еще замаскпровано. Степанъ увѣрялъ, что сначала п до конца былъ равнодушенъ къ дѣвушкѣ п не чувствовалъ къ ней ничего, кромѣ жалостп, согрѣтой псвреннпмъ уваженіемъ п благодарностью; за что̀?—это трудно понять, но, разумѣется, не за то, что она продержала его въ тюрьмѣ пять лѣтъ... Ну, долженъ прпзнаться, мнѣ п тогда, когда мы только что получили письмо, это казалось нѣсколько подозрительно, хотя, разумѣется, я пе впню его за непскренность... Рыцарь, вы понпмаете, не хотѣлъ п заочно компрометтпровать дѣвушку. Но потомъ, когда онъ сталъ нашпмъ гостемъ, Наташа выпытала-такп у него кое-что пзъ недосказаннаго... Вотъ факты. Предоставляю вамъ толковать пхъ, какъ вамъ угодно; а я умываю рукп... Я, какъ вы знаете, не рпгорпстъ п смотрю на подобныя прегрѣшенія снпсходительно... Вы, можетъ-быть, не согласны со мною, но какъ бы вы нп смотрѣлп на нпхъ, во всякомъ случаѣ я надѣюсь, что это останется между намп.

* * *

— Ну, батюшка, задалп вы мнѣ задачу! сказалъ Клеванскій, платкомъ утпрая нспарпну на раскраснѣвшемся, какъ у выбѣжавшаго пзъ банп, лпцѣ. — Уфъ! жарко! Пожалуста позвонпте.

(Тѣ же п департаментскій сторожъ, Арефій въ дверяхъ.)

— Пожалуста, братецъ, подай намъ бутылочку зельтерской, со льду, п тотъ коньякъ, что̀ вчера прислали отъ Бауера.

Прошло минутъ пять, покуда былъ поданъ полносъ п кружкп наполнены искрометною, шипящею отъ прпмѣсп коньяку водой.

— Голубчпкъ! будьте же справедлпвы!.. Легко вамъ сказать:— „умываю рукп". Вы не отецъ п на васъ не лежитъ нпкакихъ обязанностей.

— Не вижу въ чемъ онѣ васъ затрудняютъ, Өедоръ Лаврентьпчъ, сказалъ довольно развязно Варнавппъ.

— Не видите?.. А скажите пожалуста, между нами,—вамъ никогда не приходило на умъ, что эта шайка, которая заперла въ политическую тюрьму военноплѣннаго и держала его у себя пять лѣтъ, съ единственною цѣлью женить его, наконецъ достигла цѣли?

Варнавинъ вздрогнулъ и вся его крупная, сутоловатая фигура изобразила глубокое удивленіе.

— Богъ съ вами,—нѣтъ! отвѣчалъ онъ. Но это сказано было такъ нерѣшительно, что заставляло подозрѣвать совсѣмъ другое. Можно было подумать, что если ему до сихъ поръ не приходила подобная мысль, то теперь не только пришла, а и стукнула какъ дубиной по головѣ.

— Васъ словно какъ бы испугало мое предположеніе? спросилъ тесть.

— Не-то, чтобъ испугало, Ѳедоръ Лаврентьичъ, а признаюсь, огорошило. По совѣсти я не могу отвѣчать, что этого не было; мало ли что̀ случается. Но я считаю это самымъ невѣроятнымъ изъ всѣхъ возможныхъ предположеній.

— Вашими бы устами да медъ пить! Однако, позвольте узнать почему?

— Прежде всего это отчаянный шагъ; чтобы сдѣлать его, онъ долженъ былъ отказаться отъ всякой надежды; — закрѣпостить себя въ этой мѣщанской семьѣ и въ этомъ маленькомъ провинціальномъ городѣ; помириться съ рабовладѣльческимъ интересомъ и поклониться въ ноги Капнамъ, державшимъ его въ когтяхъ. А я знаю его. Степанъ Почаевъ не согласился бы никогда на такую позорную сдачу.

— Мой другъ, вы напрасно становитесь за него на дыбы, возразилъ ему тесть.—Бывшая рабовладѣльческая Америка, хотя въ ней травили собаками бѣглыхъ и драли плетьми невольницъ, все же не Дагомея. Какъ бы они ни окрутили его, имъ былъ нуженъ не арестантъ, осужденный на вѣчное заточеніе, а полноправный, свободно располагающій собой и своимъ имуществомъ человѣкъ, и если онъ это смекалъ, то у него оставалась всегда лазейка. Стоило только сдаться, чтобъ эта шайка, считая партію свою выигранною, освободила его; но они не знали русскаго человѣка и не могли предвидѣть, какой онъ наклеитъ имъ носъ. Они хитры, да вѣдь и нашъ братъ, степнякъ, не промахъ. Нашъ братъ для этихъ сплошныхъ хитрецовъ —загадка. Взглянуть на него съ одной стороны, весь виденъ насквозь и ребенокъ его

проведетъ, а оберни на другую, — сфинксъ, и какъ ты его не допытывай, ни за что̀ не скажешь, на что̀ онъ способенъ. Женилъ ты его поутру, а онъ, вечеромъ, сѣлъ на курьерскій, да и пропалъ.

— Ѳедоръ Лаврентьичъ, голубчикъ, сказалъ снисходительно улыбаясь Варнавинъ:—вы такъ увлекаетесь вашею догадкой, что упустили изъ виду факты. Онъ былъ освобожденъ не Питерсами, съ попомъ и смотрителемъ, а помимо ихъ вѣдома и совсѣмъ случайно. Хотите я вамъ прочту его собственное письмо?

— Минуточку; — дайте мнѣ досказать. Я вамъ не выдаю за факты своихъ догадокъ, да вовсе и не желаю, чтобъ онѣ оказались вѣрны. Съ меня довольно если вы согласитесь, что, въ нравственномъ смыслѣ, подобный поступокъ съ его стороны не заключаетъ въ себѣ ничего невозможнаго. Дурно; да что̀ жь ему было дѣлать, если ему не оставили никакого другаго исхода?.. Вы знаете басню? Лиса попала въ капканъ хвостомъ и стала ругать свой собственный хвостъ.—„Неблагодарный! Я ли тебя не любила и не берегла? А вотъ ты теперь губишь меня“!.. Но хвостъ не пускалъ. Тогда она озлилась и перегрызла его. Ну, если моя догадка вѣрна, то и вашъ лейтенантъ, по̀ своему, сдѣлалъ то же. Онъ поступилъ геройски; но разумѣется я не желаю для Вари такого героя.. Прежде чѣмъ дать ему мое родительское благословеніе, мнѣ нужно какое-нибудь ручательство, что онъ не женатъ.

Варнавинъ молчалъ, проворно соображая. Онъ вдругъ увидѣлъ себя въ смѣшномъ положеніи человѣка, хватившаго дальше цѣли. Пришлось повернуть назадъ и пойти навстрѣчу встревоженному отцу.

— Прикажете его допросить? сказалъ онъ съ усмѣшкой.

— Нѣтъ, знаете, отвѣчалъ серьезно Клеванскій:—я полагаю, что это будетъ напрасный трудъ. Онъ можетъ вамъ разсмѣяться въ глаза и спросить, откуда вы это взяли?

— Но что̀ же дѣлать? Справки формальнымъ путемъ, черезъ консула, у котораго и безъ этого пропасть дѣла, затянутъ развязку на нѣсколько мѣсяцевъ и если дойдутъ до ушей жениха, поставятъ насъ въ глупое положеніе. Опять не минуешь вопроса: откуда мы это взяли? Только на этотъ разъ на него уже не отвѣтишь шуткой... Есть другой путь; это развѣдка изъ-подъ руки. Я не беру ее на себя; но если прикажете, напишу къ его банкиру въ Нью-Йоркъ,—отъ вашего имени,—что молъ вотъ

какого рода возникло сомнѣніе, такъ нельзя ли справиться, не поднимая скандала?.. Это его не удивитъ; ибо мы были уже въ перепискѣ по случаю справокъ о томъ же лицѣ, — и врядъ ли особенно затруднитъ.

Клеванскій задумался. Переходя отъ своихъ догадокъ къ практической сторонѣ вопроса, онъ понялъ всю неустойчивость избранной имъ позиціи и не могъ не видѣть опасностей какими она окружена.

— А что же я имъ скажу покуда? спросилъ онъ въ сильномъ недоумѣніи.

— Скажите, что вы согласны съ тѣмъ, что помолвка откладывается, покуда вопросъ объ его состояніи не будетъ рѣшенъ ко взаимному удовольствію. Вы будете суперъ-арбитръ и вамъ не трудно будетъ замедлить рѣшеніе до тѣхъ поръ, покуда главный вопросъ не выяснится; послѣ чего вы будете уже знать, что дѣлать... Согласны?

Тотъ мялся. Ему хотѣлось прежде поговорить съ Наташей; но зять былъ рѣшительно противъ этого.

— Я за нее не ручаюсь, говорилъ онъ: — потому что у ней все зависитъ отъ настроенія. Сегодня клещами не вытащишь изъ нея секрета, а завтра, едва проснулась и чай еще не пила, какъ все уже выболтано.

Было всего семь часовъ и времени еще вдоволь.

— Хотите прослушать? спросилъ его зять, вынимая изъ боковаго кармана толстый пакетъ.

— Что это?

— Подлинное его письмо, въ которомъ подробно разсказаны его похожденія. Оно получаетъ особенный интересъ, если догадка ваша вѣрна, какъ образецъ неискренности, къ которой люди бываютъ вынуждены своимъ запутаннымъ положеніемъ.

И онъ началъ читать извѣстное намъ письмо, минутами останавливаясь и поясняя сомнительныя мѣста.

XIX.

Варнавинъ вернулся въ Павловскъ съ сознаніемъ, что не даромъ ѣздилъ. Ему удалось заручиться сильнымъ союзникомъ и подъ защитой его авторитета, связать два дѣла такъ выгодно, что одно, нетерпѣливое, неизбѣжно должно было погонять

другое, лѣнивое. Но кромѣ одержанной имъ побѣды, онъ получилъ лотерейный билетъ, который — въ случаѣ выигрыша—могъ бы отдать въ его руки не только Степана со всѣми его претензіями; но и его „предметъ"... Ему даже стало жаль Варюшу, когда онъ взвѣшивалъ вѣроятности счастливой и несчастной развязки ея надеждъ,—потому что онъ не желалъ ей зла; а что касается до ея соперницы у антиподовъ, то какое дѣло ему до интересовъ Мери?.. Еслибъ она провалилась съ ними сквозь землю, онъ бы нисколько ее не пожалѣлъ. Но увы! Обстоятельства, противъ воли, дѣлали ихъ союзниками. Въ тотъ же день вечеромъ онъ написалъ въ Нью-Йоркъ и на другое утро письмо, съ заказомъ, было сдано на почту.

Тѣмъ временемъ привезенное имъ извѣстіе было объявлено и у Вари съ ея героемъ происходило горячее объясненіе. Основываясь на цифрахъ, она доказывала ему, что Варнавины могутъ, не разоряя себя, уступить ему половину своей чистой выручки. Конечно, скромную ихъ надежду разбогатѣть придется спрятать въ карманъ и это будетъ очень досадно Варнавину. Въ прошломъ году онъ внесъ въ Волжско-Камскій банкъ 5.000; да изъ резервнаго фонда, то-есть изъ денегъ, оставшихся отъ ста тысячъ, уцѣлѣло еще тысячъ шесть. Понятно изданію нуженъ резервный фондъ; но вѣдь и имъ до свадьбы нужно на обзаведеніе. Почему же не подѣлиться? Пускай оставятъ въ запасѣ отложенные 5.000, а остатокъ отъ капитала, какой имѣется на лицо, уступятъ имъ и запишутъ эту уплату въ счетъ погашенія.

Степанъ ничего не имѣлъ противъ такого раздѣла, еслибы планъ предложенъ былъ имъ отъ Варнавиныхъ; но ставить его условіемъ соглашенія, не зная какъ это будетъ принято, казалось ему оскорбительно для ихъ старыхъ, дружескихъ отношеній. Это имѣло бы видъ протеста противъ того что̀ сдѣлано, и требованія, чтобъ его состояніе во что̀ бы ни стало было ему возвращено; тогда какъ онъ не видитъ повода протестовать и жаловаться. Всякій, на мѣстѣ Наташи, считалъ бы деньги, оставшіяся у ней въ рукахъ за его смертью, своею собственностью, но не всякій употребилъ бы ихъ на такое почтенное дѣло. Если оно имѣло успѣхъ, — если журналъ приноситъ вдвое противъ того, что̀ даетъ лежащій въ рукахъ безъ движенія капиталъ, то очевидно онъ этимъ обязанъ труду и таланту людей, поставившихъ его на ноги. Съ какими же глазами онъ, пальцемъ не

шевельнувшій, будетъ вмѣшиваться въ ихъ дѣло и диктовать имъ свои условія?.. Не значило ли бы это косвенно имъ сказать, что онъ имъ не вѣритъ, и что его интересы должны быть прежде всего обезпечены; а тамъ какъ угодно?

Варя не раздѣляла этого взгляда.—Конечно, журналъ составляетъ ихъ собственность, говорила она: — не въ одномъ юридическомъ, а и въ нравственномъ отношеніи; но почему ваше право собственности не можетъ стоять наравнѣ съ ихъ правомъ, и почему вы должны довольствоваться крохами, которыя они соизволятъ вамъ удѣлять, я не могу понять. Они до сихъ поръ не заявляли такихъ претензій, да врядъ ли бы и посмѣли ихъ заявить, еслибы вы сами не говорили вещей, которыя могутъ заставить думать, что вы отказываетесь отъ вашихъ правъ. Но они не святые, и если вы предоставите имъ рѣшать по своему, не будутъ съ вами особенно церемониться. По крайней мѣрѣ, Варнавинъ не будетъ, а онъ всему заводчикъ и голова, Наташа конечно вступилась бы горячо за ваши права, еслибы вы сказали ей прямо, чего вы желаете, а безъ этого, то-есть если вы будете дѣйствовать сами противъ себя, ей не на чемъ будетъ стоять и некого защищать. Наташа не любитъ, когда ее оставляютъ одну отстаивать свое мнѣніе, особенно противъ мужа... Но если она не святая, то онъ и подавно... Хотите я вамъ скажу какъ это будетъ? Онъ будетъ пѣть Лазаря, наговоритъ вамъ три короба разныхъ соображеній и въ результатѣ предложитъ какіе-нибудь пустяки... И вы примете, потому что не согласиться по вашему значило бы сказать имъ въ глаза, что вы имъ не вѣрите... и такъ далѣе.

— Нѣтъ, другъ мой, это немножко не такъ, сказалъ Степанъ, цѣлуя руку, которую онъ держалъ въ своихъ.

— Но я привожу ваши собственныя слова.

— Да, только вы придаете имъ слишкомъ широкій смыслъ. То что̀ я вамъ говорилъ, касается только вашей сестры. Съ Натальей Ѳедоровной у меня старые счеты, и какъ бы ни измѣнились прежнія мои отношенія къ ней, я не намѣренъ требовать отъ нея ничего, потому что я вѣрилъ и вѣрю ей безусловно. Но съ мужемъ ея я ничѣмъ не связанъ. Я не ввѣрялъ ему моей собственности и онъ не обязанъ давать мнѣ отчетъ, куда онъ ее дѣвалъ. Онъ могъ распоряжаться моимъ состояніемъ только какъ представитель своей жены. Если онъ думаетъ иначе и захочетъ вести со мною переговоры отъ собственнаго лица, то я не вижу

причинъ съ нимъ церемониться. Онъ можетъ имѣть свой собственный взглядъ, а я могу имѣть свой, — можетъ дѣлать мнѣ предложенія, а я ихъ могу не принять. Мало того, если ваша сестра, какъ вы говорите, не можетъ имѣть своего, независимаго сужденія, а смотритъ на дѣло глазами мужа, то вѣдь и я могу сдѣлать тоже. Подобно ей я въ правѣ ввѣрить свои интересы другому, болѣе свѣдущему лицу, и это лицо можетъ тоже имѣть свой собственный взглядъ, отнюдь не стѣсняясь моими старыми отношеніями къ Натальѣ Өедоровнѣ.

Лицо, которое онъ не хотѣлъ назвать, вдругъ освѣтилось чувствомъ какого-то буйнаго торжества и Варя захлопала, какъ ребенокъ, въ ладоши. Bravo! Bravissimo! Bis! восклицала она смѣясь... Только кого же вы выберете въ повѣренные? На это нуженъ рѣшительный и практическій, извините за откровенность, совсѣмъ непохожій на васъ человѣкъ.

— Не знаю... Идея пришла мнѣ случайно на умъ; но если она вамъ нравится, то надо будетъ объ этомъ серьезно подумать.

— Голубчикъ! Возьмите меня.

— Боюсь, отвѣчалъ Степанъ, притягивая ее къ себѣ и заглядывая съ усмѣшкой ей въ глаза. — Вы слишкомъ прытки, обидите вашу сестру и поссорите меня съ зятемъ.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Я буду очень скромна и очень благоразумна... Буду не только совѣстливымъ дѣльцомъ, но и политикомъ, дипломатомъ!.. Вы только сообразите. Я съ ними свой человѣкъ и знаю дѣло, веду его съ ними пять лѣтъ... Не дурно знаю и ихъ.

Степанъ смотрѣлъ на нее недовѣрчиво, но плутовка уже сообразила какихъ аргументовъ ему недостаетъ и приступомъ вырвала у него согласіе.

— Пожалуста только вы не вмѣшивайтесь, говорила она. — Молчите какъ рыба; а если будутъ къ вамъ приставать, отсылайте безо всякаго разговора ко мнѣ. Такъ и скажите при всѣхъ. Скажите, что вы поручаете это дѣло мнѣ, и тамъ, какъ это пишется въ нотаріальныхъ довѣренностяхъ, спорить и прекословить противъ того, что̀ я по сему законнымъ образомъ учиню, не будете.

Желаніе ея было исполнено въ тотъ же день и какъ ни предвидѣлъ Варнавинъ такой оборотъ, а замѣна его пріятеля Варей заставила его крѣпко поморщиться.

— Что̀-жь такъ? спросилъ онъ съ укоромъ, когда Степанъ, на сдѣланное ему послѣ обѣда любезное приглашеніе потолковать

о дѣлахъ, сказалъ, что онъ проситъ уволить его, какъ неспособнаго и вмѣсто себя предлагаетъ Варвару Ѳедоровну.

— Такъ, отвѣчалъ зардѣвшись Степанъ.—Мы съ ней говорили уже о дѣлѣ сегодня утромъ, и я оказался такъ безтолковъ, что, по собственному ея выраженію, со мной и до перваго января не столкуешься. А Ѳедоръ Лаврентьевичъ будетъ здѣсь въ воскресенье и вѣроятно надѣется услыхать что-нибудь положительное.

* * *

Но первый опытъ переговоровъ не предвѣщалъ ихъ скораго окончанія. Напрасно Варнавинъ тратилъ свое краснорѣчіе, излагая общія основанія, которыми руководствуется оцѣнка доходнаго предпріятія съ непостояннымъ, колеблющимся изъ года въ годъ результатомъ, десятилѣтнюю сложность, среднюю годовую и прочее,—она отвѣчала, что правила эти неприложимы къ изданію, которое стало на ноги всего третій годъ и доходъ котораго постоянно растетъ, ибо никто не можетъ предугадать его десятилѣтней сложности; да это и лишнее между своими людьми, которые не нуждаются въ нотаріальныхъ актахъ, чтобы дѣлиться по чести и совѣсти.

Тогда онъ перемѣнилъ позицію и сталъ объяснять, что на журналъ, кромѣ денегъ, затраченъ нравственный капиталъ:— природное дарованіе, опытность, трудъ, спеціальная подготовка, въ теченіе долгихъ лѣтъ поглощавшая много и недававшая ничего, кромѣ куска насущнаго хлѣба. Несправедливо цѣнить этотъ нравственный капиталъ только съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ приносить излишекъ, а долгіе годы подготовительнаго труда и ничѣмъ не оплаченныхъ матеріальныхъ затратъ скинуть со счета. Чтобы дѣлиться „по чести и совѣсти“, надо бы было все это взять въ разсчетъ; но есть вещи, которыя нѣтъ никакой возможности оцѣнить на деньги, какъ, напримѣръ, извѣстное имя, испытанное на дѣлѣ природное дарованіе и тому подобное. Тотъ же журналъ въ рукахъ у другаго редактора можетъ быстро упасть и черезъ нѣсколько лѣтъ разорить издателя, тогда какъ, наоборотъ, редакторъ, пользующійся заслуженною извѣстностью, можетъ легко найти матеріальныя средства и поставить на ноги новый журналъ. Еслибъ это было иначе; то-есть еслибъ я могъ надѣяться, что журналъ, безъ меня, не растеряетъ свою подписку, задача насъ затрудняющая рѣшалась бы очень просто.

Я могъ бы вамъ уступить изданіе за весьма небольшую ренту и затѣять новое,—предполагая, конечно, что вы не будете слишкомъ меня торопить.

Онъ посмотрѣлъ значительно на свояченицу, но Варя, захваченная врасплохъ и вся раскраснѣвшаяся молчала.

— Способъ этотъ имѣетъ большія удобства, продолжалъ также отчетливо и спокойно Варнавинъ —Онъ развязалъ бы насъ сразу; тогда какъ раздѣлъ дохода затянетъ развязку лѣтъ на́ сорокъ и по трудности связанныхъ съ нимъ разсчетовъ будетъ источникомъ постоянныхъ неудовольствій.

— Что̀ же васъ такъ затрудняетъ? спросила Варя.

— Прежде всего неизвѣстность будущаго. Легко дѣлиться покуда есть изъ чего. Но доходность изданія не можетъ идти постоянно въ гору. Подписка, по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ, можетъ упасть и предѣла ея паденію невозможно предугадать. Теперь у насъ остается въ рукахъ 12.000, но я не могу отвѣчать, что лѣтъ черезъ десять, этотъ остатокъ не упадетъ до нуля, или даже не обратится въ дефицитъ. Тогда обѣ стороны будутъ въ правѣ жаловаться. Вы можете жаловаться, что я дурно веду журналъ, а я могу жаловаться что у меня не хватаетъ средствъ чтобы вести его хорошо, и что я запутываюсь въ долгу. Въ виду подобной опасности я долженъ откладывать про запасъ; но это намъ не позволитъ дѣлиться поровну, такъ какъ резервный фондъ, на который обѣ стороны жертвуютъ часть своего дохода, по самому смыслу его назначенія, долженъ быть въ безотчетномъ распоряженіи у издателя и максимальный его размѣръ невозможно опредѣлить. Отсюда новый источникъ неудовольствія. Вы будете въ правѣ жаловаться что онъ слишкомъ великъ, а мы что онъ слишкомъ малъ, причемъ— какъ нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ—обѣ стороны со своей точки зрѣнія будутъ правы. Но это только одинъ примѣръ, а я могъ бы привесть ихъ десять. Судите сами, мой другъ, къ чему это можетъ современемъ повести. При упадкѣ дохода, споры и неудовольствіе могутъ дойти до того, что обѣ стороны будутъ рады во что̀ бы ни стало покончить счеты и развязаться. Тогда не останется болѣе ничего какъ продать журналъ, но это отчаянный шагъ и чѣмъ отдавать изданіе за безцѣнокъ въ чужія руки, я предпочелъ бы теперь же его купить у васъ, или продать его вамъ. Бѣда только въ томъ, что ни вы, ни мы не въ состояніи дать за него наличными его полной стоимости, и дѣло опять пойдетъ въ разсрочку, съ

уплатой процентовъ и погашенія... Въ итогѣ, какъ видите, есть три способа, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои удобства и неудобства, а такого, который былъ бы удобенъ во всѣхъ отношеніяхъ, нѣтъ. Подумайте и рѣшите, который изъ трехъ вамъ болѣе по душѣ.

— Петръ Осиповичъ, голубчикъ, сказала Варя,—я предпочла бы конечно тотъ, при которомъ журналъ остается въ вашихъ умѣлыхъ рукахъ, а мы получаемъ только процентъ съ дохода. Но откровенно вамъ признаюсь, меня смущаетъ отсутствіе въ вашихъ проектахъ цифръ. Какъ я могу выбирать не зная даже и приблизительно на какой годовой доходъ мы въ правѣ разсчитывать? Возьмемъ, напримѣръ, хоть резервный фондъ. Сколько вы думаете отдѣлять изъ дохода въ запасъ?

— По настоящему, цвѣтущему положенію дѣла, я полагаю, не менѣе половины.

— Но это оставитъ въ нашихъ рукахъ только четвертую часть дохода; то-есть примѣрно тысячи три; а остальныя девять, считая въ числѣ ихъ и половину отложенную въ резервный фондъ, будутъ у васъ въ безотчетномъ распоряженіи?

— Да, какъ запасъ, обезпечивающій изданіе отъ возможнаго дефицита, котораго можетъ легко и не быть. Но будьте спокойны, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, резервный фондъ остается общею собственностью и вслучаѣ еслибы вы пожелали окончить счеты, вы въ правѣ были бы получить изъ него всегда половину. Принципъ раздѣла: все пополамъ; но успѣхъ изданія прежде всего; а такъ какъ онъ можетъ быть обезпеченъ только солиднымъ запасомъ наличныхъ средствъ, то прежде всего изъ выручки откладывается резервный фондъ, составляющій общую нашу собственность, и за симъ остатокъ дѣлится уже пополамъ.

— Но если вы думаете откладывать про запасъ не менѣе половины дохода, то чѣмъ же мы будемъ жить? Намъ остается только три тысячи.

— Да, отвѣчалъ съ усмѣшкой Варнавинъ:—это конечно не много; но при дальнѣйшемъ успѣхѣ изданія, это можетъ вырости и у васъ остается въ запасѣ все, что̀ отложено... И запасъ этотъ будетъ расти.

— А проценты съ него?

— Пойдутъ на его усиленіе... Возьмемъ настоящую цифру дохода: 12.000. Изъ нихъ на вашу долю придется, собственно говоря, не три, а шесть тысячъ. Только изъ нихъ вы отклады-

ваете въ запасъ половину, а остальныя три получите на руки... Надѣюсь, что это „по чести и совѣсти“.

Варя молчала, смутно угадывая подъ бархатомъ его мягкихъ рѣчей, какую-то западню.

— Конечно, продолжалъ онъ:—это не постоянныя цифры; но что̀ же дѣлать? Я взялъ для примѣра послѣдній бюджетъ, потому что не вижу повода опасаться немедленнаго упадка подписки. Дѣйствительная опасность, по всѣмъ вѣроятіямъ, очень еще далека, хотя конечно глупо было бы закрывать на нее глаза. Это рискъ въ основаніи свойственный всѣмъ долголѣтнимъ сдѣлкамъ, разсчитаннымъ на такія данныя, которыя могутъ со временемъ въ корнѣ перемѣниться.

Варнавинъ былъ мастеръ на дѣловые переговоры, но въ избыткѣ самоувѣренности, внушенной ему смущеніемъ и нерѣшительными, шарящими въ потемкахъ вопросами своего неопытнаго секретаря, онъ сдѣлалъ нѣсколько промаховъ, которые удивили и озадачили Варю. Вдумываясь въ предложенные ей способы соглашенія, она не могла понять, почему они всѣ оканчиваются угрозами. Планъ уступить имъ изданіе за небольшую ренту, съ тѣмъ чтобы самому затѣять новое, намекалъ недвусмысленно, что если они не поладятъ, онъ броситъ журналъ и оставитъ ихъ безъ редактора. Раздѣлъ дохода „по чести и совѣсти“—угрожалъ оставить въ его рукахъ три четверти чистой выручки и посѣять раздоръ, изъ котораго очевидно не будетъ другаго выхода, какъ продать изданіе. Наконецъ его предложеніе расквитаться на-чисто, уступивъ ему свое право за небольшое единовременное вознагражденіе, равнялось прямой угрозѣ, въ случаѣ если они не сдадутся ему безусловно, оставить ихъ ни при чемъ... Но одно уже то, что онъ предлагалъ только такія сдѣлки, которыя съ его собственной точки зрѣнія невозможно было принять, внушало ей подозрѣніе, что въ дѣйствительности онъ не согласенъ ни на одну, а готовитъ ей со Степаномъ какую-нибудь ловушку.—„Постой же“, пришло ей на умъ: — „ты столько наплелъ, что если тебя придержать за собственныя твои предложенія, ты изъ нихъ никогда не выпутаешься.“

— Конечно, сказала Варя, спокойно поднявъ на него глаза:— я предпочла бы раздѣлъ, еслибы вы не отказались сдѣлать намъ маленькую уступку. Я согласна на ваши цифры и на резервный фондъ,—на все согласна, съ однимъ условіемъ: чтобы резервный фондъ былъ въ рукахъ не у издателя, а у его кредитора.

Для васъ это не составитъ существенной разницы, такъ какъ принципъ раздѣла останется тотъ же; а что касается до издательскихъ правъ, то вѣдь вы и безъ этого предлагаете ихъ уступить за небольшую ренту. Разница только въ томъ, что вмѣсто „маленькой ренты“ мы предлагаемъ вамъ половину дохода.

— Почему же вы намъ не довѣряете? спросилъ Варнавинъ, видимо сбитый съ толку.

— Нѣтъ, милый Петръ Осиповичъ, это напрасный укоръ. Мы довѣряемъ вамъ столь же неограниченно, какъ и вы довѣряете намъ; только вы предсказываете споры и неудовольствія; а я вамъ ручаюсь, что если резервный фондъ будетъ въ нашихъ рукахъ, между нами не будетъ и тѣни неудовольствія... Въ случаѣ, чего Боже избави, дефицита, всѣ требованія редакціи будутъ исполнены безъ малѣйшаго возраженія. Самый размѣръ того, что̀ откладывается въ запасъ, будетъ зависѣть отъ васъ; а вѣдь этимъ и ограничивается все, что̀ васъ можетъ интересовать какъ редактора.

Онъ былъ взбѣшенъ, но успѣлъ это скрыть настолько, что Варя едва замѣтила злобный маленькій огонекъ, сверкнувшій въ его глубокихъ глазахъ.

— Вы смѣшиваете двѣ совершенно разныя вещи, сказалъ онъ сухо.—Если я вамъ предлагалъ принять въ уплату нашего долга журналъ, то я отнюдь не имѣлъ при этомъ въ виду оставаться его редакторомъ, и я вамъ объяснилъ почему.

— Да, вы говорили о новомъ изданіи; но изъ вашихъ словъ я заключила, что это не можетъ осуществиться немедленно, и что покуда все остается попрежнему. Чистосердечно вамъ признаюсь, я тогда же подумала что это „покуда“ можетъ продлиться лѣтъ на десять, а если журналъ пойдетъ въ гору, то можетъ статься и долѣе. Но еслибъ и случилось иначе, то вѣдь руки у васъ не связаны. На какихъ бы условіяхъ мы ни сошлись, за вами всегда остается право бросить журналъ и затѣять новый.

Варнавинъ былъ совершенно разбитъ. Онъ бросилъ свой важный, самоувѣренный тонъ, и не видя возможности дальше держаться въ занятой имъ позиціи, пошелъ на утекъ.

— Знаете что̀, Варвара Ѳедоровна, сказалъ онъ съ вынужденною усмѣшкой: — мы такъ далеки отъ взаимнаго пониманія, что чѣмъ скорѣе мы бросимъ эти переговоры, тѣмъ лучше.

— Какъ вамъ угодно. Только вы не прогнѣвайтесь если за вашимъ отказомъ, я буду ихъ продолжать съ Наташей, а если придется, то и съ отцомъ... Наташа во всякомъ случаѣ не откажется отъ сдѣланныхъ намъ предложеній, такъ какъ вы говорили не отъ себя, а въ качествѣ ея адвоката.

— Можетъ быть... За женщинъ, вы знаете, никогда нельзя отвѣчать.

— Да постойте, куда вы бѣжите?.. Если нельзя отвѣчать за женщинъ, то отвѣчайте по крайней мѣрѣ хоть за себя. Вѣдь вы не „баба"?.. Скажите: вы,—лично вы,—не отказываетесь, за неимѣніемъ лучшаго, уступить намъ журналъ?

— Нѣтъ, но еще разъ я не могу отвѣчать за жену.

И онъ ушелъ весь красный отъ заданной ему бани.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Н. Ахшарумовъ.

ПО БѢЛУ СВѢТУ.

Путевыя замѣтки.[1]

Индія исчезла изъ виду, но стóитъ только закрыть глаза и снова, точно волшебный сонъ, воскресаютъ дивныя картины, роскошные сады, гдѣ фонтаны брызжутъ жемчужною струей, мраморные дворцы и минареты, висячія веранды, рѣзныя, точно кружева, рѣшетки, украшенія изъ разноцвѣтнаго мрамора и драгоцѣнныхъ камней, купола чудной формы, волшебные зáмки въ обольстительной обстановкѣ, роскошные пейзажи, озаренные знойнымъ солнцемъ. Но не однѣ эти картины, чарующія взоръ, остались въ памяти. Осталось еще много другихъ впечатлѣній, разговоровъ, мелкихъ фактовъ, которые по мѣрѣ удаленія отъ Индіи требуютъ извѣстной группировки, если хотите—синтеза. Прежде всего невольно поражаетъ одинъ фактъ, почти безпримѣрный въ исторіи, а именно: легкость, съ которою горсть людей завоевала громадную страну въ 250 м. ж.

„Мы говоримъ безпримѣрный", потому что покореніе Сибири Ермакомъ или Китая Манчжурами далеко не имѣетъ такого значенія, какъ покореніе Индіи Англичанами. Въ первомъ случаѣ покорена была страна пустынная съ рѣдкимъ и дикимъ населеніемъ; во второмъ дѣйствительно покорена была имперія съ 300 милліоннымъ населеніемъ, но Манчжуры были не совсѣмъ чужіе для Китайцевъ и, покоривъ Китай, слились съ побѣжденными и приняли ихъ обычаи. Англичане же относительно Индіи находятся въ совершенно другомъ положеніи. Они собственно не

[1] См. *Русск. Обозр.* Ноябрь 1891 г.

завоевали Индію, а только воспользовались раздорами и войнами среди народовъ, населявшихъ Индію, для того, чтобъ укрѣпить свое собственное положеніе. Говоря объ Индіи, мы не должны забывать, что этотъ полуостровъ не имѣетъ однороднаго населенія и что онъ никогда не достигалъ національнаго и государственнаго единства. Напротивъ, Индія распадается на массу племенъ, не понимающихъ другъ друга. Филологи насчитываютъ 58 нарѣчій, изъ которыхъ 10 имѣютъ свою азбуку и литературу. Арійская вѣтвь раздѣляется на семь языковъ и множество нарѣчій: и говоровъ пенджаби 16 милл., синдхъ 2 м., хинди, индустани или урду, linqua franca при Великихъ Моголахъ 70 м., бенгали 37 м., орія 8 м., маратти 7 м., гузерати 6 м. Не арійскіе языки принадлежатъ къ дравидской семьѣ и ихъ насчитывается 12. Самые главные изъ нихъ: телугу, на которомъ говорятъ 15 въ Низамѣ гайдерабадскомъ, въ мадрасскомъ президентствѣ и въ центральныхъ провинціяхъ, тамильскій въ 14 м., распространенный въ мадрасскомъ президентствѣ и въ сѣверной части Цейлона. Затѣмъ идутъ мелкія нарѣчія: канарезскій 1 м., малаяламскій въ 2 или 3 м. тулу, кудагу и т. д.

При такой разноплеменности трудно говорить о національномъ единствѣ, но и политическаго единства не было въ то время, когда Англичане появились въ странѣ. Вспомнимъ постоянныя распри между маратами и мусульманскими князьями. Но если въ Индіи не было полнаго политическаго или племеннаго единства, то единство было, можетъ-быть, религіозное?

Дѣйствительно арійцы, встрѣтивъ въ Индіи племена низшей расы—народы съ плоскимъ лицомъ и съ темною кожей,—воевали съ ними, частью подчинили себѣ и дали имъ браманизмъ, религію, обсоединившую бо́льшую часть народовъ Индіи. Кастовое устройство опять внесло рознь: брамины, кшатріи или раджпуты королевскаго племени и простой народъ арійскаго племени остались навсегда отдѣленными отъ не-арійцевъ или судра. Смѣшенія и сліянія между дважды рожденными арійцами и не арійцами быть не могло, объ этомъ позаботились гордые брамины, сохранившіе свою власть и значеніе до нынѣшнихъ временъ. Въ Индіи одно царство смѣнялось другимъ, исчезали племена и народы: все казалось преходящимъ, только одни брамины-хранители санскритской образованности въ теченіе трехъ тысячъ лѣтъ остались на прежней высотѣ и, благодаря своей исключительности, сохранили въ полной чистотѣ арійскій типъ. Ихъ значеніе

пошатнулось, когда царскій сынъ провозгласилъ, что всѣ люди братья, что нѣтъ кастъ, что не-арійцы такіе же люди какъ и дважды рожденные брамины. Тысячу лѣтъ буддизмъ жилъ рядомъ съ браманизмомъ, но въ концѣ концовъ брамины восторжествовали и буддизмъ былъ изгнанъ изъ Индіи; онъ уцѣлѣлъ еще въ Цейлонѣ и среди джайновъ на сѣверѣ Индіи.

Въ это время на сѣверѣ появился другой врагъ въ лицѣ мусульманъ. Нашествій этихъ было много, но высшую степень могущества мусульмане достигли въ эпоху Великихъ Моголовъ. Мусульманство съ своими пятидесятью милліонами нанесло сильный ударъ хиндуизму и само разсыпалось на части.

И такъ Индія до появленія Англичанъ была не націей въ родѣ Французовъ, Нѣмцевъ, у которыхъ есть патріотизмъ, чувство національнаго единства, а въ полномъ смыслѣ этого слова географическимъ терминомъ. Пользуясь этою разобщенностью, разноплеменностью, враждой разныхъ народовъ между собою, Англичане, какъ искусные политики, и дипломаты, въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ присоединяли одну территорію за другою. Индія, какъ говорятъ сами туземцы, была покорена тѣми же Индусами. Какими же войсками одерживались побѣды Англичанъ? Туземныя войска, гуркасы, сикхи и другіе Индусы своею плотью и кровью создали могущество Англіи и теперь распинаются за нее въ Бирмѣ, въ Египтѣ или гдѣ это потребуется для престижа Англіи.

Указавъ на обстоятельства, способствовавшія покоренію такой громадной территоріи, мы все-таки должны признать, что Англичане исполнили свою задачу самымъ блистательнымъ образомъ. Въ странѣ, раздираемой войнами и смутами, они водворили миръ и порядокъ, тамъ, гдѣ кровь лилась рѣкой, гдѣ дикость нравовъ создала такіе обычаи, какъ сожиганіе вдовъ на кострѣ, гдѣ свирѣпствовала секта душителей туговъ, гдѣ кровожадная богиня Кали требовала человѣческихъ жертвъ, гдѣ разбойническіе наѣзды были не рѣдкостью, тамъ теперь въ полномъ смыслѣ господствуетъ pax britannica.

Оглянувшись на пройденный путь, Англичане могутъ гордиться тѣмъ, что̀ они сдѣлали для благосостоянія и благоустройства страны. Они могутъ съ гордостью показать на громадные города, какъ Калькутта, Бомбей или Мадрасъ, на желѣзныя дороги, стоившія сотни милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, на орошеніе

и образцовыя проселочныя дороги, на школы и университеты, положившіе начало новой эры въ Индіи.

Достигнувъ могущества и силы, подавивъ возстаніе и водворивъ порядокъ и спокойствіе, Англичане какъ будто *недовольны* блистательными результатами своей политики. Среди ликующихъ и радостныхъ кликовъ вдругъ раздается какая-то рѣзкая и безпокойная нотка. Прежнее самодовольство уступило мѣсто нервному безпокойству. Что произвело эту необъяснимую перемѣну въ настроеніи? Англичане и не скрываютъ своихъ опасеній и страховъ, и какъ практическіе политики прямо указываютъ на причину этого безпокойства.

Въ состояніи ли Англичане удержать за собою Индію, вотъ къ чему сводится главная мысль англійскихъ публицистовъ и государственныхъ людей. Этотъ вопросъ становится все тревожнѣе и тревожнѣе и все чаще и чаще обсуждается англійскою публикой. Появленіе этого вопроса, говоритъ одинъ публицистъ, уже указываетъ на то, что въ руководящихъ сферахъ нѣтъ прежней увѣренности въ свои силы. Сдѣлавъ такъ много для безопасности самаго послѣдняго землепашца, Англичане не привязали къ себѣ населенія. Завоеватели и по сіе время остались чужды населенію, которое они облагодѣтельствовали всѣми дарами культуры и нуженъ какой-нибудь ничтожный случай, чтобы показать всему міру призрачность англійскаго господства, которое держится не оружіемъ, а въ силу какого-то предрасудка или привычки. Опасность эта еще осложняется тѣмъ, что Россія, какъ протрубила вся европейская пресса, уже стоитъ у воротъ Индіи. Не говоря о томъ, что мы еще далеки отъ воротъ Индіи, что занятіе одного Афганистана, если онъ окажется нашимъ врагомъ, потребуетъ не мало времени и, что, если можно судить по долговременному историческому опыту, Россія совсѣмъ не охотница до грандіозныхъ и рискованныхъ предпріятій. Всѣ эти факты не исключаютъ возможности похода или диверсіи на Индію. Такіе успѣшные походы бывали не разъ со стороны дикихъ полчищъ и то, что было возможно со стороны дикихъ полчищъ, то можетъ быть достигнуто и цивилизованнымъ государствомъ. Англичане, впрочемъ, знаютъ очень хорошо, что такіе планы только плодъ досужей и низкой фантазіи нѣкоторыхъ политиковъ и что Россія далека отъ всякихъ фантастическихъ предпріятій. Но не объ этомъ рѣчь. Многіе убѣждены въ томъ, что Индія при первомъ извѣстіи о движеніи Россіи поднимется, какъ

одинъ человѣкъ. Быть пророкомъ въ этомъ случаѣ очень трудно. Россія для туземцевъ Индіи такая же неизвѣстная величина, какъ и какая-нибудь страна на лунѣ. Симпатій къ ней Индусы не могутъ чувствовать уже потому, что ея совсѣмъ не знаютъ. Можно даже быть увѣрену, что туземныя войска будутъ исправно драться на полѣ битвы до тѣхъ поръ, пока ихъ не постигнетъ разгромъ. Разгромъ повлечетъ за собой панику и деморализацію—такіе факты, которые внѣ всякаго разсчета. Англичане дѣйствуютъ на воображеніе покоренныхъ народовъ, а что̀ будетъ тогда, когда ихъ престижъ померкнетъ, когда они потеряютъ голову и когда въ странѣ водворится безначаліе?

Сами Англичане, постоянно говорящіе объ интригахъ Россіи, очень хорошо понимаютъ, что противъ внѣшняго врага можно принять мѣры, можно сосредоточить войска, соорудить крѣпости—все это и дѣлается въ усиленномъ видѣ. Опасаясь Россіи, Англія должна была бы, кажется, съ благодарностью принять помощь владѣтельныхъ князей и индусской интеллигенціи, предлагающихъ ни больше, ни меньше, какъ поголовное ополченіе всего населенія. Если страшна Россія, то чего же лучше? Но Англичане медлятъ и совсѣмъ не думаютъ ввести всеобщую воинскую повинность въ Индіи. Войско будетъ большое, но можно ли будетъ на него разсчитывать? Отчего Англичане при всѣхъ изъявленіяхъ о лойяльности владѣтельныхъ князей, о преданности индусской интеллигенціи, предлагавшей милліоны солдатъ на защиту Индіи, все-таки держатся на-сторожѣ и не вполнѣ довѣряютъ своимъ доброжелателямъ. Имѣютъ ли они причину заподозривать ихъ въ неискренности? Для того, чтобъ отвѣтить на вопросъ, разсмотримъ, какъ сложились отношенія Англичанъ къ князьямъ, къ народнымъ массамъ и къ интеллигенціи.

Полунезависимыхъ князей въ Индіи многое множество (болѣе тысячи). Есть между ними такіе, которые владѣютъ 80.000 кв. миль и десятью милліонами жителей (Низамъ Гайдерабадскій) и есть такіе, царство которыхъ ограничивается десятками десятинъ; съ нѣкоторыми изъ нихъ заключены договоры, съ другими нѣтъ; одни воевали съ Англичанами, другіе оказывали имъ услуги и отличались большою преданностью; одни изъ нихъ имѣютъ свое войско, свою монету, право взимать подати и издавать законы; другіе сохранили только призрачную власть. Однимъ словомъ, въ этомъ отношеніи существуетъ большое разнообразіе, и не всякій Англо-Индіецъ знаетъ о правахъ и обязанностяхъ

вассальныхъ князей. Одно только несомнѣнно, что ни одинъ изъ этихъ вассаловъ, облеченныхъ болѣе или менѣе широкою автономіей, не имѣетъ права объявлять войны, не можетъ заключать договоровъ и не можетъ назначать посланниковъ. Второе ограниченіе касается содержанія войска, за которымъ, какъ я сказалъ раньше, Англичане слѣдятъ очень ревниво. Безъ особаго позволенія англійскаго резидента Европейцу не дозволено входить въ сношеніе съ полунезависимыми князьями. Для того, чтобы ввести нѣкоторое единство въ этомъ многообразіи и для того, чтобы слѣдить за дѣйствіями вассальныхъ князей, къ каждому изъ нихъ приставленъ дядька или резидентъ, который въ сущности обладаетъ самодержавною властью и только въ случаѣ разногласія или спора дѣло поступаетъ на обсужденіе вице-короля Индіи. Англійское правительство установило и іерархію вассальныхъ князей, раздѣлило ихъ на разряды, назначило какія кому полагаются почести, сколько пушечныхъ выстрѣловъ при салютѣ, какія мѣста слѣдуетъ занимать при дурбарахъ или большихъ выходахъ. Нѣкоторые изъ нихъ украшены орденами, носятъ индійскую звѣзду и числятся генералами англійской арміи. Центромъ и главой этого блистательнаго собранія вице-король, намѣстникъ императрицы Индіи.

Отношенія этихъ князей съ Англіей, повидимому, очень хорошія, они очень дорожатъ покровительствомъ Англіи и не упускаютъ случая для изъявленій лойяльныхъ чувствъ. Отчего же Англія относится недовѣрчиво къ этимъ заявленіямъ и есть ли основанія къ такой недовѣрчивости.

Вотъ что̀ говоритъ знатокъ Индіи, Коттонъ (New India or India in Trancitior). Туземные князья, предлагающіе своихъ солдатъ въ распоряженіе правительства, поступаютъ очень мудро. Они знаютъ, что ихъ предложеніе не будетъ принято. Они знаютъ, что среди администраторовъ Индіи есть еще много партизановъ присоединенія pur et simple и что между ними не разъ обсуждался вопросъ о разоруженіи туземныхъ войскъ, а потеря войска равносильна политической смерти. У нихъ нѣтъ средствъ къ защитѣ, нѣтъ судилища, къ которому можно обратиться, нѣтъ общественнаго мнѣнія, которое бы заступилось за нихъ, нѣтъ гласности, которая помѣшала бы произволу.—Ихъ положеніе и честь будутъ зависѣть тогда отъ каприза резидента и отъ иностраннаго отдѣленія въ Симлѣ.

Вѣроятнѣе всего, продолжаетъ Коттонъ, что въ случаѣ русскаго

нашествія, правительство поспѣшитъ съ разоруженіемъ вассальныхъ штатовъ и туземнымъ князьямъ остается одно изъ двухъ: или предложить свои войска правительству или согласиться на ихъ распущеніе. Они выбрали самое мудрое и отвратили отъ себя Дамокловъ мечъ, могущій лишить ихъ престола и достигли вмѣстѣ съ тѣмъ репутаціи вѣрныхъ союзниковъ. Они рисковали немногимъ и выиграли очень много.

Совершенно въ такомъ же духѣ высказываются туземцы, съ которыми мнѣ случалось говорить о лойяльности вассальныхъ князей. Вы поневолѣ будете льстить вашему тюремщику, сказалъ мнѣ одинъ интеллигентный Индусъ, и всячески постараетесь задобрить его.

Если преданность вассальныхъ князей подлежитъ сильному сомнѣнію, то въ какомъ положеніи находятся народныя массы? Имѣютъ ли онѣ причины быть довольными мѣропріятіями правительства? По мнѣнію того же Коттона (Colonies and dependencies) и Минаева (Очерки Цейлона и Индіи), народныя массы видѣли очень мало хорошаго отъ Англичанъ. Населеніе, правда, не страдаетъ, какъ въ прежнее время, отъ постоянныхъ войнъ, отъ грабежа и насилія. Собственность его обезпечена законами, пытки и жестокое обращеніе властей отошли въ область преданій. Но съ другой стороны, говоритъ Коттонъ, новый сборщикъ податей дѣйствуетъ съ неумолимою строгостью, какая была немыслима во времена Монголовъ. Въ прежнее время подать бралась натурой съ урожая, поборовъ и безпокойствъ было много, но въ случаѣ неурожая Великій Моголъ терялъ свои права и можно было ждать послабленія и помощи. Подать можетъ быть меньше, чѣмъ въ прежнее время, но заплатить ее всетаки нужно и недоимщику нѣтъ пощады. И вотъ недоимщики поголовно поступаютъ въ кабалу къ ростовщикамъ, которые одни выиграли при новомъ порядкѣ вещей. Можно предположить, говоритъ Коттонъ, что 40 милліоновъ, то-есть одна восьмая часть всего населенія, получаютъ недостаточное питаніе. Онъ сознается также, что прежнее время, когда было много царскихъ дворовъ, способствовало процвѣтанію мѣстныхъ производствъ, которыя теперь исчезли. Индія купила англійскихъ товаровъ на 400 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ.

Мы думали ограничиться этими фактами и не вдаваться въ дальнѣйшія соображенія о лойяльности народныхъ массъ. Народная масса, что пучина морская, не говоритъ своей тайны до

поры до времени, пока сильная буря не всколыхнетъ ее до самой глубины. И народная масса, какъ стихійная сила. сама по себѣ не имѣетъ никакого значенія. Она вдохновляется своими вожаками, которые одни могутъ дать ей организацію и подвинуть ее на борьбу.

Гдѣ эти вожаки? Искать ли новаго Нена Саиба среди браминовъ и враждующихъ съ ними мусульманъ? При разрозненности, разноплеменности Индіи не могла образоваться интеллигенція, которая руководила бы общественнымъ мнѣніемъ Индіи.

Но вотъ что̀ странно: интеллигенція, немыслимая въ прежнее время, создалась усиліями Англичанъ.

„Мы выростили, говорятъ Англичане, цѣлое поколѣніе людей, говорящихъ по-англійски лучше самихъ Англичанъ, людей, читающихъ Милля, Конта, Спенсера и Макса Мюллера, людей, которые съ честью исполняютъ судейскія обязанности и управляютъ туземными государствами въ нѣсколько милліоновъ жителей, которые ведутъ громадныя коммерческія дѣла, издаютъ англійскія газеты и въ умственномъ отношеніи могутъ стать наравнѣ съ лучшими умами въ Европѣ. Англійскій языкъ послужилъ связующимъ цементомъ, соединившимъ въ одно цѣлое людей разныхъ кастъ и вѣроисповѣданій, бомбейскихъ парсовъ, бенгальскихъ бабу, мадрасскихъ браминовъ, махратовъ, патановъ, раджпутовъ...“

И эта интеллигенція имѣла уже случай проявить свою солидарность въ то время, когда обсуждался Ilbert bill [1] и когда Британцы [2] нападали на политику лорда Рипона. Отъѣздъ лорда Рипона, провожаемаго проклятіями Британцевъ, послужилъ поводомъ къ величественной демонстраціи со стороны туземной интеллигенціи, которая сплотилась воедино, безъ различія кастъ, классовъ, вѣроисповѣданій для того, чтобы чествовать любимаго и популярнаго вице-короля.

Смерть Кешабъ Чандеръ-Сенъ, вождя Брахмаистовъ, дала индійской интеллигенціи случай выказать полное единодушіе. [3]

Руководящую роль въ этомъ движеніи взяли на себя бенгальскіе бабу (господа), болѣе другихъ пріобщившіеся англійской культурѣ. Много значитъ и то, что Калькутта, промышленный

---

[1] Законъ о назначеніи Индусовъ на высшія судебныя должности

[2] British—такъ туземные интеллигенты говорятъ объ Англичанахъ.

[3] См. Минаева Очерки Цейлона и Индіи. Молодая Индія и Брахмаисты.

центръ Бенгаліи, является и средоточіемъ всей Индіи. Бенгальскій бабу—классъ очень многочисленный и заключаетъ въ себѣ много разновидностей. Бенгальскимъ бабу считается и крупный собственникъ, и маленькій чиновникъ, членъ имперскаго совѣта, верховный судья, редакторъ газеты и мелкій репортеръ. Бенгальскихъ бабу можно видѣть во всей Индіи и потому неудивительно, что одинъ бенгальскій бабу проѣхался по всей странѣ и на свои лекціи о разныхъ злобахъ дня собиралъ громадную публику. Чтеніе происходило на англійскомъ языкѣ... Не надо также забывать, что въ настоящее время столичные города, какъ Калькутта, Бомбей и Мадрасъ, даютъ тонъ и направленіе общественному мнѣнію всей Индіи.

Эти факты показываютъ, что подъ вліяніемъ англійской цивилизаціи въ странѣ народилась индусская интеллигенція, которая говоритъ и мыслитъ по-англійски. Чего же тутъ бояться? Вѣдь интеллигенція наравнѣ съ вассальными князьями заявила о своемъ желаніи встать на защиту страны. Отчего Англичане не довѣряютъ ей? Это не лойяльность, говоритъ Коттонъ, а страхъ предъ Россіей. Интеллигенты боятся Россіи, предполагая, что при перемѣнѣ властителей они потеряютъ все то, что̀ пріобрѣли съ помощью англійскаго воспитанія.

Образованные классы болѣе другихъ не любятъ Англію, но и они не желаютъ внезапныхъ перемѣнъ.

Значитъ все обстоитъ благополучно и Англичанамъ нечего тревожиться. А они тѣмъ не менѣе недовольны. Дѣло въ томъ, что эта интеллигенція, вскормленная англійскою образованностью и Англо-Индійцы, управляющіе страной, не сошлись и не могутъ сойтись характерами. Англійскій администраторъ еще терпитъ необразованнаго туземца, подобострастнаго и низкопоклоннаго, но не можетъ выносить образованнаго Индуса, который еще претендуетъ на какое-то равенство отношеній.

Вопросъ не въ томъ, любятъ ли туземцы Англичанъ или vice verja. Лордъ Рипонъ очень хорошо понялъ въ чемъ дѣло, говоря: „мы открыли имъ университеты, посвятили ихъ въ англійскія идеи, пробудили въ нихъ честолюбіе. Можемъ ли мы теперь, когда они достигли полнаго равенства съ нами въ умственномъ отношеніи, сказать имъ, что мы дальше не можемъ удовлетворить ихъ честолюбіе.“

Вопросъ старый, какъ міръ. Съ одной стороны англо-индійская бюрократія, которая считаетъ высшія должности своею исклю-

чительною привилегіей и не хочетъ дѣлать никакихъ уступокъ, а съ другой—кипучая, молодая, полная жизни, задорная, и честолюбивая интеллигенція, которая кричитъ Англо-Индійцамъ „прочь съ дороги, Индія для Индусовъ“.

При такомъ настроеніи не можетъ быть согласія, каждый случай родитъ новыя недоразумѣнія, новыя обиды и новую вражду.

Англо-Индійцы, сознается Коттонъ въ своей прекрасной книгѣ, виноваты больше, чѣмъ туземцы. Тамъ, гдѣ туземцы засѣдаютъ вмѣстѣ съ Англичанами въ коммиссіяхъ, тамъ принято обращаться съ туземцами грубо и высокомѣрно, если же туземецъ хочетъ высказать свое мнѣніе или выкажетъ нѣкоторую независимость, то онъ можетъ считать себя счастливымъ, если избѣгнетъ оскорбленія (стр. 36).

Такое напряженное состояніе не могло не обратить вниманія лучшихъ умовъ Англіи. Совершенно естественно явилась мысль о томъ, что слѣдуетъ сдѣлать уступки этой новой силѣ и примирить побѣжденныхъ съ побѣдителями. Дѣятельность лорда Риппона была въ этомъ духѣ. Смѣшно же было не давать мѣстъ туземцамъ только потому, что они туземцы. Они могли указать на туземныхъ министровъ въ вассальныхъ владѣніяхъ, въ которыхъ туземцы съ честью и съ большимъ умѣніемъ исполняютъ свои обязанности. Но на такое вольнодумство не рѣшился бы даже и лордъ Риппонъ, онъ очень хорошо зналъ, что высшія мѣста составляютъ привилегію Англичанъ. Онъ только попробовалъ гуманнѣе и справедливѣе отнестись къ туземцамъ и какіе же были результаты его политики?

Всеобщее озлобленіе со стороны Англичанъ, которые съ пѣной у рта произносили имя лорда, клеймили его измѣнникомъ и грозились высадить его на пустынный берегъ. Тамъ, гдѣ появлялся намѣстникъ, тамъ Англичане блистали своимъ отсутствіемъ, явно показывая ему свое пренебреженіе, но тамъ, съ другой стороны, собиралась несмѣтная толпа туземцевъ, которые всячески показывали ему свое сочувствіе. Ожесточеніе дошло до того, что англійскіе волонтеры—цвѣтъ англійскаго общества—устроили ему кошачій концертъ со свистомъ и съ бросаніемъ грязи. Ильбертъ билль былъ послѣднею каплей, переполнившею чашу. Англичане какъ одинъ человѣкъ возстали противъ него. Страшнаго въ немъ было очень мало; согласно этому закону судья, назначенный англійскою короной изъ туземцевъ, могъ судить и Англичанина. Для Англичанина, признающаго только судъ своихъ равныхъ, это

казалось чудовищнымъ посягательствомъ на его права и страшнымъ униженіемъ.

„Этого еще не доставало, воскликнули Англичане въ одинъ голосъ,—что меня Англичанина, мою жену, моихъ близкихъ будетъ судить какой-то лживый, грязный туземецъ.“

О волненіи, которое охватило англійское общество въ Индіи, мнѣ разсказывалъ одинъ очевидецъ.

Еслибы не убрали этого измѣнника, сказалъ онъ, то мы расправились бы по своему. Своими поблажками онъ испортилъ все дѣло. Туземцы совсѣмъ ошалѣли отъ восторга и подняли голову и каждый изъ нихъ началъ ругать Англичанъ. Они вздумали, что они намъ равны. Мы этого допустить не можемъ.

„Мы, какъ масло и вода, никогда не сольемся. Эти грязные туземцы никогда не поймутъ насъ. Они грязны и въ нравственномъ отношеніи, имъ ничего не стóитъ солгать, обмануть или взять взятку. Гдѣ имъ понять Англичанина, который вѣренъ своему слову и свято исполняетъ свой долгъ. Правила англійской добропорядочности останутся для нихъ недосягаемымъ идеаломъ. Идеалъ ихъ заключается въ томъ, чтобъ ѣсть, пить и разбогатѣть. Эти разжирѣвшіе бабу разъѣзжаютъ въ каретахъ и хотятъ, чтобы мы для нихъ держали солдатъ, а сами убирались домой. Нѣтъ шутишь. Если мы уйдемъ, то придутъ сѣверные народы и сметутъ ихъ, какъ пыль. Знаете: пять Сикховъ [1] разогнали тысячную толпу студентовъ, кричавшихъ во все горло „Индія для Индусовъ“. И ловко же эти Сикхи расправляются съ Бенгальцами.

„А... вы считаете себя хозяевами, сказали Сикхи,—ну мы вамъ покажемъ, кто здѣсь хозяинъ. Ну и начали ихъ валять направо и налѣво, такъ что любо было смотрѣть. Вотъ какъ съ ними надо обращаться.

„Лордъ Дофферинъ измѣнилъ систему своего предшественника, сталъ на сторону Англичанъ, и туземная пресса стала потише, а то житья просто не было. Замѣчательное единодушіе было тогда въ англійскомъ обществѣ. Волонтеры, солдаты, матросы, капитаны, всѣ какъ одинъ человѣкъ сдѣлались ослушниками

---

[1] Считаемъ нужнымъ напомнить читателю о томъ, что воинственные Сикхи, объединенные прежде подъ властью Ранджитъ-Синга, имѣвшіе своею столицей Лагоръ и духовнымъ средоточіемъ Амритсаръ, теперь лучшіе солдаты и полицейскіе Англичанъ.

правительства, вздумавшаго ввести ненавистный законъ. Пойди англійское правительство немножко дальше, мы бы отложились, провозгласили бы независимость или призвали бы Русскихъ".

Отозваніе лорда Рипона и перемѣна системы не могли остановить движеніе, охватившее индусское общество. Сознавъ свою силу, индусская интеллигенція формулировала свои требованія на конгрессѣ, который собрался въ Калькуттѣ 21—30 декабря 1886 года.

Резолюціи конгресса настолько знаменательны, что мы считаемъ не лишнимъ привести нѣкоторыя изъ нихъ цѣликомъ:

II. Конгрессъ делегатовъ изъ всей Индіи смотритъ съ большимъ опасеніемъ на увеличивающійся въ Индіи пауперизмъ и хотя увѣренъ въ томъ, что правительство обратитъ на это должное вниманіе, все-таки находитъ, что введеніе представительныхъ учрежденій было бы самымъ цѣлесообразнымъ шагомъ для поднятія благосостоянія въ Индіи.

III. Подтверждаетъ прежнее ходатайство конгресса 1886 года о расширеніи мѣстнаго самоуправленія.

IV: а) Члены мѣстныхъ собраній должны быть наполовину выборными, одни изъ нихъ должны имѣть право засѣдать ex officio и только одна четверть должны быть по назначенію отъ правительства.

2) Избирательное право должно принадлежать лицамъ, имѣющимъ извѣстный общественный, денежный и образовательный цензъ.

3. Выборные не должны получать вознагражденія. Могутъ быть выбраны лица, живущія въ Индіи, безъ различія расы, вѣры, касты и цвѣта. Всѣ законодательныя и финансовыя мѣры, какъ-то, налоги должны быть представлены на обсужденіе совѣта.

4. Правительство можетъ не согласиться съ мнѣніемъ большинства и постановить другое рѣшеніе, но оно должно въ теченіе мѣсяца высказать мотивы такого образа дѣйствій.

V. Проситъ всѣ общества и ассоціаціи въ Индіи поддержать конгрессъ въ этомъ дѣлѣ и проситъ вице-короля о вводѣ въ видѣ опыта представительныхъ учрежденій, какъ это было указано въ предыдущемъ конгрессѣ.

VII. О томъ, чтобы мѣста давались лицамъ, выдержавшимъ экзамены.

Экзамены должны происходить, какъ въ Англіи, такъ и въ Индіи безъ лицепріятія для испытуемыхъ.

VIII. О введеніи суда присяжныхъ.

XI Отдѣленіе судебной власти отъ исполнительной.

XII. Имѣя въ виду неопредѣленное, политическое положеніе въ Европѣ, конгрессъ предлагаетъ правительству свое содѣйствіе и проситъ позволенія приступить къ вербовкѣ волонтеровъ со всей Индіи.

XIII. Во всѣхъ значительныхъ центрахъ конгрессъ учреждаетъ постоянные комитеты.

XIV. Третій національный конгрессъ соберется въ Мадрасѣ 27 декабря 1887 года.

XV. Копіи этихъ резолюцій должны быть сообщены вице-королю. Просить его объ исходатайствованіи у королевы исполненія рѣшеній конгресса.

Туземная пресса отнеслась весьма сочувственно къ резолюціямъ конгресса. Мнѣнія англійской прессы раздѣлились. Одни были за то, чтобы правительство обратило вниманіе на вербовку волонтеровъ предлагаемыхъ конгрессомъ.

Другіе старались выставить на видъ, что 50 милліоновъ мусульманъ держатся въ сторонѣ отъ этого движенія и что 32 мусульманскихъ делегата не представляютъ мнѣнія своихъ согражданъ. Конгрессъ поэтому не имѣетъ права называться національнымъ конгрессомъ Индіи; придирка во всякомъ случаѣ неосновательная уже потому, что Индусы составляютъ большинство въ странѣ, да и конгрессъ не претендуетъ на званіе законодательнаго собранія, а только выражаетъ желанія руководящихъ кружковъ въ Индіи.

Но какъ Англичане ни стараются умалить значеніе конгресса, они все-таки должны сознаться, что съ этимъ фактомъ надо считаться. Что же касается индусскаго конституціоннаго движенія, то Англичане, если они не хотятъ встать въ полное противорѣчіе съ самими собою, должны содѣйствовать ему во всѣхъ отношеніяхъ. Они должны же сознаться въ томъ, что эти стремленія Индусовъ навѣяны англійскими идеями и англійскими учрежденіями.

Вопросъ о самоуправленіи въ Индіи не такой дикій, какъ это можетъ показаться съ перваго раза. Коттонъ прямо утверждаетъ, что Индусы имѣютъ большую способность къ самоуправленію и что Индія уже издавна пользовалась общественнымъ устройствомъ, такъ что при своихъ туземныхъ князьяхъ она походила на собраніе маленькихъ республикъ. Этотъ же Коттонъ называетъ законодательные совѣты при губернаторахъ фарсомъ

или пародіей на самоуправленіе, которая никого удовлетворить не можетъ. Назначенный генералъ-губернаторомъ туземецъ скорѣе откуситъ себѣ языкъ чѣмъ будетъ возражать мѣропріятіямъ правительства. На этихъ господъ, говоритъ Коттонъ, нельзя смотрѣть какъ на выборныхъ народа, истинные представители народа и его излюбленные люди еще не принимаютъ участія въ управленіи страной.

Какъ мы видѣли, мысли лорда Риппона, Коттона и другихъ благожелательныхъ Англичанъ вполнѣ сходятся съ вожделѣніями индусской интеллигенціи, которая твердитъ одно „Индія для Индусовъ“ и еслибы дѣло зависѣло отъ нихъ, то Индія превратилась бы въ свободную, автономную федерацію народовъ подъ главенствомъ Англіи. Коттонъ прямо сознается, что управленіе страной слишкомъ дорого и что пора пришельцевъ Англичанъ замѣнить туземными силами. Но кромѣ лорда Риппона, Коттона и другихъ есть еще сильная партія, и она составляетъ большинство, которая всякую уступку въ этомъ дѣлѣ считаетъ измѣной, которая не хочетъ признать равными себѣ какихъ-то nigger'овъ, будь у нихъ семь пядей во лбу. Чтобы дать вамъ понятіе объ этихъ отношеніяхъ, приведу выписку изъ *Bengal Times* о кандидатурѣ какого-то бенгальскаго бабу въ англійскій парламентъ. Можно оспаривать такую кандидатуру сколько угодно, но зачѣмъ же называть 400 либераловъ, выставившихъ эту кандидатуру, сумасшедшими и приравнивать ихъ кандидата съ обезьяной.

„Мы бы сумѣли, продолжаетъ газета, расправиться съ каждымъ бенгальскимъ негодяемъ, который пожелаетъ имѣть жену Англичанку и всякую Англичанку, которая вышла бы за туземца, мы выставили бы на всеобщій позоръ.“

Такъ говоритъ газета, издаваемая въ Индіи, и можно представить себѣ, какія чувства она вызываетъ среди туземцевъ. Этого пока довольно, чтобы показать какъ сложились отношенія завоевателей и завоеванныхъ. Дѣлать какія-нибудь предположенія о томъ, чѣмъ и какъ разрѣшится этотъ кризисъ, довольно затруднительно. Мы не должны забывать, что мы имѣемъ дѣло съ своеобразною культурой, въ которой уживаются много контрастовъ; рядомъ съ идолопоклонниками дѣйствуютъ брахманисты, послѣдователи Огюста Конта и теософы; поклонники Спенсера, Милля одобряютъ дѣтскіе браки. Также не надо забывать о разрозненности и разобщенности народовъ Индіи, пребывающихъ

въ глубокой тьмѣ невѣжества и изувѣрства. Стоитъ только припомнить безпорядки въ Дели и рѣзню между мусульманами и Индусами изъ-за коровы. Всѣ мы знаемъ, какъ Индусы почитаютъ корову, какъ они не сочувствуютъ мусульманамъ за то, что они ѣдятъ мясо, и называютъ ихъ мясниками. Мусульмане же не остались въ долгу и зарѣзавъ корову, ея кровью обмазали идоловъ въ индусскомъ храмѣ. Индусы возмутились, и началась рѣзня между мусульманами и Индусами, которая продолжалась нѣсколько дней и стоила нѣсколькихъ тысячъ жизней.

Все это должно быть принято въ соображеніе, но одно, конечно, вѣрно, что интеллигенція за послѣднее время пріобрѣла большое значеніе въ странѣ и что если дѣло будетъ предоставлено ей всецѣло, а не стихійнымъ силамъ, то нынѣшній кризисъ продолжится еще на долгое время и не дойдетъ до кровавой развязки. Интеллигенція хотя и не любитъ Англичанъ, но врядъ ли рѣшится на рискованныя предпріятія. Она все-таки смотритъ на Англію, какъ на необходимое зло и очень хорошо знаетъ, что если не будетъ Англичанъ, то господами будутъ, пожалуй, не изнѣженные и миролюбивые бенгальскіе бабу и другіе интеллигенты, а воинственные и еще дикіе Сикхи, Гуркасы, Афганцы и т. д.

Съ другой стороны надо думать, что и Англичане опомнятся и, если убѣдятся въ неизбѣжности новаго порядка вещей, даруютъ Индусамъ полную автономію. Но до наступленія этой счастливой эры, когда Индія превратится въ Индійскіе Соединенные Штаты, пройдетъ еще не мало времени и страна переживетъ еще не мало кризисовъ.

Переходъ отъ Калькутты до Рангуна продолжается пять дней. Интереснаго мало, публика несимпатичная. Все молодые полицейскіе, ѣдущіе просвѣщать новый край и водворять въ немъ порядокъ. Посмотришь на одного—ему лѣтъ двадцать, а онъ ужь получаетъ 600 рупій (кредитныхъ рублей) въ мѣсяцъ. Это не исключеніе, а скорѣе общее правило. Послушаешь этихъ господъ и убѣдишься, что это крупное жалованье сущій пустякъ въ сравненіи съ крупными кушами, которые получаютъ высшіе чиновники. Тамъ уже получаютъ по 12.000 въ мѣсяцъ, а самый старшій, то-есть главный, коммиссаръ (Chief Commissioner) получаетъ

тридцать тысячъ. Все это возьмется съ населенія покоренной провинціи; но съ другой стороны Англичане дѣлаютъ очень строгій выборъ, стараются послать въ колоніи людей вполнѣ благонадежныхъ въ нравственномъ отношеніи и подвергаютъ ихъ строгому экзамену. Только выдержавшій успѣшно испытаніе и знающій теоретически страну, въ которой ему придется дѣйствовать, можетъ разсчитывать на какое-нибудь мѣсто. Подъ теоретическимъ знаніемъ я разумѣю исторію, юридическіе обычаи, экономическій бытъ и географію страны. Требуется еще основательное знаніе туземныхъ языковъ. Просѣивъ кандидатовъ въ рѣшетѣ, Англичане уже не скупятся на содержаніе, зная очень хорошо, что это цвѣтъ администраціи.

Будущіе администраторы—бодрый, веселый народъ, любители спорта, поглащающіе умѣренное количество брэнди съ содой, поклонники комфорта, во время обѣда не отказываютъ себѣ въ бутылочкѣ холодненькаго. Шовинисты они страшные, патріоты самой чистѣйшей воды, Русскихъ хотѣли бы изжарить и уничтожить въ конецъ, но это не мѣшаетъ имъ быть очень порядочными людьми. Посмотришь на нихъ и подумаешь, какъ они не похожи на нашу молодежь; все это практики, здраваго смысла много, но идей очень мало, порывовъ, колебаній тоже не имѣется, а есть одна торная дорожка, съ которой они не собьются. Всѣ они обзаведутся семьей, воспитаютъ дѣтей въ томъ же духѣ добропорядочности, джентльменства, пріючатъ ихъ къ труду, къ исполненію долга, но не знаю, согласитесь ли вы со мною,—въ такомъ обществѣ очень скучно и тоскливо.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, глядя на нихъ и слушая ихъ разговоры, мнѣ просто завидно стало, что у нихъ все такъ скоро дѣлается. Не успѣли присоединить Бирму, какъ уже настроили желѣзныхъ дорогъ, года черезъ два будетъ готова дорога въ Мандалай—столицу Верхней Бирмы, а черезъ три года Бирма будетъ организована на индійскій образецъ. Вотъ какъ у нихъ все это быстро дѣлается. Возьмите для примѣра Рангунъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ это была несчастная деревушка, а теперь это городъ съ населеніемъ во 150.000, съ большими зданіями, съ фабриками, заводами, доками и со всѣми усовершенствованіями европейской культуры, съ телефономъ, конками и желѣзною дорогой. Быстрое развитіе Рангуна зависитъ отъ выгоднаго географическаго положенія. Онъ является главнымъ складочнымъ пунктомъ для пароходовъ. Jhe jrauaddy Flotilla (Сотрапу) совершающихъ правильные

рейсы по рѣкѣ Иравади, которая беретъ начало въ Тибетской возвышенности и судоходна круглый годъ на 900 миль отъ устья. Но англичане не удовольствовались однимъ пароходнымъ сообщеніемъ и въ подмогу ему, какъ я говорилъ раньше, построили желѣзную дорогу, которая не остановится въ Мандалаѣ, а пойдетъ еще дальше до границъ Китая.

Если Верхняя Бирма [1] при королѣ Тибау и при всѣхъ неурядицахъ азіятской монархіи давала хорошій доходъ Рангуну, то съ умиротвореніемъ края рессурсы этого города должны увеличиться въ нѣсколько разъ. Кромѣ того, надо сказать, что Рангунъ ведетъ громадную торговлю рисомъ, [2] строевымъ лѣсомъ, въ особенности тикомъ, [3] смолой, пряностями и служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ главнымъ складочнымъ пунктомъ для англійскихъ товаровъ. Большому кораблю большое и плаваніе. Рангунъ на свои нужды тратитъ не менѣе милліона рублей.

Съ перваго раза онъ производитъ очень пріятное впечатлѣніе, благодаря красивому расположенію на берегу широкой рѣки. Вдоль набережной идетъ рядъ казенныхъ зданій, почта, судъ и другія присутственныя мѣста. Параллельно съ набережной такъ-называемая торговая улица съ гостиницами и магазинами, а дальше красивые особняки, окруженные садами, парками. Высадка очень удобная. Пароходъ стоитъ у самой пристани. Какъ-то странно, что не видно обычной толпы фокусниковъ, торговцевъ и людей, живущихъ на счетъ туриста. Хотя здѣсь есть искусные рѣзчики на деревѣ, золотыхъ дѣлъ мастера, дѣлающіе по заказу прелестныя вещи, но всѣ эти люди сидятъ по домамъ и не привыкли къ туристу, да и то сказать, какіе здѣсь туристы. Мѣсто еще новое и не посѣщаемое туристами.

Когда началась выгрузка и кули затянули свою монотонную пѣснь, напоминающую нашу дубинушку, я поспѣшилъ на берегъ.

[1] Въ Нижней Бирмѣ (главный городъ Рангунъ) считается 88.566 кв. м., 3.736.711 ж. Въ Верхней Бирмѣ (столица Мандалай) 67.000 кв. м., 1.675.000 ж. Коренные жители Бирманцы и шаны, но къ нимъ присоедяняются мелкія народности кіены, какіены, катай, пны, карены, инеты, нибаны, пелунги, Китайцы и Индусы, которые занимаются торговлей.

[2] Вывозъ рису въ 1886—951.700 тоннъ 70 рупій за тонну на 66.600.000 рупій, въ 1885—925.690—на 64.700.000 руп., въ 1887 г. 744 800 т. на 52.100.000 рупій.

[3] Дерево, идущее на судовыя издѣлія и драгоцѣнное тѣмъ, что его не трогаютъ бѣлые муравьи, которые, разъ забравшись въ дерево, съѣдаютъ всю его сердцевину и оставляютъ одну только оболочку, не тоньше облатки. Домъ, выточенный такимъ образомъ, можетъ каждую минуту обрушиться.

чтобъ ознакомиться поближе съ городомъ. Съ перваго взгляда кажется, что вы еще въ Индіи, кули Мадрасцы, извощики тоже, въ лавкахъ сидятъ знакомые суратскіе купцы, полицейскіе, все рослые, красивые ребята въ мундирѣ и въ чалмѣ, по большей части смуглые Сикхи, въ публикѣ много Парсовъ и бенгальскихъ бабу. Хотя многое еще напоминаетъ Индію, но все-таки чувствуется съ перваго раза, что вы попали въ новый міръ. Все чаще и чаще попадаются Китайцы съ громадною сигарой въ зубахъ и съ большою шляпой на головѣ. Эти шляпы съ широкими полями уже являются новшествомъ со стороны Китайцевъ. Бирманцы по типу очень похожи на Китайцевъ. Все чаще и чаще видишь лица съ широкими скулами и со скошенными глазами. И цвѣта пошли другіе, все рѣже и рѣже попадаются красный и бѣлый цвѣтъ и все чаще желтый. У мужчинъ костюмъ несложный. Обвязалъ себя вокругъ пояса кускомъ матеріи, на голову повязалъ шелковый платокъ розоваго или палеваго цвѣта—и костюмъ готовъ. Постройки Европейцевъ еще напоминаютъ Индію, но все чаще попадаются крыши китайскаго образца съ загнутыми вверхъ концами. Шведагонская пагода, которая возвышается надъ городомъ въ видѣ золоченаго колокола съ предлиннымъ ушкомъ, непохожа на сооруженія Индіи и вполнѣ самобытна. Религія получена изъ Индіи. Бирманцы-буддисты и не знаютъ кастовыхъ предразсудковъ Индіи. Англичане очень этимъ довольны и надѣются, что Бирманцы скоро сольются съ побѣдителями. Были уже примѣры, что богатыя бирманскія аристократки выходили замужъ за Англичанъ. Бирманская интеллигенція охотно является на дурбары и также охотно принимаетъ англійскіе обычаи. Англійское правительство поощряетъ это стремленіе и устроило для Бирманцевъ высшаго класса англійскія школы.

Не надо думать, что страна погрязла въ невѣжествѣ. Напротивъ, школъ туземныхъ очень много и въ Бирмѣ, какъ мнѣ говорили, рѣдко встрѣтишь неграмотнаго. Разсадниками образованія служили монастыри, они же странопріимные дома для бѣдняковъ и для обдѣленныхъ судьбой. Посмотрѣть на нихъ стоитъ.

Въ то время, какъ въ европейскомъ кварталѣ тихо и рѣдко увидишь прохожаго, около Шведагонской пагоды всегда кишитъ народъ. Вмѣсто того, чтобы сѣсть въ конку и подъѣхать къ пагодѣ, я взялъ извощика и самъ былъ этому нерадъ. Не понимая меня, онъ колесилъ по городу и только когда одинъ прохожій объяснилъ ему, что̀ мнѣ нужно, онъ подвезъ меня къ

Шведагонской пагодѣ, которая по своему великолѣпію и богатству считается первою во всей странѣ.

Положеніе дѣйствительно великолѣпное. Откуда ни посмотрите, вездѣ увидите золотую пагоду, блестящую и горящую на солнцѣ. Она стоитъ на холмѣ (166 футовъ) и имѣетъ 321 футъ высоты. Но отдавая должное оригинальности замысла и богатству отдѣлки, я не могу восхищаться этимъ громаднымъ колоколомъ, который заканчивается тонкою и длинною трубкой. По моему мнѣнію, это неизящно. На самомъ верху трубки стоитъ золоченый зонтъ, стоившій 600.000 руб. Лѣстница съ рѣзною разукрашенною крышей на китайскій манеръ представляетъ довольно оригинальное зрѣлище. Вся она, какъ и входъ въ самый храмъ, занята торговцами, которые продаютъ сласти, букеты, четки, амулеты, статуетки и все, что̀ требуется посѣтителямъ этихъ мѣстъ. Ступа сама по себѣ ничего не значитъ; важно то, что она окружена множествомъ маленькихъ ступъ, храмовъ, колоссальными статуями Будды, часовнями, бронзовыми и каменными подсвѣчниками, фонарями и колоколами. Кругомъ постоянно снуютъ буддійскіе монахи въ желтыхъ тогахъ, богомольцы, фокусники, показывающіе обезьянъ и собирающіе вокругъ себя толпу зѣвакъ, совсѣмъ голые дѣти, нищіе, калѣки и иногда пьяные англійскіе солдаты. Собаки, которыхъ очень много, заслышавъ колокольный звонъ, начинаютъ выть или лаять. Такая картина, пожалуй, оригинальна, но эта базарная сутолока противорѣчитъ нашимъ понятіямъ о церковномъ благочестіи и тишинѣ.

Осмотрѣвъ пагоду, я съ большимъ трудомъ объяснилъ моему возницѣ, что мнѣ хочется посмотрѣть королевскія озера и пруды. Паркъ съ королевскими озерами очень хорошъ. Среди тропической растительности красуются хорошенькія дачи. Тутъ же на озерѣ въ грязной водѣ моютъ бѣлье.

Утромъ я отправился въ Пегу. На станціи мнѣ выдали рукописный билетъ. Новость: на нѣкоторыхъ вагонахъ красуется надпись „только для Европейцевъ“. Туземцы, значитъ, и здѣсь должны знать свое мѣсто.

Желѣзная дорога проходитъ черезъ туземный городъ. Постройки все деревянныя, и потому пожары здѣсь не рѣдкость. Если начнется пожаръ, то выгораютъ цѣлые кварталы. Опять отличительная черта—дома большею частью на сваяхъ. Мѣст-

ность ровная, однообразная, лишенная растительности, какіе-то пустыри съ пожелтѣвшею травой. Нѣтъ никакого сходства съ плодородными равнинами Бенгаліи. Тамъ кишитъ народъ, а тутъ полное безлюдіе, и только изрѣдка увидишь стада. Только на станціяхъ людно и много жизни. Бирманцы съ большими сигарами во рту—они, кажется, съ ними никогда не разстаются—шумятъ, орутъ и толкутся около вагоновъ. Тутъ же торговцы предлагаютъ желающимъ апельсины, арбузы, но, къ сожалѣнію, не такіе сочные и сладкіе, какъ наши, кокосовые орѣхи, бетель, дыни, манго, тамаринды, гранаты, пампельмусы (въ родѣ большихъ апельсиновъ) и разныя сладости, сдѣланныя изъ риса.

Станціонныя постройки всѣ деревянныя. Въ этомъ отношеніи Бирма отличается отъ Индіи, гдѣ все построено изъ камня. Въ Бирмѣ только пагоды каменныя, а деревенскія постройки сдѣланы изъ дерева, да ихъ мало какъ-то видишь, потому что онѣ еле-еле выглядываютъ изъ гущи пальмовыхъ лѣсовъ. На слѣдующихъ станціяхъ уже начинается мелколѣсье. Туземцы выжигаютъ траву и джёнгли и приготовляютъ почву для посѣва. Послѣ двухъ-лѣтней обработки они переходятъ на новыя мѣста. Въ хозяйствѣ Бирманцы держатся переложной системы. Молотьбу производятъ быками. Другія земледѣльческія орудія у нихъ довольно примитивнаго устройства. Только для выжиманія сахара изъ сахарнаго тростника у нихъ имѣется усовершенствованная машина. Табакъ идетъ на мѣстныя сигары. Чай ростетъ въ долинахъ Иравадди и Гвендвена. Но главное богатство страны въ лѣсѣ, и очень жаль, что правительство не принимаетъ мѣръ противъ лѣсоистребленія. Само правительство получаетъ довольно значительный доходъ изъ казенныхъ лѣсовъ, давшихъ въ прошломъ году около 82.291 фунтовъ стерлинговъ.

На деревенскія постройки лѣсу идетъ очень мало. Сельскіе дома на сваяхъ изъ тиковаго лѣса, но самый домъ, то-есть стѣны, и иногда полъ состоитъ изъ бамбуковой плетенки. Все это покрыто соломой или травой, и на постройку не нужно ни одного гвоздя... Кругомъ дома идетъ веранда, и во время дня приставляется небольшая и неудобная лѣстница, по которой очень ловко поднимаются не только люди, но даже и собаки. Чѣмъ больше вглядываешься въ окружающее, тѣмъ больше убѣждаешься въ томъ, что здѣсь уже не Индія, а Индо-Китай, громадный міръ съ сотнями, милліонами обитателей, со своеобразною цивилизаціей и съ тысячелѣтнею культурой. Да и

Индусы, съ которыми приходится говорить о Бирмѣ, находятъ, что у Бирманцевъ все дѣлается не какъ у людей...

„Взять бы хоть коровъ, говоритъ Индусъ, Бирманецъ не умѣетъ доить ихъ. Онъ ѣстъ мясо, всякую гадость и не гнушается даже змѣями. О кастахъ нѣтъ и помину, и женщины работаютъ въ полѣ голыя по самый поясъ. А затѣмъ, статочное ли дѣло, туземецъ садится обѣдать съ женой изъ одного блюда, тогда какъ въ Индіи жена подождетъ, пока мужъ кончитъ обѣдъ и тогда поѣстъ изъ другаго блюда... Въ Индіи, напримѣръ, это тиковое дерево стоило бы сотни рупій, а здѣсь оно безполезно гніетъ, и никому нѣтъ до этого дѣла."

Но вотъ наконецъ и Пегу. Когда-то этотъ городъ игралъ большую роль, но послѣ непрерывныхъ нападеній столица Талайновъ или Пегуанцевъ была разрушена до основанія и потеряла всякое значеніе.

Прибывъ къ мѣсту назначенія, я былъ какъ въ лѣсу и обратился къ первому человѣку, носящему сюртукъ, и спросилъ его, гдѣ здѣсь можно позавтракать. Вопросъ былъ очень важный для меня и почти неразрѣшимый, такъ какъ на станціяхъ еще не устроено буфетовъ. Оказалось, что я попалъ на мѣстнаго доктора, метиса и католика. Онъ очень любезно предложилъ мнѣ позавтракать у него и обѣщалъ, когда освободится отъ занятій, показать мнѣ пагоду — единственную достопримѣчательность гор. Пегу. По дорогѣ онъ познакомилъ меня со своимъ пріятелемъ, бенгальскимъ бабу, который занималъ какое-то мѣсто въ городскомъ управленіи, и мы вмѣстѣ зашли въ госпиталь. Въ одной изъ комнатъ мы увидѣли раненаго дакоита, бросившаго на насъ взглядъ полный ненависти и злобы.

Докторъ, впрочемъ, отнесся къ нему съ большимъ сочувствіемъ. Бѣдняга, сказалъ онъ, какъ они его обработали, сколько у него ранъ, да и то сказать—это ужасный народъ, живымъ не дастся въ руки Англичанъ. Англичане ихъ называютъ разбойниками, но, въ сущностя, это защитники отечества, ведущіе партизанскую войну съ Англичанами. Англичане, конечно, правы, если стараются отъ нихъ отдѣлаться. Вѣдь эти дакоиты держатъ въ страхѣ цѣлыя селенія и сбираютъ съ нихъ дань. Тамъ, гдѣ заведутся дакоиты, тамъ уже не можетъ быть спокойствія.

Когда докторъ осмотрѣлъ своихъ больныхъ и сдѣлалъ коекакія распоряженія, мы отправились въ пагоду. Тамъ у входа меня поразили два колоссальныя изваянія, изображающія какихъ-то

крылатыхъ львовъ. Это сторожа храма. У входа, какъ и въ шведагонской пагодѣ, идетъ бойкая торговля свѣчами, ладономъ, букетиками, бумажными ленточками, вѣерами, изображеніями животныхъ, деревянными издѣліями и сластями въ разныхъ видахъ. Всѣ эти предметы приносятся въ жертву идолу.

Войдя въ зданіе съ колоссальною массивною крышей и съ деревянною рѣзьбой, я увидѣлъ въ глубинѣ храма колоссальную статую Будды, позолоченную сверху до низу. Предъ статуей горѣло много свѣчей, и стояли довольно скудныя приношенія богомольцевъ. Женщины, сидя на полу, усердно молились. Въ остальномъ пегуанская пагода похожа на шведагонскую. Та же ступа или колоколъ съ длинною трубкой, но безъ позолоты, такое же множество маленькихъ храмиковъ, ступъ, статуй, низенькихъ построекъ, въ которыхъ висятъ колокола, пагодъ, сооруженныхъ частными лицами. Зная одну ступу, вы знаете ихъ всѣ: разница только въ деталяхъ.

Покончивъ осмотръ пагоды, мы отправились къ доктору. У него въ домѣ цѣлый звѣринецъ: шесть собакъ и четыре обезьяны. Жена его очень полная барыня, уроженка изъ Пондишерри и также метиска (halfcast). — Обильный завтракъ, который былъ такъ радушно предложенъ мнѣ, отличался обиліемъ пряностей. Докторъ, повидимому, очень добрый человѣкъ. Кромѣ собственныхъ дѣтей у него живутъ еще двѣ чужія дѣвочки... Живетъ онъ скромно, но хорошо и очень доволенъ своимъ положеніемъ. Еще недавно онъ получалъ 350 рупій въ мѣсяцъ, а теперь ему вышла какая-то прибавка. Учился онъ, какъ говорятъ, на мѣдныя деньги, перебивался и съ трудомъ попалъ въ университетъ, гдѣ ему пришлось жить на 9 рупій въ мѣсяцъ. На свои скудныя средства ему пришлось содержать и братьевъ. Но теперь, слава Богу, онъ выбрался на большую дорогу, и братья уже занимаютъ хорошія мѣста: кто инженеромъ, кто судьей. Конечно, этотъ почтенный человѣкъ и жена его, совсѣмъ простая и необразованная женщина, тонкимъ манерамъ не обучены и не приняты въ здѣшнемъ обществѣ. Англичане пришли бы въ ужасъ отъ мѣщанской обстановки дома, отъ разныхъ мелочей домашняго обихода, отъ того, какъ дѣти босикомъ бѣгаютъ по комнатамъ. Но докторъ этого остракизма не чувствуетъ и по своему счастливъ. У него есть два, три пріятеля, съ которыми онъ любитъ поболтать о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе. Вотъ и сейчасъ къ нему зашелъ бенгальскій бабу и, поговоривъ

о томъ о семъ, незамѣтно свелъ разговоръ на возстаніе 1857 года. Бенгальскіе бабу тогда давали убѣжище Англичанамъ и скрывали ихъ у себя.

Разсказывая о разныхъ эпизодахъ, Бенгалецъ говорилъ объ Англичанахъ въ почтительномъ тонѣ, безъ малѣйшаго оттѣнка недоброжелательства и вражды. Онъ просто благоговѣлъ предъ англійскою цивилизаціей и въ этомъ духѣ воспитывалъ сына, котораго онъ, повидимому, боготворилъ. Между прочимъ, онъ разсказалъ о взятіи Мандалая англійскими войсками. Городъ и дворецъ были преданы грабежу: грабили свои и чужіе. Придворные тоже не оставались съ пустыми руками и тащили что̀ могли. Масса драгоцѣнностей, золотыхъ статуй, рѣдкихъ вещей, книгъ и рукописей очутились въ рукахъ солдатъ и простой челяди и продавались ими за безцѣнокъ. Какъ я слышалъ, дворецъ деревянный, и Англичане собираются его сломать, потому что онъ очень грязенъ. О королѣ Тибау Бенгалецъ выразился съ сожалѣніемъ. Вѣдь онъ очень молодъ и его оклеветали Англичане. Англичане со своей стороны разсказываютъ, что король отличался непомѣрною жестокостью и въ одинъ день велѣлъ казнить нѣсколько десятковъ людей, да еще къ тому родственниковъ.

Многіе, хотя и не отрицаютъ жестокостей короля Тибау, говорятъ, что Англичанамъ нуженъ былъ предлогъ, чтобы забрать въ свои руки богатый край, [1] на который уже зарились Итальянцы и Французы. О богатствѣ этого края уже давно знали Англичане.

Не говоря о богатыхъ рубиновыхъ копяхъ, [2] о золотыхъ

---

[1] Произведенія края: рисъ, сахарный тростникъ, хлопокъ, индиго, табакъ, чай, маисъ, пшеница, просо и сахаръ пальмирской пальмы. Плодовыя деревья: апельсины, лимоны, манго, хлѣбное дерево, папай, гуава, ананасъ, тамаринды, гранаты, пампельмусы. Овощи: пататы, бобы всевозможныхъ сортовъ, спаржа, тыквы, перецъ, китайская рѣдька, помидоры и т. д. Минералы: каменный уголь, золото, мѣдь, соль, нефритъ, нефть и изъ драгоцѣнныхъ камней рубины и сапфиры. Изъ животныхъ: обезьяны, летучія мыши, шакалы, дикія кошки, тигры, леопарды, выдры, куницы, барсуки, черные малайскіе медвѣди, мускусныя крысы, рѣчные дельфины, слоны, летучія бѣлки, крысы, мыши, дикобразы, зайцы, кабаны, олени, серны, антилопы, газели, лоси, бизоны, тапиры, носороги, буйволы, чешуйчатые муравьѣды и т. д. Птицъ 771 порода, въ томъ числѣ ласточки, попугаи, фазаны и т. д. Изъ земноводныхъ: крокодилы, змѣи, жабы.

[2] Рубиновыя копи около Могока чрезвычайно богаты и только небольшая часть мѣсторожденій изслѣдована какъ слѣдуетъ.

розсыпяхъ и каменно-угольныхъ залежахъ,[1] край самъ по себѣ даетъ довольно значительный доходъ казнѣ (2.732.654 фунтовъ стерлинговъ). Изъ этой суммы на администрацію пошло 1.537.966. Излишекъ въ 1887 году былъ поглощенъ большею частію военными расходами и очень небольшая сумма досталась на долю народнаго образованія.

Страна богатая, съ громаднымъ будущимъ, и Англичане могутъ себя поздравить съ выгоднымъ пріобрѣтеніемъ, но одно непріятно, что въ странѣ то тамъ, то сямъ появляются Даккоиты. Эти мстители за короля очень безпокоятъ Англичанъ своими звѣрствами. Въ настоящее время пронесся слухъ, что одинъ изъ главныхъ вождей ихъ, извѣстный Бошвей, попался въ руки Англичанъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ отрядомъ. Пока Англичане не справятся съ этими народными войсками, предводительствуемыми очень часто королевскими родственниками, о спокойствіи въ краѣ нечего и думать. Въ послѣднее время прибавились еще симптомы тревожнаго свойства. Въ Рангунѣ появились поджигатели, и цѣлые кварталы въ 500 домовъ выгораютъ за одну ночь. Англійскія газеты приписываютъ эти поджоги поджигателямъ, пришедшимъ съ Верхней Бирмы. Англичане убѣдились еще въ одномъ, что въ случаѣ какихъ-нибудь замѣшательствъ нельзя полагаться на Бирманскую полицію, и потому вербуютъ въ полицію Сиковъ, которые уже сумѣютъ постоять за себя. Я, конечно, былъ слишкомъ мало въ Бирмѣ, чтобъ имѣть какое-нибудь мнѣніе въ этомъ вопросѣ, но можно, и не бывъ пророкомъ, предсказать что съ Даккоитами и разными неудобствами теперешняго положенія Англичане справятся очень скоро, и что страна вознаградитъ ихъ сторицей за потраченный трудъ.

Пароходъ остался въ Рангунѣ еще на нѣсколько дней, и мнѣ пришлось опять сидѣть у моря и ждать погоды. Отъ нечего дѣлать бродишь по городу или любуешься оживленною рѣкой, по которой постоянно снуютъ пароходы, оригинальныя лодки съ высокою кормой, привозящія провизію или уголь. Очень интересно, какъ притягиваютъ баржу къ пароходу. Одинъ изъ рабочихъ съ веревкой на плечахъ бросается въ воду и плыветъ къ

---

[1] Угольныя залежи открыты до настоящаго времени въ четырехъ мѣстахъ: 1) въ семидесяти миляхъ отъ Мандалая, 2) въ 150 миляхъ отъ Гиндвина, 3) въ Паулангѣ и 4) въ землѣ Шановъ.

пароходу, гдѣ и прикрѣпляетъ свою веревку. Способъ гребли здѣсь тоже другой—китайскій. Лодочникъ гребетъ стоя - впередъ.

Отъ людей какъ-то невольно переходишь къ ихъ главному помощнику въ этомъ краѣ, къ слону. Не буду вамъ говорить о многообразныхъ услугахъ этого умнаго животнаго, о томъ какъ его приручаютъ, какъ слониха сирена отправляется въ лѣсъ и замѣтивъ тамъ неопытнаго новичка, выросшаго на волѣ, заманиваетъ его въ свои сѣти и посредствомъ разныхъ чаръ доводитъ его до загона—а тамъ участь его рѣшена.

Онъ можетъ убѣжать изъ загона, рваться на свободу сколько ему угодно, но все это напрасно. Ручные слоны знаютъ свое дѣло и сумѣютъ его дисциплинировать. Всѣ эти факты вамъ извѣстны, и я на нихъ останавливаться не буду. Скажу только о томъ, какъ слонъ недалеко отъ парохода работаетъ на лѣсопильномъ заводѣ. Онъ работаетъ по звонку и безъ понужденія запрягается за работу, которая состоитъ въ томъ, что онъ съ пристани доставляетъ громадныя бревна до самаго лѣсопильнаго завода. Ему для этой цѣли одѣваютъ ошейникъ съ висящими на немъ цѣпями, на концѣ которыхъ есть крючки. Безъ чужой помощи онъ надѣваетъ крюкъ и тащитъ громадное дерево, доставленное рѣкой. Но этимъ не ограничивается его умѣніе. Онъ ставитъ бревно какъ разъ туда, гдѣ это нужно для распилки, и когда пила сдѣлала свое дѣло, онъ очень аккуратно складываетъ ихъ въ штабели. Работаетъ онъ аккуратно и неутомимо. Зрѣлище это очень занятное. Умное животное ни за что̀ не собьется, точно онъ знаетъ, какой гдѣ требуется размѣръ или количество досокъ. Одно, что̀ онъ себѣ позволяетъ, это взять въ неурочный часъ ванну.

Но о слонахъ послѣ, когда будемъ въ Сіамѣ, гдѣ слоны имѣютъ еще большее значеніе, а теперь порадуемся, что пароходъ, наконецъ, двинулся въ путь. Онъ принялъ 4.000 тонъ. Матросы большею частью мусульмане и только семьдесятъ человѣкъ Индусовъ. Офицеры и служащіе большею частью Шотландцы. Въ числѣ пассажировъ двѣ труппы актеровъ, которые мѐжду собою пикируются, нѣсколько Англичанъ и два, три Нѣмца. Нѣмцы добрались таки до Рангуна, гдѣ имѣется даже нѣмецкій клубъ. Между пассажирами былъ еще молодой Швейцарецъ, пробывшій нѣсколько лѣтъ въ Бирмѣ и проѣхавшій край вдоль и поперекъ. Нельзя не изумляться энергіи, настойчивости и выносливости этихъ искателей фортуны, которые съ пустымъ

кошелькомъ отправляются въ незнакомый край. Онъ разсказывалъ очень много любопытнаго о своихъ странствіяхъ, какъ ему приходилось иногда вплавь переплавляться черезъ рѣки, какъ онъ спалъ на деревьяхъ, какъ онъ голодалъ и бѣдствовалъ. Въ этихъ разсказахъ было много поэтической прелести, или это мнѣ такъ казалось при видѣ зеркальной поверхности Иравадди, словно застывшей въ дремотной истомѣ. Прозрачность воздуха, тишина, только изрѣдка прерываемая криками на берегу, огоньки въ маленькихъ лодкахъ, безшумно скользящихъ мимо насъ, очарованіе тропической ночи—все это придавало нашей бесѣдѣ какое-то особое значеніе, и меня такъ же, какъ и моего знакомаго, манила къ себѣ эта невѣдомая даль.

Но испытанія его кончились, и онъ достигъ довольно сноснаго положенія, но недовольный, онъ бросилъ все и опять стремился въ глухія и дикія мѣста, въ Пенангъ, оттуда черезъ Перакъ сухимъ путемъ въ Сіамъ. О Бирманцахъ онъ отзывался хорошо и хвалилъ ихъ гостепріимство. Народъ, по его словамъ, бѣдный, часто не хватаетъ рису, и онъ долженъ изъ сердцевины бамбука и разныхъ травъ варить себѣ похлебку. Показывалъ онъ мнѣ разныя вещи, собранныя во время путешествія, фотографіи—онъ имѣлъ свой аппаратъ—и великолѣпную книгу профессора Roschmma's, изданную на счетъ англійскаго правительства въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Изданіе дорогое (180 рублей) и, дѣйствительно, роскошное. Профессоръ получаетъ отъ англійскаго правительства 1.200 въ мѣсяцъ и, кромѣ того, извѣстную сумму за каждую пройденную имъ милю. Жатва, собранная профессоромъ, довольно значительная. Онъ собралъ много рукописей, списалъ много надписей и составилъ очень хорошія коллекціи.

9 марта. Мы совсѣмъ забыли, что мы въ океанѣ съ его бурями, циклонами. Море гладкое и спокойное, какъ застывшее озеро. Вдали виднѣются острова при чудномъ фосфористомъ сіяніи луны.

11 марта, утромъ, въ семь часовъ мы подошли къ Пенангу. [1] Мы очень обрадовались, когда у подножія высокихъ, окутанныхъ зеленью горъ обрисовывался хорошенькій городокъ, красивая бухта и цѣлое полчище сампанговъ. Въ сампангѣ—такъ называется лодка съ маленькимъ домикомъ наверху—живетъ цѣлое

[1] Пенангъ по-малайски значитъ бетель.

семейство и въ сампангѣ имѣется все, что̀ нужно для домашняго обихода. Въ городѣ встрѣчаешь много Китайцевъ, но въ Ператѣ ихъ еще больше—до 50.000. Народъ вообще безпокойный и мстительный. Еще недавно тамъ были безпорядки, и здѣсь не рѣдкость убійство какого-нибудь Англичанина. Убійство это совершается изъ-за угла, и настоящихъ виновниковъ трудно найти. Правосудіе караетъ обыкновенно подставныхъ лицъ, выставленныхъ китайскою колоніей. Китайцы занимаются торговлей, они же и лодочники и чернорабочіе. Отвратительны Китайцы носильщики, голые по поясъ, съ отвислыми животами. Здѣсь можно встрѣтить Тамильцевъ, Индусовъ и Сикховъ. Европейцевъ очень мало и между ними много Нѣмцевъ, Голландцевъ и жидовъ. Нѣмецкій жидъ здѣсь агентомъ пароходнаго общества British India. Капитанъ жаловался на то, что начальникъ надъ портомъ католикъ и вслѣдствіе этого всѣ служащіе католики. Даже судья nigger и католикъ (то-есть, проще говоря, метисъ португальскаго происхожденія).

Въ Пенангѣ есть католическій женскій монастырь и сестры говорятъ по-французски. Англійскаго тутъ вообще очень мало, развѣ только флагъ, который развѣвается надъ крѣпостью. Капитанъ съ неудовольствіемъ разсказывалъ, что въ этой крѣпости только одна пушка и та плохо стрѣляетъ. Такъ, еще недавно пришелъ американскій фрегатъ и на свой салютъ не получилъ отвѣта. Послали за объясненіями и узнали, что въ крѣпости нѣтъ пороху. Американцы уступили свой, и тогда пушка выпалила и ранила двухъ людей.

Въ прошломъ столѣтіи на этомъ островѣ жило только два малайскія семейства, а теперь Пенангъ имѣетъ около 75 тысячъ жителей [1] и торговыхъ оборотовъ на 9 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Съ возникновеніемъ и развитіемъ Сингапура Пенангъ теряетъ свое прежнее значеніе, но и въ настоящее время это хорошенькій городокъ съ красивыми домами, хорошими дорогами, усыпанными бѣлымъ гравіемъ. Особенно хороша здѣсь растительность. При видѣ манговыхъ, апельсинныхъ, лимонныхъ деревьевъ, пальмовыхъ лѣсовъ, банановъ, хлѣбныхъ деревьевъ, какъ-то невольно вспомнаешь Коломбо. Растительность такая же богатая, разнообразная, какъ и въ Коломбо, но Пенангъ имѣетъ одно преимущество предъ Коломбо—высокія

[1] На островѣ 244 тысячи жителей, Европейцевъ только 674.

горы, покрытыя дѣвственнымъ лѣсомъ. Англичане воспользовались этимъ и на значительной высотѣ построили санитаріумъ или мѣсто отдохновенія для людей, которые не могутъ выносить жаркаго климата. Я отправился вмѣстѣ съ однимъ Англичаниномъ изъ Бирмы и его супругой къ водопаду, который находится недалеко отъ санитаріума. Дорога туда очень хорошая. Рѣдко встрѣтишь Европейца, но за то на каждомъ шагу попадаются Китайцы, сидящіе въ маленькихъ японскихъ колясочкахъ. Мы проѣхали каменоломню. Нѣсколько десятковъ двухколесокъ ожидали нагрузки. Камень здѣсь очень хорошъ, ступени выходятъ громадныя. Доѣхавъ до ботаническаго сада, мы должны были пойти пѣшкомъ, а это оказалось довольно непріятно; солнце жгло немилосердно и я изнемогалъ отъ жары. Единственное развлеченіе доставлялъ мнѣ мой компаніонъ. Послѣ двадцатилѣтняго пребыванія въ Индіи, онъ отправлялся въ Японію. Въ Пенангѣ онъ считалъ себя какъ дома и хотѣлъ блеснуть предо мною своими лингвистическими способностями, и каждый разъ это кончалось полнѣйшимъ фіаско. Такъ онъ попробовалъ заговорить съ мальчикомъ, который велъ насъ на водопадъ, но мальчикъ Тамилецъ ни слова не понималъ по-англійски и поиндустани (урду). Другой разъ онъ попробовалъ заговорить побирмански съ Китаянкой, и та подняла его на смѣхъ. Самолюбивый Англичанинъ даже плюнулъ отъ досады и этимъ разсмѣшилъ еще больше собравшуюся около него публику.

Послѣ водопада мы проѣхали на базаръ и въ туземную часть города. Дома въ туземномъ кварталѣ такіе же, какъ въ Бирмѣ, плетенки изъ бамбука, на сваяхъ и съ маленькими окнами. На базарѣ господствуетъ китайскій элементъ и специфическій китайскій запахъ. Китайскіе дома изобилуютъ украшеніями, большими черными вывѣсками съ золотыми буквами.

Изрѣдка попадаются кареты, нагруженныя цѣлою толпой индусскихъ дѣтей, быки увѣшанные бусами и цвѣтами.

Когда насталъ адмиральскій часъ, мы завернули въ гостиницу. Прислуга въ гостиницѣ Индусы и Китайцы. Англичанинъ въ припадкѣ игривости мазнулъ своею ложкой по лицу Китайца, прислуживавшаго намъ за столомъ. Надо было, послѣ этой милой шутки, видѣть обиженное лицо Китайца, покраснѣвшаго до корня волосъ. Вообще Англичане на Востокѣ не церемонятся съ туземцами и очень часто прибѣгаютъ къ пинкамъ и палкѣ. Такое обращеніе не можетъ нравиться туземцамъ. Если подумаешь, что

Англичанъ въ Пенангѣ какая-нибудь горсть, то просто страшно за нихъ дѣлается. Англичанъ вообще немного и въ банкахъ, на почтѣ, въ конторахъ распоряжаются метисы и Китайцы—разумѣется въ качествѣ чиновниковъ низшаго разряда. Они довольствуются маленькимъ жалованіемъ, на которое не могъ бы существовать Европеецъ. Съ этимъ нельзя не согласиться, и Европеецъ, бѣдствующій въ этихъ далекихъ странахъ, представляетъ собою очень грустное зрѣлище. Вотъ, напримѣръ, фотографъ, къ которому мы зашли для покупки видовъ Пенанга, самыми мрачными красками описывалъ Пенангъ. Вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ онъ ничего не продалъ, да не у него одного, застой въ торговлѣ полный, а между тѣмъ жизнь очень дорога. Пожалѣли мы бѣднягу, помогли ему, какъ могли и ушли изъ его мастерской съ грустнымъ чувствомъ. Да, не легко живется на чужой сторонѣ, и неудачнику здѣсь еще тяжелѣе.

Нашъ капитанъ, ярый руссофобъ, какъ-будто смягчился и теперь сильно негодуетъ на Нѣмцевъ, которые всюду проникаютъ и мало-по-малу отвоевываютъ мѣста, насиженныя Англичанами. Тамъ, гдѣ не было ни одного нѣмецкаго корабля, теперь ихъ десять. Солидарность между ними изумительная и къ этому они дружатъ съ Китайцами. Два сапога пара, выразился съ горечью капитанъ.

У насъ, говоритъ онъ,—боятся Россіи и опасаются взятія Константинополя, а что будетъ, если въ самомъ дѣлѣ Русскіе возьмутъ Константинополь?

Пострадаетъ наша торговля, наши интересы? Да ничего не будетъ, все одни пустые страхи.

Русскіе построютъ одинъ корабль, вся Англія объ этомъ говоритъ. Нѣмцы и Итальянцы строютъ ихъ десятки и мы молчимъ, а между тѣмъ Нѣмцы для насъ въ будущемъ гораздо опаснѣе. Они все высмотрятъ и, когда нужно будетъ, сумѣютъ воспользоваться своими знаніями.

Вечеромъ у насъ было даровое представленіе—я хотѣлъ сказать: сильная гроза съ дождемъ. Это былъ первый тропическій ливень. Во всю мою поѣздку по Индіи я пользовался прелестною погодой, видѣлъ только ясное, безоблачное небо, могъ

любоваться чуднымъ закатомъ, яркимъ, звѣзднымъ небомъ и еще болѣе очаровательнымъ и величественнымъ восходомъ солнца. Въ теченіе дня не думаешь о солнцѣ, или вѣрнѣе думаешь о немъ съ неудовольствіемъ, играешь съ нимъ въ прятки и все стараешься какъ бы улизнуть отъ него подальше. Всякая прогулка днемъ не обходилась мнѣ даромъ и послѣ восхожденія къ водопаду я лежалъ въ койкѣ съ сильною головною болью.

Вдругъ засвѣжѣло. Немилосердное, жестокое солнце скрылось. Розовыя облака приняли какой-то оттѣнокъ кровавый, а потомъ, словно налитыя свинцомъ, спускались все ниже и ниже надъ горизонтомъ. Зеленое море вдругъ почернѣло и по заливу пронесся циклонъ. Картина была очень эффектна, точно гигантская рука съ розгами прошлась по морской поверхности. Всѣ сампанги исчезли или улепетывали къ берегу. Молнія и громъ не прерывались ни на минуту, но мы чувствовали себя безопасными и радовались тому, что эта гроза не застала насъ въ открытомъ морѣ. Капитанъ покачивалъ головой, говоря, что это вѣроятно циклонъ.

12 марта мы покинули красивый островъ и лучезарное небо опять сіяло надъ нами. Проливъ здѣсь очень узокъ, гораздо уже чѣмъ Иравади, такъ что ясно видишь оба берега, окаймленные кокосовыми рощами, ясно различаешь горы и красивыя долины съ жалкими малайскими деревушками. Вечеромъ на горизонтѣ опять появилась грозная туча и разразилась къ десяти часамъ сильнымъ ливнемъ, но море оставалось спокойно.

13 марта, воскресенье. Англичане сидятъ со своими молитвенниками. Красивые пейзажи напоминаютъ мнѣ южный берегъ Крыма.

14-го мы были въ Сингапурѣ (или городѣ льва), о которомъ скажу очень мало, потому что онъ находится на торной дорогѣ и другіе путешественники описывали его довольно основательно. По обилію Китайцевъ я назвалъ бы Сингапуръ китайскимъ городомъ. Ихъ насчитываютъ до девяноста тысячъ и они чувствуютъ свою силу. По отношеніи къ Европейцамъ я не замѣтилъ у нихъ большой предупредительности. Напротивъ, обращеніе ихъ дерзкое, вызывающее. Только дюжій Сикхъ, схвативъ Китайца за косу, внушаетъ ему нѣкоторое уваженіе къ физической силѣ.

Контрастъ между европейскою частью города и туземною поразительный. Въ первой чудные сады, красивыя дачи, довольство и благоустройство, а тамъ жалкія плетенки изъ бамбука и шалаши на сваяхъ. Китайцы живутъ лучше Малайцевъ. Дома у

нихъ въ два этажа съ выступами на улицу. Малайцы большею частью неспособны къ тяжелому труду. Такъ, напримѣръ, кучера въ Сингапурѣ Малайцы, Китайцы же возятъ японскія колясочки. Малайцу не много нужно; получивъ какой-нибудь грошъ, онъ отдыхаетъ, а Китаецъ трудится безъ устали. Куда не взглянете, вездѣ увидите голыхъ по поясъ Китайцевъ, работающихъ въ своихъ лавкахъ. Онъ какъ будто не знаетъ отдыха, только позволяетъ себѣ нѣсколько минутъ передышки, обкатитъ себя холодною водой и опять принимается за работу. Вотъ почему Китайцы такъ опасны тамъ, гдѣ они поселяются; какъ работники, они незамѣнимы и очень успѣшно конкуррируютъ съ другими народами.

Китайцы, пріѣзжающіе въ Сингапуръ, принадлежатъ обыкновенно къ двумъ категоріямъ: или они уже законтрактованы заранѣе на нѣсколько лѣтъ какимъ-нибудь предпринимателемъ или они, свободные отъ всякихъ обязательствъ, явились туда, но безо всякихъ средствъ къ жизни. Въ первомъ случаѣ это почти рабство, въ другомъ онъ долженъ скорѣе найти господина. И въ томъ и другомъ случаѣ его положеніе очень тяжелое. Прошло нѣсколько лѣтъ и онъ отложилъ нѣсколько грошей и глядишь работаетъ для себя. Не будь у Китайца страсти къ игрѣ, онъ былъ бы застрахованъ отъ всякихъ невзгодъ жизни. Но онъ опять принимается за работу и многіе изъ нихъ потомъ ѣздятъ въ коляскахъ и живутъ, какъ лорды.

Уличная жизнь въ Сингапурѣ еще ярче и колоритнѣе, чѣмъ въ Индіи. Тутъ кромѣ Парсовъ, Арабовъ, Евреевъ, Арабовъ въ темныхъ шелковыхъ одѣяніяхъ, бомбейскихъ купцовъ въ большихъ бѣлыхъ тюрбанахъ и въ широкихъ шароварахъ, увидишь еще Малайцевъ въ красныхъ драпировкахъ (саронгъ) и Китайцевъ всѣхъ классовъ, начиная съ рабочихъ въ голубой холстинкѣ и кончая богачами, одѣтыхъ въ крепъ и шелкъ. Красокъ у меня не хватитъ, чтобъ описать постоянное оживленіе и суету въ туземныхъ кварталахъ. Все вѣдь дѣлается на улицѣ, на виду у всѣхъ. Тамъ же одѣваются, брѣются, обливаются водой, купаются, шьютъ, пилятъ лѣсъ; тамъ же торгуютъ, продаютъ морскую капусту, воду, зелень, фрукты, рыбы, трепанги; тамъ же въ грязной водѣ полощатъ европейскія платья, обшитыя кружевами и немилосердно колотятъ ихъ о камень, тутъ же снуютъ экипажи самыхъ разнообразныхъ фасоновъ, начиная отъ элегантнаго ландо и кончая тачкой съ большимъ колесомъ

по серединѣ и съ двумя сидящими на немъ Китайцами. Въ воздухѣ стоитъ неумолкаемый гулъ, усиленный по временамъ собачьимъ лаемъ и китайскими хлопушками или петардами.

Изъ Сингапура можно съѣздить въ Джохоръ. Шоссейная дорога проходитъ мимо красивыхъ дачъ, пальмовыхъ лѣсовъ, плантацій маніока. Хотя еще очень рано, но по дорогѣ постоянное движеніе, встрѣчаются нарядные экипажи, наѣздники, совершающіе свою утреннюю прогулку; жалкіе Китайцы измученные тащатъ колясочку или цѣлый возъ, нагруженный съ верху до низу ананасами, бананами или пахучими, но очень вкусными дуріанами. Послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды мы добрались до пролива, отдѣляющаго островъ Сингапуръ отъ материка.

На противоположномъ берегу красивая барская усадьба, надъ которою развѣвается флагъ магараджи Джохорскаго, уступившаго во время оно Англичанамъ свои права на Сингапуръ и теперь получающаго за это пенсію отъ англійскаго правительства. Въ настоящее время этотъ номинальный владѣлецъ небольшаго клочка земли пользуется нѣкоторыми правами независимаго государя, имѣетъ свой дворъ, свою крѣпость, свою монету, свою почту и живетъ богатымъ бариномъ. Дворецъ отдѣланъ съ большою роскошью, тронная зала, съ большими портретами англійской королевы, принца Альберта, принца Уэльскаго, ничѣмъ не отличается отъ другихъ тронныхъ залъ. Есть во дворцѣ и роскошная столовая на сто персонъ, куда приглашаются по временамъ сливки сингапурскаго общества, и цѣлый рядъ комнатъ, предназначенныхъ для ночлега и пріема именитыхъ гостей. Самъ магараджа не живетъ въ этомъ дворцѣ, а въ сосѣднемъ флигелѣ, гдѣ помѣщается его гаремъ. Паркъ, окружающій дворецъ, очень хорошъ, но это не рѣдкость въ здѣшнихъ мѣстахъ. Стóитъ только покинуть деревню, лѣсопильный заводъ и вы очутитесь въ дебряхъ дѣвственнаго тропическаго лѣса.

Вечеромъ, когда я отправлялся на пароходъ, который долженъ былъ доставить меня въ Яву, со мною было одно маленькое приключеніе. Дѣло въ томъ, что я уже съ утра отправилъ вещи на пароходъ и остался совсѣмъ налегкѣ въ Сингапурѣ. Послѣ обѣда въ гостиницѣ, я отправился послѣ десяти часовъ на пароходъ. Пристань французской компаніи находится въ трехъ миляхъ отъ города. Выглянувъ изъ кареты, я замѣтилъ, что мы проѣзжали по темной и пустынной мѣстности. Вотъ гдѣ можно

ограбить человѣка, подумалъ я и, ощупывая свой бумажникъ, вспомнилъ, что со мною нѣтъ оружія, а только одинъ зонтикъ.

Не успѣлъ я это подумать, какъ вдругъ изъ-за угла на карету кинулся человѣкъ. Онъ кричалъ что-то Малайцу, попробовалъ вскочить на козлы, а Малаецъ тоже кричалъ и отбивался отъ непрошеннаго сѣдока. Увидѣвъ, что интересный незнакомецъ осиливаетъ Малайца, хочетъ захватить возжи и толкаетъ его съ козелъ, я открылъ окно и пустилъ въ ходъ единственное оружіе—зонтикъ. Тогда онъ долженъ былъ оставить Малайца и всю свою атаку устремить на меня, т.-е. открыть дверцы кареты. Но вся выгода была на сторонѣ обороны и онъ опять бросился на Малайца и улучшивъ минуту, столкнулъ Малайца съ козелъ, схватилъ возжи и круто повернулъ лошадей, такъ что мы очутились въ канавѣ... Теперь онъ старался открыть окно, но я мѣшалъ ему зонтикомъ. Сойти съ козелъ онъ не рѣшался.

Но наконецъ убѣдившись въ безуспѣшности попытки пролѣзть черезъ окно, онъ сошелъ съ козелъ и началъ тащить дверцы. Какъ долго продолжалось это единоборство, не помню, но Малаецъ, уже забытый моимъ противникомъ, очень кстати бросился къ лошадямъ, схватилъ ихъ за уздцы, вывелъ ихъ на дорогу и пустилъ ихъ вскачь. Мой незнакомецъ этого не ожидалъ и отъ внезапнаго толчка растянулся на землѣ. Но онъ скоро поднялся и побѣжалъ за нами. Лошади были добрыя, у Малайца быстрыя ноги и мы очень скоро добрались до пристани.

Когда это комическое приключеніе кончилось благополучно, то мнѣ хотѣлось разсмѣяться, но испуганное лицо Малайца настроило меня на серьезный ладъ. Получивъ отъ меня деньги, Малаецъ не рѣшался ѣхать домой и повидимому поджидалъ компаніоновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Г. де-Волланъ.

ПРОПАЖА.

Разсказъ старосвѣтскаго помѣщика.

Это было давно, въ сороковыхъ годахъ; въ нашемъ городѣ произошелъ такой скандалъ, что старожилы не забыли его до сихъ поръ.

Тогда губернскій предводитель былъ князь В*, хорошій человѣкъ и большой хлѣбосолъ. Въ день имянинъ княгини, 17-го сентября (ее звали Вѣра Алексѣевна), онъ пригласилъ на обѣдъ и городскихъ обывателей и помѣщиковъ, которые еще не перебрались въ городъ. Собралось посѣтителей тридцать дамъ и мужчинъ.

Къ концу обѣда княгиня вдругъ говоритъ: „а я вамъ не показала подарокъ мужа“, и приказала лакею спросить подарокъ у горничной.

Ей подали футляръ, изъ котораго она вынула гребенку, украшенную драгоцѣнными каменьями. Гребенки только что вошли въ моду и князь не поскупился, чтобы потѣшить жену, которая любила пощеголять. Какъ теперь гляжу: на золотомъ фонѣ были разсыпаны изумруды и жемчужины. Гребенка переходила изъ рукъ въ руки; всѣ любовались, дамы ахали. Князь разсказалъ, что онъ ее заказывалъ у Розенштрауха. „Замѣтьте, сказалъ онъ, — изумрудъ, который по серединѣ, я его вынулъ изъ перстня моего отца. Розенштраухъ увѣряетъ, что такой камень оцѣнить трудно.“

Всѣ желали взглянуть на драгоцѣнный изумрудъ, и гребенка стала переходить обратнымъ путемъ въ руки гостей. Подали

шампанское, собирались уже вставать изъ-за стола, княгиня спросила: „а гдѣ же моя гребенка? Пора ее положить въ футляръ“.

Вотъ тутъ-то произошло нѣчто такое, чего перомъ не описать и словомъ не передать.

Разговоры прекратились разомъ,—у меня ее нѣтъ,—и у меня нѣтъ,—нѣтъ и у меня,—только и было слышно. Гости засуетились, переглядывались, отодвигали стулья, смотрѣли подъ столомъ. Смущеніе было общее: я самъ смутился не менѣе другихъ. — Почему? не могу объяснить. Я смущался за себя и за всѣхъ, было совѣстно предъ хозяевами; за кого-то было стыдно.

— Здѣсь какой-нибудь шутникъ, замѣтилъ князь. — Ардабьевъ вы?

Ардабьевъ отвѣчалъ: честное слово, не я! Эта шутка не въ моемъ вкусѣ.—Онъ былъ свой человѣкъ у князя и любилъ посмѣяться, но было не до смѣху.

Представьте себѣ такое положеніе, что̀ тутъ дѣлать хозяевамъ и гостямъ? Перешли въ гостиную, одни говорили въ слухъ, другіе шепотомъ. Князь остался какъ и всегда благовоспитаннымъ человѣкомъ. Онъ сказалъ: „Господа, что̀ вы такъ смутились, — успокойтесь пожалуста. Пропажа найдется, я въ этомъ не сомнѣваюсь“. Княгиня старалась занимать гостей.....

Въ ихъ числѣ былъ одинъ помѣщикъ, Николай Ивановичъ Ильменьевъ, нажившій себѣ дурную славу. Лѣтъ за пятнадцать до начала моего разсказа, здѣшній житель, Янковскій, назначилъ его опекуномъ своихъ сиротъ, и всѣ знали, что онъ порядкомъ попользовался ихъ состояніемъ. Распускали о немъ много слуховъ, можетъ-быть и преувеличенныхъ, но достаточно и того, что̀ я самъ могъ провѣрить. Говорятъ, есть общее правило: тотъ кто дожилъ до пятидесяти лѣтъ и не прослылъ за честнаго человѣка, тотъ не честный человѣкъ. Нельзя было не замѣтить, что нѣкоторые гости посматривали на него съ убійственнымъ подозрѣніемъ.

Сѣли за карточные столы; Ардабьевъ не остался ужинать и предложилъ завезти меня домой. Мы поѣхали.

— Какова, говоритъ, оказія! Они всѣ указываютъ на Ильменьева,—признаюсь, и я не прочь. А вы?

— Страшно, знаете, обвинить человѣка въ такомъ гнусномъ дѣлѣ безъ доказательствъ.

— Да... конечно. Но его репутація вамъ извѣстна.

— Слишкомъ извѣстна, подумалъ я.—Дрянцо-человѣкъ, а уменъ и хитеръ. Я годами зналъ семейство: покойную жену свою,— прекрасную женщину, онъ такъ обошелъ, что она выставляла его примѣромъ честности и безкорыстія, и въ такихъ понятіяхъ воспитана даже была дочь и отца обожала! Онъ занимался ея воспитаніемъ, выписывалъ для нея гувернантокъ и учителей.

Ардабьевъ замѣтилъ: „а какъ Наташа была мила сегодня! и за что̀ судьба наградила его такою дочкой“.

И ради этой дочки порядочные люди щадили отца, тѣмъ не менѣе онъ ей нанесъ много вреда. Какъ нарочно въ тотъ день она надѣла жемчужное ожерелье. подаренное Николаемъ Ивановичемъ. Мы слыхали отъ него, съ разными варіантами, исторію этого ожерелья. Оно было заложено въ частныя руки покойнымъ Янковскимъ; по его просьбѣ Ильменьевъ выкупилъ жемчугъ, и оставилъ за собой, прибавивъ къ выкупу тысячу рублей; иногда онъ говорилъ полторы тысячи, иногда и цѣлыхъ двѣ. Разъ онъ обмолвился, разсказалъ, что купилъ жемчугъ послѣ кончины Янковскаго. Насколько тутъ было правды, насколько лжи, никто не провѣрилъ, но чѣмъ-то нечистымъ отзывался разсказъ. Кто-то прозвалъ ожерелье „Сиротскій жемчугъ“, а Наташа щеголяла нарядомъ, не подозрѣвая его происхожденія.

Въ это время рѣшалась ея будущность.

Наташа нравилась Мстиславскому, единственному сыну родителей, извѣстныхъ въ нашей губерніи.

Мстиславскіе были люди съ вѣсомъ, держались гордо. но чрезвычайно прилично, принимали радушно посѣтителей, но въ выборѣ ихъ были разборчивы. Подъ благовиднымъ предлогомъ они уклонились отъ сближенія съ Николаемъ Ивановичемъ, молчали о немъ ради дочери, а ее хвалили, но женить на ней сына, породниться съ Ильменьевымъ было бы для нихъ большое горе. Однако настойчивость Мстиславскаго сломила бы можетъ быть ихъ упорство, но вотъ на бѣду разыгралась исторія кражи гребенки; онъ находился на службѣ въ Москвѣ и попалъ домой въ самый разгаръ толковъ и сплетенъ.

Я заѣхалъ невзначай къ старикамъ, они были хорошо расположены ко мнѣ, и не стѣсняясь моимъ присутствіемъ. продолжали разговоръ о жгучемъ вопросѣ. Старикъ горячился.

— Я горжусь нашимъ стариннымъ родомъ потому. что никогда, ничѣмъ его не запятналъ, говорилъ онъ. - Въ нашемъ семействѣ

не было мошенниковъ, женщины выходили замужъ за честныхъ людей, а мужчины женились на честныхъ дѣвушкахъ.

— Вы знаете, что мнѣ непріятенъ этотъ господинъ, возразилъ съ жаромъ молодой человѣкъ,—но за что же дочь будетъ жертвой отцовскихъ грѣховъ.

— Алёша, вмѣшалась его мать, Елизавета Дмитріевна,—ты знаешь поговорку: яблоко отъ яблони не далеко падаетъ.

— Maman, это даже на васъ не похоже, отозвался Алексѣй, задѣтый за живое ея замѣчаніемъ.—Нельзя судить о людяхъ на основаніи поговорки. А если и такъ, почему не предположить, что Наталья Николаевна родилась въ свою мать? Всѣ говорятъ, что она была отличная женщина; не правда ли, Петръ Степанычъ, обратился онъ ко мнѣ?

— Совершенная правда, отвѣчалъ я.

Елизавета Дмитріевна была вспыльчива. Огорчивъ сына, она старалась превозмочь себя, но не могла.

— Алёша довольно, сказала она, вдругъ обрывая разговоръ.— Я беру назадъ свои слова, я допускаю, что дѣвушка безупречна, но она подъ вліяніемъ отца, и ей надо будетъ выбирать между отцемъ и мужемъ. Во всякомъ случаѣ, посовѣтуй ей не надѣвать своего жемчужнаго ожерелья... Алёша, заключила она, переходя въ болѣе умѣренный тонъ,—божусь тебѣ, мнѣ жаль её, но порядочные люди поймутъ, что послѣ послѣдняго скандала никто не пожелаетъ породниться съ Ильменьевыми. Повторите ему, Петръ Степановичъ, что всѣ его обвиняютъ въ кражѣ гребенки.

Я подумалъ о Натальѣ Николаевнѣ и отвѣчалъ:

— Да,—но вѣдь не доказано, что онъ...

— Достаточно, что его заподозрили, вмѣшался старикъ.—Доказательства излишни!

Онъ былъ настойчивъ, а сынъ его, напротивъ, слишкомъ мягкаго свойства, но милый, хорошій малый. Наташа его полюбила страстно; а онъ только ею увлекался. Я не сомнѣваюсь, что они могли бы быть вполнѣ счастливы. Ему слѣдовало выбрать жену, которая была бы тверда за двоихъ, а твердость своего характера Наталья Николаевна вызсказывала не разъ.

Я не видалъ ее со дня обѣда у предводителя, и неожиданно получилъ отъ нея записку съ просьбой навѣстить ея отца.

Она встрѣтила меня, какъ всегда, дружески, крѣпко пожала руку. Съ перваго взгляда я замѣтилъ, что она похудѣла и выраженіе взгляда было грустное. У Мстиславскихъ я засталъ семейный

переполохъ, но тутъ разыгрывалась драма, рѣшался вопросъ: жить или не жить? Какъ теперь на нее гляжу: она родилась въ мать, высокая, стройная, не слишкомъ тонкая, бѣлая съ темными волосами. Привычка закидывать слегка голову назадъ ей придавала гордый видъ, а улыбнется, словно чѣмъ подаритъ.

— Что̀ это вы насъ забыли! начала она.—Папа будетъ очень радъ васъ видѣть. Его надо развлечь, онъ меня безпокоитъ. Боюсь, у него опять невральгія. Помните, тому два года, какъ онъ ею страдалъ? Онъ не спалъ всю ночь, и заснулъ теперь. Подождите немного, прошу васъ.

Мы устроились въ гостиной. Наталья Николаевна продолжала говорить о болѣзни отца.

— Отчего это возобновилось? спросилъ я.

— Отчего?.. отвѣчала она съ ожесточеніемъ.—Оттого, что наше милое общество не оставляетъ его въ покоѣ. Что̀ я говорю въ покоѣ! Его преслѣдуютъ.

— Полноте, Наталья Николаевна. Можно ли обращать вниманіе на сплетни, и у кого хватило духу ихъ передать вамъ?

— У кого? повторила она съ горькою усмѣшкой;—такіе доброжелатели всегда найдутся. А сегодня опять безъименное письмо... Это ужасно! ужасно!

Слезы ея брызнули неудержимо; она поднесла платокъ къ лицу.

— Я удивляюсь, что Николай Ивановичъ сообщаетъ вамъ эти письма.

— Онъ не сообщаетъ. Показалъ только первое; затѣмъ я велѣла подавать мнѣ одной городскія письма на его имя. Онъ это узналъ и сердился, что я ихъ истребляю безъ его вѣдома. Ты, говоритъ, только себя разстраиваешь по напрасну. На клевету отвѣчаютъ презрѣніемъ... А самъ занемогъ!

— Хорошіе люди будутъ стоять за васъ.

Я поцѣловалъ у нея руку.

— О! вы, я увѣрена, всегда останетесь нашимъ другомъ.

— Всегда.

Разумѣется это заявленіе она не приняла единственно на свой счетъ и заговорила сквозь слезы:

— И какая гадость, какое грязное обвиненіе! И подумайте, что оно пало на такого честнаго, благороднаго человѣка! И за что̀ они его ненавидятъ?.. Одни изъ зависти, другіе потому, что онъ имъ говорилъ не разъ правду въ глаза. Вѣдь вы его знаете, что̀ на умѣ, то и на языкѣ.

Разговоръ прекратился на нѣсколько минутъ.

Она облокотилась на столъ, потупилась, и принялась разглаживать клочекъ бумаги, завернутый въ трубочку.

— Правда ли, что Мстиславскій здѣсь.... Алексѣй Павловичъ? спросила она, не взглянувъ на меня.

— Правда.

— Когда онъ пріѣхалъ?

— Когда?.. Кажется дня три-четыре.

Прошла ровно недѣля съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ.

Наталья Николаевна поблѣднѣла, какъ полотно; рука ея замерла надъ клочкомъ бумаги.

— Онъ... здоровъ?

— Право не знаю. Я ихъ давно не видалъ.

Мы оба замолкли. Она встала порывисто и сказала: — однако надо разбудить папа.

— Я подожду. Больнаго человѣка не будятъ.

Въ эту минуту вошелъ Николай Ивановичъ.

Онъ былъ невзрачный худощавый брюнетъ, съ карими живыми глазами, съ мягкими добродушными пріемами, чистенькій, всегда tiré á quatre épingles.

— Здравствуйте, голубчикъ, началъ онъ крѣпко, пожавъ мою руку. Я раскланялся.—А она-то? Посмотрите на что̀ похожа?

— Я? Я здорова, папа, я совершенно здорова.

— Здорова, а худѣешь и блѣдна, что страшно на тебя взглянуть. И все изъ чего? Развѣ я не знаю! Ради Бога, голубчикъ, увѣрьте ее, что унизительно обращать вниманіе на иныя вещи. Она знаетъ, что у меня много враговъ, но несмотря на ихъ кляузы, я остался честнымъ человѣкомъ въ глазахъ честныхъ людей. Кого Янковскій, умирая, назначалъ опекуномъ своихъ дѣтей?—Меня. Это многимъ не понравилось, а мнѣ больше чѣмъ кому-нибудь. Взвалить на себя такую обузу, право, было не легко. Дѣла я нашелъ въ страшномъ безпорядкѣ, долги, раззоренное имѣніе. Сколько мнѣ стоило труда все привести въ порядокъ, сколько издержекъ, сколько здоровья потратилъ я въ это время, про то знала ея покойная мать. Я могъ устроить, относительно, по крайней мѣрѣ, порядочное состояніе дѣтямъ, и что̀ же? Они мнѣ спасибо не сказали, а добрые люди всячески старались меня очернить. Вотъ вамъ справедливость мірскихъ осужденій, а она изнываетъ. Другое теперь, гребенка пропала, и ненавистники мои пишутъ ко мнѣ по этому поводу позорныя

обвиненія. Чтобъ успокоить Наташу и прекратить толки, я хотѣлъ просить князя отдать меня въ распоряженіе сыскной полиціи.

— Папа, ни за что! Чтобъ я допустила это униженіе, ни за что! перебила Наташа.

— Видите! и слышать не хочетъ. Поди сюда, моя дурочка, сказалъ онъ, притягивая ее къ себѣ.

Она разцѣловала отца и вышла быстро изъ комнаты.

Николай Ивановичъ прослезился. Онъ дѣйствительно любилъ дочь, но этотъ краснобай умѣлъ вообще заплакать кстати. благодаря своей нервозности, и лгать такъ искусно, что не знавши его коротко, можно было повѣрить безусловно въ его искренность. Что же касается до его завистниковъ, онъ былъ правъ. Многіе напрашивались въ опекуны сиротамъ Янковскимъ, но ошиблись въ своихъ разсчетахъ и усерднѣе другихъ безчестили Ильменьева.

— Я послалъ за докторомъ, началъ онъ, когда мы остались вдвоемъ;—ей сказалъ, что для себя, но собственно для нея. Не правда-ли какъ она похудѣла и измѣнилась?

— Врядъ-ли докторъ поможетъ, отвѣчалъ я.—Для душевной болѣзни лѣкарствъ нѣтъ. Время, развлеченія подѣйствуютъ лучше всякихъ капель.

Николай Ивановичъ развелъ руками и прошелся по комнатѣ.

— Причина душевной болѣзни не однѣ городскія сплетни, промолвилъ онъ, намекая на Мстиславскаго.—Въ современной молодежи чести нѣтъ, рыцарская жилка не бьется! Подвернется какой-нибудь франтъ, вскружитъ голову порядочной дѣвушкѣ, потѣшится и откланяется.

— Чтобы вамъ ее увезти куда-нибудь?

— А куда?.. Въ Москву? Тамъ будетъ еще хуже. Отъ встрѣчи съ этимъ шелопаемъ не убережешся. За границу? Она тамъ была и не любитъ заграничной жизни... Скажите, пожалуста, перебилъ онъ вдругъ самого себя,—неужели Мстиславскіе повѣрили слухамъ, которые обо мнѣ распускаютъ негодяи?

— Они мнѣ ничего не говорили объ этихъ слухахъ. И почему вы думаете...

— То-то! У кого хоть на волосъ дворянской чести, тотъ не повѣритъ.

Я его слушаю и думаю: неужели онъ лжетъ? И такъ уже много у него на душѣ грѣшныхъ дѣлъ, будетъ съ него... а не поручусь.

Пріѣздъ Мстиславскаго подалъ поводъ къ новымъ толкамъ. Всѣмъ было извѣстно, что предыдущею зимой онъ ухаживалъ за Натальей Николаевной, и матери семейства слѣдили теперь за каждымъ его шагомъ, допрашивали прислугу о томъ, что̀ она могла подслушать сквозь запертыя двери, и понимали, къ великой своей радости, что свадьбѣ не бывать. Не мало сплетней онѣ перенесли изъ дома въ домъ. Напрасно Мстиславскіе останавливали на первомъ словѣ нескромныхъ посѣтителей, и не пропускали случая сказать что-нибудь въ пользу Наташи, она и Алексѣй Павловичъ сдѣлались предметомъ общаго любопытства; положеніе становилось слишкомъ непріятнымъ, надлежало изъ него выйти во что̀ бы то ни стало. Но онъ не рѣшился уѣхать не повидавшись съ Наташей; я былъ отчасти свидѣтелемъ этого послѣдняго свиданія.

Погода стояла теплая, какъ лѣтомъ, и дверь изъ гостиной въ садъ осталась отворенною; Наталья Николаевна и Мстиславскій показывались и исчезали въ боковыхъ аллеяхъ, между полуобнаженными деревьями. Николай Ивановичъ не скрывалъ отъ меня своего волненія.

— Вотъ цѣлый часъ они толкуютъ, и сердце мое чуетъ, что онъ пріѣхалъ не къ добру, сказалъ онъ.—Провелъ здѣсь дней девять, и только сегодня удостоилъ посѣщеніемъ. Еслибы не Наташа, я бы этого франта такъ отдѣлалъ, что онъ бы не скоро опомнился.

Онъ заложилъ руку за жилетъ и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Въ послѣдствіи я узналъ отъ Алексѣя Павловича кое какія подробности объ его тяжеломъ объясненіи съ Наташей. Онъ ей никогда не дѣлалъ формальнаго предложенія, но признавался въ любви, и принужденъ былъ сказать, что его родители желаютъ для него другаго брака, на который онъ не согласенъ, но за то долженъ отказаться отъ нея. Она отвѣчала, что для нея было бы немыслимо войти непрошенною въ чужое семейство, и вдругъ посмотрѣла пытливо ему въ глаза и спросила: „А вы?... вы вѣрите слухамъ, которые распускаютъ о моемъ отцѣ"?.. Мстиславскій, уже сильно смущенный, растерялся совершенно и отвѣчалъ уклончиво: „Эти слухи... про кого не говорятъ!"... и замялся.

Наталья Николаевна поблѣднѣла и, не отвѣчая единаго слова, вышла въ гостиную. Мстиславскій шелъ за ней, понуривъ голову.

— Папа, сказала она громко, твердо, несвойственнымъ ей голосомъ,—пожелай счастливаго пути Алексѣю Павловичу. Завтра онъ уѣзжаетъ въ Москву.

Она закинула руку около шеи отца. Николай Ивановичъ былъ грознѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ; онъ обмѣнялся рукопожатіемъ съ Мстиславскимъ, прилично простился съ нимъ, и проводилъ его до передней, но злобу свою вымѣстилъ на чашкѣ, которая стояла пустая на столѣ, схватилъ ее и бросилъ со всего размаха на полъ. Чашка разлетѣлась въ дребезги. Наталья Николаевна привыкла къ такимъ выходкамъ и старалась обыкновенно успокоить отца. На этотъ разъ она ничего не сказала, повидимому, не замѣтила.

— О чемъ вы такъ долго толковали? спросилъ онъ.

— Мало ли о чемъ... О всякомъ вздорѣ...

Она улыбнулась, но губы ея дрожали. Николая Ивановича позвали къ какому-то посѣтителю, который его ждалъ въ кабинетѣ.

— Мнѣ дурно... проговорила едва внятно Наталья Николаевна, когда отецъ ея вышелъ.

Я бросился къ ней и успѣлъ ее поддержать. Она упала за мертво на диванъ.

***

Съ этого дня съ ней стали дѣлаться нервные припадки. Они начинались съ обморока, затѣмъ слѣдовалъ бредъ, въ которомъ она высказывала и любовь къ Мстиславскому и негодованіе на клеветниковъ отца. Когда начинался припадокъ, Николая Ивановича удаляли. Имъ овладѣвало неподдѣльное отчаяніе, онъ рвалъ на себѣ волосы и находился вообще въ состояніи духа, которое только вредило его дочери. Я одинъ успѣвалъ болѣе или менѣе его успокоивать; мнѣ стало жаль его.

Морскія купанья могли бы помочь больной, но дѣло было осенью, что̀ тутъ предпримешь? Докторъ на мои вопросы только пожималъ плечами, и прямо говорилъ, что въ данномъ случаѣ аптечныя средства не принесутъ никакой пользы.

Въ это время пріѣхалъ въ нашъ городъ извѣстный магнетизеръ Вейнтраубе.

Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе многихъ и многихъ лѣтъ, было принято глумиться надъ магнетизмомъ. Молвишь, бывало, о немъ слово, и на васъ смотрятъ не то съ сожалѣніемъ, не то снисходительно, какъ на старую бабу, которая вѣритъ, что воронъ

купаетъ своихъ дѣтей въ Крещеніе на зарѣ, и что ей тоже надо выкупаться въ этотъ день, чтобы прожить цѣлый годъ. И вотъ, наконецъ, заговорили о гипнотизмѣ, какъ о новомъ открытіи. Въ сороковыхъ годахъ были такіе же гипнотизеры, какъ теперь, но съ тою разницей, что они не злоупотребляли своимъ искусствомъ; первый и единственный Вейнтраубе изъ чрезмѣрнаго самолюбія хотѣлъ показать свою силу. Онъ лѣчилъ княжну Д. К. и велѣлъ ей оглохнуть, на слѣдующій день ослѣпнуть, затѣмъ лежать цѣлыя сутки, какъ мертвой; на четвертыя онъ ей возвратилъ слухъ и зрѣніе, и заставилъ ее встать съ постели. Но когда онъ явился въ нашъ городъ, ничего подобнаго за нимъ не знали. Мы были давно знакомы; я обрадовался несказанно его пріѣзду, сейчасъ навѣстилъ его, и, по моему совѣту, Ильменьевъ его пригласилъ къ своей дочери.

Надежды мои оправдались: съ первыхъ сеансовъ больная стала спокойнѣе, Вейнтраубе ее усыплялъ магнетическимъ сномъ.

Запала мнѣ въ голову мысль: онъ могъ заставить ее говорить во снѣ и спросить у ней, кто укралъ гребенку. Исторію кражи онъ узналъ бы во всякомъ случаѣ; я ему повѣрилъ, что она была главною причиной болѣзни Натальи Николаевны. Вейнтраубе понялъ, что разъясненіе этой тайны будетъ торжество магнетизма; онъ страстно любилъ свою спеціальность, и настоящій случай его крайне заинтересовалъ. Я взялъ съ него честное слово, что если Наталья Николаевна назоветъ своего отца, никто на свѣтѣ объ этомъ не узнаетъ, ни при ея жизни, ни при жизни Николая Ивановича.

Ему однако не такъ скоро, какъ онъ ожидалъ, удалось довести больную до ясновидѣнія. Я слѣдилъ за лѣченіемъ съ напряженнымъ вниманіемъ и уже начиналъ сомнѣваться въ успѣхѣ. Послѣ каждаго сеанса, докторъ пріѣзжалъ ко мнѣ, я угадывалъ съ перваго взгляда, что дѣло не подвинулось, но вотъ разъ вечеромъ онъ не то что вошелъ, а влетѣлъ въ мою комнату съ восклицаніемъ:

— Назвала!

— Назвала! повторилъ я съ замираніемъ сердца. — Кого? Отца?

— Нѣтъ. Скажите, знаетъ ли она всѣхъ, кто былъ тогда на обѣдѣ?

— Вѣроятно, а по имени навѣрно всѣхъ.

— Она говоритъ, что воръ какой-то Маркелъ.

— Маркелъ!.. Вотъ такъ открытіе!

— А вы знаете этого Маркела?

— Какъ не знать!

Маркелъ былъ то, что̀ называютъ лихой человѣкъ, способенъ на все, проведетъ чорта и сухъ изъ воды выдетъ. Всѣ смотрѣли на него какъ на мошенника, а уличить его въ мошенничествѣ никому не удалось. Онъ былъ вольный и съ двадцатилѣтняго возраста нанимался въ лакеи къ порядочнымъ людямъ, нѣсколько разъ мѣнялъ мѣста, наконецъ основался у старой барыни, Бѣльской, и овладѣлъ совершенно ея довѣріемъ. Она ему поручила не только домашнее хозяйство, но посылала его въ имѣнія собирать доходы и оброки. Нажился онъ порядкомъ въ этой должности, которую исполнялъ цѣлыхъ восемь лѣтъ.

У старой барыни была въ услуженіи сирота, безъ рода и племени, Феничка, славная дѣвочка. Барыня ее любила, баловала, Маркелъ ее погубилъ; правда, онъ обѣщалъ на ней жениться; но до сватьбы желалъ убѣдиться, что старушка обезпечила въ духовномъ завѣщаніи будущность своей любимицы. Старушка была уже очень плоха; послѣ ея кончины завѣщанія не оказалось, имѣніе перешло законнымъ наслѣдникамъ. Феничкѣ досталось нѣсколько старыхъ платьевъ и не много бѣлья, иначе говоря пришлось умирать съ голоду. Маркелъ отъ нея отказался, несмотря на ея отчаяніе и слезы; больно она къ нему привязалась. Къ счастью ее призрѣла молочница, которая насъ снабжала сливками и молокомъ, и жила въ двухъ верстахъ отъ города.

Маркелъ открылъ колоніальную лавку; ему повезло, деньги посыпались отовсюду. Онъ одѣвался щеголемъ, говорилъ хвастливо, держался съ самоувѣренностью человѣка, который не сомнѣвается ни въ себѣ, ни въ своемъ счастьѣ. Однако ему пришлось посчитаться съ правосудіемъ.

Послѣ кончины старушки Бѣльской, онъ жилъ около года у предводителя, и велъ себя безупречно; прислуживаться онъ былъ мастеръ. Не даромъ княгиня очень къ нему благоволила; въ день ея имянинъ, одинъ изъ лакеевъ занемогъ и она послала за Маркеломъ, чтобъ его замѣнить.

Эту біографію я разсказалъ Вейнтраубе, затѣмъ поспѣшилъ все передать князю, который недовѣрчиво покачивалъ головой, но княгиня ухватилась за надежду найти пропажу. Полицію поставили на ноги.

Сыщикъ у насъ былъ молодецъ; онъ нагрянулъ неожиданно

къ Маркелу и всю лавку перевернулъ вверхъ дномъ, обшарилъ всѣ мыши норки, но напрасно. Прослѣдилъ онъ каждый шагъ его со дня пропажи, и убѣдился, что Маркелъ никуда не отлучался съ тѣхъ поръ, не принялъ даже ни одного посторонняго лица.

— Съ этимъ дьяволомъ съ ума сойдешь! говорилъ онъ.—Смошенничалъ, и концы въ воду. Такіе бываютъ. Я не сомнѣваюсь, что онъ виновникъ. Когда мы окружили лавку, онъ поблѣднѣлъ, для меня этого достаточно. Честный человѣкъ растерялся бы, испугался, возмутился противъ насилія, а этотъ пройдоха, хоть и поблѣднѣлъ, а шутить началъ: Милости просимъ, говоритъ, чѣмъ угостить прикажете?

Вейнтраубе спросилъ у Натальи Николаевны, гдѣ находится пропажа. Отвѣтъ былъ:

— Вижу городъ.

— Какой?

— Не знаю.

Изъ этого мы заключили, что Маркелъ продалъ гребенку, но кому? куда?—Надо было ограничиваться догадками, которыя ни къ чему не привели. Я совершенно потерялъ надежду на успѣхъ, пріуныли и княгиня и самъ Вейнтраубе.

Но, какъ бы ни хитеръ былъ преступникъ, его почти всегда обнаружитъ самое ничтожное, самое неожиданное обстоятельство, словно невѣдомая сила отводитъ его глаза отъ того, что̀ должно его выдать.—Кто бы могъ подумать, что Феничкѣ было суждено его предать и, помимо собственной воли, страшно отмстить за себя! Всѣхъ поразило ея вмѣшательство въ это дѣло.

Разъ утромъ она пріѣхала въ городъ съ провизіей сливокъ и молока, видитъ на тротуарѣ лежитъ небольшой, складной бумажникъ. Она смекнула, что въ немъ могутъ быть деньги, пріостановила лошадку, подняла его и завезла въ часть. Денегъ нашли бездѣлицу, но письмо адресованное Маркелу и сложенный листокъ бумаги могли навести на какой-нибудь слѣдъ. Сыщикъ завладѣлъ находкой. Письмо оказалось ничтожное, а въ сложенномъ листкѣ былъ счетъ кое-какихъ должниковъ. Въ одномъ изъ боковыхъ мѣшечковъ остался продолговатый и узенькій клочокъ бумаги; сыщикъ засунулъ палецъ, чтобъ его вытащить и, къ неописанной своей радости, ощупалъ камушекъ, который застрялъ въ углѣ бумажника: то былъ маленькій изумрудъ.

Маркела посадили въ городскую тюрьму. Долго онъ не признавалъ себя виновнымъ; однако, въ концѣ-концовъ, пришлось сдаться, и все дѣло разъяснилось. Какъ я уже сказалъ, онъ служилъ за столомъ и въ то время, какъ подавали шампанское и гости встали, обращаясь къ имянинницѣ, гребенка лежала между двумя приборами, тутъ-то Маркелу и удалось ее схватить и сунуть въ карманъ. Затѣмъ онъ подавалъ пирожное и фрукты; когда хватились гребенки, онъ усердно искалъ ее подъ столомъ и подъ стульями. Въ сумерки ему удалось сбѣгать въ свою лавку, которая находилась противъ дома князя, и спрятать гребенку въ горшечекъ съ крупой. Минутное его отсутствіе никто не замѣтилъ.

На слѣдующій день онъ выписалъ изъ Москвы пріятеля, и назначилъ ему свиданіе въ трактирѣ, куда самъ ходилъ нерѣдко по вечерамъ. Тамъ они встрѣтились какъ незнакомые и, напившись чаю, вышли со многими другими. Пріятель сейчасъ же далъ триста рублей Маркелу за краденую вещь, повѣривъ ему на̀ слово, что она стоила вдвое. Они не въ первый разъ мошенничали вмѣстѣ, и обманывать другъ друга имъ было невыгодно.

Маркелъ собирался жениться на богатой невѣстѣ, и хотѣлъ заказать серьги для свадебнаго подарка. Съ этою цѣлью онъ вынулъ изъ гребенки нѣсколько камушковъ, которые завернулъ въ клочокъ бумаги и положилъ въ бумажникъ. Перекладывая ихъ въ болѣе удобное мѣсто, онъ не замѣтилъ, что одного изумруда не доставало, и самъ себѣ не вѣрилъ, что далъ такой промахъ. Свадьба не состоялась, и украденные каменья нашли у похитителя. Что же касается до гребенки, она совершила далекій путь изъ Москвы въ Варшаву. Князь ее выкупилъ у ростовщика.

Николай Ивановичъ торжествовалъ, а радости Наташи не было границъ. Озадаченные крикуны прикусили язычки. Признаюсь, я не пропускалъ случая сказать кому прямо, кому намекомъ, что еслибы наше общество имѣло понятіе о нравственномъ чувствѣ, оно бы не взъѣлось, безъ доказательствъ, на Ильменьева, хоть изъ уваженія къ его дочери. Какъ водится въ такихъ случаяхъ, одни нагло отказались отъ своихъ словъ, другіе прикинулись, что не понимаютъ намековъ и мнѣ же поддакивали.

Наталья Николаевна видимо поправлялась. Вы, можетъ-быть, желаете знать, что̀ сталось съ этою интересною особой. Зимой она начала выѣзжать, но за исключеніемъ одного дружескаго

семейства и княгини В., показавшей ей самое теплое участіе, нигдѣ не бывала, и отвѣчала холодною учтивостью на привѣтливыя рѣчи. Эта тяжелая эпоха ея жизни оставила въ ея сердцѣ неизгладимые слѣды, и со временемъ она бы непремѣнно ожесточилась и утратила свою прелесть, еслибы не вышла замужъ. Черезъ три года послѣ ея размолвки съ Мстиславскимъ, за нее посватался отличный человѣкъ и съ хорошимъ общественнымъ положеніемъ, но гораздо ея старше. Наталья Николаевна рѣшилась принять предложеніе и не раскаялась. Мужъ ее обожалъ, а она къ нему искренно привязалась.

Ольга N.

О ТРЕХЪ ФАЗИСАХЪ ВЪ РАЗВИТІИ НАШЕЙ КРИТИКИ.

Какъ и художественная литература, наша критика успѣла уже пережить въ своемъ развитіи нѣсколько фазисовъ. Смѣна этихъ послѣднихъ обусловливалась измѣненіемъ въ цѣляхъ, которыя она поставляла передъ собою.

I.

Отдѣлить въ литературныхъ произведеніяхъ прекрасное отъ посредственнаго и выяснить эстетическое достоинство перваго, это составляло цѣль и смыслъ перваго и самаго продолжительнаго періода нашей критики. Дѣятельность Бѣлинскаго, многолѣтняя и плодотворная, была высшимъ выраженіемъ того стремленія, и такъ какъ въ литературѣ наиболѣе существеннымъ всегда останется именно прекрасное, то, каковы бы ни были дальнѣйшія судьбы нашей критики, какъ бы ни углублялась она въ своемъ содержаніи, эта дѣятельность никогда не будетъ затемнена и отстранена, но всегда и только — *дополнена*. *Онъ* сдѣлалъ то, чтò необходимо было раньше всего сдѣлать въ отношеніи къ литературѣ, и въ то же время—это было самое существенное, важное. Знать, чтò именно слѣдуетъ цѣнить въ ней и чѣмъ пренебрегать, это значило — для общества начать ею воспитываться, и для писателей — стать относительно другихъ литературъ въ положеніе оцѣнивающаго зрителя, а не слѣпого подражателя. Съ величайшею чуткостью къ красотѣ, какою обладалъ Бѣлинскій, съ чуткостью къ ней именно въ единичномъ,

индивидуальномъ, быть-можетъ нераздѣльна нѣкоторая слабость въ теоретическихъ обобщеніяхъ, и это было причиной, почему до конца жизни онъ не установилъ никакого общаго мѣрила для прекраснаго, никакого постояннаго критеріума для отдѣленія въ литературныхъ произведеніяхъ хорошаго отъ дурнаго. Онъ былъ похожъ на тѣхъ людей, самыхъ нужныхъ и самыхъ лучшихъ, которыхъ мы иногда наблюдаемъ въ окружающей насъ жизни: съ изумительнымъ совершенствомъ и безошибочностью они различаютъ хорошее и дурное, сами воздерживаются отъ послѣдняго и удерживаютъ отъ него другихъ, и однако совершенно не знаютъ, почему именно одно всегда бываетъ дурно и другое всегда хорошо; тогда какъ рядомъ съ ними мы видимъ блѣдныхъ теоретиковъ, которые истощили силы своего ума надъ отыскиваніемъ всеобщихъ основаній для хорошаго и дурнаго и теряются въ безсильныхъ колебаніяхъ при встрѣчѣ съ самымъ простымъ фактомъ въ жизни своей или себѣ близкихъ. Однако, какъ бы ни предпочитали мы безошибочное пониманіе частнаго знанію всеобщаго, мы не должны отвергать и важности послѣдняго, и тотъ, кто своею теоретическою мыслью сумѣлъ бы выяснить всеобщее мѣрило хорошаго и дурнаго въ сферѣ поэтическихъ и художественныхъ произведеній, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ бы нѣчто не только въ высшей степени трудное, но и высоко достойное и необходимое.

II.

Связать литературу съ жизнью, заставивъ первую служить послѣдней и понимая послѣднюю черезъ явленія первой—это составило смыслъ и задачу втораго періода нашей критики, высшимъ выразителемъ котораго явился Добролюбовъ. Прекрасное въ литературѣ было отодвинуто на второй планъ, *какъ только* наслажденіе имъ было признано мало достойнымъ. Какъ на самое существенное указывалось въ ней на то, что она можетъ глубже и вѣрнѣе, нежели что-либо другое, отражать въ себѣ жизнь, и притомъ не только со внѣшней ея стороны, которую одну мы наблюдаемъ въ дѣйствительности, но и съ внутренней, болѣе глубокой, которая часто ускользаетъ отъ насъ. Художникъ или поэтъ есть какъ бы безсознательный мудрецъ, кото-

рый въ выводимыхъ имъ образахъ или передаваемыхъ фактахъ концентрируетъ разсѣянныя черты жизни, иногда схватываетъ глубочайшую сущность и даже угадываетъ ихъ причины. Поэтому, изучая литературу, мы изучаемъ самую жизнь, а съ тѣмъ вмѣстѣ и научаемся, какъ относиться къ послѣдней. Но не всякое литературное произведеніе выполняетъ всѣ эти задачи одинаково и совершенно: несмотря на совершенство, напримѣръ, въ изображеніи и обобщеніи, оно можетъ невѣрно опредѣлять смыслъ изображаемаго или, еще чаще, можетъ погрѣшать въ указаніи его причинъ. Задача критики и состоитъ въ томъ, чтобы внести поправки ко всему этому. Она есть строгій и обстоятельный комментарій къ литературѣ, который вноситъ въ нее недостающее, исправляетъ неправильно сказанное, осуждаетъ и отбрасываетъ ложное, и все это — на основаніи сравненія ея содержанія съ живою текущею дѣйствительностью, какъ ее понимаетъ критикъ.

Невозможно было придать литературѣ болѣе жизненное значеніе, пробудить къ ней болѣе глубокій интересъ, такъ слить ее съ душой исторически-развивающагося общества, чѣмъ какъ это сдѣлалъ подобный взглядъ на ея сущность и на задачи критики. Именно подъ его вліяніемъ значеніе литературы пріобрѣло въ нашей жизни такое колоссальное значеніе; не знать ея, не любить ея, не интересоваться ею—это значило съ того времени стать отщепенцемъ своего общества и народа, не нужнымъ отброскомъ родной исторіи, узкимъ и невѣжественнымъ эгоистомъ, которому никто не нуженъ и который самъ никому не нуженъ. Писатель сталъ главнымъ, центральнымъ лицомъ въ нашемъ обществѣ и исторіи, къ мысли котораго всѣ прислушиваются и въ отношеніи къ которому практическіе дѣятели общества и государства являются лишь второстепенными и служебными лицами, только выполняющими, умѣло или неумѣло, то, что пережито, продумано и рѣшено первымъ. И все это совершилось безъ словъ, даже безъ видимыхъ, осязаемыхъ вліяній, просто черезъ измѣненіе взгляда на литературу, черезъ новое отношеніе къ ней, въ которое стала критика, и за ней—общество. Гр. Толстой въ своихъ сочиненіяхъ ни разу не упоминаетъ имени Добролюбова и, можно вѣрить, онъ никогда особенно не задумывался надъ нимъ; и, однако, вся дѣятельность его, весь тотъ особенный и глубокій смыслъ, который засвѣтился въ ней впервые въ

Аннѣ Карениной, — совершенно необъяснимъ и невозможенъ безъ предваряющей дѣятельности Добролюбова. Этотъ послѣдній, перемѣстивъ взаимное положеніе литературы и жизни и связавъ ихъ неотдѣлимою, кровною связью, сдѣлалъ возможнымъ то явленіе, которое мы всѣ наблюдали въ послѣдніе годы и которому не удивлялись. Писатель открыто выступилъ учителемъ общества, и общество признало это, потому что ожидало уже этого и хотѣло,—фактъ невозможный нѣсколькими десятилѣтіями ранѣе, показавшійся чѣмъ-то чудовищнымъ, когда его впервые попытался создать Гоголь, опубликовавъ свою *Переписку съ друзьями*.

Великое значеніе исторически развивающейся жизни заключается въ томъ, что она. въ своемъ ровномъ и могущественномъ теченіи, удерживаетъ въ себѣ все истинное и доброе, что̀ въ нее вносится индивидуальною волей, даетъ ростъ ему и силу, и сама отъ него возрастаетъ,—ложное же и дурное почти все и безъ усилій оставляетъ въ сторонѣ. Дѣятельность Добролюбова, какъ ни кратка она была по времени, вошла органическимъ звеномъ въ духовное развитіе нашего общества, и трогательныя слова, написанныя имъ въ предвидѣніи близкой смерти, въ виду ранней и незаслуженной могилы:

„Но за то родному краю
„Вѣрно буду я извѣстенъ“

осуществились такъ, какъ только онъ самъ могъ пожелать для себя, даже болѣе — какъ могъ онъ пожелать для самыхъ дорогихъ своихъ надеждъ. Цѣлый рядъ поколѣній, какъ-то быстро выступившихъ и быстро же сошедшихъ со сцены, неотразимо подчинился его вліянію, усвоилъ тотъ особый душевный складъ, тотъ оттѣнокъ чувства и направленіе мысли, которое жило въ этомъ еще такъ молодомъ и уже такъ страшно могущественномъ человѣкѣ. И кто изъ насъ теперь живущихъ и уже свободныхъ отъ этого вліянія людей, обратясь къ лучшимъ годамъ своей юности, не вспомнитъ, какъ за томомъ сочиненій Добролюбова забывались и университетскія лекціи, и вся мудрость, ветхая и великая, которая могла быть усвоена изъ разныхъ старыхъ и новыхъ книгъ. Къ нему примыкали всѣ наши надежды, вся любовь и всякая ненависть.

Въ этомъ состоитъ, но этимъ и ограничивается положительная сторона его дѣятельности. Натура глубоко-страстная и нѣжная, онъ создалъ новое историческое настроеніе въ нашей жизни, хотя и недолговременное — заслуга рѣдкая и исключительная, выпадающая на долю немногихъ людей. Весь исполненный желаній, онъ на желанія же и хотѣлъ вліять, и такъ какъ онъ дѣлалъ это черезъ критику, то-есть черезъ литературу, то косвенно и невольно подчинилъ ей желанія общества. Отсюда и вытекаетъ характеръ переворота, который произвелъ онъ. Но съ этимъ же характеромъ неотдѣлимо связана и отрицательная сторона его дѣятельности: именно ложность почти всѣхъ литературныхъ оцѣнокъ, которыя онъ сдѣлалъ. Натура всего менѣе рефлективная и пассивная, онъ совершенно неспособенъ былъ, отрѣшившись отъ себя, подчиниться на время произведенію, которое ему нужно было понять, войти въ міръ образовъ и идей его творца. Совершенное непониманіе художественнаго отношенія къ жизни было его отличительною чертой — естественное послѣдствіе исключительности его духовнаго склада.

Два теченія въ нашей литературѣ ведутъ отсюда свое начало: упадокъ критики и обращеніе почти всей литературы въ тенденціозную — съ одной стороны, отдѣленіе отъ этого теченія и совершенно свободное, внѣ всякой зависимости отъ критики, развитіе нѣсколькихъ самобытныхъ дарованій—съ другой. Это произошло такимъ образомъ: не будучи способенъ понять что-либо разнородное съ собою, Добролюбовъ подчинилъ своему вліянію всѣ третьестепенныя дарованія, которыя впали въ смыслъ его критики и онъ, въ свою очередь, совпалъ своею критикой съ ихъ смысломъ (Марко-Вовчокъ, Некрасовъ, Щедринъ и многіе другіе). Напротивъ, всѣ дѣйствительно великія дарованія нашей литературы (Островскій, Л. Толстой, Достоевскій, Гончаровъ), видя, какъ критика говоритъ что-то хотя и по поводу ихъ, однако какъ бы къ нимъ совсѣмъ неотносящееся, отдѣлились отъ нея, перестали принимать ея указанія въ какое-либо соображеніе Рядъ послѣдующихъ критиковъ, видя только внѣшнія черты критики и вліянія Добролюбова, и не понимая, какъ тѣсно они были связаны съ его особымъ душевнымъ складомъ, хотя и не имѣли въ себѣ ничего подобнаго, однако хотѣли во всемъ слѣдовать ему: произошло явленіе въ высшей степени слабое и незначущее, какъ не имѣющее подъ собою никакого другаго основанія, кромѣ подражательности. Тонъ силы и влія-

нія, замыселъ руководить обществомъ и направлять теченіе жизни—все это сохранено было ими; но въ формахъ этого тона, въ предѣлахъ этого замысла произносились ими буквальныя, незначущія слова: они были похожи на пѣвцовъ, которые широко раскрываютъ ротъ, но изъ него выходятъ только самые тоненькіе звуки. Однако, нѣтъ человѣка настолько слабаго, чтобы не нашлось еще другаго слабѣйшаго, который захотѣлъ бы подчиниться ему. Если прежде третьестепенныя дарованія подчинились критикѣ, то теперь люди безо всякихъ дарованій стали выступать на литературное поприще, въ надеждѣ единственно своимъ подчиненіемъ критикѣ снискать для себя читателей и даже нѣкоторое вліяніе. Это породило необозримую литературу беллетристическихъ произведеній и стихотворческихъ работъ. Въ толстыхъ журналахъ, которымъ и теперь еще принадлежало главное значеніе въ нашей литературѣ, обыкновенно въ одномъ отдѣлѣ появлялись эти романы, повѣсти и стихи, а въ другомъ отдѣлѣ, идейномъ, они же разбирались, кое въ чемъ ограничивались, но въ общемъ одобрялись—явленіе совершенно невозможное ни въ періодѣ критики Бѣлинскаго, ни въ эпоху Добролюбова. И въ то время какъ этими произведеніями критика пространно занималась, она высокомѣрно обходила молчаніемъ или произносила краткія и небрежныя слова о произведеніяхъ другаго, отдѣлившагося литературнаго теченія. Вскорѣ однако незначительность дѣлаемаго дѣла все яснѣе начала чувствоваться самими критиками: ихъ раздраженіе отъ этого возрастало, они тоскливо смотрѣли на настоящее и безнадежно на будущее. Единственно радостное было у нихъ въ воспоминаніяхъ, когда то же самое дѣло и какъ будто также дѣлалось съ успѣхомъ, вліяніемъ и силой. Сознаніе отсутствія въ себѣ какого-либо историческаго значенія видимо тяготило ихъ: они постоянно говорили, что ихъ направленіе все-таки сослужило великую службу обществу, но они никогда не говорили о себѣ въ отдѣльности, а всегда и исключительно — о себѣ въ связи съ Добролюбовымъ. Въ общемъ они были злы и дурны, какъ всѣ несчастные люди. Мало-по-малу это направленіе стало изсякать количественно: все меньше становилось критикъ, все короче онѣ становились, и мы теперь видимъ, наконецъ, какъ нѣкогда столь цвѣтущая у насъ эта вѣтвь литературы почти прекращается. Она существуетъ лишь какъ традиціонно обязательный отдѣлъ во всякомъ пері-

одическомъ изданіи. Чего-либо ведущаго, направляющаго, какой-либо внутренней силы въ ней не осталось и слѣда.

Одно явленіе, чрезвычайно яркое и одиночное, вспыхнуло и закончило все значущее въ этомъ теченіи критики. Мы разумѣемъ чудный разборъ романа *Анны Карениной* въ критическомъ этюдѣ М. С. Громеки: *Послѣднія произведенія гр. Л. Н. Толстого* (М. 1884 г.). По прекрасному языку, глубокому чувству, въ немъ разлитому, и своеобразію пріемовъ—это есть классическое произведеніе не только критики нашей, но и литературы вообще. Мы не можемъ лучше опредѣлить его значеніе, какъ сказавъ, что оно стоитъ совершенно въ уровень съ великимъ литературнымъ произведеніемъ, которому посвящено, и имѣетъ смыслъ и силу вовсе не только какъ комментарій къ нему: независимо отъ этого, оно и само по себѣ есть одно изъ глубокихъ и прекрасныхъ проявленій того нравственнаго перелома, который съ восьмидесятыхъ годовъ начался въ нашемъ обществѣ. Несмотря на противоположность проникающаго его смысла смыслу критики Добролюбова, мы относимъ его, однако, къ теченію, которое было начато ею; это потому, что и въ немъ волевой элементъ преобладаетъ надъ рефлективнымъ, и оно, какъ критика Добролюбова, разбирая литературное произведеніе, собственно разбираетъ въ немъ нарождающееся явленіе жизни, странно отстаивая его противъ другихъ, еще могущественныхъ, хотя и устарѣлыхъ ея теченій.

Мы сказали, что съ возникновеніемъ критики Добролюбова произошло раздвоеніе нашей литературы: все слабое и количественно обильное подчинилось ей; напротивъ, все сильное отдѣлилось и пошло самостоятельнымъ путемъ. Собственно, только этотъ второй потокъ и образуетъ собою новый фазисъ въ развитіи нашей литературы. Немногія и очень сильныя дарованія, которыя составляютъ его, всѣ запечатлѣны глубокою индивидуальностью: каждое изъ нихъ шло самостоятельнымъ путемъ, внѣ всякаго вліянія остальныхъ; ихъ индивидуализму способствовало, можетъ-быть, и то, что они развивались внѣ какой бы то ни было зависимости отъ своей оцѣнки въ обществѣ или въ критикѣ. Послѣдняя смотрѣла на нихъ почти враждебно, [1] и если пере-

[1] Это хорошо отмѣтилъ покойный Ѳ. М. Достоевскій въ своемъ разсказѣ о встрѣчѣ и разговорѣ по поводу *Анны Карениной* съ однимъ изъ писателей разсматриваемой группы (по всѣмъ признакамъ, съ И. А. Гончаровымъ): „нынѣшнею весной, однажды вечеромъ, мнѣ случилось встрѣтиться на улицѣ

читать всѣ критическіе *отзывы*, явившіеся, напримѣръ, *по поводу Обрыва*, и всѣ разборы какого-нибудь современнаго ему и уже давно забытаго литературнаго произведенія, то можно видѣть, насколько второе одобрялось болѣе, или по крайней мѣрѣ менѣе порицалось, нежели исполненный художественныхъ достоинствъ романъ Гончарова. Причина враждебности заключалась здѣсь въ томъ, что не будь этихъ дарованій, текущая критика могла бы еще колебаться въ сознаніи своей ненужности: слабостью *всей* литературы она могла бы оправдывать свою слабость, незначительностью предметовъ, которые обсуждала, могла бы объяснять незначительность своего содержанія. Но когда въ литературѣ существовали художественныя дарованія, и она не умѣла связать объ нихъ нѣсколькихъ значущихъ словъ, когда общество зачитывалось ихъ произведеніями, несмотря на злобное отношеніе къ нимъ критики, а одобряемыхъ ею романовъ и повѣстей никто не читалъ — критикѣ невозможно было не почувствовать всей безплодности своего существованія.

III.

Третье теченіе нашей критики возникло одновременно со вторымъ. Его начинателемъ и полнымъ выразителемъ былъ Ап. Григорьевъ; продолжателемъ же явился Н. Н. Страховъ.

Научность составляетъ отличительную черту этого теченія. Если въ первомъ своемъ періодѣ наша критика выясняла эстетическое достоинство литературныхъ произведеній, во второмъ— ихъ жизненное значеніе, то въ этомъ она задалась цѣлью *объяснять, истолковывать* ихъ. Это достигалось: вопервыхъ, раскрытіемъ существенныхъ и своеобразныхъ чертъ въ каждомъ литературномъ произведеніи, и, вовторыхъ, опредѣленіемъ его историческаго положенія, то-есть органической связи съ предыдущимъ и отношенія къ послѣдующему.

съ однимъ изъ любимѣйшихъ мною нашихъ писателей. Это одинъ изъ виднѣйшихъ членовъ тѣхъ *пяти или шести нашихъ беллетристовъ, которыхъ принято, всѣхъ вмѣстѣ, называть почему-то, плеядой*". По крайней мѣрѣ, *критика вслѣдъ за публикой* отдѣлила ихъ особо, передъ всѣми остальными беллетристами, и такъ это пребываетъ уже довольно давно, — все тотъ же „пятокъ", плеяда не расширяется. *Дневникъ Писателя*, за 1877 г. іюль — августъ.

Обиліе мысли и богатство собственныхъ, уже пережитыхъ, настроеній дало возможность Ап. Григорьеву понять и своеобразіе каждаго литературнаго произведенія, и внутреннюю, духовную связь ихъ всѣхъ между собою. Къ сожалѣнію, при рѣдкой даровитости въ истинномъ, глубокомъ значеніи этого слова, онъ не обладалъ даровитостью внѣшнею — тѣми внѣшними качествами блестящаго изложенія, остроумія или игривой шутки, которыя такъ привлекаютъ къ себѣ читателей. Несерьезность широкихъ массъ нашего читающаго общества и господствующихъ теченій нашей литературы ярко сказалась въ томъ, что ни первые, ни вторая не сумѣли разсмотрѣть мысли, которая заключена была не въ блестящихъ формахъ. Перевѣсъ Добролюбова и даже его пріемниковъ надъ Ап. Григорьевымъ былъ собственно перевѣсомъ литературнаго стиля надъ мыслью. А между тѣмъ, вчитываясь въ сочиненія Ап. Григорьева (т. 1, 1876 г.), испытывалось невольно, какъ, въ концѣ концовъ, мысль совершеннѣе всего остальнаго въ человѣкѣ, какъ отходятъ предъ нею и блѣднѣютъ и художественный восторгъ, и исполненная сжатой страсти рѣчь. Какъ ни много писалось о Пушкинѣ, какъ ни умѣлъ цѣнить его Бѣлинскій, какимъ высокимъ паѳосомъ ни запечатлѣны его статьи о немъ, всеобъясняющая мысль Ап. Григорьева покрываетъ все это,—и вмѣстѣ съ прекраснымъ и великимъ образомъ нашего поэта, впервые понятымъ, въ читателѣ неотдѣлимо выростаетъ и чувство самаго глубокаго удивленія къ его критику. Понятіе о народности въ поэзіи, которое такъ часто произносится и почти не сопровождается объясненіями, считаясь слишкомъ простымъ, впервые раскрываетъ здѣсь свой сложный смыслъ, и впервые же становится понятно, какъ много нужно было силъ, чтобы стать народнымъ поэтомъ, и къ какимъ это привело результатамъ. Сведеніе всего вопроса на психическую почву, какъ это сдѣлалъ Ап. Григорьевъ, было пріемомъ глубоко философскимъ. Разсматривая рядъ народностей, въ своей совокупности создавшихъ европейскую цивилизацію, какъ выразителей особыхъ *психическихъ типовъ*, онъ видитъ и въ европейской литературѣ рядъ отраженій этихъ типовъ. Отсюда—мѣстныя особенности въ ней, напримѣръ, постоянное несходство англійской и французской литературъ, или еще общее — всѣхъ германскихъ литературъ со всѣми романскими, при родственности отдѣльныхъ національныхъ литературъ въ предѣлахъ каждаго изъ этихъ двухъ

великихъ семействъ, на которыя распадается населеніе Западной Европы. Но отдѣльныя народности въ Европѣ не живутъ изолированно, онѣ связаны между собою единствомъ цивилизаціи и съ нею — единствомъ цѣлей своихъ въ одно время, успѣхомъ въ достиженіи ихъ или неуспѣхомъ — въ другое; рядъ переживаемыхъ надеждъ и разочарованій, общихъ уже для всей Европы въ одно время, но несходныхъ между собою въ различныя времена, порождаетъ смѣну *историческихъ настроеній*, которыя также всѣ отражаются въ литературѣ; напримѣръ, настроеніе средневѣковое, подъ которымъ написана была *Божественная комедія*, и настроеніе возрожденія, подъ которымъ написанъ былъ *Декамеронъ*. Совокупность національныхъ типовъ, различныхъ по мѣсту, и психическихъ настроеній, различныхъ по времени, переплетаясь взаимно, и составляютъ всю сѣть, всю гармонію отдѣльныхъ тоновъ, которые, сливаясь въ одно стройное, многовѣковое созвучіе, и образуютъ собою европейскую литературу. Изучать эту послѣднюю—значитъ расчленять эту гармонію на отдѣльные тоны и слѣдить за звукомъ каждаго изъ нихъ, то заглушаемымъ, то заглушающимъ; понимать ея смыслъ — значитъ находить въ себѣ и пробуждать къ жизни душевное настроеніе, звучащее во всякомъ тонѣ.

Отсюда не трудно понять и отношеніе къ западно-европейской литературѣ литературы каждой народности, которая долгое время развивалась изолированно и потомъ примкнула къ общему потоку европейской цивилизаціи.

Усвоеніе формъ литературнаго творчества есть первый шагъ къ сближенію и подчиненію ея первой, но шагъ еще незначительный, подчиненіе чисто внѣшнее, и при немъ она можетъ сохранять глубокую внутреннюю самобытность, можетъ оставаться вполнѣ національною. Такова была вся русская литература XVIII вѣка, исполненная надеждъ *своего* народа, тревогъ *своего* времени, повсюду подъ заимствованными формами отражая особый складъ *его* ума и чувства. Въ комедіяхъ фонъ-Визина, въ одахъ Державина, въ сатирахъ Новикова, въ Ѳеофанѣ Прокоповичѣ или въ Кантемірѣ, несмотря на ихъ чуждое, внѣшнее убранство, мы слышимъ тонъ и звукъ, которые совершенно національны, вытекаютъ прямо изъ духа и жизни своего времени и народа. Херасковъ писалъ свою *Россіяду*, какъ Петръ Великій замышлялъ Академію Наукъ, какъ его современникъ, неизвѣстный

авторъ *Записной книжки любопытныхъ замѣчаній*,[1] путешествуя по Европѣ, при видѣ всего замѣчательнаго, на что̀ ему показывали, брался прежде всего за аршинъ, чтобъ его измѣрять. Предметами вниманія ихъ были созданія чужой жизни и исторіи; но и они, внимавшіе, и самое вниманіе ихъ не заключало въ себѣ ничего привнесеннаго, были продуктомъ своей земли и своей исторіи.

Карамзинъ былъ первый русскій Европеецъ, уже не по предметамъ своего вниманія, но по самому вниманію, по всему душевному строю, и въ этомъ лежитъ тайна его обаянія для современниковъ и его значенія въ нашей исторіи. Въ немъ первомъ европейская цивилизація коснулась уже не формъ нашего быта, поэтическаго творчества и мышленія, но тронула внутреннее содержаніе наше, коснулась самой души. Глубокая ли впечатлительность его, подвижность всей натуры, или раннія впечатлѣнія дѣтства, проведеннаго съ чужеземными музами, были причиною этого—рѣшить трудно; но уже въ первыхъ его произведеніяхъ вполнѣ чувствуется вся его будущность, весь переворотъ, который ему суждено было совершить въ нашемъ духовномъ развитіи. Сто́итъ сравнить его примѣчанія къ своему переводу *поэмы великаго Галлера* о происхожденіи зла (Москва 1786 г.) съ примѣчаніями Кантеміра къ его переводу Фонтенелевыхъ *Разговоровъ о множествѣ міровъ*, чтобъ оцѣнить всю глубину пропасти, которая ихъ раздѣляетъ. Въ *Письмахъ русскаго путешественника* впервые склонилась, плакала, любила и понимала русская душа чудный міръ Западной Европы, тогда какъ раньше, въ теченіе вѣка, она смотрѣла на него тусклыми, ничего не фиксирующими глазами.

Съ этого времени жгучимъ, знойнымъ наслажденіемъ для русской души стало переживать въ себѣ настроенія Европы, вбирать въ себя капли духовной жизни, выдѣляемыя цвѣткомъ, который зрѣлъ полтора тысячелѣтія. Сентиментальное настроеніе, созданное въ нашей литературѣ Карамзинымъ, было первою такою каплей, и мы не удивляемся, читая, какъ его современники ходили на Лизинъ прудъ помечтать и, быть-можетъ, поплакать.

---

[1] Писана въ 1697—98 гг., изд. въ С.-Петербургѣ въ 1788 г. Это одинъ изъ самыхъ любопытныхъ памятниковъ нашей литературы, и ея историкъ не ошибся бы, еслибы съ подробнаго его анализа началъ изложеніе ея хода за два послѣдніе вѣка.

За первою каплей послѣдовали другія, и ощущеніе ихъ становилось все жгучѣе, влеченіе къ нимъ—неотразимѣе. Что̀ значило удивленіе наивнаго современника Петра предъ „птицею стратиокомилъ“, или предъ „капищемъ всѣхъ болвановъ“ (пантеонъ Агриппины) и все осязаемое, видимое, что̀ поражало его зрѣніе, въ сравненіи съ тѣмъ неуловимымъ, неосязаемымъ міромъ идей и чувствъ, который открылся Карамзину и людямъ его времени? Раньше мы похожи были на людей, которые, увидѣвъ инструментъ неизвѣстнаго происхожденія и назначенія, съ любопытствомъ осматривали его огромныя трубы и ихъ прихотливыя изгибы; но, подивившись всему довольно, затѣмъ спокойно возвращались къ своимъ дѣламъ и ежедневнымъ заботамъ; теперь же мы услышали самые звуки его, чудныя мелодіи полились въ нашъ слухъ, шевельнулось какъ никогда наше сердце, и, возвратившись домой, уже неохотно и машинально принимались мы за свои дѣла, душа же наша полна была и на родинѣ чужихъ звуковъ. Тоскуя по нимъ, сознавая невозможность безъ нихъ жить, мы, наконецъ, рѣшились положить свою душу въ томъ, чтобъ и у себя слышать и извлекать тѣ же чудные звуки. Мы возненавидѣли родныя пѣсни, простыя, грубыя пѣсни; мы снесли и изломали свои волынки и гусли, чтобы построить изъ ихъ матеріала хотя подобіе того, что̀ слышали разъ и забыть чего никогда не могли. И наши усилія увѣнчались успѣхомъ. Быстро формировался нашъ языкъ, цѣлый рядъ тружениковъ жилъ и умеръ для одной идеи, и если не они, то ихъ дѣти услышали, наконецъ, мелодіи — тѣ самыя, которыя грезились ихъ отцамъ, но уже въ звукахъ роднаго языка. Развѣ не духъ германскихъ народовъ живетъ въ поэзіи Жуковскаго, развѣ въ балладахъ его не слышатся Средніе Вѣка? развѣ не свѣтлая и спокойная древность дышетъ въ стихахъ Батюшкова? То, что̀ казалось невозможнымъ, было сдѣлано; что̀ было неуловимо — было уловлено. Какъ, какою цѣной совершилось это?

Шагъ за шагомъ, далѣе и далѣе вступала русская душа въ сѣть тѣхъ духовныхъ типовъ и тѣхъ историческихъ настроеній, о которыхъ мы сказали выше. Можно удивляться, какъ, въ самомъ дѣлѣ, глубоко переживала она ихъ, и какъ одинаково была способна къ самымъ противоположнымъ. За міромъ поэзіи, міромъ чувства — открылся міръ мысли, наукъ и философіи; мы вступили и въ него, и тайны Гегелевой діалектики, казалось, влекли насъ еще болѣе, чѣмъ паѳосъ Шиллера или очарованія

Байрона. Читая произведенія нашей литературы, невозможно почти понять, какимъ образомъ возникли они, не имѣя подъ собою никакой въ сущности дѣйствительности,—какъ факты жизни нашей, дѣла катились одною стороной, тогда какъ душа бродила по инымъ и фантастическимъ мірамъ, какъ будто вовсе ничего не зная объ этихъ фактахъ и дѣлахъ. *Ундина* Жуковскаго, мелкія стихотворенія Лермонтова, подражанія древнимъ Пушкина, его же *Пиръ во время чумы*—какъ можемъ мы подумать, чтобы тамъ, на родинѣ всѣхъ этихъ душевныхъ настроеній, послѣднія вылились когда-нибудь болѣе совершенно, еще искреннѣе, съ сильнѣйшею любовью, чѣмъ въ этихъ произведеніяхъ далекой и чуждой, покрытой снѣжнымъ покровомъ, страны...

И все-таки о деревѣ, приносившемъ столь прекрасные плоды, можно было сожалѣть что оно не успѣло дать *своихъ*. Никто не зналъ ни вкуса ихъ, ни другихъ достоинствъ, и мысль о томъ, что погублено что-то еще нежившее, быть можетъ, тяготила многихъ.

Здѣсь и лежитъ объясненіе Пушкина. Уже Бѣлинскій замѣтилъ, что онъ какъ бы *совмѣстилъ* въ себѣ по тону, по настроенію всѣхъ своихъ предшественниковъ, а позднѣе Н. Н. Страховъ отмѣтилъ, что у него *въ формахъ* нѣтъ никакихъ нововведеній.[1] Такимъ образомъ, для всякаго, кто сталъ бы разсматривать его лишь, и притомъ не пересмотрѣлъ бы тщательно всѣхъ его произведеній, и особенно самыхъ позднихъ, невольно могло бы представиться отсутствіе въ немъ оригинальности, самобытности и, слѣдовательно, какого-либо величія въ историческомъ положеніи. Такъ это и понимается многими даже до настоящаго времени.

Не вступая въ борьбу съ усвоенными формами поэтическаго творчества, онъ въ предѣлахъ ихъ пережилъ всѣ душевныя настроенія, исторически сложившіяся въ Западной Европѣ и только частью[2] отраженныя въ нашей прежней поэзіи, и каждый разъ переживая которое-нибудь изъ нихъ, вѣрилъ въ него какъ въ окончательное и совершенное (откуда глубина и страстность его разнообразной поэзіи). Однако, въ противоположность его ожиданіямъ, ни одно изъ нихъ не насытило его окончательно, и

---

[1] *Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ* Спб. 1888, стр. 37 - 41.

[2] См. рѣчь о Пушкинѣ Достоевскаго, напримѣръ, замѣтка о стихотвореніи: „Однажды странствуя среди пустыни дикой“ и т. д.

когда душа его утомилась всѣми ими, онъ возвратился къ народному. Это возвращеніе выразилось у него въ извѣстномъ стихотвореніи *Возрожденіе*, гдѣ онъ говоритъ о своей „измученной душѣ", въ которой пробуждаются чудныя видѣнія

„Первоначальныхъ чистыхъ дней".

Его послѣднія произведенія: вторая половина *Евгенія Онѣгина*,[1]

[1] Одно изъ самыхъ ясныхъ мѣстъ, выражающихъ поворотъ Пушкина отъ чужихъ идеаловъ къ народному, представляетъ, какъ извѣстно, отрывокъ изъ путешествія Онѣгина, гдѣ поэтъ, обращаясь къ воспоминаніямъ, сравниваетъ настоящее состояніе своей души съ прошлымъ:

„Но, Муза, прошлое забудь.
„Какія-бъ чувства ни нашлись
„Тогда во мнѣ—теперь ихъ нѣтъ.
„Они прошли иль измѣнились...
„Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
„Въ ту пору мнѣ казались нужны
„Пустыни, волнъ края жемчужны,
„И моря шумъ и груды скалъ,
„И гордой дѣвы идеалъ,
„И безымянныя страданья...
„Другіе дни, другіе сны и пр.

Прекрасный разборъ этого отрывка см. въ „критическихъ статьяхъ объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ", Н. Н. Страхова (Спб. 1887 г.).

Никѣмъ, кажется, не замѣчено, что и въ Лермонтовѣ происходилъ подобный же поворотъ, и если онъ не успѣлъ созрѣть и высказаться такъ же отчетливо и полно, какъ у Пушкина, то лишь по причинѣ ранней кончины его (26 лѣтъ). Вотъ стихи, составляющіе полную параллель приведеннымъ:

„Любилъ и я въ былые годы,
„Въ невинности души моей,
„И бури шумныя природы,
„И бури тайныя страстей.

„Но красоты ихъ безобразной
„Я скоро таинство постигъ,
„И мнѣ наскучилъ ихъ несвязный
„И оглушающій языкъ.

„Люблю я больше, годъ отъ году,
„Желаньямъ мирнымъ давъ просторъ,
„Поутру ясную погоду
„Подъ вечеръ—тихій разговоръ...

(Соч. Лермонтова, т. 1, стр. 202, изд. 1880 г.). Не даромъ говоритъ Гоголь, что „въ Лермонтовѣ Россія потеряла великаго живописца своего быта". Мы не должны забывать, что собственно въ произведеніяхъ Лермонтова намъ

Капитанская Дочка, *Повѣсти Бѣлкина*, все то, что̀ такъ смутило его современниковъ, и между ними самого Бѣлинскаго, которые, ожидая отъ него все большей душевной сложности, все дальнѣйшаго углубленія въ таинственный міръ европейскихъ идеаловъ, были возмущены его возвращеніемъ *къ простому и доброму*, что̀ живетъ какъ высшій идеалъ душевной красоты въ нашемъ народѣ. Типы иной красоты, которымъ онъ поклонялся нѣкогда и, какъ и другіе русскіе поэты, облилъ ихъ слезами своей любви, въ концѣ-концовъ были побѣждены типомъ духовной красоты, сложившимся въ нашей жизни, выросшимъ изъ нашей дѣйствительности. Отсюда же, отъ этого послѣдняго фазиса въ дѣятельности Пушкина, ведетъ свое начало и трезвое, простое отношеніе къ дѣйствительности, которое съ тѣхъ поръ и до нашего времени стало господствующимъ въ нашей литературѣ (Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ въ *Семейной Хроникѣ* непосредственно примыкаетъ къ *Капитанской Дочкѣ;* къ нимъ обоимъ примыкаетъ графъ Л. Н. Толстой съ семейною хроникой Ростовыхъ и Болконскихъ — *Войной и Миромъ;* какъ эпизоды, какъ разорванныя нити этихъ хроникъ, могутъ быть разсматриваемы и лучшіе образцы нашего семейнаго романа (*Обрывъ*, *Дворянское Гнѣздо*, отчасти *Обломовъ*). Повѣсти Тургенева представляютъ еще дальнѣйшую суженность и индивидуализацію этого теченія нашей жизни: на ея общемъ бытовомъ фонѣ выдѣляются люди съ особеннымъ выраженіемъ лица и необычною судьбой (*Рудинъ*, типъ Базарова). Полный разрывъ съ этою бытовою основой и уклоненіе оторваннаго въ сторону геніальнаго и уродливаго, какъ въ изображаемомъ, такъ и въ самомъ изображеніи, представляетъ собою Ѳ. М. Достоевскій.

Теперь, если мы подумаемъ, что ни одинъ изъ нашихъ поэтовъ и художниковъ, начиная отъ Жуковскаго и кончая Л. Толстымъ, не былъ носителемъ болѣе, нежели одного духовнаго настроенія; и далѣе, если примемъ во вниманіе, что даже такая натура, какъ Лермонтовъ, до конца дней своихъ не могла высвободиться изъ-подъ очарованія поэзіей Байрона, жила настроеніемъ его музы, то необъятная мощь Пушкинскаго генія станетъ для насъ

оставленъ только очеркъ перваго фазиса его развитія, и судить, а тѣмъ болѣе осуждать его натуру *въ цѣломъ* на основаніи этого фазиса было бы такъ же ошибочно, какъ судить, напримѣръ, *о цѣломъ* Тургеневѣ, зная одни его *Записки Охотника*, или о Достоевскомъ — по его первымъ повѣстямъ (до *Преступленія и Наказанія*).

ясна. Съ другой стороны, если мы признаемъ, что въ сферѣ литературы мы и до сихъ поръ движемся въ предѣлахъ направленія, имъ даннаго, только разрабатываемъ это направленіе и этой разработкѣ не видно еще конца—мы поймемъ его историческое положеніе. Онъ привнесъ, всею своею дѣятельностью, ея характеромъ и судьбой, новое слово въ нашу исторію, подобнаго которому по значительности ни разу не произносилось.

Въ истолкованіи и доказательствѣ этой истины, далеко не сознанной еще, далеко не признанной и теперь, состояла великая заслуга критической дѣятельности Ап. Григорьева.

Доходятъ извѣстія, что когда съ университетской каѳедры приходится касаться нашей новой литературы (XIX вѣка), во всѣхъ объясненіяхъ своихъ ученые невольно становятся на точки зрѣнія, утвержденныя Ап. Григорьевымъ (такъ поступалъ, напримѣръ, покойный Ор. Ѳ. Миллеръ). Наука *какъ объясненіе* ничего другаго и не можетъ сдѣлать: истолкованіе нашей новой литературы было сдѣлано имъ только, какъ оцѣнка ея—Бѣлинскимъ, какъ возведеніе ея на степень самаго глубокаго и важнаго жизненнаго дѣла—Добролюбовымъ.

По этимъ тремъ господствующимъ цѣлямъ мы можемъ дать опредѣляющія названія и самымъ фазисамъ нашей критики: первый изъ нихъ былъ *эстетическій*, второй — *этическій*, третій — *научный*.

Всякій разъ, когда критика наша, выразивъ уже все, что̀ могла, въ предѣлахъ одного фазиса, переходила къ другому, представители этого послѣдняго относились враждебно къ идеямъ и стремленіямъ предыдущаго. Такъ извѣстно отношеніе школы Добролюбова къ эстетическимъ теоріямъ и оцѣнкамъ, и школы Ап. Григорьева (напримѣръ г. Н. Страхова) къ школѣ Добролюбова. Враждебность эта естественна была, какъ стремленіе новаго явленія утвердить себя среди старыхъ, сознать внутри себя и сдѣлать очевиднымъ для другихъ правоту свою, ту правду, во имя которой оно появлялось и хотѣло жить.

Но должна ли эта враждебность быть чѣмъ-нибудь постояннымъ? Мы могли бы сказать „да", еслибы въ которомъ-нибудь изъ фазисовъ недоставало этой правды, его особенной, своеобразной правды; но она есть, и въ ней заключается его право на жизнь, на всеобщее и постоянное признаніе, но только въ границахъ ея своеобразнаго и исключительнаго утвержденія. За этими границами начинается въ каждомъ фазисѣ недостающее,

которое и было восполнено другимъ фазисомъ. Правый въ утвержденіяхъ, каждый фазисъ былъ не правъ въ своихъ отрицаніяхъ. И въ самомъ дѣлѣ: что̀ значитъ возставать противъ эстетиковъ, какъ не утверждать въ концѣ концовъ, что̀ писать плохо лучше, чѣмъ хорошо, что рубленая проза лучше поэзіи, что вялыя и дѣланныя повѣсти и разсказы все-таки могутъ быть хороши даже какъ повѣсти и разсказы? И съ другой стороны, возставать противъ школы Добролюбова не значило ли бы говорить, что произведеніе, исполненное глубокаго смысла и жизненной правды, ниже чѣмъ оно же, лишенное всего этого? Отымите изъ *Анны Карениной* ту „разсудочную тенденцію", о которой говоритъ Громека, ту глубокую и особенную идею, которая звучитъ въ каждомъ ея словѣ и во всѣхъ ея удивительныхъ образахъ, и хотя бы вся живость этого романа осталась,— мы разбили бы эту живопись, изорвали бы всѣ эти сцены и описанія, еслибъ, оставивъ только ихъ, вынувъ тенденцію, насъ лишили того чуднаго цѣлаго, которымъ мы теперь наслаждаемся. Наконецъ, всему этому чѣмъ можетъ мѣшать научное разсмотрѣніе литературы? или что̀ изъ указаннаго можетъ мѣшать ему?

Такимъ образомъ, всѣ фазисы нашей критики были частями, которымъ естественно было возрасти до цѣлаго. Закончено ли оно? Это значитъ: тѣми отношеніями, въ которыя послѣдовательно становилась наша критика къ предмету своему, литературѣ, исчерпаны ли уже всѣ возможныя и должныя отношенія къ ней?

Мы уже имѣли случай замѣтить, что писатели послѣднихъ десятилѣтій запечатлѣны одною чертой, это — глубокою индивидуальностью, отсутствіемъ обоюднаго вліянія другъ на друга. Въ прежнихъ періодахъ нашей литературы мы этого не замѣчаемъ, или, по крайней мѣрѣ, черта эта была въ нихъ менѣе выражена: Жуковскій впадаетъ по временамъ въ тонъ Дмитріева, Пушкинъ впадаетъ въ тоны Жуковскаго, Языкова, Дельвига и др., всѣ они родственны, взаимно симпатизируютъ другъ другу, переливаются одинъ въ другаго. Совершенно обратное мы видѣли въ 50 — 70 годы: духовный взоръ писателей этого времени какъ будто обращенъ былъ внутрь себя, они не чувствовали другъ друга, создавали прислушиваясь къ движеніямъ только своего сердца и своей мысли. Далѣе, если мы обратимъ вниманіе на то, какъ именно изучала научно-историческая критика нашихъ писателей, то увидимъ, что она преимущественно

брала ихъ въ связи другъ съ другомъ, то-есть каждаго въ отдѣльности писателя разсматривала какъ бы обращеннымъ къ другимъ писателямъ: къ тѣмъ, которые находились позади его, и къ тѣмъ, которымъ суждено было выступить позднѣе. Нити въ духовной жизни, за которыми она особенно и съ любовью слѣдила, были всѣ *исходящія:* она отмѣчала, какъ, выйдя изъ субъективнаго духа поэта, эти нити распространялись по всѣмъ направленіямъ и сплетались съ міросозерцаніемъ или съ настроеніемъ чувства въ другихъ поэтахъ. Ея направленіе, такимъ образомъ, было объективное; по крайней мѣрѣ, по преимуществу.

Глубокій индивидуализмъ всѣхъ новыхъ писателей невольно вызываетъ мысль о недостаточности этого отношенія, о возможности и необходимости иного, противоположнаго. И въ самомъ дѣлѣ, хотя всякій писатель, какъ и всякій человѣкъ, есть конечно преемникъ и предшественникъ, онъ обращенъ и къ прошедшему, и къ будущему, но и въ первое и во второе онъ вросъ лишь вершинами своего духовнаго развитія, но не корнями его. Какъ и на всякую душу, правильно и на духъ поэта смотрѣть какъ на нѣчто глубокое, своеобразное, замкнутое въ себѣ; „изъ иныхъ міровъ“ онъ приноситъ съ собою въ жизнь нѣчто особенное, исключительное; оно растетъ въ немъ и развивается, лишь питаясь какъ матеріаломъ всѣмъ предыдущимъ, и также питая послѣдующее, въ свою очередь, становясь матеріаломъ. Но за усвояемымъ и процессомъ усвоенія скрывается усвояющее; оно-то и есть самое главное, существенное.

Возможно разсматривать литературу, какъ рядъ подобныхъ средоточій, какъ рядъ прежде всего индивидуальныхъ міровъ. Съ этой точки зрѣнія, предметомъ нашего особеннаго вниманія должны стать въ творчествѣ писателя всѣ *входящія* нити. Уловивъ эти нити въ его созданіяхъ, мы должны идти, руководимые ими, въ духъ самого писателя, и вскрывать его содержаніе, его строй. Тамъ онѣ соединяются, и узелъ ихъ образуетъ то, чѣмъ очевидно жилъ онъ, что̀ принесъ съ собою на землю, что̀ его и мучительно, и радостно тревожило и, оторвавъ отъ частной жизни, бросило на широкую арену исторіи.

Разсматривать съ этой точки зрѣнія писателей представляетъ глубокій интересъ. Быть-можетъ, кромѣ того, это и единственно правильный взглядъ на нихъ. Мы до того привыкли къ безличному процессу исторіи, что и всякаго человѣка разсматриваемъ

только какъ средство для чего-то, ступень къ чему-то. Это, наконецъ, утомляетъ; это, наконецъ, недостойно. Человѣкъ вовсе не хочетъ быть только средствомъ, онъ не вѣчный учитель въ словахъ своихъ, не вьючное животное, которое носитъ какіе-то вклады въ „великую сокровищницу человѣчества", съ благодарностью отъ современниковъ и въ назиданіе потомства. Онъ просто свободный человѣкъ, со своею скорбью и со своими радостями, съ особенными мыслями, которыя его занимаютъ вовсе не потому, что ими можно пополнить „сокровищницу". Развѣ недостаточно измученъ человѣкъ, чтобъ еще растягивать его по всѣмъ направленіямъ, приноравливая къ одному, дотягивая до другаго, обрубая на третьемъ. Оставьте его одного съ собою, онъ вовсе не матеріалъ для теорій, онъ живая личность, „богоподобный человѣкъ". Умѣйте подходить къ нему съ любовью и интересомъ, и онъ раскроетъ предъ вами такія тайны души своей, о которыхъ вы и не догадываетесь.

В. Розановъ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА НАТАЛЬИ СЕРГѢЕВНЫ ***.

Повѣсть.

(Окончаніе.)

IX.

Насъ подняли рано. Въ двѣнадцать часовъ было назначено вѣнчанье; до этого часа надо было много дѣла передѣлать, какъ говорила тетя Женя.

Внизу шла уже работа по перестановкѣ мебели, устройству буфета и стола для параднаго завтрака. Антипъ хлопоталъ и возился изъ всѣхъ силъ. Торжество, да еще свадебное торжество— это было въ его вкусѣ, и онъ устанавливалъ букеты, конфекты, разстилалъ ковры для благословенія невѣсты. Во флигелѣ тоже шла работа. Тамъ тоже рано перебудили молодежь. По старозавѣтному обычаю невѣсту должны были отпустить изъ одного дома, жениха изъ другаго дома, то-есть изъ флигеля, гдѣ должны были собраться вокругъ него всѣ родные, и положено было Гришѣ съ Таней не видаться въ это утро.

Вся эта торжественность мнѣ казалась напускною формалистикой. Я встала въ тоскливомъ настроеніи, предвидя длинный, скучный день, шумный и суетливый. Мама сама принесла намъ наверхъ кофе.

— Зачѣмъ это, мамочка, сказала я,—развѣ мы не могли пойти сами внизъ?

— Ну, ужь нѣтъ! Не пущу туда распивать кофе, тамъ уже все готово, устроено... Пейте, пейте здѣсь, да одѣваться скорѣй. Ужь стариковъ-то я сплавила во флигель, тамъ все готово, туда ушли сына одѣвать. А Таню мы въ угловой одѣнемъ, платье туда снесено. Тетя Женя въ семь часовъ вскочила и все устроила.

Мама торопила меня:

— Одѣвайся, одѣвайся, Наташа, барышни сейчасъ пріѣдутъ, и невѣсту пора одѣвать.

— Хорошо, хорошо, мама, я сейчасъ буду готова.

Къ одиннадцати часамъ мы всѣ уже были въ парадѣ, кромѣ невѣсты. Тетя Женя торжественная, съ краснымъ цвѣткомъ въ волосахъ, высоко поднявъ шлейфъ своего шелковаго платья, показывая воланы бѣлой вышитой юпки, носилась какъ ураганъ по дому, всѣхъ разнося, всѣмъ читая наставленія. Она слетала и во флигель, чтобъ и тамъ навести порядки.

Наконецъ, все было готово. И Таню торжественно повели одѣваться. Софья Петровна исполнила свой долгъ относительно ея, какъ самая счастливая въ супружествѣ женщина, надѣла ей серьги и отправилась во флигель къ жениху—она была у него посаженною матерью.

Таня очевидно была высоко настроена, какъ-то торжественно умилена. Суета, сутолока этого утра, безтолковыя распоряженія тети Жени мало ее трогали. Она перестала даже спрашивать о пѣвчихъ, которые все еще не пріѣзжали. Въ выраженіи ея лица было что-то спокойное, кроткое, глаза ея останавливались на лицахъ и предметахъ съ какою-то умиленною лаской. Кокетливая, обыкновенно очень заботливая насчетъ своей прически, она теперь не обратила вниманія на то, какъ причесалъ ее привезенный изъ города куаферъ. Я чувствовала, что люблю сестру, что мнѣ жаль разстаться съ нею. Но настроить себя на тотъ ладъ, на который она была настроена, я не могла; напротивъ, сегодня болѣе, чѣмъ когда, меня сердили, раздражали мелочи.

— Ну, крестись, душечка, говорила тетя, накидывая на сестру бѣлую юпку,—говори: во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. И Таня покорно крестилась и кротко произносила, что̀ ей было велѣно, а меня это злило, раздражало, я отходила въ сторону. Таня сейчасъ же замѣчала мое отсутствіе.

— Будь же здѣсь около меня, говорила она.

Или, видя толпу бабъ у дверей въ корридорѣ, она оборачи-

валась туда, звала кормилицу свою Матрену и говорила, чтобы подвела своихъ дѣвочекъ,—„пусть смотрятъ“.

Уже на Таню надѣвали платье, когда вошли двѣ сестры Павлищевы, единственныя наши подруги изъ сосѣдства. Онѣ оправдывались, что опоздали. А изъ-за нихъ выглядывало въ дверь потное, серьезное, озабоченное и глупое лицо Антипа, которое дѣлало мнѣ какіе-то таинственные знаки.

— Изъ княжеской оранжереи, буркнулъ онъ,—два букета прислали; одинъ, значитъ, для невѣсты — ужь не знаю почему женихъ взялъ,—а другой, значитъ, вамъ, барышня, и онъ подалъ мнѣ картонку. Да доложите маменькѣ — Павелъ Александровичъ пріѣхали, я ихъ во флигель провелъ-съ.

— Какой Павелъ Александровичъ?

— Извѣстно какой, что съ Софьей Петровной пріѣзжали.

— Что̀? Что̀? воскликнула тетушка,—Павелъ Александровичъ пріѣхалъ?

— Такъ точно, Павелъ Александровичъ, равнодушно отвѣчалъ Антипъ.

А у меня сначала все помутилось въ глазахъ, потомъ они какъ будто расширились, въ комнатѣ стало свѣтлѣе, посвѣтлѣли и лица меня окружавшія. Въ груди тоже точно что расширилось.

— Павелъ Александровичъ пріѣхалъ, сказала радостно сестра,—какъ я рада! Ты тоже рада, Ната? Я утвердительно качнула головой. И вдругъ почувствовала приливъ небывалой нѣжности къ сестрѣ и жалости утраты этого милаго, кроткаго существа; я охватила шею ея руками и, несмотря на то, что зашнуровывавшая ее тетя Женя кричала, что я ей мѣшаю, прильнула къ ней; сестра тоже обхватила мнѣ шею и мы долго оставались такъ, не обращая вниманія ни на крики тети Жени, ни на другихъ окружающихъ насъ лицъ. Ахъ, какъ стало свѣтло на душѣ, какъ отодвинулись маленькія дрязги, какъ стало мнѣ смѣшно мое неудовольствіе сутолокой нынѣшняго утра, мое брезгливое отношеніе къ бѣдной нашей тетѣ. Не все ли равно всѣ эти мелочи, когда онъ здѣсь, пріѣхалъ, когда сейчасъ я увижу его! Въ моей душѣ торжественный благовѣстъ, уносящій меня за облака. Не заглушитъ ли онъ тѣхъ мелочныхъ криковъ, что̀ раздаются съ земли! Благодарю тебя, Господи, за ниспосланное счастье! Благодарю.

Теперь мнѣ все казалось въ иномъ свѣтѣ. Въ этихъ лицахъ, выглядывавшихъ изъ корридора, было что-то умилительное;

заплаканные глаза мамы не сердили меня, я понимала нашу бѣдную маму, желавшую счастья своимъ птенцамъ и оплакивавшую утрату одного изъ нихъ. Теперь для меня не было ничего смѣшнаго въ этомъ торжественномъ сидѣніи невѣсты у стола съ хлѣбомъ-солью и образами между дядей и тетей Женей — посаженными — и ожиданіемъ шафера жениха, который долженъ былъ придти изъ флигеля съ букетомъ и объявить, что женихъ въ церкви,—этотъ церемоніалъ, который наканунѣ казался мнѣ еще такимъ нелѣпымъ и смѣшнымъ. Мы всѣ сидѣли въ молчаніи вокругъ невѣсты и я чувствовала трепетъ ожиданія.

— Женихъ уѣзжаетъ! крикнулъ кто-то изъ толпы,— подаютъ коляску. Въ этотъ моментъ вошелъ шаферъ съ букетомъ изъ бѣлыхъ розъ.

Таня сдѣлалась совсѣмъ бѣлою, поблѣднѣла и я. Всѣ встали, заторопились. Началось благословеніе. Я никогда не думала, чтобъ это могло быть такъ трогательно. Ее благословила мать, посаженные, дали образъ благословить и мнѣ. И мы всѣ прощались съ нею, какъ будто она уходила въ другую жизнь. Слезы дрожали на ея рѣсницахъ, она была взволнована, но боялась забыть хоть самаго маленькаго изъ толпы и всѣхъ обнимала, цѣловала...

Мы вышли къ экипажамъ. Таня сѣла съ тетей Женей и мальчикомъ съ образомъ, и тутъ произошла путаница. Дядя кричалъ, что ему необходимо сѣсть тоже съ невѣстой, мама его не пускала, говорила, что такъ не дѣлается и посадила его съ собою на маленькой скамеечкѣ предъ нами. Онъ всю дорогу, то-есть ровно три минуты, ежился, кричалъ, чтобъ его пустили, что онъ сойдетъ, „лучше идти пѣшкомъ, чѣмъ сидѣть на такомъ эшафотѣ“. Но мы его довезли какъ разъ вовремя, когда невѣста выходила изъ кареты, и онъ могъ сопутствовать ей по сукну отъ воротъ къ паперти.

— Пѣвчіе-то еще пріѣхали-ли? спохватилась тетушка. Даже въ этотъ торжественный моментъ она не могла помолчать. И въ отвѣтъ ей грянулъ хоръ сорока чудныхъ голосовъ: „Гряди, гряди, голубица“.

Мы всѣ, сопровождавшіе невѣсту, стали налѣво, тогда какъ сопровождавшіе жениха стояли направо. При томъ торжественно умиленномъ настроеніи, которое нашло на меня, меня даже не тянуло посмотрѣть на Павла Александровича. Я знала, что онъ тутъ, смотритъ на меня, и этого счастья мнѣ было довольно.

Священникъ подвелъ жениха къ невѣстѣ и вмѣстѣ повелъ въ большую церковь. Мы всѣ двинулись за ними. Въ эту минуту я увидѣла Павла Александровича, онъ радостно улыбнулся мнѣ. И на его лицѣ, мнѣ казалось, я вижу печать того же торжественнаго настроенія, что̀ было въ моей душѣ. Ему хотѣлось стать рядомъ со мною, но я отошла подальше, мое настроеніе разрѣшалось слезами. Мнѣ неудержимо хотѣлось плакать, плакать. Слезы одна за другой накипали на рѣсницахъ и падали на бѣлый букетъ изъ розъ. Богъ знаетъ, что̀ заставляло меня лить эти слезы. Я смотрѣла на стѣны храма толстыя, древнія стѣны, на строгія лики иконъ, вспоминала какъ дѣвочками насъ водили сюда къ причастію — и слезы лились. Я смотрѣла на бѣдную маму, мнѣ представлялось то, что̀ въ душѣ своей она переживаетъ теперь, и я плакала. Я глядѣла на лица окружавшихъ насъ со всѣхъ сторонъ мужиковъ и бабъ и ихъ наивное любопытство, ихъ размашистые кресты заставляли меня лить слезы. Я старалась не глядѣть въ его сторону, но я чувствовала его присутствіе, и слезы лились отъ умиленія и восторга.

— Да перестань же, матушка, говорила тетушка, толкая меня, — это просто неприлично. Всѣ ужь перестали плакать, а ты только теперь начинаешь—всегда не вовремя.

— Милая тетя, сейчасъ, сейчасъ я перестану.—И мнѣ хотѣлось приласкать тетю Женю, надъ которой утромъ еще я смѣялась, на которую такъ искренно злилась.

Но вотъ Таня уже обвѣнчана. Молодой мужъ, влюбленный, умиленный, растроганный цѣлуетъ прямо въ губы, всѣ тѣснятся вокругъ и поздравляютъ молодыхъ, у всѣхъ радостныя лица, только я въ слезахъ, но и у меня радостно на душѣ.

При разъѣздѣ происходитъ опять путаница. Мама, тетя и дядя уѣзжаютъ первые, чтобъ успѣть приготовить встрѣчу новобрачнымъ, пока они служатъ еще молебенъ. Всѣ спѣшатъ къ выходу, садятся кто куда попало, лишь бы вовремя пріѣхать домой. Но вотъ ужь и молебенъ конченъ. Павелъ Александровичъ откуда-то принесъ мою бѣлую мантилью и накидываетъ на плечи.

— Давайте букетъ! говоритъ онъ,—бѣдныя розы, сколько видѣли онѣ слезъ!

Онъ прячетъ въ букетъ свое лицо, и кажется мнѣ, что онъ проникаетъ въ мою душу и видитъ, что̀ тамъ происходитъ. Ну что̀ же, смотри!

Новобрачнымъ подана карета. Мы оглядываемся, ищемъ экипажа, всѣ уѣхали, нѣтъ ни одного у паперти. Но вотъ какая-то коляска мчится отъ дома сюда, о насъ, вѣроятно, вспомнили и послали намъ экипажъ. Мы вдвоемъ садимся съ нимъ въ коляску. Меня это не смущаетъ, даже не радуетъ, мнѣ кажется, что это такъ и быть должно.

— Вы не браните меня, что пріѣхалъ, говоритъ онъ, — сознаю что глупо, но такъ тянуло, такъ хотѣлось еще разъ взглянуть, не браните?

— Нѣтъ, не браню, не могу бранить.

— Вы нынче добрая, умиленная, ласковая.

— Счастливая... говорю я,— особое—какое-то настроеніе.

— Счастливая!.. повторяетъ онъ и заглядываетъ въ мои заплаканные глаза.

Мы входимъ вслѣдъ за новобрачными, которыхъ въ передней ужь осыпали хмѣлемъ.

Насъ встрѣчаютъ улыбками.

— А, вотъ и вторая пара!—Настоящая невѣста, бѣлое платье, бѣлый букетъ и глаза заплаканы.—Женихъ-то только нѣсколько сѣдъ, восклицаетъ дядя...

Сегодня въ четыре часа послѣ завтрака съ шампанскимъ мы до „Зайчихи" проводили молодыхъ.

X.

8 сентября. Всѣ эти дни кто-нибудь да уѣзжалъ... Сегодня уѣхалъ Павелъ Александровичъ. Онъ уѣхалъ послѣдній. Я просила его о томъ, чтобы хоть два дня, хоть день онъ пробылъ у насъ въ одиночку. Мама съ тетей тоже просили его остаться; удивляюсь, какъ не видятъ онѣ въ чемъ дѣло, по тѣмъ лучше для насъ, тѣмъ лучше! Послѣдній день мы провели почти исключительно съ глазу на глазъ.—Мама сводила счеты у себя. Тетя уѣхала навѣстить дядюшку, которому нездоровится. И онъ только разъ во все это время заговорилъ о томъ, чѣмъ полны мы оба— о нашей любви.

— Жизнь, сказалъ онъ,—слагается нелѣпо, то, что̀ казалось бы мы любимъ безумно. къ чему хотѣлось бы стремиться всѣмъ существомъ своимъ, отъ того мы должны отворачиваться или

бѣжать безъ оглядки. Ахъ, барышня милая, дитя мое умное, тяжело, тяжело!

Я вѣрю, что ему тяжело, тяжелѣе чѣмъ мнѣ, жизнь его сложнѣе, у него жена и дѣти... Но любовь иногда превозмогаетъ и эти препятствія. Жена его натура мелкая, недостойная такого человѣка. А впрочемъ, пусть будетъ такъ, какъ онъ хочетъ. Захочетъ, чтобъ я шла за нимъ, и я уйду, ни на кого и ни на что не глядя. Жизнь моя и воля моя въ его рукахъ. Я сказала ему это на прощанье. На этотъ разъ я не плакала и онъ не говорилъ, что прощаемся на вѣки. — Нѣтъ, мы увидимся, мы должны увидѣться. Два человѣка не сталкиваются такъ для того, чтобы разойтись. Онъ былъ очень взволнованъ и просилъ, какъ милости, позволить писать. Я буду ждать какъ манны небесной твоихъ писемъ, дорогой мой! Пиши, рѣшай; участь моя въ твоихъ рукахъ!

20 сентября. Сегодня я получила его письмо. Первое письмо его! Конвертъ былъ надписанъ не его рукой, и я легко могла бы соврать мамѣ, но когда она спросила меня съ удивленіемъ отъ кого изъ Петербурга я получаю письма (наши молодые еще путешествуютъ), я отвѣчала, что отъ него. Маму это не особенно удивило.

— Что же это, сказала она,—вы успѣли ужь такъ сдружиться, что пишете другъ другу?

— Да, мы условились писать.

— Какія-нибудь философскія разсужденія. Ты бы намъ почитала вслухъ.

— Нѣтъ, ужь увольте, мама, достаточно и про себя прочесть.

И я ушла на верхъ, чтобы никто не мѣшалъ мнѣ разспросами.

„...Опять Петербургъ, пишетъ онъ мнѣ,—между прочимъ, опять высокіе дома, торцовыя мостовыя, опять шумъ, грохотъ. И опять любезныя улыбки и ни одного искренняго, сердечнаго ласковаго слова. Опять постылый домъ съ изящною адвокатскою обстановкой, вездѣ фальсификація, все „какъ будто бы“ и ничего настоящаго. Какъ будто бы любимая жена, какъ будто бы семейная жизнь и радость встрѣчи...

„— Ахъ! ахъ! меня окружаютъ, цѣлуютъ. „Наконецъ-то! такъ долго не ѣхалъ, мы скучали.“ И я вижу натянутую мину, безъ меня ужь привыкли, я уже въ сущности лишній.—„Ахъ, да, вотъ твое кресло, садись милый, безъ тебя привыкла сидѣть въ немъ. Ну, а какъ дѣла? много заработалъ?“

„Вотъ оно начинается настоящее-то. Главное дѣло въ мошнѣ, привезъ полную мошну—и ты такой, сякой немазаный. Какъ сказать, милая барышня, что дѣло передано другому, что другой получитъ и мошну, какъ сказать этой женщинѣ съ вожделѣніемъ смотрящей мнѣ въ глаза, что денегъ не привезено? и я лгу, барышня милая, вывертываюсь, говорю, что мошна прибудетъ потомъ.

„— Потомъ! Боже мой, а намъ теперь такъ нужны деньги!

„— Деньги, деньги, понимаете, дорогая, первое слово деньги. И вѣдь уже не одна она, а и дѣти привыкли. Съ ожиданіемъ смотрятъ мнѣ въ глаза. На глазахъ дочери навертываются слезы, когда я говорю, что денегъ со мной нѣтъ. Нѣтъ, это гадко, отвратительно быть денежною машиной. Я не могу выносить этихъ выжидающихъ взглядовъ, я ухожу... И вотъ я одинъ. Мнѣ легче одному. Одинъ я могу воскрешать въ своей памяти милый образъ дѣвушки, которая ничего не ждала отъ меня, съ которою я отдыхалъ душой."

Мнѣ жаль его, мнѣ жаль! Онъ не зоветъ меня. Онъ не можетъ звать. Онъ считаетъ себя не въ правѣ разрушить мою „блаженную жизнь".

„Живите мирно, пишетъ онъ далѣе,—живите мирно, милое дитя, и грезьте о счастіи, если вы не считаете себя еще счастливою. Въ чемъ ваше счастье? Если въ любви—любите. Но не отдавайте вашего сердца золотой посредственности, которая изсушитъ его, измотаетъ и не дастъ ему удовлетворенія. Умѣйте сдѣлать выборъ. И если хотите отдать свое сердце, отдайте его все безъ изъятія, не оставляя для себя ни самомалѣйшаго кусочка. Я говорю это одинаково о человѣкѣ и о дѣлѣ. Да, дитя мое, не одному человѣку можно отдать свою душу, но и дѣлу, идеѣ. Вы сотканы изъ хорошаго матеріала, и я не удивлюсь, если идея увлечетъ васъ. На всякое хорошее, разумное дѣло я благословляю милую дѣвушку. Умѣйте любить и отдаться любви своей. милая Наталья Сергѣевна... А намъ, старикамъ, пора на покой. Тяжело признаться, но разбиты силы, не работается больше. Помните, я мечталъ окончить свой трудъ,—вотъ онъ лежитъ передо мною, а я... я пишу вамъ. Пора оставить мечты, пора на покой, не правда ли?"

Нѣтъ, не правда! Зачѣмъ говорить тебѣ о старости, ты полонъ силъ!.. Читая послѣднія слова его письма, мнѣ почему-то пришелъ на умъ нашъ Гагинскій садъ, можетъ-быть потому, что

сегодня утромъ я была тамъ. Это бывшая помѣщичья усадьба когда-то купленная моимъ отцомъ. Домъ и службы давно снесены, ихъ не запомню даже въ раннемъ дѣтствѣ, но хорошо помню ямы погребовъ и подваловъ, и остатки кирпичнаго фундамента. Теперь ямы почти всѣ сравнялись, кирпичи исчезли, нѣтъ слѣдовъ старой усадьбы, только садъ уцѣлѣлъ. Разрослись на свободѣ старые вязы, клены и липы, могуче раскидали вѣтви свои, сплелись, перепутались ими. Старыя ели кой-гдѣ стоятъ отдѣльными группами или мрачную зелень свою соединили съ яркою зеленью березы, разросся вишнякъ въ непроницаемую гущу, перепутался съ кустами бузины, сирени, рябины и все заплела цѣпкая малина. Люблю я Гагинскій садъ весной, когда въ непроницаемой тѣни вѣковыхъ деревьевъ зацвѣтутъ ландыши, люблю когда цвѣтетъ вишнякъ, и устарѣлыя, одичалыя яблони, уцѣлѣвшія на свѣтлозеленой лужайкѣ, покроются бѣлорозовымъ цвѣтомъ. Люблю притаиться гдѣ-нибудь въ тѣни, смотрѣть сквозь листву на синее торжественное весеннее небо, слушать шелестъ травы, жужжанье пчелъ, хлопотливое карканье грачей. Слышишь, чувствуешь, какъ все живетъ вокругъ тебя, стремится къ жизни, къ наслажденію. Хорошъ весной нашъ Гагинскій садъ!.. Но еще больше люблю его осенью. Какъ нарядепъ онъ съ этою золотою листвой широколиственныхъ кленовъ, перемѣшанный съ сѣроватою зеленью березки и темной ели. Какъ красива темнопурпуровая листва могучаго вяза. Какъ прозрачно, но блѣдно небо надъ ними. Какъ тихо, какъ замерло все кругомъ. Предчувствуешь скорый конецъ этой красоты, но тѣмъ дороже она, тѣмъ болѣзненнѣе сжимается сердце по ней. Поднимается вѣтеръ и завтра можетъ-быть облетитъ пурпуровый нарядъ моего чуднаго вяза... Да, облетитъ, мой милый... Но вѣдь опять придетъ весна, опять оживетъ природа и опять пробьются листья на моемъ вязѣ и затрепещутъ. . Такъ и ты, пройдутъ дни печали, безсилья и опять оживешь, опять зароится мысль, закипитъ работа. Жди весны, мой милый!

XI.

22 сентября. Только что вчера вечеромъ сошла я въ гостиную, какъ на встрѣчу мнѣ поднялся Агасферъ. Этимъ прозвищемъ окрестила тетя Женя сосѣда нашего Николая Дмитріевича Миклина, человѣка замѣчательно хорошаго и добраго, но носящаго

страшно мрачную физіономію. Кромѣ дикой физіономіи съ нависшими надъ глазами бровями, Миклина не въ чемъ укорить. Онъ прекрасный сынъ, братъ, образцовый помѣщикъ, безкорыстный труженикъ на поприщѣ науки. Докторъ медицины по профессіи, онъ не практикуетъ за деньги и лѣчитъ бѣдныхъ даромъ.

Имѣя средства къ существованію, онъ всецѣло посвятилъ себя наукѣ, которой и предается со страстью, не забывая людей, его окружающихъ. Агасферъ, однимъ словомъ, не человѣкъ, а идеалъ человѣка. Но я бы желала, чтобъ онъ былъ менѣе добродѣтеленъ, право скучно иногда имѣть дѣло съ такою прокислою добродѣтелью, постоянно чувствуешь себя въ чемъ-то виноватымъ.

Какъ я сказала, Миклины наши ближайшіе сосѣди и годъ тому назадъ Агасферъ очень часто посѣщалъ насъ. Несмотря на мрачный его видъ, я разгадала его добродушіе и хотя мнѣ не было съ нимъ весело, но мы, казалось, были добрыми друзьями. Онъ училъ меня лѣчить простыми средствами крестьянъ, указывая цѣлебныя травы—онъ былъ ботаникомъ по преимуществу. И однажды, разсказывая мнѣ устройство одного цвѣтка, вдругъ прервалъ себя и неожиданно признался мнѣ въ любви.

Признаюсь я пожалѣла, что не люблю и не могу любить этого слишкомъ добродѣтельнаго человѣка.

— Вы слишкомъ хороши для меня, сказала я,—я не люблю васъ.

Онъ былъ смущенъ, огорченъ больше, чѣмъ хотѣлъ это показать.

— Я можетъ-быть дѣйствовалъ слишкомъ нахрапомъ, Наталья Сергѣевна, слишкомъ васъ озадачилъ, вы не ожидали. Ради Бога подумайте, я не тороплю, времени впереди много, я буду ждать.

— Къ сожалѣнію, мнѣ нечего думать, я уже сказала, что не люблю васъ.

Онъ молча довелъ меня до дому и, простившись со мною, пошелъ прощаться съ матушкой.

— Что̀ съ Агасферомъ? спросила мама, ничего никогда не замѣчавшая,—онъ чѣмъ-то очень ра̀зстроенъ, и онъ совсѣмъ простился, онъ куда-то уѣзжаетъ.

И дѣйствительно мы не видали его больше, онъ уѣхалъ. А вслѣдъ за нимъ вскорѣ и сестры его переѣхали въ Петербургъ и въ нынѣшнѐмъ году пріѣзжали въ іюнѣ на очень короткій срокъ, онъ же совсѣмъ не пріѣзжалъ.

Появленіе въ настоящую минуту Агасфера удивило меня и обрадовало.

— Какъ же это, мама, вы не послали мнѣ сказать, что Николай Дмитріевичъ здѣсь, укорила я мать.

— Онъ только что вошелъ, душа моя.

Ему очевидно доставила удовольствіе моя привѣтливость, къ которой онъ не былъ пріученъ. Глаза его улыбались изъ-подъ черныхъ нависшихъ бровей.

— Ничего, успѣли бы повидаться, говорилъ онъ, до боли стискивая мнѣ руку.

— Когда же пріѣхали? откуда?

— Вотъ сейчасъ только разсказывалъ Татьянѣ и Евгеніи Семеновнамъ о своемъ путешествіи...

— Въ Самару я ѣздилъ, Наталья Сергѣевна, въ Самару-съ. Тутъ не хорошо, голодуха, поди, къ февралю окажется, а тамъ и теперь капутъ, и теперь съ лебедой хлѣбъ ѣдятъ. Не хорошо, не хорошо, Наталья Сергѣевна! И онъ началъ разсказывать о народномъ бѣдствіи, о которомъ въ нашихъ краяхъ, несмотря на нынѣшній, какъ казалось намъ, неурожай, мы не имѣли понятія. Я чувствовала, что блѣднѣю.

— Да ужь теперь, съ этой поры болѣть началъ народъ, вотъ что̀ скверно-то! Вотъ соберусь съ силами, хлѣбъ здѣсь продамъ и опять туда....

— Что̀ же вы будете тамъ дѣлать?

Онъ усмѣхнулся.

— Какъ сказать? еще и самъ не знаю, дѣло во всякомъ случаѣ найдется, нельзя же оставлять умирать народъ, субсидій слишкомъ мало, надо прибѣгнуть къ частной благотворительности, организовать что-нибудь. Нужна энергія, люди нужны, Наталья Сергѣевна, а ихъ-то вѣдь и мало!

Я посмотрѣла на него въ упоръ. А что̀ если слова письма Павла Александровича не что̀ иное, какъ предсказаніе, что если пойти на это невѣдомое, но во всякомъ случаѣ благое, дѣло подъ руководствомъ Агасфера?

— Что̀ же, спросила я,—и женщины нужны вамъ?

— Еще бы не нужны! Во многихъ случаяхъ женщины добросовѣстнѣе насъ, выносливѣе, исполнительнѣе. Женщины—это великое дѣло, Наталья Сергѣевна!

— Ужь не хочешь ли ты ѣхать въ эту самую Самарскую губернію? испуганно воскликнула мама.

— Я ничего не говорю, только спрашиваю.

— Что-жь подъ моимъ руководствомъ это не было бы страшно, Татьяна Семеновна.

— На васъ, конечно, батюшка, положиться можно, вы человѣкъ солидный, стойкій, столпъ каменный, ну а все же отпустить такъ дочь...

На этомъ разговоръ прервался и немного погодя я должна была пойти на верхъ за какою-то работой для мамы.

— Я къ вамъ, услышала я съ низу голосъ Агасфера.—Можно? Еще съ прошлаго года, когда у меня было воспаленіе въ легкомъ и онъ навѣщалъ меня, какъ докторъ, еще съ того времени онъ усвоилъ привычку ходить ко мнѣ на верхъ, хотя мама нѣсколько разъ шутя говорила ему, что это неприлично.

— Подумайте-ка серьезно объ этомъ дѣлѣ, Наталья Сергѣевна, говорилъ онъ входя и нагибаясь въ двери,—право, хорошее дѣло! Можно истинную пользу принести. Конечно, сейчасъ я бы васъ не взялъ, а потомъ, вглядѣвшись, рѣшивъ какъ надо дѣйствовать, я бы съ восторгомъ пріѣхалъ за вами.

— Да, конечно, я знаю...

— Вамъ дѣло надо найти, что̀ такъ-то жить, небо коптить. Вотъ Татьяна Сергѣевна замужъ вышла, и хорошо, право, сдѣлала, дѣтей будетъ няньчить, мужа ублажать, а вы нѣтъ, разборчивы, такъ къ дѣлу какому пристроивайтесь, такъ-то!

Вдругъ онъ спохватился.

— Вы не думайте, что я со своекорыстною цѣлью—Боже избави! Я давно забылъ эти, свои прошлогоднія глупости и васъ прошу забыть. Такъ, пустяки лѣзли въ голову, отъ нечего дѣлать.

— Благодарю за откровенное признаніе, сказала я смѣясь.

Онъ удивился моему смѣху.

— Вѣрно вамъ говорю, иначе бы не пошелъ въ ваше Бахмачеево, не прилѣзъ бы къ вамъ на верхъ. То чувство, противное чувство, отнимающее энергію; человѣкъ въ плѣну и не отвѣчаетъ за свои поступки, а теперь, слава тебѣ Господи, я свободенъ, и онъ тряхнулъ своею кудлатою головой, и зову васъ безъ задней какой цѣли. Зову не для себя, а для васъ и для дѣла.

Хорошій человѣкъ Агасферъ, слова его нѣсколько грубы, но какъ правдивы, честны! Сегодня же напишу Павлу Александровичу, посмотримъ, что̀ скажетъ онъ, одобритъ ли нашъ планъ.

29 сентября. Погода стоитъ превосходная, послѣ нѣсколькихъ дождей въ августѣ, опять засуха, но дни чудные! Агасферъ не

уѣзжалъ еще, онъ молотитъ рожь и лѣчитъ народъ, который бредетъ къ нему цѣлыми массами. По вечерамъ приходитъ къ намъ „чайку попить". Онъ гораздо разговорчивѣе прошлогодняго, у насъ вѣчно съ нимъ споры.

Бѣдная мама мечтаетъ соединить насъ брачными узами. она даже соглашается отправить меня съ нимъ въ Самарскую губернію. А онъ, дѣйствительно, забылъ „свои прошлогоднія глупости", онъ меня, кажется, и за женщину-то не считаетъ, даже досадно. Не будь я поглощена своимъ чувствомъ, я бы стала кокетничать. А отъ Павла Александровича нѣтъ отвѣта, вѣроятно, онъ уѣхалъ, и письмо мое попало въ руки прекрасной супруги. Не думаю, чтобъ она стала съ нимъ церемониться.

3 октября. Наконецъ-то письмо отъ него. Его не было въ Петербургѣ, а письмо мое ждало его тамъ.

„Что̀ за милая нелѣпость, пишетъ онъ,—этотъ вашъ Самарскій планъ? Куда? Зачѣмъ? въ какую такую Самару? Кого спасать и, главное, какъ спасать, милая барышня? Какъ это свѣжо, юно, прекрасно и какъ нелѣпо! Что̀ это за личность вашъ Агасферъ, подавшій вамъ такую блестящую, геніальную идею? Въ вашемъ описаніи онъ выходитъ настоящимъ героемъ. Я боюсь только, какъ бы этотъ герой не имѣлъ своей личной маленькой цѣли, приглашая васъ въ Самару кого-то спасать. Вѣдь онъ не женатъ. этотъ, вашъ вѣчный жидъ, и хорошенькая пылкая сосѣдка очень нравится ему? угадалъ? Что̀ же, сочетайтесь узами брака, надѣньте на себя вериги. отдайте вашу молодость, вашу волю этому жиду... но не говорите мнѣ о какой-то нелѣпой Самарѣ. Если я писалъ вамъ о дѣлѣ, то не о такомъ. увѣряю васъ. Дѣло вокругъ насъ, сто́итъ только присмотрѣться. Вотъ пріѣзжайте въ Петербургъ, и мы поговоримъ. Но я не смѣю мечтать объ этомъ счастьѣ. Неужели я увижу опять эти чудесные глаза, услышу этотъ голосъ. Нѣтъ, лучше не пріѣзжайте смущать насъ, оставайтесь съ вашимъ Агасферомъ; у него, какъ видно, крѣпкіе нервы, у этого героя. Я не смѣюсь надъ нимъ, нѣтъ. Будьте счастливы, если можете, милое дитя! А намъ предоставьте болѣть, терзаться, изнывать въ одиночествѣ. Есть поколѣніе, есть люди, мое дитя, которые не смѣютъ мечтать ни о чемъ другомъ, кромѣ одиночества Насъ перестаютъ понимать, мы отщепенцы. Насъ не приплетаетъ ни старое поколѣніе, ни новое. мы стоимъ на рубежѣ... Еще женщины могутъ сочувствовать намъ, но у женщины свои заботы, свои большіе и маленькіе Агасферы..."

— Вотъ это ужь и не хорошо, Павелъ Александровичъ, вы приплетаете Агасфера ни къ селу, ни къ городу, позвольте вамъ замѣтить.

„Я шучу, милая барышня, пишетъ онъ дальше,—я не вѣрю, чтобы вы увлеклись этимъ жидомъ, но надо же мнѣ излить свою желчь, вѣдь я вамъ говорилъ, что я боленъ, золъ, измученъ физически и нравственно, ни слова на бумагѣ, а живую рѣчь, вашъ голосъ хотѣлъ бы я слышать, это былъ бы цѣлительный бальзамъ, но прощайте, прощайте, я не зову васъ"... На этомъ онъ обрываетъ письмо.

И я хочу тебя видѣть! Я люблю тебя и мы увидимся, мой милый!

XII.

6 октября. Какъ нарочно, Агасферъ опять началъ разговоръ о Самарѣ.

— Я собираюсь, ну, а какъ же насчетъ того, пріѣзжать за вами?..

— Это еще видно будетъ, Николай Дмитріевичъ. Вы знаете, вся эта Самара, съ ея голодомъ, кажется мнѣ теперь какою-то странною. Я не совсѣмъ вѣрю...

Онъ свиснулъ.

— Не ѣдете, значитъ, такъ бы прямо и говорили. Силенки, значитъ не хватило. Ну-съ, прощайте, Наталья Сергѣевна! Мы не измѣняемъ своему слову и отправляемся. Прощайте.

9 октября. Сегодня уѣхалъ Агасферъ. И его отъѣздъ очень смутилъ моихъ старухъ.

И онъ ничего не говорилъ тебѣ? спрашиваютъ онѣ меня поочередно.

— Ничего.

— Не можетъ этого быть, никогда не повѣрю.

— Ходилъ, ходилъ, чай пилъ, на верхъ изволилъ шляться, вмѣстѣ бабъ лѣчили, въ Самару съ собой звалъ...

— А вы бы, мама, отпустили?

— Почему же съ женихомъ не отпустить!

— Но я ему и не нравлюсь даже, мама.

— Разсказывай, матушка, разсказывай! Ужь навѣрное твои тутъ штуки!

Дядя пріѣхалъ, тоже спрашиваетъ:

— А Агасферъ-то, говорятъ, уѣхалъ?

— Уѣхалъ, дядя.

— Что-жъ, небось, не нравится? Не по вкусу пришелся, больно прямъ, честенъ, человѣкъ больно хорошій, вамъ бы щелкоперовъ, въ родѣ, какъ бишь его, этого родственника, что зубы заговариваетъ, а Агасферъ больно хорошъ для васъ, бабья! Какъ ему не отказать!

— Да, дядя, поймите, я не нравлюсь ему, онъ и не думаетъ обо мнѣ.

— Разсказывай, матушка!..

11 октября. Погода еще не портится, но какая тоска, тоска. Выйду въ березовую аллею, пройдусь, думая о немъ, березы стоятъ голыя, желтый листъ шуршитъ подъ ногами, пройду въ Гагинскій садъ, тамъ тоже листья облетѣли, грачиныя гнѣзда пусты, ими, кажется, воспользовались ужь воробьи на зимовку, только ихъ чириканье и раздается по саду, значитъ устраиваются на зимнія квартиры. Всѣ устраиваются, только я не могу найти себѣ мѣста. Въ огородѣ прекратилась дѣятельность, уныло стоятъ на грядахъ однѣ кочерыжки. Скука, тоска! Работать не хочется, не хочется читать, къ дневнику не тянетъ. О чемъ, собственно, писать? Люблю, люблю!.. Нѣтъ такъ нельзя, чѣмъ-нибудь да надо это кончить! Любовь моя растетъ!..

15 октября. Письмо отъ него, отъ 11 числа и не странно ли, онъ начинаетъ свое письмо тѣми же словами, что я свой дневникъ въ этотъ день 11 октября: „Тоска, тоска, пишетъ онъ,— куда не пойду, что̀ не примусь дѣлать—всюду тоска неотступно слѣдуетъ за мною. Съ какимъ бы восторгомъ кинулъ я тутъ все и уѣхалъ бы къ вамъ въ медвѣжій уголъ. Семейные узы, общественные узы, только, видно, смерть освободитъ отъ васъ? Господи! Какъ глупо устроенъ свѣтъ! Люди не только не смѣютъ сдѣлать то, къ чему влечетъ ихъ душа, они не смѣютъ даже говорить объ этомъ. О, какъ тяжело, какъ тяжело, милое дитя мое, моя маленькая Доротея. Но полно объ этомъ. Сегодня я былъ у вашей сестры. Они отлично устроились въ своемъ гнѣздышкѣ и счастливы, какъ двѣ, ни о чемъ не разсуждающія птицы. Таня говоритъ, что выпишетъ васъ... Возможно-ли это? Такъ мы увидимся?.. И чего я жду? Къ чему всѣ эти ожиданія! Что̀ дастъ мнѣ вашъ пріѣздъ кромѣ лишней муки? Вѣдь не посмѣетъ же милая дѣвушка разбить свѣтскія оковы, спутывающія ее. Кстати, объ оковахъ. Вотъ что̀ я открою вамъ, милый другъ мой: я

рѣшился разойтись съ женой. Эта постоянная рознь, эти упреки, это непониманіе и перетолковываніе каждаго слова, эта жизнь въ низменной средѣ дрязгъ — это невыносимо. Я предвижу, конечно, цѣлый рядъ каменій, которые посыпятся на меня за это мое рѣшеніе.

„Семнадцать лѣтъ совмѣстной жизни!.. дѣти!.. и т. п. Какъ будто черезъ семнадцать лѣтъ каторги перестаешь мечтать о свободѣ! Впрочемъ, не въ моей свободѣ тутъ дѣло. Я менѣе думаю о себѣ, чѣмъ о дѣтяхъ—лучше разъединить ихъ, но не дѣлать ихъ свидѣтелями постоянныхъ семейныхъ распрей. Я знаю, что большинство не пойметъ меня, найдутся люди, которые укорятъ въ эгоизмѣ—пускай! Я привыкъ стоять особнякомъ и принимать укоры на свою бѣдную голову—-она все вынесетъ эта сѣдая голова, которая имѣетъ смѣлость разсуждать по своему, а не по шаблону нашихъ моралистовъ. Пусть я буду одинъ. Пусть никто не посмѣетъ раздѣлить мою несчастную участь бобыля, я поступлю такъ, какъ говоритъ мнѣ совѣсть!“

Ты думаешь, что никто не посмѣетъ раздѣлить твою участь? А я? Меня ты забылъ? Твоя Наташа смѣла, оковъ для нея не существуетъ. Если я могу дать тебѣ счастье—бери его. Что̀ мнѣ слезы матери, моя репутація, я горда твоею любовью, я готова стать на крышу дома и громко крикнугь, чтобы всѣ слышали: „я люблю его“! Иду къ тебѣ, моя любовь, въ руки твои отдаю свою участь.

Меня била лихорадка, когда я писала ему это. Но въ сущности это такъ мало передаетъ то, что̀ я чувствую. Нѣтъ словъ въ языкѣ, которыя бы выразили мою любовь. Я ѣду въ Петербургъ. Къ счастью, Таня пишетъ и зоветъ меня. Но маму волнуетъ мой отъѣздъ. Она, кажется, понимаетъ, что со мною происходитъ что-то неладное. Зачѣмъ такъ скоро? говоритъ она,—дай и мнѣ собраться, но я именно этого-то и не хочу.

— Зачѣмъ же вамъ? Какъ помѣстимся мы вдвоемъ въ Таниной маленькой квартиркѣ, потомъ пріѣдете, мама.

Тетя Женя совсѣмъ удивила меня. Приходитъ сегодня ко мнѣ на верхъ, лицо въ красныхъ пятнахъ, очевидно, въ волненіи. Сѣла молча въ кресло, смотритъ, какъ я укладываюсь и вдругъ вскакиваетъ, обнимаетъ меня, у самой слезы такъ и текутъ, такъ и текутъ.

— Нѣтъ. говоритъ,—я не могу этого вынести и все, Наташа, дѣвочка моя, не ѣзди, ты губишь себя. Я вижу, знаю и все...

Переписка эта, бѣдная сестра не знаетъ, жаль ей открыть глаза, Наташенька, не ѣзди, не губи себя!

Признаюсь, слезы тети Жени трогаютъ меня.

— Тетичка, милая моя, говорю я,—все это ваше воображеніе. Ничего опаснаго въ моей перепискѣ нѣтъ. Не смущайте, пожалуста, маму. Говорю, а самой такъ и хочется крикнуть: люблю его, ѣду къ нему. Дѣлайте, что̀ хотите, вы не удержите меня.

XIII.

23 октября. Я въ Петербургѣ. Тетя, къ счастью, не шепнула своихъ опасеній матери. Обѣ мои старушки хотѣли, было, прибѣгнуть къ авторитету дяди, чтобъ удержать меня въ деревнѣ, но дядя, къ счастью, былъ въ отлучкѣ, и я безпрепятственно могла выѣхать. Все, какъ нарочно, устроилось для меня отлично, такъ какъ въ Петербургъ ѣхала одна сосѣдка наша, старушка Алферова, и мама спокойно отпустила меня, поручивъ ея покровительству.

Сестра меня встрѣтила на вокзалѣ, выѣхала вслѣдствіе моей телеграммы изъ Твери. Лицо смущенное.

— Что̀ такое случилось? спрашиваетъ.—Зачѣмъ ты пріѣхала?

— Да ты звала, говорю.

— Только-то! Ну, очень рада, не ожидала, что такъ скоро исполнишь мою просьбу; у меня и комната тебѣ еще не готова, но очень, очень рада. А то мы, было, испугались съ Гришей, думали что-нибудь случилось... Онъ на службѣ, но скоро вернется. Давай же поцѣлуемся хорошенько. Какъ я рада! Таня очень похорошѣла и такая элегантная, я около нея буду совсѣмъ замарашкой.

— Ну, ѣдемъ, ѣдемъ скорѣй, увидишь, какъ хорошо у насъ. Мы здѣсь недалеко—на Надеждинской.

Дорогой я спрашиваю о Павлѣ Александровичѣ.

— Какже, видаемъ, сегодня хотѣлъ зайти ко мнѣ утромъ, въ отсутствіе мужа.

— О моей телеграммѣ не знаетъ?

— Нѣтъ, не успѣли еще сообщить.

— Ну, пожалуста, сдѣлай мнѣ удовольствіе: когда придетъ, не говори, что я пріѣхала.

— Хочешь сдѣлать сюрпризъ своему другу? Удивляюсь я этой

вашей дружбѣ! И когда успѣли такъ подружиться, и знакомство-то всего нѣсколько дней.

Вотъ ужь и Таня начинаетъ читать мораль. Но я только улыбаюсь, все это надо было предвидѣть. И все это мнѣ все равно, я слишкомъ его люблю.

Не успѣла я нѣсколько привести себя въ порядокъ, какъ послышался звонокъ.

— Это, вѣроятно, Павелъ Александровичъ, сказала Таня,— для Гриши слишкомъ еще рано.

— Смотри же, Таня, не выдавай меня.

— Хорошо, хорошо.

Она вышла въ гостиную, а я съ замираніемъ сердца осталась въ спальнѣ, прислушиваясь.

Да, это онъ, его походка, его голосъ. Онъ справляется обо мнѣ, нѣтъ ли отъ меня писемъ. О, милый мой! о, милый!..

Онъ не успѣлъ еще сѣсть, а я ужь не вытерпѣла и встала въ дверяхъ. Увидавъ меня, онъ поблѣднѣлъ и пошатнулся.

— Вы! воскликнулъ онъ.

— Сюрпризъ, кажется, удался, сказала Таня.

Да, удался болѣе, чѣмъ я хотѣла; онъ былъ такъ смущенъ, растерянъ, что я даже не могла угадать, насколько онъ радъ.

— Когда же? спрашивалъ онъ, точно оробѣвъ.

— Съ почтовымъ поѣздомъ.

— Ахъ да, съ почтовымъ. Ну, и надолго?.. Надо посмотрѣть Петербургъ, Наталья Сергѣевна!

Наконецъ Таня догадалась выдти, чтобы приготовить что-то такое къ завтраку.

— Ты радъ? спросила я, протягивая ему руки, впервые говоря ему „ты“.

— Само собою радъ, отвѣчалъ онъ, чуть-чуть притрогиваясь къ моей рукѣ.—Но, ради Бога, не выдай себя, глаза твои такъ выразительны .. Я боюсь... боюсь за тебя, моя героиня, дитя мое милое, неразумное!

Онъ опять становился самимъ собою, нѣжнымъ, любящимъ.

— Я ничего и никого не боюсь, сказала я,—когда ты со мною... Ты расходишься съ... съ нею?

Онъ перемѣнился въ лицѣ.

— Да, конечно... но такъ много еще невыясненнаго... погоди говорить объ этомъ... Ты получила мое письмо?

— Отъ 11 октября?

— Нѣтъ, позднѣе?

— Не получала.

— Жаль, что не пождала. Я говорилъ тамъ многое... Ну, да что подѣлаешь. Я такъ радъ видѣть моего юнаго друга...

Таня, войдя, помѣшала нашему объясненію. Такъ больше мы уже и не оставались наединѣ; пришелъ Гриша, и мы стали завтракать.

— Когда же мы увидимся? спросила я громко, при всѣхъ, глядя ему въ глаза, когда онъ прощался со мною. Онъ покраснѣлъ, переконфузился, какъ мальчикъ.

— Когда?.. Когда?.. Вотъ Гриша съ Татьяной Сергѣевной обѣдаютъ у насъ послѣзавтра... рожденье жены... Можетъ-быть, вы соблаговолите?.. Я пришлю жену просить васъ.

— Такъ мы будемъ праздновать рожденье вашей супруги? переспросила я.

— Да, маленькій семейный обѣдъ. До свиданія, до свиданія. И онъ поторопился уйти какъ-то неловко, на ходу размахивая рукой.

Что же это такое? Я ничего не понимаю. Расходятся и празднуютъ рожденье! Не доставало еще, чтобы день свадьбы праздновали! Я ѣхала въ такомъ восторженномъ настроеніи, я такъ много ждала отъ этой встрѣчи... Ну, и что же? Мой восторгъ обдали холодною водой, онъ не радъ мнѣ! Или я ничего не понимаю... Зоветъ меня къ женѣ, къ женщинѣ, которую я презираю, которую онъ же научилъ меня презирать. Нѣтъ, нѣтъ, я не пойду туда. О, Боже, Боже, какъ радостно было утро этого дня и какъ печаленъ день!..

Гриша съ Таней, кажется, сразу хотятъ показать мнѣ все замѣчательное въ Петербургѣ. Меня возили въ Казанскій соборъ, въ Исаакіевскій, въ Лѣтній садъ, на набережную Невы, на острова. Все это прекрасно, но мнѣ все, все равно!

24 октября. Меня опять съ утра таскали по городу. Онъ не приходилъ, не писалъ.

Когда мы возвратились, горничная передала мнѣ карточку Ольги Александровны Тулиновой съ покорнѣйшею просьбой не отказать принять приглашеніе на ихъ маленькое торжество.

Я передала карточку Танѣ.

— Я не поѣду, сказала я.

— Это почему?

— Зачѣмъ ты хочешь обидѣть Ольгу Александровну, сказалъ Гриша.—она очень, очень милая женщина.

То-то вотъ и есть, что всѣ милы, пока мы ихъ не знаемъ.

26 октября, 12 часовъ ночи. Наконецъ-то онъ прошелъ, этотъ ужасный день. Разсказывать ли? Да, да, испьемъ ужъ чашу до дна, разскажемъ все по порядку, не жалѣя себя, правдиво и искренно. Главное—будемъ правдивы.

Таня и Гриша убѣдили меня ѣхать къ Тулиновымъ; мнѣ не хотѣлось много спорить, боялась выдать себя, и я поѣхала.

„Посмотримъ, посмотримъ, каковы-то вы въ вашей семейной обстановкѣ, думала я дорогой, чувствуя какое-то раздраженіе.— Вы хотите познакомить меня съ вашею супругой, Павелъ Александровичъ, прекрасно!.. Посмотримъ.“

Въ то время, какъ мы подъѣзжали къ подъѣзду ихъ квартиры, подошла, запыхавшись, дама въ черномъ.

— Вотъ и все, сказала она, радушно здороваясь съ сестрой и Гришей.—Я такъ спѣшила, боялась, чтобы вы не опередили меня, и вдругъ, обернувшись ко мнѣ:—это хорошо, что вы пришли съ ними, Наталья Сергѣевна, большое вамъ спасибо.

На мой взглядъ недоумѣнія сестра мнѣ назвала даму.

— Ольга Александровна Тулинова; вѣдь вы не знакомы еще?

Я окинула взглядомъ его жену. Признаюсь, она совершенно не соотвѣтствовала тому представленію, что я сдѣлала о ней. Плохо одѣтая въ потертое пальто, въ старой шляпѣ, въ заштопанныхъ перчаткахъ, она все же — говорю это искренно, хотя и скрѣпя сердце — не смотрѣла тѣмъ безмятежнымъ существомъ, какимъ я себѣ ее представляла. Въ ея лицѣ не было красоты, конечно, но было много благородства. Печальные, исплаканные глаза, именно исплаканные, иначе не могу назвать эти большіе, сѣрые съ жидкимъ блескомъ, усталые глаза, съ немного воспаленными красными вѣками, казалось, испытующе осмотрѣли меня, пока мы стояли у двери. Едва мы вошли въ переднюю, какъ услышали голосъ Павла Александровича.

— Это вы, Ольга Александровна? Всегда умѣете опоздать, явиться не во-время... Безъ васъ тутъ никто ничего не знаетъ!.. Никто!

Голосъ былъ Павла Александровича, но въ этихъ капризныхъ интонаціяхъ я не узнавала его.

— Сейчасъ, сейчасъ, мой другъ, я все устрою, будь покоенъ.

И мы всѣ вчетверомъ вошли въ гостиную. Павелъ Александровичъ точно растерялся.

— Я не ожидалъ, думалъ, жена одна... И вы, Наталья Сергѣевна! Это такъ мило съ вашей стороны... Ольга Александровна, вы поблагодарили Наталью Сергѣевну?.. А вотъ и дѣти мои. Michel, Nicolas, подойдите же къ m-elle Nathalie; это вотъ старшая моя дочь Люба.

Ко мнѣ подошла высокая дѣвушка лѣтъ пятнадцати, несложившаяся, но хорошенькая, напоминающая почти въ одинаковой мѣрѣ отца и мать и потупившись стояла предо мною, изрѣдка вскидывая недружелюбный взглядъ на меня. Мнѣ было неловко. Что̀ знала эта семья относительно меня? Мнѣ казалось, что Ольга Александровна старается быть любезною, но мнѣ видѣлась затаенная злоба въ ея взглядѣ. Я сама сторонилась отъ нея, мнѣ не хотѣлось лгать ей, но вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи въ ея домѣ, пользуясь ея гостепріимствомъ, я боялась быть съ ней слишкомъ груба.

Павелъ Александровичъ былъ страненъ. Я съ удивленіемъ смотрѣла на него. Онъ вовсе не походилъ на того спокойнаго человѣка, котораго знала я въ Бахмачеевѣ. Онъ былъ нервенъ. Какъ-то, точно отъ холода теръ себѣ руки. То принимался занимать меня, какъ совершенно постороннюю даму, показывалъ альбомы, говорилъ объ оперѣ, точно торопясь все высказать. Потомъ вдругъ, замѣтивъ мой взглядъ недоумѣнья, онъ бросался въ сторону. Нѣсколько разъ онъ обращался къ женѣ:

— Однако, Ольга Александровна, долго же заставляете вы насъ ждать!

— Другъ мой, отвѣчала она, и въ ея слишкомъ мягкомъ тонѣ мнѣ слышалось притворство,—„вѣдь меня дома не было, все утро продержали въ правленіи, вырваться не могла“. И она вышла отдать приказаніе.

— Въ какомъ правленіи? спросила я тихо Гришу.

— Ольга Александровна, отвѣчалъ онъ мнѣ громко,—служитъ въ правленіи *** желѣзной дороги.

— Да, матушка, у насъ тутъ женщины-то больше мужчинъ зарабатываютъ!

— Фантазія, пожимая плечами и вставая, чтобы закурить папиросу, а больше, какъ мнѣ показалось, чтобы скрыть краску, бросившуюся ему въ лицо, сказалъ Павелъ Александровичъ,—

просто дамская фантазія. Много денегъ принесетъ въ домъ эта забава, нечего сказать, а сколько безпорядка!

— Но, папа, сказала волнуясь Любочка, нервно подергивая худенькими плечиками,—я ужь большая и вполнѣ могу замѣнить маму дома.

— Ну, да, по твоему, матушка, мать всегда права!..

А мнѣ такъ хотѣлось всѣхъ обвинить, а чтобы правъ былъ онъ, одинъ онъ, но увы, увы, онъ точно вдругъ переродился въ этой его семейной обстановкѣ, изъ кумира сталъ простымъ смертнымъ. Къ удивленію своему я смотрѣла на него критически и онъ кажется замѣчалъ это, потому что сейчасъ началъ самъ надъ собою смѣяться.

— Ахъ, барышня, въ этой милой петербургской обстановкѣ становишься такимъ нервнымъ, раздражительнымъ, себѣ противно! Ну, Люба, да иди же поторопи тамъ что-ли, я просто отъ голода бѣшусь.

Я критически смотрѣла не только на него самого, но и на обстановку гостиной; на эту трипповую мебель, ковры, бездѣлушки, на золоченые стулья вокругъ стола съ альбомами и мнѣ дѣйствительно казалось во всемъ этомъ, какъ онъ и самъ писалъ, какая-то фальшь, особенно, если сопоставить эту обстановку съ убогимъ нарядомъ Ольги Александровны. Чтò это протестъ съ ея стороны, своего рода ломанье? спрашивала я себя, чувствуя ненависть къ этой женщинѣ.

Наконецъ въ 6¼ былъ поданъ обѣдъ.

— И опоздали-то всего на ¼ часа, сказала Ольга Александровна Танѣ, ведя насъ въ столовую,—всегда въ шесть обѣдаемъ,—вотъ она мужская-то справедливость, милáя Татьяна Сергѣевна.

Таня сочувственно поцѣловала ее въ щеку. Очевидно онѣ были хорошими друзьями.

Столовая была небольшая и обстановка ея была много бѣднѣе обстановки гостиной.

— Ну, господа, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады! сказалъ Павелъ Александровичъ съ игривою, какъ мнѣ показалось, веселостью, критически въ то же время оглядывая столъ

— Зачѣмъ же это закуска подана не на особомъ столѣ, Ольга Александровна? Всегда все сдѣлаете по-мѣщански!..

Я не глядѣла на него, мнѣ было совѣстно.

Это такъ мало походило на то высокое представленіе о немъ. Неужели вліяніе этой женщины такъ сильно и такъ пагубно!

— Татьяна Сергѣевна, вы садитесь около меня, сказала Ольга Александровна.—А ты, мой другъ, обратилась она къ мужу, будь кавалеромъ Натальи Сергѣевны.

— Вы позволите? спросилъ онъ.

— Думаю позволить.

Но я не рада была, что сѣла рядомъ съ нимъ, лучше бы было сѣсть подальше; все время онъ волновался изъ-за пустяковъ. То у меня оказывался бракованный стаканъ какой-то и онъ черезъ столъ кричалъ женѣ:

— Ольга Александровна, смотрите какіе у васъ ставятъ стаканы.

— Ну, что̀ же дѣлать, говорила та,—другаго нѣтъ, возьми себѣ этотъ, а Натальѣ Сергѣевнѣ поставь хорошій.

То сердился, что не подаютъ достаточно скоро и наконецъ совсѣмъ освирѣпѣлъ, когда на отдѣльномъ маленькомъ блюдѣ ему подали кровавый бифштексъ.

— Это что̀ же такое? воскликнулъ онъ, отталкивая отъ себя блюдо.—Что̀ же на смѣхъ мнѣ подаютъ это!..

— Ахъ, милый, сказала Ольга Александровна,—успокойся пожалуста, просто по силѣ инерціи приготовила Матрена этотъ бифштексъ, отдай его; сто̀итъ ли такъ волноваться изъ-за пустяковъ!

— Да что̀ вы меня успокоиваете, какъ маленькаго, Ольга Александровна.

Въ ея тонѣ дѣйствительно слышалось какое-то превосходство, въ ея обращеніи съ нимъ было что-то напоминающее сидѣлку съ больнымъ, и я понимала, что это можетъ сердить его. Бѣдный Тулиновъ.

Таню и Гришу не смущали эти домашнія сценки, я же сидѣла, какъ на иголкахъ, боясь поднять глаза.

Послѣ обѣда, который, къ счастью, кончился-таки, мы перешли въ гостиную пить кофе и такъ какъ Ольга Александровна занялась какимъ-то разговоромъ съ Таней и Гришей, а мы остались въ сторонѣ, онъ сказалъ мнѣ:

— Вы еще не были въ моемъ кабинетѣ, дайте вашу чашку и перейдемъ туда. У меня тутъ хорошо, продолжалъ онъ, вводя меня въ обширную, устланную великолѣпнымъ ковромъ комнату, обставленную роскошно и съ большимъ вкусомъ. Это мой скитъ, куда я спасаюсь отъ семейныхъ дрязгъ.

— Довольно роскошный скитъ! сказала я, невольно припо-

мнивъ мизерную обстановку столовой и совсѣмъ уже убогую спальню Ольги Александровны съ дочерью.

— Да? слишкомъ, вы находите? Но видите, барышня милая, профессія-то у меня вѣдь такая, все на обстановкѣ держится. Онъ усадилъ меня въ мягкое кресло и самъ сѣлъ напротивъ.

— Противенъ я вамъ? спросилъ онъ съ тою своею прежнею интонаціей, которую я знала и любила. Я вижу, что противенъ, ахъ, милая, еслибы вы знали, какъ я измученъ, вы были бы снисходительней! Онъ провелъ рукой по лицу, выраженіе котораго дѣйствительно было мучительное.

То отлетѣвшее, было, чувство къ нему (да, отлетѣвшее) вдругъ вернулось; мнѣ невыразимо стало жаль его, и я черезъ столъ протянула ему руку.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказала я, будьте увѣрены, чувство мое то же.

— Милая, милая! на глаза его навернулись слезы.—Вы понимаете, что всѣ эти мелочи, эти маленькія дрязги могутъ извести человѣка! Какъ вамъ нравится это мелкое, злобное, женское чувство,—этотъ бифштексъ, который мнѣ сунули на отдѣльномъ блюдѣ, чтобы показать вамъ, какъ обо мнѣ заботятся, всякій день отдѣльный кусокъ, даже тогда, когда гости, когда вы тутъ...

— Полноте, не клевещите.

— Повѣрьте, Наталья Сергѣевна, я ее знаю, хотѣла вамъ доказать свою заботливость. И опять переходя въ свой настоящій тонъ:

— Такъ досадно, что мы заставляемъ присутствовать васъ при этихъ семейныхъ сценахъ, но скоро, скоро конецъ!.. Надо только выяснить... Дитя мое, да взгляните же на меня!..

И услыша, что кто-то всталъ въ гостиной, онъ тоже всталъ и торопливо, растерянно прибавилъ:—Ну такъ какъ же, что-жъ будетъ далѣе?.. Намъ надо видѣться, выяснить... Приходите завтра около перваго часу въ Эрмитажъ—испанская зала. Мнѣ такъ совѣстно... Но какъ же быть!.. Это вы, Татьяна Сергѣевна? пожалуйте, пожалуйте.

Вмѣстѣ съ Таней пришла и Ольга Александровна. Она не торопясь развернула свою работу и сѣла подъ лампой у маленькаго столика, какъ будто это было ея обычное мѣсто.

Какое-то скверное чувство копошилось у меня на душѣ противъ этой женщины и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было гадко на себя—это тайно-назначенное свиданіе въ Эрмитажѣ мутило меня. Я не такъ думала дѣйствовать, когда я ѣхала сюда. А вмѣстѣ съ

тѣмъ бесѣда наша вечерняя шла гладко. Ольга Александровна, казалось, совсѣмъ забыла маленькія непріятности, причиненныя ей мужемъ за обѣдомъ, часто обращалась къ нему, говоря съ другими, ссылаясь, какъ на его авторитетъ, называя его „Полей“. Онъ тоже иногда, какъ бы забывшись, называлъ ее Ольгой и ты. (Между прочимъ, наше съ нимъ „ты“ какъ-то само собою исчезло, мы опять на вы.) Всякій разъ какъ ему было что нужно—была ли то книга, разрѣзальный ножъ, портъ-сигаръ и т. п. вещь, которую онъ искалъ вокругъ себя, она, какъ будто отгадывая, что̀ ему нужно, или сама подавала или глазами указывала дѣтямъ, чтобы подали отцу.

И я почему-то подмѣчаю ловко эти мелочи, зорко присматриваюсь къ нему и точно какая-то холодная струя пробѣгаетъ между имъ и мною. Я припоминаю фразы его писемъ и сопоставляю съ дѣйствительностью... И сейчасъ же ловлю себя на своихъ гадкихъ мысляхъ, и мнѣ дѣлается противно, я ненавижу себя за эту способность все анализировать, вездѣ копаться, присматриваться, прислушиваться къ тону... Но я люблю его, я люблю его! Себя я только ненавижу, потому такъ холодно прощаюсь съ нимъ.

Что-то будетъ завтра въ Эрмитажѣ?.. Какъ что-то страшно мнѣ за него, за себя, за нашу любовь, но я люблю его, люблю, люблю!..

Предъ сномъ сестра приходитъ поболтать со мною.

— Можно къ вамъ? кричитъ и Гриша, стучась въ дверь. Это ихъ обыкновеніе всюду слѣдовать другъ за другомъ.

Я еще не раздѣвалась и охотно пускаю Гришу къ себѣ, тѣмъ болѣе, что занимаю собственный кабинетъ его, который онъ уступилъ мнѣ.

Разговоръ нашъ вертится само-собою на Тулиновыхъ.

— Какъ понравилась тебѣ, спрашивалъ Гриша (мы въ Петербургѣ перешли съ нимъ на „ты“), Ольга Александровна?

Я мычу что-то неопредѣленное.

— Она славная, говорятъ молодые супруги разомъ.

— Мужественная женщина, прибавляетъ Григорій Петровичъ отъ себя.—Нашему Павлу Александровичу, конечно, непріятно, когда начинается разговоръ объ ея службѣ въ правленіи *** желѣзной дороги, а не будь этой службы, право не знаю, что̀ бы стала дѣлать семья. Онъ слишкомъ лѣнивъ, небреженъ, его престижъ въ публикѣ давно уже палъ, требованія онъ представляетъ большія, а зарабатываетъ мало.

— Его престижъ палъ? Онъ зарабатываетъ мало? воскликнула я съ негодованіемъ,—но Тулиновъ европейская извѣстность, онъ талантъ!..

— Да, онъ талантливъ, но таланту еще мало, говоритъ Гриша съ забавною серьезностью. (Онъ очень забавенъ, этотъ Гриша, когда хочетъ казаться положительнымъ человѣкомъ въ свои двадцать пять лѣтъ съ лицомъ херувима.)—Таланту мало, надо работать, а этого-то онъ и не любитъ. А нельзя же вѣдь всегда выѣзжать на одной психологіи и трескучихъ фразахъ! Гражданскаго процесса, надъ которымъ надо поработать, онъ вести не въ состояніи. Онъ облѣнился, первые успѣхи опьянили его, и онъ такъ и замеръ на этихъ первыхъ успѣхахъ.

Я отлично вижу къ чему клонятъ Григорій и Татьяна—имъ желательно разочаровать меня въ Тулиновѣ, о, дѣти, дѣти, я понимаю васъ!

И я стараюсь не волноваться, возражая имъ. Я въ сущности понимаю, почему онъ не можетъ работать. Давленіе немилой семьи отнимаетъ у всякаго желаніе труда. Но талантъ его не изсякъ. Нѣтъ, онъ воспрянетъ. Я вдохну въ него энергію, я раздую пламя, тлѣющее въ золѣ!..

— Но что-то будетъ завтра? Что̀ скажетъ онъ мнѣ?.. Жду и боюсь этого завтра.

XIV.

27 октября. Куда же ты сегодня? спросила Таня утромъ. Признаюсь, я сконфузилась; я не придумала еще никакой лжи, и мнѣ было противно надувать сестру. И тѣмъ не менѣе я искусно надула ее, отправивъ одну покупать что-то такое въ гостиномъ дворѣ, а къ часу была уже въ Эрмитажѣ.

— Гдѣ испанская зала? спросила я швейцара прерывающимся голосомъ.

— А вотъ пожалуйте по лѣстницѣ, тамъ вамъ укажутъ.

Я поднялась по мраморнымъ ступенямъ, почти не замѣчая красоты лѣстницы.

— Испанская зала? спрашивала я,—испанская зала? Наконецъ вотъ она!

День темный, сумрачный, настоящій октябрьскій, и публики очень мало. Но глаза мои разбѣгаются; красивыя, измученныя, безобразныя лица смотрятъ на меня со стѣнъ, провожаютъ

глазами... Но гдѣ же онъ? Гдѣ найти его? Прямо противъ меня мужская фигура, его напоминающая. Онъ стоитъ предъ картиной и поправляетъ сѣдую гриву волосъ.

Вотъ онъ живо обернулся, почувствовалъ мой взглядъ. Идетъ ко мнѣ.

— Пришла, дорогая! шепчетъ онъ.—Идите же, смотрите какія прелести покажу я вамъ.

И онъ ведетъ меня сначала къ той картинѣ, предъ которой стоялъ. Это нищія дѣти Мурильо.

— Смотрите, сколько жизни въ этихъ лицахъ, какія краски!

Мы долго стоимъ предъ картиной, и онъ мнѣ разсказываетъ всю ея прелесть. Потомъ мы переходимъ къ Мадоннѣ на облакахъ. Опять длинный перечень красотъ картины. Я смотрю, слушаю и ничего не понимаю. Мы проходимъ нѣсколько залъ, останавливаясь предъ шедёврами. Онъ читаетъ мнѣ длинную лекцію по искусству. Мы сходимъ внизъ, онъ вводитъ меня въ какія-то мрачныя залы съ саркофагами. Мнѣ дѣлается страшно, мнѣ кажется, что мы съ нимъ оторваны ото всего міра, оставлены вдвоемъ.

— Насъ не могутъ запереть здѣсь? спрашиваю я.

Онъ съ улыбкой оглядываетъ и замѣчаетъ мою блѣдность.

— Вы устали, моя дорогая, дайте вашу ручку, сейчасъ мы выберемся отсюда.

Всюду бѣлый или пожелтѣлый отъ времени мраморъ, неподвижность, мертвенность, на всемъ сумракъ петербургскаго осенняго дня.

— Какъ прекрасно все это, шепчетъ онъ.

Но мнѣ страшно. И мы идемъ, идемъ... На ходу онъ цѣлуетъ мнѣ руку.

— Ну и что̀ же? спрашиваю я нерѣшительно.

— Ахъ, дайте опомниться, счастье иногда приходитъ слишкомъ неожиданно. Дайте оправиться, дорогая, ни о чемъ не думать.

— А Ольга Александровна знаетъ?

— Знаетъ... то-есть догадывается. Нельзя вдругъ объявить ей.

— Но... но... но раньше развѣ не было рѣшено?

— То-есть въ принципѣ, конечно, было... но вѣдь вы видѣли, какая она... Ахъ, звонокъ!.. Поторопимся, барышня милая, героиня моя отважная, душа прямая, честная!..

И мы торопимся къ выходу.

— Какъ же теперь? говоритъ онъ,—мнѣ съ вами нельзя... могутъ увидѣть...

— Я не боюсь.

— Но я-то боюсь... за васъ, говоритъ онъ съ нѣкоторою даже злобой и сажаетъ меня на одного извощика, а самъ садится на другаго, и, высоко поднявъ воротникъ, ѣдетъ за мною слѣдомъ.

Я физически ощущаю какую-то горечь во рту. На душѣ что-то очень смутно и скверно. Я ѣду по шумнымъ улицамъ Петербурга, и онѣ кажутся мнѣ пустыней. По временамъ я точно теряю сознаніе окружающаго, и мнѣ кажется, что этотъ человѣкъ, что̀ ѣдетъ тамъ за мною, не любимый мною, не тотъ за кѣмъ я съ радостью готова идти на перекоръ всему міру, а совершенно посторонній, чуждый мнѣ человѣкъ... Я точно засыпаю въ тяжеломъ снѣ и вдругъ бужу себя возгласомъ:—я люблю его!..

Какъ сумраченъ день, какъ тяжелъ этотъ нависшій туманъ и какъ кажется мнѣ холоденъ Павелъ Александровичъ, когда ровняется со мною на Кирочной и кланяется мнѣ. Что̀ же это такое?.. Неужели и во мнѣ что-то порвалось!.. Но что̀ же случилось такое? Вѣдь все попрежнему. Мы любимъ другъ друга и возвращаемся съ перваго любовнаго свиданія... Не хорошо!.. Я ощущаю какую-то острую боль въ груди.

— Гдѣ ты была? Что̀ съ тобой, спрашиваетъ меня Таня встрѣчая.

— Ничего со мною; была въ Эрмитажѣ.

— Съ кѣмъ?

— Съ Павломъ Александровичемъ... Тебя удивляетъ? спрашиваю я, а въ груди что-то клокочетъ, въ глазахъ темнѣетъ, мои собственныя слова возбуждаютъ меня.

Я чувствую какую-то потребность говорить, изобличить себя.

— Тебя удивляетъ? и меня тоже, но у насъ было назначено тамъ свиданіе, мы обсуждали вопросъ... вопросъ... Ты не догадалась, что мы любимъ другъ друга? Да, мы любимъ, любимъ!.. Я люблю выше мѣры! почти кричу я и начинаю хохотать и потомъ рыдать.

Зачѣмъ дѣлаю я это слишкомъ позднее признаніе Танѣ? Не для того ли, чтобъ удержать чувство, котораго мнѣ жаль? Чтобъ отрѣзать путь къ отступленію? Чего хочу я? Или я уже не владѣю собою и надо пустить себя на волю рока?..

Таня и Гриша въ ужасѣ. Они уговариваютъ меня отказаться отъ моего намѣренія. Таня плачетъ, говоритъ, что я убью мать.

Гриша сердится, утверждаетъ, что безсовѣстно разстраивать семью.

— Хорошъ и этотъ старый дуралей, восклицаетъ онъ.

— Я знаю, что убью мать, что я безсовѣстна, я знаю, что буду несчастна, но я отрѣзала себѣ всѣ пути къ отступленію... Не довольно того, что̀ я сказала Танѣ, я написала Ольгѣ Александровнѣ! Вотъ!.. Написала... Будь, что̀ будетъ!

XV.

6 ноября. Итакъ, все рѣшено. Какъ это случилось, и сама не знаю, но онъ расходится съ женой. Я этого хотѣла, я на этомъ настаивала, но рада ли этому я? не знаю, не знаю. Голова въ туманѣ, а сердце?—Сердце ничего не говоритъ.

Она не протестуетъ. Дѣло о разводѣ еще не начато, но Павелъ Александровичъ видѣлся уже со своимъ товарищемъ адвокатомъ. Таня очень жалѣетъ Ольгу Александровну и безпрестанно бѣгаетъ къ ней. Живетъ она еще на квартирѣ мужа, хотя они почти не видаются. Мама ничего не знаетъ и не узнаетъ, пока не данъ будетъ разводъ. Хотя и не совсѣмъ законный бракъ, но все же бракъ, для мамы это будетъ утѣшеніемъ. Мнѣ же, ей Богу, все равно. Я знаю, что многіе на меня показываютъ пальцами—пусть. Жаль только Тани, она очень огорчается, даже нерѣдко плачетъ. Съ Гришей мы очень en froid. Онъ не можетъ простить мнѣ моего смѣлаго поступка, это совершенно выходитъ изъ круга его пониманія. Онъ возмущенъ.

Съ Павломъ Александровичемъ видаемся всякій день, хотя, кажется, онъ очень занятъ. Наши встрѣчи имѣютъ какой-то спѣшный дѣловой характеръ. Если мы начинаемъ говорить о чувствѣ, о будущемъ счастьи, то какъ будто по обязанности, потому что такъ водится между влюбленными. Два, три слова любви и скорѣй, скорѣй кончаемъ съ этимъ. Главный предметъ нашихъ разговоровъ—жалобы на семейное положеніе Павла Александровича, Ольга Александровна съ ея придирчивостью, мелочностью—изсякъ самъ собою...

15 ноября. Сегодня было объясненіе съ Таней. Она хочетъ написать о нашемъ рѣшеніи дядѣ Петру Семеновичу, даже написала уже кажется. Гриша посовѣтовалъ ей. Какъ смѣшны эти дѣти! Они думаютъ, что дядя можетъ устрашить меня или

подѣйствовать убѣжденіями. Въ чемъ же онъ станетъ убѣждать меня? Что я взбалмошна, необузданна, не обдумываю своихъ поступковъ, что иду на несчастье, разрушая чужое гнѣздо... Ну и что̀ жь изъ этого? Въ гнѣздѣ, которое разрушаю, не было счастья, не будетъ и въ моемъ. Гдѣ вы его видали счастье-то, дядюшка!

А я рождена для несчастья—фатумъ!.. Вотъ Таня утверждаетъ, что между нами нѣтъ любви; о, съ этимъ я буду спорить!

— Ты, говоритъ, такъ же мало любишь его, какъ я китайскаго императора.

Очевидно вы не можете понять, Татьяна Сергѣевна, какъ люди, сжигающіе за собою корабли изъ-за любви своей, могутъ дѣлать это и не цѣловаться, не говорить другъ другу пошлыхъ нѣжностей!..

15-го поздно вечеромъ. Весь день ждала его, только вечеромъ прислалъ посыльнаго съ письмомъ:

„Измученъ, боленъ, врядъ ли буду въ силахъ подняться завтра. Не ждите, дорогая!“

Что̀ съ нимъ? Сильно безпокоюсь.

17 ноября. Вчера утромъ, какъ только было возможно, побѣжала къ нему.

Звоню не безъ волненія.

Съ тѣхъ поръ, какъ обѣдала въ рожденье Ольги Александровны, я не была здѣсь.

Открываетъ мнѣ дверь Люба и, какъ бы увидавъ змѣю, бросается въ сторону и оставляетъ въ передней меня одну. Я запираю дверь и скидаю верхнее платье. Появляется Ольга Александровна. Блѣдна; губы дрожатъ.

— Вамъ что̀ угодно? спрашиваетъ, не протягивая мнѣ руки.

— Павелъ Александровичъ боленъ, говорю я,—оглядывая ее съ ногъ до головы, и я пришла...

— А?.. Онъ собственно вѣдь не очень боленъ... Впрочемъ, если угодно, я спрошу.

Меня сердитъ этотъ тонъ и эта менера прямо идти къ нему, какъ будто она имѣетъ на то право, а я нѣтъ.

Черезъ минуту она опять около меня и молча указываетъ на его дверь. Жестъ презрителенъ — величавъ. Какъ она смѣетъ такъ обращаться со мною! Я прохожу не глядя на нее. Мнѣ хочется пожаловаться ему на нее, но онъ такъ желтъ, осунулся, у него такой жалкій видъ. Такъ вотъ какъ сидитъ онъ теперь въ креслѣ, одѣтый въ какой-то широкій пиджакъ, среднее между

женскою кофтой и мужскою тужуркой. (Я подозрѣваю, что Ольга Александровна сама сшила ему эту штуку!)

— Простите, говоритъ онъ, не вставая,—простите, что такъ принимаю, не могу одѣться.

— Что̀ вы, милый! Развѣ мы не свои, говорю я,—вотъ узнала, что больны и прибѣжала къ вамъ.

— Не стоило приходить, утруждать себя; что̀ я вамъ, на что̀ нуженъ? Такъ старая брюзга!

— Что̀ же это, укоръ? Чѣмъ провинилась предъ вами?

— Чѣмъ же вы можете провиниться? еслибъ и совсѣмъ не пришли, я не удивился бы.

— Да въ чемъ же вы укоряете меня?

— Вы знали вчера, что я боленъ...

— И сегодня, мой другъ, надо было много гражданскаго мужества, чтобы придти, увѣряю васъ... У васъ тутъ аргусы...

— Это жертва! восклицаетъ онъ.—благодарю! мнѣ только и остается, что принимать жертвы и благодарить. И охота вамъ компрометтировать себя, удивляюсь!

— Вы несправедливы и жестоки, говорю.

— Не жестокъ, а боленъ, измученъ. Ну простите меня, моя маленькая Доротея...

Онъ цѣлуетъ мнѣ руки и плачетъ настоящими слезами, которыя текутъ по усамъ и бородѣ. Я не люблю, когда мужчина плачетъ.

— Душа моя, простите меня, я совсѣмъ разстроенъ, это нервы, нервы! И зачѣмъ вы только пришли! Простите, простите, не буду больше. Дайте мнѣ капель.

Я такъ рада услужить ему, я бросаюсь къ стклянкѣ, которую онъ указываетъ мнѣ.

— Не та, не та, кричитъ онъ.—развѣ вы не умѣете прочесть надписи, Боже мой!

Я суюсь безъ толку отъ одной стклянки къ другой, наконецъ нападаю на настоящую.

— Пятнадцать капель... Боже мой, да вы ужъ накапали двадцатьпять, вы хотите уморить меня. Дайте я самъ... Ахъ, не могу, руки трясутся... Ну вотъ опять тридцать капель и воды нѣтъ. Намъ не обойтись безъ Ольги Александровны. Ольга Александровна! кричитъ, Ольга! да идите же.

— Павелъ Александровичъ не зовите, говорю я задыхаясь,— ради Бога, не зовите ее.

Но онъ въ своемъ эгоизмѣ не понимаетъ всей унизительности моего... нашего положенія...

Она приходитъ и капаетъ ему настоящее число капель, тутъ же гдѣ-то находитъ графинъ съ водой, не торопясь наливаетъ полрюмки и подноситъ къ его губамъ. И сдѣлавъ свое дѣло, не глядя на меня, выходитъ, оставляя впечатлѣніе чего-то убитаго, исплаканнаго, но гордаго и праваго. Я ненавижу ее.

18 ноября. Докторъ еще не выпускаетъ его. Я посѣщаю больнаго. Но вхожу съ стѣсненнымъ сердцемъ, а выходя вздыхаю съ облегченіемъ. Мы, кажется, ужь не находимъ больше, что̀ говорить. Его эгоизмъ, мелочность, болѣзненное самомнѣніе, онъ видитъ, ужь разгаданы, онъ продолжаетъ еще быть „мученикомъ идеи" (хотя какой идеи, право не знаю). Но и это скоро кончится, онъ знаетъ. А скоро, скоро мы будемъ связаны съ нимъ, перейдя черезъ трупъ этой бѣдной Ольги Александровны.

Какъ только онъ встанетъ, состоится рѣшающее свиданіе съ тѣмъ изъ его товарищей, который поведетъ это дѣло. Ахъ, хоть бы скорѣй все это кончилось!..

22 ноября. Вчера еще онъ долженъ былъ видѣться съ К., знаменитымъ присяжнымъ повѣреннымъ и прямо оттуда быть у меня, а его все нѣтъ... Еще не поздно позвать... нѣтъ, поздно, поздно...

23 ноября. И сегодня цѣлый день ждала его, хотѣла, было, написать, но не написала. Гриша съ Таней вечеромъ ѣдутъ въ театръ, я остаюсь дома. Авось онъ пріѣдетъ, надо наконецъ объясниться.

XVI.

Въ ночь съ 23 на 24. Все кончено! Мы не увидимся съ нимъ болѣе.

Съ отъѣзда Тани съ Гришей прошелъ добрый часъ, а его все не было, безпокойство мое и волненіе все расло. Я хотѣла, было, послать къ нему съ письмомъ горничную, потомъ раздумала, велѣла кликнуть извозчика и сама поѣхала къ нему.

Отворила мнѣ Ольга Александровна. Увидавъ меня, она всплеснула руками.

— Боже мой! самъ Господь васъ посылаетъ! Господи, Господи, идите, идите.

И она втащила меня въ комнату.

Руки ея дрожали, исплаканные глаза горѣли какимъ-то страннымъ блескомъ.

— Голубушка, такъ болѣе нельзя, говорила она, хватая меня за руки дрожащими руками.—Я хотѣла къ вамъ, хотѣла умолять, просить и не знала какъ... Самъ Господь васъ надоумилъ... Надо это кончить, дальше такъ нельзя, мы всѣ измучены, истерзаны...

— Конечно, надо кончить, сказала я холодно,—я и пришла затѣмъ, чтобы видѣться и переговорить съ Павломъ Александровичемъ. Пустите меня къ нему!

— Нѣтъ, нѣтъ, сказала она, хватая меня за руки.—не ходите къ нему, сначала выслушайте меня... Что̀ такое хотѣла я сказать?.. У меня было все готово и такъ ладно... и вотъ теперь забыла, говорила она, болѣзненно улыбаясь и проводя рукою по лбу съ какимъ-то полупомѣшаннымъ видомъ.—Да, что̀ бишь такое?..

И вдругъ, какъ будто вспомнивъ, она кинулась ко мнѣ и опять схватила за обѣ руки.

— Надо покончить съ этимъ, дорогая, милая, надо съ этимъ покончить. Довольно мы всѣ были несчастливы, надо покончить съ этимъ.

— Ужь объ этомъ было говорено, Ольга Александровна, сказала я, стараясь презрительно улыбнуться.—Дайте мнѣ пройти къ Павлу Александровичу.

— А, объ этомъ было говорено! съ силой воскликнула она, удерживая меня и не пуская къ двери,—но я не сказала еще вамъ, что гнусно, недостойно играть въ любовь, когда любви нѣтъ. Пора кончить эту игру, Наталья Сергѣевна, отдайте намъ миръ и спокойствіе.

— Съ удовольствіемъ, сказала я величественно (да, я была величественна), если Павелъ Александровичъ признаетъ это возможнымъ.

— А вы признаете возможнымъ, не любя, играя только въ любовь, разстроить семью? Вырвать человѣка изъ гнѣзда для чего? Что̀ у васъ общаго? Вы полюбили фантазіей, а не сердцемъ, возвели въ герои простаго, самаго простаго слабаго человѣка, но скоро увидѣли, что̀ онъ такое и разлюбили даже фантазіей. Зачѣмъ же вы продолжаете играть! Не хватаетъ мужества сознаться въ ошибкѣ?.. Но я пришла вамъ на помощь... Я прошу, умоляю, откажитесь отъ вашей фантазіи.

— Какъ вамъ угодно называть нашу любовь?

— Любовь!.. Да какъ смѣете вы называть это любовью? При первомъ маленькомъ разочарованіи, когда вы увидѣли, что онъ не то, во что̀ легкомысленно облекъ себя, ваша любовь разле-

тѣлась, какъ дымъ. Любовь. Наталья Сергѣевна, не шутка, не игра, любовь тяжелое испытаніе. Такъ же, какъ вы, дѣвушкой я полюбила въ немъ героя, но давно онъ пересталъ имъ быть, давно я знаю всѣ его недостатки и слабости, и прощаю за тѣ достоинства, которыя все же въ немъ есть... Вы ихъ не видите, этихъ достоинствъ? спросила она, замѣтивъ мою улыбку,—но они есть! Много выстрадала я за эти семнадцать лѣтъ нашей супружеской жизни, но не переставая любила и люблю, пожалуй, сильнѣе чѣмъ прежде. Въ молодости я не рѣшилась бы умолять васъ, а теперь любовь моя выше самолюбія, и я прошу...

— Но слишкомъ поздно, сказала я.—дѣло о разводѣ, вѣроятно, уже пошло, онъ видѣлся вчера еще съ адвокатомъ. И, наконецъ, онъ любитъ меня, я не могу обмануть его!

— Онъ не видался съ адвокатомъ, Наталья Сергѣевна, и онъ не любитъ васъ...

— Нѣтъ, ужь это слишкомъ, воскликнула я,—не онъ же уполномочилъ васъ сказать мнѣ это. Пустите, пустите меня!

Когда я распахнула дверь кабинета, первое мгновеніе въ полутьмѣ этой большой комнаты, освѣщенной только одною лампой подъ большимъ абажуромъ, въ первое мгновеніе я никого не видала; за его обычнымъ мѣстомъ, за письменнымъ столомъ его не было... И вдругъ я увидѣла его... Онъ сидѣлъ почти у самой двери въ гостиную, которую я сейчасъ отворила, сидѣлъ опершись въ колѣни локтями, закрывъ руками лицо.

— Такъ вы слышали, что̀ было говорено? вы все слышали? сказала я, насильственно смѣясь,—тѣмъ лучше для меня, мнѣ нечего, значитъ, говорить вамъ, супруга же ваша отлично говорила за васъ, вы слышали?!

Онъ не отнималъ рукъ отъ лица и, мнѣ показалось, еще ниже опустилъ голову.

Я чувствовала къ нему какое-то яростное презрѣніе. Мнѣ хотѣлось бы вывернуть его всего на изнанку и показать предъ нимъ всю мизерную сущность его души.

— А, такъ это была фантазія, говорила я,—ваша любовь, ваше семейное несчастіе, все одна фантазія, ваша міровая скорбь, ваше порываніе въ ширь—все, все фантазія? Зачѣмъ же мнѣ приписывать то, что̀ по преимуществу принадлежитъ вамъ, зачѣмъ меня дѣлать отвѣтственною?! Если кто игралъ недостойную игру, такъ это вы. Посмѣйте же поднять голову и посмотрѣть мнѣ въ лицо!..

А. такъ вы были несчастны съ женой! вамъ захотѣлось поиграть въ новое счастье, захотѣлось попробовать!

И я яростно припоминая мелочи, его собственныя фразы и словечки съ чисто женскою памятью и женскою способностью воспринимать слова, преподносила ихъ ему.

-- А, такъ вамъ довольно, поиграли и будетъ, вы вновь хотите возвратиться въ лоно семьи! О чемъ же завтра польются ваши рѣчи?.. Кому же вы станете проповѣдывать теперь?..

— Довольно, говорилъ онъ изрѣдка,—лежачаго не бьютъ.

— Да, довольно, довольно, прощайте. Павелъ Александровичъ! Онъ хотѣлъ было взять мою руку, но я не дала ему руки, тогда онъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ поцѣловать мое платье, но я вырвала платье и убѣжала.

Скорѣй уходить отсюда, скорѣй, скорѣй!

Въ передней я торопилась одѣваться, но руки дрожали, ноги тоже.

— Вы бы сѣли, сказала Ольга Александровна, которую я даже не замѣтила.

Я сѣла, но печальный видъ этой женщины возмутилъ меня; что̀ она хочетъ сказать этимъ печальнымъ видомъ, когда въ сердцѣ своемъ она ликуетъ.

— Вы рады? сказала я,—вы ликуете, что все сдѣлалось по-вашему?

— Да, это счастливо; для васъ счастливѣе, чѣмъ для меня, дитя мое. Все это печально, унизительно, но лучше такъ, чѣмъ иначе.

— Да, унизительно, унизительно! воскликнула я.

— А каково ему? тихо замѣтила Ольга Александровна.

Я оглянулась на нее, и вдругъ мнѣ вспомнилась его понурая фигура, жалкая, униженная въ этой полуженской кацавейкѣ, съ лицомъ, закрытымъ руками, и эти жалкіе возгласы: довольно, довольно! Я почувствовала, что блѣднѣю.

— Вотъ что̀, Ольга Александровна, сказала я вставая.—я много наговорила ему рѣзкаго... Все справедливо, все справедливо, спохватилась я, — но скажите ему, что половины вины я беру на себя... Да, да, это была игра, фантазія моя, а не любовь.

Лицо этой хорошей женщины вдругъ просвѣтлѣло.

— Ну вотъ какъ хорошо, что вы это сказали, камень сняли съ души, воскликнула она, и старику моему легче будетъ...

. . . .

Онъ конченъ, мой романъ. Всѣ теперь будутъ покойны и счастливы. — Семья Тулиновыхъ всякій годъ, можетъ-быть, будетъ праздновать этотъ день, какъ день избавленія отъ иноплеменнаго нашествія. Таня съ Гришей повеселѣютъ и возвратятъ мнѣ свою благосклонность. Мама съ тетей безпрепятственно могутъ мечтать о блестящей для меня партіи... А я, что̀ буду дѣлать я?.. По всей вѣроятности поѣду кормить голодающихъ. Не изъ-за честнаго, хорошаго порыва, какъ это было осенью, не изъ состраданья, не изъ чувства обязанности, а изъ-за того, что потерпѣла неудачу въ пошленькомъ романѣ... Стыдно!

А. В. Стернъ.

Жомино 1892 г.

СОЛОВЕЙ.

Какой соловей такъ отчетливо-звонко
  Тревожитъ дремоту мою?
И какъ онъ умѣетъ такъ вѣрно и тонко
  Отдѣлывать пѣсню свою?

Скорѣе подите, его отыщите,
  Откройте чертоги его;
Ему что̀ ни лучшаго есть, отнесите—
  Всего, что̀ захочетъ, всего...

И вѣрные слуги (какихъ ужь немного)
  Всего отнесли соловью...
Но тамъ ужь его не нашли средь чертога
  Лѣснаго,—и слышатъ: „Пою

Теперь ужь не въ вашихъ краяхъ одиноко,
  И вамъ ужь меня не найти:
И вамъ до меня не дойти такъ далеко,
  Такихъ и путей не пройти.

Пою я не ради мірскаго стяжанья,
  А все, что̀ мнѣ небо велитъ:
И звѣзды, и тучи, и вѣтра дыханье,
  И все, что̀ творитъ и живитъ.“

Н. Шепелевъ.

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДІЯ — ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

ЧИСТИЛИЩЕ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО.

(Посвящается И. Е. Гудлету.)

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Преддверіе Чистилища.—Подъемъ на первый уступъ.—Нерадивые.—Белаква.

1. Когда страданьемъ или наслажденьемъ
Охвачена одна изъ нашихъ силъ,
Душа сосредоточится настолько,
4. Что ни къ чему другому не стремится:
Вотъ гдѣ отвѣтъ противу заблужденья
О томъ, что будто нѣсколько въ насъ душъ;
7. И если видимъ мы, иль слышимъ нѣчто,
Что̀ душу привлечетъ къ себѣ вполнѣ,
Проходитъ время,—мы жь не замѣчаемъ:
10. Одной вѣдь силой дѣйствуетъ душа,
Держа съ собой другія нераздѣльно:
Онѣ какъ бы въ оковахъ,—та жь свободна.

1—12. Сущность разсужденія Данте состоитъ въ томъ, что еслибы въ человѣкѣ было нѣсколько душъ, то каждая изъ нихъ могла бы всецѣло сосредочиться на особомъ предметѣ и всѣ дѣйствовали бы съ одинаковою энергіей. Но опытъ показываетъ, что, когда человѣкъ испытываетъ страданіе или наслажденіе, онъ всецѣло сосредоточивается на одномъ только чувствѣ, все же остальное, между прочимъ время, для него какъ бы не существуетъ. Отсюда Данте выводитъ, что душа въ человѣкѣ одна, хотя силы ея и различны. При этомъ, когда дѣйствуетъ одна изъ силъ, то другія какъ бы связаны (ст. 10—12).

13. Сего имѣлъ я опытъ достовѣрный,
Когда я духу оному внималъ;
Я не замѣтилъ, какъ успѣло солнце
16. Подняться градусовъ на пятьдесятъ,
Когда пришли мы къ мѣсту, гдѣ тѣ души
Въ одинъ вскричали голосъ:—„Здѣсь вашъ путь“.—
19. Во время созрѣванья винограда
Одной терновой вѣткой поселянинъ
Нерѣдко большее запретъ отверстье,
22. Чѣмъ-то ущелье узкое, которымъ
Мой вождь и я, мы стали подыматься,
Одни, ибо толпа отъ насъ ушла.
25. Идти въ Санлео и спуститься въ Ноли,
Въ Бисмантова подняться на вершину
Легко ногами,—здѣсь летѣть лишь можно,
28. Я говорю, летѣть на легкихъ крыльяхъ
Могучаго желанья вслѣдъ тому,
Кто мнѣ свѣтилъ и подавалъ надежду.
31. Межь взломанныхъ камней мы подымались,
Они съ боковъ стѣсняли намъ дорогу
И помощь рукъ нужна была ногамъ.
34. Когда жь мы верхняго достигли края
Скалы высокой, гдѣ открыта мѣстность,
— „Учитель“—я сказалъ—„куда пойдемъ“?—
37. Онъ мнѣ въ отвѣтъ:—„Отнюдь лишь не спускайся,
Но гору вслѣдъ за мной одолѣвай,
Пока не встрѣтится надежный спутникъ“.—
40. Горы вершина побѣждала взоръ,
А склонъ ея значительно былъ круче,
Чѣмъ линія изъ полъ-квадранта къ центру.
43. И, утомленный, началъ я тогда:
— „Оборотись, взгляни, отецъ мой нѣжный,
Отстану я, коль отдохнуть не дашь мнѣ“.—

---

16. Прошло около 3 час. 20 мин. послѣ восхода солнца.

25—26. Санлео—крѣпость на горѣ, въ бывшемъ герцогствѣ Урбано. Ноли—городокъ въ Пьемонтѣ, на берегу Средиземнаго моря. Бисмантова—гора въ бывшемъ герцогствѣ Моденскомъ.

42. Квадрантъ—четверть окружности. Линія изъ полъ-квадранта къ центру изображаетъ наклонъ въ 45°.

46. — „Мой сынъ, дотолѣ довлекись“,—сказалъ онъ,
Уступъ немного выше показавъ,
Съ той стороны всю гору огибавшій.
49. Такъ ободренъ я былъ его словами,
Что собралъ силы и за нимъ поползъ,
И вотъ ужь подъ моими былъ ногами
52. Тотъ поясъ. Сѣли мы тогда здѣсь оба,
Къ востоку обратясь, отколь поднялись;
Пройденный путь вѣдь обозрѣть пріятно.
55. На берега я низкіе взглянулъ
Сперва, потомъ на солнце, удивляясь,
Что слѣва ударяло въ насъ оно.
58. Поэтъ, понявъ, что я въ недоумѣньи
Стою, глядя на колесницу свѣта,
Вступавшую межь насъ и Аквилономъ,
61. Сказалъ мнѣ:—„Еслибы Касторъ и Пòллуксъ
Сопровождали зеркало сіе,
Чтò вверхъ и внизъ лучи свои бросаетъ,
64. Ты колесо узрѣлъ бы Зодіака
Вертящимся вблизи Медвѣдицъ, лишь бы
Оно не бросило свой древній путь.
67. Какъ можетъ это быть—легко размыслить.
Вообрази лишь только, что Сіонъ
Съ горою сей стоятъ въ различныхъ точкахъ,
70. Но такъ, что горизонтъ имѣютъ общій,
А полушарья разныя,—тогда
Увидишь, что должна идти дорога,
73. Которой Фаэтонъ не могъ держаться,
Тамъ съ правой, здѣсь же съ лѣвой стороны,—
Коль со вниманіемъ слѣдилъ твой разумъ.
76. — „Учитель“,—я сказалъ, конечно, прежде
Не видѣлъ я такъ ясно, какъ теперь,
Чтò для ума казалось недоступно,
79. А именно, что средній кругъ небесъ,
Въ наукѣ называемый Экваторъ,
Всегдашняя зимы и солнца грань,

52. Поясомъ поэтъ называетъ упомянутый выше уступъ, огибавшій гору.

55. См. прим. къ ст. 1—6, II пѣсни.

61—64. Еслибы солнце было въ созвѣздіи Близнецовъ, то-есть еслибы теперь былъ май мѣсяцъ, ты видѣлъ бы солнце еще сѣвернѣе чѣмъ теперь.

82. Согласно объясненному тобою,
Отсель идетъ на сѣверъ, а Евреи
Его на знойной видятъ сторонѣ.
85. Но коль тебѣ угодно, я охотно
Узналъ бы, долго ль въ гору намъ идти:
Мой взоръ не достигаетъ до вершины."—
88. Онъ мнѣ въ отвѣтъ:—„Вотъ свойство сей горы:
Всегда въ началѣ тяжко восхожденье,—
Чѣмъ дольше путь, тѣмъ меньше утомляетъ;
91. Итакъ, когда покажется полòгой
Тебѣ гора и такъ же легокъ путь,
Какъ еслибъ плылъ ты въ лодкѣ по теченью,
94. Тогда въ концѣ ты будешь сей тропинки;
Тамъ отъ скорбей успокоенья жди.
Не отвѣчаю больше—это-жь знаю."—
97. И вотъ, когда свое онъ кончилъ слово,
Вблизи раздался голосъ:—„Можетъ-быть,
Что раньше посидѣть еще придется!"
100. При этихъ звукахъ обернувшись оба,
Налѣво мы увидѣли утесъ,
Котораго дотоль не замѣчали.
103. Мы двинулись туда; тамъ были люди,
Стоявшіе въ тѣни за тѣмъ утесомъ,
Такъ, какъ лѣнивцамъ свойственно стоять.
106. Одинъ изъ нихъ, который утомленнымъ
Казался мнѣ, сидѣлъ, обнявъ колѣни
И голову межь нихъ склонивши низко.
109. „Владыка мой любезный", —я сказалъ—
„Взгляни, вотъ этотъ—самый нерадивый,
Какъ будто лѣнь ему сестра родная."—
112. Онъ обратился къ намъ тогда и, взоръ
Немного выше бедръ поднявъ, промолвилъ:
— „Иди ты вверхъ, когда такой ты сильный!"—
115. Тогда узналъ я, кто онъ, и хотя
Усталость мнѣ дыханье ускоряла,
Я все жь къ нему пошелъ; когда жь достигъ
118. Его, онъ голову чуть-чуть приподнялъ,
Сказавъ:—„А чтò, замѣтилъ ты какъ солнце
Свой путь то держитъ съ лѣвой стороны?"—

Движеній лѣность, эта краткость рѣчи
Меня къ усмѣшкѣ легкой побудили,
Потомъ я началъ:—„За тебя, Белаква,
Не скорбно мнѣ отнынѣ, но скажи,
Зачѣмъ сидишь, проводника ты ждешь ли,
Иль прежній навыкъ одолѣлъ тебя?“—
Онъ отвѣчалъ:—„Зачѣмъ пойду я братецъ?
Къ мученіямъ меня вѣдь не допуститъ
Тотъ Ангелъ Божій, что̀ сидитъ у входа.
Угодно небу, чтобы я скитался,
Сколь долго жилъ, за то что до конца
Я отлагалъ благія воздыханья.
Молитва помогла бы мнѣ того,
Чье сердце благодатно; отъ другой же
Вѣдь пользы нѣтъ, ея не слышатъ въ небѣ.“—
Но вотъ поэтъ ужь былъ передо мною
И мнѣ сказалъ:—„Пойдемъ, ты видишь, солнце
Вступаетъ на меридіанъ, а ночь
Своей пятой коснулась ужь Марокко!“—

---

123. Белаква—Флорентинецъ, мастеръ, изготовлявшій лютни и гитары.

129. Ангелъ, охраняющій входъ въ Чистилище, гдѣ собственно и начинаются искупительныя мученія.

138. Настаетъ полдень.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Преддверіе Чистилища. — Нерадивые, погибшіе насильственною смертью. — Яковъ дель Кассеро.—Буонконте да Монтефельтро.—Піа де Толомеи.

1. Отъ тѣхъ тѣней уже я удалился
И шагъ за шагомъ шелъ я за вождемъ,
Когда, поднявши перстъ, одна вскричала:
4. — „Смотрите, кажется, что лучъ не свѣтитъ
Налѣво отъ того, который ниже
Идетъ и выступаетъ какъ живой“—
7. При звукѣ этихъ словъ я обернулся
И видѣлъ: на меня, всѣ на меня
Глядятъ, дивясь, что свѣтъ я заграждаю.
10. — „Чѣмъ это духъ твой такъ упорно занятъ“—
Сказалъ учитель—„что ты шагъ замедлилъ?
Твое ли дѣло—то, о чемъ здѣсь шепчатъ?
13. Иди за мной, оставь ихъ говорить,
Подобься башнѣ крѣпкой, чья вершина
Не рухнется отъ дуновенья вѣтровъ.
16. Тотъ удаляется всегда отъ цѣли,
Въ комъ, словно ключъ, бѣжитъ за мыслью мысль,
Одна другой движенья замедляя.“—
19. Что̀ могъ отвѣтить я, какъ лишь:—„Иду“—
Такъ я сказалъ, слегка покрывшись краской,
Что̀ иногда заслужитъ намъ прощенье.
22. Межь тѣмъ, опережая насъ немного,
Вдоль по уступу двигалась толпа,
Стихъ за стихомъ поюще *Miserere.*
25. Когда жь замѣтили въ толпѣ, что тѣломъ
Не пропускаю я лучей, то пѣнье
Вдругъ замѣнилось долгимъ, хриплымъ: О!
28. И двое изъ толпы, какъ бы посланцы,
Навстрѣчу побѣжали къ намъ съ вопросомъ:
— „Кто вы такіе, объясните намъ?“—

24. Miserere—Начало 50 псалма: „Помилуй мя Боже, по велицѣй милости твоей.“

31. И мой учитель:—„Можете вернуться
Къ пославшимъ васъ и передать, что спутникъ
Мой истинною плотью облеченъ,
34. И коль они затѣмъ остановились
Что видятъ тѣнь его—я все повѣдалъ.
Пускай почтутъ его: онъ милъ имъ будетъ.“—
37. Я не видалъ, чтобъ паръ воспламененный
Такъ быстро прорѣзалъ ночное небо
Иль тучи въ августѣ порой вечерней,
40. Сколь быстро повернули тѣ посланцы
И съ остальными снова къ намъ навстрѣчу
Неслись, какъ конница во весь опоръ.
43. — „Народъ сей, что̀ спѣшитъ къ намъ, многочисленъ,
Тебя проситъ идетъ онъ“—рекъ поэтъ
— „Итакъ, ступай и слушай, идя дальше.
46. Къ намъ тѣни шли, взывая:—„О душа,
Грядущая къ блаженству съ тѣмъ же тѣломъ,
Въ которомъ родилась, замедли шагъ,
49. Взгляни, кого-либо изъ насъ ты прежде
Не зрѣлъ ли, чтобы тамъ о насъ повѣдать?
Увы, зачѣмъ идешь, зачѣмъ не станешь?
52. Мы всѣ насильственной погибли смертью
И во грѣхахъ застигъ насъ часъ послѣдній;
Но свѣтъ небесъ тогда насъ озарилъ
55. И съ жизнію земною мы разстались,
Простивъ, покаясь, примирившись съ Богомъ,
Его жь узрѣть, желанье насъ томитъ.“—
58. И я:—„всмотрѣвшись въ васъ, не узнаю я
Ни одного, но коль въ угоду вамъ
Могу что̀ сдѣлать, избранные духи,
61. Скажите, и свершу я ради мира,
Ища котораго, изъ свѣта въ свѣтъ
Во слѣдъ сему вождю перехожу я“.—
64. И началъ такъ одинъ:—„Безъ клятвы каждый
Повѣритъ, что свершишь благодѣянье,
Коль не найдешь преграды въ невозможномъ.

37—39. Въ эпоху Данте полагали, что падающія звѣзды и зарницы суть вспыхнувшіе пары.

50. Тамъ—то-есть на землѣ.

64—84. Обращающійся къ Данте духъ есть Яковъ дель-Кассеро изъ Фано,

67. Итакъ, къ тебѣ я обращаюсь первый:
Молю тебя, коль ты увидишь вновь
Страну, что̀ между Карло и Романьей,
70. Благоволи просить живущихъ въ Фано,
Да молятся усерднѣй за меня,
Чтобъ отъ грѣховъ очистился я тяжкихъ.
73. Оттуда я; глубокія же раны,
Изъ коихъ вышла кровь, съ которой жилъ я,
Я получилъ на лонѣ Антиноровъ,
76. Гдѣ менѣе всего я ждалъ опасность.
Такъ Эсте повелѣлъ и гнѣвъ его
Сильнѣе былъ, чѣмъ требовало право;
79. Но еслибы, достигнувъ Оріако,
Оттуда я на Миру побѣжалъ,
Досель я былъ бы тамъ, гдѣ люди дышатъ:
82. Я бросился къ болоту, гдѣ я въ тинѣ
И въ камышахъ завязъ, упалъ и видѣлъ:
Изъ жилъ моихъ тамъ море пролилось".—
85. Тогда другой сказалъ:—„Коль то желанье,
Что̀ на гору влечетъ тебя, свершится,
О, помоги мнѣ благостью своей.
88. Я Буонконте былъ изъ Монтефельтро.
Не позаботится о мнѣ Джьованна,
Никто другой: иду съ челомъ поникшимъ".—
91. А я:—„Какой судьбой иль силой былъ ты
Отъ Кампальдино вдаль такъ увлеченъ,
Что неизвѣстно, гдѣ твоя могила?"—
94. Онъ отвѣчалъ:—„Къ подножью Казентино,
Начавшись въ Апеннинахъ, близь Скита̀,
Течетъ потокъ, названьемъ Аркіано.
97. Туда, гдѣ онъ теряетъ это имя,
Достигъ я пѣшій; раненъ былъ я въ горло
И, въ бѣгствѣ, кровью обагрялъ долину.
100. Но вотъ угасъ мой взоръ; Марія—было

убитый по приказанію маркграфа д'Эсте. Лоно Антеноровъ — область Падуи, основанной, по преданію, Троянцемъ Антеноромъ.

85—129. Буонконте да Монтефельтро — одинъ изъ гибеллинскихъ вождей, сражавшійся въ рядахъ Аретинцевъ противъ войскъ Флоренціи въ знаменитой битвѣ при Кампальдино 11 іюня 1289 г. Въ этой битвѣ участвовалъ со стороны Флорентинцевъ и Данте. Джьованна — жена Буонконте.

Моимъ послѣднимъ словомъ; я упалъ,
И тамъ одно мое осталось тѣло.
103. Разсказъ правдивый передай живущимъ.
Господень Ангелъ взялъ меня, а тотъ,
Что̀ адомъ посланъ былъ, вскричалъ: *Ужели*
106. *Небесный, за одну его слезинку*
Ты часть его безсмертную похитишь?
Ну, такъ съ другой я иначе расправлюсь!
109. Ты знаешь хорошо, какъ влажный паръ.
Сгустившись въ воздухѣ, водой прольется,
Лишь въ высотѣ его охватитъ холодъ.
112. Съ разсудкомъ сочетавши злую волю
И отъ природы силой одаренъ,
Тотъ злобный духъ поднялъ пары и вѣтеръ
115. И всю долину между Пратоманьо
И Аппениномъ онъ къ вечеру покрылъ
Туманомъ, на небѣ собралъ онъ тучи
118. И паръ сгущенный обратился въ воду.
Полился дождь, и то, что̀ не могла
Всосать земля, въ овраги устремилось;
121. И какъ притоки къ царственной рѣкѣ
Спѣшатъ, такъ понеслись неудержимо
Потоки водъ. Мой трупъ окоченѣлый
124. Бушующимъ настигнутъ Аркіано
Близъ устья былъ и въ Арно увлеченъ.
Потокъ разнялъ мнѣ руки, что̀ сложилъ я
127. На грудь крестомъ въ послѣдній мигъ страданья:
Къ брегамъ, на дно, мой трупъ онъ гналъ, вертѣлъ
И, наконецъ, занесъ и скрылъ песками.“—
130. И третій духъ сказалъ во слѣдъ второму:
— „Когда въ тотъ міръ вернешься ты опять,
Когда отъ долгой отдохнешь дороги,
133. О, вспомни обо мнѣ тогда: я Пія;
Мнѣ Сьена жизнь дала,—взяла Маремма;
То знаетъ тотъ, кто нѣкогда надѣвъ
136. Мнѣ перстень свой, со мною обручился.“

---

133. Пія де Толомеи родомъ изъ Сіены, во второмъ бракѣ съ Нелло де Панноккьески, который, заподозривъ ее въ невѣрности, а, можетъ-быть, желая вступить въ новый бракъ, отвезъ несчастную женщину въ свой замокъ въ Мареммѣ, гдѣ на его глазахъ она медленно чахла и, наконецъ, умерла отъ губительной болотной лихорадки.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Преддверіе Чистилища. — Нерадивые, погибшіе насильственною смертью. — Дѣйствительность молитвы. — Сорделло. — Обращеніе къ Италіи.

1. Игрою Цара кончивъ забавляться,
Не сходитъ съ мѣста тотъ кто проигралъ
И грустный учится метать онъ кости;
4. А съ тѣмъ, кто выигралъ, идетъ толпа,
Кто спереди, кто уцѣпится сзади,
Другой назойливо пристанетъ съ боку,
7. А онъ идетъ, внимаетъ тѣмъ и этимъ,
Иному сунетъ въ руку, чтобъ отсталъ
И тѣмъ себя отъ давки защищаетъ.
10. Таковъ былъ я въ густой толпѣ тѣней.
Смотрѣлъ туда, сюда и обѣщанья
Давалъ, чтобъ проложить себѣ дорогу.
13. Тамъ Аретинецъ былъ, лишенный жизни
Могучею рукою Гинъ ди Такко,
И тотъ, кто утонулъ во время бѣгства,
16. Здѣсь умолялъ, свои простерши руки,
Федрикъ Новелло и Пизанецъ тотъ,
Чью твердо встрѣтилъ смерть Марцукко добрый.
19. Я видѣлъ графа Орсо, видѣлъ душу

---

1. Цара—азартная и даже мошенническая игра въ кости.

13—14. Бенинказа ди Латерини, ученый юристъ изъ Ареццо въ бытность свою подестой въ Сіенѣ, приговорилъ къ смерти родственниковъ знаменитаго разбойника Гино ди Такко и былъ за это убитъ послѣднимъ. О подвигахъ Гино ди Такко есть много разсказовъ, въ которыхъ онъ изображается веселымъ, остроумнымъ и вовсе не жаднымъ и не злымъ разбойникомъ.

15. Гуечьо или Чіачьо де Тарлати, одинъ изъ гибеллинскихъ вождей, спасавшійся бѣгствомъ послѣ битвы при Кампальдино, утонулъ, переправляясь черезъ Арно.

17. Федерико Новелло, сынъ графа Гвидо Новелло, былъ убитъ въ 1291 г. Подробности его смерти неизвѣстны. — По приказанію графа Уголино былъ убитъ и долженъ былъ быть оставленъ безъ погребенія молодой Пизанецъ, сынъ Марцукко де Скорниджіани. Твердость, съ которою Марцукко перенесъ несчастье, тронула Уголино, разрѣшившаго похоронить убитаго.

19. О томъ кто былъ графъ Орсо и какъ онъ погибъ, въ точности неизвѣстно.

Того, кто, какъ сказалъ онъ, палъ невинно.
Бывъ зависти и ненависти жертвой:
22. Пьеръ де ла Бросъ, я мню. Пока жива,
Пусть это знаетъ госпожа Брабанта,
Чтобъ къ худшему не быть причтенной стаду.
25. Когда я наконецъ освободился
Отъ тѣхъ тѣней, которыя просили
Молитвъ объ ихъ скорѣйшемъ очищеньи,
28. Я началъ:—„Кажется мнѣ, свѣточъ мой,
Ты гдѣ-то отрицаешь, чтобы молитвой
Могъ измѣненъ быть неба приговоръ;
31. Но вѣдь о томъ-то сей народъ и проситъ.
Итакъ, быть-можетъ, тщетна ихъ надежда,
Иль словъ твоихъ мнѣ не понятенъ смыслъ?“
33. И онъ ко мнѣ:—„Мое писанье ясно,
Равно и ихъ надежда не обманетъ,
Коль разсудить внимательно и здраво.
37. Не умаляется верховный судъ,
Коль огнь любви въ единый мигъ исполнитъ
Что̀ совершить сюда пришедшій долженъ.
40. И гдѣ иное утверждалъ я мнѣнье
Молитвой грѣхъ искупленъ быть не могъ:
Оттоль молитва не дошла бы къ Богу.
43. Но не рѣшай столь труднаго вопроса,
Не внявши слову той, кто будетъ свѣтомъ
Межъ истиной и разумомъ твоимъ;
46. Ты понялъ ли, что мню я Беатриче?
Ее ты на вершинѣ сей горы
Счастливою и радостной увидишь“.—
49. И я:—„Владыка, двинемся скорѣе:
Теперь не устаю я такъ какъ прежде,
Межъ тѣмъ, взгляни, гора ужь тѣнь бросаетъ“.—

---

22. Пьеръ-де-ла-Бросъ, любимецъ короля Филиппа Смѣлаго (1270 — 1285), былъ казненъ по обвиненію въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ королемъ Кастильскимъ, съ которымъ Филиппъ велъ войну. Данте приписываетъ гибель Пьера проискамъ супруги короля, Маріи Брабантской, и совѣтуетъ ей покаяться при жизни, чтобы не быть осужденной на адскія мученія.

29. Разсказывая какъ тѣнь непогребеннаго Палинура умоляла Энея перевезти ее черезъ Ахеронъ, Виргилій влагаетъ въ уста Сивиллы слова: Измѣнить повелѣнья боговъ не надѣйся молитвой (Энеида, VI. 373).

52. — „Сколь можно далѣ мы пойдемъ сегодня“—
Отвѣтилъ онъ—„но положенье дѣла
Не таково, какъ ты предполагаешь.
55. И прежде чѣмъ ты будешь на верху,
Вернется тотъ, кто скрытъ горой настолько,
Что ты лучей его не заграждаешь.
58. Но видишь эту душу, что одна,
Совсѣмъ одна сидитъ, на насъ взирая,
Она укажетъ намъ кратчайшій путь.
61. Мы подошли къ ней. О, душа Ломбардца!
Какъ ты была горда и величава,
Какъ важно, тихо повела очами!
64. Ни слова не сказавъ намъ, пропустила
Она насъ мимо и взглянула такъ,
Какъ смотритъ левъ, когда онъ отдыхаетъ.
67. Виргилій къ ней однако подошелъ,
Прося намъ указать подъемъ легчайшій;
Но на вопросъ его не давъ отвѣта,
70. О нашей родинѣ она и жизни
Освѣдомилась, и любезный вождь
Мой началъ—„Мантуа“—Вся встрепенувшись,
73. Къ нему навстрѣчу устремилась тѣнь,
Сказавъ:—„о Мантуанецъ, я Сорделло,
Соотчичъ твой!“—Затѣмъ они обнялись.
76. Раба Италія, притонъ скорбей,
Корабль безъ кормчаго при грозной бурѣ,
Не госпожа земель своихъ—блудница!
79. Одинъ лишь звукъ родной заслышавъ рѣчи,
Спѣшила благородная душа
Здѣсь оказать привѣтъ согражданину;
82. А тамъ безъ войнъ не могутъ обойтись
Твои живые, тѣ грызутъ другъ друга,
Кто общимъ рвомъ и валомъ опоясанъ.
85. По берегамъ, несчастная, своимъ,
Внутри страны ты поищи, найдешь ли
Одно хоть мѣсто, гдѣ бы миръ царилъ.
88. Что̀ пользы въ томъ, что удила исправилъ

---

74. Сорделло — извѣстный трубадуръ XIV столѣтія, писавшій на провансальскомъ языкѣ.

Юстиніанъ, когда сѣдло пустуетъ:
Безъ этого вѣдь меньше бъ былъ позоръ.
91. О вы, которые должны бъ молиться,
Оставивъ Кесарю его сѣдло,
Коль вамъ понятны Божьи повелѣнья,
94. Взгляните, какъ свирѣпъ сталъ этотъ звѣрь,
Съ тѣхъ поръ какъ онъ не понукаемъ шпорой,
Съ тѣхъ поръ какъ вы схватились за узду.
97. Увы, Альбертъ Германецъ, ты виновенъ,
Что этотъ конь неукротимъ и дикъ,
Тогда какъ твой былъ долгъ его объѣздить.
100. Да ниспадетъ съ созвѣздій правый судъ
На кровь твою, да будетъ скоръ онъ, ясенъ,
Да устрашится имъ преемникъ твой!
103. Затѣмъ, что ты и твой отецъ, корыстью
За Альпами удержаны, терпѣли,
Чтобъ запустѣлъ Имперіи цвѣтникъ.
106. Приди, безпечный: видишь Капеллети,
Монтекки, Филиппески и Мональди
Тѣ—скорби полные, въ тревогѣ эти.
109. Приди взглянуть, жестокій, притѣсненье
Твоихъ родныхъ, ихъ раны исцѣли.
Взгляни какъ безопасна Сантафьора!
112. Приди, взглянуть на Римъ твой—плачетъ онъ
Осиротѣлый, день и ночь взывая:
О, Кесарь мой, зачѣмъ ты не со мной!
115. Приди взглянуть, какъ любятъ всѣ другъ друга,
И если къ намъ въ тебѣ участья нѣтъ,
Приди, чтобъ собственной стыдиться славы!
118. Дерзну ли вопросить, о вышній Богъ,
За насъ распятый на землѣ, ужели
Твой правый взоръ ты индѣ обратилъ?
121. Иль въ глубинѣ твоихъ предначертаній

---

91. Папы и вообще духовенство.

97. Альбрехтъ, сынъ Рудольфа, второй императоръ изъ дома Габсбурговъ, убитый въ 1308 году своимъ племянникомъ.

106--107. Монтекки и Капеллети—два Веронскіе рода; Филиппески и Мональди или Мональдески—два рода изъ Орвіето.

111. Сантафіора — графство въ Сіенской Мареммѣ, часто опустошавшееся разбойниками.

Ты благо нѣкое готовишь намъ,
Для нашего неясное разсудка?
124. Или затѣмъ повсюду въ городахъ
Тираны и становится Марцелломъ
Любой мужикъ, собрать съумѣвшій шайку?
127. Флоренція моя, о будь довольна:
Не о тебѣ я эту рѣчь веду!
Вѣдь твой народъ со мной единомышленъ!
130. У многихъ правда въ сердцѣ, но уста
Молчатъ, чтобъ не пустить стрѣлы напрасно:
А твой народъ весьма словоохотливъ.
133. И мало кто подъять труды правленья
Готовъ, но твой заботливый народъ,
Не спрошенный, отвѣтитъ: я согласенъ!
136. Такъ радуйся, ты радоваться вправѣ!
Вѣдь ты богата, ты мирна̀, премудра,
А правъ ли я, показываетъ дѣло.
139. И Спарта, и Аѳины, что̀ созда̀ли
Законы древніе, гражданскій строй,
По благоденствію съ тобой сравненья
142. Не выдержатъ. Свои распоряженья
Такъ тонко ты прядешь, что въ ноябрѣ
Октябрьская ужь не годится пряжа.
245. На памяти моей, какъ много разъ
Мѣняла ты законъ, монету, нравы,
И должности, и членовъ государства!
148. И коль ты вспомнишь, коль имѣешь очи,
Увидишь, какъ ты сходна съ той больною,
Что̀ истомясь въ своемъ пуховикѣ,
151. Ворочаясь, мнитъ заглушить страданья.

Александръ Саломонъ.

---

125. Марцеллъ — извѣстный сторонникъ Помпея и врагъ Юлія Цезаря.

БѢДСТВІЯ ШАЦКОЙ ПРОВИНЦІИ ВЪ 1774 ГОДУ.

(По архивнымъ документамъ.)

(Окончаніе.)

Довольно о подвигахъ шацкихъ пугачевцевъ; теперь поговоримъ о защитникахъ и предупредительныхъ мѣропріятіяхъ шацкихъ властей. Есть русская пословица: „громъ не грянетъ — мужикъ не перекрестится", выставляющая нашего мужика рабомъ близорукаго авоськи. Намъ кажется, что нѣкоторые факты современной жизни и весь общественный строй недавняго прошлаго протестуютъ противъ таковой редакціи ея и подсказываютъ поправку, настойчиво предлагая замѣнить слово мужикъ словомъ Русскій. „Авось" по душѣ всему Русскому народу.

Пугачевщина въ шацкой провинціи не была бѣдой нежданною, негаданною; напротивъ того, тревожныя вѣсти съ сосѣднихъ донскихъ степей предупреждали шацкихъ властей о грозящей опасности и вызывали необходимость чрезвычайныхъ мѣръ. Но власти не вняли этимъ отдаленнымъ раскатамъ соціальной грозы, остались при своихъ обычныхъ канцелярскихъ формальностяхъ. Когда же злодѣйскія партіи появились и въ нашей провинціи, то обнаружилось, что своевременно не было принято рѣшительно никакихъ мѣръ ни въ городахъ, ни въ селахъ для борьбы со зломъ. Даже офиціальныя сношенія между канцеляріями временно прекратились, такъ какъ бунтовщики перехватывали пакеты, пересылавшіеся обычнымъ порядкомъ съ нарочнымъ, безъ конвоя. Только тогда была сознана необходимость

въ обезпеченіи правильнаго сношенія воеводствъ между собою и передачи распоряженій высшей власти; по указамъ изъ Арзамасской канцеляріи были учреждены почтовыя станціи по тракту отъ Шацка чрезъ Темниковъ на Арзамасъ и по московскому тракту. На каждой станціи содержалось по 12 лошадей, а для охраны ея и конвоированія нарочныхъ назначались отъ канцелярій солдаты инвалидной команды.

Предупредительныя мѣры противъ развитія пугачевскаго бунта въ Шацкой провинціи исчерпываются нѣсколькими указами провинціальной канцеляріи, да посылкой секретаря Мыльникова „для развѣдыванія о Пугачевѣ". Важнѣйшій изъ указовъ, разосланный по всей провинціи для опубликованія чрезъ нарочныхъ, предписывалъ: „если гдѣ окажутся присланныя отъ разбойника, бѣглаго изъ-подъ караула донскаго казака Емельки Пугачева, подъ именемъ покойнаго императора Петра III, злодѣйскія на прельщеніе простаго народа письма, тобъ всѣ люди, коимъ оныя въ руки достанутся, немедленно объявляли въ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ, по объявленіи, оставя съ нихъ копіи для храненія за судейскою печатью, подлинныя сжигали чрезъ палача на площади, а потомъ таковыжъ копіи списавъ отправляли къ генералъ-аншефу Ал. Ил. Бибикову." Къ сожалѣнію, среди нашихъ документовъ не сохранилось ни одной копіи „злодѣйскаго письма", нѣтъ также свѣдѣній о публичномъ сожженіи таковаго, такъ что можно думать, что эта мѣра не имѣла практическихъ послѣдствій. Что до командировки Мыльникова, то надо полагать имъ на пользу дѣла было сдѣлано очень мало; изъ выданныхъ ему на прогоны 20 р. онъ израсходовалъ всего 9 р. 41 к., слѣдовательно, объѣхалъ маленькій районъ. Вообще о какихъ-либо результатахъ этой командировки архивъ пока молчитъ.

Но и въ нашей глуши нашелся уголокъ, гдѣ своевременно позаботились о мѣрахъ къ предупрежденію развитія бунта,—это Касимовскій уѣздъ. Тамошній предводитель дворянства, полковникъ Чехачевъ, человѣкъ видимо энергичный и предпріимчивый, сумѣлъ во̀время образовать пикеты для охраны города и военные отряды по уѣзду на случай появленія разбойническихъ шаекъ. При первыхъ же достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ о проникновеніи бунта въ предѣлы Шацкой провинціи, Чехачевъ составилъ изъ своихъ дворовыхъ конный отрядъ въ 30 человѣкъ, а изъ крестьянъ выбралъ болѣе надежныхъ 30 человѣкъ, которые составили отрядъ пѣхотинцевъ. Цѣль этого домашняго

ополченія была слѣдить за порядкомъ и тишиной въ его помѣстьи и деревняхъ. Обезопасивъ такимъ образомъ свою усадьбу, Чехачевъ умѣло и тактично принялся за сформированіе внутренней обороны уѣзда. Онъ убѣдилъ присутствующихъ касимовской канцеляріи въ неотложной необходимости созвать дворянъ всего уѣзда, пригласить степенныхъ головъ Касимовскаго и Елатомскаго магистратовъ, равно какъ депутата и первостепенное купечество Касимова. Это экстренное уѣздное собраніе было немедленно созвано и, благодаря убѣдительнымъ доводамъ достойнаго представителя дворянства, постановило собрать съ помѣщичьихъ крестьянъ, купечества, Татаръ и разночинцевъ, по пяти человѣкъ со ста, съ разнымъ оружіемъ. Самъ Чехачевъ раздѣлилъ представленныхъ ему ополченцевъ на двѣ группы, конницу и пѣхоту, ввѣривъ командованіе и распорядокъ въ частяхъ ополченія офицерамъ изъ дворянъ. Вошедшіе въ составъ внутренней стражи мурзы сами выбрали себѣ въ старшины деревни Коверинской мурзу Масея Яков. Девлеткильдѣева, а въ татарскихъ отрядахъ старшинами были сотникъ Царицынскаго стана Шибай Ширинскій и сотникъ Арматовскаго стана Масей Шакуловъ, выключенный впослѣдствіи за усердіе по Высочайшей корфирмаціи изъ подушнаго оклада. Общая численность отряда неизвѣстна, а мурзъ и Татаръ въ ополченіи было 150 человѣкъ. Ополченіе было въ сборѣ и боевой готовности съ 1 августа по 15 сентября и все время содержалось на собственномъ коштѣ. Раздѣленное на отдѣльные отряды, оно было распредѣлено по городу и уѣзду, одновременно исполняя обязанности наружной и тайной полиціи. Пѣхотинцы пикетами распредѣлены были по городу и размѣщены въ опредѣленныхъ пунктахъ, по селамъ, а кавалерійскіе отряды постоянно разъѣзжали по своимъ районамъ, слѣдя за порядкомъ и тишиной. По распоряженію Чехачева во всемъ Касимовскомъ уѣздѣ были уничтожены перевозы, суда затоплены; оставалась лишь одна переправа черезъ Оку близъ города Касимова, но около нея постоянно стоялъ пикетъ съ офицеромъ во главѣ, тутъ же были и пушки. Самъ предводитель жилъ безвыѣздно въ городѣ и завѣдывалъ всею системой внутренней стражи. При такомъ осмотрительномъ и цѣлесообразномъ строѣ всей системы внутренней охраны неудивительно, что возникавшія мѣстныя замѣшательства крестьянъ не могли развиться до степени открытаго возстанія. А замѣшательства были: не мало было изловлено бѣглыхъ солдатъ и освобожденныхъ колодниковъ,

которые пытались склонить обывателей къ бунту. Одинъ изъ пойманныхъ, оказавшійся касимовскимъ посадскимъ человѣкомъ Ѳед. Верзауловымъ, самъ сознался въ своемъ служеніи пугачевскому дѣлу. Онъ винился, что обще съ злодѣйскою партіей участвовалъ въ разграбленіи нѣсколькихъ помѣщичьихъ усадебъ. Ясно, что отряды ополченцевъ были и своевременны, и полезны, но тогдашняя провинціальная бюрократія, заключившаяся въ заколдованный кругъ рапортовъ да инструкцій, отнеслась крайне недоброжелательно къ предпріятію Чехачева. Какъ учредитель исключительной внутренней охраны, Чехачевъ былъ заинтересованъ въ исходатайствованіи высочайшихъ милостей участникамъ ополченія и въ такомъ духѣ дѣлалъ представленія по высшей инстанціи. У насъ нѣтъ свѣдѣній о результатахъ его стараній, но сохранилось одно журнальное постановленіе Шацкой канцеляріи, въ которомъ присутствующіе выражаютъ свой запоздалый протестъ противъ сформированія касимовскаго ополченія. Журналъ этотъ составленъ въ іюнѣ 1776 года, то-есть почти черезъ два года послѣ событія, и навѣрное по повторительному донесенію Чехачева; сдѣлавъ ссылку на то, что о заслугахъ мурзъ и Татаръ по сторожевой службѣ ни отъ кого, кромѣ самого предводителя, увѣдомленій не поступало, упомянутый журналъ съ ироніей отмѣчаетъ, что-де „городу Касимову отъ злодѣйскихъ партій никакого опасенія не было, ибо отъ тѣхъ партій далѣе Темникова злодѣйства не простирались“, и въ заключеніе постановлялъ ждать предложенія Воронежской канцеляріи о производствѣ дознанія на мѣстѣ. Касимовъ, по мнѣнію Шацкой канцеляріи, „за горами“ отъ Темникова, и когда въ окрестностяхъ послѣдняго идетъ рѣзня, тамъ нѣтъ нужды безпокоиться.

Когда стало яснымъ, что пугачевское движеніе сильно охватило нашъ край, и провинціальныя власти не могутъ съ нимъ справиться наличными гарнизонами, правительство командировало нѣсколько „казацкихъ“ командъ „для сыску и поимки“ злодѣевъ. Кромѣ ранѣе упомянутой казацкой команды полковника Архарова и поручика Переверзева, документы упоминаютъ еще о командахъ — генералъ-маіора Никиты Смирнова, секундъ-маіора Толмачева, подполковника Марина, полковника Дрейвизъ, капитановъ — Есипова, Таршенева, Шамова и Шишова, поручика Ефанова. Не имѣя подъ руками данныхъ о дѣятельности каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, приходится ограничиться общею характеристикой. Трудъ ихъ былъ тяжелый, требовавшій боль-

шаго напряженія физическихъ силъ. Имъ приходилось безъ устали разъѣзжать по городамъ и селамъ шацкой глуши, раздѣленнымъ другъ отъ друга большими пространствами лѣсовъ и пустырей. Опредѣленныхъ районовъ, такъ-сказать участковъ, командамъ не было предоставлено. Разъѣзжайте, ловите и вяжите! Объявилась шайка, напала на ея слѣдъ команда, ну, и гонится, пока не настигнетъ. Покончено съ одною, начинается погоня за другою шайкой, третьею и т. д.

Эти вѣрные слуги отечества вполнѣ заслужили добрую о себѣ память, такъ какъ, несмотря на трудность возложенной на нихъ задачи, они добросовѣстно ее выполнили; усиліями командъ шацкая пугачевщина къ декабрю мѣсяцу 1774 года была подавлена. Пользуясь безнаказанностью до прибытія военныхъ командъ, шацкіе пугачевцы, въ теченіе двухнедѣльнаго господства надъ краемъ, много разорили имѣній и награбили всякаго добра. Молва объ ихъ богатствѣ, равно какъ и о зарытыхъ ими кладахъ, долго жила въ народѣ. Прошло десять лѣтъ со времени усмиренія бунта, и вдругъ въ одинъ прекрасный день къ темниковскому канцеляристу Королькову приходитъ мѣщанинъ Чекашевъ съ двумя товарищами искать „въ саду подъ черемухой кладъ, скрытый однодворцемъ Шнякой, участвовавшимъ въ пугачевщинѣ“...

Представленная характеристика дѣятельности начальниковъ командированныхъ командъ вполнѣ исчерпываетъ значеніе большинства ихъ въ усмиреніи бунта. Но о генералъ-маіорѣ Смирновѣ архивныя лѣтописи сохранили такія данныя, которыя сильно выдвигаютъ этого дѣятеля. Мы разумѣемъ шацкое ополченіе, сформированное по инициіативѣ, плану и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ генерала Смирнова. Слѣдя за ходомъ правительственной борьбы съ пугачевщиной, Смирновъ пришелъ къ убѣжденію, что успѣху движенія много способствуетъ недостаточность правительственнаго войска, по необходимости разбитаго на небольшіе отряды для преслѣдованія отдѣльныхъ шаекъ. Собственный опытъ, какъ начальника такого отряда, вполнѣ обосновалъ его убѣжденіе въ необходимости привлечь само общество на борьбу со смутой. Агитація велась имъ умѣло и энергично, увѣнчалась успѣхомъ, жаль только запоздалымъ. По предложенію генерала Смирнова, шацкое дворянство опредѣлило собрать съ каждыхъ 300 душъ по одному человѣку и составить, такимъ образомъ, конный корпусъ внутренняго ополченія. Дворянство обязывалось на свой счетъ вооружить весь корпусъ, за-

готовлять для него порохъ и свинецъ и содержать на своемъ коштѣ, пока онъ будетъ въ дѣлѣ. Должности штабъ, оберъ и унтеръ-офицеровъ занимали дворяне, въ капралы привлекались отставные солдаты, а трубачей и барабанщиковъ предполагали взять изъ батальоновъ Воронежской губерніи. Корпусъ раздѣлялся на два отдѣленія („департамента“); одно примыкало къ войскамъ генерала Бибикова, а другое оставалось въ Шацкомъ уѣздѣ для разъѣздовъ по Хопру и Медвѣдицѣ, даже до Саратова, Петровска и Борисоглѣбска, гдѣ „бѣглыхъ и разбойниковъ болѣе 3.000 человѣкъ сыскано быть имѣетъ“. Командиромъ резервной части корпуса, по избранію дворянства, былъ назначенъ полковникъ Дороѳей Брюхатовъ, помощникомъ—секундъ-маіоръ Андрей Мосоловъ. Ополченіе въ дѣлѣ не было, потому что собралось, когда уже опасность миновала; но заслуга генерала Смирнова по его сформированію удостоилась вниманія высшаго начальства: ему было объявлено удовольствіе Сената за усердіе къ службѣ ея императорскаго величества.

О капитанѣ Шишовѣ, одномъ изъ командировъ военныхъ командъ, документы сообщаютъ крайне печальный фактъ грубаго самоуправства, который мы не вправѣ замолчать. Была ли то личная вражда, или нужда матеріальная — неизвѣстно; фактъ тотъ, что Шишовъ со своею командой внезапно напалъ на домъ однодворца села Савелокъ, Трунина, вызвалъ его черезъ казака и приказалъ своимъ подчиненнымъ взять его „на стилку“. Казаки немедленно раздѣли Трунина и били въ три плети, а капитанъ тѣмъ временемъ билъ то его, то казаковъ. Затѣмъ Шишовъ потребовалъ отъ своей несчастной жертвы десять рублей, и какъ у Трунина такой суммы не оказалось, то капитанъ увелъ у него лошадь. Нельзя не удивляться, какъ капитана терпѣла канцелярія и назначила начальникомъ отряда, судя по сохранившимся на него челобитнымъ. Изъ нихъ видно, что Шишовъ, питавшій слабость къ спиртнымъ напиткамъ, въ пьяномъ видѣ былъ непозволительно грубъ. Такъ еще въ 1769 году на него поступила жалоба священника села Сабурова, Пет. Іосифова, гдѣ въ то время стоялъ съ командой Аѳанасій Шишовъ, по командировкѣ провинціальной канцеляріи для сыску и поимки воровъ и разбойниковъ. Сколько онъ изловилъ воровъ — неизвѣстно, но совершенное имъ въ этотъ пріѣздъ безобразіе сохранилось въ архивныхъ документахъ, благодаря жалобѣ Іосифова. Потерпѣвшій священникъ фактъ этотъ излагаетъ такъ. Шишовъ

прислалъ за нимъ вечеромъ двухъ казаковъ, приглашая его къ себѣ „вино пить“, но онъ въ то время „имѣлся въ чтеніи правилъ, почему и отказался за предписаннымъ законнымъ случаемъ“. Тогда Шишовъ послалъ тѣхъ же казаковъ привести къ нему двухъ снохъ священника. Они доставили ему ихъ уже въ полночное время. Капитанъ поилъ ихъ виномъ необычно, до безпамятства; „меньшая была отпущена обратно, а бо̀льшая, Ѳедора, поневолѣ удержана и поена изъ рукъ самого капитана виномъ же и принуждаема была, чтобъ она, сноха, легла ночевать съ нимъ на постели; но мужъ ея Иванъ Петровъ пришелъ къ нему, капитану Шишову, для избавленія отъ надлежащаго ей озлобленія, гдѣ онаго мужа ея, а челобитчикова сына, били немилостиво, и потомъ задержанъ въ колодкѣ и ночевалъ подъ карауломъ, а жена въ одномъ сарафанѣ окосматившп прибѣжала въ домъ утромъ“.

Далеко не на высотѣ своего положенія оказался и другой начальникъ правительственнаго отряда для сыску и поимки злодѣевъ, подпоручикъ Николай Давыдовъ. Онъ былъ посланъ изъ Новохоперской крѣпости для преслѣдованія и поимки разбойниковъ, появившихся въ Шацкомъ и Касимовскомъ уѣздахъ. Проѣзжая чрезъ дворцовыя села Верхоценской волости, Давыдовъ бралъ взятки съѣстными припасами, виномъ и медомъ, сѣномъ и овсомъ для лошадей, дегтемъ, сбруей и деньгами. Всего онъ нахваталъ на сумму во 185 руб. 11 коп. Преступная алчность Давыдова, при тогдашней общей сумятицѣ, ставила его въ ряды пособниковъ злодѣйской пропаганды. Пугачевщина нападала на установившійся государственный строй, а уполномоченный защитникъ его представлялъ живой примѣръ притѣсненій и взяточничества.

Усмиренія бунта въ городахъ и возстановленія въ нихъ законнаго порядка легче было достигнуть тѣми летучими отрядами военной команды, которые были присланы въ Шацкую провинцію. Гораздо медленнѣе шла борьба съ пугачевщиной по уѣзднымъ мѣстожительствамъ, гдѣ отряды эти бывали лишь мимоходомъ и вся тяжесть борьбы съ бунтовщиками лежала на частныхъ смотрителяхъ. Поручая имъ трудъ, оказавшійся непосильнымъ для воеводскихъ корпорацій съ инвалидными командами, губернская власть этимъ распоряженіемъ обнаружила всю свою безпомощность. Частные смотрителя и въ обычное-то время имѣли очень мало вліянія въ своихъ вѣдомствахъ; это тѣ же

помѣщики и все ихъ полномочіе заключалось, какъ кажется, въ составленіи справочныхъ вѣдомостей по своимъ районамъ. Что они могли предпринять для подавленія соціальнаго движенія, не располагая особенною властью, не опираясь на военную силу, тѣмъ болѣе, что смута и ихъ, какъ помѣщиковъ, занесла въ списокъ своихъ жертвъ? Архивныя лѣтописи не сохранили свѣдѣній объ успѣшномъ примѣненіи указаннаго распоряженія губернской власти, но за то передаютъ много фактовъ, указывающихъ, насколько оно было несообразно съ полномочіемъ и положеніемъ частныхъ смотрителей. Привожу изъ нихъ два. Объѣзжая селенія своего вѣдомства по рѣкамъ Воронѣ и Хопру для прочтенія повторительнаго (отъ 9 августа) указа провинціальной канцеляріи, предписывавшаго ловить казаковъ изъ пугачевскихъ шаекъ и немедленно представлять въ воеводскую канцелярію, частный смотритель Парфеній Стерлиговъ замѣтилъ, что обыватели не обращали никакого вниманія на указъ, а рамзинскіе крестьяне подняли даже бунтъ въ его присутствіи и хотѣли убить его. Во всѣхъ селеніяхъ уже замѣчалось броженіе умовъ, вызванное разсѣявшимися по вѣдомству злодѣйскими партіями въ 5—6 человѣкъ, которые всюду встрѣчали сочувствіе крестьянскаго люда и помощь. Открытый бунтъ начался съ нападенія на самого Стерлигова; на домъ его въ селѣ Карай-Пущинѣ напала шайка въ шесть человѣкъ, разбила домъ, расхитила пожитки и требовала отъ дворовыхъ людей выдачи помѣщика для умерщвленія, „чтобъ онъ забылъ, какъ съ указами разъѣзжать". По донесенію Стерлигова особенно сильно взбунтовались крестьяне села Рамзы; давъ чрезъ своего священника присягу злодѣю, они составили ядро мѣстной пугачевщины. Подъ предводительствомъ отставнаго корнета Василія Васильева, шайка рамзинскихъ бунтарей разъѣзжала по окрестнымъ жительствамъ и съ большимъ успѣхомъ соблазняла обывательскіе умы. Подкрѣпившись примкнувшими къ ней злодѣйскими партіями изъ другихъ селеній, она разрушила множество помѣщичьихъ домовъ, перевѣшала владѣльцевъ, перебила много людей разнаго званія. Создалось такое положеніе, что бѣдному Стерлигову приходилось лишь свой животъ спасать, а канцеляріи продолжали предписывать: „не ожидая команды, изловить оныхъ разгласителей и тому подобныхъ злодѣевъ и выслать, куда надлежитъ, для учиненія съ ними по законамъ". Частный смотритель района жительствъ по Хопру и Медвѣдицѣ секундъ-майоръ Савва Сверч-

ковъ былъ ограбленъ бунтовщиками также въ числѣ первыхъ ихъ жертвъ. Прося въ слѣдующемъ, послѣ бунта, году о выдачѣ ему изъ шацкой канцеляріи свидѣтельства на право полученія изъ экспедиціи Нижегородскаго дворянскаго банка 500 р. заимообразно, онъ пишетъ, что пришелъ въ крайнее разореніе отъ бывшаго въ августѣ 1777 года замѣшательства: домъ его былъ сожженъ, посѣянный на 25 десятинахъ яровой хлѣбъ побитъ скотомъ и съ поля не собранъ, къ лѣту крестьянами не досѣяно 10 десятинъ. Общая сумма понесенныхъ имъ убытковъ по тому времени очень крупная, именно 2.011 руб. 45 к. Пока частные смотрители писали донесенія въ шацкую канцелярію съ просьбами о присылкѣ воинскихъ командъ „къ пресѣченію тѣхъ злодѣйскихъ партій, чтобы больше умножиться и простой подлый народъ, по разглашеніямъ тѣхъ злодѣевъ, восколебаться и въ непослушаніе придти не могъ“, а канцелярія отвѣчала на нихъ указами ловить злодѣевъ и отсылать, куда надлежитъ, бунтъ разростался безпрепятственно. Какъ часто канцеляріи и жизнь не понимаютъ другъ друга! Канцеляріи уповаютъ на магическую силу своихъ хитросплетенныхъ предписаній, а жизнь не обращаетъ на нихъ никакого вниманія, идетъ своимъ путемъ, отмахиваясь отъ нихъ, какъ африканскій путешественникъ отъ докучнаго и даже мучительнаго комара...

Возникнувъ и развиваясь при столь благопріятной обстановкѣ, шацкая пугачевщина распространила общую панику. Не поддаться ей, мужественно выступить противъ врага хватитъ духа далеко не у всякаго, а между прочимъ такое личное геройство нерѣдко обаятельно дѣйствуетъ на смущенную толпу, ободряетъ и воодушевляетъ... Лѣтописныя сказанія шацкаго архива передаютъ нѣсколько фактовъ мужества и геройства отдѣльныхъ личностей, и мы съ пріятною гордостью припоминаемъ ихъ. Къ сожалѣнію, мѣсто ихъ геройскихъ подвиговъ впослѣдствіи отошло къ сосѣдней губерніи—Пензенской. Тамбовскій край вынужденъ дѣлиться съ нею своимъ правомъ гордиться ихъ именами въ исторіи своего прошлаго. Оборона города Керенска выдвинула шацкихъ героевъ, въ лицѣ воеводскаго товарища Ивана Перскаго, пономаря Успенскаго керенскаго собора Трофима Филиппова, дьячка села Сядемки Матвѣя Павлова, „кои во время бывшаго (въ августѣ 1774 года) нападенія на Керенскъ разбойничьихъ шаекъ усердно защищали городъ съ имѣвшимися въ немъ командами и дворянами и мужественно пора-

жали злодѣевъ и бунтовщиковъ“, при оборонѣ же керенской канцеляріи обратилъ на себя вниманіе сторожъ Данилъ Макеевъ съ тремя дворовыми людьми майора Богданова; по словамъ документа, они „крѣпко“ защищали воеводскую канцелярію отъ пугачевской шайки. Перскій пожалованъ былъ чиномъ коллежскаго ассессора, служители керенской канцеляріи получили слѣдующіе чины, сторожъ Макеевъ получилъ въ награду 6 рублей, а его сподвижники по 1 руб. Филипповъ и Павловъ не получили никакихъ наградъ и даже на нѣкоторое время были удалены отъ своихъ должностей, на основаніи чьего-то доноса въ измѣнѣ. Но ихъ выручила аттестація керенской канцеляріи, на основаніи которой въ началѣ 1775 года состоялся указъ синода о предоставленіи имъ прежнихъ мѣстъ. При общей сумятицѣ, жертвы несчастнаго недоразумѣнія—явленіе обычное.

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ о законной карѣ, постигшей шацкихъ бунтовщиковъ пугачевской фирмы. Производившимся по этому дѣлу слѣдствіемъ руководилъ извѣстный вельможа генералъ-аншефъ гр. Н. И. Панинъ, которому была предоставлена конфирмація. Большинство мятежниковъ, въ силу манифеста 17 марта 1775 года, получили полное прощеніе, уличенные же въ уголовныхъ преступленіяхъ, по конфирмаціи гр. Панина, были наказаны плетьми, приведены къ присягѣ и отправлены—одни на службу въ Нарвскій пѣхотный полкъ, другіе въ Сибирь или Оренбургскую губернію. Смертной казни подверглись очень немногіе.

Еще не вполнѣ затихло народное волненіе, вызванное пугачевщиной, какъ надъ сѣверными же уѣздами Шацкаго края разразилось стихійное бѣдствіе, въ конецъ разстроившее экономическое состояніе полуразрушенныхъ селъ и деревень. То была мятель въ концѣ октября мѣсяца, пронесшаяся по Шацкому, Троицкому и Керенскому уѣздамъ. По оффиціальнымъ даннымъ въ эту мятель замерзло 72 человѣка и погибло скота: лошадей 1.795, коровъ 1.593, овецъ 2.855 и свиней 4.456 штукъ. Приведенныя цифры сами краснорѣчиво говорятъ о размѣрахъ бѣдствія, особенно если принять въ разсчетъ погромъ, произведенный въ этихъ уѣздахъ пугачевскими шайками.

Перехожу къ документальнымъ справкамъ о третьемъ бѣдствіи, постигшемъ Шацкую провинцію въ 1774 году, о сильномъ голодѣ, происшедшемъ отъ недорода хлѣбовъ. Степень голода всего ярче обрисовываютъ канцелярскія вѣдомости о недоимкахъ

подушнаго и другихъ сборовъ. Краснослободская канцелярія писала, что крестьяне всѣхъ сотенъ и селъ, дворцовые и однодворцы крайне бѣдствуютъ и, за неимѣніемъ хлѣба, питаются желудями, лебедой, орѣховыми серьгами, дубовою корой и гнилою колодой, причемъ причиной большихъ недоимокъ признавала недородъ хлѣба и разореніе селъ пугачевскими шайками. Шацкая канцелярія, указавъ на всеобщее обѣднѣніе крестьянъ и на голодъ, о причинѣ большой недоимки была того мнѣнія, что она проистекала не вслѣдствіе пугачевскаго погрома, а единственно отъ недорода хлѣба въ этомъ году. Мотивируя безуспѣшность взысканія подушнаго сбора, керенская канцелярія прибавляла: „хотя посланные и находятся по селеніямъ безвыѣздно, а рапортами показываютъ, что и взыскать въ скорости по нынѣшнему обстоятельству не можно, затѣмъ, что обыватели къ пропитанію себѣ хлѣба никакого не имѣютъ, а питаются лебедой и желудками, и отъ того помираютъ голодною смертью". Сохранилось 83 свидѣтельства секундъ-майора Свистунова, выданныя разнымъ селамъ и деревнямъ Темниковскаго уѣзда въ томъ, что ихъ обыватели отъ неурожая 1774 года и отъ бывшаго замѣшательства пришли въ крайнюю бѣдность и не могутъ платить недоимокъ. Ежели оффиціальныя данныя рисуютъ въ такихъ мрачныхъ краскахъ крестьянское житье-бытье въ тотъ злополучный годъ, то, нужно думать, положеніе было дѣйствительно критическимъ. Нельзя не пожалѣть, что въ нашемъ распоряженіи нѣтъ записокъ современниковъ, а можетъ-быть ихъ и не было; тѣ помогли бы лучше освѣтить сухой матеріалъ канцелярскихъ доношеній, оживить ихъ.

Неурожай 1774 года въ Шацкой провинціи правительственною властью былъ признанъ „совершеннымъ", и многіе бѣдняки не собрали даже и сѣмянъ для озимаго посѣва. Соціальная смута лишила ихъ зимняго заработка, поля остались незасѣянными и яровыми хлѣбами. Положеніе было безвыходнымъ, голодная смерть грозила въ близкомъ будущемъ. Признавъ фактъ голода и притомъ въ сильной степени, правительство поспѣшило придти на помощь бѣдствующему населенію предоставленіемъ заработка. Къ началу весны 1775 года къ воеводамъ мѣстностей болѣе пострадавшихъ отъ неурожая были разосланы высочайшія распоряженія немедленно начать земляныя работы вокругъ городовъ, допуская на нихъ дѣйствительно неимущихъ пропитанія и только изъ своего уѣзда. Работы состояли въ проведеніи рвовъ шириной

по дну въ $1^1/_2$ аршина, по поверхности въ 3 аршина, глубиной въ $1^1/_2$ аршина и насыпи валомъ вынутой земли около же рва. Вводились онѣ, какъ значится въ самомъ распоряженіи, „для доставленія нужду терпящимъ средства къ пропитанію и дабы они не разсѣялись по другимъ уѣздамъ". Опредѣляя точно основной смыслъ земляныхъ работъ, распоряженіе обязывало воеводъ быть крайне осмотрительными въ выборѣ рабочихъ. Имъ предписывалось лично и на мѣстѣ удостовѣриться въ дѣйствительной нуждѣ тѣхъ крестьянъ, которые будутъ намѣчены къ работамъ частными смотрителями по ихъ вѣдомствамъ.

Хотя въ нашихъ документахъ есть извѣстіе о производствѣ земляныхъ работъ въ городахъ Наровчатѣ и Троицкѣ, но точныя свѣдѣнія сохранились лишь о темниковскомъ валовомъ строеніи. Для сужденія о способѣ веденія земляныхъ работъ и объ ихъ значеніи, какъ вспомоществованія окрестнымъ жителямъ, очерка темниковскаго валоваго строенія, по нашему мнѣнію, совершенно достаточно.

Работами по возведенію городскаго вала около Темникова завѣдывалъ уполномоченный отъ воеводской канцеляріи солдатъ штатной команды Григорій Бухановъ. Онъ велъ дѣло, какъ говорится, на чистоту, аккуратно и добросовѣстно, да и сама канцелярія, во исполненіе указа, относилась къ дѣлу помощи несчастнымъ съ живымъ участіемъ. На расходы было предписано употреблять поступающіе сборы статсъ-конторскаго вѣдомства; ихъ въ наличности состояло лишь нѣсколько сотъ рублей, новыхъ поступленій не было, и канцелярія дважды прибѣгала къ займу въ соляной конторѣ, чтобы не допустить задержки въ работахъ и вовремя удовлетворить провіантомъ рабочихъ. Начались работы въ послѣднихъ числахъ марта 1775 года и продолжались до половины августа. Для производства ихъ инструменты (13 ломовъ, 152 желѣзныхъ лопаты „съ руковятками", 22 заступа, 31 топоръ и 666 деревянныхъ лопатъ) были закуплены на казенный счетъ, и на все израсходовано 55 рублей 85 коп. Расплата за работы производилась хлѣбомъ понедѣльно, взрослымъ по четыре гарнца на каждаго и малолѣтнимъ отъ пятнадцати лѣтъ и ниже по три гарнца, на обувь же и на соль выдавались деньги на руки по разсчету изъ десяти копѣекъ мѣсячныхъ на взрослаго и пяти копѣекъ на малолѣтняго. Разсчетъ производился по истеченіи каждой недѣли, раздачей денегъ на соль и обувь завѣдывали двое сотниковъ, новокрещенъ изъ

Мордвы деревни Борокъ В. Ивановъ и темниковскій мѣщанинъ Ив. Масленниковъ, получавшіе отъ Буханова причитавшуюся за истекшую недѣлю сумму. Насколько велика была нужда, вызванная неурожаемъ, видно изъ того, что на темниковскихъ земляныхъ работахъ въ разное время перебывало взрослыхъ 3.210 человѣкъ, малолѣтнихъ 1.861, изъ коихъ нѣкоторые оставались на нихъ все время, большинство же мѣнялось чрезъ двухнедѣльный и мѣсячный срокъ. Ржаной муки рабочимъ было выдано 712 четвертей на сумму 3.631 руб., на обувь они получили 256 рублей 40 коп. и на соль 30 рублей 87 коп. Базарная цѣна въ это время была 6 рублей 72 коп. за четверть, но Бухановъ покупалъ большими партіями отъ 5 рублей 40 коп. до 6 рублей 8 коп. за четверть, да сверхъ того на раздачу между рабочими канцелярія сдала муку, купленную въ предшествовавшемъ году для продовольствія военныхъ командъ, отъ 3 рублей 34 коп. до 3 рублей 83 коп. за четверть. Такою распорядительностью была сдѣлана значительная экономія.

Но врядъ ли нужно распространяться о томъ, что какъ ни осмотрительна была темниковская воеводская канцелярія, какъ ни добросовѣстенъ былъ ея уполномоченный для завѣдыванія работами, вспомоществованіе пострадавшимъ отъ неурожая было въ общемъ ничтожно. На цѣлый уѣздъ, понесшій „совершенный недородъ хлѣбовъ", пережившій разореніе и разграбленіе отъ злодѣйскихъ партій, было израсходовано лишь 712 четвертей хлѣба, да около трехсотъ рублей денежной помощи. Легко сообразить, что эта помощь была, какъ говорится, каплей въ морѣ бѣдствій, тѣмъ болѣе, что документы ничего не сообщаютъ объ общественной благотворительности.

Горькимъ опытомъ голодовки 1774 года наша провинціальная администрація признала важность хлѣбныхъ магазиновъ, и воронежскій губернаторъ Потаповъ, смѣнившій Шетнева, разослалъ въ 1776 году по Шацкой провинціи предложеніе о заведеніи, на случай неурожая хлѣбовъ, магазиновъ. Свое предложеніе губернаторъ основывалъ на сенатскомъ указѣ и приложилъ къ нему подробное описаніе устройства и пользованія магазинами. Составились дворянскія собранія, собранія выборныхъ отъ крестьянъ и однодворцевъ, но и тѣ, и другія, несмотря на убѣдительность губернаторскаго предложенія, высказались противъ заведенія магазиновъ. Касимовскіе дворяне ссылались на недостатокъ земель, наровчатскіе на разореніе пугачевскими шайками, крестьяне на

недостатокъ хлѣба на пропитаніе. Словомъ, какъ нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, въ жертву временной выгодѣ съ легкимъ сердцемъ приносили общественную пользу. Не довольствуясь формальнымъ предложеніемъ, губернаторъ предписалъ воеводамъ и ихъ товарищамъ лично объѣхать села и деревни, убѣждая жителей въ пользѣ хлѣбныхъ магазиновъ на случай неурожая и склоняя къ заведенію ихъ. Протестъ дворянства и выборныхъ Потаповъ объяснилъ ихъ своекорыстными разсчетами, тѣмъ болѣе, что выборными изъ однодворцевъ и крестьянъ были присланы люди „первостатейные и пожиточные, которые, не желая участниками сдѣлать могущей произойти отъ заведенія магазейна пользы своей братьи неимущихъ однодворцевъ, а соблюдая свою только частную прибыль отъ заведенія толь полезнаго учрежденія отреклися". Запасные магазины въ это время только вводились; примѣръ подала Бѣлоруссія, успѣвшая даже испытать ихъ важность во время голода 1772 года; за нею послѣдовала Псковская губернія, по настоянію тамошняго губернатора Кречетникова.

Предоставляя людямъ „свѣдомымъ", изучившимъ этотъ вопросъ по существу и въ деталяхъ, обсуждать, что̀ важнѣе во время голода, запасные ли магазины съ наличнымъ хлѣбомъ или продовольственный капиталъ въ прямой пропорціи съ тѣмъ же количествомъ хлѣба по цѣнѣ его въ урожайные годы, мы со своей стороны позволяемъ лишь указать на тотъ фактъ, что при наличныхъ запасахъ хлѣба въ магазинахъ въ началѣ голодной зимы не можетъ ощущаться недостатокъ въ пропитаніи. А въ истекшую зиму онъ былъ, какъ это удостовѣрено оффиціальными данными о бѣдствіяхъ цѣлаго Шадринскаго уѣзда, гдѣ недостатокъ хлѣба и вообще пропитанія былъ причиной голоднаго тифа. Многіе бѣдняки этого отдаленнаго уголка нашего отечества сошли въ преждевременную могилу въ страшныхъ мученіяхъ голодной смерти, не дождавшись своей доли ни отъ неоскудѣвавшаго правительственнаго вспомоществованія, ни отъ щедрой общественной благотворительности.

Познакомившись съ архивными данными о бѣдствіяхъ Шацкой провинціи въ 1774 году, для законченности очерка необходимо представить общую картину тогдашней общественной жизни. Предъ нами большая равнина, изрѣзанная маленькими рѣками и рѣченками, почти на половину покрытая дремучими лѣсами. На ней кое-гдѣ, близь рѣкъ, ютятся незначительныя селенія въ

полсотню избъ, съ деревянною церковью, подлѣ которой вмѣсто колокольни чаще стоитъ столбъ съ навѣсомъ, а подъ навѣсомъ два-три колокола; между селъ разбросаны деревушки и починки въ нѣсколько дворовъ. Украшеніемъ ландшафта служатъ помѣщичьи усадьбы, съ высокими бревенчатыми хоромами, съ большими фруктовыми садами; онѣ обыкновенно расположены на выступѣ высокаго берега рѣки или озера, на окраинѣ села. На значительныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга „красуются" города, дворовъ въ 300—500, съ нѣсколькими церквами, часто даже каменными, при нихъ колокольни. Это окружные центры администраціи, резиденція мѣстнаго воеводы; города еще сохранили слѣды прежняго значенія сторожеваго пункта и имѣютъ остроги. Между людскими поселеніями тянутся большія площади лѣсовъ, нивъ, луговъ и другихъ „удобій и неудобій". Вотъ обликъ Шацкой провинціи. Раздолья много, на общественное же благоустройство, на утилизацію выгодъ общежитія замѣчаются лишь слабые намеки.

Жизнь обывателей течетъ мирно и спокойно, ни одно желаніе не переходитъ за частоколъ усадьбы. Администрація пишетъ доношенія, помѣщики распоряжаются по имѣніямъ и ѣздятъ въ столицы развлечься, сельчане воздѣлываютъ пашни, сплавляютъ плоты и проч. Довольно часто помѣщики и горожане бьютъ челомъ и досаждаютъ представителямъ власти своими претензіями. Да этимъ, пожалуй, и исчерпываются всѣ обыденныя проявленія общественной дѣятельности.

Случалась бѣда, постигало край какое-либо общественное бѣдствіе, и вся безпомощность его всплывала наружу. Становилось яснымъ, что связь между помѣщиками и крестьянами чисто внѣшняя и очень слабая. Такъ было и въ описываемый годъ. Сухое ли жаркое лѣто или непрерывные дожди и морозы не вовремя были виной недорода хлѣба въ томъ году—мы не знаемъ, но хлѣбовъ уродилось дѣйствительно такъ мало, что провинціальная власть, несмотря на понужденія центральной, признала немыслимымъ сборъ податей и недоимокъ за бѣдностью и крайнимъ убожествомъ отъ неурожая и въ такомъ духѣ отписывалась на предписанія свыше. Недородъ хлѣба въ нашемъ государствѣ всегда вызывалъ (да и теперь тоже) народное бѣдствіе потому, что весь годовой крестьянскій бюджетъ опредѣлялся извѣстною долей хлѣбовъ, снятыхъ ими съ помѣщичьихъ полей.

Земли было тогда, правда, очень много, но засѣвалась лишь незначительная площадь, по усмотрѣнію помѣщика, соразмѣрно съ годовымъ расходомъ его экономіи, или въ зависимости отъ наличной рабочей силы. Крестьянская доля была очень скромная, и сбереженій у нихъ не оказывалось; оттого-то голодъ разомъ захватывалъ всю округу.

Ходъ событій 1774 года въ нашемъ краѣ былъ приблизительно таковъ. Отъ недорода хлѣбовъ предвидѣлся голодъ. и крестьянство безпокоилось, волновалось: сначала сходки, на которыхъ бѣдняки „отводили душу“ разсказами, тутъ же обсуждалось какъ быть, что̀ дѣлать; затѣмъ, когда скудные запасы хлѣба истощались и голодъ давалъ себя чувствовать, терпѣть становилось „немочно“; начались побѣги на Донъ, въ южныя степи; образовывались разбойничьи шайки. Вѣдь помощи ждать не откуда, до будущаго хлѣба далеко, нужно же промышлять, чтобъ избѣгнуть голодной смерти. Разбойническихъ шаекъ въ тотъ годъ было очень много и нѣкоторыя, напримѣръ, Рощинская, были многочисленны. Бороться съ ними было очень трудно: мѣстность хорошо знакома, раздолье пустырей, безопасныя чащи лѣсовъ, да къ тому же и сочувствіе большинства крѣпостныхъ изъ оставшихся на своихъ мѣстахъ. Нерѣдки случаи, когда предварительныя развѣдки производились при открытомъ содѣйствіи крестьянъ того помѣщика, который намѣчался въ жертву разбойническаго нападенія; его же крестьяне знакомили разбойниковъ съ наличными силами дворни, выбирали удобное время для нападенія, а иногда были даже руководителями. И все это изъ-за извѣстной доли добычи, а то и просто изъ мести.

И вдругъ на крестьянскихъ сходкахъ стали появляться неизвѣстные пришельцы, хоть и изъ крестьянъ же, но люди бойкіе, бывалые. Разсказывали о веселомъ и безпечномъ житьѣ Донской и Волжской вольницы, говорили о царѣ Петрѣ Ѳеодоровичѣ, приглашали на службу ему, отъ лица его обѣщали многія льготы и, главное, освобожденіе отъ крѣпостной зависимости. Съ одной стороны перспектива голода со всѣми ужасами голодной смерти, съ другой, лестные посулы до желанной воли включительно,—выборъ простъ. Соблазнъ легко и быстро увлекъ крестьянъ и, помимо прежнихъ разбойническихъ шаекъ, сформировалось множество пугачевскихъ бандъ. Нашелся ловкій грамотѣй, конобѣевскій крестьянинъ Семеновъ; онъ писалъ „воровскіе билеты и отпускныя письма“ для проѣзда пугачевской шайки. Съ

развитіемъ пугачевщины положеніе помѣщиковъ становилось безвыходнымъ.

Пустынныя шацкія дороги оживились, по нимъ то и дѣло встрѣчались теперь разныя шайки, мчавшіяся на добычу, либо укрываясь отъ преслѣдованія. Отъ бунтовщиковъ и разбойниковъ не было житья ни въ укрѣпленныхъ острогахъ, ни въ уединенныхъ помѣщичьихъ усадьбахъ. Большіе пустыри между селами и городами были имъ на руку: сосѣди не успѣвали во-время оказать помощь другъ другу, образовать общую оборону, съ ужасомъ выслушивали вѣсти о совершенныхъ разгромахъ и терпѣливо ждали своей участи. Не меньше благопріятствовали мятежникамъ и лѣсныя дебри, гдѣ они спокойно укрывались отъ непогодъ и отъ сильнаго преслѣдованія. Скрытая злоба закабаленныхъ прорвалась, разлилась по всему краю широкимъ потокомъ, разметала скопленное годами добро господское, потопила много жертвъ человѣческихъ. Что ни день, то новыя жертвы отмщенія за пережитыя невзгоды, за испытанныя обиды, за грубое невѣжество, въ которомъ тогдашняя интеллигенція держала свою младшую братію.

То была страда помѣщичья. Безъ средствъ къ защитѣ, они оказались въ осадномъ положеніи, въ мучительномъ ожиданіи нападенія шайки разбойниковъ, а то и того хуже — пугачевской. Нельзя было и выбраться изъ помѣстій, переѣхать хоть бы въ столицу тѣмъ, которыхъ смута застала въ своихъ помѣстьяхъ: по дорогамъ рыщутъ шайки, грабятъ и иногда подвергаютъ истязаніямъ проѣзжихъ. Такое положеніе длилось три мѣсяца; въ концѣ октября кончилась страда помѣщичья и началась крестьянская.

Зима была въ тотъ годъ суровая, началась ужасною мятелью, которая въ своихъ сугробахъ похоронила много жертвъ человѣческихъ, сгубила много скота. Занятые непосильнымъ соціальнымъ вопросомъ, крестьяне не позаботились своевременно о заваленкахъ и прочихъ приспособленіяхъ своихъ хибарокъ къ морозному времени. Многія семьи къ тому же лишились своихъ работниковъ; одни изъ нихъ погибли въ свалкахъ, другіе бѣжали на Донъ, а иные поплатились ссылкой въ Сибирь или Оренбургскую губернію за участіе въ бунтѣ. Зима была студеная, обдала холоднымъ душемъ расходившіяся страсти народныя. Своимъ бѣлымъ саваномъ она покрыла печальные слѣды невѣжественнаго звѣрства — полуразрушенныя помѣщичьи усадьбы, городскія

и сельскія развалины. На непригляднoй и безъ того картинѣ скудно заселенной Шацкой провинціи теперь были наброшены рѣзкіе штрихи запустѣнія.

Намъ остается выяснить условія, сопровождавшія бѣдствія памятнаго для Шацкой провинціи 1774 года. Безъ надлежащаго ихъ выясненія, еще нельзя судить о степени самихъ бѣдствій, потому что въ зависимости отъ условій, создаваемыхъ временемъ или обстоятельствами, существенно измѣняется ихъ характеръ. Какъ въ жизни человѣка, такъ и въ исторической жизни цѣлаго народа часто повторяются одни и тѣ же бѣдствія, но рѣдко можно подмѣтить аналогію въ условіяхъ развитія и проявленія ихъ. Исторія слѣдитъ за измѣненіями современныхъ условій, на основаніи ихъ отмѣчаетъ поступательное или регрессивное развитіе общественнаго самосознанія и самопомощи. На бѣдствіяхъ историческіе народы закаляются, при ихъ непосредственномъ воздѣйствіи слагаются улучшенныя и усовершенствованныя формы жизни. Культура признается продуктомъ вызванныхъ разновидными бѣдствіями приспособленій для борьбы съ ними, а приспособленія въ свою очередь служатъ мѣриломъ общественнаго развитія.

Сообразно съ этимъ для правильнаго сужденія о степени бѣдствій нашего края въ 1774 году необходимо сгруппировать и сопоставить историческія и архивныя свидѣтельства о томъ, насколько мѣстное общество было подготовлено къ борьбѣ съ ними, какими формами приспособленія располагало оно. Словомъ, слѣдуетъ навести справку, какъ велико было культурное наслѣдство, завѣщанное тогдашнему обществу предшествовавшею историческою жизнью, и какія пріобрѣтенія сдѣлало оно.

По всѣмъ этимъ вопросамъ безпристрастныя свидѣтельства исторіи и архива даютъ отвѣты крайне неутѣшительные. По фактамъ выходитъ, что въ наслѣдіе отъ исторической практики обществу разсматриваемой эпохи поступили лишь незначительныя улучшенія примитивныхъ формъ общественной жизни. Пугачевщина не была явленіемъ новымъ; наоборотъ, исторія предшествовавшихъ и въ особенности двухъ послѣднихъ столѣтій испещрена фактами аналогическаго соціальнаго протеста, и между тѣмъ тогдашнее общество было застигнуто какъ бы врасплохъ. Вѣдь одного разинскаго погрома, кажется, вполнѣ достаточно, чтобы вызвать общество къ самодѣятельности для изысканія мѣръ предупрежденія или же пресѣченія такого бѣдствія, въ

случаѣ его повторенія. А кромѣ разинскаго было много и другихъ бунтовъ; наконецъ, хроническія разбойническія шайки постоянно наталкивали общество на мысль о необходимости самопомощи. Но оно оставалось глухимъ, неотзывчивымъ; безропотно выносило звѣрства бунтовщиковъ и разбойниковъ; оцѣнивало ихъ съ точки зрѣнія матеріальнаго ущерба и „било челомъ" о вознагражденіи за похищенные пожитки. Ему и въ голову не приходило, что эта повторность зла, и при томъ такая частая, требуетъ радикальнаго искорененія причинъ его порождающихъ, что при наличности причинъ всякая борьба со зломъ будетъ тщетна. Тогдашній интеллигентъ пребывалъ въ наивномъ убѣжденіи, что ненормальное порабощеніе массы въ интересахъ немногочисленнаго служилаго сословія—естественно, какъ созданное закономъ, и будетъ существовать вѣчно. Масса въ его глазахъ была рабочею силой и никакихъ правъ на признаніе въ ней человѣческаго достоинства не имѣла. За такое воззрѣніе на крѣпостную массу тяжело расплачивались душевладѣльцы въ моменты бунтовъ; не мало безпокойства и ущерба въ хозяйствѣ приносили имъ и постоянныя разбойническія шайки. Вѣдь эта масса была экономическою силой государства, она же поставляла главный контингентъ войскъ, а крѣпостное право отнимало у нея права человѣческія, какъ существа разумнаго со свободною волей, обставляло ея жизнь скудными матеріальными условіями, и не было законной возможности выбиться, выйти въ люди. Стало-быть, въ предупрежденіе бунтовъ и разбоевъ слѣдовало улучшить бытъ крѣпостныхъ, поднять ихъ матеріальное благосостояніе. Кому хорошо дома живется, тотъ не побѣжитъ на Донъ, не соблазнится тревожною жизнью разбойника, да и за господина своего, въ случаѣ нужды, усердно постоитъ. Душа нашего простолюдина очень отзывчива и благодарна, уваженіе ко власти у него всегда сильно. Бунты настойчиво убѣждали помѣщиковъ, что ихъ система содержанія крѣпостныхъ „въ черномъ тѣлѣ" должна быть радикально измѣнена; тѣ не внимали и раскаивались.

Еще болѣе жалко и ничтожно было общественное наслѣдіе разбираемой эпохи во взглядѣ на образованіе Хотя правительство, еще съ начала того столѣтія, сознавъ громадное значеніе образованія, всячески старалось убѣдить въ этомъ общество, даже поставило служебныя прерогативы въ зависимости отъ знанія элементарнаго курса тогдашнихъ наукъ, тѣмъ не менѣе невѣжество было очень сильно. Простаковы и Скалозубы срисованы дарови-

тымъ сатирикомъ цѣликомъ съ натуры и служатъ типами захолустной интеллигенціи интересующей насъ эпохи. Не только образованіе, но и грамотность-то имъ была въ тягость; не собственное сознаніе въ пользѣ, а принудительные законы о недоросляхъ сажаютъ ихъ дѣтей за буквари и цифиры. Погоня за грошами составляла цѣль жизни Простаковыхъ и имъ подобныхъ.

Теперь кое-что по поводу голода. Россія государство земледѣльческое даже въ настоящее время, потому что фабричная и заводская дѣятельность такъ мало развиты, что въ трудѣ 110-милліоннаго населенія ея теряются какъ капля въ морѣ. Въ описываемое же время фабрики и заводы были еще большою рѣдкостью, по размѣрамъ производства ничтожные, и рабочихъ рукъ на нихъ требовалось очень мало. Оттого недородъ хлѣба порождалъ всеобщее бѣдствіе, съ которымъ не было никакихъ средствъ бороться. Голодовки въ нашемъ отечествѣ могутъ быть названы хронической общественною болѣзнью: лѣтописи и послѣдующіе историческіе документы переполнены упоминаніями о нихъ, такъ что въ общемъ на каждое десятилѣтіе приходится по крайней мѣрѣ одна мѣстная, на каждое столѣтіе двѣ-три общегосударственныя. Было, значитъ, много, даже слишкомъ много случаевъ узнать по опыту это общественное бѣдствіе, а ужасы его невольно должны были навести на мысль о необходимости изыскать мѣры для успѣшной борьбы съ нимъ. Въ періодъ крѣпостнаго права самый успѣхъ борьбы органически былъ связанъ съ интересами владѣльцевъ, такъ какъ ихъ благосостояніе зависѣло отъ крестьянской рабочей силы. Постигалъ голодъ, развивались повальныя болѣзни—сильная смертность уносила въ преждевременную могилу рабочія силы и тѣмъ значительно понижала доходность экономіи. Выводъ, казалось бы, простъ и самимъ ходомъ вещей подсказывался: въ предупрежденіе голода необходимо своевременно дѣлать запасы хлѣба, въ извѣстной пропорціи съ численностью крѣпостныхъ, чтобы было чѣмъ прокормить ихъ въ случаѣ неурожая. Тѣмъ болѣе, что крестьянскій бюджетъ былъ хорошо извѣстенъ помѣщикамъ; его ничтожные размѣры не давали возможности дѣлать сбереженія „про черный день". О стороннихъ заработкахъ не могло быть и рѣчи, если же таковые и перепадали, въ особенности знавшимъ какое-либо ремесло, то львиная доля заработной платы опять-таки поступала въ казну помѣщика.

Кромѣ хлѣбныхъ запасовъ, ощущалась насущная необходимость въ замѣнѣ примитивныхъ проселочныхъ дорогъ такими, по которымъ проѣздъ всегда былъ бы возможенъ и безопасенъ. Страшныя бѣдствія мѣстныхъ голодовокъ всего выразительнѣе указывали на потребность въ улучшеніи дорогъ, потому что затруднительный провозъ хлѣба изъ сосѣднихъ мѣстностей значительно обострялъ ихъ. Помѣщичьи владѣнія въ сущности захватывали небольшія пространства,—въ одномъ, напримѣръ, Шацкомъ уѣздѣ насчитывается 364 самостоятельныхъ владѣнія,—и всегда были въ пропорціональномъ соотношеніи съ крѣпостнымъ населеніемъ. Удѣлить нѣсколько лишнихъ сотенъ саженъ подъ проѣздную дорогу, разравнять ее и засадить по бокамъ деревьями не вызывало съ ихъ стороны крупныхъ расходовъ: и рабочіе, и матеріалъ даровые. Но преемственная косность была такъ сильна, что для разрѣшенія и этой простой задачи потребовалось вмѣшательство правительства—и не въ смыслѣ только иниціативы, а въ видѣ настойчиваго рѣшительнаго требованія.

Прошло сто лѣтъ, и русское общество стало неузнаваемымъ. Излишне говорить о культурныхъ пріобрѣтеніяхъ, о всеобщемъ признаніи гражданскихъ правъ и проч., но вполнѣ умѣстно сказать о проявленіяхъ общественной самопомощи, вызванныхъ голодомъ нынѣшняго года. Въ нихъ-то, какъ въ оптическомъ фокусѣ, сгруппировались и обнаружились результаты просвѣщенія, сдѣлавшаго въ обществѣ такой переворотъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, какой не въ силахъ была сдѣлать ни тысячелѣтняя исторія бѣдствій, ни личная выгода владѣльцевъ. Во имя принциповъ христіанскаго братолюбія, да отзывчивой самопомощи на нашихъ глазахъ совершаются разновидные факты благотворительности, добровольной, щедрой и вполнѣ безкорыстной. Общество не ждало распоряженій, а само вызвалось оказать посильную помощь бѣдствующей братіи. Ясно, стало-быть, что человѣколюбивыя идеи истиннаго просвѣщенія сознательно имъ усвоены и оно охотно приноситъ жертвы во имя ихъ вѣчной, непреложной жизнедѣятельной силы. Нашъ Монархъ рядомъ систематическихъ распоряженій удержалъ въ государствѣ потребное для годичнаго прокормленія количества хлѣба, жертвуя одною изъ доходныхъ статей государства. По его волѣ Наслѣдникъ принялъ подъ свое предсѣдательство комитеты по вспомоществованію потерпѣвшимъ отъ неурожая, а изъ государственнаго казначейства отпущено около 300 милліоновъ рублей на

субсидіи. Провинціальная администрація съ земствомъ работала, какъ говорится, не покладая рукъ, всячески стараясь изыскивать средства вóвремя придти на помощь дѣйствительно нуждающимся, оградить ихъ отъ невѣжественнаго кулачества и міроѣдства. Крупныя и скромныя общественныя пожертвованія непрерывно поступали въ комитеты для вспомоществованія потерпѣвшимъ отъ неурожая. При такомъ сплоченномъ единодушіи общества голода не можетъ быть даже и въ сильно неурожайные годы, каковъ былъ переживаемый нами.

П. Дьяконовъ.

Тамбовъ.
5 августа 1892 г.

ЧЕРНИЛЬНОЕ ПЯТНО.[1]

Соч. Рене Базена.

(Переводъ съ французскаго.)

(Окончаніе.)

Миланъ, 27 іюня, до разсвѣта.

Онъ меня спросилъ: нѣтъ ли у васъ порученій во Флоренцію? О, разумѣется, у меня было бы порученіе, но онъ бы его не исполнилъ: я поручилъ бы ему передать его милой дочери, что всѣ мои мысли заняты ею, что всю эту ночь я возобновлялъ въ своей памяти воспоминаніе о вчерашнемъ путешествіи: то я вспоминалъ дорожку изъ Дезіо, то наше странствованіе по галлереямъ виллы, то наше обратное путешествіе въ коляскѣ въ Миланъ. Шарно или вовсе отсутствовалъ, или же онъ спалъ. Я былъ краснорѣчивъ. Я находилъ массу красивыхъ фразъ, которыхъ я не находилъ, когда онѣ были надобны... Еслибъ я могъ снова увидать ее теперь, когда я все хорошо обдумалъ, взвѣсилъ, сообразилъ! Какъ жалко, право, что невозможно снова переживать жизни, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя страницы жизни... Съ какою радостью я снова бы пережилъ вчерашніе часы!

Что̀ она думаетъ обо мнѣ? Въ глубинѣ ея останавливавшагося на мнѣ взора я подмѣтилъ, какъ мнѣ казалось, какой то вопросъ, немножко удивленія, даже нѣкоторое смущеніе. Но какой же

[1] См. № 6 *Русскаго Обозрѣнія*, 1892 г.

отвѣтъ? Она увезетъ съ собою во Флоренцію этотъ отвѣтъ, отъ котораго зависитъ вся моя жизнь... Они скоро уѣдутъ съ утреннимъ скорымъ поѣздомъ. Еслибы мнѣ поѣхать съ тѣмъ же поѣздомъ? Флоренція, Римъ, Неаполь... Почему бы нѣтъ? Италія принадлежитъ всему міру, особенно людямъ влюбленнымъ. Второй разъ брошу въ сторону мою четырехъугольную адвокатскую шапочку! Что касается денегъ, то я выпишу себѣ денегъ. Если не надо, чтобъ я показывался, то я буду смотрѣть на нее издали, прячась въ толпѣ. Въ случаѣ надобности могу и переодѣться. Буду проводникомъ въ Помпеѣ, лазарони въ улицахъ Неаполя. Она найдетъ сонетъ въ букетѣ свѣжихъ цвѣтовъ, который ей подастъ маленькая Римлянка на подъѣздѣ ея гостиницы. По крайней мѣрѣ я буду видѣть ея улыбку, буду слышать звукъ ея голоса, буду любоваться золотистымъ отливомъ ея волосъ, у меня будетъ сладостное сознаніе, что она тутъ, недалеко отъ меня, если мнѣ нельзя будетъ видѣть ее...

Нѣтъ, нѣтъ, я не поѣду во Флоренцію. Я остерегаюсь своего перваго движенія, своего воображенія, которое забѣгаетъ впередъ и заставляетъ молчать разсудокъ, и въ такихъ случаяхъ я всегда обращаюсь къ одному вѣрному средству. Я сказалъ себѣ:— что̀ бы мнѣ посовѣтовалъ Ламиронъ? И передо мной тотчасъ же возсталъ его добрый грустный образъ, и я услыхалъ, какъ онъ отвѣчалъ мнѣ:—вернись ко мнѣ, мое дитя!

Парижъ 12 іюля.

Когда пріѣзжаешь вечеромъ и съ мчащагося на всѣхъ парахъ поѣзда увидишь Парижъ въ облакѣ красноватаго тумана, изрѣзаннаго по всѣмъ направленіямъ перекрещивающимися линіями газовыхъ рожковъ, то зрѣлище это кажется страннымъ, почти красивымъ. Кажется, будто это окончаніе какого-то гигантскаго празднества, будто тянутся во всѣ стороны гирлянды цвѣтныхъ стаканчиковъ, будто подъ ними движется сплошная шумная толпа, которая поднимаетъ страшную пыль, освѣщенную остатками бенгальскихъ огней.

Но это только наполовину иллюзія, потому что въ громадномъ городѣ дѣйствительно праздникъ, но праздникъ, который бываетъ въ немъ каждую ночь. До часа ночи все въ городѣ живетъ, все шумитъ и все сіяетъ.

Разсвѣтъ здѣсь, однако, печаленъ.

Это чудное время, которое такъ прекрасно въ деревнѣ, въ Парижѣ ужасно. Вы выходите изъ вагона среди желѣзнодорожно-

служащихъ, у которыхъ глаза раскраснѣлись отъ безсонной ночи. Полусонный писецъ ставитъ на вашемъ чемоданѣ какіе-то кабалистическіе знаки. Вы выходите. Предъ вокзаломъ стоитъ нѣсколько, весьма не много, извощичьихъ экипажей, кучера дремлютъ на козлахъ, огни фонарей дрожатъ въ туманѣ.—„Кучеръ, вы свободны?—Это зависитъ, буржуа, вамъ куда надобно?—Въ Реннскую улицу!—Садитесь!“

О, эти безконечныя пустынныя улицы, эта мрачная тишина, эти запертые и направо и налѣво магазины, эти скверы, на которыхъ не рѣдко только увидишь или собаку, или рабочаго, подбирающаго нечистоты, эти театральныя оборванныя афиши, которыя лоскутами висятъ на стѣнахъ кіосковъ, эти клочки бумаги, которые вѣтеръ мететъ вмѣстѣ со вчерашнею пылью, эти увядшіе, выпавшіе изъ оконъ букеты; улица Риволи, отданная Ришерской компаніи, Сена, бьющая своими волнами вокругъ неподвижно стоящихъ лодокъ, эти два завернувшіеся въ плащи блюстителя тишины и порядка, звукъ шаговъ которыхъ гулко отдается въ пустынныхъ улицахъ, фонтаны безъ воды и всюду холодный воздухъ, къ которому примѣшиваются всякія зловонія, что̀ за путешествіе и что̀ за гадкій сонъ!

А вотъ именно такъ-то мнѣ и пришлось ѣхать съ Ліонскаго вокзала къ себѣ домой. Но какъ только я вступаю ногой въ свои владѣнія, это тягостное впечатлѣніе начинаетъ мало-по-малу разсѣеваться. Чувство одиночества начинаетъ понемногу у меня исчезать отъ воспоминаній, которыя живутъ во всѣхъ окружающихъ предметахъ. Я обращаюсь съ разспросами къ этимъ нѣмымъ свидѣтелямъ, къ моему креслу, къ моему столу, къ моимъ книгамъ. Что̀ случилось за мое отсутствіе? По всей вѣроятности ничего особеннаго. На всей мебели лежитъ легкій бѣловатый слой, что̀ доказываетъ, что никто къ ней не прикасался, даже и сама г-жа Меневъ. Не странно ли это? Мнѣ не достаетъ г-жи Меневъ. Я чувствую, что буду радъ снова увидать ее. Каково! Живущій противъ меня мой сосѣдъ уже сидитъ за работой. Онъ географъ, занимается гравированіемъ для издательской фирмы, что̀ находится неподалеку отсюда. Я никогда не былъ въ состояніи просыпаться такъ же рано, какъ онъ... Ива очень выросла за это лѣто... Не открыть ли окно?.. Здравствуйте левкои; здравствуй стѣна Кармскаго сада; здравствуй старая темная башня... Ахъ, стрижи! Который часъ? Вотъ они эти маленькіе голодные пираты, они носятся цѣлыми стаями, то

вверхъ, то внизъ, задѣвая своими остроконечными крыльями за самую садовую стѣну: они увидали солнце, настaлъ уже день!

И въ самомъ дѣлѣ проѣзжаетъ какая-то телѣжка, проходитъ торговка·

— Мокрица для птичекъ!

И подумать только, что есть люди, которые сходятъ въ такой ранній часъ внизъ, чтобы покупать мокрицы для своихъ чижиковъ! Теперь ужь я не стану ложиться спать. Посмотримъ не заходилъ ли кто-нибудь ко мнѣ во время моего отсутствія: визитныя карточки должны быть тутъ на столѣ. Вотъ двѣ карточки: г. Лорине, бывшій нотаріусъ, муниципальный совѣтникъ въ Борбонну-ле-Буржѣ, г-жа Лорине, урожденная Пупаръ.

Дивлюсь, какъ это нѣтъ третьей карточки: Берта Лорине, безъ профессіи, стремящаяся перемѣнить фамилію. Нѣтъ, она не рѣшилась оставить своей карточки у молодаго человѣка: это было бы неприлично. Но она навѣрное также была съ родителями. Я подозрѣваю здѣсь дядюшкину хитрость, нѣчто въ родѣ толстаго трансатлантическаго каната, который онъ принимаетъ за незамѣтную паутину, чтобы дѣлать изъ нея силки. Супруги Лорине сбирались ко мнѣ съ двоякою цѣлью: чтобы доставить извѣстіе обо мнѣ моему дядюшкѣ и чтобы напомнить моему забывчивому сердцу о прелести длинноногой Берты.

— Здравствуйте г. Мулльяръ?

— Каково! Г-жа Мененъ! Здравствуйте г-жа Мененъ!

— Наконецъ-то вы возвратились! Ну, и нажарились же вы тамъ, я думаю! Здоровы ли вы, г. Мулльяръ?

— Благодарю васъ, совершенно здоровъ. Былъ у меня кто-нибудь въ мое отсутствіе?

— Сейчасъ все разскажу вамъ по порядку: былъ у васъ тутъ слесарь, потому что кранъ отъ фильтра вдругъ остался у меня въ рукѣ. Моей вины тутъ не было. Поутру, знаете ли, шелъ дождь, да такой дождь...

— Хорошо, хороше, понимаю, надобно заплатить слесарю. Довольно объ этомъ. Я спрашиваю, не было ли у меня какихъ-нибудь гостей?

— Постойте-ка, сейчасъ... Какъ же какъ же, господинъ такой высокій, мужественный, немножко рыжеватый, его супруга такая толстушка съ тоненькимъ голоскомъ, изъ себя женщина видная, въ моемъ родѣ, и дочка съ ними, дѣвица... Вы ее знаете, г. Мулльяръ?

— Да, г-жа Мененъ, описывать не стóитъ. Вы имъ заявили, что меня нѣтъ, а они сказали, что очень сожалѣютъ, не такъ-ли?

— Особенно сожалѣла полная дама. Ужь она отдувалась, отдувалась! „Что за несчастье! говоритъ: мы пріѣзжаемъ въ Парижъ, а нашъ милый г. Мулльяръ въ Италіи! Надобно же, чтобъ это такъ случилось! Мы были бы такъ рады его видѣть, и г. Робине, и я.“

— Лорине.

— Да, да, Лорине... они оставили карточки. „Вы, можетъ-быть, сочтете это за капризъ, г-жа Мененъ, но мнѣ до безумія хочется взглянуть на его квартиру. Студенческая квартира, это должна быть весьма любопытная вещь. Ты подожди здѣсь, Берта, дитя мое. — Ничего нѣтъ въ квартирѣ особенно любопытнаго, сказала я, и мадемуазелль Берта также можетъ пойти туда.“— И тогда я провела ихъ сюда.

— Они, навѣрное, не долго пробыли здѣсь?

— Нѣтъ, порядочно-таки. Они долго разсматривали вашъ альбомъ съ фотографическими портретами. Должно-быть у нихъ тамъ, альбомовъ такихъ не бываетъ. Г-жа Лорине просто въ себя не могла придти отъ удивленія. Очень ужь ее поражало то, что въ альбомѣ только портреты однимъ мужчинъ; она то и дѣло повторяла: „каково, посмотри-ка, Жюль!“ У нихъ ужь такъ заведено, сударыня, сказала я,—къ г. Муллѣру ходятъ только одни мужчины. Изъ женщинъ здѣсь бываю только я одна, а я ужь конечно въ счетъ не иду, я завѣдывала хозяйствомъ многихъ молодыхъ людей и могу сказать, мало найдется такихъ, какъ г. Мулльяръ.

— Знаю, г-жа Мененъ, вы всегда были слишкомъ хорошаго обо мнѣ мнѣнія. Скажите, не былъ ли у меня Ламронъ?

— Третьяго дня. Г. Ламронъ уѣхалъ на двѣ или на три недѣли въ провинцію, чтобы писать портретъ какой-то духовной особы, кажется епископа.

15 іюля.

„Полдень, царь лѣта“... Я знаю піесу „г. графа де Лиля“, какъ говоритъ мой дядюшка Мулльяръ. Его слова раздаются у меня въ ушахъ всякій разъ, какъ послѣ завтрака я возвращаюсь въ контору, изъ которой я вышелъ часъ тому назадъ. Господи, что за жара! Я вернулся изъ жаркой страны, но она ничто въ сравненіи съ Парижемъ въ іюлѣ. Асфальтъ таетъ подъ ногами, деревянная мостовая становится подвижною въ размягчив-

шейся смолѣ, отъ стѣнъ такъ и несетъ жаромъ, въ общественныхъ садахъ отъ поливки поднимается тончайшая пыль и потомъ облаками спускается нѣсколько дальше на прохожихъ: меня удивляетъ только одно, а именно, что близь Пале-Рояля не стрѣляетъ цѣлый день пушка.

Къ довершенію всѣхъ бѣдъ всѣ мои знакомые разъѣхались: жена и дочери г. Буля купаются въ Трувиллѣ; одинъ изъ моихъ помощниковъ еще не вернулся изъ отпуска, другой только и поджидалъ меня, чтобъ уѣхать; Лампронъ, удерживаемый своимъ епископомъ и тѣнью лѣсовъ, не подаетъ никакихъ признаковъ жизни; даже супруги Плюме уѣхали въ Бербизонъ.

Все это служитъ къ моему сближенію со старымъ клеркомъ, г. Жюпиллемъ. Я цѣню его бесѣду. Я замѣчаю въ немъ добродушіе, прямодушіе и философію, въ которой нѣтъ ничего нѣмецкаго, такъ, какъ я ее понимаю. Мало-по-малу я посвятилъ его въ свои тайны изъ потребности повѣрять ихъ кому-нибудь, потому что я совсѣмъ задыхался нравственно точно такъ же, какъ и физически. Когда теперь онъ подаетъ мнѣ какую-нибудь бумагу, то вмѣсто того, чтобы сказать: „Хорошо", я ему говорю: „Присядьте, г. Жюпилль"; я затворяю дверь, и мы разговариваемъ; писцы наши воображаютъ, что мы разговариваемъ о законахъ, а мы себѣ говоримъ совсѣмъ о другихъ предметахъ!

Вчера, напримѣръ, онъ шепнулъ мнѣ на ухо:

— Я проходилъ по Университетской улицѣ; они, знаете, скоро возвращаются домой.

— Почему вы такъ полагаете?

— Я видѣлъ угольщика, который доставилъ туда два куля углей, и я спросилъ его кому именно, вотъ и все!

А вотъ сейчасъ у насъ былъ разговоръ, доказывающій, какъ я сталъ близокъ сердцу стараго клерка. Онъ только-что подалъ мнѣ бумагу съ заключеніями. Я окончилъ чтеніе и пробормоталъ какое-то одобреніе, но г. Жюпилль тѣмъ не менѣе не уходилъ.

— Вы хотите мнѣ что-нибудь сказать, г. Жюпилль?

— Я желаю васъ попросить объ услугѣ, вѣрнѣе о нѣкотораго рода чести.

— Въ чемъ же дѣло?

— Погода, г. Муллльяръ, теперь очень хороша для рыбной ловли, правда, немножечко жаркая...

— Немножечко!

— Во всякомъ случаѣ не слишкомъ жаркая. Въ 1844 г. было

несравненно жарче. а рыба клевала превосходно! Дѣло въ томъ, не согласитесь ли вы въ будущее воскресенье отправиться съ нами на рыбную ловлю? Я говорю съ нами, потому что со мною будетъ одинъ изъ вашихъ друзей, истинный любитель, оказывающій мнѣ честь своего дружескаго ко мнѣ расположенія.

— Кто же это?

— Это тайна, г. Мулльяръ, маленькая тайна. Вы будете очень удивлены. Итакъ, рѣшено? въ будущее воскресенье?

— Куда же?

— Тс!.. вотъ тотъ маленькій писецъ какъ будто подслушиваетъ. Онъ малый хитрый! Я вамъ это скажу въ другой разъ.

— Какъ хотите, г. Жюпилль; охотно принимаю ваше приглашеніе.

— Я очень, очень радъ, г. Мулльяръ. Еслибы только разразилась хоть маленькая гроза!

Онъ говорилъ правду, его радость рвалась наружу, потому что я никогда не видалъ, чтобъ онъ до такой степени, какъ сегодня, теръ себѣ носъ кончикомъ своего гусинаго пера: это было признакомъ крайняго удовольствія у этого человѣка, всѣ жесты котораго ограничивались извѣстными движеніями его пера.

20 іюля.

Я видѣлся съ Ламирономъ; онъ очень грустенъ, но и самая грусть у него мужественная. Сперва мы поговорили объ его матери. Я воздавалъ хвалы этой скромной женщинѣ за то добро, которое она мнѣ оказала.

— Ахъ. говорилъ онъ,—что̀ было бы, еслибы ты ближе зналъ ее? Если я честный человѣкъ, мой милый, если я съ твердостью прошелъ черезо всѣ испытанія жизни и моей профессіи, если я ставилъ свой идеалъ выше успѣха, словомъ, если я чего-нибудь сто́ю умомъ и сердцемъ, то всѣмъ этимъ я обязанъ ей. Она никогда не разставалась со мной: вотъ наша первая разлука, и разлука продолжительная. Я не былъ готовъ къ ней.

Потомъ онъ вдругъ неожиданно перемѣнилъ предметъ разговора.

— Ну, а какъ твоя старая любовь?

— Болѣе сильна, чѣмъ когда-либо.

— И даже могла противостоять получасовой бесѣдѣ?

— Она удвоилась.

— А она все продолжаетъ тебя ненавидѣть?

И я, не упуская ни малѣйшихъ подробностей, разсказалъ ему поѣздку въ Дезіо и нашъ разговоръ на обратномъ пути въ коляскѣ.

Онъ молча выслушалъ меня, а когда я кончилъ, сказалъ:

— Другъ мой, Фабіанъ, колебаться и размышлять нечего. Необходимо, чтобы черезъ недѣлю предложеніе было сдѣлано.

— Черезъ недѣлю? Но кто же сдѣлаетъ это предложеніе?

— Кто? это ужъ твое дѣло. Во время твоего отсутствія я собиралъ справки; мнѣ кажется, что она подходящая для тебя жена. А затѣмъ твое положеніе нелѣпо: адвокатъ не по призванію, поссорившійся безо всякаго повода со своимъ единственнымъ родственникомъ; изъ этого положенія слѣдуетъ выдти, а женитьба волей-неволей принудитъ тебя къ этому.

21 іюля.

Ѣдущіе въ Сео пожалуйте садиться въ карету!

Я часто ѣздилъ по этой линіи. И что̀ же, ни разу, ни одного единственнаго раза, не обошлось безъ того, чтобъ я не слыхалъ все этой одной и той же фразы. Парижанину, которому надоѣдаетъ все, еще не надоѣли нѣкоторыя традиціонныя шутки, не надоѣла еще и эта шутка, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ оставленная въ наслѣдство отживающими почтовыми каретами новой желѣзно-дорожной линіи. На вокзалѣ всегда найдется какой-нибудь острякъ, который повторитъ ее, и человѣкъ двадцать, которые ей посмѣются. Сегодня этой шуткѣ смѣялись двѣ четы рабочихъ, которые брали билеты рядомъ со мной, загромождая своими узлами и клѣткой съ чижомъ узкій проходъ къ кассѣ; ей смѣялся толстый господинъ въ очкахъ, начальникъ какого-то учрежденія, который, однако, часто ѣздилъ по этой дорогѣ; смѣялись ей три студента, ѣхавшіе въ Фонтене-о-Розъ; смѣялась ей и эта маленькая пансіонерка подъ вуалеткой, скрывавшаяся за спиной своей матери, которая со справедливымъ негодованіемъ бросала молніеносные взгляды на остряка, какъ будто говоря ему: „Берегитесь, м. г., здѣсь находится Матильда!“

Жюпилль далъ мнѣ письменныя (это его обычная манера объясняться) указанія, и притомъ самыя точныя, куда мнѣ слѣдуетъ отправиться. Разумѣется я могъ бы проѣхать по желѣзной дорогѣ до Масси или до Біевра. Но было несравненно красивѣе пройтись пѣшкомъ отъ Сео. Въ виду этого предположенія я долженъ было оставить влѣво Шатене, переръзать Веррьерскіе лѣса, слѣдуя линіи укрѣпленій, спуститься между Иньи и

Амбленвилле и отыскать наконецъ то мѣстечко, гдѣ Біевръ, расширяясь между поросшими ольхами берегами, составляетъ нѣчто въ родѣ маленькаго залива, прозрачнаго, какъ бассейнъ, и наполненнаго всякою рыбой, какъ какая-нибудь сажалка.

— Главное, никому не говорите ни слова объ этомъ мѣстечкѣ! сказалъ мнѣ Жюпилль: — это мѣстечко наше, я открылъ его.

Когда я вышелъ изъ Сео, чтобы соединиться съ уѣхавшимъ до зари Жюпиллемъ, солнце было уже высоко. Ни одного облачка, ни малѣйшаго вѣтерка, всюду неумолимое лѣто. Но хотя жаръ и былъ очень силенъ, дорога все-таки была великолѣпна. Вокругъ меня все было налито соками, всюду была жизнь, всюду слышались голоса, все дышало благоуханіемъ: подъ вѣтвями, въ которыхъ носились стаи коноплянокъ, въ травѣ, въ которой ползали большіе золотистые жуки, въ воздухѣ, который разсѣкали тысячи маленькихъ крылышекъ, въ которомъ рѣяли мухи, мошки, слѣпни, пчелы, всякія насѣкомыя, которыя своимъ живымъ веселымъ жужжаніемъ прославляли свѣтъ, теплоту, прелесть природы. Порой я останавливался на полянкахъ, отыскивая свою дорогу. Затѣмъ снова вступалъ на лѣсную тропинку и подъ тѣнистымъ сводомъ деревъ, по мягкимъ мхамъ пробирался къ возвышенности, съ которой долженъ былъ увидѣть рѣку Біевръ.

Вотъ она. Она извивается среди свѣжихъ изумрудныхъ береговъ. Спустимся внизъ. Г. Жюпилль находится гдѣ-нибудь въ этой долинкѣ; онъ поджидаетъ меня. Я ускоряю шаги. Я чувствую ногой, что трава здѣсь свѣжѣе, она даже сыровата. Въ ложбинахъ слышно журчанье ручейковъ, а по склонамъ ихъ сплошными массами красуются крупныя незабудки. Живѣй! Между двумя деревьями на небѣ обрисовывается длинная тонкая удочка. Это онъ, мой старый клеркъ: онъ увидалъ меня, кланяется; вотъ онъ опустилъ на траву свою удочку.

— Я уже думалъ, что вы не придете!

— Какъ вы меня плохо знаете! Ну, что, клюетъ?

— Тише! Да, клюетъ, отлично клюетъ. Я сейчасъ дамъ вамъ удочку.

— А вашъ другъ, г. Жюпилль, гдѣ же онъ?

— Вонъ тамъ.

— Но гдѣ же?

— Онъ прямо у васъ передъ глазами, а вы его не видите.

И въ самомъ дѣлѣ я никого не видѣлъ на яркомъ солнцѣ. Но когда онъ мнѣ указалъ своею удочкой на своего пріятеля, то я увидѣлъ шагахъ въ тридцати отъ насъ бѣлыя панталоны, широкую спину въ жилеткѣ и соломенную шляпу съ широкими полями, которая скрывала голову и обѣ протянутыя къ водѣ руки.

Человѣкъ этотъ былъ совершенно неподвиженъ.

— Должно-быть клюетъ, а то бы онъ уже былъ здѣсь. Ступайте къ нему.

Не зная къ кому я подхожу, я кашлянулъ, чтобы предупредить о своемъ приближеніи.

Незнакомецъ шумно вздохнулъ, какъ человѣкъ, котораго внезапно разбудили.

— Это вы, Жюпилль? проговорилъ онъ, слегка поворачивая голову. Что̀, у васъ уже вышла вся приманка?

— Нѣтъ, дорогой учитель, это я.

— Г. Мулльяръ, наконецъ-то!

— Г. Фламаранъ! Жюпилль предупреждалъ меня, что мнѣ будетъ сюрпризъ. Вы любите рыбную ловлю?

— Это моя страсть. Надобно же и на зрѣлый возрастъ сохранить себѣ какую-нибудь страсть, мой юный другъ.

— Что̀ же, какъ кажется, рыба хорошо клюетъ?

— Да, между восемью и девятью часами утра она дѣйствительно клевала превосходно; ну, а послѣ того дѣло стало плоховато.

— Нельзя же, чтобы все время она клевала одинаково!

— Само собою разумѣется. Ахъ, мой милый г. Мулльяръ, какъ я радъ васъ видѣть! Знаете ли, вы отлично справились съ защитой вашей диссертаціи!

Профессоръ всталъ и съ еще раскраснѣвшимся лицомъ отъ того, что онъ спалъ въ согнутомъ положеніи и съ улыбкой на устахъ крѣпко пожалъ мнѣ руку.

— Вотъ вамъ удочка, г. Мулльяръ, сказалъ подходя Жюпилль; — на ней ужь и приманка насажена. Если вы пойдете за мною, то я сведу васъ на хорошее мѣстечко.

— Нѣтъ, нѣтъ, Жюпилль, я его не пущу, отвѣчалъ за меня г. Фламаранъ. — Цѣлыхъ три часа я не раскрывалъ рта, мнѣ необходимо немножко развлечься. Мы будемъ удить рядомъ и поболтаемъ немножко.

— Какъ вамъ будетъ угодно, г. Фламаранъ, но удить такъ, по-моему не значитъ удить.

Онъ передалъ мнѣ удочку и удалился нѣсколько опечаленный.

Мы сидѣли съ г. Фламараномъ въ двухъ шагахъ другъ отъ друга на откосѣ берега, спустивъ ноги на еще сыроватый песокъ. Предъ нами разстилался маленькій заливчикъ рѣки Біевра. Полуденное солнце позволяло деревьямъ бросать лишь самую маленькую тѣнь возлѣ самаго своего ствола. Гладкая поверхность рѣки сверкала намъ прямо въ глаза. Едва замѣтное колебаніе широкихъ листьевъ водяныхъ кувшинчиковъ служило единственнымъ признакомъ того, что существуетъ нѣкоторое теченіе. Двѣ синія стрекозы сѣли на наши поплавки и ни одна рыба, повидимому, не имѣла намѣренія нарушить ихъ отдыха.

— Итакъ, началъ г. Фламаранъ,—вы все попрежнему состоите въ должности перваго клерка у г. Буля?

— Да, временно.

— Вамъ это занятіе не нравится?

— Весьма посредственно.

— Чего же вы ждете?

— Чтобы время шло.

— И чтобъ оно васъ снова направило въ Италію?

— Вамъ извѣстно, что я ѣздилъ въ Италію?

— Мнѣ все извѣстно. Шарно разсказалъ мнѣ о встрѣчѣ съ вами, о сантиментальной прогулкѣ при лунномъ свѣтѣ. Кстати, онъ вернулся совсѣмъ простуженный.

Я принялъ сочувственный видъ.

— Ахъ, бѣдный г. Шарно! Когда же онъ вернулся?

— Третьяго дня. Само собою разумѣется, что мнѣ онъ первому сообщилъ о своемъ пріѣздѣ, и вчерашній вечеръ мы провели вмѣстѣ. Можетъ-быть вы удивитесь, г. Мулльяръ, можетъ-быть вы найдете, что я преувеличиваю, но какъ бы то ни было, я нахожу, что Жанна стала еще прелестнѣе, чѣмъ до своего отъѣзда.

— Вы это находите?

— Да, положительно, это южное солнце... будьте повнимательнѣе, г. Мулльяръ, ваша удочка совсѣмъ не на мѣстѣ... это южное солнце снова вернуло румянецъ на ея щечки, да сверхъ того еще покрыло ихъ золотистымъ загаромъ, и ея обычное прекрасное настроеніе духа также снова вернулось къ ней. Она теперь стала такою же веселою, какъ и прежде. Я очень за нее тревожился; вы знаете эту печальную исторію?

— Да.

— Это шалопай, г. Мулльяръ, настоящій шалопай! Я никогда не сочувствовалъ этому браку. Шарно поддался на уговоры своего школьнаго товарища. Напрасно я говорилъ ему: „Имъ нужно приданое Жанны, Шарно, я это чувствую, я это угадываю. Онъ не въ состояніи понять Жанны, она будетъ несчастна, я въ этомъ увѣренъ“. Онъ ничего слушать не хотѣлъ... Но слава Богу, разрывъ состоялся-таки. Но, разумѣется, вы понимаете, дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ волненій, что̀ до меня, такъ я положительно страдалъ при видѣ страданія этого ребенка.

— Вы такъ добры, г. Фламаранъ

— Нѣтъ, не въ томъ дѣло, г. Мулльяръ. Вѣдь Жанна родилась, выросла у меня на глазахъ, вѣдь я ее любилъ съ колыбели: она моя пріемная дочь. Надѣюсь, вы понимаете, что говоря пріемная дочь, я не хочу сказать, чтобы между нею и мною существовали заимствованныя у природы узы; учрежденная нашими законами *adoptio imitatur naturam*, нѣтъ, я просто хочу сказать, что я люблю ее такъ, какъ будто бы она была моею родною дочерью, тѣмъ болѣе, что Сидонія не подарила меня ни дочерью, ни сыномъ...

Возгласъ Жюпилля прервалъ г. Фламарана.

— Развѣ вы не слышите какъ звенитъ, какъ гремитъ!

И вздѣвъ кверху руки, онъ бѣжалъ къ намъ съ растеряннымъ видомъ, причемъ вѣтеръ раздувалъ его широкіе панталоны на его тощихъ ногахъ.

Въ одну секунду мы вскочили на ноги и первою моею нелѣпою мыслью было, что среди травъ къ намъ пробирается гремучая змѣя.

Я былъ очень далекъ отъ истины. Рѣчь шла объ удочкѣ на щукъ, собственномъ изобрѣтеніи г. Жюпилля, находившейся неподалеку отъ насъ. Къ поплавку этой удочки былъ пристроенъ погремокъ, и когда рыба клевала, то сама возвѣщала о своей погибели.

— Звонитъ изо всѣхъ силъ, а вы и съ мѣста не трогаетесь! воскликнулъ Жюпилль.—Не ожидалъ я отъ васъ этого, г. Фламаранъ!

И онъ промчался мимо насъ, какъ ураганъ. Мы послѣдовали за нимъ съ меньшимъ пыломъ и съ меньшею увѣренностью. Однако онъ былъ правъ: вытянувъ осторожно свою удочку, причемъ поплавокъ вмѣстѣ со звонкомъ порывисто двигался уже подъ водой, онъ вытащилъ довольно большую щуку, которую онъ объявилъ чудовищною и которую онъ проволокъ нѣсколько

по берегу для того, чтобъ утомить ее, а также и для того, чтобы подольше полюбоваться на свою добычу.

— Она рѣжетъ мнѣ руки! кричалъ онъ.

Ударомъ удилища онъ повергъ выбившееся изъ силъ чудовище къ нашимъ ногамъ. Оно вѣсило фунта четыре. Жюпилль рѣшилъ, что оно вѣситъ шесть фунтовъ.

Мы снова заняли рядомъ мѣста, мой ученый наставникъ и я, но прерванный разговоръ уже снова не возобновился. Я пытался заговаривать о ней: г. Фламаранъ упорствовалъ говорить о мнѣ, о Буржѣ, о своихъ давнишнихъ экзаменахъ, о глубокой разницѣ въ характерѣ того, какъ клюетъ пескарь и какъ клюетъ уклейка.

Впрочемъ, это была лекція чисто теоретическая: часа за два до солнечнаго заката г. Фламаранъ поднялся, не поймавъ ровно ничего.

— Ловля была хорошая, тѣмъ не менѣе сказалъ онъ,—и мѣсто отличное: утромъ рыба клевала прекрасно. Мы еще побываемъ здѣсь, Жюпилль: при восточномъ вѣтрѣ здѣсь можно наловить множество пескарей.

И онъ пошелъ рядомъ со мною. Утомленный, по всей вѣроятности, своею продолжительною неподвижностью, жарой, яркимъ блескомъ воды, онъ скоро углубился въ свои собственныя размышленія, отъ которыхъ оказалось не въ силахъ его оторвать ничто изъ того, что́ намъ встрѣчалось по дорогѣ.

Жюпилль шелъ нѣсколько впереди насъ. Въ одной рукѣ онъ несъ свои удочки, а въ другой мѣшокъ съ рыбой и со съѣстными припасами. Временами на поворотахъ онъ пріостанавливался, обертывался на насъ, улыбался намъ изъ-подъ своихъ нависшихъ усовъ и затѣмъ снова продолжалъ путь скорымъ шагомъ. „Въ насъ, должно-быть, что-нибудь смѣшное, думалось мнѣ, и этотъ молчаливый писака навѣрное втихомолку смѣется надъ нами.“

Я не угадалъ.

На поворотѣ одной тропинки г. Фламаранъ вдругъ остановился и, тяжело переводя духъ, оглядѣлся по сторонамъ.

— Эй, Жюпилль! куда это вы насъ ведете, мой другъ? Если у меня нѣтъ временнаго помраченія зрѣнія, такъ это должна быть Каштановая гора, а вонъ тамъ долженъ находиться Плесси-Пике. Мы забрали больше чѣмъ два километра влѣво отъ станціи, а поѣздъ отходитъ въ семь часовъ.

Невозможно было отрицать этого: этотъ разукрашенный оселъ,

который везетъ двухъ дѣвочекъ по этой аллеѣ, эти родители, которые идутъ сзади и держатъ возжи; эти кустики, превратившіеся въ рощицы, среди которыхъ виднѣются соломенныя крыши сельскихъ кіосковъ, эти извилистыя дорожки, эти искусственные гроты, утесы, эти искусственныя развалины; этотъ витающій въ воздухѣ запахъ пива и фрикассе изъ кроликовъ; это множество валяющихся по канавкамъ разбитыхъ бутылокъ, этотъ смѣшанный гулъ голосовъ и звукъ откупориваемыхъ бутылокъ, — все это достаточно ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что мы находимся въ загородномъ мѣстечкѣ, называемомъ Робинзонъ. Вотъ Старый Робинзонъ, вотъ Настоящій Робинзонъ, вотъ Новый Робинзонъ, вотъ Каштаны Робинзона, Рай Робинзона; всѣ эти трактирчики носятъ названіе Робинзона, всѣ они имѣютъ балкончики, усыпанные пескомъ дорожки, транспаранты, позади которыхъ зажигаются керосиновыя лампочки; всѣ они разукрашены звѣздами, флагами, приспособленіями для блестящей иллюминаціи, разноцвѣтными объявленіями, въ которыхъ перечислены всѣ элементы, составляющіе истинно - робинзоновскія развлеченія: стрѣльба въ цѣль, игра въ мячъ, качели, особеннаго рода ходули, Мюнхенское пиво и обѣдъ въ тѣни деревьевъ.

— Вы видите, Жюпилль, вы видите! восклицалъ г. Фламаранъ.— Вѣдь мы въ самомъ сердцѣ всякихъ Робинзоновъ! Вотъ куда вы насъ завели!

Старый клеркъ со смущеннымъ и нѣсколько заискивающимъ видомъ, который онъ всегда принималъ, когда начиналъ пилить г. Буль, и вслѣдствіе котораго у него какъ-то вытягивалась вся голова, подошелъ къ г. Фламарану и сталъ ему что-то шептать на ухо.

— Что̀ за идея! Въ самомъ дѣлѣ, Жюпилль, о чемъ это вы думаете! Я профессоръ! Будь это тридцать лѣтъ тому назадъ, это было бы простительно, но теперь... И затѣмъ Сидонія меня ждетъ.

Онъ съ минуту стоялъ въ нерѣшительности, смотря на свои часы.

Наблюдавшій за нимъ Жюпилль видѣлъ какъ у его почтеннаго друга понемногу проясняется лицо, затѣмъ тотъ звонко расхохотался.

— Это нелѣпость, но мы ее совершимъ, чортъ возьми! Будемъ еще молоды на часокъ. Любезный Мулльяръ, Жюпилль намъ заказалъ обѣдъ въ Робинзонѣ! Еслибъ онъ посовѣтовался со мною, я выбралъ бы другое мѣсто. Но какъ бы то ни было, голодъ,

дружба и увѣренность опоздать на поѣздъ заставляютъ молчать мою совѣсть. Что вы на это скажете?

— Впередъ!

— Впередъ! повторилъ мой старый наставникъ.

И предшествуемые Жюпиллемъ, который попрежнему несетъ всѣ свои припасы, мы входимъ въ мѣстечко, называемое Настоящій Робинзонъ. Нѣсколько тревожившійся г. Фламаранъ бросалъ вопрошающіе взоры на лужайки среди рощицъ. Мнѣ послышался въ кустахъ подавляемый смѣхъ.

— Для васъ удержанъ каштанъ № 3, сказалъ хозяинъ ресторана,—пожалуйте!

И мы влѣзаемъ по винтообразной лѣстницѣ, устроенной вокругъ ствола дерева. Каштанъ № 3 превосходное очень старое нѣсколько наклонившееся впередъ дерево, на мощныхъ вѣтвяхъ котораго устроена обнесенная перилами маленькая площадка, увѣнчанная остроконечною соломенною крышей, поддерживаемою шестью тонкими колонками. На сосѣднихъ деревьяхъ устроены точно такія же площадки, издали ихъ можно принять за огромныя бѣловатыя гнѣзда среди яркой зелени; это очень пріятныя столовыя, въ которыхъ обѣдаютъ на высотѣ 30 футовъ отъ земли, куда гости влѣзаютъ по лѣсенкѣ и куда блюда поднимаются на блокѣ.

Взобравшись на площадку, г. Фламаранъ снялъ шляпу и, облокотясь обѣими руками на перила, сталъ осматривать окрестность. Онъ стоялъ въ позѣ оратора. Его величественная сѣдая голова четко вырисовывалась на яркомъ фонѣ заката.

— Онъ будетъ говорить! воскликнулъ одинъ голосъ.

— Нѣтъ, онъ не будетъ говорить! отвѣчалъ другой голосъ.

Это послужило сигналомъ. По всѣмъ кустамъ, по всѣмъ уголкамъ сада пробѣжалъ какой-то трепетъ. По звону стакановъ можно было догадаться о томъ, что цѣлыя группы людей вставали изъ-за столиковъ. Прислуга останавливалась и поднимала глаза на каштанъ № 3. Весь Робинзонъ, самъ не зная почему, смотрѣлъ на Фламарана.

— Мм. гг., сказалъ кто-то изъ глубины одного изъ гротовъ,— профессоръ школы правовѣдѣнія г. Фламаранъ сейчасъ будетъ читать лекцію.

Послышался дружный взрывъ хохота и восклицаній.

— Погоди-ка, старина, дай намъ уйти!—Онъ будетъ разсматривать вопросъ о брачномъ контрактѣ!—нѣтъ, вопросъ о выкупѣ

залоговъ! — нѣтъ, вопросъ о платежѣ долговъ! — Это безнравственно! А Жайлльо!

Г. Фламаранъ на мгновеніе было смутился, но затѣмъ ему явилась счастливая мысль. Онъ протянулъ руку, чтобы показать, что онъ будетъ говорить. На его губахъ заиграла отеческая слегка лукавая улыбка и надъ внимательно притаившимися группами пронеслись ясно произнесенныя слѣдующія слова:

— Дѣти мои, обѣщаю вамъ всѣмъ поставить хорошія отмѣтки, если вы дадите мнѣ спокойно отобѣдать!

Гулъ всеобщаго восторга заглушилъ конецъ его фразы:

— Да здравствуетъ отецъ Фламаранъ! Да здравствуетъ отецъ студентовъ!

Послѣдовали три взрыва всеобщихъ рукоплесканій, затѣмъ нѣсколько отдѣльныхъ рукоплесканій, затѣмъ все снова стало тихо, и никто уже болѣе не занимался каштаномъ № 3.

Г. Фламаранъ отошелъ отъ периль и развернулъ салфетку.

— Разсчитывайте на хорошія отмѣтки, ребята! проговорилъ онъ садясь.

Онъ былъ польщенъ успѣхомъ своей рѣчи. Видъ у него былъ оживленный и улыбающійся. Жюпилль, напротивъ, былъ блѣденъ и взволнованъ, какъ-будто ему только-что пришлось присутствовать при народномъ мятежѣ: онъ едва сидѣлъ на кончикѣ своего стула.

— Ничего, мой милый Жюпилль, не волнуйтесь! При маленькой находчивости всегда можно выбраться изъ затрудненія!

Старый клеркъ понемногу успокоился и обѣдъ нашъ прошелъ очень весело. Расходившійся г. Фламаранъ былъ просто неистощимъ. Послѣ каждаго стакана шабли онъ вспоминалъ какую-нибудь исторію и разсказывалъ ее со свойственною ему добродушною медлительностью.

Къ концу нашего пира, когда слуга подавалъ намъ дессертъ, груши, персики, варенье, пирожное и ликеръ, мы разговаривали о Сидоніи, этомъ перлѣ Фореза. Г. Фламаранъ излагалъ намъ со всѣми датами исторію о томъ, какъ одинъ его пріятель описалъ ему однажды одну молодую дѣвушку, свѣженькую и любезную, хорошую хозяйку и съ хорошимъ родствомъ, какъ онъ снарядился въ путь, чтобы посмотрѣть ее, какъ онъ узналъ ее, не будучи съ нею знакомъ, какъ онъ сразу влюбился въ нее и какъ она отвѣтила ему взаимностью. Ихъ законное бракосочетаніе было отпраздновано въ Сенъ-Гальме.

— Да, мой милый Мулльяръ, какъ бы въ заключеніе прибавилъ онъ, — въ маѣ будетъ тридцать лѣтъ, какъ я счастливъ; а вы, когда же вы послѣдуете моему примѣру?

При этихъ словахъ г. Жювилль счелъ себя лишнимъ и поспѣшилъ спуститься по винтообразной лѣстницѣ внизъ.

— Мы нѣкогда бесѣдовали съ вами о нѣкоей богатой невѣстѣ въ Буржѣ, продолжалъ г. Фламаранъ.— Какъ видно, вы отказались отъ этой мысли?

— Совершенно.

— Вы въ своемъ правѣ, молодой человѣкъ; но почему бы въ такомъ случаѣ вамъ не жениться на Парижанкѣ?

— Почему же нѣтъ?

— Можетъ-быть вы имѣете предубѣжденіе противъ Парижанокъ?

— Я? нѣтъ.

— А у меня такъ были противъ нихъ предубѣжденія! Но теперь они разсѣялись. Парижанки имѣютъ свою прелесть, мой милый Мулльяръ, онѣ имѣютъ свою манеру одѣваться, ходить, смѣяться, и этой манеры уже нельзя встрѣтить по ту сторону укрѣпленій. Я долго полагалъ, что эти свойства замѣняютъ имъ добродѣтели. Но нѣтъ! это клевета: Парижанки бываютъ добродѣтельны, между ними бываютъ даже настоящіе ангелы.

Г. Фламаранъ посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза и, видя, что я ничего не отвѣчаю, продолжалъ:

— По крайней мѣрѣ я знаю одну, истиннаго ангела: Жанну Шарно. Вы слышите?

— Да, г. Фламаранъ.

— Развѣ эта дѣвушка не совершенство?

— Безъ сомнѣнія.

— Она столь же умна, какъ и добра?

— Я такъ думаю.

— И столько же добра, какъ умна?

— Таково мое мнѣніе.

— А если таково ваше мнѣніе, молодой человѣкъ, то извините, я сжигаю свои корабли, всѣ свои корабли... Если таково ваше мнѣніе, такъ я право ничего не понимаю. Можетъ-быть вы думаете, что она бѣдна?

— Не знаю.

— Это было бы ошибочно. Она богата. Можетъ-быть вы находите, что вы слишкомъ молоды?

— Нѣтъ.

— Можетъ-быть вы воображаете, что она все еще занята этою несчастною любовью?

— Надѣюсь, что нѣтъ.

— А я такъ въ этомъ вполнѣ увѣренъ. Она свободна, говорю вамъ, свободна такъ же, какъ... какъ вы. Такъ почему же вы ее не любите?

— Да я ее люблю, г. Фламаранъ!

— Ахъ, мой другъ, какъ вы хорошо дѣлаете!

Г. Фламаранъ не поднялся съ мѣста. Онъ наклонился справа налѣво, я наклонился слѣва направо. Наши головы встрѣтились. Онъ меня сжалъ въ своихъ объятіяхъ. Онъ былъ такъ взволнованъ, мой старый наставникъ, что не былъ въ силахъ говорить, онъ былъ растроганъ, обрадованъ, какъ-будто онъ былъ моимъ отцомъ, или отцомъ Жанны.

Черезъ мгновеніе онъ выпрямился на своемъ стулѣ и, положивъ мнѣ обѣ руки на плечи, какъ бы боясь, что я вдругъ исчезну, снова заговорилъ:

— Ахъ, такъ вы ее любите, любите... А стоило-таки мнѣ труда заставить васъ признаться въ вашей любви!.. Вы любите ее весьма основательно, безо всякаго сомнѣнія... для меня было бы непонятно противное; но въ такомъ случаѣ, мой другъ... въ такомъ случаѣ... если вы будете слишкомъ долго медлить, то при ея красотѣ, при ея очарованіи... вы понимаете...

— Да, я знаю, мнѣ слѣдовало бы сдѣлать предложеніе.

— Именно!

— Увы, г. Фламаранъ, кто же предприметъ для меня необходимые шаги? Я, какъ вы знаете, сирота.

— Бѣдняжка! Но у васъ есть дядя?

— Мы поссорились.

— Ради этого можно помириться.

— Невозможно: мы именно изъ-за нея и поссорились; мой дядя ненавидитъ Парижанокъ.

— Ахъ, чортъ возьми! въ такомъ случаѣ положитесь на друга, есть же у васъ какой-нибудь другъ? Въ крайнемъ случаѣ можно поручить другу.

— У меня есть только одинъ другъ: Лампронъ.

— Художникъ?

— Да, но онъ не знакомъ съ г. Шарно. Это было бы равносильно тому, что человѣкъ неизвѣстный хлопочетъ за человѣка

посторонняго. Шансовъ тутъ немного, было бы несравненно лучше...

— Было бы несравненно лучше, еслибы за дѣло взялся общій вашъ другъ?

— О, еще бы!

— Ну, такъ я сдѣлаю за васъ предложеніе, молодой человѣкъ! Я буду просить для васъ руки этой прелестной Жанны, я буду хлопотать ради насъ обоихъ; ради васъ, который сумѣетъ сдѣлать ее счастливою, ради себя, который не совсѣмъ лишусь ее, выдавъ ее замужъ за одного изъ своихъ учениковъ, за одного изъ своихъ любимѣйшихъ молодыхъ ученыхъ, за своего друга Фабіана Муллььяра. И, ручаюсь вамъ, я добьюсь для васъ ея руки!

Онъ съ силой ударилъ кулакомъ по столу такъ, что стаканы зазвенѣли и графины зашатались.

— Сейчасъ! отозвался одинъ изъ лакеевъ, думая, что его зовутъ.

Г. Фламаранъ наклонился черезъ перила.

— Не безпокойтесь, любезный, намъ ничего не надобно!

Затѣмъ онъ снова подошелъ ко мнѣ все еще разстроганный, но уже нѣсколько успокоившійся.

— А теперь поговоримъ, и разскажите мнѣ все.

О, продолжительная милая бесѣда, которая наступила вслѣдъ за тѣмъ! О, милый, достойный профессоръ, который уже не читалъ лекціи, а давалъ волю лишь своему сердцу, простодушному, прозрачному сердцу, сохранившемуся въ изученіи права, какъ виноградъ въ волосяномъ мѣшкѣ! То онъ улыбался, когда я превозносилъ Жанну, то онъ недовѣрчиво слушалъ мои возраженія и энергично ихъ опровергалъ: „Какъ, молодой человѣкъ, вы осмѣливаетесь говорить!.. Молодой человѣкъ, къ чему эти тщетныя опасенія“... Его добрая душа разсыпалась въ торжественныхъ и искреннихъ выраженіяхъ.

И тотъ и другой, мы уже находились не въ Робинзонѣ, а гдѣ-то далеко, далеко, въ мірѣ внѣ мѣста и пространства, гдѣ одинъ умъ проникается другимъ, гдѣ одно сердце понимаетъ другое. Мы не слыхали ни скрипа блока подъ нами, ни смѣха гуляющихъ, ни звуковъ настраивавшаго инструменты оркестра въ сосѣднемъ павильонѣ. Наши поднятые къ небу взоры не видали спускающейся на землю тихой, спокойной ночи, первыя звѣзды которой уже мерцали среди листвы деревъ. Порой легкій, влажный вѣтерокъ долеталъ къ намъ изъ лѣса; мнѣ казалось, что онъ приноситъ съ собою какое-то необычайно сладостное

благоуханіе; мнѣ точно въ видѣніи представлялся большой темный тюльпанъ съ золотистыми жилками, раскрывающій свою чашечку на влажномъ берегу оврага: и я спрашивалъ себя, ужь и въ самомъ дѣлѣ не разцвѣлъ ли этою ночью какой-то таинственный цвѣтокъ, или же въ сердцѣ моемъ разцвѣтало новое, медленно создавшееся чувство.

22 іюля.

Два часа. Я прихожу къ Сильвестру, чтобы разсказать ему о великомъ событіи предшествующаго дня. Мы садимся съ нимъ на старый, покрытый ковромъ, диванъ, въ тѣни раздвижныхъ занавѣсокъ, которыя раздѣляютъ мастерскую на двѣ части и составляютъ въ ней какъ бы вторую залу, и бесѣдуемъ среди манекеновъ, бюстовъ, пузырьковъ съ лаками и ящиковъ съ красками.

Раздался стукъ въ дверь.

— Ты посиди, говоритъ мнѣ Сильвестръ.—Это ко мнѣ пришли насчетъ одной гравюры. Я въ двѣ минуты кончу дѣло и вернусь къ тебѣ. Войдите!

Онъ спускаетъ за собою занавѣску и сквозь тонкую ткань ея я могу видѣть какъ онъ идетъ по направленію къ открывающейся двери,

— Г. Лампронъ?

— Это я, къ вашимъ услугамъ.

— Вы меня не узнаете?

— Нѣтъ, не узнаю.

— Это меня удивляетъ.

— Почему же это васъ удивляетъ? Я никогда не видалъ васъ.

— Однако вы дѣлали мой портретъ.

— Въ самомъ дѣлѣ!

Я не свожу глазъ съ Лампрона. Онъ оскорбленъ дерзостью новоприбывшаго. Онъ оставляетъ по срединѣ мастерской стулъ, который было уже хотѣлъ подвинуть гостю, и садится на свою табуретку въ углу комнаты съ нѣсколько высокомѣрнымъ видомъ и съ нѣсколько презрительною улыбкой на губахъ. Кончиками пальцевъ онъ барабанитъ по столу, на который онъ облокотился рукой.

— То, что̀ я имѣлъ честь заявить вамъ, истинная правда. Я г. Шарно, членъ Института.

Лампронъ бросаетъ взоръ въ мою сторону и лице его проясняется.

— Извините меня, г. Шарно, я васъ видѣлъ только сзади. Еслибы вы стали ко мнѣ спиной, я можетъ-быть узналъ бы васъ.

— Я вовсе не намѣренъ шутить, милостивый государь, и явился бы къ вамъ за объясненіемъ несравненно раньше, но я только сегодня узналъ о томъ, что̀ я считаю прискорбнымъ злоупотребленіемъ вашего карандаша. Дѣло въ томъ, что художественныя выставки меня мало интересуютъ и я себя тамъ не видалъ. Надобно было, чтобы Фламаранъ мнѣ сообщилъ о томъ, что я фигурировалъ въ Салонѣ вмѣстѣ съ моею дочерью, что вы усадили меня на повалившееся дерево въ Сенъ-Жерменскомъ лѣсу. Правда ли это, милостивый государь, на повалившееся дерево?

— Совершенно вѣрно.

— Поза нѣсколько оригинальная для человѣка, который не выѣзжаетъ изъ Парижа болѣе трехъ разъ въ годъ. А моя дочь изображена вами въ профиль и, какъ кажется, весьма похожею?

— Насколько мнѣ удалось этого достигнуть.

— Итакъ, вы сознаетесь: вы изобразили насъ обоихъ, и мою дочь, и меня?

— Точно такъ, г. Шарно.

— Можетъ-быть вамъ будетъ не такъ-то легко объяснить по какому праву вы изволили это сдѣлать; я ожидаю вашихъ объясненій.

— Я могъ бы ровно ничего не объяснять, сказалъ начинавшій терять терпѣніе Ламиронъ.—Я могъ бы также отвѣтить вамъ, что я не имѣлъ надобности спрашивать у васъ позволенія точно такъ же, какъ не имѣлъ надобности спрашивать позволенія у буковъ, дубовъ, березъ; я могъ бы сказать вамъ, что вы составляли часть ландшафта, что всякій живописецъ, рисующій уголокъ лѣса, имѣетъ право посадить въ немъ фигуру...

— Фигуру, фигуру! вы однако не стѣсняетесь!

— Я хотѣлъ сказать человѣка. У насъ, живописцевъ, принято такъ выражаться. Да, г. Шарно, я могъ бы такъ отвѣтить вамъ и выставить это вполнѣ достаточное основаніе, но оно не есть истинное основаніе. А потому я лучше откровенно сообщу вамъ о томъ, что̀ произошло. У васъ прелестная дочь, г. Шарно.

По привычкѣ г. Шарно поклонился.

— Въ нее влюбился одинъ мой пріятель. Онъ человѣкъ робкій и не рѣшался сдѣлать признанія. Мы случайно встрѣтили васъ въ лѣсу и тогда мнѣ пришла въ голову мысль нарисовать

мадемуазель Жанну настолько похожею, чтобъ она не могла не узнать себя, выставить мой рисунокъ, такъ какъ я былъ увѣренъ, что она его увидитъ въ Салонѣ, угадаетъ намѣреніе и вспомнитъ не обо мнѣ, чья молодость уже прошла, а о моемъ юномъ другѣ, который и по возрасту, и по виду подходитъ къ понятію о человѣкѣ влюбленномъ. Если тутъ есть преступленіе, то единственно я отвѣтственъ за него.

— Разумѣется тутъ есть если не преступленіе, то ошибка. Какъ это вы, человѣкъ серьезный, всѣми уважаемый за вашъ талантъ и ваши нравственныя достоинства, и вдругъ ободряете легкомысленное увлеченіе!

— Самое искреннее и самое честное чувство любви, г. Шарно!

— Вспышку!

— Ничуть ни бывало!

— Перестаньте! вашъ пріятель не болѣе, какъ ребенокъ!

— Тѣмъ лучше какъ для него, такъ и для нея! Если вы желаете имѣть зятемъ человѣка зрѣлыхъ лѣтъ, такъ и попробуйте найти такого. Вы увидите чего стóятъ эти зрѣлые люди и можетъ-быть пожалѣете о томъ, что отвергли юношу, которому, правда, всего двадцать четыре года, который не имѣетъ ни большаго состоянія, ни опредѣлившагося положенія, ни того самодовольства, которое такъ часто замѣняетъ людямъ истинное достоинство, но юношу съ благороднымъ хорошимъ сердцемъ, за котораго я готовъ ручаться, какъ за самого себя. Да, г. Шарно, вы можете найти для вашей дочери и людей съ громкими именами, и съ туго набитыми кошельками, и людей въ мундирахъ, съ бородой и округлившимся брюшкомъ, и людей съ репутаціей, со справедливыми или несправедливыми притязаніями, вы можете найти людей со всѣмъ тѣмъ, чего нѣтъ у него, но такого человѣка, какъ онъ, вамъ найти никогда не удастся! Это все, чтò я имѣю сказать вамъ.

Ламиронъ воодушевился. Онъ говорилъ рѣзко, въ его глазахъ вспыхивалъ гнѣвный огонекъ.

Я увидалъ какъ г. Шарно поднялся съ мѣста, подошелъ къ нему и протянулъ ему руку.

— Я только этого и желалъ отъ васъ, г. Ламиронъ, этого для меня довольно. Сегодня по утру Фламаранъ просилъ у меня руки моей дочери для вашего пріятеля. Онъ не теряетъ времени, когда на него бываетъ возложено какое-нибудь порученіе. Онъ также говорилъ мнѣ много хорошаго о вашемъ другѣ. Раз-

спрашивалъ я еще и г. Буля. Но какъ ни были лестны данные ими мнѣ отзывы, я желалъ еще поговорить съ человѣкомъ, который бы близко зналъ г. Муллььяра, и убѣдился, что мнѣ слѣдуетъ обратиться къ вамъ.

Ламбронъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на этого маленькаго человѣчка съ тонкими губами, который такъ внезапно перемѣнилъ и тонъ, и обращеніе.

— Мнѣ кажется, сказалъ онъ,—вы могли бы получить отъ меня свѣдѣнія и при меньшихъ стараніяхъ; вамъ не было никакой необходимости дѣлать мнѣ сцену.

— Позвольте! я могъ бы получить свѣдѣнія, но я не того желалъ: свѣдѣнія всегда бываютъ хороши. Я желалъ крика сердца, желалъ слышать, чтò выскажетъ возмущенный, выведенный изъ терпѣнія другъ. Я услыхалъ то, чтò желалъ слышать. Съ меня довольно. Я васъ благодарю, г. Ламбронъ, и прошу извинить меня.

— Но, г. Шарно, такъ какъ теперь мы уже говоримъ серьезно, то позвольте и мнѣ въ свою очередь сдѣлать вамъ вопросъ. Я не люблю говорить обиняками: есть ли какіе-нибудь шансы на то, что предложеніе моего друга будетъ принято?

— Г. Ламбронъ, въ рѣшеніи этого щекотливаго вопроса, я рѣшилъ предоставить полную свободу моей дочери. Хотя дѣло касается почти столько же моего счастія, сколько и ея счастія, я буду имѣть лишь совѣщательный голосъ. А потому я сообщилъ ей о предложеніи, сдѣланномъ Фламараномъ.

— И чтò же?

— Я ожидалъ, что она откажетъ.

— Она согласилась?

— Она не отказала, иначе, вы понимаете, я не былъ бы у васъ.

При этихъ словахъ, совсѣмъ внѣ себя, я уже былъ готовъ отдернуть занавѣску и броситься въ мастерскую съ возгласомъ:— Благодарю! Но г. Шарно прибавилъ:

— Но, впрочемъ, ничего не предрѣшайте въ своемъ умѣ заранѣе, существуютъ препятствія, серьезныя, можетъ-быть непреодолимыя препятствія. Мнѣ надобно еще разъ переговорить съ дочерью. Какъ только это будетъ возможно, я увѣдомлю вашего друга о нашемъ окончательномъ рѣшеніи. До свиданія!

Ламбронъ пошелъ проводить его, и я слышалъ ихъ удаляющіеся шаги въ корридорѣ.

Минуту спустя Сильвестръ вернулся.

— Ну, что же, обратился онъ ко мнѣ, протягивая мнѣ руки,— ты счастливъ?

— Разумѣется, мой другъ, немножко счастливъ.

— Нѣтъ, очень счастливъ! я надѣюсь, что она тебя любитъ!

— А препятствія-то, Сильвестръ!

— Пустяки!

— Можетъ-быть неопреодолимыя!

— Да вѣдь это соль всѣхъ нашихъ радостей, препятствія, мой другъ. Сколько вещей нужно вамъ, юношамъ, чтобы вы считали себя счастливыми. Вы требуете чего-то неопровержимо вѣрнаго отъ жизни, какъ будто она въ состояніи вамъ дать это!

И онъ принялся обсуждать неосновательность моихъ опасеній, но разсѣять ихъ ему не удалось. Потому что ни онъ, ни я, мы не могли угадать въ чемъ именно заключаются препятствія.

2 августа.

Послѣ десяти дней ожиданія, въ теченіе которыхъ я обращался то къ Ламприну, то къ г. Фламарану, чтобы ходатайствовать за меня, послѣ десяти дней то смертельныхъ тревогъ, то безумныхъ надеждъ, во время которыхъ я составилъ, уничтожилъ, снова возобновилъ и снова бросилъ большее количество проектовъ, чѣмъ я ихъ составилъ во всю остальную жизнь, послѣ десяти дней всякихъ терзаній, въ пять часовъ дня я получилъ отъ г. Шарно записку, въ которой онъ приглашалъ меня явиться къ нему тѣмъ же вечеромъ.

Я отправился совсѣмъ уничтоженный. Онъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ, какъ и семь мѣсяцевъ тому назадъ при нашемъ первомъ свиданіи, но онъ встрѣтилъ меня съ болѣе серьезною учтивостью, и я замѣтилъ какъ дрожали его пальцы, въ которыхъ онъ держалъ разрѣзной ножикъ, взятый имъ со стола въ то время, какъ онъ опускался въ свое вольтеровское кресло. Я сѣлъ на то же кресло, на которомъ нѣкогда я чувствовалъ себя такимъ несчастнымъ. Въ сущности и вчера я чувствовалъ себя столь же плохо. Г. Шарно вѣроятно замѣтилъ это и поспѣшилъ меня успокоить.

— Г. Мулльяръ, сказалъ онъ,—я принимаю васъ, какъ друга. Что бы ни воспослѣдовало изъ нашего свиданія, вы можете быть увѣрены въ моемъ полномъ къ вамъ уваженіи. А потому не бойтесь отвѣчать мнѣ вполнѣ откровенно.

Онъ предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ относительно моего семейства, моихъ вкусовъ, моихъ знакомствъ въ Парижѣ. Затѣмъ онъ пожелалъ, чтобъ я самъ разсказалъ ему нѣкоторыя столь простыя событія, относившіяся до моего дѣтства и моей юности, мои воспоминанія о родительскомъ домѣ, о гимназіи въ Шартрѣ, о моихъ каникулахъ въ Буржѣ, о моей студенческой жизни.

Онъ слушалъ, не прерывая меня и продолжая вертѣть въ рукахъ свой разрѣзной ножикъ изъ слоновой кости. Когда я дошелъ до того декабрьскаго дня, когда я впервые увидалъ Жанну, онъ заговорилъ самъ:

— Остановимтесь на этомъ, сказалъ онъ.—Остальное я или знаю, или угадываю. Молодой человѣкъ, я вамъ обѣщалъ дать отвѣтъ, вотъ онъ.

Мнѣ кажется, что въ теченіе минуты я не дышалъ и сердце мое совсѣмъ перестало биться.

— Дочери моей, какъ разъ въ настоящее время, сдѣлано нѣсколько предложеній, продолжалъ г. Шарно.—Какъ видите, я ничего отъ васъ не скрываю. Я далъ ей время подумать, она все взвѣсила, все обсудила, и вчера сообщила мнѣ о результатѣ своихъ размышленій. Болѣе выгоднымъ, болѣе блестящимъ партіямъ она предпочитаетъ честнаго человѣка, который любитъ ее ради нея самой, и человѣкъ этотъ—вы.

— О, благодарю васъ, благодарю! воскликнулъ я.

— Подождите, есть два условія.

— Еслибъ ихъ было десять, я всѣ ихъ принимаю заранѣе.

— Не торопитесь. Вы ихъ сейчасъ узнаете: одно условіе вамъ ставитъ моя дочь, другое мы оба вмѣстѣ.

— Можетъ-быть, чтобъ я взялъ мѣсто?

— Нѣтъ, не то. Само собою разумѣется, что зять мой не будетъ человѣкомъ празднымъ. У меня на этотъ счетъ есть виды, которые я изложу вамъ впослѣдствіи, если на то будутъ основанія. Нѣтъ, первое условіе, требуемое моею дочерью, вытекаетъ изъ весьма сладостнаго для меня чувства, оно заключается въ томъ, чтобы вы дали обѣщаніе никогда не покидать Парижа.

— Ахъ! Я съ радостью клянусь въ этомъ!

— Въ самомъ дѣлѣ? Я опасался, чтобы вы не были связаны какими-нибудь обязательствами.

— Ровно ничѣмъ.

— Или чтобы вамъ не было желательно дать такое обѣщаніе.

— Нѣтъ, нѣтъ, г. Шарно! Я даю это обѣщаніе вполнѣ охотно и вполнѣ свободенъ въ точности исполнить его. Какое же другое условіе?

— Второе условіе, которое и моя дочь, и я, желаемъ, чтобы вы непремѣнно исполнили, заключается въ томъ, чтобы вы примирились съ вашимъ дядей. Фламаранъ мнѣ сказалъ, что вы съ нимъ въ ссорѣ.

— Да, мы съ нимъ поссорились.

— Надѣюсь, что въ этомъ ничего нѣтъ особенно серьезнаго, такъ маленькое облачко, не правда ли?

— Къ несчастью нѣтъ. У моего дяди крайне своеобразная натура....

— Но и превосходная также, какъ мнѣ это показалось, когда онъ былъ у меня, кажется, въ прошломъ іюнѣ?

— Да.

— Вы не прочь отъ того, чтобы сдѣлать первый шагъ къ примиренію?

— Я сдѣлаю все, что̀ только окажется нужнымъ.

— Я былъ въ этомъ увѣренъ. Невозможно, чтобы вы продолжали оставаться въ холодныхъ отношеніяхъ съ братомъ вашего отца, съ вашимъ единственнымъ родственникомъ. На нашъ взглядъ это примиреніе является необходимостью, долгомъ. Впрочемъ, вы должны столько же, если не больше насъ желать этого примиренія.

— Я приложу къ этому всѣ мои старанія, обѣщаю вамъ.

— И въ такомъ случаѣ вы добьетесь успѣха, ручаюсь вамъ.

Сильно поблѣднѣвшій г. Шарно протянулъ мнѣ руку; онъ сдѣлалъ усиліе, чтобъ улыбнуться.

— Кажется, г. Фабіанъ, мы пришли къ полному соглашенію и настало время...

Онъ не докончилъ своей фразы, всталъ и, направившись въ глубь комнаты, открылъ находившуюся между двумя шкафами дверь.

— Жанна, сказалъ онъ,—г. Фабіанъ принимаетъ оба условія дитя мое.

И я увидалъ Жанну, которая, улыбаясь, шла ко мнѣ.

И я, который поднялся, весь дрожа, я, который до сихъ поръ сходилъ съ ума при одной мысли о томъ, что я ее увижу, я,

который много разъ со страхомъ спрашивалъ себя, что̀ я скажу ей при нашемъ первомъ свиданіи, если когда-нибудь она станетъ моею невѣстой, я вдругъ почувствовалъ себя успокоеннымъ, и слова сами полились изъ устъ моихъ, чтобы выразить ей мою признательность, мою радость.

Счастіе мое, впрочемъ, было очевидно, и я могъ бы и ничего о немъ не говорить.

Потомъ г. Шарно отодвинулся со своимъ кресломъ, и мы остались съ нею вдвоемъ.

Онъ взялъ газету, но я склоненъ думать, что онъ держалъ ее вверхъ ногами. Во всякомъ случаѣ надобно полагать, что онъ читалъ что-нибудь между строкъ, потому что во весь вечеръ онъ не перевернулъ страницы.

Часто онъ взглядывалъ поверхъ вчетверо сложенной газеты въ нашу сторону, и затѣмъ взоръ его переносился на хорошенькій, миніатюрный портретъ Жанны еще ребенкомъ, который висѣлъ надъ каминомъ.

Какія сравненія, какія воспоминанія, какія сожалѣнія, какія надежды боролись въ его сердцѣ? Не знаю, но къ его радости примѣшивались глубокіе вздохи, и мнѣ кажется, онъ былъ бы готовъ заплакать, еслибы мы не были тутъ.

Жанна была со мною проста, какъ ребенокъ, добра и серьезна, какъ женщина. Во мнѣ съ каждою минутой росло новое чувство, чувство глубокаго душевнаго спокойствія, увѣренности заранѣе въ счастіи всей моей жизни.

Да, я былъ счастливъ не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, въ продолжительномъ множествѣ слѣдовавшихъ одинъ за другимъ дней, которые я проведу близь нея, и, когда она говорила со мною, довѣрчивая, радостная, мнѣ казалось, что обширныя крылья моей мечты закрывали собою насъ обоихъ.

Мы говорили тихо. Сквозь открытое окно къ намъ проникалъ влажный, ночной воздухъ, и до насъ доносился смѣшанный парижскій гулъ.

— Вы называете меня своимъ другомъ и совѣтникомъ? сказала она.

— Разумѣется.

— Вы меня увѣряете, что во всемъ вы будете спрашивать моего мнѣнія, и что мы всегда будемъ дѣйствовать съ общаго согласія?

— Да.

— Если я сегодня же буду требовать вашего довѣрія, вы не будете недовольны?

— Напротивъ.

— Такъ слушайте: судя по тому, что̀ вы разсказываете о вашемъ дядѣ, мнѣ кажется, что вы нѣсколько легкомысленно приняли второе условіе, заключающееся въ томъ, чтобы вы съ нимъ помирились.

— Я только обѣщалъ приложить къ этому всѣ старанія.

— Да, но мой отецъ ожидаетъ, что это вамъ удастся. Что̀ вы думаете дѣлать?

— Я и самъ еще не знаю.

— Я такъ и ожидала, и мнѣ пришло въ голову, что можетъ-быть было бы небезполезно вдвоемъ подумать объ этомъ.

— Я васъ слушаю: составьте планъ кампаніи, и мы его обсудимъ.

Жанна сложила на колѣняхъ руки и глубоко задумалась.

— Еслибы вы ему написали?

— Есть много шансовъ за то, что онъ мнѣ не отвѣтитъ.

— Если написать съ оплаченнымъ отвѣтомъ?

— Вы смѣетесь. Это не совѣтъ.

— Да, будемте говорить серьезно. Поѣзжайте къ нему.

— Эта идея лучше. Можетъ-быть онъ меня приметъ.

— Тогда дѣло сдѣлано. Коль скоро человѣкъ готовъ выслушать...

— Только не онъ! Онъ выслушаетъ меня, и знаете ли что̀ онъ мнѣ отвѣтитъ?

— Нѣтъ.

— Вотъ что́, или нѣчто въ родѣ этого: Племянникъ, ты являешься сообщить мнѣ двѣ новости, не такъ ли? Что ты женишься на Парижанкѣ, и что ты навсегда отказываешься отъ наслѣдственнаго занятія, то-есть ты подтверждаешь, еще болѣе, усиливаешь нашу двойную размолвку. Ты только сдѣлалъ еще шагъ назадъ. Тебѣ нечего было безпокоиться пріѣзжать сюда, чтобы сообщать мнѣ объ этомъ, можешь себѣ возвращаться назадъ.

— О, вы меня удивляете; должно же существовать средство, чтобъ овладѣть его сердцемъ, потому что вы же сами говорите, что въ глубинѣ души онъ добръ. Еслибъ я была знакома съ вашимъ дядей, я не долго бы затруднялась въ томъ, какъ быть.

— Еслибы вы были съ нимъ знакомы! Дѣйствительно это было бы лучшее, самое вѣрное средство для достиженія успѣха.

Онъ воображаетъ, что вы легкомысленная Парижанка; онъ васъ боится; онъ и сердится на меня несравненно болѣе за то, что я полюбилъ васъ, чѣмъ за то, что я не хочу принимать его конторы. Еслибъ онъ только васъ увидалъ, онъ скоро бы помирился со мною.

— Вы думаете?

— Я въ этомъ увѣренъ.

— Вы думаете, что еслибъ я посмотрѣла ему вотъ такъ, прямо въ глаза, и сказала бы:—Г. Мулльяръ, развѣ вы не хотите, чтобъ я стала вашею племянницей?—вы думаете, что тогда бы онъ уступилъ?

— Ахъ, зачѣмъ, это невозможно?!

— Это, правда, трудно, но не знаю невозможно ли это.

Мы изложили, или вѣрнѣе Жанна изложила дѣло г. Шарно, который рѣшительно предоставляетъ самую давнишнюю и самую полную побѣду своей дочери. Сперва онъ и слушать ничего не хотѣлъ. По его мнѣнію, это было мое личное, семейное дѣло, въ которое ему не слѣдуетъ вмѣшиваться. Жанна настаивала. Ей удалось поколебать его. Она отважно предложила поѣздку въ Буржъ съ цѣлью посѣщенія г. Мулльяра. Аргументовъ у нея было изобиліе, порой они были слабоваты, но она ихъ такъ мило говорила! Поѣздка въ Беррійскій департаментъ будетъ прелестна, такъ успокоительна, въ ней будетъ столько новаго для нихъ обоихъ. Развѣ еще наканунѣ г. Шарно не жаловался на парижскую жару въ августѣ? Да, онъ жаловался, и вполнѣ основательно, потому что его сотоварищи, нисколько не стѣсняясь, побросали свои занятія, чтобы проѣхаться въ провинцію. И она всѣхъ ихъ перечисляла, одинъ отправился въ Вогезы, другой въ Аркашонъ, еще третій въ Довилль. И потомъ, какъ разъ рядомъ съ Буржемъ живетъ одна его старинная знакомая изъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья. Сколько разъ она приглашала его къ себѣ? Сколько разъ онъ не исполнялъ даннаго имъ обѣщанія? Можно воспользоваться даннымъ случаемъ, чтобы прокатиться и къ ней въ зàмокъ. Г. Шарно все продолжалъ упорствовать, ссылаясь на странность подобнаго поступка.

— Напротивъ, отецъ, сказала она,—съѣздивъ къ г. Мулльяру, ты только исполнишь долгъ вѣжливости.

— Какимъ это образомъ, позволь тебя спросить?

— Онъ сдѣлалъ тебѣ визитъ, ты обязанъ отдать его!

Г. Шарно покачалъ головой, какъ отецъ, который можетъ-быть и не убѣжденъ, но который признаетъ себя побѣжденнымъ.

....

Что до меня, Жанна, то я снова начинаю вѣрить въ фей.

3 августа.

Я снова былъ въ Университетской улицѣ. Поѣздка рѣшена: я ѣду завтра въ Буржъ, а г. Шарно съ дочерью прибудутъ туда послѣ завтра утромъ.

На меня возложено двойное порученіе: я долженъ занять въ гостиницѣ удобныя комнаты въ первомъ этажѣ и выходящія на южную сторону, затѣмъ я долженъ повидаться съ дядей и подготовить его къ ихъ посѣщенію.

Подготовить его, а никакъ не напугать. Жанна начертала мнѣ весь планъ кампаніи. Я долженъ быть самымъ кроткимъ племянникомъ, еслибы даже онъ показалъ себя самымъ крутымъ дядей; я долженъ препятствовать ему возвращаться къ прошедшему, стараться заставить его трезвымъ взглядомъ посмотрѣть на настоящее, скромно признаться ему, что мадемуазель Шарно извѣстны его чувства и что для нея они тягостны, но въ то же время стараться избѣгнуть и отложить до болѣе удобнаго времени полное объясненіе, общее обсужденіе существующаго положенія. Г. Мулльяра навѣрное смягчитъ такая кротость, и онъ сложитъ оружіе по крайней мѣрѣ до семейнаго совѣщанія, о которомъ я долженъ только намекнуть ему. Затѣмъ, если къ моимъ первымъ дѣйствіямъ онъ отнесется благодушно, то я долженъ сообщить ему, что г. Шарно въ настоящее время путешествуетъ по Беррійскому департаменту и что можетъ-быть при проѣздѣ черезъ Буржъ онъ побываетъ даже и у него.

Этимъ заканчивается моя роль. Остальное уже сдѣлаютъ Жанна и г. Шарно. Г. Мулльяру придется съ Жанной, при блескѣ ея ясныхъ глазъ и при прелести ея милой улыбки, „обсуждать существующее положеніе“, ему придется бороться противъ аргументовъ ея юности и ея очарованія. Бѣдняга!

Жанна вполнѣ вѣритъ въ успѣхъ. Отецъ ея, убѣжденный ею, нимало не сомнѣвается въ капитуляціи моего дядюшки. Что до меня, то хотя я стараюсь нѣсколько бороться противъ этого оптимизма, въ концѣ концовъ я также отчасти начинаю склоняться въ сторону надежды.

Въ минуту моего возвращенія домой привратница мнѣ подала двѣ визитныя карточки Ларивe.

На первой стояло:

Ш. Ларивe.

Главный помощникъ присяжнаго повѣреннаго.

На прощаніе.

Вторая карточка изъ слоновой бумаги сообщала мнѣ новость:

Ш. Ларивe.

Бывшій главный помощникъ присяжнаго повѣреннаго.

Итакъ, онъ покидаетъ Парижъ, этотъ Парижанинъ, который клялся въ томъ, что ему не прожить сорока восьми часовъ въ провинціи: такъ и должно было случиться. Онъ женится: мнѣ это безразлично. Послѣдствіемъ будетъ то, что мы уже не будемъ болѣе видаться, но я объ этомъ плакать не стану.

Буржъ, 3 августа.

Если вамъ случалось проѣзжать черезъ Буржъ, то вы могли замѣтить, что улицы и мѣстечки тамъ носятъ старинныя названія, сохраняемыя похвальнымъ чувствомъ уваженія къ традиціямъ и указывающія на то, что это городъ дѣйствительно старинный, въ которомъ еще живутъ люди стараго времени, я разумѣю, люди, привязанные къ своей землѣ, съ рѣзкимъ провинціальнымъ отпечаткомъ, люди, понимающіе, что̀ такое значитъ имя для улицы, ея честь, ея супругъ, если хотите, съ которымъ у нея не можетъ быть развода.

Мой дядюшка Мулльяръ, одинъ изъ самыхъ убѣжденныхъ и самыхъ вѣрныхъ Беррійцевъ, само собою разумѣется, живетъ въ одной изъ самыхъ старинныхъ улицъ, подъ сѣнію собора, подъ звономъ его колоколовъ, живетъ въ улицѣ Фуръ.

Черезъ четверть часа по моемъ пріѣздѣ въ городъ я уже дергалъ за безволосую ножку козули, которая виситъ у двери его дома. Было пять часовъ, и я навѣрное зналъ, что дяди моего нѣтъ дома. По окончаніи судебнаго присутствія одинъ изъ его помощниковъ приноситъ бумаги въ контору, а самъ онъ, распустивъ по вѣтру полы своего длиннаго сюртука, медленнымъ шагомъ направляется въ гости къ пріятелямъ, къ кліентамъ, къ какимъ-нибудь почтеннымъ дамамъ, съ которыми онъ танцовалъ около 1840 г., или же, всего чаще, идетъ погулять по обсаженному тополями берегу Беррійскаго канала, гдѣ вереницы маленькихъ осликовъ тянутъ бичевой большія баржи.

Такимъ образомъ я былъ увѣренъ, что не застану его.

Дверь мнѣ отперла Мадлена. Она даже испугалась, увидавъ меня.

— Г. Фабіанъ!

— Да, Мадлена, я самый. Дяди нѣтъ дома?

— Нѣтъ. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ хотите войти?

— Почему же нѣтъ?

— Г. Мулльяръ такъ перемѣнился со времени своей поѣздки въ Парижъ, г. Фабіанъ!

Мадлена стояла неподвижно и, поднявъ одною рукой свой фартукъ, смотрѣла на меня съ выраженіемъ тревоги и упрека въ своемъ взорѣ.

— Мнѣ надобно войти, Мадлена. Мнѣ нужно кое о чемъ поговорить съ тобою.

Она не отвѣчала и повернувшись пошла впереди меня.

Не такъ принимали меня въ былыя времена! какая разница! Мадлена отправлялась встрѣчать меня на вокзалъ. Она обнимала меня, дѣлала мнѣ комплименты относительно моего вида, обѣщала мнѣ всякихъ сластей, которыхъ она мнѣ наготовила. Едва ступалъ я ногой въ корридоръ, какъ навстрѣчу ко мнѣ выходилъ дядя, откладывавшій свою обычную прогулку, съ галстукомъ на боку и съ радостью въ сердцѣ, что видитъ меня, ничтожнаго неловкаго гимназиста. Былыя времена! Теперь я прихожу, боясь встрѣтить дядю, а Мадлена боится отпереть мнѣ дверь!

Она мнѣ объ этомъ ничего не сказала, но я догадываюсь, что много слезъ пролили ея темные глаза на ея худыя блѣдныя какъ воскъ щеки. Какое у нея прозрачное лицо! Можно подумать, что какая-то лампада озаряетъ ее какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ. Сильная, однако, энергія таится подъ этою безстрастною наружностью. Мадлена родилась въ Байоннѣ, въ ея жилахъ течетъ испанская кровь. Говорятъ въ двадцать лѣтъ она была очаровательна. Въ старости она пріобрѣла строгій видъ вмѣстѣ съ грустнымъ обликомъ настоящей вдовы и съ сердцемъ бабушки.

И вотъ она неслышно двигается въ свое царство мира и тишины, въ свою кухню. Я слѣдую за нею. Двѣ вещи никогда не проникали сюда: пыль и шумъ. Одинокій щеголъ въ ивовой клѣткѣ, порой испускающій негромкій крикъ, да металлическій маятникъ стѣнныхъ часовъ единственно только и оживляютъ здѣсь безмолвное теченіе времени. Она садится на низенькую табуретку, на которой она обыкновенно занимается вязаніемъ.

— Мадлена, ты знаешь, я женюсь.

Она медленно покачала головой.

— Да, знаю, въ Парижѣ, г. Фабіанъ; это-то такъ и удручаетъ г. Мулльяра.

— Ты увидишь, ту, кого я люблю, Мадлена.

— Не думаю, г. Фабіанъ.

— Нѣтъ увидишь, и убѣдишься въ томъ, что мой дядюшка ошибается.

— Я не замѣчала, чтобъ ему случалось часто ошибаться.

— Какъ бы то ни было, не въ этомъ вопросъ. Женитьба моя рѣшена, но я желаю добиться согласія дяди, понимаешь? я желаю помириться съ нимъ.

Мадлена снова покачала головой.

— Этого вамъ не удастся.

— О, Мадлена!

— Нѣтъ, г. Фабіанъ, не удастся.

— Такъ онъ, стало-быть, очень перемѣнился!

— Такъ, что вы и повѣрить не можете, такъ что мнѣ приходится очень стараться, чтобы ничего ему не показывать. Онъ, пользовавшійся всегда такимъ отличнымъ аппетитомъ, теперь только капризничаетъ. Напрасно стараюсь я готовить ему его любимыя кушанья, подавать ему различныя новинки, ему не до чего нѣтъ дѣла: онъ смотритъ въ окошко, когда я являюсь со своими новыми новинками. По вечерамъ онъ часто забываетъ выйти прогуляться въ садъ, а сидитъ себѣ съ развернутою салфеткой, опершись головой на руки, и думаетъ про себя о различныхъ вещахъ, о которыхъ ничего не говоритъ. Если я заговариваю съ нимъ о васъ,—а я пыталась, г. Фабіанъ!—онъ уходитъ совсѣмъ гнѣвный и запрещаетъ мнѣ даже заикаться о васъ. Домъ у насъ не веселъ, г. Фабіанъ. Всѣ замѣчаютъ, что онъ перемѣнился; г. Лорине съ супругой къ намъ больше ни ногой; г. Гюблеттъ и г. Орне приходятъ съ похороннымъ видомъ, чтобъ играть въ карты, думая, что они этимъ составляютъ удовольствіе г. Мулльяру; даже кліенты говорятъ, что г. Мулльяръ принимаетъ ихъ точно какихъ-нибудь собакъ и что ему слѣдовало бы продать свою контору.

— Такъ она не продана?

— Нѣтъ еще. Но полагаю дѣло за этимъ не станетъ.

— Послушай, Мадлена: ты всегда была добра и внимательна ко мнѣ; я увѣренъ, что ты все еще меня любишь; окажи мнѣ

послѣднюю услугу. Нужно, чтобы ты какъ-нибудь пріютила меня здѣсь безъ вѣдома дяди.

— Безъ его вѣдома, г. Фабіанъ!

— Ну, да, устрой меня хотя въ библіотекѣ, напримѣръ, онъ никогда въ нее не заходитъ. Оттуда я буду наблюдать за дядей такъ, чтобъ онъ меня не видѣлъ, вѣдь ты сама же говоришь, что онъ теперь сталъ очень перемѣнчивъ въ своемъ настроеніи, и, какъ только удобный случай къ тому представится, я буду на готовѣ, чтобъ имъ воспользоваться. Одинъ твой знакъ, и я тотчасъ же явлюсь.

— Это-то правда, г. Фабіанъ.

— Это необходимо, Мадлена, необходимо, чтобъ я нашелъ случай поговорить съ г. Мулльяромъ до завтрашняго утра: завтра въ десять часовъ пріѣзжаетъ моя невѣста.

— Парижанка? Пріѣзжаетъ сюда!

— Завтра утромъ, вмѣстѣ со своимъ отцомъ.

— Ахъ, Господи Боже мой, да возможно ли это!

— Чтобы видѣть тебя, Мадлена, видѣть дядю, заключить миръ. Развѣ это не мило съ ея стороны?

— Мило, г. Фабіанъ, и—да я заранѣе дрожу въ ожиданіи того, что̀ можетъ случиться... Но какъ бы то ни было, я все-таки буду очень рада познакомиться съ вашею невѣстой ..

И такимъ образомъ мы условились. Мадлена не скажетъ ни слова дядѣ о моемъ присутствіи въ Буржѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Если она подмѣтитъ свѣтлый лучъ въ мрачномъ настроеніи г. Мулльяра, она тотчасъ же увѣдомитъ меня; если мнѣ придется отложить свиданіе до завтрашняго утра и провести ночь на диванѣ въ библіотекѣ, то она мнѣ принесетъ сладкихъ пироговъ, одѣяло и ту подушку, на которой я спалъ, когда еще былъ ребенкомъ.

И вотъ я нахожусь въ обширной библіотекѣ, она прилегаетъ къ гостиной, а другая дверь ея выходитъ на площадку, какъ разъ противъ комнаты г. Мулльяра, а окнами она выходитъ въ садъ. Какой славный старый буржуазный видъ, начиная отъ лоснящагося дубоваго паркета и кончая четырьмя стеклянными шкафами, надъ которыми возвышаются четыре бронзовыхъ бюста: Геродотъ, Гомеръ, Сократъ, Мармонтель. Ничто не измѣнилось: книги стоятъ на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ онѣ стояли и двадцать лѣтъ тому назадъ, Вольтеръ рядомъ съ Руссо, *Словарь полезныхъ знаній* рядомъ съ *Древней Исторіей* Роллена,

маленькія въ красивомъ переплетѣ книжки, *Размышленія* святаго Игнатія стоятъ бокъ-о-бокъ съ огромнымъ томомъ ветеринарнаго искусства. Стрѣлы дикарей, и какъ говорятъ отравленныя, которыя повергали меня въ такой ужасъ въ дѣтствѣ, все тѣмъ же вѣеромъ расположены надъ каминомъ, по обѣ стороны котораго попрежнему высятся два бѣлыхъ корала; ручной органчикъ, до котораго мнѣ было запрещено дотрогиваться до моего 18-тилѣтняго возраста, все также стоитъ въ лѣвомъ углу; а на письменномъ столѣ возлѣ маленькаго бювара, въ которомъ лежитъ почтовая бумага, все попрежнему величественно поднимается и все попрежнему легко повертывается земной глобусъ, на которомъ отмѣчены всѣ три путешествія капитана Кука! Ахъ, капитанъ, какъ мы часто путешествовали съ вами! Какъ славно плавали мы при попутномъ вѣтеркѣ среди острововъ съ дѣвственною растительностью, которые смотрѣли на насъ, открывая намъ чашечки своихъ удивительныхъ цвѣтовъ, стараясь насъ привлечь и усыпить ихъ опаснымъ благоуханіемъ; но мы угадывали западню, замѣчали концы копій, блестѣвшихъ среди высокихъ травъ; вы провозглашали слова команды вашимъ прекраснымъ звучнымъ голосомъ, и мы плыли дальше, предъ нами разстилался безконечный путь, мы плыли къ новымъ землямъ, къ новымъ открытіямъ, до самаго роковаго острова Овайхи, до того орошеннаго слезами мѣстечка земнаго шара..., потому что я васъ оплакивалъ, капитанъ, оплакивалъ васъ въ тѣ годы, когда слезы сами катятся изъ исполненнаго восторженностью сердца!

Семь часовъ на соборной башнѣ; садовая дверь съ шумомъ захлопывается: это возвращается мой дядюшка.

Да, вонъ онъ идетъ по извилистой дорожкѣ. Онъ держитъ свою шляпу въ рукахъ и идетъ съ опущенною головой. Г. Мулльяръ не останавливается предъ своими молоденькими деревцами, онъ проходитъ мимо клумбы петуній, не бросивъ на цвѣты того быстраго взгляда, который я такъ хорошо знаю, взгляда довольнаго своимъ дѣломъ садовода; онъ не говоритъ ни слова ободренія этой китайской уткѣ, которая предъ его глазами въ перевалку пересѣкаетъ аллею.

Мадлена права. Примиреніе еще не созрѣло, надобны горячіе лучи яснаго солнца, чтобы заставить созрѣть его. Ахъ, Жанна, еслибы вы были здѣсь!

— Никто не приходилъ въ мое отсутствіе?

Эта давнишняя фраза дяди, которой онъ всегда остается вѣренъ. Но я слышу какъ Мадлена отвѣчаетъ ему съ нѣкоторымъ смущеніемъ:

— Нѣтъ, къ вамъ никто не приходилъ, сударь.

— Такъ стало быть кто-нибудь приходилъ къ тебѣ? Можетъ-быть какой-нибудь влюбленный, моя старая Мадлена? Что̀ же, люди теперь стали до того глупы, что и ты можешь оказаться способною на то чтобы выдти замужъ и покинуть меня. Ну, скорѣе, давай-ка мнѣ обѣдать, а если придетъ, знаешь, этотъ господинъ съ орденомъ въ петличкѣ,...

— Высокій, худой?

— Да, такъ ты его проведи въ гостиную.

— Въ гостиную? Нѣтъ, сударь, это невозможно. Тамъ только-что вчера натирали полы, да и мебель еще не въ порядкѣ разставлена.

— Ну хорошо, хорошо, я его приму здѣсь.

Дядя прошелъ въ столовую, что̀ находилась какъ разъ подо мною и въ теченіе минутъ двадцати я не могъ слышать ничего инаго за исключеніемъ громкаго призывнаго звона его хрустальнаго стакана.

Едва успѣлъ онъ окончить свой обѣдъ, какъ раздался звонокъ у входной двери. Кто-то спросилъ г. Мулльяра, должно быть высокій господинъ съ орденомъ въ петличкѣ, потому что Мадлена тотчасъ же впустила его и по шуму подвинутаго стула я могъ угадать, что дядя встаетъ для встрѣчи своего гостя.

Они садятся. Завязывается бесѣда. Ко мнѣ долетаетъ лишь смутный гулъ голосовъ. Порой, однако, до меня доносятся болѣе ясные звуки и мнѣ кажется, что мнѣ знакомъ этотъ пѣвучій громкій голосъ. Вѣроятно просто иллюзія, но она преслѣдуетъ меня среди безмолвія библіотеки и въ полномъ бездѣйствіи моего тревожно настроеннаго духа. Предо мною вереницей проходятъ всѣ люди съ пѣвучими голосами, которыхъ я знавалъ въ Буржѣ: сѣменной торговецъ на площади Сенъ-Жана, причетникъ Ролле, крупный промышленникъ, который черезъ дядю подавалъ жалобы касательно сбора налоговъ. Я лихорадочно стараюсь угадать, кому принадлежитъ этотъ голосъ, между тѣмъ какъ свѣтъ понемногу меркнетъ въ окнѣ, и башни Сентъ-Этьена понемногу начинаютъ терять тотъ яркій блескъ, которымъ ихъ окутываютъ лучи заходящаго солнца.

Черезъ часъ времени разговоръ становится болѣе горячимъ. Дядя покашливаетъ, пѣвучій голосъ становится болѣе рѣзкимъ. До меня долетаетъ отрывокъ разговора:

— Нѣтъ-съ.

— Да-съ.

— А законъ, милостивый государь?

— Я дѣйствую по закону.

— Это тираннія!

— Въ такомъ случаѣ, бросимъ дѣло!

Слѣдуетъ полагать, что дѣло, однако, не бросается, потому что мало-по-малу голоса понижаются и скоро до меня доносятся лишь простые однообразные звуки обыкновенной бесѣды. Проходитъ еще второй часъ, еще третій. Что̀ это за безконечно длящееся посѣщеніе?

Уже около одиннадцати часовъ. Лучи восходящей луны пробиваются сквозь листву деревьевъ въ саду. Большая черная кошка проходитъ по лужайкѣ, отряхивая свои сѣрыя лапки. Ночной свѣтъ придаетъ ей видъ какого-то тигра. Мысленно я вижу Мадлену, которая сидитъ, устремивъ глаза въ потухшую золу очага, и перебираетъ четки. Она думаетъ то же, что и я: „уже сколько лѣтъ г. Мулльяръ никогда не ложился спать въ такіе поздніе часы!“ Она ждетъ, потому что никогда никакая другая рука, кромѣ ея собственной руки, не запирала входной двери; домъ не былъ бы запертъ, еслибъ она сама не заперла его.

Наконецъ дверь столовой отворяется.

— Позвольте вамъ посвѣтить, обратите вниманіе на ступеньки.

Затѣмъ прощаніе измученныхъ утомленіемъ людей, скрипъ большаго ключа въ замкѣ, легкіе удаляющіеся шаги, тяжелые шаги моего дяди, который взбирается по лѣстницѣ къ себѣ въ комнату: все кончено.

Какъ медленно поднимается дядя! Да, горе есть тяжкое бремя, это не метафора. Онъ, болѣе подвижной, чѣмъ статья изъ свода законовъ, онъ, повидимому, съ трудомъ носитъ свое собственное тѣло.

Вотъ онъ миновалъ площадку, заперся у себя въ комнатѣ. Не пойти ли мнѣ къ нему? Насъ раздѣляютъ всего нѣсколько шаговъ. Можетъ быть охватившее его чувство волненія расположитъ его въ мою пользу... Что̀ это я слышу? Вздохи, рыда-

нія? Онъ плачетъ? Пусть будетъ, что̀ будетъ, дядюшка, но я бѣгу къ вамъ!

Я дѣйствительно уже былъ готовъ идти изъ библіотеки, когда вдоль стѣны раздался шелестъ платья безъ всякаго предварительнаго звука какихъ бы то ни было шаговъ. Въ то же время маленькая вчетверо сложенная записочка скользнула снизу сквозь дверную щель ко мнѣ на паркетъ, то было посланіе отъ молчаливой Мадлены. Я развернулъ бумажку и прочелъ слѣдующія слова, написанныя изъ одного угла въ другой діагонально и съ вполнѣ испанскимъ пренебреженіемъ къ французской орѳографіи: „*Не ходите къ нему сегодня вечеромъ.*"

Если ты такъ совѣтуешь, Мадлена,—я не пойду.

Нѣтъ. Я лягу спать здѣсь, на диванѣ. Тѣмъ не менѣе отсрочка эта мнѣ крайне тягостна и именно теперь. Мнѣ больно дать пройти еще этой ночи, не помирившись съ бѣднымъ дядей, по крайней мѣрѣ не попытавшись помириться съ нимъ. Онъ страдаетъ, онъ чувствуетъ себя несчастнымъ до такой степени, что онъ плачетъ, онъ, у котораго не было слезъ при столькихъ встрѣчахъ, когда я не могъ удержаться, чтобы не плакать! Я послѣдую твоему совѣту, мой старый вѣрный другъ, потому что я знаю, что ты не менѣе меня тревожишься относительно водворенія мира въ этомъ домѣ, но я чувствую, что мнѣ еще долго и безплодно придется раздумывать о томъ, что̀ это еще за новое горе и насколько я къ нему причастенъ.

Буржъ, *5 августа.*

Я просыпаюсь въ семь часовъ. Первая моя мысль о г. Мулльярѣ. Гдѣ онъ? Я прислушиваюсь: все тихо. Я подхожу къ окну: маленькій клеркъ, лежа на животѣ на лужайкѣ, бросаетъ кусочки хлѣба золотымъ рыбкамъ въ бассейнѣ. Это признакъ безошибочный: дяди нѣтъ дома.

Я спускаюсь въ кухню.

— Что̀ это, Мадлена, его нѣтъ дома? онъ куда-то вышелъ?

— Въ шесть часовъ, г. Фабіанъ.

— Зачѣмъ ты меня не разбудила?

— Развѣ я могла знать? Вѣдь онъ никогда, рѣшительно никогда, не выходилъ изъ дома по утру. Онъ такой сегодня, какимъ я его никогда не видала, хуже даже, чѣмъ въ день кончины его покойной супруги.

— Что̀ съ нимъ такое?

— Мнѣ кажется, что онъ намѣревается продать свою контору.

Вчера вечеромъ внизу у лѣстницы онъ сказалъ мнѣ: „Конченный я человѣкъ, Мадлена, совсѣмъ конченный. Могъ бы я еще снова ожить, но есть неблагодарный, дикарь, — ужь извините меня за это выраженіе, г. Фабіанъ,—который не хочетъ этого. Еслибы только онъ попался ко мнѣ въ руки, не знаю, чтобъ я съ нимъ сдѣлалъ!“

— Такъ онъ и не сказалъ, чтобъ онъ сдѣлалъ съ этимъ дикаремъ?

— Нѣтъ, не сказалъ. Вотъ тогда-то я вошла на верхъ и подсунула вамъ въ дверь записочку.

— Да, благодарю тебя. А сегодня утромъ, онъ все еще не успокоился?

— Гнѣвнаго вида у него уже нѣтъ, только я замѣтила, что онъ плакалъ.

— Гдѣ онъ?

— Не знаю. Впрочемъ, стараться поймать его, все равно, что гоняться за оленемъ.

— Правда. Лучше подождать его. А когда онъ вернется?

— Не раньше десяти часовъ. Говорю вамъ, онъ никогда не отлучается изъ дома поутру.

— Но, Мадлена, въ десять часовъ уже пріѣдетъ Жанна.

— Ее зовутъ Жанной?

— Да. Г. Шарно тоже пріѣдетъ. А дядя, котораго я долженъ былъ подготовить къ ихъ пріѣзду, ничего не будетъ знать объ этомъ, не будетъ даже знать, что я провелъ ночь подъ его кровлей

— Дѣло въ томъ, г. Фабіанъ, что все на мой взглядъ пока еще идетъ очень плохо. Но часто бываетъ такъ, что въ дѣло вмѣшивается случай и въ концѣ-концовъ все благополучно устраивается.

— Расположи-ка случай въ мою пользу, моя добрая Мадлена.

Но случай оказался неумолимъ. Дядя мой не вернулся. Мнѣ не приходило въ голову никакой новой мысли. Отправляясь на вокзалъ желѣзной дороги, недовольный и въ тревогѣ, я все еще мучился вопросомъ, который уже цѣлый часъ безплодно вертѣлся у меня въ головѣ:

— Я ничего не говорилъ г. Мулльяру. Нужно ли мнѣ теперь что-нибудь говорить г. Шарно?

Мои страхи еще болѣе увеличились, когда я увидалъ, въ мчавшемся поѣздѣ Жанну и Шарно, стоявшихъ у окна.

Минуту спустя, она уже выходила изъ вагона въ сѣромъ дорожномъ костюмѣ съ розами на щечкахъ и съ крылышками чайки на шляпѣ.

Г. Шарно пожалъ мнѣ руку съ чувствомъ истиннаго облегченія, что онъ вышелъ изъ вагона, расправилъ свои члены, почувствовавъ подъ ногами твердую почву; онъ спросилъ меня о здоровьѣ дяди и, услыхавъ отъ меня въ отвѣтъ, что дядя чувствовалъ себя превосходно, отправился получать багажъ.

— Ну, что̀ же, обратилась ко мнѣ Жанна, все устроено?

— Напротивъ, ровно ничего.

— Вы съ нимъ видѣлись?

— Даже не видался. Я все поджидалъ удобной минуты, а ея такъ и не представилось; вчера вечеромъ г. Мулльяръ былъ занятъ; сегодня онъ вышелъ изъ дома въ шесть часовъ. Онъ даже не знаетъ, что я нахожусь въ Буржѣ.

— А вы были у него?

— Я спалъ на диванѣ у него въ библіотекѣ.

Она посмотрѣла на меня съ видомъ, который означаетъ: „Мой бѣдный другъ, какъ вы мало практичны!“

— Продолжайте ничего не дѣлать, сказала она,—и это будетъ самое лучшее. Еслибы мой отецъ зналъ, что вы не предупредили объ его пріѣздѣ, то онъ, пожалуй, уѣхалъ бы обратно.

Въ эту минуту къ намъ подошелъ г. Шарно, такъ какъ оба чемодана и кордонъ со шляпой уже были водворены на имперіалъ омнибуса гостиницы *Франція*.

— Вѣдь вы въ гостиницѣ *Франція* удержали намъ комнаты, не такъ ли?

— Точно такъ, г. Шарно.

— Теперь четверть десятаго; передайте г. Мулльяру, что мы будемъ у него ровно въ десять часовъ.

Я проводилъ ихъ нѣсколько шаговъ. Они сѣли въ карету и крупною рысью поѣхали въ гостиницу.

Когда я потерялъ ихъ изъ виду и обвелъ вокругъ себя взглядомъ, я увидалъ подъ навѣсомъ три фигуры, которыя внимательно смотрѣли на меня. Я узналъ въ нихъ господина, г-жу и мадемуазель Лорине. Они всѣ трое улыбались одинаковою презрительною и насмѣшливою улыбкой. Я поклонился. На мой поклонъ отвѣтилъ только одинъ г. Лорине, слегка приподнявъ свою шляпу; по какой-то невѣроятной случайности на Бертѣ опять-таки было голубое платье.

Я пошелъ по направленію къ улицѣ Фуръ, счастливый и взволнованный, то строя различные проекты, взаимно уничтожавшіе другъ друга, то предаваясь самымъ розовымъ надеждамъ, то осыпая себя проклятіями еще болѣе ужасными, чѣмъ проклятія Камиллы. Я шелъ вдоль улицъ, скрываясь за своимъ дождевымъ зонтомъ, такъ какъ шелъ дождь, потому что надъ Буржемъ разразилась большая грозовая туча; я благословлялъ этотъ дождь, позволявшій мнѣ скрывать свое лицо.

Отъ берега Вуазеля до квартала, въ которомъ стоитъ соборъ, довольно далеко. Когда я проходилъ съ Мойеннской улицы, этого Италіянскаго бульвара беррійской столицы, чтобы повернуть въ улицу Фуръ, яркое солнце уже сушило мокрыя крыши, а на часахъ съ кукушкой у сосѣда моего дяди г. Фестіоне было какъ разъ десять часовъ.

Мнѣ не пришлось и трехъ минутъ ждать у калитки сада, ключъ отъ которой мнѣ дала Мадлена: г. Шарно появился подъ руку съ Жанной.

— Вообразите себѣ, что я позабылъ свои резиновыя калоши, я, который никогда не ѣзжу безъ нихъ въ деревню!

— О, въ деревню, отецъ! сказала Жанна: Буржъ вѣдь городъ.

— Конечно, конечно, поспѣшилъ согласиться г. Шарно, испугавшійся, что онъ меня обидѣлъ.

Онъ досталъ свои очки и принялся осматривать сосѣдніе дома.

— Городъ, настоящій городъ!

Я ужь не помню теперь, какую глупость я пробормоталъ ему въ отвѣтъ.

Ужь конечно не о резиновыхъ калошахъ г. Шарно и не о репутаціи Буржа помышлялъ я въ эту минуту! Я чувствовалъ что тамъ, за стѣной, находится г. Мулльяръ! Я думалъ о томъ, что приходится распахнуть дверь, безо всякаго предувѣдомленія впустить этого академика къ этому адвокату, можетъ быть рисковать всѣмъ счастіемъ моей жизни по случайному впечатлѣнію дяди, словомъ, ставить послѣднюю карту въ столь плохо начавшейся игрѣ!..

Жанна, не взирая на всѣ старанія скрыть это, была также сильно взволнована. Я чувствовалъ какъ дрожитъ рука, которую она мнѣ протянула.

— Положимся на милость Божію, проговорила она шепотомъ: отворяйте калитку.

Я вставилъ ключъ въ замокъ.

Было уговорено, что Мадлена тотчасъ же отправится сообщить дядѣ, что какіе-то незнакомые люди ожидаютъ его въ саду. Но, или она была чѣмъ-нибудь занята, или не сразу насъ увидала, но мы простояли нѣсколько минутъ въ концѣ лужайки, прежде чѣмъ кто бы то ни было къ намъ появился.

Я скрылся за густымъ орѣшникомъ, росшимъ вдоль стѣнъ сада.

Г. Шарно находилъ садъ прекраснымъ и съ удовольствіемъ осматривался по сторонамъ. Садъ дяди дѣйствительно былъ очень хорошъ: омытая дождемъ листва сверкала яркою зеленью; крупныя капли съ серебристымъ звукомъ падали съ высокихъ деревьевъ; въ клумбахъ пестрѣли въ полномъ цвѣту петуніи, наполнявшія воздухъ своимъ благоуханіемъ; примолкнувшія во время дождя птицы теперь щебетали и пѣли, порхая по вѣткамъ; а я былъ точно безумный, и мнѣ казалось, что онѣ говорятъ.

Зябликъ говорилъ:

— Старый Муллльяръ, развѣ ты не видишь вспорхнувшую сюда малиновку.

Синичка говорила:

— Берегись, старикъ! она умнѣе тебя!

Черный дроздъ говорилъ:

— Я слыхалъ о ней отъ моего дяди, чернаго же дрозда изъ Елисейскихъ полей, она была тамъ очень замѣчена!

Ласточка говорила:

— Не успѣю я облетѣть этой лужайки, какъ Жанна уже успѣетъ завладѣть твоимъ сердцемъ.

Воронъ, который былъ нѣчто въ родѣ нотаріуса, летѣлъ съ башни, восклицая:

— Ба, ба, ба! почему бы и не устроить маленькаго контракта, та, та?

И затѣмъ всѣ птицы щебетали хоромъ:

— Еслибъ у васъ были наши глаза, г. Мулльяръ, то вы увидали бы, что она смотритъ на вашу контору; еслибъ у васъ были наши уши, г. Мулльяръ, то вы услыхали бы, какъ она вздыхаетъ; еслибъ у васъ были наши крылья, г. Мулльяръ, то вы полетѣли бы къ Жаннѣ.

Этотъ необычайный концертъ, по всей вѣроятности, и привлекъ на себя вниманіе Мадлены. Мы увидали, какъ ея прямая фигура двинулась по направленію конторы, находившейся въ углу сада.

Высокій силуэтъ г. Мулльяра обрисовался на порогѣ, занимая собою все дверное отверстіе.

— Въ саду, говоришь ты? Что̀ за фантазія проводить кліентовъ въ садъ въ такое время? Зачѣмъ ты имъ отворила калитку.

— Я имъ не отворяла калитку, они вошли сами.

— Стало-быть калитка не была заперта. Здѣсь ничего не запираютъ. Скоро кліенты будутъ проникать ко мнѣ чрезъ трубу камина! Что̀ это за люди?

— Какой-то господинъ съ какою-то молоденькою дамой, которыхъ я не знаю.

— Которыхъ ты не знаешь... Навѣрное бракоразводное дѣло, готовъ о закладъ биться... Это просто нелѣпо, честное слово! И есть же такіе люди, которые являются ко мнѣ, чтобы надоѣдать мнѣ своими семейными дрязгами!

Пока Мадлена, избѣгая бури, спѣшила удалиться къ себѣ въ кухню, г. Мулльяръ двумя взмахами руки поправилъ себѣ волосы, послѣдній остатокъ нѣкотораго кокетства, и затѣмъ направился по дорожкѣ, которая шла вокругъ лужайки.

Я постарался совсѣмъ спрятаться за густыми кустарниками орѣшника. Г. Шарно, полагая, что я иду слѣдомъ за нимъ, шелъ спокойнымъ, развязнымъ шагомъ.

Дядя подвигался впередъ походкой человѣка, отягощеннаго бременемъ дѣлъ и довольнаго тѣмъ, что онъ можетъ съ минутку прогуляться между свиданіемъ съ кліентомъ, который только-что ушелъ, и свиданіемъ съ кліентомъ, который только-что является. Дядюшка всегда любилъ, чтобы всѣ думали, что онъ подавленъ бременемъ дѣлъ.

Мимоходомъ онъ далъ щелчекъ по розѣ, которую терзали мошки, кончикомъ ноги отбросилъ въ сторону ползшаго по дорожкѣ слизняка, затѣмъ на полпути вдругъ поднялъ голову и взглянулъ на докучныхъ посѣтителей.

Его нахмуренныя брови расправились, глаза его отъ изумленія сдѣлались круглыми.

— Возможно ли? членъ института г. Шарно?!.

— Я самый, г. Мулльяръ.

— И безъ сомнѣнія, мадемуазель Жанна?

— Именно, она пріѣхала вмѣстѣ со мной, чтобъ отдать вамъ визитъ.

— Право, это слишкомъ, это черезчуръ любезно. Такое путешествіе, чтобы повидать меня!

— Напротивъ, ничего не можетъ быть естественнѣе этого, принимая во вниманіе взаимное положеніе этихъ молодыхъ людей.

— Итакъ, вы выдаете замужъ вашу дочку?

— Да, полагаю, засмѣялся г. Шарно.

— Поздравляю васъ, мадемуазель!

— И я привезъ ее сюда, чтобы представить ее вамъ, г. Мулльяръ: вы имѣете на это право.

— Имѣю право! О, что касается права, то ровно никакого!

— Нѣтъ, нѣтъ, имѣете полное право.

— Позвольте, г. Шарно. Учтивость превосходная вещь, но прежде всего слѣдуетъ быть откровеннымъ. Если я былъ у васъ въ Парижѣ, то въ значительной мѣрѣ ради того, чтобы получить свѣдѣнія. Вы мнѣ дали эти свѣдѣнія. А теперь позвольте мнѣ сказать вамъ, что не стоило ѣздить изъ Парижа въ Буржъ, чтобы меня благодарить за это, и тѣмъ болѣе ѣздить съ дочерью.

— Позвольте и мнѣ, въ свою очередь, сказать вамъ нѣсколько словъ, г. Мулльяръ. Скромность точно также имѣетъ извѣстныя границы. Такъ какъ вашъ племянникъ женится на моей дочери, то вполнѣ естественно, что, разъ дочь моя находится проѣздомъ въ Буржѣ, я спѣшу вамъ ее представить.

— У меня нѣтъ племянника, г. Шарно!

— Но онъ здѣсь.

— И я не дѣлалъ предложенія вашей дочери!

— Нѣтъ, но вы приняли племянника, а слѣдовательно...

— Никогда.

— Г. Фабіанъ находится у васъ со вчерашняго дня; онъ предупредилъ васъ о нашемъ пріѣздѣ.

— Нѣтъ, я его не видалъ, я бы его не принялъ! У меня нѣтъ болѣе племянника, говорю вамъ! Я человѣкъ конченный, я.. я..

Голосъ его оборвался, лицо его побагровѣло, онъ зашатался, упалъ сперва въ сидячее положеніе, а затѣмъ навзничъ и остался неподвиженъ на пескѣ дорожки.

Я бросился къ нему.

Когда я подбѣжалъ къ дядѣ, Жанна уже успѣла вернуться отъ бассейна, въ которомъ она намочила свой носовой платокъ, и теперь прикладывала холодную воду къ вискамъ г. Мулльяра. Только одна она и дѣйствовала. Прибѣжавшая Мадлена приподняла голову своего хозяина и только разсыпалась въ жалобахъ.

— Охъ, говорила она, — я убѣждена, что у него опять сдѣлались колики, что̀ были у него десять лѣтъ тому назадъ.

Господи Боже мой, какъ онъ тогда хворалъ! А помню началось это у него вотъ также въ саду.

Я прервалъ ея сѣтованія, сказавъ:

— Г. Шарно, я полагаю, что г. Мулльяра слѣдовало бы перенести въ постель.

— Такъ что̀ же вы этого не дѣлаете! съ видомъ отчаянія воскликнулъ нумизматикъ.—Не думалъ я, что мнѣ придется здѣсь быть носильщикомъ... Но такъ какъ это неизбѣжно... беритесь-ка за голову!

Онъ взялся за ноги. Мадлена шла впереди, Жанна позади. Огромное тѣло дяди качалось между мною и г. Шарно, который, неся на круглосогнутыхъ рукахъ на высотѣ пояса ноги г. Мулльяра, имѣлъ всѣ пріемы служителя при похоронныхъ процессіяхъ.

Когда мы съ большимъ трудомъ поднимались по лѣстницѣ, г. Шарно, стиснувъ отъ напряженія зубы, процѣдилъ мнѣ:

— Вотъ славное начало нашей поѣздки, благодаря вамъ, г. Фабіанъ; честь имѣю васъ съ этимъ поздравить!

Я видѣлъ, что про себя онъ готовился дать мнѣ музыкальное продолженіе на ту же тему.

Но разговаривать было некогда. Черезъ минуту мой дядя, все неподвижный попрежнему, уже лежалъ на кровати, на которую мы его опустили; Жанна съ полною готовностью и знаніемъ дѣла помогала Мадленѣ приготовлять горчичники; г. Шарно, безмолвно, какъ и я поджидающій прибытія врача, за которымъ отправился маленькій клеркъ, разсматривалъ то вѣнокъ изъ *fleur d'orange*'а моей покойной тетушки, хранившійся подъ стекляннымъ колпакомъ на каминѣ, то картину съ изображеніемъ плодовъ, которую не легко было бы сбыть даже и въ аукціонный залъ. Ожиданіе врача длилось много, много долгихъ минутъ. Мы всѣ сильно тревожились. Г. Мулльяръ не подавалъ никакихъ признаковъ возвращенія къ сознанію. Мало-по-малу однако употребляемыя нами средства начинали оказывать свое дѣйствіе: онъ слабо пошевелилъ вѣками. Жизнь снова появилась и въ то мгновеніе, какъ докторъ отворялъ дверь, г. Мулльяръ открылъ глаза.

Мы всѣ толпились вокругъ него.

— Мой старый другъ, сказалъ врачъ,—у васъ не было недостатка въ людяхъ, которые ухаживали за вами. Дайте-ка пульсъ?.. Немножко слабоватъ... Ну, а какъ языкъ? Скажите-ка что-нибудь.

— Нѣсколько черезчуръ сильное волненіе, проговорилъ дядя.

Слѣдя за направленіемъ взора дяди, обращеннаго на стоявшую у ногъ кровати Жанну, докторъ поклонился молодой дѣвушкѣ, которой онъ сразу не замѣтилъ, потомъ онъ взглянулъ въ мою сторону, что̀ заставило меня покраснѣть самымъ нелѣпымъ образомъ, и наконецъ снова перевелъ свой взоръ на лице дяди, по которому катились двѣ крупныя слезы.

— Да, понимаю: да, дѣйствительно, нѣсколько черезчуръ сильное волненіе, мой бѣдный Мулльяръ. Въ наши годы намъ не слѣдовало бы испытывать никакихъ волненій за исключеніемъ волненій по воспоминаніямъ, съ которыми мы уже успѣли вполнѣ свыкнуться. Но дѣти доставляютъ намъ и еще новыя волненія, не такъ ли?

Грудь г. Мулльяра вздымалась отъ рыданій.

— Перестаньте, мой другъ, продолжалъ докторъ,—разрѣшаю вамъ одинъ разъ при себѣ поцѣловать вашу будущую племянницу, чтобы быть увѣрену, что вы не будете безъ меня злоупотреблять этимъ разрѣшеніемъ. А затѣмъ, пусть всѣ отсюда выйдутъ, чтобы не было никакихъ умиленій, чтобы вамъ былъ абсолютный покой.

Жанна подошла и взяла обѣими руками голову больнаго.

— Хотите вы меня поцѣловать, дядя?

И она протянула ему свою розовую щечку.

— Васъ, васъ я люблю, проговорилъ дядя, цѣлуя ее:—вы, вы добры!

Затѣмъ, заливаясь слезами, онъ спряталъ лицо въ подушку.

— Уйдите всѣ, сказалъ докторъ.

Онъ вышелъ вмѣстѣ съ нами и успокоилъ насъ относительно состоянія г. Мулльяра.

Едва успѣла затвориться за нимъ дверь на улицу, какъ громкій голосъ адвоката прогремѣлъ на лѣстницѣ:

— Шарно!

Старый нумизматикъ снова поднялся по ступенькамъ.

— Вы звали меня?

— Да. Я васъ прошу къ себѣ обѣдать. Я не могъ сказать вамъ этого сейчасъ, но я думалъ объ этомъ.

— Вы очень добры, г. Мулльяръ, но мы уѣзжаемъ въ девять часовъ.

— Я обѣдаю въ семь часовъ. Вы успѣете.

— Это будетъ для васъ слишкомъ утомительно.

— Утомительно? да вѣдь я каждый день обѣдаю.

— Обѣщаю вамъ, г. Мулльяръ, что мы придемъ о васъ освѣдомиться.

— Да, я и сейчасъ могу вамъ дать самыя превосходныя о себѣ свѣдѣнія. Нѣтъ, нѣтъ, никто не будетъ говорить, что вы пріѣхали изъ Парижа въ Буржъ, чтобы видѣть, какъ я упаду въ обморокъ. Я разсчитываю на васъ и на мадемуазель Жанну.

— На насъ троихъ?

— Со мною насъ будетъ трое; да, г. Шарно.

— Извините, четверо.

— Надѣюсь, что у четвертаго хватитъ ума отправиться обѣдать въ какое-нибудь другое мѣсто.

— Послушайте, г. Мулльяръ, вашъ племянникъ, вашъ опекаемый...

— Я пересталъ быть его опекуномъ четыре года тому назадъ, а его дядей три мѣсяца тому назадъ...

— Онъ такъ желаетъ того, чтобы былъ положенъ конецъ этой размолвкѣ...

— Позвольте мнѣ отдохнуть, проговорилъ г. Мулльяръ,— чтобы быть въ состояніи хорошо принять моихъ гостей.

И онъ снова легъ, яснымъ образомъ обнаруживая свою волю не говорить болѣе ни слова касательно этого предмета.

Во время этого разговора между г. Шарно и моимъ дядей, при которомъ мы присутствовали, стоя внизу лѣстницы, Жанна, только-что радовавшаяся своей побѣдѣ, которую она считала полною, снова опечалилась.

— А я то думала, что цѣлуя меня онъ прощалъ васъ! сказала она.—Что̀ же дѣлать теперь? Придите къ намъ на помощь, Мадлена.

Мадлена, сердцемъ которой уже начинала завладѣвать Жанна, старалась что-нибудь придумать, ничего не находила въ своемъ умѣ и качала головой.

— Не пойти ли ему къ дядѣ? спросила Жанна.

— Нѣтъ, отвѣчала Мадлена.

— А еслибы вы написали ему, г. Фабіанъ?

Мадлена одобрила это предложеніе кивкомъ головы и изъ глубины своего шкафчика достала маленькую стеклянную чернильницу, потертую ручку для пера и листочекъ почтовой бумаги съ изображеніемъ голубка, который держалъ въ своемъ носикѣ какую-то вѣточку.

— Моя кузина Ромарпнзенъ умерла предъ днемъ Новаго Года, сказала она,—п такимъ образомъ у меня остался одинъ лишній листокъ бумаги.

Я сѣлъ предъ кухоннымъ столомъ п принялся писать. Жанна, наклонившись надо мною, слѣдила глазами за тѣмъ, что̀ я пишу. Мадлена, стоя возлѣ стѣнныхъ часовъ, позабыла о своихъ кастрюляхъ, глядя на насъ своими добрыми черными глазами.

Вотъ что̀ я написалъ подъ голубкомъ съ вѣточкой:

„Я выѣхалъ изъ Парижа, дядюшка, съ твердымъ намѣреніемъ положить конецъ слишкомъ долго длившемуся между нами недоразумѣнію, и я страдалъ болѣе, чѣмъ вы можете это представить себѣ. Я не имѣлъ возможности поговорить съ вами съ пяти часовъ вчерашняго дня и до десяти часовъ сегодняшняго утра. Еслибъ я могъ это сдѣлать, вы не отказались бы мнѣ возвратить чувство вашего расположенія, которое, сознаюсь, я долженъ былъ бы болѣе уважать: вы дали бы мнѣ то согласіе, отъ котораго зависитъ ваше собственное счастіе, дядюшка, вмѣстѣ со счастіемъ вашего племянника.

„Фабіанъ.“

— Немножко слишкомъ торжественно, сказала Жанна.—Дайте я напишу ему въ свою очередь.

И затѣмъ эта очаровательница написала своею быстрою рукой:

„Мнѣ преимущественно слѣдуетъ просить вашего прощенія, г. Мулльяръ. Я наиболѣе виноватая и я много виновата. Вы запретили г. Фабіану любить меня, я же ничего не сдѣлала, чтобы воспрепятствовать его чувству.

„Вчера точно также, если онъ пріѣхалъ къ вамъ, то я убѣдила его сдѣлать это, увѣряя его въ томъ, что ваше превосходное сердце не устоитъ противъ любящаго объясненія.

„Неужели же я не была права?

„Только-что сказанныя вами мнѣ слова заставили меня надѣяться, что я была права.

„Но если я ошиблась, то и сердитесь только на меня. Возвратите вашу дружбу вашему племяннику, оставьте его у себя обѣдать вмѣсто насъ, а меня отпустите уѣхать съ чувствомъ сожалѣнія о томъ, что вы не сочли меня достойною называть васъ дядей, какъ это было бы мнѣ легко и пріятно дѣлать.

„Жанна.“

Я перечелъ оба письма. Мадлена заливалась слезами, слушая ихъ.

Жанна улыбалась уголкомъ губъ.

Мы вышли, предоставивъ продолжать Мадленѣ заботу о томъ, чтобы выбрать удобную минуту для врученія г. Мулльяру нашего двойнаго посланія.

Я долженъ признаться, что едва успѣли мы выйти изъ квартиры дяди и затѣмъ въ теченіе всего завтрака мнѣ пришлось слушать отъ г. Шарно такое горячее и строгое нравоученіе, какого мнѣ не приходилось выслушивать со времени моего самаго ранняго дѣтства. Нравоученіе это заканчивалось слѣдующими словами:

— Если сегодня вечеромъ въ девять часовъ пятьдесятъ одну минуту у васъ не будетъ заключено мира съ вашимъ дядей, то я беру свое слово обратно и мы возвращаемся въ Парижъ.

Я старался бороться противъ этого заключенія. Это было напрасно. Выраженіе лица Жанны дало мнѣ понять, что я дѣйствую неправильно.

— Хорошо, сказалъ я,—я вручаю вамъ свою судьбу.

— А я отдаю ее на волю Божію, отвѣчала она.—Будьте же мужественны. Пусть даже и въ томъ случаѣ, если надежда поможетъ намъ сократить всего какихъ-нибудь два часа тѣхъ страданій, которыя, можетъ-быть, насъ ждутъ.

Мы находились предъ Архіепископскимъ садомъ. Г. Шарно вошелъ туда: живительный воздухъ, играющія дѣти, маменьки, которыхъ онъ разсматривалъ этнологически съ научными воспоминаніями о географіи древней Галліи, видъ цвѣтовъ Сенъ-Мишельской площади и возвышающіеся позади казармъ Оранскіе тополи, все это измѣнило направленіе его мыслей. Онъ пересталъ быть тестемъ и снова сдѣлался туристомъ.

Жанна съ свободною граціей двигалась между гуляющими и сопровождавшій ее говоръ, хотя и завистливый порой, тѣмъ не менѣе пріятно дѣйствовалъ на мой слухъ. Мнѣ бы хотѣлось встрѣтить мадемуазель Лорине.

Послѣ Архіепископскаго сада надобно было посѣтить Серакурскую площадь, Шанзи, соборъ, Сенъ-Піерръ-ле-Галльяръ, отель Жанъ-Кэръ. Было шесть часовъ, когда мы вернулись въ гостиницу *Франція.*

Въ маленькой гостиной у входа насъ ожидало письмо. Оно было адресовано мадемуазель Жаннѣ Шарно.

Я тотчасъ же узналъ размашистый почеркъ г. Мулльяра и побѣлѣлъ, какъ бумага.

Очень взволнованный г. Шарно воскликнулъ:

— Да читай же, Жанна, читай!

Изъ насъ троихъ только одна Жанна еще продолжала улыбаться.

Она прочла:

„Милое мое дитя, можетъ-быть сегодня утромъ, въ минуту смятенія, я обошелся съ вами черезчуръ фамильярно. Придя въ себя, я тѣмъ болѣе не беру обратно употребленныхъ мною выраженій:—я васъ люблю, вы добры.

„Вы не станете заставлять стараго рутинера, каковъ я, отрекаться отъ своихъ предразсудковъ противъ столицы. Достаточно уже и того, что я слагаю оружіе предъ Парижанкой. Племянница, я ему прощаю ради васъ!

„Пріѣзжайте всѣ трое сегодня вечеромъ.

„Мнѣ нужно многое сообщить вамъ и многое спросить у васъ. Не всѣ эти вещи веселыя. Но все печальное, надѣюсь, улетучится въ той радости, которую вы доставите моему старому сердцу.

„Брутъ Мулльяръ."

Когда мы позвонили у двери г. Мулльяра, то намъ отперъ дверь прислуживающій въ торжественныхъ случаяхъ за столомъ маленькій клеркъ Батистъ.

Дядюшка ожидалъ насъ въ большой гостиной въ парадномъ туалетѣ перваго дня Новаго Года, въ бѣломъ галстукѣ, и въ своемъ самомъ лучшемъ черномъ сюртукѣ, отъ котораго такъ и несло камфорой, за то за цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ на немъ не было ни одной дырочки отъ моли, что̀ составляло особенную гордость Маллены.

Онъ всѣхъ насъ расцѣловалъ, но степенно, безъ свойственнаго ему обыкновенно увлеченія; онъ держался съ достоинствомъ, но съ простымъ и трогательнымъ достоинствомъ. Чувство волненія, выражающееся у многихъ въ возбужденіи, у него выражалось въ сдержанности. О прошедшемъ, впрочемъ, о нашей свадьбѣ, ни слова. Это собраніе, которое должно было представить случай для необходимыхъ объясненій, началось учтивыми банальностями.

Я замѣчалъ, что это часто такъ бываетъ: люди сойдутся для того, чтобъ объясняться, и начинаютъ съ того, что ничего другъ другу не говорятъ.

Г. Муллъяръ подалъ руку Жаннѣ, чтобъ идти въ столовую. Жанна была въ ударѣ. Она задавала сотни вопросовъ о Буржѣ, о модахъ, балахъ, событіяхъ Буржа, даже о ходѣ судебныхъ разбирательствъ въ судѣ.

— Я увѣрена, что дядя все знаетъ, говорила она.

И дядя каждый разъ улыбался, и лицо его каждый разъ вспыхивало огонькомъ, какъ вспыхиваютъ уголья въ каминѣ, когда на нихъ дуютъ въ мѣхи. Онъ отвѣчалъ и затѣмъ снова погружался въ какое-то уныніе, скрыть котораго не было въ состояніи все его желаніе, какъ можно лучше принять своихъ гостей. Его озабоченность особенно выражалась въ его взорѣ, который часто останавливался на мнѣ и въ которомъ уже не было замѣтно никакого гнѣва, а лишь чувство любви, страдающей и какъ бы молящей о чемъ-то.

Г. Шарно, нѣсколько утомленный и въ то же время занятый оцѣнкой кулинарнаго искусства Мадлены, дѣлалъ какое-нибудь восклицаніе или разсѣянное замѣчаніе въ тѣ минуты, когда наступало молчаніе.

Я достаточно зналъ моего дядю, чтобы предугадать, что конецъ обѣда не будетъ нисколько походить на его начало.

Дѣйствительно, за дессертомъ, въ ту минуту какъ академикъ констатировалъ достоинство какой-то беррійской капусты, дядя, уже нѣкоторое время вертѣвшій въ рукахъ свой стаканъ съ какимъ-то виномъ изъ зо̀мка Медока, вдругъ прекратилъ это занятіе и опустилъ свой стаканъ на столъ.

— Любезный г. Шарно, сказалъ онъ,—мнѣ нужно вамъ сдѣлать одно тягостное признаніе.

— Ужь если оно такъ тягостно, любезный г. Мулльяръ, то и не дѣлайте его.

— Фабіанъ, продолжалъ дядя, — былъ виноватъ предо мною. Я къ этому не стану возвращаться. Все мною забыто. Но и у меня есть также вина по отношенію къ нему.

— У васъ, дядюшка?

— Увы! да, дитя мое. Мою контору, наслѣдственную контору, которую я обѣщалъ твоему отцу сохранить для тебя...

— Вы ее продали?

Дядя закрылъ лицо руками.

— Вчера вечеромъ, мое бѣдное дитя, вчера вечеромъ.

— Я это предполагалъ.

— Я былъ слабъ, я поддался совѣтамъ своего гнѣва, я погубилъ твою будущность! Въ свою очередь, Фабіанъ, прости меня...

Онъ всталъ изъ-за стола, подошелъ ко мнѣ и обнялъ меня.

— Нѣтъ, дядюшка, вы не такъ поняли и мнѣ нечего прощать вамъ.

— Ты бы не принялъ конторы, еслибъ я снова предложилъ ее тебѣ?

— Нѣтъ, дядя.

— Вѣрно?

— Вѣрно.

Г. Мулльяръ выпрямился, весь сіяющій.

— А! тѣмъ лучше, дитя мое, ты освобождаешь меня отъ большой тягости.

Уголкомъ салфетки онъ отеръ слезы, появившіяся во время войны и продолжавшія течь во время мира.

— Если мадемуазель Жанна вмѣстѣ со всѣми своими прочими совершенствами приноситъ тебѣ и состояніе, Фабіанъ, то будущность твоя обезпечена...

— Любезный г. Мулльяръ, прервалъ его академикъ съ плохо скрытымъ самодовольствомъ,—мои товарищи считаютъ меня человѣкомъ богатымъ. Они клевещутъ на меня. Работы по нумизматикѣ не обогащаютъ. Справлявшійся о томъ г. Фабіанъ можетъ вамъ это засвидѣтельствовать. Нѣтъ, я располагаю лишь такимъ благосостояніемъ, которое не позволяетъ имѣть всего, но и не допускаетъ терпѣть недостатка въ чемъ бы то ни было.

— *Aurea mediocritas!* воскликнулъ мой дядя въ восторгѣ отъ этой цитаты;—ахъ, г. Шарно!.. этотъ Горацій!

— Неправда ли? Итакъ, я говорилъ, что насущный хлѣбъ у насъ обезпеченъ. Но это не есть основаніе для того, чтобы мой зять прозябалъ въ спокойствіи, на которое я не считаю, чтобъ я могъ имѣть право даже и въ мои годы.

— Отлично.

— Слѣдовательно онъ будетъ работать.

— Какимъ это образомъ?

— Существуютъ и другія занятія, кромѣ занятій адвокатурой, г. Мулльяръ. Я изучалъ Фабіана. Это натура нѣсколько безпечная, при болѣе спеціальномъ воспитаніи онъ былъ бы художникомъ, а теперь, при отсутствіи извѣстнаго опредѣленнаго направленія, онъ останется просто мечтателемъ.

— Я не сумѣлъ бы это такъ хорошо выразить, но я часто такъ думалъ.

— Съ такою природой, какъ у вашего племянника, продолжалъ г. Шарно,—всего лучше вступить на такое поприще, гдѣ идеалъ имѣетъ свою долю, не преобладающую, но достаточную, на поприще между прозой и поэзіей.

— Въ такомъ случаѣ ему слѣдуетъ сдѣлаться нотаріусомъ?

— Нѣтъ, это одна проза: библіотекаремъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Библіотекаремъ?

— Въ Парижѣ, г. Мулльяръ, есть такія маленькія библіотеки, безмолвныя, какъ тѣнистыя рощицы, въ которыхъ можно найти тихое, какъ гнѣздышко, мѣстечко. У меня есть нѣкоторыя связи въ министерствѣ, а это, вы понимаете, повредить не можетъ.

— Разумѣется.

— Вотъ на такое-то мѣстечко мы и опредѣлимъ Фабіана, который будетъ обезпеченъ противъ праздности тѣмъ малымъ, что̀ онъ будетъ дѣлать, и противъ революцій тѣмъ малымъ, что̀ онъ будетъ собою представлять. Превосходная должность, видите ли, потому что уже самый запахъ книгъ имѣетъ въ себѣ что-то умственное; дышать имъ, это уже значитъ жить умственною жизнью.

— Умственною жизнью, да умственною жизнью! восторженно проговорилъ мой дядя.

— А вносить книги въ каталоги, г. Мулльяръ, дѣлать въ нихъ справки, предохранять ихъ, насколько возможно, отъ разрушительнаго дѣйствія червяковъ и читателей, развѣ это не завидная доля, г. Мулльяръ?

— Да, болѣе завидная, чѣмъ какою была моя доля и какою будетъ доля моего преемника.

— Кстати, дядюшка, вы мнѣ еще не сказали, кто будетъ вашимъ преемникомъ?

— Въ самомъ дѣлѣ? Да ты его знаешь: твой товарищъ Ларive.

— А! это мнѣ объясняетъ многое!

— Весьма серьезный малый.

— Весьма серьезный, дядюшка. А скажите мнѣ, не женится ли онъ?

— Да, и превосходно женится.

— На комъ же?

— Онъ беретъ, мой милый, все, что̀ ты оставляешь: онъ женится на мадемуазель Лорине.

— Храбрый юноша! Но, дядюшка, вѣдь не съ нимъ же вы разговаривали вчера вечеромъ?

— А почему же нѣтъ?

— Вы сказали Мадленѣ, что у васъ будетъ гость съ орденомъ въ петличкѣ.

— У него есть орденъ.

— Но какой же, Боже мой?

— Орденъ Нишамъ Иттикара, если это тебѣ нравится.

— Это мнѣ нисколько не нравится и тѣмъ менѣе это меня удивляетъ. Ларивѣ умретъ весь украшенный всякими орденами: онъ будетъ членомъ всѣхъ ученыхъ обществъ департамента, будетъ пользоваться значеніемъ, уваженіемъ, будетъ до чрезмѣрности провинціаломъ послѣ того, какъ онъ былъ до крайности Парижаниномъ; матери будутъ повѣрять ему свои заботы, отцы будутъ довѣрять ему свои интересы; но когда его старымъ товарищамъ придется проѣзжать черезъ Буржъ, то они оставятъ за собою свободу расхохотаться ему въ лицо.

-- Ты завидуешь! завидуешь его ленточкѣ.

— Нѣтъ, дядя, я ни о чемъ не сожалѣю, даже не сожалѣю о Ларивѣ.

Г. Мулльяръ поникъ головой и затѣмъ, послѣ минутнаго молчанія, заговорилъ:

— Что̀ до меня, Фабіанъ, то мнѣ есть о чемъ сожалѣть. Старѣться здѣсь совсѣмъ одиноко порой будетъ очень грустно. Но, что̀ же, я буду утѣшаться мыслью о томъ, что вамъ весело, что на каникулы вы будете пріѣзжать ко мнѣ....

— Лучше пріѣзжайте-ка старѣться вмѣстѣ съ нами, сказалъ ему г. Шарно.—Бремя лѣтъ покажется вамъ легче, г. Мулльяръ. Само собою разумѣется, мы всегда несемъ это бремя, оно насъ давитъ, оно заставляетъ насъ гордиться; но молодость, еще не чувствующая этого бремени, облегчаетъ и намъ тягость нашихъ лѣтъ.

Я былъ крайне удивленъ, что дядюшка не началъ протестовать.

— Пойдемте въ садъ, сказалъ онъ просто,—и вы можете сами посудить, возможно ли покинуть такія розы.

Довольный собою, мною, ею, одновременно всѣми, г. Мулльяръ увелъ насъ въ садъ.

Было уже недостаточно свѣтло, чтобы различать розы, но мы чувствовали ихъ благоуханіе, проходя мимо ихъ. Я взялъ подъ

руку Жанну и мы пошли впереди, въ свѣжей тьмѣ, преимущественно избирая маленькія извилистыя дорожки.

Птицы уже спали. Но стрекозы, кузнечики, и не знаю какія еще насѣкомыя, въ травѣ и въ древесномъ мху пѣли и говорили за нихъ.

Позади насъ, вдали, насколько это только было для насъ возможно, песокъ скрипѣлъ подъ ровнымъ шагомъ нашихъ стариковъ, и порой до насъ долетали обрывки фразъ:

— Маленькую внучку, г. Шарно, какъ Жанна.

— Маленькаго внука, г. Мулльяръ, какъ Фабіанъ.

Парижъ, 18 сентября.

Мы обвѣнчаны. Мы только-что вернулись изъ церкви. Мы уже распрощались со всѣми нашими друзьями, не безъ нѣкотораго чувства грусти, тотчасъ же исчезнувшей подъ вліяніемъ чувства радости, которою впервые бьется мое сердце всецѣло и безпредѣльно. Предъ нашимъ отъѣздомъ въ Италію, который состоится черезъ два часа, я пишу въ этой коричневой тетради, которую я не стану брать съ собою.

Жанна, моя Жанна, склонившись, читаетъ у меня черезъ плечо. Это путаетъ мои воспоминанія.

Въ церкви было много народа. Газеты отмѣтили нашъ бракъ въ столбцѣ выдающихся браковъ. Лица, принадлежащія къ институту, арміи, наукѣ и литературѣ, пріѣхали ради г. Шарно; люди служащіе, дѣльцы и беррійскіе, и парижскіе, пріѣхали ради дядюшки; самыми счастливыми, самыми сіяющими послѣ насъ, присутствовавшими на церемоніи лишь ради Жанны и ради меня, были нарисовавшій г. Шарно съ дочерью художникъ Ламиронъ, который положилъ свой хорошенькій рисунокъ въ свадебную карзинку, г. Фламаранъ и Сидонія, Жюпилль, который плакалъ, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ, г-нъ и г-жа Плюме, которые по очереди держали на рукахъ своего сынка въ бѣломъ платьицѣ.

Безъ сомнѣнія Жаннѣ и мнѣ пришлось пожать очень многимъ людямъ руку, но все же на нашу долю не пришлось такого количества рукопожатій, какъ на долю г. Мулльяра. Гладковыбритый, съ тщательно завязаннымъ бѣлымъ галстукомъ, онъ вертѣлся въ толпѣ какъ волчекъ, постоянно таща за собою кого-нибудь, кто долженъ былъ его представить кому-нибудь. „Необходимо заручаться связями, когда ужъ пріѣзжаешь въ Парижъ", говорилъ онъ.

Потому что мой дядя Мулльяръ переѣзжаетъ сюда и поселяется близъ насъ на Малаховской набережной въ кокетливомъ помѣщеніи, выбранномъ для него Жанной. Онъ находитъ его очаровательнымъ, потому что оно понравилось Жаннѣ. Въ немъ проснулся, и никогда уже болѣе не заснетъ, прежній студентъ. Онъ уже и теперь лучше меня знаетъ всѣ линіи омнибусовъ и конокъ; о Буржѣ онъ говоритъ такъ, какъ будто покинулъ его уже лѣтъ двадцать тому назадъ: — „Въ то время, когда я жилъ въ провинціи, Фабіанъ"...

Мой тесть имѣетъ въ немъ одного изъ своихъ самыхъ пламенныхъ поклонниковъ, можетъ-быть, даже ученика по части нумизматики. Дружба ихъ заставляетъ меня вспоминать...

— Вы позвольте, Жанна?

— Разумѣется, мой другъ, эта коричневая тетрадь пишется только для насъ двоихъ.

.....О дружбѣ между городскою крысой и крысой полевою. Сейчасъ, какъ только-что мы вернулись домой, между ними происходилъ трогательный и вмѣстѣ съ тѣмъ веселый разговоръ, въ которомъ обѣ ихъ натуры встрѣчались на одномъ и томъ же чувствѣ, но въ двухъ различныхъ концахъ гаммы оттѣнковъ.

Я запомнилъ обрывокъ этого разговора.

— Любезный Шарно, знаете ли вы о чемъ я думаю?

— Нѣтъ, не знаю.

— Я думаю, что это весьма любопытно.

— Что̀ же именно?

— Видѣть то, что библіотекарь началъ съ чернильнаго пятна. Потому что вы не можете отрицать этого: женитьба Фабіана, его мѣсто, мое возвращеніе въ столицу, все произошло вслѣдствіе чернильнаго пятна. Это должно быть были какія-нибудь симпатическія чернила, что̀ вы на это скажете?

— *Felix culpa*, дѣйствительно, г. Мулльяръ. Бываютъ счастливыя глупости. Но нельзя знать, которыя изъ нихъ именно будутъ счастливыми, а, слѣдовательно, это и не есть причина ихъ дѣлать.

Въ толпѣ, которую онъ терпѣть не можетъ, едва удалось мнѣ уловить на какую-нибудь минутку Лампрона, который болѣе чѣмъ когда-либо и дикарь, и мой другъ.

— Вполнѣ ли ты счастливъ? сказалъ онъ мнѣ.

— Вполнѣ.

— Когда ты будешь чувствовать себя нѣсколько менѣе счастливымъ, то приходи меня провѣдать.

— Да мы будемъ всегда вполнѣ счастливы, сказала Жанна. И я думаю, что она права.

Ламиронъ улыбнулся.

— Да, я вполнѣ счастливъ, Сильвестръ, и счастье это пришло ко мнѣ чрезъ тебя, чрезъ нея, чрезъ другихъ. Самъ я, для своего счастья, не сдѣлалъ ровно ничего, а только предоставилъ себя на волю жизненнаго теченія. Когда я попытался было самъ сдѣлать движеніе весломъ, ладья моя чуть было не пошла ко дну. Все же, что̀ пытались дѣлать для меня другіе, увѣнчивалось успѣхомъ. Мысль эта смущаетъ меня. Вспомни, въ самомъ дѣлѣ: я увидалъ Жанну благодаря г. Фламарану, пославшему меня къ своему другу; ты ухаживалъ за нею вмѣсто меня, нарисовавъ ея портретъ; гжа Плюме взялась за то, чтобы сообщить ей о портретѣ и уничтожить препятствіе, на которое я натолкнулся; если я встрѣтилъ Жанну въ Италіи, то случилось это благодаря тебѣ; затѣмъ ты докончилъ предложеніе, начатое Фламараномъ; наконецъ, положеніе, котораго у меня не было, было мнѣ устроено моимъ тестемъ. Что̀ же сдѣлалъ я самъ? Я любилъ, плакалъ, страдалъ, и больше ничего, и я трепещу теперь при мысли о томъ, что я обязанъ моимъ счастіемъ всѣмъ, за исключеніемъ себя самого.

— Нѣтъ, мой другъ, не трепещи, не удивляйся и не старайся ничего измѣнять въ себѣ. Счастія ты заслуживаешь: какое тебѣ дѣло до того, какими путями дѣйствуетъ Господь, чтобъ его тебѣ даровать? Это пожизненный доходъ, который тебѣ доставляютъ твои родственники, твои друзья, люди къ тебѣ равнодушные, и даже вещи. Ну, такъ пользуйся же процентами и не заботься объ остальномъ.

Если такъ говоритъ Ламиронъ, а онъ философъ, то мое мнѣніе—слѣдовать его совѣту. Итакъ, если вы это позволите, Жанна, то у меня не будетъ иного честолюбія, какъ любить васъ, и я буду остерегаться того, чтобы хлопотать объ увеличеніи кредита или состоянія, что̀ могло бы, можетъ-быть, послужить къ уменьшенію самаго счастія; если вы согласны на это Жанна, мы будемъ мало видѣть свѣтъ, но будемъ часто видѣться съ нашими друзьями; мы не будемъ слишкомъ растворять оконъ, чтобы счастіе, у котораго есть крылья, вдругъ не улетѣло; если вы находите это хорошимъ, Жанна, вы будете управлять домомъ по

вашей фантазіи, я хочу сказать, согласно вашей мудрости; вы будете полновластною хозяйкой во всѣхъ вопросахъ нашей внутренней жизни и хозяйства; вы будете рѣшать, должны ли мы идти куда-нибудь, оставаться ли дома, ѣхать ли въ гости, отправляться ли путешествовать; что̀ же до меня, то я предоставлю вамъ вести себя, какъ ребенка, по тому радостному пути, по которому я буду идти возлѣ васъ.

Я взглянулъ на Жанну.

Она не отвѣтила „нѣтъ“.

Рене-Базенъ.

ПОМПЕИ.

Очеркъ.

(Окончаніе.)

II.

Какой бы большой и многосторонній интересъ ни находилъ археологъ въ общественныхъ зданіяхъ Помпей, не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что открытіе этого города, въ 79 г. по Р. Хр. засыпаннаго пепломъ Везувія, только потому для насъ имѣетъ *особенную* важность, что, благодаря массѣ раскопанныхъ тамъ *частныхъ* домовъ, мы въ состояніи прослѣдить характеръ и устройство античнаго жилища черезъ нѣсколько столѣтій и представить себѣ при этомъ вполнѣ живую картину частной жизни древнихъ, связанной съ ихъ жилищемъ и заключенной въ немъ. Не слѣдуетъ, конечно, забывать при обзорѣ отдѣльныхъ домовъ въ Помпеяхъ, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ маленькимъ провинціальнымъ городкомъ, жители котораго, при всемъ своемъ благосостояніи, достигнутомъ торговлей и промышленностью, никогда не позволяли себѣ и не могли себѣ позволить такой роскоши въ архитектурѣ и устройствѣ своихъ домовъ, какую себѣ позволяли богатые люди въ Римѣ, гдѣ, начиная съ послѣдняго столѣтія существованія республики, а особенно съ императорской эпохи, стремленіе къ роскоши возрастало съ такою ужасающею быстротой, что, напримѣръ, богатый домъ Лепида, который въ 78 г. до Р. Хр. считался самымъ красивымъ во всей столицѣ, чрезъ

35 лѣтъ имѣлъ уже болѣе сотни соперниковъ, превосходившихъ его въ великолѣпіи и блескѣ. Въ это время, напримѣръ, существовали уже такія зданія, какъ частный дворецъ Красса, стоившій, по смѣтѣ, болѣе 300 тысячъ рублей золотомъ; а вскорѣ послѣ этого, въ императорскую эпоху, и это зданіе затмѣвалось многими другими. Но все это ничто въ сравненіи съ тою роскошью, которою увѣнчалъ архитектуру частныхъ домовъ Неронъ построеніемъ своего „золотаго дворца", имѣвшаго размѣры небольшаго города, и возобновленіемъ римскихъ домовъ послѣ пожара 64 г., опустошившаго бо́льшую часть города. Однако, рядомъ съ этимъ блескомъ, которымъ столичный Римъ превосходилъ провинціальныя Помпеи, мы въ столичной архитектурѣ встрѣчаемъ большой недостатокъ, которымъ почти вовсе не страдали Помпеи. Здѣсь существовали только одноэтажные, двухъэтажные и въ рѣдкихъ случаяхъ трехъэтажные дома, тогда какъ въ столицѣ усиленный ростъ населенія, вслѣдствіе иммиграціи, и обусловливаемая этимъ дороговизна квартиръ, вызвали уже къ концу республиканскаго времени, ради сбереженія мѣста, постройку тѣсныхъ, антисанитарныхъ и опасныхъ въ пожарномъ отношеніи домовъ, напоминавшихъ своею вышиной башни, а видомъ казармы, и состоявшихъ изъ множества этажей, куда, иногда по десяти лѣстницамъ, взбирались ихъ обитатели, не только безчисленный пролетаріатъ, но и люди среднихъ классовъ. Чтобы хотя сколько-нибудь удержать въ опредѣленныхъ границахъ опасное новшество, Августъ былъ вынужденъ издать законъ, запрещавшій впредь строить дома выше 70 футовъ. Но это-то именно ограниченіе, которое, замѣтимъ, имѣло въ виду только передніе фасады домовъ, выходившіе къ улицѣ, и нисколько не касалось заднихъ фасадовъ ихъ, обращенныхъ къ двору, и доказываетъ намъ, что размѣры римскихъ домовъ не только не были, какъ многіе думаютъ, ниже нынѣшнихъ, но даже значительно ихъ превосходили. Максимальная высота домовъ въ Парижѣ не должна, по закону, превосходить 63 футовъ, а въ Вѣнѣ даже 45, и это при такой ширинѣ улицъ, какой въ древнемъ Римѣ почти вовсе не существовало. Но и этотъ maximum въ 70 футовъ, установленный Августомъ, въ позднѣйшее время императорской эпохи, должно-быть, пересталъ соблюдаться. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ нѣкоторое право утверждать это, судя по тому, что въ пятомъ столѣтіи, во второй столицѣ имперіи, въ Константинополѣ, постройки домовъ въ 100 футовъ вышиной

не только допускались, но даже поощрялись. Нечего, поэтому, удивляться, если, по словамъ писателей императорской эпохи, въ Римѣ нерѣдко можно было встрѣтить окна, изъ которыхъ невозможно было глядѣть безъ головокруженія. У Марціала одинъ бѣднякъ долженъ подняться въ свою каморку по 200 ступенькамъ, а Тертулліанъ сравниваетъ даже эти наемныя казармы съ построеніемъ различныхъ небесъ у гностиковъ. Страшная нищета должна была царить въ этихъ „небесныхъ", или, вѣрнѣе, адскихъ жилищахъ; страшная опасность, вдобавокъ, угрожала этимъ, больше всего состоявшимъ изъ дерева, верхнимъ этажамъ строеній: каждую минуту они могли сдѣлаться добычей огня, этого страшнѣйшаго бича древняго Рима. — Въ Помпеяхъ жило трудолюбивое населеніе, которое умѣло зарабатывать себѣ честный кусокъ хлѣба посредствомъ торговли, ремесла и земледѣлія, тогда какъ бóльшая часть римскаго населенія состояла изъ пролетаріата и жила исключительно отъ подачекъ императоровъ и богатой знати города; въ Помпеяхъ же едва ли существовалъ такой пролетаріатъ. Ужасающая нищета самыхъ низшихъ классовъ, которая и въ современныхъ большихъ городахъ живетъ о бокъ съ безумною роскошью самыхъ богатыхъ людей, а въ древнемъ Римѣ была, можетъ-быть, еще печальнѣе и отвратительнѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ нынѣшнемъ Лондонѣ или Парижѣ, эта ужасающая нищета не могла свить себѣ гнѣзда въ Помпеяхъ. Даже самыя бѣдныя изъ находящихся здѣсь наемныхъ квартиръ всегда имѣютъ еще до извѣстной степени порядочный видъ человѣческаго жилья, и какъ ни малы могутъ иногда показаться современному человѣку, особенно жителю сѣвера, отдѣльныя комнаты этихъ жилищъ, онъ не долженъ забывать, что эти маленькія каморки служили только спальней древнему жителю юга, который еще болѣе нынѣшняго южанина любилъ проводить время на открытомъ воздухѣ и вдобавокъ не загромождалъ своихъ комнатъ тою массой различнаго рода мебели, безъ которой намъ теперь кажется невозможнымъ обойтись. Вообще мы не въ состояніи будемъ составить себѣ правильное понятіе объ античномъ жилищѣ, если не откажемся въ извѣстной степени отъ нашихъ современныхъ воззрѣній и предвзятыхъ сужденій о жильѣ и его удобствахъ. Прогуливаясь по улицамъ Помпей, особенно по болѣе важнымъ и аристократическимъ, куда не смѣла проникнуть торговая суета, мы сперва ощущаемъ почти непріятное чувство при видѣ обращенныхъ къ нимъ фасадовъ, которые представляютъ

однѣ голыя стѣны, неоживляемыя никакими украшеніями; только входная дверь въ каждомъ домѣ, да, въ торговыхъ улицахъ, открытая на улицу нѣсколько оживляютъ видъ; впрочемъ, весьма многочисленныя лавки прерываютъ монотонность этихъ голыхъ стѣнъ, которыя нѣкогда только въ верхнихъ этажахъ были снабжены маленькими оконными отверстіями и балконами (такъ называемыхъ pergulae или maeniana). Все доказываетъ, что античный домъ, подобно домамъ, встрѣчающимся теперь на Востокѣ, напримѣръ въ Тунисѣ, являлся снаружи почти совершенно замкнутымъ, и этою особенностью весьма существенно отличался отъ современнаго европейскаго дома съ многочисленными окнами, обращенными къ улицѣ. Это различіе обусловливается. главнымъ образомъ, однимъ факторомъ, всю важность котораго уразумѣли только въ новѣйшее время, а именно слишкомъ мало распространеннымъ въ древности оконнымъ стекломъ, вошедшимъ только въ наше время во всеобщее употребленіе. Хотя первые шаги фабрикаціи стекла, изобрѣтеннаго въ Египтѣ, сдѣланы были на мѣстѣ его изобрѣтенія еще около средины 3-го тысячелѣтія до Р. Хр., и хотя эта фабрикація достигла затѣмъ, особенно въ Финикіи и въ Александріи, высокаго процвѣтанія, тѣмъ не менѣе въ Италіи стеклянныя издѣлія, первоначально привозныя, а затѣмъ, повидимому, съ начала христіанской эры, изготовлявшіяся преимущественно въ Кампаніи и въ Римѣ, считались до самой эпохи первыхъ императоровъ чѣмъ-то очень драгоцѣннымъ. Въ особенности, кажется, предметомъ роскоши являлось, сравнительно поздно изобрѣтенное, прозрачное оконное стекло, воспользоваться которымъ могли себѣ дозволить только богатые люди, но которое всеобщаго распространенія во всякомъ случаѣ не достигло. Такъ какъ вся архитектура, какъ извѣстно, пытается въ сущности рѣшить только одну проблемму, какъ доставить въ замкнутое пространство свѣтъ и воздухъ, то понятно, что, при дороговизнѣ стекла вообще и сравнительно позднемъ изобрѣтеніи оконнаго стекла, древность должна была придти къ совершенно другому рѣшенію этой проблеммы, чѣмъ современная культура средней и сѣверной Европы. Прослѣдивъ исторію устройства италійскаго жилища до древнѣйшихъ временъ, мы, судя по устройству найденныхъ въ Лаціумѣ и въ Этруріи ящиковъ-урнъ, содержавшихъ пепелъ умершихъ и имитирующихъ форму устройства жилища древнеиталійскаго крестьянина, видимъ, что оно представляло собою низенькое, деревянное строеніе съ

высокою, заостренною соломенною крышей, получавшее весь свой свѣтъ чрезъ (раскрытую) дверь или чрезъ большое отверстіе, продѣланное надъ нею. Такъ строились римскія хижины въ эпоху древнѣйшихъ царей, и еще около половины V столѣтія до Р. Хр. постройки этого рода, вѣроятно, преобладали въ Римѣ, такъ какъ законы 12-ти таблицъ, изданные въ это время, говорятъ о существовавшемъ тогда и служившемъ, какъ я увѣренъ, главнымъ образомъ для стока дождевой воды свободномъ промежуткѣ между отдѣльными строеніями, для котораго они полагаютъ норму въ $2^1/_2$ фута. Однако еще задолго до того, какъ вслѣдствіе стремленія, по причинѣ разроставшагося въ городѣ населенія, къ экономизаціи мѣста и къ скученности, такъ и вслѣдствіе необходимости позаботиться о снабженіи жилища достаточнымъ количествомъ свѣта и воздуха, а также водой, имѣющею столь высокую цѣнность на югѣ, рядомъ съ древнимъ типомъ италійскаго дома возникаетъ, вѣроятно подъ чуждымъ, а именно греческимъ вліяніемъ, новый типъ построекъ, который съ теченіемъ времени получалъ все большее и большее распространеніе и, наконецъ, сдѣлался единственно господствующимъ въ Италіи. Этотъ типъ, какъ въ своихъ древнѣйшихъ и простѣйшихъ, такъ и въ своихъ позднѣйшихъ и разнообразно, подъ дальнѣйшимъ греческимъ вліяніемъ, развитыхъ и обогащенныхъ формахъ, мы исключительно встрѣчаемъ въ жилыхъ домахъ Помпей. Наиболѣе существенное отличіе этого типа отъ прежняго, древнѣйшаго, въ Помпеяхъ уже не встрѣчающагося, состоитъ въ томъ, что жилище получаетъ свѣтъ и воздухъ не чрезъ двери, а чрезъ широкое отверстіе въ потолкѣ. Чрезъ это отверстіе оно, кромѣ того, также получаетъ столь необходимую для его обитателей воду. Главнѣйшую часть этого рода построекъ составляетъ atrium, обширная зала, вокругъ которой расположены меньшія комнаты. Смотря по конструкціи находившейся надъ atrium крыши, которая иногда поддерживалась только поперечными балками, или подпиралась, кромѣ того, еще четырьмя или болѣе колоннами, но которая всегда имѣла въ серединѣ прямоугольное отверстіе, называвшееся compluvium, бока котораго наклонно опускались внутрь дома, зала эта называлась или atrium tuscanicum, или atrium tetrastylum, или, наконецъ, atrium Corinthium. По серединѣ этой залы въ полу находилось углубленіе, представлявшее бассейнъ (impluvium), въ который, во время дождя, собиралась вода чрезъ находившійся прямо надъ нимъ

compluvium. Подъ бассейномъ устраивалась цистерна, куда стекала накопившаяся въ impluvium вода. Эта зала въ древнѣйшее время служила мѣстомъ собранія для всей семьи. Здѣсь у задняго края imluvium'а, стоялъ очагъ, дымъ котораго выходилъ чрезъ отверстіе въ крышѣ: здѣсь стояла касса хозяйки, здѣсь заботливая хозяйка распоряжалась среди своихъ рабынь и рабовъ. Маленькія комнаты, лежавшія вокругъ atrium'а и получавшія, главнымъ образомъ, отъ него свой свѣтъ, служили частью спальнями, частью кладовыми, а частью столовыми. Только открытыя пространства, находившіяся у обоихъ концовъ atrium'а и носившія названіе крыльевъ (alae), представляли до извѣстной степени боковое продолженіе залы. Они служили для пріема друзей; въ нихъ же находились бюсты съ масками предковъ, составлявшіе гордость семьи. Собственно же салономъ служила комната, примыкавшая къ задней части atrium'а и носившая названіе tablinum. Эта комната первоначально представляла, вѣроятно, родъ бесѣдки, соединявшей расположенный позади нея садъ съ atrium'омъ. Однако простота и немногочисленность всѣхъ этихъ помѣщеній, какія мы встрѣчаемъ въ Помпеяхъ въ древнѣйшихъ зданіяхъ, построенныхъ изъ известняка и раньше втораго вѣка до Р. Хр., скоро перестали удовлетворять болѣе высокимъ требованіямъ зажиточныхъ классовъ. Начинается расширеніе дома съ atrium'омъ посредствомъ прибавленія къ нему помѣщеній, заимствованныхъ у греческаго дома. Главнымъ образомъ прибавляется еще одинъ дворъ (peristylium), украшенный кругомъ колоннами. Посреди этого двора, лежавшаго подъ открытымъ небомъ, находился или маленькій садъ, или обрамленный цвѣточными грядками бассейнъ, или фонтанъ (piscina) съ проведенною водой, а вокругъ портика двора открывался рядъ спаленъ и другихъ комнатъ, особенно столовыхъ (triclinia). Вслѣдствіе этого расширенія, старѣйшая или передняя половина дома, atrium, потеряла свое прежнее значеніе и усвоила себѣ характеръ болѣе оффиціальнаго помѣщенія, гдѣ хозяинъ дома принималъ по утрамъ ожидавшихъ его кліентовъ; новѣйшая же или задняя половина дома peristylium, со всѣми окружавшими его комнатами и дальнѣйшими пристройками, стала служить собственно семейнымъ жилищемъ.

Прекрасную картину представлялъ тотъ видъ, который открывался глядящему чрезъ tablinum въ эту заднюю часть дома, группирующуюся около peristylium'а, украшеннаго множествомъ

колоннъ. Когда-то здѣсь жилось радостно и весело, въ полномъ согласіи съ теплымъ климатомъ юга. Съ тѣхъ поръ какъ, вѣроятно въ первомъ столѣтіи до Р. Хр., въ Помпеяхъ былъ устроенъ хорошій водопроводъ, не было почти ни одного дома въ городѣ, гдѣ бы благословенная влага не распространяла своей живительной прохлады посредствомъ болѣе или менѣе разукрашеннаго фонтана. Вообще Помпейцы прилагали особенную заботу къ художественному украшенію своихъ жилищъ; ваяніе и живопись al fresco служили къ удовлетворенію ихъ вкуса къ изящному и внутри стѣнъ ихъ домовъ. Скульптурныя произведенія изъ мрамора, бронзы или терракотты Помпейцы употребляли, главнымъ образомъ, на украшеніе маленькихъ часовенъ (lararia), подымавшихся надъ алтарями домашнихъ боговъ, ларовъ, или на украшеніе фонтановъ, устроенныхъ въ атріумѣ или въ перистиліи. Между многочисленными, найденными въ Помпейскихъ домахъ, произведеніями этого рода, изготовленными частью самостоятельно,частью по древнимъ оригиналамъ, греческими и италійскими ваятелями въ самихъ Помпеяхъ, или оригинальными, попавшими въ Помпеи путемъ покупки въ особенности изъ Греціи, первое мѣсто, безъ сомнѣнія, занимаютъ фигуры, украшавшія фонтаны. Большею частью онѣ заимствованы изъ вакхическаго миѳическаго цикла и изображаютъ то силеновъ, то фавновъ, то сатировъ, то самого молодого бога Вакха, въ большинствѣ случаевъ держащаго мѣхъ съ виномъ или амфору, изъ которыхъ лилась вода, вполнѣ натурально, какъ должно было бы литься вино. Образцовое произведеніе этого рода представляетъ находящаяся теперь въ Неаполитанскомъ музеѣ бронзовая статуэтка пьянаго сатира, который отъ сладкаго опьянѣнія едва держится на ногахъ и, нечаянно нажавъ на мѣхъ, который онъ держитъ подъ лѣвою мышкой, тщетно пытается правою рукой остановить струю, которая вслѣдствіе нажатія бьетъ изъ мѣха. Все это представлено въ высшей степени живо. Но на помпейскихъ фонтанахъ въ видѣ украшеній нерѣдко стояли и такія фигуры, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ изліянію воды изъ фонтана. Изъ большаго множества этихъ послѣднихъ своимъ изяществомъ особенно выдаются двѣ, являющіяся, безъ сомнѣнія, оригиналами изъ самаго цвѣтущаго періода греческой скульптуры. Одна изъ этихъ фигуръ представляетъ стараго фавна, который въ моментъ необузданнаго веселія, порожденнаго вакхическою

влагой, пляшетъ съ юношескою эластичностью движеній и въ блаженномъ упоеніи щелкаетъ пальцами. — Въ противоположность этой фигурѣ проникнутаго самою пылкою жизненностью и пламеннѣйшею подвижностью фавна, у котораго играетъ каждый мускулъ тѣла, мы на другомъ образцѣ греческаго искусства, достойномъ рѣзца знаменитаго Праксителя, видимъ фигуру въ позѣ совершенно спокойной. Между многочисленными попытками объясненія этой чудной бронзовой статуэтки, сдѣланными новѣйшими учеными, заслуживаетъ, по моему мнѣнію, вниманія только та, которая усматриваетъ въ ней прислушивающагося юношу, будь это Нарциссъ, любимецъ лѣсной нимфы Эхо, или самъ молодой богъ Вакхъ. Сдерживая шагъ и уже вотъ-вотъ остановившись, является предъ нами прелестный образъ юноши; сладкіе звуки, любовный кличъ Эхо, или пѣніе соловья, или журчанье источника, проникли въ его слухъ и удерживаютъ его на мѣстѣ; мечтательно наклоняетъ онъ кудрявую голову въ ту сторону, откуда доносятся эти сладкіе звуки, и, какъ очарованный, прислушивается и подымаетъ по направленію къ нимъ правую руку свою. Въ этой статуэткѣ идея и выполненіе одинаково талантливы. Пусть эта фигура зовется Нарциссомъ или Діонисіемъ, все равно: она была и останется на всѣ времена однимъ изъ прекраснѣйшихъ произведеній искусства, оставленныхъ намъ для вѣчнаго наслажденія древностью, поклонницей искусства и всего прекраснаго.

Какъ ни многочисленны, однако, и даже отчасти какими высоко-художественными достоинствами ни отличаются произведенія скульптуры, которыми Помпейцы любили украшать внутренность своихъ домовъ, все-таки наибольшаго вниманія съ нашей стороны заслуживаетъ другой родъ украшенія этихъ домовъ: это — стѣнная живопись, которую мы встрѣчаемъ въ Помпеяхъ разсѣянною съ истинною расточительностью повсюду, какъ въ богатѣйшихъ, такъ и въ бѣднѣйшихъ комнатахъ. Уже во второй изъ различимыхъ еще нынѣ въ Помпеяхъ архитектурныхъ періодовъ, относящійся къ мирной эпохѣ втораго вѣка до Р. Хр., начавшейся для тогда еще осскаго города послѣ второй пунической войны,—уже въ этотъ періодъ, когда вмѣсто прежнихъ огромныхъ четвероугольныхъ известняковыхъ плитъ стали употреблять на постройку домовъ сперва небольшія плиты, а потомъ обломки болѣе тонкаго и изящнаго туфа, стѣны изъ этого матеріала стали покрывать чрезвычайно твердою штукатуркой,

которая затѣмъ пестро разрисовывалась такъ, что вся стѣна казалась покрытою инкрустаціей изъ различныхъ мраморныхъ плитъ. Этотъ древнѣйшій и первый декоративный стиль, носящій явные слѣды подражанія восточнымъ и греческимъ образцамъ и извѣстный подъ именемъ инкрустаціоннаго стиля, до сихъ поръ выступаетъ въ стѣнописи нѣкоторыхъ старинпѣйшихъ домовъ въ Помпеяхъ. Но съ наступленіемъ третьяго архитектурнаго періода, приблизительно съ 80 г. до Р. Хр., когда въ качествѣ строительнаго матеріала стали употреблять только маленькіе обломки камней и кирпичъ и покрывать все это толстымъ слоемъ штукатурки, первый стиль декоративной стѣнописи скоро выходитъ изъ моды. На его мѣстѣ теперь одинъ за другимъ развиваются другіе декоративные стили, которые лучшій знатокъ Помпей вообще и помпейской стѣнописи въ частности, August Mai, обозначилъ послѣдовательно какъ стиль архитектурный, орнаментальный и фантастическій. Такимъ образомъ, мы имѣемъ всего четыре вида декоративной стѣнописи въ Помпеяхъ. Характерное отличіе втораго или архитектурнаго стиля, процвѣтавшаго въ первомъ столѣтіи до Р. Хр., заключается въ томъ, что верхнія части стѣнъ покрывались перспективными изображеніями различныхъ архитектурныхъ частей, особенно колоннъ, которыя, казалось, расширяли и увеличивали пространство, заключенное въ украшенныхъ ими стѣнахъ. Между этими архитектурными изображеніями часто бываютъ нарисованы цѣлыя большія картины, между тѣмъ какъ нижнія отрѣзки стѣнъ образуютъ большею частью простыя, одною краской выкрашенныя поверхности, а наверху декорированы изображеніями масокъ, сосудовъ или небольшими картинками. — Чисто орнаментальный характеръ носитъ третій стиль помпейской декоративной стѣнописи, относящійся къ первой половинѣ перваго вѣка по Р. Хр. Надъ цоколемъ, большею частію чернаго цвѣта и часто украшеннымъ растеніями, стѣна здѣсь дѣлится маленькими отвѣсными колоннами, поддерживающими родъ стройнаго храмовиднаго павильйона, на множество различной величины частей, назначенныхъ для нанесенія на нихъ разнообразныхъ картинъ.— Еще фантастичнѣе четвертый и послѣдній декоративный стиль помпейской стѣнной живописи, который достигъ повсемѣстнаго процвѣтанія въ послѣднія десятилѣтія существованія Помпей и потому встрѣчается въ большинствѣ домовъ этого города. Тутъ вся стѣна, вслѣдствіе расположенныхъ между главными полями

фантастическихъ архитектурныхъ перспективовъ, кажется будто проломанною, и пространство такимъ образомъ расширеннымъ и какъ бы уходящимъ въ даль. Глядя сквозь эту сѣть камышеобразныхъ колоннадъ и столбиковъ, обитателю должно было казаться, что онъ смотритъ въ свободное пространство и сквозь просвѣтъ этой двойной или тройной перспективы уносится за предѣлы своего тѣснаго жилища. Щеголеватость, изобрѣтательность, свѣжее и строго-выдержанное чувство красоты и ловкость художника, обнаруживаемыя этими декораціями, большею частію нарисованными прямо съ руки, стоятъ выше всякой похвалы и вызываютъ, точно такъ же какъ ослѣпительно-блестящій колоритъ ихъ теплыхъ красокъ, до сихъ поръ еще всеобщее удивленіе. Энтузіазмъ наблюдателя, однако, еще больше возрастаетъ, когда онъ, разсматривая разнообразно декорированныя стѣны помпейскихъ домовъ, въ особенности послѣдняго періода, вглядывается въ отдѣльныя безчисленныя картины, которыя то совершенно свободно, то въ формѣ медальйоновъ, то въ видѣ большихъ обрамленныхъ картинъ разбросаны между фантастическими архитектурными изображеніями и представляютъ всевозможные сюжеты. — Между этими безчисленными картинами, которыя всѣ, такъ же какъ и декораціи, рисовались al fresco, то-есть минеральными водяными красками на свѣжей еще штукатуркѣ, тщательно изготовленной изъ самаго тонкаго известковаго и мраморнаго цемента, картины съ сюжетами изъ греческой миѳологіи, какъ по числу, такъ и по художественному выполненію, занимаютъ самое первенствующее мѣсто. Изъ этого можно видѣть, какъ живо и всеобще было проникновеніе религіозныхъ представленій Грековъ въ сознаніе жителей Помпей, и какъ древне-италійская религія, съ ея болѣе трезвыми абстракціями боговъ, отступила на задній планъ предъ конкретными и полными жизни образами боговъ и героевъ греческой миѳологіи, или даже совершенно растворилась въ нихъ. Еще раньше, чѣмъ въ Римѣ и другихъ частяхъ Италіи, это смѣшеніе греческой и италійской религіи, при которомъ первая всосала въ себя вторую, произошло въ Кампаніи, гдѣ особенно сильна была греческая колонизація. Правда, греческая миѳологія на стѣнныхъ изображеніяхъ помпейскихъ домовъ не отличается тою первоначальною глубиной наивной невинности и чистотой, какою она дышетъ въ древнѣйшихъ образцовыхъ произведеніяхъ, напримѣръ, греческихъ поэтовъ, Гомера, Гесіода, Пиндара, Эсхила и др. Съ

паденіемъ политической свободы Греціи начали исчезать всѣ прежніе высокіе идеалы, и съ теченіемъ вѣковъ первоначальная глубокая, по своему космогоническому характеру, основная мысль греческой миѳологіи становилась все блѣднѣе, греческіе боги низводились все ближе и ближе къ землѣ и наконецъ окончательно приспособились къ тѣмъ наклонностямъ, которыми отличались люди этой эпохи. Поэзія и искусство естественно послѣдовали за новымъ духомъ времени и съ особенною любовью останавливались на пикантномъ изображеніи преимущественно тѣхъ миѳовъ о богахъ и герояхъ, въ которыхъ разсказывалось о всевозможныхъ любовныхъ приключеніяхъ ихъ, имѣвшихъ когда-то, конечно, совершенно другое значеніе. Этотъ духъ времени, профанировавшій все прежде святое, выражается и въ помпейскихъ фрескахъ. Боги и герои здѣсь вполнѣ люди, и преобладающими сюжетами большихъ картинъ являются любовныя похожденія этихъ боговъ и героевъ. Само собою разумѣется, что самую выдающуюся роль играетъ здѣсь Венера, богиня любви и красоты, почитавшаяся въ то же время въ Помпеяхъ, какъ покровительница города. То мы видимъ ее одну, разъѣзжающую, въ качествѣ рожденной изъ морской пѣны, по волнамъ въ раковинѣ или на хребтѣ какого-нибудь морскаго животнаго, то самъ другъ съ ея супругомъ, богомъ войны, Марсомъ, или съ раненымъ красавцемъ Адонисомъ, или наконецъ со своимъ крылатымъ сыномъ, Эротомъ-Амуромъ.—Также часты картины изъ цикла миѳовъ о молодомъ богѣ вина, Діонисіи-Вакхѣ, съ его хоромъ сатировъ, силеновъ и вакханокъ, предающихся большею частію необузданной веселости. Въ самой разнообразной группировкѣ являются здѣсь отдѣльные образы, относящіеся къ этому миѳическому циклу. То предъ нами является Вакхъ, любующійся красотой Аріадны, покинутой Тезеемъ, то мы видимъ сатировъ и вакханокъ, предающихся веселой пляскѣ; то сатира, преслѣдующаго или пугающаго вакханку; то предъ нами проносится, подобно искусной наѣздницѣ, менада, вспрыгнувшая на кентавра и, зажавъ ему руки за спину, правящая имъ за волосы и пришпоривающая его ногой и тирсомъ Едвали можно себѣ представить болѣе геніальное воплощеніе пылкой страсти женщины, вышедшей изъ границъ скромности.—Но фигуры, связанныя съ вакхическимъ культомъ, выступаютъ не только группами, но и въ одиночку, и къ прекраснѣйшимъ изображеніямъ послѣдняго рода принадлежатъ, безъ сомнѣнія, тѣ парящія въ воздухѣ

фигуры, иногда съ тирсомъ или другими вакхическими аттрибутами въ рукахъ, которыя, благодаря безчисленнымъ и повсюду распространеннымъ копіямъ, подъ названіемъ „помпейскихъ танцовщицъ“, теперь сдѣлались извѣстными всему міру. — Весьма многочисленны также фрески, на которыхъ изображенъ Юпитеръ съ различными героинями, которыхъ онъ удостоилъ своихъ ласкъ. Тутъ онъ является съ Ледой, въ образѣ лебедя, тамъ онъ въ образѣ быка увозитъ на своемъ хребтѣ Европу, далѣе наконецъ онъ опускается къ Данаѣ въ видѣ золотаго дождеваго облака. — На нѣкоторыхъ картинахъ мы видимъ Ганимеда, возносящагося на небо на орлѣ Зевса, или богиню Луны, Селену, являющуюся къ спящему Эндиміону. Я бы никогда не окончилъ, еслибы сталъ перечислять всѣ встрѣчающіеся на стѣнныхъ картинахъ въ Помпеяхъ сюжеты, заимствованные изъ греческихъ миѳовъ о богахъ и герояхъ. Отличительный характеръ ихъ вездѣ одинъ и тотъ же: это пластически выраженное стремленіе къ беззаботному наслажденію жизнью, стремленіе, въ которомъ любовь играетъ первую роль, въ формѣ ли идиллической, сентиментальной, или, наконецъ, фривольной и цинической. Въ удивительной гармоніи съ этимъ основнымъ характеромъ помпейской стѣнной живописи находится современная ей римская поэзія, три вида которой къ концу республики и въ началѣ императорскихъ временъ достигаютъ своего высшаго процвѣтанія: лирика, идиллія и любовная элегія. Катуллъ и Лициній Кальвъ, далѣе Вергилій и Горацій, затѣмъ Тибуллъ и Проперцій и, наконецъ, Овидій были самыми блестящими представителями поэзіи этой эпохи. Въ ихъ сочиненіяхъ главную роль играетъ любовь, и этотъ сюжетъ ими постоянно вновь разрабатывается въ тысячѣ различныхъ видовъ. Неистощимымъ разнообразіемъ отличаются здѣсь элегики, особенно Проперцій и первопѣвецъ любви Овидій. Читая сочиненія этихъ поэтовъ, мы не можемъ отказаться отъ проведенія шагъ за шагомъ аналогіи между богатыми фантазіей картинами ихъ и помпейскою стѣнною живописью. Особенно интересны въ этомъ отношеніи такъ называемыя Heroides Овидія, которыя содержатъ вымышленныя письма отъ героинь къ ихъ мужьямъ или возлюбленнымъ; это — монологи въ элегической формѣ, въ которыхъ миѳическія женщины, въ согласіи со своимъ характеромъ въ миѳахъ, выражаютъ свои чувства по поводу различнаго рода трагическихъ положеній. То мы читаемъ письмо Пенелопы, въ которомъ она

рисуетъ Одиссею свою печальную участь и умоляетъ его возвратиться какъ можно скорѣе, чтобы защитить ее отъ назойливыхъ жениховъ; то письмо Аріадны, въ которомъ она посылаетъ Тезею упреки за то, что онъ тайно оставилъ ее одну ночью на пустынномъ островѣ Наксосѣ, забывъ клятвы, данныя ей нѣкогда, когда онъ съ ея помощью убилъ на островѣ Критѣ Минотавра. Подобнаго же содержанія и письма Дидоны къ Энею или Федры къ Ипполиту, и прочихъ героинь къ любимымъ ими героямъ. Всѣ героини являются въ этихъ письмахъ въ совершенно новой передѣлкѣ. Это уже не почтенные миѳическіе образы сѣдой старины, а настоящія современницы Овидія, съ моднымъ воспитаніемъ и легкими взглядами на жизнь. Какъ въ стѣнной живописи Помпей, такъ и въ этой поэзіи греческая миѳологія лишена своего прежняго глубокаго смысла и совершенно приспособлена къ воззрѣніямъ и вкусамъ современныхъ поколѣній, девизъ которыхъ былъ „жить и наслаждаться". Вполнѣ въ духѣ Овидія представленъ на одной изъ помпейскихъ фресокъ циклопъ Полифемъ, получающій отъ своей возлюбленной Галатеи письмо, которое ему передаетъ пріѣхавшій верхомъ на дельфинѣ Амуръ; совершенно въ томъ же духѣ написаны и тѣ картины, на которыхъ мы видимъ Дидону, плачущую по уѣхавшемъ Энеѣ, или Аріадну, покинутую Тезеемъ и предающуюся своему горю, между тѣмъ какъ стоящій предъ ней Эротъ вытираетъ себѣ ручкой слезы. Эротъ, или эроты играютъ вообще весьма важную роль въ помпейской стѣнной живописи. На картинахъ, изображающихъ Венеру съ Марсомъ или Адонисомъ, или Зевса съ какою-нибудь изъ его возлюбленныхъ, или Париса съ Еленой, или съ тремя богинями, и тому подобное, мы видимъ очень часто Эрота, присоединеннаго къ этимъ фигурамъ и такъ или иначе выражающаго свое участіе къ происходящему между ними. Но нерѣдко эроты сами составляютъ весь сюжетъ картины. Помпейскіе художники рисуютъ ихъ намъ занятыми самыми различными житейскими дѣлами, какъ будто бы они были люди. Они поютъ, играютъ, танцуютъ, пируютъ, купаются, охотятся, удятъ рыбу; тутъ они ѣздятъ верхами на козлахъ, тамъ разъѣзжаютъ въ колесницахъ, запряженныхъ львами или козами, или дельфинами; въ другомъ мѣстѣ они вьютъ вѣнки или усердно заняты сборомъ винограда; или даже сапожничаютъ, столярничаютъ или дѣлаютъ кузнечныя работы. Этотъ родъ жанра неисчерпаемъ по своимъ разнообразнѣйшимъ и чрезвычайно кокетливымъ моти-

вамъ. Къ самымъ привлекательнымъ изъ этого рода картинъ слѣдуетъ отнести тѣ всѣмъ извѣстныя фрески, гдѣ молодой человѣкъ и молодая дѣвушка представлены занятыми разсматриваніемъ гдѣзда, наполненнаго маленькими эротами. На другихъ картинахъ мы видимъ даже эротовъ, выставленныхъ на продажу. Вотъ старуха вынимаетъ изъ клѣтки одного изъ этихъ маленькихъ боговъ любви и, держа его за крылышки, предлагаетъ его сидящей предъ нею покупательницѣ, молодой дѣвушкѣ. Однако, какъ радостно эротъ ни протягиваетъ къ ней ручонки, она, повидимому, находится въ нерѣшительности, колеблясь въ выборѣ между прежнимъ побѣдителемъ сердецъ, которымъ она уже владѣетъ, держа его у себя на колѣняхъ, и новымъ, котораго ей предлагаетъ продавщица. Такую же важную роль, какую играютъ эроты въ помпейской стѣнной живописи, они играютъ и въ римской поэзіи того времени, у Катулла такъ же, какъ у элегиковъ. Поразительною оказывается аналогія въ тогдашнемъ характерѣ обоихъ искусствъ, если привлечь къ сравненію, напримѣръ, одну элегію Проперція, гдѣ поэтъ разсказываетъ, какъ онъ однажды ночью, забывъ вѣрность къ своей возлюбленной Цинтіи, ходилъ по улицамъ Рима и искалъ приключеній (II, 29, 3—14):

Вдругъ, небольшая толпа мнѣ навстрѣчу, не знаю, во сколько
Вышла ребятъ (сосчитать не дозволилъ ихъ страхъ мнѣ);
Факелы были у тѣхъ, другіе же стрѣлы держали,
Даже, казалось, что часть узы готовили мнѣ.
Были всѣ наги они; одинъ же изъ нихъ побойчѣе
Крикнулъ: „хватайте его; онъ хорошо вамъ знакомъ.
Вотъ онъ; его-то какъ разъ предала намъ Цинтія въ злобѣ.“
Рекъ, и на шеѣ моей узелъ завязанъ ужь былъ.
Тутъ одинъ приказалъ тащить на средину, другой же:
„Пусть погибаетъ, сказалъ, кто насъ богами не чтитъ.
Та часами тебя, хоть не стòишь того, поджидаетъ,
Ты же, не знаю какихъ, ищешь, глупецъ, тутъ дверей.“

Съ этими словами эроты, — ибо это были они, — увлекаютъ раскаивающагося и вмѣстѣ съ тѣмъ счастливаго поэта къ дому его возлюбленной Цинтіи. Какъ эта фантазія поэта Проперція представляетъ въ нѣкоторомъ родѣ pendant къ помпейскимъ фрескамъ, гдѣ эроты изображены въ самыхъ различныхъ положеніяхъ человѣческой жизни, такъ и у Катулла, напримѣръ, мы находимъ нѣсколько прелестныхъ стихотвореній, которыя такъ же какъ бы внушены подобными картинами. Особенно одно изъ

нихъ по духу вполнѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ помпейскимъ изображеніямъ любовныхъ сценъ, гдѣ Эротъ тѣмъ или другимъ образомъ принимаетъ участіе въ дѣйствіи. Катуллъ воспѣваетъ покровительствуемую Амуромъ взаимную склонность молодаго Римлянина Септимія и его возлюбленной Акмы (ст. 45):

Милую Акму сжимая въ объятьяхъ,
Молвилъ Септимій: „О другъ ты мой, Акма,
Если тебя не люблю я сердечно
И не готовъ такъ любить непрестанно,
Какъ полюбить кто лишь можетъ всей силой,
Въ Ливіи пусть я, иль въ Индіи жаркой,
Встрѣчу глазастаго льва въ одиночку."
Это услыша Амуръ, прежде мрачный,
Выразилъ, чхнувши, свое одобренье.
Голову мягко закинувши Акма
И у влюбленнаго юноши очи
Пурпуромъ устъ своихъ нѣжно цѣлуя:
„Жизнь ты моя", возгласила, „Септимій,
Будь же любовь намъ одна господиномъ;
Страстный огонь еще шире и жарче
Пышетъ въ груди моей болѣе нѣжной."
Это услыша Амуръ, прежде мрачный,
Выразилъ, чхнувши, свое одобренье.
Нынѣ, отправясь отъ доброй примѣты,
Любятъ взаимно они и любимы,
Акму Септимій считаетъ дороже
Сиріи всей и Британіи всякой.
Передъ Септиміемъ Акма единымъ
Всю свою прелесть и пылъ расточаетъ.
Счастье людское кто большее видѣлъ,
Или Венеру еще благосклоннѣй?

Послѣ талантливыхъ изслѣдованій помпейской стѣнной живописи, сдѣланныхъ въ особенности Hilbig'омъ, нельзя уже сомнѣваться въ томъ, что согласіе между характеромъ этихъ помпейскихъ живописныхъ изображеній и современной имъ римской поэзіи объясняется общностью ихъ источниковъ. Мы знаемъ, что поэты конца республиканской и начала императорской эпохи воодушевлялись твореніями преимущественно александрійской школы, то-есть греческой поэзіи, которая въ лицѣ Каллимаха,

Эвфоріона, Филета Косскаго, Өеокрита и др. творцовъ любовной элегіи, изящной идилліи, остроумной эпиграммы и прочаго, процвѣтала при образовавшихся послѣ смерти Александра Великаго пышныхъ королевскихъ дворахъ Александріи, Пергама и Антіохіи. И если эти греческіе поэты, отличавшіеся столько же своими познаніями въ миөологіи, сколько пикантностью и тонкимъ пониманіемъ жизни, а также стремленіемъ къ изящной внѣшней формѣ стихотворства, оказывали такое вліяніе на римскую поэзію, то ясно, что греческое вліяніе должно было не меньше отразиться и на римской живописи. Такимъ образомъ, и помпейскія картины, которыя, безъ сомнѣнія, представляютъ болѣе или менѣе свободныя подражанія знаменитымъ оригиналамъ, заимствовали большею частію свои сюжеты и весь свой характеръ у греческой живописи, преимущественно той, которая процвѣтала въ послѣднія три столѣтія до Р. Хр. при александрійскомъ, пергамскомъ и другихъ дворахъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ мы еще и теперь въ состояніи указать, съ большею или меньшею увѣренностью, тѣ оригиналы, которые посредственно или непосредственно, служили образцами для помпейскихъ художниковъ. Такъ мы находимъ на помпейскихъ и геркуланскихъ фрескахъ нѣсколько изображеній Медеи, представляющихъ собою до извѣстной степени копіи съ знаменитой картины Тимомаха Византійскаго, гдѣ съ поразительною психическою вѣрностью она изображена была въ тотъ моментъ, когда она, держа мечъ въ рукахъ, собирается, но еще колеблется убить своихъ дѣтей, рожденныхъ ею отъ измѣнившаго ей Язона. Также имѣется, хотя въ свободной передачѣ, на одной помпейской фрескѣ копія съ великолѣпной картины художника Тиманөа, знаменитаго современника столь же знаменитыхъ живописцевъ Паррасія и Апеллеса, имѣвшей сюжетомъ принесеніе въ жертву Ифигеніи въ Авлидѣ. Центръ картины образуетъ Ифигенія, схваченная двумя мужчинами, влекущими ее направо къ жертвеннику, близь котораго стоитъ жрецъ Калхасъ, собираясь заклать ее ножомъ, который онъ держитъ уже наготовѣ. Слѣва, у колонны, украшенной изображеніемъ Діаны, стоитъ Агамемнонъ, подавленный тѣмъ что̀ совершается вокругъ него. Онъ не чуетъ близости богини, для умилостивленія которой назначена эта ужасная жертва; а богиня уже паритъ въ воздухѣ съ правой стороны, готовясь положить вмѣсто Ифигеніи на алтарь лань, которую ведетъ къ ней изображенная съ лѣвой стороны нимфа. Агамем-

нонъ считаетъ свою любимую дочь уже потерянною и, чтобы не видѣть ее въ близкій ужасный моментъ, и чтобы скрыть свои страшныя страданія, съ трагическою покорностью закрываетъ себѣ голову плащомъ. — Видъ этой трогательной картины долженъ былъ вызвать въ душѣ не одного Помпейца, который можетъ-быть уже потерялъ глубокую вѣру въ старыхъ боговъ и путемъ философіи дошелъ до болѣе свободнаго міросозерцанія, такія же чувства, какія высказываетъ, по поводу этого печальнаго жертвоприношенія, въ своей дидактически-эпической поэмѣ „о природѣ", написанной около 54 года до Р. Х., римскій поэтъ Лукрецій, воодушевленный глашатай эпикуреизма. „Такъ", говоритъ поэтъ,

„Такъ предводители Грековъ, геройствомъ отборные мужи,
Встарь запятнали позорно алтарь богини Діаны
Кровью невинной, какъ лань, и прекрасной Ифіанассы.
Лишь только вкругъ ей дѣвичьихъ волосъ обвязали повязку,
Скромно ниспавшую ей на пурпурныя обѣ ланиты,
Лишь увидала она, какъ стоятъ всѣ: въ мрачную думу
Предъ алтаремъ погруженный отецъ, вблизи его слуги,
Спрятавъ ножи подъ одеждой, народъ, проливающій слезы,—
Внизъ опустилась она на колѣни, отъ страха нѣмая.
Даже и то не спасло, что изъ устъ ея дѣтскихъ впервые
Сладкое имя отца услышалъ царь Агамемнонъ.
Ахъ, ее подняли руки мужчинъ и дрожавшую тѣломъ
Къ жертвеннику подвели, не съ тѣмъ, чтобы, послѣ обрядовъ,
Съ свадебной пѣсней ее отвести въ домъ милаго мужа,
Но чтобъ она, кинжаломъ отца пораженная на смерть,
Жертвой невинной безумцевъ во цвѣтѣ юности пала
Въ пользу данайскихъ судовъ, задержанныхъ моремъ въ Авлидѣ.
Столь преступное дѣло внушила религія людямъ!"

Еще величавѣе картины Тиманѳа является намъ грандіозная картина художницы Елены изъ Александріи, копію съ которой, по всей вѣроятности, представляетъ мозаическая картина, въ 1831 году найденная въ Помпеяхъ въ примыкающей къ перистилю комнатѣ (exedra) такъ-называемаго дома фавна, полъ которой она украшала. Это удивительное произведеніе культивировавшагося очень много и въ Помпеяхъ мозаичнаго искусства имѣетъ 5 метровъ ширины и 2½ метра вышины и потребовало около полутора милліоновъ мраморныхъ штифтиковъ. Оно изображаетъ битву, данную Александромъ Великимъ съ одной

стороны и персидскимъ царемъ Даріемъ—съ другой въ 333 году при Иссѣ, въ самый интересный моментъ, когда она уже рѣшается и оканчивается пораженіемъ Дарія. Съ лѣвой стороны мчится, во главѣ своихъ македонскихъ всадниковъ, Александръ, между тѣмъ какъ въ центрѣ картины Дарій въ царской колесницѣ, съ окружающею его свитой, ѣдущею верхомъ справа, уже обращается въ бѣгство. Только немногіе всадники, и въ числѣ ихъ главнокомандующій Персовъ, братъ Дарія, Оксатресъ, прикрываютъ съ лѣвой стороны колесницы опасное отступленіе. Но вотъ конь Оксатреса, раненый македонскимъ копьемъ, упалъ, и въ то же мгновеніе подоспѣвшій Александръ, у котораго въ пылу сраженія свалился шлемъ съ головы, пронизываетъ Оксатреса насквозь копьемъ. Съ ужасомъ смотрятъ бѣгущіе Персы (справа) на паденіе царскаго брата и главнокомандующаго. Самъ Дарій, обернувшись въ колесницѣ, въ то время какъ его возница усиленно погоняетъ вздымающихся на дыбы лошадей, съ состраданіемъ и страхомъ простираетъ, несмотря на опасность для своей жизни, руки къ павшему вѣрному брату и защитнику своему.—Рѣдко гдѣ можно встрѣтить такое жизненно правдивое и полное глубокаго трагизма изображеніе царственной твердости и человѣческаго величія, проявляющихся при самыхъ сильныхъ ударахъ судьбы, какъ на этой мозаикѣ, которая и въ техническомъ отношеніи поражаетъ насъ своимъ совершенствомъ. Въ то же время это великолѣпное художественное произведеніе является почти единственнымъ въ Помпеяхъ образцомъ исторической живописи древнихъ. Миѳологическіе сюжеты, какъ я уже сказалъ, составляютъ въ помпейскихъ фрескахъ подавляющее большинство, и даже весьма излюбленныя, повидимому, изображенія звѣрей, цвѣтовъ и плодовъ а также картины мертвой природы, далѣе ландшафты и архитектурные виды составляютъ по численности, вмѣстѣ съ тѣми немногими картинами чисто-реалистическаго, собственно-жанроваго характера, которыя мы находимъ въ Помпеяхъ, едва третью часть всѣхъ помпейскихъ фресокъ. Да и по выполненію онѣ едва въ состояніи сравниться съ большинствомъ картинъ миѳологическаго содержанія. Вообще искусство, проявляемое помпейскими художниками въ ихъ картинахъ, весьма различнаго достоинства. Въ общемъ ихъ самостоятельная художественная изобрѣтательность простирается только на болѣе легкую область искусства; въ болѣе важныхъ и особенно миѳологическихъ

композиціяхъ они большею частью являются подражателями и копіистами древнихъ образцовъ греческой живописи, особенно, какъ мы видѣли, Александрійскаго времени, что̀ доказывается уже частыми повтореніями одного и того же сюжета. При этомъ они, однако, всегда еще проявляютъ столько самостоятельности, сколько нужно, чтобы внести въ картину ту или другую собственную деталь, такъ что два изображенія одного и того же сюжета никогда не бываютъ вполнѣ сходны. Гораздо выше, чѣмъ изобрѣтательность помпейскихъ художниковъ, стояла ихъ техника. Несмотря на нѣкоторыя, встрѣчающіяся изрѣдка, ошибки, рисунокъ на большинствѣ картинъ поражаетъ легкостью и смѣлою, даже геніальною, элегантностью. Кисть свободная, живая и далека отъ всякаго томительнаго и мелочнаго педантизма. И колоритъ также отличается столько же теплотой и энергіей, сколько безподобною гармоничностью. Нигдѣ зрѣніе не оскорбляется рѣзкостью красокъ или отсутствіемъ ихъ перелива; вездѣ свѣтовой эффектъ въ высшей степени нѣженъ, и такое впечатлѣніе производятъ помпейскія фрески еще нынѣ, хотя краски потеряли уже бо́льшую часть своей оптической силы, и картины всѣ безъ исключенія повреждены; при этомъ онѣ не имѣютъ тѣхъ условій относительно свѣта, для которыхъ онѣ предназначались, такъ какъ почти всѣ комнаты помпейскихъ домовъ нѣкогда были полутемны. Вспомнимъ, кромѣ того, что всѣ эти картины были просто декораціями для комнатъ и служили только архитектурнымъ цѣлямъ; что художники, работавшіе для обитателей маленькаго провинціальнаго городка, не были артистами перваго ранга, что, наконецъ, по словамъ Плинія, это время носило отпечатокъ уже вымирающаго искусства,— вспомнимъ все это, и мы будемъ не только высокаго мнѣнія объ античной живописи вообще, но придемъ къ убѣжденію, что ни въ какое время искусство не получало такого широкаго распространенія и не было такъ тѣсно связано съ повседневною жизнью, какъ въ классической древности вообще и въ представляющемъ ее маленькомъ городкѣ Помпеяхъ въ частности, могущемъ и въ этомъ отношеніи служить образцомъ для нашей современной культуры.

О. Базинеръ.

Одесса, декабрь 1891 г.

ВОПРОСЫ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ.

Предстоящее чествованіе памяти преподобнаго Сергія.—По поводу 25-лѣтняго юбилея Рижскаго Петропавловскаго Православнаго Братства.

25 сентября вся православная Русь будетъ праздновать 500-лѣтіе со дня блаженной кончины величайшаго своего сына, преподобнаго Сергія, игумена Радонежскаго. Въ этомъ святомъ имени для русскаго человѣка заключается все самое дорогое, чѣмъ только живетъ русское сердце, съ этимъ именемъ неразрывно связаны и тяжкія годины нашей исторіи и судьбы нашей государственности. Соединены съ этимъ именемъ упованія, радости и скорби милліоновъ русскихъ людей, въ продолженіи пяти вѣковъ прибѣгавшихъ къ помощи и предстательству великаго подвижника и свѣтильника Православія.

Но о значеніи для насъ преподобнаго Сергія мы не намѣрены здѣсь говорить. По нашему крайнему разумѣнію, чествованіе памяти преподобнаго на страницахъ газетъ и журналовъ способно только *умалить* эту память и менѣе всего желательно. Тѣмъ болѣе, поэтому, получаетъ значенія то истинное чествованіе *на дѣлѣ*, которое достойно святаго угодника Божія и дѣятельно уже готовится всѣмъ православнымъ людомъ. Начало въ этомъ дѣлѣ уже положено, какъ и слѣдовало ожидать, обителью преподобнаго Сергія. Тамъ уже въ прошломъ году было напечатано вторымъ изданіемъ „Историческое описаніе Свято-Троицкія Сергіевы Лавры“ и также вторымъ изданіемъ „Житіе преподобнаго Сергія“, написанное соборнымъ іеромонахомъ Никономъ. Теперь для народа издано множество „Троицкихъ листковъ“, относящихся къ житію преподобнаго Сергія, которые вмѣстѣ съ образками будутъ раздаваться паломникамъ въ предстоящій праздникъ. Академія предполагаетъ издать житіе преподобнаго Сергія,

написанное профессоромъ Е. Голубинскимъ. Кромѣ того, въ Лаврѣ строится громадный страннопріимный домъ на тысячу человѣкъ, и это доброе дѣло, кажется, болѣе всего соотвѣтствуетъ характеру поминаемаго событія, такъ какъ „не забывать страннолюбія“ — есть главная заповѣдь завѣщанная преподобнымъ своимъ ученикамъ. Участіе же первопрестольной столицы въ предстоящемъ чествованіи выразится главнымъ образомъ въ совершеніи крестнаго хода по направленію Троице-Сергіевой Лавры изъ всѣхъ Московскихъ соборовъ. Въ крестномъ ходу, кромѣ святыхъ хоругвей, будутъ также участвовать иконы: Спасителя изъ часовни, что̀ у Москворѣцкаго моста, Иверской Божіей Матери, святителей Московскихъ: Алексія, Петра, Филиппа и Іоны, и другія особо-чтимыя святыни. Кромѣ предстоящаго крестнаго хода, да торжественныхъ церковныхъ службъ въ знаменательный день 25 сентября, намъ ничего неизвѣстно о другихъ еще видахъ чествованія памяти угодника Божія. А между тѣмъ будь у насъ болѣе усердія или болѣе творчества духа, чѣмъ такъ богата была древняя Русь, можно было бы болѣе славно и болѣе достойно встрѣтить предстоящій духовный юбилей. Можно было бы создать памятникъ, и соотвѣтствующій событію, и поучительный для грядущихъ поколѣній.

Въ древней Руси нерѣдко созидались храмы благочестивыми руками *въ одинъ день*. Это бывало въ тяжкія годины народныхъ бѣдствій, въ родѣ голода или повальныхъ болѣзней. Народъ собирался въ опредѣленное мѣсто для общей молитвы объ избавленіи отъ напасти и бѣды, и тутъ же общими силами и средствами воздвигали храмъ, который и получалъ названіе отъ того— *обыденнаго*.

Переживъ такое тяжкое бѣдствіе, какъ неурожай прошлаго года, переживая и теперь еще бѣду холерной эпидеміи, мы могли бы не только собраться для общей молитвы, что̀ дѣлаемъ и теперь, но, по примѣру нашихъ предковъ, могли бы создать *храмъ обыденный*. И, конечно, гдѣ, какъ не въ Москвѣ, нашлось бы достаточно, и „ревности по дому Божію“, и средствъ для совершенія этого? А еслибъ этотъ храмъ былъ построенъ въ честь и славу Пресвятыя Троицы и еслибъ онъ былъ по своему внѣшнему виду и внутреннему устройству точнымъ подобіемъ того храма, который болѣе пятисотъ лѣтъ тому назадъ былъ *собственноручно* построенъ преподобнымъ Сергіемъ, — то развѣ это святое дѣло не было бы самымъ достойнымъ чествованіемъ памяти

святаго угодника Божія? И развѣ оно не было бы тѣмъ святымъ памятникомъ, который связывалъ бы насъ съ древнею до-Петровскою Русью (обыденныхъ храмовъ не было у насъ болѣе двухъ вѣковъ), и въ то же время былъ бы поучителенъ для нашихъ потомковъ?

И это все, въ сущности, не представляетъ никакой особенной трудности. Было бы только у насъ побольше искренней любви къ созиданію, да поменьше боязни всего самобытнаго.

* * *

Въ нынѣшнемъ году исполнилось 25 лѣтъ дѣятельности Рижскаго Православнаго Петропавловскаго Братства. Намъ отрадно остановиться здѣсь на этой дѣятельности и помянуть ее добрымъ словомъ, такъ какъ исторія Рижскаго Братства есть исторія неравной и тяжелой борьбы Православія за право существованія въ Прибалтійскомъ краѣ. Исторія эта очень поучительна, и мы поэтому считаемъ необходимымъ сдѣлать маленькій очеркъ ея, пользуясь для этого брошюрой *Г. А. Пассить* „Къ 25-лѣтію Рижскаго Петропавловскаго Православнаго Братства“.

Въ 1841 году началось движеніе Латышей и Эстовъ въ Православіе, безо всякихъ внѣшнихъ побужденій со стороны миссіонеровъ. Этотъ годъ и есть начальный моментъ православнаго дѣла въ Прибалтійскомъ краѣ. Движеніе Латышей было совершенно неожиданно и для насъ, и для господствующаго класса въ краѣ. Причины этого движенія были непонятны. Всѣ мѣстныя власти утверждали, что причиной этою была пропаганда со стороны православнаго духовенства, но самое строгое слѣдствіе не могло найти какихъ-либо слѣдовъ пропаганды. — На самомъ дѣлѣ причина тутъ была не одна, а нѣсколько, и религіознаго характера, и экономическаго. Нѣкоторый свѣтъ на это проливаютъ тѣ толки о вѣрѣ, которые въ то время сильно занимали простой народъ. „Въ пользу православной вѣры приводились обыкновенно слѣдующіе аргументы: а) что въ православной церкви,— какъ въ богослуженіи, такъ и при совершеніи таинствъ и обрядовъ, произносятся *сильныя* молитвы, какихъ нѣтъ въ лютеранскомъ богослуженіи; б) что русская вѣра ведетъ свое начало отъ апостоловъ, учениковъ самого Іисуса Христа, а лютеранская существуетъ только 300 лѣтъ; в) что *русская* вѣра несомнѣнно истинная, потому что царь исповѣдуетъ *русскую* вѣру“. (стр. 41). Какъ бы то ни было, но это движеніе подняло на ноги

всю мѣстную власть. Пасторы, помѣщики, чиновники—все это ополчилось противъ Латышей, осмѣлившихся заявить желаніе о присоединеніи къ православію. Пущены въ ходъ были всѣ средства: съ одной стороны клевета и извращеніе сути дѣла по отношенію къ центральной власти, съ другой—запугиванія, угрозы и тяжкія преслѣдованія крестьянъ. Такъ, напримѣръ—„предписано было крестьянъ, идущихъ въ Ригу, хотя бы съ единственною цѣлью просить о принятіи ихъ въ царскую вѣру, задерживать, а губернскому правленію предписано было, кромѣ того, брить задержаннымъ головы, заковывать въ кандалы, отправлять ихъ на мѣста жительства съ конвоемъ, и тамъ, въ присутствіи ихъ общинъ, строго наказывать ихъ розгами“ (стр. 23). Такими энергическими мѣрами прибалтійскаго лютеранскаго дворянства первое движеніе въ пользу православія было подавлено. Возобновилось оно въ 1845 году, но уже не съ прежнею силой. Въ этомъ году генералъ-губернаторъ, баронъ Паленъ, былъ замѣненъ Головинымъ. Этотъ администраторъ скоро ясно понялъ положеніе дѣла въ краѣ и сознательно отнесся къ нему. Замѣчателенъ его взглядъ на обращеніе Латышей и Эстовъ въ православіе, выраженный во Всеподданнѣйшемъ отчетѣ по управленію Балтійскимъ краемъ. Въ немъ онъ говоритъ, что „возникшее стремленіе Латышей и Эстовъ къ перемѣнѣ вѣры представляетъ въ исторіи Балтійскаго края замѣчательное событіе. Здѣсь, съ одной стороны, дворянство старается удержать за собою преобладаніе надъ туземными племенами, съ которыми оно, по отмѣнѣ крѣпостнаго состоянія, нравственно соединено одною только религіей, съ другой стороны является закоренѣлая вѣками ненависть сихъ послѣднихъ къ своимъ господамъ, потомкамъ суровыхъ завоевателей края, и усиліе ихъ разорвать эту связь въ надеждѣ освободиться чрезъ то отъ чужеземнаго владычества, которое даже послѣ дарованія крестьянамъ личной свободы не устранило насильственнаго своего начала... А такъ какъ все управленіе земской полиціи находится въ рукахъ того же дворянства, имѣющаго въ виду однѣ только выгоды своего сословія, то крестьянамъ прегражденъ всякій путь къ жалобамъ на претерпѣваемыя ими отъ землевладѣльцевъ угнетенія и несправедливости. Въ такомъ стѣсненномъ положеніи Латыши и Эсты возымѣли надежду, что, принявъ вѣру *Русскаго Царя*, они откроютъ себѣ дорогу къ облегченію своей участи, и въ русскихъ священникахъ найдутъ защиту, которой не находили въ нѣмецкихъ пасторахъ, которые

по своимъ отношеніямъ къ нимъ (крестьянамъ) были тѣ же помѣщики. Вотъ истинная причина, возбудившая въ природныхъ жителяхъ Лифляндіи такое сильное и всеобщее стремленіе перемѣнить вѣру, стремленіе, котораго никакія чуждыя подстрекательства не были бы въ состояніи произвести... Для прибалтійскаго дворянства религія служитъ только средствомъ къ удержанію Латышей и Эстовъ въ чуждомъ для нихъ элементѣ... Дворянство Балтійскаго нашего края—германскаго происхожденія—всемѣрно старается сохранить свою національность: оно этого не скрываетъ, да и причины нѣтъ скрывать... Но, не довольствуясь сохраненіемъ національности въ своемъ сословіи, остзейское дворянство хочетъ, чтобъ и весь Балтійскій край сохранилъ нѣмецкій характеръ, хотя природные жители ничего общаго съ германскимъ происхожденіемъ не имѣютъ, и все это на тотъ конецъ. чтобы не утратить до сихъ поръ еще продолжающагося, почти безотчетнаго господства своего въ этомъ краѣ, господства, которое лифляндское дворянство въ послѣднее время старается распространить даже на религіозное чувство коренныхъ уроженцевъ края, въ которыхъ оно привыкло видѣть рабовъ своихъ... Итакъ, дабы Балтійскій край оставался подъ вліяніемъ господствующей въ ономъ нѣмецкой національности, тамошнему дворянству остается нынѣ одно средство: не допустить, чтобы крестьяне перемѣнили вѣру и соединились въ религіозно-русскомъ элементѣ съ Русскимъ народомъ, расторгли единственную связь, соединяющую ихъ съ нѣмецкимъ населеніемъ, которое составляетъ едва одиннадцатую часть всѣхъ жителей онаго“... (стр. 45—48).

Мы нарочно остановились нѣсколько подробно на этомъ замѣчательномъ отчетѣ, выразившемъ такъ вѣрно и положеніе края и причины этого положенія. Казалось бы, что Головинъ, такъ вѣрно опредѣлившій больной вопросъ, могъ бы и разрѣшить его удачно, но не суждено было этому быть тогда. Силы самого генералъ-губернатора оказалось слишкомъ недостаточно для борьбы съ прибалтійскимъ дворянствомъ, которое имѣло громадныя связи въ правящихъ сферахъ. Въ концѣ 1845 года правительствомъ были обнародованы нѣкоторыя формальныя мѣры, которыя, имѣя въ основѣ своей благую цѣль, положили однако стремленію Латышей и Эстовъ непреодолимыя препятствія. Начались опять гоненія. „Подвергая крестьянъ различнымъ наказаніямъ и взысканіямъ, помѣщики, конечно, выставляли не прямую причину,

а различныя другія, такъ что юридически трудно было доказать, что именно за принятіе православія крестьяне подвергались преслѣдованіямъ, тѣмъ болѣе, что слѣдователи были дворяне-лютеране" (стр. 56). „Несмотря на все это, въ теченіе послѣдней четверти 1845 и первыхъ трехъ четвертей 1846 года, обратилось въ православіе около 100.000 крестьянъ" (стр. 58). Головину выпало на долю устройство въ краѣ первыхъ сельскихъ приходовъ и храмовъ. Къ первому января 1848 года считалось латышскихъ приходовъ 33, эстонскихъ—39. Въ короткій срокъ было построено 10 церквей, а чтобы не оставить новоприсоединенныхъ безъ исполненія духовныхъ требъ, въ 53-хъ приходахъ учреждены были временныя церкви, снабженныя иконостасомъ и причтомъ. Въ такомъ положеніи было дѣло, когда генералъ-губернаторъ Головинъ былъ замѣненъ въ январѣ 1848 года свѣтлѣйшимъ княземъ Суворовымъ. Съ этого времени настала самая тяжелая пора для православія въ прибалтійскомъ краѣ. Стремленія Латышей и Эстовъ систематично подавлялись и нигдѣ рѣшительно не находили поддержки. Дѣло постройки церквей совершенно остановилось. Изъ 53 временныхъ церквей, открытыхъ при Головинѣ, многія изъ нихъ были помѣщены въ зданіяхъ, которыя прежде были кабаками и корчмами, многія же въ тѣхъ домахъ, гдѣ до того жила мызная прислуга или скотники. Въ такихъ помѣщеніяхъ приходилось имъ оставаться лѣтъ двадцать и болѣе. „Отводы земель подъ кладбища и церкви не только въ частныхъ имѣніяхъ, но и въ казенныхъ, которыя по большей части были заарендованы прибалтійскими дворянами, тянулись десятками лѣтъ" (стр. 62). Ко всему этому надо прибавить насилія, чинимыя надъ православными крестьянами лютеранскими властями, и систематическую, злостную противо-православную пропаганду пасторовъ, которые умѣло воспользовались и положеніемъ въ краѣ Православной Церкви и своею полною безнаказанностью. Мудрено ли послѣ этого, что къ началу шестидесятыхъ годовъ обнаружился среди православнаго населенія ропотъ на православіе, какъ на причину его житейскихъ невзгодъ! Результатомъ этого былъ объѣздъ рижской епархіи архіепископомъ рижскимъ Платономъ. Изъ этого объѣзда преосвященный Платонъ убѣдился, „что причины, вызвавшія въ православныхъ Латышахъ и Эстахъ желаніе возвратиться изъ православія въ лютеранство, главнымъ образомъ, дѣлятся на двѣ группы: 1) всевозможныя притѣсненія и угнетенія православ-

ныхъ Латышей и Эстовъ со стороны прибалтійскихъ землевладѣльцевъ, административныхъ и полицейскихъ мѣстныхъ властей, утонченная пропаганда пасторовъ и ихъ помощниковъ; 2) печальное положеніе православныхъ храмовъ, ихъ утвари, скудное матеріальное положеніе православнаго духовенства. Для борьбы противъ первой группы причинъ, то-есть противъ угнетенія православныхъ мірскими властями, православная Рижская іерархія была безоружна. Противъ второй группы причинъ, то-есть противъ бѣдственнаго положенія православныхъ храмовъ и православнаго духовенства, бороться было чрезвычайно трудно: не было средствъ на постройку новыхъ церквей въ приходахъ, не было источниковъ и для улучшенія матеріальнаго положенія духовенства. Чтобы сколько-нибудь помочь Православной Церкви, архіепископъ Платонъ рѣшился прибѣгнуть къ помощи православнаго общества при посредствѣ Братствъ“ (стр. 93).

Въ 1867 году было основано Рижское Петропавловское Православное Братство. На первыхъ порахъ дѣятельность его была, конечно, крайне ограничена, за неимѣніемъ средствъ. „Но въ теченіе уже первыхъ трехъ лѣтъ существованія Братства русское общество успѣло ознакомиться съ нимъ, стало питать къ нему довѣріе, и поспѣшило ему на помощь своимъ теплымъ сочувствіемъ.“ [1] Главныя заботы Братства были направлены прежде всего на сооруженіе и поддержаніе православныхъ храмовъ, а затѣмъ на распространеніе между православными христіанскаго просвѣщенія путемъ устройства въ приходахъ училищъ и библіотекъ. Ту и другую задачу Братство, съ Божьею помощью, исполняло и исполняетъ блестяще. Уже въ 1870 году, благодаря щедрости столичныхъ благотворителей, 16 церквей были вполнѣ обезпечены церковными принадлежностями; 19 церквей были снабжены необходимѣйшею утварью, одеждами, книгами и иконами; 2.000 малыхъ иконъ роздано было бѣднѣйшимъ крестьянамъ. Мы не станемъ останавливаться на мелкихъ пожертвованіяхъ, стекавшихся отовсюду въ Братство преимущественно церковными вещами, утварью и иконами. Отмѣтимъ только, что два крупныя пожертвованія, полученныя Братствомъ въ 1877 году, упрочили на вѣчныя времена его существованіе. Получены были, завѣщанные Ю. Ѳ. Самаринымъ 10.000 р. и отъ графа А. Е. Комаровскаго также 10.000 р.

---

[1] Очеркъ 25-лѣтней дѣятельности Рижскаго П. П. Братства.

Въ 1867 году во всемъ городѣ Ригѣ не было ни одного православнаго церковнаго училища. Въ слѣдующемъ году Братство открыло при духовной семинаріи воскресную школу и Покровскую приходскую школу. Въ 1869 году было открыто еще одно училище, причисленное къ Покровскому. Въ 1870 году явилась возможность Братству купить домъ и открыть братскую школу на 200 учениковъ при двухъ классахъ съ двумя параллельными отдѣленіями. Въ 1879 году было открыто еще училище на Митавскомъ предмѣстьѣ, въ 1882 году—въ загородномъ рижскомъ мѣстечкѣ Гагенсбергѣ, а въ 1883 году—въ Везенбергѣ. Помимо этого Братство ежегодно отпускало большія суммы въ пособіе различнымъ школамъ. Вмѣстѣ съ заботами о школахъ Братство занялось издательскою дѣятельностью въ видахъ распространенія въ народѣ знанія русскаго языка и отечествовѣдѣнія. Въ 1870 году образовался издательскій комитетъ. На первый разъ изданы были русская азбука для Латышей и Эстонцевъ и руководство для изученія русскаго языка. Въ 1872 году были сдѣланы попытки ко введенію въ латышскій и эстонскій языки русской азбуки вмѣсто готической. Нѣсколько разъ издавались проповѣди на латышскомъ и эстонскомъ языкахъ.

Въ общемъ, за 25 лѣтъ въ Братскую кассу поступило 121.200 рублей. Изъ нихъ израсходовано: на школы и учителей—30.000 рублей; на содержаніе школьныхъ помѣщеній — 42.000 руб.; на церкви—8.600 р. Церковной утвари пожертвовано за это же время приблизительно на 20.000 р.

Заканчивая краткій обзоръ дѣятельности Петропавловскаго Братства, нельзя не пожелать ему и впредь на долгіе годы такой же плодотворности, какъ въ первую четверть вѣка своего существованія. Нельзя не пожелать и впредь такого же участія къ его дѣлу со стороны ревнителей православія, какое оно видѣло за всѣ эти годы. А дѣла еще много предстоитъ. „Постройка церквей православныхъ въ прибалтійскомъ краѣ еще далеко не закончена. Правительство даетъ средства на постройку храмовъ и на содержаніе причтовъ, но устройство и поддержаніе благолѣпія въ храмахъ лежитъ на прихожанахъ; а православные прихожане въ крестьянскомъ населеніи Рижской епархіи, въ большинствѣ приходовъ, настолько бѣдны, что не могутъ оказывать церкви никакой помощи.“

—ь.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Перемѣна министерства въ Англіи. — Поѣздка Стамбулова въ Константинополь.—Холера въ Западной Европѣ.—Международные конгрессы въ Москвѣ.—Посѣщеніе Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ Хитрова рынка.—Къ пятисотлѣтнему юбилею Преподобнаго Сергія. — Новыя законоположенія.

Итакъ, совершилось... 12-го августа въ Англіи состоялась перемѣна министерства. У руля государственнаго корабля, на смѣну маркиза Солсбери, становится, по волѣ народа, въ четвертый разъ знаменитый вождь виговъ, „великій старецъ" Гладстонъ. Все еще полный энергіи и силъ, полный жизни, замысловъ и плановъ, бодро и смѣло принимаетъ онъ въ свои опытныя, искусныя руки бразды правленія...

Что̀ же несетъ онъ, что̀ же сулитъ онъ, какъ своей странѣ, избранникомъ которой оказался вновь, такъ и всему политическому міру, которому отнынѣ вновь придется съ нимъ считаться?

Изъ вопросовъ внутренней политики главнѣйшій предметъ заботъ Гладстона составляетъ желаніе провести въ парламентѣ такъ называемый Home-rule, т-е. дарованіе Ирландіи права на большее или меньшее самоуправленіе въ своихъ внутреннихъ, административныхъ дѣлахъ, съ участіемъ, посредствомъ своихъ представителей, и въ дѣлахъ общаго имперскаго парламента; онъ надѣется такимъ образомъ достигнуть умиротворенія враждующихъ частей Соединеннаго Королевства. Насколько полнымъ и удачнымъ окажется осуществленіе завѣтной мысли престарѣлаго вождя англійской либеральной партіи, покажетъ недалекое будущее...

Что касается вопросовъ внѣшней политики, то, имѣя достаточное понятіе о нравственномъ обликѣ этого мужа и руководствуясь опытомъ прежнихъ лѣтъ, мы льстимъ себя надеждой, что, съ переходомъ власти въ его руки, обычное. неуклонное служеніе его интересамъ своей страны не помѣшаетъ внесенію гораздо большей, чѣмъ при его предшественникѣ, порядочности и добросовѣстности въ отношенія къ другимъ державамъ, что страннымъ заигрываніемъ съ тройственнымъ союзомъ и нынѣшними самозванными правителями Болгаріи будетъ положено значительное ограниченіе и что всяческія политическія несправедливости, беззаконія и правонарушенія будутъ получать себѣ нѣсколько иную оцѣнку...

Отмѣчая нынѣ переходъ государственнаго руля Англіи въ руки „великаго старца", мы во всякомъ случаѣ не можемъ при этомъ не вспоминать, что именно этотъ теперешній избранникъ Англійскаго народа „осмѣлился въ 1876 и 1877 годахъ отстаивать христіанъ на Востокѣ, отдавать справедливость безкорыстію и благородству Россіи, въ лицѣ ея храбрыхъ добровольцевъ и всего Русскаго народа съ его Православнымъ Царемъ во главѣ" [1].

* * *

Заставилъ о себѣ говорить въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ и другой своего рода „государственный мужъ", другой „политическій дѣятель" совершенно своеобразнаго склада...

Мы разумѣемъ, конечно, г. Стамбулова и его поѣздку въ Константинополь, которую онъ самъ и его приспѣшники (отечественные и иноземные) тщетно старались раздуть въ политическое событіе значительной важности.

Изъ этой поѣздки, имѣвшей главною своею цѣлью расположить Турецкое правительство въ пользу признанія Кобурга законнымъ княземъ Болгаріи, такъ ничего и не вышло. Хитрому и пронырливому Болгарину не удалось перехитрить умнаго и осторожнаго Турка. По словамъ парижской газеты *Matin*, султанъ резонно отвѣчалъ:

---

[1] См. подробнѣе объ этомъ въ спеціальной корреспонденціи *(Письма объ Англіи)*, помѣщенной въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала и принадлежащей талантливому перу нашей извѣстной соотечественницы, близко знакомой съ Англіей и ея дѣлами.

„Это вопросъ международный; я не могу и не въ правѣ рѣшить его безъ согласія державъ, подписавшихъ Берлинскій трактатъ.“

Такъ г. Стамбулову и пришлось убраться ни съ чѣмъ.

Впрочемъ, если вѣрить справедливости заявленія, сдѣланнаго имъ корреспонденту парижскаго *Figaro*, ему дали золотую табакерку, украшенную бриллiантами,—вотъ и все. Причемъ знаменитый „государственный мужъ“ Болгаріи, вспомнивъ, по словамъ корреспондента, что былъ когда-то приговоренъ турецкими властями къ смертной казни, шутливо добавилъ: „такова политика: вчера—висѣлица, сегодня—табакерка...“

Разумѣется, табакерка гораздо пріятнѣе висѣлицы... Но можетъ ли она служить гарантіей, что *сегодняшнему* счастливому обладателю ея не придется, можетъ-быть, *завтра* же съ полнымъ правомъ подвергнуться тому, что̀ ему такъ настойчиво угрожало *вчера?..*

Вотъ о чемъ „политическому дѣятелю“ бѣдной Болгаріи не мѣшало бы тоже подумать, получая табакерку...

* * *

Пресловутая „азіятская гостья“, пройдя Божіей карой изъ конца въ конецъ святую Русь и заставивъ ее „перекреститься“, добралась, наконецъ, до того мѣста, гдѣ Великій Петръ „въ Европу прорубилъ окно“; но она не ограничилась тѣмъ, чтобы только заглянуть въ это окно своими наводящими ужасъ очами: тамъ и сямъ въ разныхъ странахъ нашей давней „учительницы въ дѣлѣ цивилизаціи и прогресса“ она появилась уже во всей силѣ своего грознаго величія и начала свирѣпствовать, повидимому, еще съ большею жестокостью, чѣмъ у насъ... Особенную безпощадность своего характера выказываетъ она въ Гамбургѣ...

* * *

Въ Москвѣ, какъ и вообще въ Россіи, холера также еще не вполнѣ замерла, хотя размѣры ея, по милости Божіей, и оказались далеко не столь значительными, какъ это многимъ ожидалось, судя по началу.

Въ самой Москвѣ размѣры эти,—сравнительно даже, напримѣръ, съ Петербургомъ,—оказались, слава Богу, даже совсѣмъ незначительными, и холера не помѣшала довольно успѣшному

осуществленію ранѣе задуманныхъ ею дѣлъ и намѣченныхъ себѣ задачъ, не помѣшала и зарожденію въ средѣ ея обитателей нѣкоторыхъ глубокихъ, исконныхъ народныхъ, чисто-русскихъ, православныхъ думъ, вполнѣ отвѣчающихъ ея названію „сердца Россіи...“

Дѣломъ наиболѣе виднымъ, занимавшимъ Москву болѣе половины августа, дѣломъ притомъ еще небывалымъ въ ея стѣнахъ — являются засѣданія международнаго конгресса по антропологіи и доисторической археологіи, которыя нашли себѣ пріютъ въ старѣйшемъ и славнѣйшимъ изъ нашихъ университетотъ, куда собрались ученые гости съ разныхъ концовъ міра, съ цѣлью ознакомиться какъ съ учеными трудами русскихъ научныхъ силъ, такъ и съ собраніями многочисленныхъ московскихъ научныхъ учрежденій и со всѣмъ, что̀ есть замѣчательнаго въ Москвѣ, желая, повидимому, заглянуть поближе въ глаза этому загадочному, огромному сфинксу, котораго зовутъ „Россіей“, и который все болѣе и болѣе начинаетъ интересовать собою просвѣщенное вниманіе своихъ сосѣдей, друзей и недруговъ...

Москвѣ пришлось привѣтствовать въ своихъ стѣнахъ такихъ ученыхъ, какъ Рудольфъ Вирховъ, Шантръ, Мильнъ-Эдвардсъ, Мэбіусъ, Ланглей, Поуэль, Кольманнъ, Бартелеми, де-Бай, де-Лоэ и другіе.

Не только частныя лица и отдѣльные ученые, но и цѣлыя иностранныя ученыя учрежденія и даже правительства отнеслись съ довѣріемъ и симпатіей къ кружку устроителей у насъ международныхъ конгрессовъ, — кружку, положившему въ это дѣло не мало неутомимаго труда и благородной энергіи.

Наше правительство, со своей стороны, оказало конгрессамъ высокую нравственную поддержку, назначивъ уполномоченныхъ отъ разныхъ правительственныхъ учрежденій и разрѣшивъ участіе въ нихъ лицамъ, занимающимъ отвѣтственныя служебныя должности. Почти всѣ вѣдомства внесли свою долю участія въ это общее дѣло русской науки, радушно принимавшей у себя иноземныхъ ученыхъ гостей. Духовное вѣдомство разрѣшило принятіе участія въ конгрессахъ служебному составу духовныхъ академій, военное вѣдомство обогатило выставки трудами своего генеральнаго штаба и военно-инженернаго управленія, болѣе всѣхъ близкое къ цѣлямъ конгрессовъ Министерство Народнаго Просвѣщенія прислало на конгрессы въ качествѣ своего

спеціальнаго делегата, извѣстнаго нашего ученаго, заслуженнаго профессора Н. А. Любимова, а ученыя учрежденія министерства: какъ Академія Наукъ, университеты, отдѣльные факультеты и ученыя общества, приняли самое дѣятельное участіе въ осуществленіи конгрессовъ.

Самъ Августѣйшій Хозяинъ Москвы, Его Императорское Высочество Великій Князь Сергій Александровичъ, въ знакъ своего сочувствія и полнаго довѣрія къ московскимъ международнымъ конгрессамъ, изволилъ, съ разрѣшенія Государя Императора, принять ихъ подъ свое Августѣйшее покровительство.

Московская Городская Дума привѣтствовала ихъ членовъ чрезъ своего голову Н. А. Алексѣева.

Не говоримъ уже о широкомъ русскомъ гостепріимствѣ, которымъ такъ славится хлѣбосольная и тароватая Москва, и котораго, разумѣется, было вдоволь.

Чтобы не быть по необходимости слишкомъ краткими въ своемъ изложеніи, не касаемся пока вовсе внутренней стороны московскихъ международныхъ конгрессовъ, ихъ содержанія,—и постараемся лучше дать о нихъ подробный отчетъ, съ этой стороны, въ одной изъ ближайшихъ книгъ нашего журнала.

А пока позволимъ себѣ лишь подчеркнуть здѣсь, со своей стороны, слѣдующую крайне интересную и характерную замѣтку *Южнаго Края* (№ 3.998) по поводу выдающагося значенія рѣчи Вирхова, произнесенной имъ при открытіи перваго засѣданія международнаго конгресса въ Москвѣ:

„Знаменитый германскій ученый Рудольфъ Вирховъ прочиталъ рефератъ, представляющій глубокій интересъ для всѣхъ сколько-нибудь образованныхъ людей. Въ этомъ рефератѣ идетъ рѣчь о происхожденіи человѣческаго рода, объ отношеніяхъ между людьми и животными и, наконецъ, о теоріи Дарвина, получившей за послѣднія тридцать лѣтъ такое широкое распространеніе въ массахъ читающаго люда. Эта теорія сбила съ толку не мало слабыхъ головъ, сильно способствовала успѣхамъ самаго грубаго матеріализма и довольно долго пользовалась репутацій „послѣдняго слова науки“. Рѣчь г. Вирхова—это открытый вызовъ дарвинизму, и, что̀ всего обиднѣе для фанатиковъ дарвиновской системы (имя же имъ легіонъ),—этотъ вызовъ сдѣланъ не для защиты тѣхъ или другихъ религіозныхъ или философскихъ началъ, а на почвѣ чисто объективнаго знанія.“

* * *

Другое событіе въ московской жизни разсматриваемаго нами періода времени, не отличаясь такою всемірною яркостью, какъ предшествующее, невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе тихимъ, кроткимъ свѣтомъ любви и милосердія и умиляетъ своею трогательностію...

Мы разумѣемъ посѣщеніе Его Императорскимъ Высочествомъ Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ Сергіемъ Александровичемъ несчастныхъ и всѣми презираемыхъ обитателей Хитрова рынка, умиленныхъ и приведенныхъ въ восторгъ вниманіемъ къ нимъ и ихъ скуднымъ интересамъ со стороны Царскаго Брата.

Послѣдствіемъ этого трогательнаго визита 4 августа, кромѣ чувства искренняго умиленія, возбужденнаго въ душахъ несчастныхъ „ночлежниковъ", явилась еще тысяча рублей, пожертвованная Его Высочествомъ на немногосложныя, но существенныя нужды этого бѣднаго, полуголоднаго, оборваннаго и бездомнаго люда...

* * *

Предстоящій 25 сентября пятисотлѣтній юбилей Преподобнаго Сергія, великаго печальника и молитвенника за землю Русскую, одного изъ дивныхъ и могучихъ созидателей и охранителей этой земли, все болѣе и болѣе занимаетъ собою думы Москвичей и обѣщаетъ быть истинно національнымъ праздникомъ...

Готовится огромный, небывалый доселѣ, торжественный крестный ходъ до самой Троице-Сергіевой Лавры...

Въ нѣкоторыхъ кружкахъ носятся даже слухи о желательности и возможности созданія небольшаго деревяннаго храма въ честь Св. Троицы, соединеннаго съ памятью Преподобнаго Сергія и долженствующаго остаться достойнымъ памятникомъ предстоящаго юбилея. Указывается даже мѣсто для построенія этого храма (при Румянцевскомъ Музеѣ). Высказывается желаніе, чтобы храмъ этотъ былъ, по возможности, точнымъ воспроизведеніемъ того малаго деревяннаго храма, который былъ сооруженъ собственными руками Преподобнаго, съ помощью брата Стефана, когда они еще одни были въ пустынѣ, и который послужилъ началомъ знаменитой исторической Лавры. Предносится даже идеалъ *обыденнаго* построенія этого малаго храма, по извѣстному благочестивому, древнему русскому обычаю, всѣмъ народомъ, „міромъ", трудомъ одного дня...

Мы не знаемъ, суждено ли этой мысли осуществиться... Но

какъ она привлекательна и какъ много говоритъ русскому сердцу, русской душѣ!..

Въ ней какъ-то чуются и смутно сказываются тѣ великія, необъятныя силы, что̀ въ обыкновенное, будничное время таятся гдѣ-то тамъ, въ заповѣдныхъ глубинахъ народнаго духа, а въ великія, торжественныя минуты исторической жизни Русскаго народа встаютъ во всемъ своемъ необъятномъ величіи предъ очами всего благоговѣйно изумленнаго міра!..

* * *

За истекшій августъ состоялось опубликованіе слѣдующихъ законоположеній, которыя мы и разсмотримъ вкратцѣ, въ порядкѣ ихъ опубликованія. Прежде всего обратимъ вниманіе читателей на именной Высочайшій указъ, данный на имя управляющаго Министерствомъ Путей Сообщенія отъ 18 іюня 1892 года, коимъ Высочайше разрѣшено сооруженіе желѣзнодорожной линіи отъ Челябинска до Омска; говорить о великомъ значеніи этого пути, составляющаго только часть великаго сибирскаго пути, нужно ли? Никакія предположенія не въ состояніи будутъ исчерпать въ своихъ выраженіяхъ все то, что̀ принесетъ съ собою эта дорога, которая соединитъ огромную, баснословно по нашимъ временамъ богатую Сибирь съ центральною Россіей. Дай только Богъ, чтобъ эксплуатація этого края пошла здоровымъ путемъ, чтобъ это не было безпощаднымъ сжиганіемъ его чудныхъ лѣсовъ, чѣмъ такъ печально отличались мы раньше, истребленіемъ въ ея рѣкахъ рыбы безобразнымъ недисциплинированнымъ ловомъ, знающимъ только одно желаніе побольше сразу нажить и знать не желающимъ времени возможнаго лова, обязанности сохраненія икряной рыбы не для одной только Масляницы,—дай Господи во всемъ этомъ развитіи побольше здраваго смысла и здравой дисциплины!

Высочайше утвержденнымъ того же 18 іюня мнѣніемъ Государственнаго Совѣта мѣстныя крестьянскія судебныя учрежденія преобразованы приведеніемъ въ дѣйствіе Высочайше утвержденныхъ 12 іюня 1889 года законоположеній нынѣ также въ губерніяхъ: Бессарабской, Таврической и Херсонской, чѣмъ достигается государственное единообразіе въ сложной государственной машинѣ; институтъ постепенно вводимыхъ земскихъ начальниковъ долженъ принести уже въ недалекомъ будущемъ ожидаемую

отъ него пользу. Намъ самимъ приходилось наблюдать въ губерніяхъ Средней Россіи всеобщее (или, по крайней мѣрѣ, у большинства) довольство дѣятельностью земскихъ начальниковъ, благодаря которымъ разрѣшаются подъ часъ (и весьма просто) такія правонарушенія въ отношеніяхъ людей, съ которыми въ недавнее время не знали куда ходить, кому „печаловаться". Доказательствомъ тому можетъ служить, напримѣръ, слѣдующее. Въ деревнѣ, во дворѣ очень бѣдномъ, захудаломъ, гдѣ домохозяйкой вдова-мать, женщина престарѣлая—двое сыновей: одинъ живетъ при матери и, конечно, ее содержитъ, другой—живетъ на югѣ, въ портовомъ городѣ, какъ хорошій плотникъ зарабатываетъ на службѣ въ портѣ около 60 рублей въ мѣсяцъ, обзавелся въ первый же годъ новою семьей и ни копѣйки не шлетъ своей оставшейся въ деревнѣ женѣ съ малолѣтними дѣтьми. Положеніе бѣдной, покинутой женщины ужасное; дворъ захудалый, и все обрушивается на единаго во двору работника—младшаго брата. Спрашивается, какъ заставить человѣка, по современному сознанію „свободнаго", вспомнить свои нравственныя обязанности? гдѣ та власть, которая могла бы его къ чему-либо принудить?

И вотъ, вытребованный изъ портоваго города земскимъ начальникомъ, человѣкъ добровольно изъявляетъ желаніе выдавать на содержаніе своей семьи извѣстную сумму денегъ. Поставляя на судъ его совѣсти его личный грѣхъ противъ своей старой семьи, земскій начальникъ достигъ не малаго: пробудилъ въ человѣкѣ сознаніе своихъ обязанностей предъ нелюбимою даже семьей и вселилъ въ него страхъ за содѣянный грѣхъ.

Того же 18 іюня Высочайше предоставлено губернаторамъ Сибири, въ виду эпидемическихъ холерныхъ заболѣваній нынѣшняго лѣта: а) право издавать санитарныя и другія по мѣстнымъ условіямъ необходимыя для борьбы съ эпидеміей и охраненія общественнаго порядка обязательныя постановленія; б) подвергать собственною властью виновныхъ въ нарушеніи сихъ постановленій денежнымъ взысканіямъ до 500 руб. или аресту до трехъ мѣсяцевъ. Такая исключительная мѣра вызвана исключительностью самаго положенія мѣстностей, которыя могутъ быть постигнуты эпидеміей. Въ дѣятельности нижегородскаго губернатора, Николая Михайловича Баранова, въ нынѣшнюю Нижегородскую ярмарку мы имѣли живой примѣръ, какихъ благодѣтельныхъ результатовъ можетъ достигнуть разумная власть, не стѣсняемая мелочною регламентаціей того, что̀ можно и чего нельзя,

всякаго рода обязательными сроками и цѣлымъ ворохомъ всякихъ формальностей.

Того же 18 іюня Высочайше измѣнена редакція стт. 40 и 43 Положенія о Пошлинахъ за право торговли и промысловъ. Согласно новой редакціи, ст. 40 предоставляетъ право по одному свидѣтельству на мелочной торгъ въ мѣстномъ уѣздѣ: 1) содержать лавки въ гостиныхъ дворахъ, рядахъ и другихъ публичныхъ помѣщеніяхъ, такъ-называемыя мелочныя лавочки для продажи изъ нихъ товаровъ, поименованныхъ въ особыхъ росписяхъ, торговыя бани, рыбные садки, трактирныя заведенія въ городскихъ поселеніяхъ, платящія въ городской доходъ менѣе двухсотъ рублей, и трактирныя заведенія внѣ городскихъ поселеній,— причемъ на каждое торговое заведеніе должно быть взято особое свидѣтельство, и 2) принимать подряды и поставки по установленнымъ правиламъ. Согласно же ст. 43, оставшимся по смерти священно- и церковно-служителей вдовамъ и незамужнимъ дочерямъ, а также отставнымъ нижнимъ чинамъ, поступившимъ на военную службу до десятой ревизіи; женамъ, вдовамъ и незамужнимъ дочерямъ сихъ чиновъ въ видѣ особой льготы дозволяется содержать, безъ платежа сбора за право торговли и промысловъ, по одному торговому или промышленному заведенію или помѣщенію изъ числа указанныхъ въ статьѣ 40, за исключеніемъ торговыхъ бань, трактирныхъ заведеній и заведеній для раздробительной торговли крѣпкими напитками. Законъ этотъ имѣетъ въ виду по возможности дать пропитаніе бѣднѣйшимъ жителямъ уѣзда, торговые барыши которыхъ за годъ даже въ лавкѣ, содержимой въ гостиномъ дворѣ, врядъ ли многимъ превысятъ сумму гильдейскаго взноса. Наши уѣздные города, чуть только они немножко подались отъ столицъ, даютъ намъ такіе стародавніе масштабы жизни, что ихъ необходимо особенно принимать въ разсчетъ при установленіи общихъ нормъ, нерѣдко разсчитываемыхъ по шаблону большихъ городовъ, даже столицъ, гдѣ наблюденіе сравнительно легко. Это совершенно такъ, еслибы законодательство въ вопросахъ о сельско-хозяйственныхъ рабочихъ приняло въ разсчетъ положеніе и основаніе жизни заводскихъ и фабричныхъ мастеровыхъ и рабочихъ, гдѣ точками соприкосновенія будетъ только то, что тѣ и другіе живые, чувствующіе люди, но и только.

Того же 18 іюня послѣдовали Высочайшія повелѣнія: 1) о предоставленіи министру Путей Сообщенія, по соглашенію съ

министрами Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ и Государственныхъ Имуществъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ Военнымъ, обязательныя правила о порядкѣ и условіяхъ перевозки тяжестей по шоссейнымъ дорогамъ, конструкціи и предѣльной нагрузкѣ для этой перевозки общественныхъ экипажей, а также правила пользованія мостами, переправами и обрывами шоссейныхъ дорогъ. Мы надѣемся современемъ имѣть такія же правила для грунтовыхъ дорогъ, съ точною системой содержанія ихъ въ нужномъ для движенія порядкѣ. Для шоссейныхъ дорогъ все это точно регламентировано, такъ какъ онѣ имѣютъ свою очень опредѣленную исторію уже въ новое время. А бѣдныя большія грунтовыя дороги (мы уже не говоримъ о проселочныхъ—все же для государства нужныхъ) стоятъ со своими срубленными вѣковыми березами и ракитами, съ выжженными не только пнями, но и дуплами живыхъ еще деревъ, съ невыразимо ухабистыми гатями, колеями, гдѣ можно чуть ли не въ прятки играть при небольшомъ ростѣ путешественниковъ, съ давно воспѣтыми мостами съ самодвигающимися и самопадающими половицами, которые опасливо объѣзжаютъ, по колѣна въ грязи, мѣстные жители,—все это еще ожидаетъ улучшенія своей судьбы. Со времени проведенія желѣзныхъ дорогъ наше законодательство было усиленно занято регламентаціей всего, что̀ только могло входить въ область устройства и эксплуатаціи этихъ новыхъ путей сообщенія, а старыя дороги,—рѣки, на глазахъ нашихъ, забывались какъ-то всецѣло. А между тѣмъ, къ тѣмъ же еще рѣдкимъ для необъятнаго пространства Россійской Имперіи станціямъ желѣзныхъ дорогъ, по дорогамъ и большимъ, и проселочнымъ, тянутся обозы груженые хлѣбомъ и другими продуктами сельскаго хозяйства, и надрываются бѣдныя лошади, скользятъ, падаютъ въ колевины, или скрытыя слоями надутой пыли, или залитыя водой отъ дождей; набиваютъ себѣ въ кровь плечи, холки, бока. Давно уже и шоссейныя дороги (по крайней мѣрѣ, въ Средней Россіи) какъ-то обходились законодательными работами второй половины нынѣшняго столѣтія, и мы очень привѣтствуемъ вышеуказанное Высочайшее повелѣніе, которое вселяетъ въ насъ увѣренность, что и остальные наши пути сообщенія привлекутъ вниманіе нашего законодательства и выйдетъ этотъ вопросъ изъ совершеннѣйшаго забвенія нашихъ дней.

Согласно Высочайшему утвержденію, съ 4 сентября 1892 года вступаетъ въ силу положеніе Комитета Министровъ о продленіи

еще на одинъ годъ впередъ усиленной охраны въ губерніяхъ: С.-Петербургской, Московской, Харьковской, Кіевской, Подольской, Виленской, въ городахъ: Ростовѣ-на-Дону, Таганрогѣ, Нахичевани, и селѣ Касперовкѣ, области Войска Донскаго, а равно въ С.-Петербургскомъ и Одесскомъ градоначальствахъ, въ Николаевскомъ военномъ губернаторствѣ и въ мѣстностяхъ вѣдомства Кронштадтскаго военнаго губернатора.

29 іюня 1892 года Высочайше утверждено положеніе Комитета Министровъ о предоставленіи министру Внутреннихъ Дѣлъ права воспрещать питейную торговлю, въ видѣ временной, до 1 января 1893 года, мѣры, въ чрезвычайныхъ и нетерпящихъ отлагательства случаяхъ, какъ-то: во время безпорядковъ, народныхъ волненій, и т. п. Въ этихъ случаяхъ закрываются, по сношенію съ министромъ Финансовъ, на опредѣленный срокъ отдѣльныя заведенія для раздробительной продажи крѣпкихъ напитковъ.

Установленъ также и для прочихъ случаевъ порядокъ закрытія въ отдѣльныхъ селеніяхъ заведеній съ распивочною продажей крѣпкихъ напитковъ.

Въ видахъ охраненія общественной безопасности и благочинія губернаторамъ предоставляется назначать экстренныя засѣданія губернскихъ по питейнымъ дѣламъ присутствій для обсужденія вопросовъ о закрытіи тѣхъ отдѣльныхъ заведеній съ распивочною продажей крѣпкихъ напитковъ, которыя влекутъ за собою разореніе крестьянъ; журналы губернскихъ присутствій по этимъ дѣламъ представляются въ недѣльный срокъ министрамъ Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ и утверждаются ими по взаимномъ между собою соглашеніи.

19 іюня Высочайше утверждено положеніе Комитета Министровъ о введеніи добровольнаго земскаго страхованія отъ градобитія въ Орловской губерніи.

Мы приводимъ настоящее Высочайшее повелѣніе, имѣющее исключительно мѣстный интересъ, съ цѣлью обратить вниманіе на заслуживающую подражанія дѣятельность Орловскаго губернскаго земства въ данномъ направленіи. Градобитія уносятъ у насъ ежегодно много хлѣба, и, при современномъ положеніи нашихъ имѣній, въ огромномъ числѣ заложенныхъ въ банкахъ, ежегодно разоряютъ многихъ людей. Конечно, теперь плохому, несчастному владѣльцу, послѣ многихъ хлопотъ, отсрочатъ срочные платежи, но вѣдь и ихъ не простятъ, они будутъ числиться

въ недоимкѣ, которую все-таки приходится платить вмѣстѣ съ другимъ срочнымъ платежемъ, который и одинъ-то едва по силамъ слабому хозяйству нашихъ имѣній. Вотъ тутъ-то страхованіе и можетъ сослужить великую службу землевладѣльцу. Дай только Богъ, чтобъ оно развивалось побольше и поскорѣе.

Еще 3 іюня послѣдовало Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта объ утвержденіи проекта правилъ о нефтяномъ промыслѣ, представляющихъ особое стройное цѣлое. Установлены особыя правила о послѣдствіяхъ за невзносъ оброчной платы и пени въ теченіе льготнаго срока и предоставлено министру Государственныхъ Имуществъ, по соглашенію съ министрами Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ и Главноначальствующимъ гражданскою частью на Кавказѣ составить списокъ земель подлежащихъ дѣйствію настоящихъ правилъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видѣ временной мѣры, вызываемой тою же послѣдовательностью нашего законодательства, желающаго видѣть у русскихъ дѣлъ русскихъ людей, постановлено, что министру Государственныхъ Имуществъ предоставляется разрѣшать всѣ могущіе встрѣтиться при примѣненіи правилъ о нефтяномъ промыслѣ вопросы и недоразумѣнія, а также издавать, въ развитіе и разъясненіе ихъ, обязательныя для нефтепромышленниковъ общія инструкціи и отдѣльныя постановленія, съ тѣмъ, чтобъ эти разрѣшенія и постановленія не касались предметовъ и дѣлъ, по свойству своему подлежащихъ судебному или законодательному разсмотрѣнію, и чтобъ обязательныя для всѣхъ нефтепромышленниковъ разъясненія были представляемы Правительствующему Сенату, для распубликованія во всеобщее свѣдѣніе, причемъ:

1) Евреямъ, имѣющимъ право жительства внѣ черты общей ихъ осѣдлости, иностранцамъ и иностраннымъ обществамъ, хотя бы и получившимъ разрѣшеніе дѣйствовать въ предѣлахъ Россіи, а также русскимъ акціонернымъ обществамъ, имѣющимъ акціи на предъявителя, дозволяется впредь пріобрѣтеніе въ пользованіе или собственность, за исключеніемъ случаевъ наслѣдованія по закону, нефтеносныхъ земель, а также поиски и полученіе отводовъ на добычу нефти въ Кавказскомъ краѣ, не иначе, какъ съ особаго, каждый разъ, разрѣшенія министра Государственныхъ Имуществъ, по соглашенію съ министрами Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ и Главноначальствующимъ гражданскою частью на Кавказѣ.

2) Иностранцамъ и Евреямъ, упомянутымъ выше, воспрещается

управленіе нефтеносными землями въ Кавказскомъ краѣ съ полученіемъ неограниченной довѣренности. Дѣйствіе сей статьи не распространяется на довѣренности, выданныя до обнародованія настоящихъ правилъ.

3) Всякаго рода сдѣлки, совершенныя въ нарушеніе или въ обходъ настоящихъ правилъ, признаются недѣйствительными.

18 іюня 1892 года состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта о продленіи дѣйствія правилъ, касающихся поселенія Русскихъ и иностранцевъ въ Амурской и Приморской областяхъ и объ измѣненіи и дополненіи сихъ правилъ. Согласно коему дѣйствіе Высочайше утвержденныхъ 26 марта 1861 года правилъ о поселеніи Русскихъ и иностранцевъ въ Амурской и Приморской областяхъ съ измѣненіями и дополненіями опредѣлены въ Высочайше утвержденномъ 26 января 1882 года мнѣніи Государственнаго Совѣта продлить на десять лѣтъ, считая съ 27 апрѣля 1891 года, съ слѣдующими измѣненіями: свидѣтельства на право переселенія въ Амурскую и Приморскую области выдаются мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ тѣмъ крестьянамъ и мѣщанамъ, которые выполнятъ всѣ требованія закона относительно выхода изъ состава прежнихъ обществъ и окажутся въ состояніи, распродавъ свое имущество, собрать средства, достаточныя для переселенія въ названныя области и водворенія въ новомъ мѣстѣ жительства безо всякаго пособія отъ казны. Размѣръ этихъ средствъ опредѣляется министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ приамурскимъ генералъ-губернаторомъ. Переселенцамъ выдаются особые на право пользованія отведенными имъ участками казенной земли акты, въ коихъ обозначаются пространство и границы этихъ участковъ. Земельные участки, отведенные переселенческимъ обществамъ и семействамъ, до сего могутъ быть пріобрѣтаемы этими обществами и семействами въ собственность по *три* рубля за десятину. Прочія казенныя земли могутъ быть продаваемы переселенцамъ, съ разрѣшенія областнаго начальства, по цѣнѣ, установляемой приамурскимъ генералъ-губернаторомъ для каждой мѣстности особо, но не ниже трехъ рублей за десятину, съ тѣмъ чтобы въ однѣ руки не поступало болѣе четырехсотъ десятинъ. Продажа въ однѣ руки участковъ пространствомъ болѣе четырехсотъ, но не свыше одной тысячи десятинъ, допускается только для надобностей значительныхъ, полезныхъ для края промышленныхъ предпріятій и; притомъ, не иначе, какъ съ разрѣшенія генералъ-губернатора.

Переселенцы освобождаются ото всѣхъ земскихъ повинностей, какъ денежныхъ, такъ и натуральныхъ, срокомъ на *три* года со времени своего водворенія. Въ отношеніи воинской повинности переселенцы подчиняются общимъ правиламъ, какія будутъ установлены для прочаго населенія Приамурскаго края. Въ теченіе десяти лѣтъ, считая съ 27 апрѣля 1891 г., на тѣхъ изъ переселенцевъ, которые переселились въ возрастѣ старше *пятнадцати* лѣтъ, дѣйствіе статьи 4 устава о воинской повинности не распространяется. Кромѣ того, постановлено, что пріобрѣтеніе земель въ Амурской и Приморской областяхъ лицами, не принадлежащими къ русскому подданству, воспрещается,—такъ послѣдовательно и тутъ наше законодательство!

10 іюня Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта о порядкѣ исполненія наказанія надъ ссыльно-каторжными, признанными неспособными къ работамъ въ Сибири, на основаніи котораго отдѣленіе I главы I раздѣла III устава о ссыльныхъ, изд. 1890, дополнено въ томъ смыслѣ, что каторжники, оказавшіеся неспособными къ труду въ Сибири уже на работахъ, размѣщаются для призрѣнія въ заводскихъ тюрьмахъ и богадѣльняхъ, а въ случаѣ неимѣнія мѣстъ въ тюрьмахъ общаго устройства—съ сокращеніемъ по правиламъ сроковъ содержанія соразмѣрно времени, остающемуся до окончанія опредѣленнаго судомъ срока работъ. Присужденнымъ же къ каторжнымъ работамъ безъ срока время тюремнаго заключенія исчисляется соразмѣрно съ числомъ лѣтъ до двадцатилѣтняго пребыванія ихъ въ работахъ. Окончившіе сроки содержанія въ тюрьмѣ, равно неспособные къ труду каторжные, которымъ остается пробыть въ работахъ менѣе четырехъ лѣтъ, и безсрочные каторжные, пробывшіе въ работахъ болѣе шестнадцати лѣтъ, обращаются на поселеніе установленнымъ для этого порядкомъ, причемъ осужденные въ каторжныя работы за умышленное убійство отца или матери не освобождаются отъ заключенія въ тюрьмѣ. Каторжные, оказавшіеся неспособными къ труду во время слѣдованія къ мѣсту работъ на пути изъ Западной Сибири, также подчиняются дѣйствію тѣхъ же правилъ, съ тѣмъ, что опредѣляются на поселеніе въ Тобольскую или Томскую губерніи. Осужденные въ Западной Сибири или въ иркутскомъ или приамурскомъ генералъ-губернаторствахъ каторжные, неспособные къ работамъ, подчиняются тѣмъ же правиламъ, а признанные совершенно не могущими слѣдовать къ мѣсту работъ, ни пѣшкомъ, ни на подводахъ, при недостаточности заведеній

общественнаго призрѣнія въ Сибири, должны содержаться въ тюремныхъ больницахъ безъ увольненія ихъ на пропитаніе. Этотъ законъ вызванъ началами человѣколюбія въ отношеніи парій человѣческаго общества—„каторжныхъ“. Мы далеки отъ мысли находить прекрасное въ преувеличенной заботливости объ этихъ „несчастныхъ“ по народному опредѣленію, но совершенно не съ точки зрѣнія одного лишь возмездія,—а по совокупности множества причинъ, изъ коихъ главная заключается въ томъ, что нельзя ставить наказаннаго человѣка въ условія жизни, о которой онъ могъ только „грезить во снѣ“. Но боленъ преступникъ—лѣчите его, страждетъ душой—займитесь имъ, неспособенъ сталъ, — призрите его, будьте къ нему разумно снисходительны, какъ къ брату-человѣку. Эти-то великія начала христіанской любви вошли въ настоящій законъ, многимъ, вѣроятно, облегчавшій грустную, тяжелую участь!...

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Именной Высочайшій указъ отъ 7 августа о вывозѣ ржи. — Записка Совѣта Харьковскаго Общества сельскихъ хозяевъ.—Элеваторъ-зернохранилище при Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогахъ въ Одессѣ.—Козни противъ элеваторовъ.—Законъ объ установленіи отвѣтственности за ростовщическія сдѣлки на скупкѣ хлѣба у крестьянъ.—Храненіе хлѣба, получаемаго отъ крестьянъ за прошлогоднія ссуды.—Министръ Путей Сообщенія искореняетъ хищенія во ввѣренномъ ему вѣдомствѣ.—Отчужденіе земель подъ Сибирскую дорогу.—Заключеніе желѣзнодорожнаго конгресса о дорогахъ *въ новыхъ странахъ*.—Монопольное право Еврея Л. Полякова (персидскаго консула въ Москвѣ) открывать въ Персіи транспортныя конторы.—„Англійскій умъ въ союзѣ съ еврейскимъ золотомъ покорятъ къ своему подножію весь міръ".—Новые суррогаты коровьяго масла на всемірномъ рынкѣ.—Письмо о съѣздѣ винокуровъ въ Москвѣ.

7 августа состоялся Именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату, коимъ разрѣшено вывозить за границу рожь въ зернѣ, ржаную муку и отруби всякаго рода. Такимъ образомъ, чрезвычайныя мѣры, принятыя нашимъ правительствомъ для обезпеченія продовольствія населенія въ минувшемъ году и выразившіяся Высочайшими указами 23 іюля, 16 октября и 3 ноября 1891 года, нынѣ найдено возможнымъ и даже нужнымъ отмѣнить. 23 февраля текущаго года было разрѣшено вывозить кукурузу изъ Кутаисской губерніи, 30 апрѣля разрѣшенъ вывозъ овса изо складовъ Ревеля, Риги, Либавы и Архангельска и кукурузы изо всѣхъ портовъ; 4 іюня разрѣшенъ свободный вывозъ всѣхъ хлѣбовъ, кромѣ ржи, ржаной муки и отрубей всякаго рода, и, наконецъ, теперь разрѣшены къ вывозу и эти послѣднія. Пониженіе цѣнъ на рожь на нѣкоторыхъ

изъ нашихъ внутреннихъ рынкахъ въ теченіе іюля мѣсяца опредѣлялось, по свѣдѣніямъ *Вѣстника Финансовъ*, 35 копѣйками на рубль, такъ что возможное дальнѣйшее пониженіе могло бы отозваться на хлѣбопроизводителяхъ самымъ невыгоднымъ образомъ. И безъ того невыгодность затраты капиталовъ въ сельское хозяйство, вслѣдствіе обезцѣненія хлѣба, стала у насъ уже общимъ мѣстомъ, и нельзя не сознаться, что это на самомъ дѣлѣ такъ, ибо примѣры въ пользу этого положенія многочисленны, разнообразны и убѣдительны до очевидности. И какъ не задаться вопросомъ: неужели же придетъ и такая пора, когда нашъ хлѣбъ будетъ вытѣсненъ съ международнаго рынка Америкой, Австраліей и Африкой?

Недавно подобнаго вопроса коснулось Харьковское Общество сельскихъ хозяевъ въ запискѣ Совѣта Общества въ Харьковскую губернскую управу. Часть этой записки напечатана въ *Южномъ Краѣ*, и мы приводимъ ее почти цѣликомъ:

„Наше мѣстное земледѣліе, говорится въ запискѣ, разстраивается дешевизной пшеницы, цѣнность которой, начиная съ 1881 года, правильно понижается на всѣхъ рынкахъ.

„Такое явленіе не случайное, а имѣетъ коренную причину въ переполненіи всемірнаго рынка хлѣбомъ.

„Кромѣ старыхъ производительницъ хлѣба явились новыя, которыя съ каждымъ годомъ усиливаютъ свое производство и свой вывозъ. Казалось бы, что при такомъ положеніи вещей должны страдать всѣ хлѣбные конкурренты въ одинаковой степени,— между тѣмъ хлѣбный, или, лучше сказать, пшеничный кризисъ всею своею тяжестію придавилъ южно-русскаго сельскаго хозяина.

„Главный хлѣбный рынокъ—Лондонскій—постепенно уходитъ изъ нашихъ рукъ, тогда какъ Америка становится въ немъ все болѣе и болѣе твердою ногой.

„Несмотря на быстрое возрастаніе англійскаго спроса, процентное удовлетвореніе его Россіей и Америкой представляетъ собою двѣ противоположныя прогрессіи: убывающуюся для насъ и возрастающую для нашихъ конкуррентовъ. То же самое относится и къ Французскому рынку.

„Въ чемъ же лежитъ причина нашей слабости? Нашъ хлѣбъ, по своимъ природнымъ качествамъ, ничѣмъ не уступаетъ американскому. Своимъ дешевымъ земледѣльческимъ трудомъ мы имѣемъ большое преимущество предъ американскимъ хозяиномъ.

Нашъ хозяинъ не повѣритъ, что мѣсячная плата американскаго рабочаго составляетъ съ содержаніемъ его 38 рублей 64 копѣйки.

„Наша сравнительная близость къ портамъ и потребительнымъ рынкамъ даетъ намъ также перевѣсъ предъ Америкой.

„Несмотря на все это, мы уступаемъ наши коренные рынки своимъ умѣлымъ и энергичнымъ соперникамъ. Несмотря на хорошія природныя качества нашей пшеницы, мы слышимъ жалобы иностранныхъ потребителей на ея дурное качество, на ея сорность, на отсутствіе сортировки, вслѣдствіе чего наша пшеница расцѣнивается на иностранныхъ рынкахъ ниже американской. Это подтверждается все возрастающею разницей между одесскою и лондонскою цѣной. Въ 1886 году эта разница въ цѣнѣ пшеницы составляла 8½ копѣекъ, въ 1888 году—26 копѣекъ, въ 1889 году—28 копѣекъ. Очевидно, что наши хлѣбныя конторы не заинтересованы въ возвышеніи экспортируемаго зерна, такъ какъ барышъ зависитъ отъ разницы между заграничною цѣной хлѣба и той, по которой они купили его у хозяина. Въ Америкѣ хлѣбная торговля начала было проникаться тою же тенденціей, но тамъ своевременно приняты были мѣры противъ злоупотребленій, какія явились и у насъ. Тамъ прибѣгли къ хлѣбной инспекціи, которая, помимо своего прямаго назначенія, дала возможность ввести „обезличеніе“ хлѣбнаго зерна, которое заключается въ томъ, что хозяинъ, всыпавъ свое зерно въ элеваторъ, получаетъ квитанцію, съ опредѣленіемъ мѣры и качества зерна, которое затѣмъ поступаетъ въ общій торговый оборотъ съ однороднымъ сортомъ. Обезличеніе хлѣбнаго зерна произвело цѣлый переворотъ въ отношеніяхъ между капиталомъ и землей. При этомъ условіи хлѣбное зерно становится подвижною цѣнностью, которую можетъ реализовать всякій банкъ или всякій капиталистъ, а не только хлѣбный торговецъ, который въ настоящее время вершитъ судьбу русскаго земледѣлія.

„*Обѣ эти главныя мѣры: классификація и обезпеченіе зерна, которыя даютъ такія преимущества нашимъ конкуррентамъ, возможны только при устройствѣ элеваторовъ.*

„Такимъ образомъ, еслибъ элеваторы не давали никакихъ техническихъ удобствъ, имъ присущихъ, то и тогда они оставались бы настоятельно необходимыми по ихъ торгово-экономическому значенію. Но элеваторы, сверхъ того, удешевляютъ всю хлѣбную

торговлю, устраняя лишнее посредничество, удешевляя храненіе и транспортировку хлѣба.

„Американцы имѣютъ предъ нами еще то преимущество, что они вывозятъ пшеницу по большей части въ мукѣ, а мы веземъ ее въ зернѣ.

„Элеваторы и въ этомъ отношеніи могутъ оказать услугу, освобождая мельницевладѣльцевъ отъ необходимости затрачивать большіе капиталы на разовую покупку потребнаго для всего производства хлѣба и давая возможность покупать его по мелочамъ, пополняя свой запасъ по мѣрѣ переработки зерна. При этомъ хозяинъ мельницы можетъ имѣть зерно любаго качества и любаго сорта.

„Удешевленіе мукомольнаго производства можетъ расширить вывозъ муки на счетъ пшеницы.

„Такимъ образомъ, несомнѣнно, что въ элеваторахъ заключается огромная экономическая сила, которую не должно упускать изъ своихъ рукъ русское земство, естественный хранитель роднаго хозяйства.

„Еслибъ элеваторы, какъ торговое предпріятіе, не окупались, то и тогда они дали бы выгоду земству, интересы котораго солидарны и тождественны съ интересами суммы земскихъ плательщиковъ, которые во всякомъ случаѣ много выиграютъ.

„Вѣдь всѣ тѣ немаловажныя сбереженія на транспортѣ и сбытѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ останутся въ рукахъ сельскаго хозяина, если элеваторы будутъ въ распоряженіи земства. Перевозка въ ссыпную и устраненіе мѣшковъ даютъ сбереженія по 12 коп. на четверть или по 60 коп. на десятину, каковыя покроютъ всѣ лежащія на землѣ повинности, на тяжесть которыхъ мы привыкли жаловаться.

„Негласные станціонные расходы составляютъ нынѣ также не менѣе трехъ рублей на вагонъ или 25 коп. на десятину посѣвную.

„Предоставленіе права постройки элеваторовъ крупнымъ компаніямъ или частнымъ желѣзнымъ дорогамъ окажется гибельнымъ для русскаго хозяйства. Крупные эксплуататорскіе капиталы въ скоромъ времени еще болѣе закабалятъ сельскихъ хозяевъ, чѣмъ нынѣшніе хлѣбные торговцы, которые будутъ постепенно устранены путемъ конкурренціи. Лучшимъ доказательствомъ этого исхода служитъ то, что почти всѣ частныя желѣзныя дороги стремятся обзавестись элеваторами.

„Долголѣтній опытъ всѣхъ государствъ неопровержимо доказалъ,

что желѣзныя дороги и крупныя монопольныя компаніи представляютъ собою такую внушительную силу, съ которою не легко бороться и правительству. Если элеваторамъ будетъ воспрещена кредитная операція, то владѣльцы ихъ навѣрно обойдутъ такое запрещеніе, учредивъ отдѣльные банки.

„Чтобъ удовлетворить своимъ самымъ насущнымъ потребностямъ, а главное для выполненія своихъ податныхъ обязанностей, крестьяне вывозятъ на рынокъ громадныя массы хлѣба, обязательная продажа котораго дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ на хлѣбныя цѣны вообще.

„Въ нашемъ народномъ хозяйствѣ существуетъ то разорительное положеніе, что въ урожайные годы мы продаемъ свой хлѣбъ въ убытокъ, а въ неурожайные покупаемъ тотъ же хлѣбъ для нуждающагося населенія по возвышеннымъ цѣнамъ. Крестьянскіе элеваторы должны выполнить въ этомъ случаѣ роль регуляторовъ. Въ урожайные годы, при пониженіи цѣнъ, они должны задерживать въ себѣ весь излишекъ производства, чтобы выбросить его на рынокъ, когда будетъ чувствоваться обѣдненіе его хлѣбомъ. Чтобы крестьянскій элеваторъ дѣйствовалъ, необходимо производить уплату за всыпаемый крестьянами хлѣбъ—его стоимость, за вычетомъ только возможнаго риска на случай пониженія цѣнъ. Если крестьянскіе элеваторы будутъ находиться въ распоряженіи земства, то всегда можно предотвратить пониженіе цѣнъ, задержавъ въ элеваторахъ хлѣбъ на полную сумму свободныхъ земскихъ капиталовъ.

„Въ крестьянскихъ, или, лучше сказать, продовольственныхъ элеваторахъ разрѣшается вопросъ о снабженіи провіантомъ арміи въ мирное и военное время, а въ неурожайные годы—голодающаго населенія другихъ мѣстностей Россіи.

„Основываясь на всемъ вышеизложенномъ, Харьковское Общество сельскихъ хозяевъ полагаетъ, что Харьковскому губернскому земскому собранію надлежало бы ходатайствовать:

„1) Объ устройствѣ въ предѣлахъ Харьковской губерніи, при желѣзнодорожныхъ станціяхъ, въ извѣстной постепенности, на счетъ подлежащей вмѣстимости, элеваторовъ, а также объ устройствѣ портовыхъ элеваторовъ на счетъ казны.

„2) Объ учрежденіи правительственной хлѣбной инспекціи.

„3) О предоставленіи представителямъ губернскаго земства участія въ управленіи станціонными и портовыми элеваторами.

„4) О томъ, чтобы варранты элеваторовъ принимались въ

залогъ государственнымъ банкомъ при наивозможно упрощенныхъ порядкахъ.

„5) О переустройствѣ хлѣбозапасныхъ магазиновъ въ продовольственные крестьянскіе элеваторы, съ обращеніемъ существующихъ хлѣбныхъ запасовъ въ губернскіе, для достиженія болѣе правильнаго распредѣленія хлѣба между нуждающимся населеніемъ на случай неурожая.

„6) О предоставленіи губернскому земству обратить всѣ свободные капиталы для уплаты ссыпаемаго въ элеваторы крестьянскаго хлѣба, въ случаѣ низкихъ цѣнъ на него."

Намъ кажется, что эти шесть заключительныхъ пунктовъ записки исчерпываютъ всю сущность упорядоченія нашей хлѣбной торговли, не касаясь, конечно, желѣзныхъ дорогъ, находящихся внѣ вѣдѣнія земствъ. Для осуществленія этого плана упорядоченія хлѣбнаго дѣла потребуется много времени, много капиталовъ, много терпѣнія, много побороть тайныхъ и явныхъ враговъ, благосостояніе коихъ зиждется на мрачныхъ, но вѣками освященныхъ устояхъ. Если элеваторы встрѣчали противодѣйствіе въ Америкѣ и въ Западной Европѣ, то что̀ же удивительнаго, если нашъ крестьянинъ относится къ нимъ, гдѣ они есть, съ большимъ недовѣріемъ, или же игнорируетъ ихъ вовсе. Лучшимъ примѣромъ, насколько новые порядки въ торговлѣ туго прививаются, говоритъ *Южный Край*, можетъ служить земскій елецкій элеваторъ. Несмотря на то, что во главѣ его стоятъ люди, убѣжденные въ его пользѣ и не связанные своими привычками съ прежними порядками, несмотря на то, что онъ былъ открытъ еще въ 1888 году и съ того уже времени ввелъ обезличеніе зерна, только теперь начинаетъ проникать въ массу убѣжденіе въ полезности этого учрежденія, и обороты его съ каждымъ днемъ возрастаютъ. Элеваторъ вмѣстимостью въ 400 тыс. пудовъ въ первый операціонный годъ пропустилъ только полмилліона пудовъ зерна, получивъ пока еще и незначительную прибыль; въ настоящемъ же году завѣдующіе элеваторомъ надѣются прибылью покрыть всѣ убытки прежнихъ лѣтъ.

Въ прошломъ году 3 августа были утверждены министромъ Финансовъ, по соглашенію съ министромъ Путей Сообщенія, временныя правила о надзорѣ за сортировкой хлѣба при элеваторѣ—зернохранилищѣ Общества Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ въ городѣ Одессѣ. Но за отсутствіемъ вывоза въ минувшемъ году приложить ихъ къ дѣлу не приходилось до настоя-

щаго времени. Теперь же назначенъ хлѣбный инспекторъ, и 12 августа собирался въ первый разъ хлѣбный комитетъ. По словамъ той же газеты, этотъ элеваторъ, со введеніемъ хлѣбной инспекціи, „получилъ возможность выпускать варранты, съ точнымъ обозначеніемъ на нихъ рода и качества сложеннаго въ элеваторѣ хлѣба, а также и принимать на складъ хлѣбъ не только въ особые для каждой партіи закромы, но также, если этого пожелаетъ грузитель, хлѣбъ можетъ быть „обезличенъ", то-есть сложенъ въ общій закромъ съ хлѣбомъ того же типа, сорта и качества другихъ хозяевъ, что дастъ возможность коммерческому агентству Общества Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ продавать хлѣбъ гораздо успѣшнѣе, съ большею пользой для довѣрителей, большими партіями—какъ мѣстнымъ экспортерамъ, такъ и непосредственно за границу. Установленіе правительственной хлѣбной инспекціи при элеваторѣ, главная задача которой заключается въ точномъ опредѣленіи качества сложеннаго въ элеваторахъ хлѣба, должно поселить въ отправителяхъ въ элеваторъ хлѣба полную увѣренность въ точномъ опредѣленіи достоинста высланнаго ими хлѣба и дастъ возможность легко прослѣдить за правильностью продажи по прейсъ-курантамъ одесской биржи, будетъ ли это поручено продать коммерческому агентству или частнымъ лицамъ. Несмотря на то, что введеніе инспекціи, выпускъ элеваторомъ варрантовъ и всевозможность обезличенія хлѣбовъ составляетъ не малое пріобрѣтеніе въ дѣлѣ упорядоченія хлѣбной торговли, по крайней мѣрѣ той, которая происходитъ при посредствѣ элеватора, тѣмъ не менѣе это сознается очень немногими; принципіальнымъ же противникамъ нововведенія, лично заинтересованнымъ въ сохраненіи прежнихъ порядковъ, очень легко убѣждать довѣрчивыхъ людей въ большей выгодѣ тѣхъ порядковъ, съ которыми ихъ связываетъ рутина.

Въ нашей хлѣбной торговлѣ и, собственно говоря, въ дѣлѣ обезцѣненія хлѣба весьма видную роль играли и продолжаютъ играть такъ-называемые *кулаки*, то-есть скупщики крестьянскаго и помѣщичьяго хлѣба по самымъ низкимъ цѣнамъ. Эти скупщики, какъ представители кореннаго зла для сельскаго благоустройства, привлекли на себя въ послѣднее время вниманіе правительства, и дѣятельность ихъ признана отнынѣ, при нѣкоторыхъ, впрочемъ, условіяхъ, не только противузаконною, но даже преступною. Вотъ подлинный текстъ новаго закона, относящагося

до этихъ скупщиковъ, распубликованнаго въ *Собраніи Узаконеній и Распоряженій Правительства* въъ № 78, отъ 7 авг. 1892:

„*Занимающійся скупкой хлѣба у крестьянъ, за пріобрѣтеніе у нихъ по несоразмѣрно низкой цѣнѣ хлѣба на корню, снопами или зерномъ, если при совершеніи сдѣлки скупщикъ завѣдомо воспользовался крайне тягостнымъ положеніемъ продавца, подвергается въ первый разъ аресту на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ; во второй и послѣдующіе разы—заключенію въ тюрьмѣ отъ одного до шести мѣсяцевъ. Сверхъ того, на покупщика возлагается обязанность доплатить продавцу разницу между уплаченною послѣднему суммой и дѣйствительною цѣной проданнаго хлѣба.*

„*Примѣчаніе. Правила сей статьи не примѣняются къ покупкѣ наличнаго хлѣба у крестьянъ на базарахъ, ярмаркахъ и въ другихъ мѣстахъ, предназначенныхъ для торговли, при условіи немедленной передачи покупщику пріобрѣтеннаго имъ хлѣба.*“

Уловить скупщиковъ хлѣба можно, конечно, только при бдительнѣйшемъ надзорѣ за этими дѣятелями сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ, но какъ же на нихъ надѣяться, когда они-то сами, эти власти, сплошь да рядомъ и представляютъ главныхъ скупщиковъ? И какъ доказывать, въ случаѣ учиненія сдѣлки, что продавецъ находился *въ крайне тягостномъ положеніи?* Если сельскія общества умѣютъ обходить законы о питейной торговлѣ, если они мирволятъ тайному корчемству, если они почитаютъ своими благодѣтелями трактирщика-закладчика и лавочника, имѣющаго тайную ссудную кассу... и это не только гдѣ-нибудь въ глуши, а подъ самою Москвой, то что̀ же сдѣлаешь тамъ, гдѣ по русской пословицѣ *до Бога высоко, до Царя далеко?* и какъ не припомнить другой пословицы: *Законы святы, да люди супостаты.*

Справедливо и основательно страшится князь Михаилъ Шаховской, какъ бы крестьяне не растащили собираемаго теперь мѣстами хлѣба въ возмѣщеніе прошлогоднихъ ссудъ [1].

„Переходя къ способамъ храненія взысканнаго хлѣба, говоритъ онъ,—намъ кажется болѣе раціональнымъ устранить крестьянъ отъ этой обязанности, и вотъ почему. Вѣковая практика продовольственнаго дѣла въ Россіи указала на несомнѣнный фактъ, что крестьяне въ лицѣ своихъ мѣстныхъ административ-

[1] См. письмо его въ *Южномъ Краѣ* за авг. 1892.

ныхъ органовъ: сельскихъ старостъ, смотрителей магазиновъ и т. п., весьма и весьма своеобразно относятся къ общественному хлѣбу. Прежде всего ими усвоенъ и очень крѣпко въ нихъ засѣлъ взглядъ на право распоряженія общественною собственностью,—это право граничитъ съ полнѣйшимъ безправіемъ. Расхищеніе хлѣбнаго зерна, подъ видомъ самовольныхъ выдачъ, явленіе вполнѣ заурядное. Во избѣжаніе того, чтобъ и на возвращенномъ хлѣбѣ не повторилась практика прежнихъ лѣтъ, слѣдовало бы собранный хлѣбъ помѣщать въ отдѣльные магазины, центральные для нѣсколькихъ мѣстъ, подчинить его особому счету и установить особый контроль, возложивъ его на одного изъ членовъ каждой уѣздной управы. Такіе магазины найдутся вездѣ, потому что теперь они пусты. При собираніи ссуды въ центральный магазинъ, хлѣбъ получаетъ въ глазахъ крестьянъ совсѣмъ другое значеніе: онъ будетъ считаться именно тѣмъ, что̀ онъ есть, то-есть хлѣбомъ казеннымъ, а къ казенному имуществу они всегда относятся съ достаточною осторожностью. Еслибы даже для осуществленія такой мѣры потребовались нѣкоторые расходы, напримѣръ, плата за наемъ магазина тому сельскому обществу, которому онъ принадлежитъ, то въ виду ихъ незначительности, несомнѣнной пользы, а главнымъ образомъ установленной отвѣтственности для земскихъ учрежденій за бездоимочный возвратъ позаимствованій, не слѣдовало бы останавливаться предъ ними, тѣмъ болѣе, что непополненная часть ссуды будетъ разложена на всѣхъ земскихъ плательщиковъ, въ чемъ, собственно говоря, и состоитъ значеніе той отвѣтственности, которая изложена въ 4 п. циркуляра. Еще обратимъ вниманіе на весьма важное указаніе, сдѣланное въ томъ же циркулярѣ. Вводимый порядокъ возврата позаимствованій, какъ первый опытъ въ этомъ направленіи, долженъ служить опредѣленіемъ возможности взысканій такимъ путемъ въ будущемъ нѣкоторой части государственныхъ сборовъ съ земледѣльческаго населенія. Уже это одно обстоятельство должно вызвать всю силу энергіи и распорядительности для достиженія положительныхъ результатовъ. Еслибы на самомъ дѣлѣ мелкому землевладѣнію, и преимущественно крестьянскому, предоставлена была возможность платить хотя бы часть сборовъ хлѣбомъ по цѣнѣ, устанавливаемой Министерствомъ Финансовъ, то этимъ былъ бы сдѣланъ большой шагъ впередъ къ уничтоженію повсемѣстной эксплуатаціи крестьянъ въ періодъ продажи хлѣба для уплаты

податей разными Штейнами, Янкелями, Колупаевыми и Разуваевыми.

„Но для того, чтобы достигнуть желаемыхъ результатовъ, необходимо заняться этимъ дѣломъ, и заняться энергично, несмотря на неблагополучное по холерѣ время.“

Вполнѣ присоединяемся къ мнѣнію князя Шаховскаго и уповаемъ, что желанія эти осуществятся на общее благо.

Упорядоченіе нашей хлѣбной торговли, нашего продовольственнаго дѣла и нашихъ путей сообщенія—это три вопроса, тѣсно между собою связанные и взаимно себя дополняющіе. И поэтому нельзя не порадоваться, что наступившая *новая пора* въ вѣдомствѣ путей сообщенія, о которой мы упоминали въ прошломъ мѣсяцѣ, даетъ себя чувствовать, подавая русскимъ людямъ надежду, что это больное мѣсто нашего государственнаго хозяйства нашло въ лицѣ теперешняго министра С. Ю. Витте искуснаго врача. Какъ доказательство приводимъ дословно приказъ по Министерству Путей Сообщенія августа 9 дня 1892 г. № 24.

„Вслѣдствіе неоднократно доходившихъ до меня свѣдѣній о неудовлетворительномъ положеніи дѣлъ по завѣдыванію на мѣстахъ шоссейными и водяными сообщеніями Имперіи,—говорится въ этомъ приказѣ,—я счелъ необходимымъ поручить товарищу министра Путей Сообщенія, тайному совѣтнику Иващенкову, обревизовать дѣлопроизводство правленія Могилевскаго округа путей сообщенія и осмотрѣть шоссейныя дороги и водяныя сообщенія, входящія въ составъ сего округа. Произведенная тайнымъ совѣтникомъ Иващенковымъ ревизія подтвердила въ этомъ случаѣ справедливость упомянутыхъ свѣдѣній и обнаружила рядъ нарушеній закона, несомнѣнно направленныхъ во вредъ казнѣ; такъ, путемъ неправильныхъ распоряженій правленія по производству торговъ, всѣ подряды и поставки въ этомъ округѣ сосредоточились въ рукахъ незначительнаго числа, очевидно покровительствуемыхъ, подрядчиковъ-Евреевъ, по несоразмѣрно высокимъ и явно убыточнымъ для казны цѣнамъ. Исполненіе поставокъ и работъ хозяйственнымъ способомъ сопровождалось составленіемъ отчетности, въ которой количество и стоимость исполненныхъ работъ показывались выше дѣйствительныхъ, а деньги излишне выведенныя въ расходъ удерживались начальниками дистанцій въ свою пользу. На нѣкоторыхъ участкахъ конусы щебня, выставленные для ремонта шоссе, оказались наполнен-

ными внутри мусоромъ и землей. Наконецъ, шоссейныя дороги осмотрѣнныхъ тайнымъ совѣтникомъ Иващенковымъ участковъ найдены въ неудовлетворительномъ состояніи. О таковыхъ результатахъ ревизіи Могилевскаго округа путей сообщенія мною было всеподданнѣйше доложено Государю Императору, и наиболѣе виновные въ упомянутыхъ выше безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ чины округа уволены отъ службы, независимо отъ привлеченія ихъ къ судебной отвѣтственности. Издавна тяготѣющія надъ личнымъ составомъ мѣстныхъ шоссейныхъ и водяныхъ управленій вѣдомства путей сообщенія нареканія, къ глубокому моему прискорбію, вполнѣ оправдались въ данномъ случаѣ, поставившемъ меня въ необходимость принять быстрыя и рѣшительныя мѣры къ удаленію изъ вѣдомства порочащихъ его членовъ. Дѣлая извѣстнымъ о семъ по Министерству, я полагаю себя въ правѣ ожидать, что вынужденная обстоятельствами суровая мѣра послужитъ вообще спасительнымъ предостереженіемъ, и что лежащая на мнѣ тяжелая обязанность неослабно преслѣдовать уклоненія отъ честнаго и добросовѣстнаго исполненія служебнаго долга будетъ въ значительной мѣрѣ облегчена искреннимъ и твердымъ стремленіемъ чиновъ ввѣреннаго мнѣ вѣдомства способствовать своею безукоризненною дѣятельностью утвержденію за чинами Министерства Путей Сообщенія репутаціи вѣрныхъ и полезныхъ слугъ Престола."

Нужны ли къ этому оффиціальному документу какія-нибудь толкованія и умствованія?.. Да поможетъ лишь Провидѣніе составителю его искоренить хищенія во всѣхъ округахъ ввѣреннаго ему Государемъ Императоромъ вѣдомства и вмѣстѣ съ тѣмъ довести до конца многотрудный подвигъ постройки Сибирской дороги, которая, хотя медленно, все-таки же подвигается все ближе и ближе къ намъ!.. Высочайшимъ указомъ 18 минувшаго іюня повелѣно приступить къ отчужденію земель подъ ея линію отъ Челябинска до Омска.

Такъ какъ Сибирская дорога можетъ быть причислена къ разряду *дорогъ въ новыхъ странахъ*, то читателямъ, быть-можетъ, небезынтересно знать заключеніе бывшаго недавно въ Петербургѣ международнаго желѣзно-дорожнаго конгресса о таковыхъ дорогахъ.

Вотъ текстъ этого заключенія по *Вѣстнику Финансовъ:*

„Устройство піонерныхъ желѣзныхъ дорогъ — одно изъ дѣйствительныхъ средствъ для ускоренія развитія цивилизаціи въ

этихъ странахъ. Эти дороги въ состояніи дать немедленные доходы, если онѣ обслуживаютъ уже существующіе торговые пути; тѣмъ не менѣе, въ тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда строительному капиталу суждено не приносить непосредственнаго дохода въ теченіе извѣстнаго промежутка времени, дороги эти, не взирая на то, должны быть построены во вниманіе къ услугамъ, оказываемымъ ими странѣ, по которой онѣ проходятъ, и цивилизаціи вообще.

„Чаще всего государство должно содѣйствовать постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ новыхъ странахъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя ожидать немедленно непосредственнаго дохода. Въ этихъ случаяхъ государство или само строитъ желѣзную дорогу, или приходитъ на помощь концессіонеру путемъ уступокъ весьма разнообразныхъ, въ особенности въ странахъ совершенно не цивилизованныхъ (уступка земель, естественныхъ богатствъ, права общественныхъ работъ, освобожденіе отъ налоговъ, примѣненіе военной рабочей силы и проч.).

„Условія постройки желѣзныхъ дорогъ въ новыхъ странахъ значительно видоизмѣняются въ зависимости отъ трудностей, присущихъ данной странѣ, и въ зависимости отъ размѣровъ и значенія образуемаго движенія. Отличительная черта этихъ желѣзныхъ дорогъ приспособляться къ возможно лучшему и совершеннѣйшему пользованію существующими естественными путями сообщенія, въ частности—водяными. Впрочемъ, онѣ освобождены отъ обязательствъ, часто возлагаемыхъ на дороги въ цивилизованныхъ странахъ,—обслуживать населенные центры, имѣющіе скорѣе административное или историческое, чѣмъ коммерческое значеніе.

„Когда ожидаемое движеніе не особенно велико, слѣдуетъ примѣнять способы сооруженія, могущіе дать въ результатѣ извѣстное сбереженіе. Въ частности примѣненіе узкой колеи въ числѣ прочихъ выгодъ имѣетъ еще и то преимущество, что оно уменьшаетъ стоимость строительнаго матеріала, подлежащаго перевозкѣ.

„За исключеніемъ случаевъ, когда представляется возможнымъ открыть работы одновременно на нѣсколькихъ пунктахъ избраннаго направленія, вообще говоря, болѣе выгодно въ новыхъ странахъ строить желѣзнодорожные пути постепенно, то-есть, начавъ съ одного конца, подвигать работы впередъ, по мѣрѣ открытія движенія на предшествующемъ участкѣ.

„Наконецъ, во вниманіе къ значенію желѣзныхъ дорогъ съ

точки зрѣнія проводниковъ цивилизаціи и піонерныхъ путей, желательно, чтобы конгрессъ сохранилъ разсматриваемый вопросъ въ программѣ слѣдующей сессіи, сдѣлавъ его предметомъ возможно полныхъ изслѣдованій относительно результатовъ уже достигнутыхъ."

Всесторонняя заботливость инженеровъ не только о томъ, чтобы желѣзныя дороги и мосты было совершеннѣе и губили бы меньше людей, но даже о просвѣщеніи ума и сердца человѣческаго, конечно, похвальна, но нельзя забывать и мудрой поговорки *бѣда коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги тачать пирожникъ.* Знаютъ ли господа инженеры, что западное слово *civilisation* на русскій языкъ переводимое реченіемъ *цивилизація* многимъ русскимъ людямъ, даже имѣющимъ аттестаты зрѣлости, вовсе непонятно. Но гг. инженеры не филологи, и быть-можетъ, реченіе *цивилизація* имѣетъ на ихъ языкѣ какое-нибудь особенное техническое значеніе и смыслъ. Но только не дай Богъ, чтобы по этому смыслу могли оправдываться путейцы Могилевскаго округа, принадлежащіе несомнѣнно къ людямъ, вкусившимъ отъ плода *цивилизаціи.*

Наша Закаспійская желѣзная дорога, приблизивъ срединную Россію къ Востоку, приблизила къ нему и нашихъ цивилизованныхъ Евреевъ: они намѣрены, повидимому, свить въ Персіи для себя теплое пристанище...

Вотъ выдержка изъ письма, полученнаго нами недавно изъ Мешхеда.

„Скверное состояніе персидскихъ дорогъ, неудовлетворительность перевозочныхъ средствъ—все это не ново, и упорядочить это дѣло давно бы надо. Первую попытку въ этомъ отношеніи сдѣлало минувшею весной „Россійское Общество"; оно послало своего агента открыть отдѣленіе въ Мешхедѣ, имѣя въ виду, что въ Хоросанъ русскихъ товаровъ сбывается ежегодно болѣе чѣмъ на 2.000.000 рублей. Едва агентъ „Россійскаго Общества" прибылъ въ Мешхедъ, какъ къ нему явился какой-то Еврей, который, наименовавшись довѣреннымъ персидскаго консула въ Москвѣ Лазаря Соломоновича Полякова, формально заявилъ, что его довѣритель имѣетъ монопольное право отъ персидскаго правительства на открытіе по всей Персіи транспортныхъ конторъ, и потому, если „Россійскому Обществу" угодно открыть отдѣленіе въ Мешхедѣ, то оно должно обратиться съ ходатайствомъ по сему предмету къ Лазарю Соломоновичу въ Москву.

„Агентъ „Общества“ обратился за справками въ мѣстное консульство, и здѣсь горькая истина была подтверждена; агенту пришлось изъ Мешхеда уѣхать...“

Неужели это терпимо? Что же это такое? Неужели Персидское правительство не могло найти въ Москвѣ болѣе достойнаго для себя представителя, чѣмъ Еврей Лазарь Поляковъ?

Если можно мириться съ тамошними мѣстными Евреями, какъ живущими тамъ со временъ древнихъ, то зачѣмъ пускать нашихъ, изощренныхъ во всяческихъ крамолахъ и козняхъ, пускать для того только, чтобъ они становились поперегъ дороги предпріимчивымъ русскимъ людямъ?

Крѣпко вѣримъ, что этимъ поползновеніямъ будетъ положенъ предѣлъ, и что не попадетъ наша вывозная, а равно и хлопковая торговля въ Персіи въ ихъ нечистыя руки.

Быть-можетъ, еслибы хлѣбная наша торговля, этотъ краеугольный камень нашего благосостоянія, не была въ ихъ рукахъ, то есть еслибы нашъ хлѣбъ поступалъ къ потребителямъ Запада не чрезъ ихъ руки, а непосредственно, то и не было бы въ ней такой неурядицы, доведенной почти до хаоса. Надо быть очевидцемъ, чтобъ убѣдиться, какими Еврей пользуется средствами, чтобъ обмануть продавца: онъ обманетъ на мѣрѣ, на вѣсѣ, на деньгахъ—словомъ, на всемъ и вездѣ, гдѣ только можно; встрѣчаются такіе „молодцы“ и изъ самихъ мужичковъ — такъ-называемыхъ на міру „кулаки“, но они идутъ по стопамъ Еврея, разсуждая, что не оберетъ человѣка онъ—кулакъ—оберетъ его жидъ. И это мѣрило общественной нравственности подвизаетъ многихъ на путь „міроѣдства“, въ тѣсномъ союзѣ съ врагомъ христіанскаго общества.

Несомнѣнно, что Евреи попытаются сдѣлать все и сдѣлаютъ все, чтобы дать намъ почувствовать, что они представляютъ собою *силу*, которою пренебрегать нельзя, но устрашатъ они только малодушныхъ. Покойный Дизраэли—лордъ Биконсфильдъ ,оварпвалъ: «*Англійскій умъ въ союзѣ съ еврейскимъ золотомъ покорятъ къ своему подножію весь міръ*». Будемъ готовы и бдительны и не дадимъ этому альбіонско-еврейскому союзу опутать наше отечество своими сѣтями. Будемъ стараться высвободиться изъ матеріальнаго — биржеваго владычества ихъ надъ нами. Путь, на который вывелъ наши финансы Вышнеградскій, есть путь правильный, и да сохранитъ Провидѣніе указателя этого пути на долгіе годы, дабы довершить начатое имъ дѣло!

Судя по консульскимъ донесеніямъ изъ Чикаго [1], Америка готова наводнить всемірный рынокъ новыми суррогатами питательныхъ веществъ.

Маргаринъ или искусственное масло, противъ котораго такъ много говорилось и писалось у насъ за послѣдніе два года, и потребленіе котораго у насъ теперь стало, слава Богу, уменьшаться, замѣнены нынѣ на всемірномъ рынкѣ иными продуктами подъ названіями *бутерина*, *порсина* и *суина*. Болѣе двухсотъ привилегій взято въ Вашингтонѣ для переработки свинаго сала въ эти продукты. Главная опасность ихъ для здоровья потребителей заключается въ томъ, что для изготовленія ихъ употребляется безъ разбора все пригодное для дѣла — употребляются туши не только больныхъ животныхъ, но даже околѣвшихъ,— кромѣ того, отбросы самаго отвратительнаго свойства; словомъ, все, изъ чего только можно получить подходящій продуктъ. Главнымъ центромъ производства порсина и др. маслъ является Чикаго, выпускающій свои продукты по 10—12 коп. за фунтъ, тогда какъ настоящее коровье масло продается тамъ же по 27—52 коп., такъ что даже многіе фермеры стали покупать эти суррогаты для подмѣси ихъ къ коровьему маслу. Въ 1882 году количество потреблявшагося фальсифицированнаго масла опредѣлялось 20%; то-есть на каждые 80 фунтовъ настоящаго масла потреблялось 20 фунтовъ смѣшаннаго, а теперь это отношеніе измѣнилось такъ: на 25% настоящаго масла потребляется 75% смѣшаннаго. Этотъ порядокъ вещей доводитъ фермеровъ либеральнѣйшаго государства до отчаянія; убытки ихъ отъ такой конкурренціи доходятъ до 12.000.000 рублей ежегодно. Замѣчательно, что сенатъ гор. Нью-Іорка, издавъ въ 1884 году законъ о продажѣ искусственнаго масла въ особыхъ посудинахъ, былъ вскорѣ отмѣненъ, какъ противный конституціи. Многочисленнѣйшія жалобы, поступившія по этому дѣлу въ Вашингтонскій конгрессъ, были отклонены большинствомъ голосовъ, и только съ 1886 года искусственныя масла стали подлежать нѣкоторой регламентаціи.

Они обложены акцизомъ, производитель обязанъ вести точную отчетность всѣмъ поступающимъ на заводъ матеріаламъ; на продукты накладывается оффиціально штемпель. Заводчикъ, виновный въ нарушеніи правилъ, подвергается тюремному заключенію

---

[1] По *Вѣстнику Финансовъ*.

или штрафу въ 1.000 долларовъ. Въ нѣкоторыхъ штатахъ содержатели гостиницъ за угощеніе посѣтителей порсинами и пр. подвергаются штрафу 25 долларовъ и тюремному заключенію на 30 недѣль.

Но, несмотря на эти мѣры, производство искусственныхъ маслъ съ 1882 года по 1889 годъ почти утроилось. Въ 1882 году вывезено было изъ Чикаго 27.147 тоннъ, а въ 1889—71.324 тонны.

Въ области сыровъ Америка также отличается—явились сыры искусственные, которые дешевизной своею убиваютъ сыродѣліе. За пятилѣтіе съ 1877 по 1881 годъ изъ Соединенныхъ Штатовъ вывозилось ежегодно сыровъ на 20 милл. долларовъ, а въ 1887 вывозъ уменьшился уже до 9.800.000 долларовъ.

Да не увлекутся и наши любители разными новостями по части раціональнаго питанія человѣческаго организма этими новыми продуктами намъ дружественной Америки. Вѣдь ради дружбы чего русскій человѣкъ не сдѣлаетъ!

Но дружба дружбой, а все-таки будемъ лучше въ этомъ случаѣ подражать нѣмцамъ, поющимъ Deutschland über alles и будемъ памятовать, что намъ *Русь дороже всего*, какъ Нѣмцамъ Германія.

Въ заключеніе даемъ мѣсто письму одного изъ посѣтилей съѣзда винокуровъ, бывшаго въ Москвѣ въ іюлѣ:

„Однимъ изъ крупныхъ явленій общественной жизни минувшаго лѣта былъ, несомнѣнно, съѣздъ винокуренныхъ заводчиковъ и спиртопромышленниковъ въ Москвѣ.

„Названіе „всероссійскій“ на этотъ разъ не было пустымъ звукомъ, такъ какъ на съѣздъ собрались представители всѣхъ концовъ Россіи, и аудиторія Московскаго Политехническаго Музея была переполнена и грузными помѣщиками благодатнаго юга, и польскими панами съ палками, увѣнчанными массивными набалдашниками, и чопорными остзейскими баронами, и нашимъ матерымъ великорусскимъ купечествомъ. Все это нѣсколько дней волновалось, жило, думало, рѣшая по мѣрѣ разумѣнія вопросъ, представляющій огромное значеніе не только для промышленности въ узкомъ смыслѣ, но и для интересовъ пашни, пахаря и земли.

„Подробныя извѣстія о работахъ съѣзда своевременно появлялись въ печати. Къ нимъ относились, во всякомъ случаѣ, со вниманіемъ, хотя, разумѣется, не обошлось и безъ глумливыхъ выходокъ не въ мѣру смѣшливыхъ репортеровъ и не въ мѣру

усердствующихъ газетъ. Останавливаться на разборѣ этихъ мнѣній, а также дѣлать глубокомысленныя предположенія о возможныхъ или невозможныхъ послѣдствіяхъ съѣзда, или о реформахъ въ финансовой политикѣ мы, конечно, не будемъ. Наша задача сводится къ тому, чтобъ отмѣтить явленія, ускользнувшія отъ наблюденія печати.

„Во главѣ съѣзда былъ поставленъ директоръ департамента неокладныхъ сборовъ, г. Ермоловъ. Кромѣ него, финансовое вѣдомство командировало на съѣздъ нѣсколько чиновниковъ, которые дѣлали доклады и читали рефераты. Этимъ участіемъ въ работахъ финансовое вѣдомство явилось, такимъ образомъ, уже не въ видѣ контролирующаго органа, а такимъ же работникомъ, какъ и тѣ лица, которыя заинтерессованы дѣломъ въ качествѣ промышленниковъ.

„Итакъ, первое что̀ слѣдуетъ отмѣтить—это совокупную работу финансоваго вѣдомства и плательщиковъ акциза. Каковы бы ни были результаты этой работы, несомнѣнно одно, что отношенія управителей и управляемыхъ стали ближе, и они будутъ отнынѣ тѣснѣе сплочены.

„Затѣмъ блестящимъ выборомъ своихъ представителей финансовое вѣдомство въ самомъ корнѣ поколебало въ средѣ участниковъ съѣзда нѣкоторое предубѣжденіе противъ петербургскихъ элементовъ съѣзда. Петербургъ, министерство, департаменты, директоры ихъ — все это казалось людямъ провинціи чѣмъ-то далекимъ, непонимающимъ ихъ нуждъ и даже чуть ли не устрашающимъ.

„Полный жизни и одушевленія, г. Ермоловъ разрушилъ это̀ предубѣжденіе. Его отзывчивость, искренняя прямота, точность и ясность изящной рѣчи, безпристрастное руководительство, отсутствующее обыкновенно при нашихъ думскихъ и земскихъ засѣданіяхъ, и поведеніе, которымъ онъ поставилъ себя не въ качествѣ начальника надъ подчиненными, а первымъ между равными—все это въ началѣ пріятно изумило, потомъ увлекло членовъ съѣзда, и затѣмъ съ такимъ предсѣдателемъ работа закипѣла свободно и одушевленно.

„Второй изъ представителей, г. Ковалевскій, поражалъ глубокимъ знаніемъ цифровой и дѣловой стороны каждаго вопроса. Онъ съ такимъ искусствомъ и знаніемъ дѣла облекалъ, такъ-сказать, въ плоть и кровь канцелярскія выкладки, тарифныя ставки и разсчеты, что не оставлялъ у слушателей сомнѣнія въ строгой обду-

манности и разсчетливости тѣхъ или иныхъ правительственныхъ мѣръ по отношенію къ винокуренной промышленности и обложенію.

„Предупредительность г. Ермолова въ разъясненіи всякихъ вопросовъ, казалось, не могла идти дальше, и, слушая его талантливую рѣчь, слушатель убѣждался, что входитъ во святилище финансовой тайны до возможныхъ предѣловъ.

„Такимъ образомъ, скоро водворилось между представителями власти и далекой провинціи полное единодушіе. А если довѣріе къ правительственному органу есть залогъ благотворнаго теченія дѣлъ во всякое время, то нынѣ, въ тяжелую и трудную годину, оно несомнѣнно можетъ оказаться однимъ изъ главныхъ устоевъ, на которомъ можетъ основаться борьба съ неблагопріятными условіями и увѣренность въ побѣдѣ. Но, въ свою очередь, хотѣлось бы вѣрить, что и талантливые исполнители правительственныхъ мѣропріятій воспользуются урокомъ практическаго и близкаго ознакомленія съ дѣльцами-практиками и дадутъ должную оцѣнку многимъ фактамъ, промелькнувшимъ предъ ними.

„Такой, напримѣръ, эпизодъ: зашелъ разговоръ о будущемъ съѣздѣ и о лицахъ, имѣющихъ право на немъ присутствовать. Послышались единичные голоса о необходимости совокупной работы съ сельскими хозяевами. Голоса эти потонули въ общемъ гулѣ отрицанія.—„У насъ съ ними нѣтъ ничего общаго“, кричали одни.—„Здѣсь не сельско-хозяйственный съѣздъ, а винокуренный“, кричали другіе...

„Такъ какъ спиртовая промышленность въ послѣднее время основана на системѣ такъ называемаго *сельско-хозяйственнаго винокуренія*, то не можетъ ли служить это единодушное отрицаніе съѣздомъ сельскихъ хозяевъ показателемъ того, что самая система съ сельско-хозяйственною вывѣской понимается винокурами болѣе въ смыслѣ капиталистическаго производства, нежели въ качествѣ обрабатывающей сельско-хозяйственной промышленности. Нѣтъ ли здѣсь какой-нибудь ошибки?

„Размышленіе во всякомъ случаѣ не праздное!

„Обращаясь ко второй половинѣ картины винокуреннаго съѣзда, мы видимъ всѣ признаки дурно поставленнаго предпріятія.

„Выяснилось съ несомнѣнною очевидностью, что:

„1) мы не умѣемъ строить винокуренныхъ заводовъ,

„2) не умѣемъ выгодно использовать сырья,

„3) не имѣемъ подготовленныхъ и знающихъ техниковъ-винокуровъ и

„4) не умѣемъ торговать продуктомъ и не знаемъ условій и обычаевъ этой торговли.

„Все идетъ „по простотѣ“, которая достигаетъ иногда такихъ размѣровъ, что становится „хуже воровства“.

„Привѣтствуя значительный и мудрый шагъ финансоваго вѣдомства въ организаціи съѣзда, за которымъ послѣдуютъ, несомнѣнно, и слѣдующіе, выразимъ надежду, что всѣ эти нежелательныя стороны въ этой важнѣйшей отрасли промышленности исчезнутъ къ общей выгодѣ плательщиковъ налоговъ и плательщиковъ акциза и, съ помощію Божіей, въ дѣло это будетъ внесенъ свѣтъ знанія, сознанія государственной пользы и вниманія къ интересамъ сельскихъ обывателей.“

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Театръ Вагнера въ Байрейтѣ. Сезонъ 1892 г.

Имя Вагнера начало дѣлаться извѣстнымъ въ Россіи въ концѣ 50-хъ годовъ по статьямъ А. Н. Сѣрова, сдѣлавшагося въ одну изъ своихъ поѣздокъ за границу ярымъ его поклонникомъ и горячимъ талантливымъ пропагандистомъ его идей. Хотя Вагнеръ пробылъ нѣкоторое время въ Ригѣ капельмейстеромъ (1838—39), но прочной памяти о себѣ тамъ не успѣлъ оставить, да его Рига мало интересовала, ибо Вагнеръ и тогда уже мечталъ объ европейской славѣ; его тянуло въ Парижъ, чтобы по примѣру Мейербера оттуда завоевать Европу, но Парижъ, какъ извѣстно, принесъ Вагнеру однѣ неудачи и разочарованія. Вагнеръ на первыхъ порахъ своей дѣятельности былъ подражателемъ Мейербера и пользовался, между прочимъ, его поддержкой и покровительствомъ. Вагнеръ сталъ дѣлаться извѣстнымъ лишь съ того времени, когда вышелъ на болѣе самостоятельную дорогу въ своихъ операхъ *Корабль-призракъ* и *Тангейзеръ*, особенный успѣхъ имѣла послѣдняя (1845). Тутъ въ жизни Вагнера произошло событіе, имѣвшее для него весьма важное значеніе: онъ принялъ вмѣстѣ съ Бакунинымъ участіе въ революціонномъ движеніи 1849 г. въ Дрезденѣ и потомъ долженъ былъ бѣжать въ Швейцарію, гдѣ ему пришлось провести болѣе десяти лѣтъ вдали отъ родины и оторваннымъ отъ поприща своей дѣятельности. Обстоятельство это грозило сильно и гибельно отозваться на всей будущей карьерѣ уже почти 40-лѣтняго композитора, ибо его прежнія оперы почти не давались, а о постановкѣ вновь напи-

саннаго *Лоэнгрина* ему едва ли возможно было мечтать, еслибы не пришелъ на помощь Листъ. завѣдывавшій тогда оперною сценой въ Веймарѣ. Листъ былъ не только поклонникомъ таланта Вагнера; судя по изданнымъ двумъ томамъ ихъ переписки, Листъ былъ покорнымъ исполнителемъ его распоряженій. Много помогъ онъ Вагнеру матеріальными средствами, но еще больше своимъ артистическимъ вліяніемъ и авторитетомъ. Не довольствуясь постановкой въ Веймарѣ *Тангейзера* и *Лоэнгрина*, Листъ написалъ о нихъ рядъ восторженныхъ писемъ въ одной изъ большихъ парижскихъ газетъ; письма эти въ нѣмецкомъ переводѣ были изданы особою книжкой и послужили началомъ громкой извѣстности Вагнера, начинавшей возрастать все быстрѣе и быстрѣе, не взирая на ожесточенныя нападки значительной части музыкальной прессы. Вагнеръ выступилъ въ качествѣ реформатора и проявилъ весьма большую дѣятельность не только въ области музыки, но также въ поэзіи и философіи искусства. Вагнеръ смотрѣлъ на себя почти какъ на пророка, посланнаго обновить искусство въ Германіи, а съ нею и во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Одною изъ сторонъ, требовавшихъ по его мнѣнію большихъ улучшеній, было музыкальное исполненіе. Въ исполненіи музыки инструментальной Вагнеръ находилъ слишкомъ много педантизма и ограниченности, противъ которыхъ онъ возставалъ и въ печати, и своимъ личнымъ примѣромъ въ качествѣ дирижера. Относительно музыки вокальной Вагнеру казалось, что большинство нѣмецкихъ оперныхъ артистовъ испорчены дурнымъ примѣромъ Итальянцевъ и неспособны къ хорошему исполненію лучшихъ образцовъ нѣмецкой музыки. Поощренный огромными успѣхами и быстро возрастающимъ вліяніемъ, Вагнеръ задумалъ смѣлое предпріятіе—устроить свой собственный театръ и сдѣлать его образцовою сценой Германіи. Энергія и настойчивость помогли ему довести это дѣло до конца. Желая предохранить свой образцовый театръ отъ вліянія и давленія публики большаго города, Вагнеръ избралъ мѣстомъ для постройки живописныя окрестности маленькаго городка Байрейта, стоящаго въ сторонѣ отъ большихъ желѣзнодорожныхъ путей. Первоначально на сценѣ этого театра предполагалось исполненіе лучшихъ произведеній музыкально-драматической литературы, но пока шла постройка, первоначальная мысль измѣнилась и новый театръ ко времени окончанія его уже прямо назначался для исполненія произведеній Вагнера, котораго его поклонники уже

успѣли вознести выше всего дотолѣ существовавшаго въ музыкѣ. Въ 1876 г. Вагнеровскій театръ открылся исполненіемъ громадной тетралогіи *Кольцо Нибелунговъ*; мѣста по весьма высокой цѣнѣ были разобраны по предварительной подпискѣ, и публика, состоявшая изъ артистовъ и любителей всѣхъ странъ міра, наполняла залу новаго театра въ каждое изъ троекратнаго исполненія цикла „Нибелунговъ". Между посѣтителями было немало коронованныхъ особъ, въ томъ числѣ и престарѣлый императоръ Германскій Вильгельмъ, а среди артистовъ присутствовали не только сторонники, но и противники музыкальнаго реформатора. Торжество Вагнера было полное, небывалое въ лѣтописяхъ искусства; оно повторилось еще разъ лѣтомъ 1882 г. по случаю постановки *Парсифаля*, а полгода спустя Вагнера уже не было въ живыхъ, онъ скончался 1 (13) февраля 1883 г. въ Венеціи. Послѣ его смерти стали ставить на сценѣ въ Байрейтѣ и нѣкоторыя изъ прежнихъ его произведеній, въ 1888 г. къ *Парсифалю* прибавили *Нюренбергскихъ Мейстерзингеровъ*, въ слѣдующемъ 1889 г. *Тристана* и *Изольду*. Въ 1890 г. спектаклей въ Вагнеровскомъ театрѣ не было, а въ послѣдніе два года, 1891 и 1892, ставились четыре оперы: *Тангейзеръ*, *Тристанъ*, *Мейстерзингеры* и *Парсифаль*, послѣ нынѣшняго сезона годъ или два представленій не будетъ, а потомъ возобновятъ *Кольцо Нибелунговъ* съ новою роскошнѣйшею постановкой. Первоначально предполагавшееся назначеніе театра—служить мѣстомъ образцоваго исполненія лучшихъ произведеній оперной литературы было такимъ образомъ забыто и теперь Вагнеровскій театръ посвященъ исключительно самому Вагнеру. Что касается исполненія, то оно дѣйствительно было въ большинствѣ случаевъ образцовымъ, ибо спектакли въ Байрейтѣ совпадаютъ съ каникулярнымъ временемъ всѣхъ большихъ оперныхъ сценъ въ Германіи, и всѣ ея лучшія артистическія силы считали за честь принять въ нихъ участіе хотя бы и не въ первыхъ партіяхъ; оркестръ и хоры формировались подобнымъ же образомъ. Въ нынѣшнемъ году нѣкоторыя изъ прежнихъ первоклассныхъ исполнителей отсутствовали — какъ напр. г-жа Матерна, теноръ Гудегусъ—и были замѣнены молодыми артистами, далеко не достигавшими ихъ уровня. Одна изъ оперъ *Нюренбергскіе Мейстерзингеры*, благодаря сравнительной слабости исполнителей главныхъ партій, прошла даже просто неудовлетворительно. Очевидно прежнее устройство начинаетъ расшатываться и перерывъ въ предпрія-

тіяхъ становится рѣшительно необходимымъ, чтобъ усилить и обновить теперешнія силы исполнителей и снова укрѣпить организацію учрежденія, въ которой начинаютъ замѣчаться признаки распаденія. Нужно надѣяться, что это удастся распорядителямъ въ ближайшемъ будущемъ, иначе Германія лишится самаго блестящаго изъ своихъ художественныхъ учрежденій, ибо теперь достаточно будетъ одного неудачнаго сезона, чтобы погубить престижъ учрежденія едва ли не навсегда, или, по крайней мѣрѣ, на весьма долгое время. Публика очень непостоянна и легко можетъ измѣнить своимъ теперешнимъ увлеченіямъ, а вновь привлечь ее будетъ очень трудно, если только возможно, особенно когда нѣтъ въ живыхъ самого Вагнера.

I.

Въ Россіи имя Вагнера сдѣлалось популярнымъ ранѣе, нежели въ какой-либо другой странѣ, кромѣ Германіи; главною причиной этому были горячія и талантливыя статьи А. Н. Сѣрова. Когда Вагнеръ въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ пріѣхалъ въ Россію и продирижировалъ нѣсколькими концертами въ Петербургѣ и Москвѣ, то встрѣтилъ самый восторженный пріемъ Позднѣе наиболѣе выдающіеся русскіе музыкальные критики Г. А. Ларошъ и Ц. А. Кюи нѣсколько расхолодили этотъ первоначальный пылъ, хотя оба говорили діаметрально противуположное одинъ другому: г. Ларошъ разбивалъ художественныя теоріи и возвеличивалъ музыкальный талантъ германскаго реформатора, а г. Кюи, наоборотъ, превозносилъ его теорію и совсѣмъ отрицалъ творческій талантъ; между русскими музыкантами послѣ А. Н. Сѣрова вагнеристовъ совсѣмъ не было, за то Листъ имѣлъ много поклонниковъ и подражателей. Въ Россіи Вагнера знали въ сущности мало и только въ Петербургѣ на русской сценѣ былъ поставленъ *Лоэнгринъ*, не пользовавшійся особенно выдающимся успѣхомъ. У насъ новымъ поворотнымъ пунктомъ по отношенію къ Вагнеру нужно считать 1883 годъ, когда антрепренеръ Анжело Нейманъ привезъ цѣлую труппу артистовъ, всѣ декораціи и всю постановку *Кольца Нибелунговъ* и далъ весь циклъ нѣсколько разъ въ Петербургѣ на сценѣ Маріинскаго театра съ оркестромъ Императорской русской оперы, а потомъ съ тѣмъ же оркестромъ въ Москвѣ на сценѣ Боль-

шаго театра. Заграничная слава этого колоссальнаго произведенія была такъ велика, что, несмотря на неслыханно высокія цѣны за мѣста, всѣ абонементныя представленія и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ были полны Впрочемъ, въ Москвѣ, какъ оказалось, почва для Вагнера была не особенно подготовлена, ибо когда дали сверхъ абонемента одну изъ частей тетралогіи *Валкирію*, то театръ болѣе чѣмъ на половину былъ пустъ. Исполненіе *Нибелунговъ* у насъ отразилось главнымъ образомъ на нѣкоторыхъ композиторахъ, преимущественно молодыхъ, и сдѣлало изъ нихъ усердныхъ и убѣжденныхъ послѣдователей творца тетралогіи. На публику эти представленія повліяли мало, она прослушала прославленное произведеніе съ почтеніемъ, но и съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ и вскорѣ о немъ забыла, и на нашихъ оперныхъ сценахъ Вагнеръ все-таки почти отсутствуетъ, а изъ произведеній его послѣдняго наиболѣе характеристичнаго періода до сихъ поръ ничего не давалось, только въ Москвѣ собираются поставить въ будущемъ сезонѣ *Зигфрида*. Въ Италіи, Англіи и Франціи культъ Вагнера гораздо болѣе распространенъ и въ публикѣ, и между музыкантами; въ Англіи давали почти все за исключеніемъ *Парсифаля*, а во Франціи хотя и даютъ только одного *Лоэнгрина*, но лишь по причинамъ политическаго свойства. Среди международной публики, посѣщающей Байрейтъ, главный контингентъ, кромѣ Нѣмцевъ, въ настоящее время кажется даютъ Французы, затѣмъ Англичане и Сѣверо-Американцы, представители другихъ народностей являются въ гораздо меньшемъ числѣ, что же касается Русскихъ, то ихъ совсѣмъ мало, едва ли больше нежели обитателей Буэносъ-Айреса или Мельбурна. Это можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, что русское большинство мало интересуется Вагнеромъ, чему, впрочемъ, удивляться и нельзя, если принять во вниманіе малое знакомство съ нимъ на нашихъ сценахъ; въ концертахъ у насъ Вагнеръ является гораздо чаще и пользуется большимъ успѣхомъ. Объ этомъ во всякомъ случаѣ можно пожалѣть, ибо игнорировать такое огромное музыкально-историческое явленіе, какимъ является въ настоящее время создатель новой музыкальной драмы, отнюдь не слѣдовало бы. Но перейдемъ къ отчету о самыхъ спектакляхъ нынѣшняго года въ Байрейтѣ.

II.

Въ нашемъ изложеніи мы не будемъ держаться той послѣдовательности, въ какой давались въ нынѣшнемъ году четыре оперы Вагнера въ Байрейтѣ, а возьмемъ лучше хронологическій порядокъ ихъ появленія въ свѣтъ. Гораздо раньше остальныхъ трехъ написанъ *Тангейзеръ*, впервые поставленный на сцену въ Дрезденѣ 7 (19) октября 1845 года, такъ что эта опера уже близится къ пятидесятилѣтію своего существованія. Занимаясь сочиненіемъ Тангейзера Вагнеръ былъ еще далекъ отъ своихъ позднѣйшихъ пріемовъ и стремленій, хотя чувствовалъ ясно многіе недостатки тогдашнихъ оперныхъ композиторовъ, развившіся главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Итальянцевъ, уже начавшихъ уступать свое господство на оперныхъ сценахъ Европы Мейерберу и французской школѣ, но еще очень сильныхъ у большинства средней публики. Самъ Вагнеръ заплатилъ дань поклоненія Мейерберу въ своихъ *Феяхъ* и *Рьензи*, но начиная съ *Моряка-скитальца* (Der Fliegende Holländer) уже вступилъ на самостоятельный путь, не разрывая однако связи съ господствовавшими оперными формами. Впрочемъ, Вагнеръ до конца своей дѣятельности сохранялъ общее съ Мейерберомъ стремленіе къ блеску и роскоши внѣшней сценической постановки, что̀ доказываютъ всѣ его произведенія до *Парсифаля* включительно. Въ сюжетѣ *Тангейзера* главная роль отведена борьбѣ двухъ началъ: міра чувственной страсти и царства христіанскаго, возвышеннаго идеала любви и всепрощенія; исторія любви Елизаветы и Тангейзера занимаетъ въ сущности второстепенное мѣсто, тѣмъ не менѣе внѣшній ходъ дѣйствія въ *Тангейзерѣ* заключаетъ въ себѣ быть-можетъ больше жизни и драматическаго движенія, нежели въ какой-либо другой оперѣ Вагнера. *Тангейзеръ* съ самаго начала имѣлъ блестящій успѣхъ, но участіе, которое его авторъ принялъ въ революціонномъ движеніи 1848—49 годовъ, заставило его бѣжать въ Швейцарію и хотя Вагнеръ въ сущности совсѣмъ не проявлялъ упорства въ своихъ революціонныхъ тенденціяхъ и позднѣе оказался горячимъ приверженцемъ монархіи, тѣмъ не менѣе изгнаніе его длилось болѣе десяти лѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отразилось и на его произведеніяхъ, которыя не вездѣ охотно допускались къ постановкѣ на сценѣ. Вѣроятно

въ силу политической неблагонадежности Вагнера, цензура относилась къ его опернымъ либретто особенно строго, такъ напримѣръ, когда въ 1859 году рѣшились наконецъ поставить *Тангейзера* въ Вѣнѣ, то изъ текста пришлось исключить всѣ упоминанія о Римѣ и папѣ, такъ что Тангейзеръ отправлялся на покаяніе не въ Римъ, а *туда* (dort) и *тамъ* былъ *имъ* проклятъ. Знаменитѣйшій нумеръ изъ музыки *Тангейзера* есть, конечно увертюра, но въ послѣдней передѣлкѣ оперы, сдѣланной Вагнеромъ для вѣнской сцены въ 1875 году, увертюра сокращена и прямо изъ повторенія ея allegro переходитъ въ сцену въ гротѣ Венеры, въ этой редакціи опера исполняется и въ Байрейтѣ. Постановка этой сцены необыкновенно роскошна и красива, здѣсь собраны чудеса античной миѳологіи, имѣющія связь съ культомъ чувственной любви и красивая смѣна различныхъ картинъ производитъ на глазъ чарующее впечатлѣніе, усиливаемое превосходною музыкой, полной сладострастнаго опьяненія, и столь же сладострастными танцами и группами нимфъ, наядъ, сиренъ, фавновъ, юношей, сатировъ и т. д., только летающіе надъ танцующими группами амуры выходятъ не совсѣмъ хороши, ихъ кукольная деревянность немного вредитъ общей картинѣ. За исключеніемъ этого небольшаго пятнышка, постановка сцены у Венеры замѣчательна по своей художественной красивости, мастерски написаннымъ декораціямъ и великолѣпнымъ эффектамъ освѣщенія. Во главѣ трехъ грацій танцовала знаменитая балерина, г-жа Виргинія Цукки. Что касается исполнителей главныхъ вокальныхъ партій, Венеры и Тангейзера, то если ихъ нельзя было назвать совсѣмъ слабыми, во всякомъ случаѣ образцовыми считать ихъ возможно еще менѣе. Г-жа Майльгакъ (Mailhac) пѣла хоть вѣрно и голосъ у нея довольно хорошій, но она слишкомъ его форсировала. Что же касается г-на Грюнинга, то онъ просто еще недостаточно опытный пѣвецъ; впрочемъ, гимнъ Венерѣ, который ему приходится пѣть, самъ по себѣ, какъ музыка, неинтересенъ и даже баналенъ до извѣстной степени. Послѣ восклицанія Тангейзера: „Mein Heil ruht in Marin“, Венера исчезаетъ со всѣми своими чарами, декорація быстро смѣняется и Тангейзеръ оказывается у подножія стоящаго близь дороги изображенія Мадонны, вдали на горѣ замокъ Вартбургъ, освѣщенный лучами утренняго солнца, а кругомъ долина, окаймленная горами, на выступѣ скалы пастухъ въ пѣснѣ восхваляетъ свѣжесть и прелесть майскаго

утра. Контрастъ этой картины съ предыдущею чрезвычайно эффектенъ. Пѣсня пастуха чередуется съ красивыми фанфарами отдаленной охоты; черезъ сцену проходятъ стройными рядами пилигримы, поющіе хоралъ. Картина прелестная и поэтичная, но фигура Тангейзера, остающагося въ теченіе многихъ и долгихъ минутъ въ застывшей позѣ, состояніи безмолвнаго экстаза, скоро начинаетъ утомлять глазъ своею неестественною натянутостію. Наконецъ на сцену являются охотники—ландграфъ Германъ со свитой, въ томъ числѣ нѣсколько рыцарей-миннезингеровъ; они выводятъ Тангейзера изъ его оцѣпенѣлаго состоянія и послѣ нѣкотораго сопротивленія, послѣ упоминанія имени Елизаветы, Тангейзеръ соглашается опять возвратиться ко двору ландграфа. Первый актъ производитъ вообще прекрасное впечатлѣніе и по красивости сцены, и по музыкѣ. Второе дѣйствіе происходитъ въ богато украшенной Sängerhalle въ Вартбургѣ; начинается оно красивою аріей Елизаветы, за которою слѣдуетъ дуэтъ ея съ Тангейзеромъ, очень горячій, но слишкомъ сходный съ формальными дуэтами прежняго времени, особенно въ заключительномъ allegro или стреттѣ. Слѣдующій нумеръ есть маршъ съ хоромъ, сопровождающій прибытіе гостей,—одинъ изъ популярнѣйшихъ нумеровъ Вагнеровской музыки, но мало заключающій въ себѣ характернаго; поэтично въ музыкѣ слѣдующее за нимъ прибытіе пѣвцовъ. Въ состязаніи красива пѣсня Вольфрама, а заключительный финалъ акта весьма эффектенъ и силенъ. Исполнители-солисты были довольно удовлетворительны; партію Елизаветы пѣла г-жа Виборгъ, молодая и симпатичная пѣвица, хотя и не особенно сильная. Тенору недоставало въ движеніяхъ и фигурѣ той страстной энергіи, которая только и объясняетъ увлеченіе Тангейзера своими воспоминаніями о гротѣ Венеры. Исполненіе въ массахъ оркестра и хора было отличное. Послѣднему акту предшествуетъ прекрасная оркестровая прелюдія, изображающая странствованія Тангейзера. При поднятіи занавѣса на сценѣ декорація второй картины перваго акта, освѣщаемая вечернимъ солнцемъ. Елизавета встрѣчаетъ возвращающихся изъ Рима пилигримовъ и не видя между ними Тангейзера, теряетъ послѣднюю надежду и удаляется неся въ душѣ смерть; очень хороша молитва Елизаветы, прекрасно спѣтая г-жой Виборгъ. Затѣмъ слѣдуетъ романсъ къ вечерней звѣздѣ Вольфрама, превосходно исполненный г-номъ Шейдемантель, однимъ изъ лучшихъ пѣвцовъ Германіи. Большой разсказъ Тангейзера объ его

странствованіи принадлежитъ къ лучшимъ мѣстамъ оперы. Г-нъ Грюнингъ вѣроятно на немъ сосредоточилъ главное вниманіе и разсказъ этотъ удался ему лучше всего остальнаго въ оперѣ, оканчивающейся хораломъ пилигримовъ. Весь этотъ актъ очень поэтиченъ и написанъ съ большою искренностью и силой. Удивительно, что у насъ Москвѣ до сихъ поръ не поставили *Тангейзера*, а собираются ставить *Зигфрида*, между тѣмъ какъ всѣ выгоды находятся на сторонѣ первой изъ этихъ оперъ; прежде всего *Тангейзеръ* представляетъ собою вполнѣ законченное цѣлое, между тѣмъ какъ *Зигфридъ* есть лишь одна часть тетралогіи. Тангейзеръ вполнѣ доступенъ и нашей публикѣ, и нашимъ исполнителямъ, тогда какъ о *Зигфридѣ* едва ли можно сказать то же самое; намъ положительно плохо вѣрится въ хорошее исполненіе *Зигфрида* на нашей сценѣ, потому что стиль и складъ этой музыки слишкомъ непривычны, даже совершенно чужды нашимъ исполнителямъ. Пожалуй произойдетъ то же, что̀ случилось въ Вѣнѣ въ 1862—63 гг. съ *Тристаномъ и Изольдой*, вслѣдствіе такой же неподготовленности артистическаго персонала пришлось отложить эту оперу въ сторону послѣ полусотни почти репетицій, а между тѣмъ въ персоналѣ вѣнской оперы были первоклассные артисты и отнюдь не новички въ своемъ дѣлѣ. Одинъ изъ нихъ, теноръ Андеръ, на вопросъ Вагнера о ходѣ репетицій *Тристана*, сказалъ, что они уже почти выучили второй актъ, только первый совсѣмъ опять позабыли—это было приблизительно спустя полгода послѣ начала репетицій. *Зигфрида* у насъ тоже репетировали, только неизвѣстно сколько позабыли и сколько выучили.

III.

Между остальными тремя операми байрейтскаго цикла настоящаго года ранѣе другихъ написана *Тристанъ и Изольда*. Окончена опера была въ 1859, но первое исполненіе состоялось только въ іюнѣ 1865 г. въ Мюнхенѣ, о вѣнскихъ попыткахъ поставить ее раньше мы только что писали; сверхъ того, такія же попытки и столь же безуспѣшно дѣлались и въ Карлсруэ. И теперь *Тристанъ* идетъ не особенно часто въ Германіи, далеко не пользуясь популярностію не только *Тангейзера* или *Лоэнгрина*, но даже и *Нюренбергскихъ Мейстерзингеровъ*. Причина этому заключается въ трудности оперы и въ особенностяхъ ея стиля,

представляющаго полнѣйшій разрывъ съ прежними оперными традиціями. Даже въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ Вагнеръ не заходилъ такъ далеко въ отрицаніи музыкальной формы, какъ въ *Тристанѣ*, но за то едва ли въ какомъ-нибудь другомъ проявлялась съ большею силой и самостоятельностію его творческая сила; Вагнеръ, между прочимъ, говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Листу, что *Тристанъ* имѣетъ для него автобіографическое значеніе. Если припомнить себѣ оперы Вагнера въ общихъ чертахъ ихъ сценическаго дѣйствія, то придется отмѣтить въ нихъ двѣ стороны, характеризующія отношеніе ихъ автора къ сценѣ и ея эффектамъ. Первая изъ этихъ сторонъ заключается въ замѣчательномъ пониманіи моментовъ драмы, наиболѣе благодарныхъ въ смыслѣ сценической картинности, другая же какъ бы въ умышленномъ отрицаніи всякой естественности сценическаго дѣйствія или въ полномъ его отсутствіи. Въ изложеніи своихъ принциповъ музыкально-драматической композиціи Вагнеръ настаиваетъ на реальной правдѣ сценическаго дѣйствія въ оперѣ и потому отрицаетъ повторенія текста въ музыкѣ; начиная съ *Тристана*, онъ почти совершенно изгоняетъ ансамбли изъ музыки, дѣйствующія лица его семи послѣднихъ оперъ никогда почти не поютъ одновременно, сколько бы ихъ ни было на сценѣ, а чередуются болѣе или менѣе длинными рѣчами; — на этихъ чисто внѣшнихъ признакахъ и оканчивается сценическій реализмъ у Вагнера, все остальное составляетъ постоянное и неуклонное его отрицаніе. Не допуская повторенія словъ въ музыкѣ, Вагнеръ въ своихъ либретто за то нагромождаетъ длиннѣйшіе подборы однозначущихъ фразъ, синонимовъ, доводя этотъ пріемъ до невѣроятныхъ, ужасающихъ размѣровъ въ противность всякому представленію о дѣйствительно драматической правдивости сценическаго выраженія. Въ этомъ отношеніи *Тристанъ и Изольда* можетъ послужить характернѣйшимъ образцомъ. Еслибы привести нѣсколько страницъ текста изъ этой оперы, то читателю пришлось бы только удивляться безпримѣрной въ литературѣ натянутости подбора текста, совершенно излишней и безъ музыки просто неперевариmой. Изгнаніе ансамблей ставитъ исполнителей въ иныхъ моментахъ оперъ Вагнера въ самое тяжелое и безвыходное положеніе: неподвижно и безмолвно выслушивать длинныя рѣчи, которыми по-очередно обмѣниваются между собою лица, находящіяся на сценѣ. Есть еще особенность: герои оперъ Вагнера по временамъ замираютъ въ неподвижномъ безмолвіи на

сценѣ и остаются такъ очень долгое время въ самомъ неестественномъ положеніи. Мы упоминали уже о подобномъ моментѣ въ первомъ актѣ *Тангейзера*, но это еще сравнительно слабый примѣръ, ибо тамъ еще возможно объяснить такое состояніе дивною перемѣной всего окружающаго. Найдутся мѣста совсѣмъ неподдающіяся такому объясненію, какъ, напримѣръ, встрѣча Изольды и Тристана въ первомъ актѣ или Ева и Вальтеръ Штольцингъ въ послѣднемъ актѣ *Мейстензингеровъ* и т. п. Можно даже сказать, что Вагнеру необходима роскошная сценическая постановка, но дѣйствующія лица просто являются помѣхой, тѣмъ болѣе сильною, что главное музыкальное содержаніе заключается въ оркестрѣ, а не въ голосахъ исполнителей. Вагнеръ въ оперѣ симфонистъ, владѣющій необыкновенно богатыми и сильными красками, рисующій внутреннюю жизнь своихъ героевъ съ огромною силой выраженія, но рѣшительно не принимающій во вниманіе сцены и ея условій; онъ все время какъ будто пишетъ небывалую симфоническую ораторію, построенную на сложнѣйшей тематической обработкѣ небольшихъ основныхъ мотивовъ. Ни въ какомъ изъ своихъ остальныхъ произведеній Вагнеръ не примѣнялъ съ такою неуклонною послѣдовательностію своей манеры, какъ въ *Тристанѣ*. Съ самаго начала оркестровой прелюдіи, предшествующей поднятію занавѣса въ первомъ актѣ, томительно страстный мотивъ остается преобладающимъ элементомъ музыки всей оперы вплоть до момента смерти Тристана въ послѣднемъ актѣ, очень реально изображаемаго внезапнымъ, незаконченнымъ перерывомъ въ движеніи главнаго мотива. Прелюдія *Тристана* принадлежитъ къ лучшимъ созданіямъ Вагнера и вообще къ лучшимъ страницамъ въ новѣйшей музыкѣ. Въ первомъ актѣ дѣйствіе происходитъ на кораблѣ, везущемъ Изольду къ ея престарѣлому жениху, дядѣ и другу Тристана, королю Марку. Гордая Изольда не можетъ примириться съ мыслію о предстоящемъ бракѣ по принужденію и готова лучше умереть, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишить жизни и Тристана, въ которомъ она видитъ орудіе своего несчастія, ибо онъ силой руки своей заставилъ мать Изольды согласиться на предполагаемый бракъ, убивъ прежде жениха Изольды, витязя Морольда; но все случается иначе, ибо подруга Изольды, Брангена, подаетъ ей и Тристану вмѣсто смертнаго яда любовный напитокъ, возбуждающій въ нихъ обоюдную пламенную любовь. Извѣстный критикъ Э. Гансликъ не мало шутилъ надъ этимъ напиткомъ

и вообще надъ тою ролью, какую играютъ у Вагнера пріемы внутреннихъ средствъ не только въ *Тристанѣ*, но и въ *Нибелунгахъ*. Въ защиту Вагнера можно сказать, что онъ заимствовалъ это и въ томъ, и въ другомъ случаѣ изъ древнѣйшихъ сказаній. Сверхъ того, если взять музыку *Тристана* и въ ней искать объясненія внутренняго процесса, происходящаго въ сердцахъ Изольды и Тристана, то нужно признать, что вся роль любовнаго зелья имѣетъ символическое значеніе случайности, заставившей вырваться наружу то чувство, которымъ уже ранѣе были проникнуты какъ Изольда, такъ и Тристанъ. Насколько такой символизмъ вообще удобенъ на сценѣ есть другой вопросъ, но въ данномъ случаѣ онъ не производитъ особенно страннаго дѣйствія, потому что играетъ ту же роль въ общеизвѣстномъ средневѣковомъ романѣ Готфрида Страсбургскаго, послужившемъ для Вагнера основой сюжета его оперы или Handlung, какъ онъ называетъ *Изольду и Тристана*. Въ первомъ актѣ много мѣста занимаютъ длинныя бесѣды, въ которыхъ Изольда разсказываетъ Брангенѣ о своихъ отношеніяхъ къ Тристану, дѣйствіе немного оживляется вмѣшательствомъ грубоватаго Курвенеля, но оставляя въ сторонѣ растянутость сценъ, нужно сказать, что музыка какъ перваго, такъ и двухъ слѣдующихъ актовъ проникнута истиннымъ вдохновеніемъ, ставящимъ *Тристана и Изольду* едва ли не выше всѣхъ остальныхъ оперъ Вагнера по силѣ гармоніи и страстности выраженія. Очень эффектнымъ эпизодомъ является энергическая пѣснь въ честь Тристана, которую поютъ Курвенель и матросы. Во второмъ актѣ дѣйствіе происходитъ въ саду Изольды, Тристанъ приходитъ къ ней на свиданіе, слѣдуютъ долгія и страстныя изліянія влюбленныхъ, прерываемыя появленіемъ короля Марка со свитой, причемъ Тристанъ падаетъ смертельно раненый своимъ коварнымъ другомъ Мелотомъ. Это немногосложное содержаніе растянуто, по крайней мѣрѣ, на полтора часа музыки, главная часть которой составляетъ любовный дуэтъ. Въ этомъ дѣйствіи сильныя и слабыя стороны Вагнера проявились чрезвычайно рельефно. Съ точки зрѣнія драмы вся сцена страшно растянута; не говоря о безконечныхъ рѣчахъ влюбленныхъ, король Маркъ, заставъ ихъ въ объятіяхъ другъ друга, чрезвычайно длинно излагаетъ свои великодушныя воззрѣнія, а любовники и свита должны все это выслушивать, оставаясь неподвижными и безмолвными. Въ драматическомъ отношеніи сцена просто

невозможна, но музыка заставляетъ мириться со всѣми этими антисценичными данными. Любовный дуэтъ, громаднѣйшій изъ всѣхъ существующихъ, льется неудержимымъ потокомъ страсти и не ослабѣваетъ ни на мгновеніе. Въ такомъ исполненіи, какое намъ пришлось на этотъ разъ слышать въ Байрейтѣ, музыка эта производитъ необыкновенно сильное впечатлѣніе, которое нѣтъ возможности выразить словомъ. Г. Фогль въ партіи Тристана и г-жа Роза Зухеръ въ партіи Изольды явились такими первоклассными артистами, лучше которыхъ едва ли себѣ возможно что-либо представить, намъ, по крайней мѣрѣ никогда не случалось слышать ранѣе столь безукоризненнаго исполненія во всѣхъ отношеніяхъ. Всѣ остальные исполнители были также очень хороши, хотя ихъ партіи имѣютъ несравненно меньшее значеніе. Однимъ словомъ, этотъ второй актъ былъ полнымъ торжествомъ для Байрейтской сцены и еслибы всѣ оперы исполнялись такъ, то театръ Вагнера можно бы назвать дѣйствительно образцовымъ художественнымъ учрежденіемъ, но, къ сожалѣнію, какъ мы увидимъ ниже, это бываетъ далеко не всегда. Въ послѣднемъ актѣ оперы г. Фогль и г-жа Зухеръ опять были несравненно хороши какъ въ музыкальномъ, такъ и въ сценическомъ отношеніяхъ, хотя то и другое представляетъ страшныя трудности. Трудно было отдать преимущество какому-либо изъ этихъ артистовъ, оставалось только восхищаться ими Въ этомъ актѣ чрезвычайно важную роль играетъ инструментальное соло англійскаго рожка, на которомъ Бретонецъ-пастухъ играетъ свою грустную пѣсню. Эта мелодія составляетъ главный фонъ, дающій окраску всей картинѣ и настроенію сцены, гдѣ лежитъ умирающій Тристанъ, въ лихорадочномъ жару ожидающій прибытія Изольды и въ ея объятіяхъ испускающій духъ. Весь этотъ послѣдній актъ, оканчивающійся смертію Изольды, производитъ необыкновенно сильное впечатлѣніе и принадлежитъ къ счастливѣйшимъ вдохновеніямъ Вагнера. Конечно, такое впечатлѣніе можетъ получиться лишь при томъ совершенствѣ исполненія, какое выпало въ этомъ году на долю *Тристана и Изольды* въ Байрейтѣ.

IV.

Какое огромное значеніе имѣетъ исполненіе, намъ пришлось убѣдиться, къ сожалѣнію, въ отрицательную сторону, на *Нюренбергскихъ Мейстерзингерахъ*. Мы ранѣе слышали эту оперу въ

Вѣнѣ и въ томъ же Байрейтѣ четыре года назадъ, тогда она была обставлена превосходными исполнителями, дирижировалъ ею г. Гансъ Рихтеръ и опера шла съ великолѣпнымъ ансамблемъ. Нынѣшній разъ исполнителями главныхъ партій Евы и Вальтера были молодые артисты, а вмѣсто Ганса Рихтера дирижировалъ г. Моттль, почти не дѣлавшій репетицій. Для исполненія комической партіи Бекмессера пригласили на этотъ разъ какого-то опереточнаго комика, превратившаго свою роль въ пошлую каррикатуру, и опера, которою мы раньше восхищались, наводила теперь досаду и скуку; только послѣдняя картина нѣсколько смягчила впечатлѣніе, благодаря великолѣпной постановкѣ и отличному исполненію хоровыхъ массъ. Во всей своей дѣятельности Вагнеръ только однажды взялъ сюжетъ для оперы изъ обыденной жизни нѣмецкихъ бюргеровъ XVI в. и, несмотря на многія длинноты, картина вышла живая и правдивая. Въ достоинствахъ музыкальной композиціи *Нюренбергскіе Мейстерзингеры* не уступаютъ лучшимъ произведеніямъ Вагнера и многіе считаютъ ихъ лучшею изъ его оперъ; тѣмъ болѣе достойно было сожалѣнія неудачное исполненіе, которое можно прямо поставить въ вину распорядителямъ байрейтской оперной сцены, не выказавшимъ достаточной осмотрительности въ выборѣ исполнителей и не позаботившимся о срепетовкѣ при внезапной замѣнѣ одного капельмейстера другимъ. Впрочемъ *Мейстерзингеры* даются на многихъ сценахъ Германіи, а въ Вѣнѣ они идутъ прекрасно.

V.

Мы оставили *Парсиваля* для заключенія нашего отчета, какъ позднѣйшее изъ сочиненій Вагнера, имѣющее, сверхъ того, такія особенности въ сюжетѣ и текстѣ, которыя заслуживаютъ особаго вниманія.

Имя Парсиваля или Percival появляется всего ранѣе въ циклѣ сказаній о рыцаряхъ Круглаго Стола и королѣ Артурѣ; потомъ къ приключеніямъ Парсиваля присоединяется легенда о св. Гралѣ, чашѣ, служившей при Тайной Вечери и въ которую потомъ была собрана кровь Христа, когда онъ былъ прободенъ на крестѣ. Для Вагнера ближайшимъ источникомъ послужилъ *Parzival* Вольфрама фонъ-Эшенбаха (нач. XIII в.), изъ котораго заимствованъ основной скелетъ сценическаго дѣйствія, но

въ главномъ содержаніи оно сближается съ древнѣйшими литургическими мистеріями и получаетъ чисто символическое значеніе. Внѣшніе черты дѣйствія въ *Парсивалѣ* Вагнера представляютъ немного интереснаго, хотя и даютъ поводъ для роскошной сценической постановки. Въ короткихъ словахъ сюжетъ можно разсказать такимъ образомъ: религіозно-рыцарская община Граля находится въ угнетенномъ состояніи вслѣдствіе грѣхопаденія своего короля Амфортаса, поддавшагося искушенію прелестницы, посланной волшебникомъ Клингсоромъ, врагомъ Граля. Парсифаль является искупителемъ грѣха, побѣждая Клингсора своею нравственною чистотой и возвышеннымъ чувствомъ любви, вытекающимъ изъ сострađанія къ людямъ,—онъ возвращаетъ утраченное священное копье, исцѣляетъ его прикосновеніемъ грѣховную рану Амфортаса и дѣлается на его мѣсто королемъ общины. Болѣе подробный пересказъ сюжета не можетъ дать вполнѣ яснаго понятія объ его внутреннемъ содержаніи, имѣющемъ религіозно-философскую подкладку. Еще въ *Лоэнгринѣ*, написанномъ въ 1850 г., Вагнеръ началъ прибѣгать къ особому пріему для болѣе опредѣленной и точной характеристики въ музыкѣ; онъ сталъ примѣнять отдѣльные мотивы, имѣющіе непосредственную связь съ извѣстнымъ лицомъ, предметомъ или понятіемъ, появленіе которыхъ въ музыкѣ обусловливалось тѣмъ участіемъ, которое отводилось на долю этихъ лицъ, предметовъ или понятій въ общемъ развитіи сюжета. Въ циклѣ *Кольца Нибелунговъ* и въ *Парсивалѣ* этотъ пріемъ получилъ свое полнѣйшее развитіе, такъ что въ нихъ почти нельзя встрѣтить музыки, которая бы не была построена на этихъ руководящихъ мотивахъ, *Leitmotiven*. Оркестровое вступленіе *Парсиваля* начинается мелодіей, сопровождающею Мистическую Вечерю (Abendmahlsthema); во второй картинѣ текстомъ этой мелодіи служатъ слова: „Nehmet hin meinen Leib, nehmet hin mein Blut, um unserer Liebe willen.“ Далѣе слѣдуетъ тема Граля, какъ изображенія христіанской общины, къ этой темѣ примыкаетъ новая тема вѣры (Glaubens Thema), на которую въ той же второй картинѣ перваго акта хоръ поетъ: „Der Glaube lebt, die Taube schwebt, des Heilandes holder Bote.“ Здѣсь, слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло съ христіанскимъ таинствомъ. Къ этому прибавляется еще тема скорби Искупителя объ оскверненной святынѣ. По сюжету *Парсиваля* отъ проступка Амфортаса страждетъ не только онъ и община Граля, но самъ Искупитель, скорбящій о происходящемъ отъ того несчастіи

людей, а Парсифаль въ концѣ является такимъ образомъ уже какъ Erlöser des Erlösers. Въ первой картинѣ весьма большое мѣсто занимаетъ разсказъ Гурнеманца, одного изъ рыцарей Граля, о несчастіи, постигшемъ Амфортаса; въ первой же картинѣ является Парсифаль и Кундри, грѣшница, искусившая Амфортаса, но стремящаяся къ искупленію и прощенію. Во второй картинѣ происходитъ священнодѣйствіе Граля и причащеніе рыцарей. Во второмъ актѣ Парсифаль окруженъ чарами Клингсора, но торжествуетъ надъ всѣми обольщеніями любви. Въ третьемъ актѣ Парсифаль послѣ долгихъ странствій и подвиговъ приближается въ день Великой Пятницы къ за́мку Граля, здѣсь его встрѣчаютъ Гурнеманцъ и Кундри, надъ которою Парсифаль совершаетъ обрядъ крещенія, отпуская ей грѣхи. Наконецъ, въ послѣдней картинѣ дѣйствіе опять происходитъ въ храмѣ Граля, священнодѣйствуетъ Парсифаль, чаша Граля загорается яркимъ блескомъ, съ вышины купола надъ чашей останавливается парящій голубь и занавѣсъ опускается.

Поклонники Вагнера видятъ въ *Парсивалѣ* едва ли не высшее изъ произведеній; они преклоняются предъ возвышенностію сюжета и глубиной философской мысли, въ немъ проявляющимися. Мы принадлежимъ сами къ числу поклонниковъ, хотя и не безусловныхъ, музыки Вагнера; въ гораздо меньшей степени симпатичны намъ его теоріи. *Парсиваля* намъ приходилось слышать въ Байрейтѣ кромѣ нынѣшняго года еще въ 1888 году, тогда даже два раза сряду и должны признаться, что мы считаемъ *Парсиваля* въ художественномъ смыслѣ совершенно ложнымъ произведеніемъ, чуждымъ всякой искренности. Если взять отдѣльно музыку *Парсиваля*, то въ ней найдутся чудныя мѣста, какъ, напримѣръ, оркестровое вступленіе, сцена священнодѣйствія въ храмѣ и сопровождающіе его хоры, сцена искушенія Парсифаля, оркестровое intermezzo Charfreitagzauber и др. Но мы рѣшительно не можемъ признать за этою поставленною на сцену мессой то глубокое этическое значеніе, какое ей приписывается. Въ литературѣ мы знаемъ высокіе образцы философскихъ поэмъ или такую философскую драму, какъ *Фаустъ* Гёте, но цѣнимъ подобныя произведенія настолько, насколько вложенныя въ нихъ отвлеченныя идеи воплощаются въ живые образы людей, дѣйствія и чувства которыхъ опредѣляются взаимодѣйствіемъ ихъ человѣческой природы и сложной работы мысли въ нихъ происходящей. Ничего подобнаго мы не можемъ

отыскать въ *Парсивалѣ*, здѣсь нѣтъ ни одного лица, которое бы жило, мыслило, чувствовало, все сводится къ условнымъ символическимъ изображеніямъ, и вмѣсто лицъ мы имѣемъ ходячія схемы различныхъ отвлеченныхъ положеній, истинность которыхъ должна быть принимаема на вѣру, какъ религіозная догма. Возвышенность сюжета въ данномъ случаѣ есть крупный недостатокъ произведенія, ибо онъ превращается въ рядъ формальныхъ дѣйствій, низводящихъ его на степень неестественно натянутой условности, лишенной внутренняго живаго содержанія. Однимъ словомъ, *Парсиваль*, кромѣ чисто музыкальной прелести нѣкоторыхъ нумеровъ, написанныхъ рукой великаго мастера, вызывалъ въ насъ только одно враждебное чувство къ той художественной фальши, которая лежитъ въ основѣ его.

Постановка *Парсиваля* въ высшей степени роскошна и красива; исполненіе было также отличное, особенно въ заглавной партіи, которую пѣлъ г. Вандейкъ (van Dyck). Партія Кундри на этотъ разъ была исполнена гораздо слабѣе г-жой Майльчакъ, нежели прежде, когда въ ней являлась такая первоклассная сценическая артистка, какъ гжа Матерна. Оркестръ и хоры подъ управленіемъ г. Леви были выше всякихъ похвалъ.

Байрейтскій театръ закрывается на одинъ или даже два года, послѣднее вѣроятнѣе, и откроется новою постановкой *Кольца Нидерландцевъ*. До сихъ поръ *Парсиваль* составлялъ исключительную принадлежность сцены Байрейтскаго театра, такова была воля самого Вагнера. По нашему мнѣнію, Вагнеръ былъ въ этомъ отношеніи весьма предусмотрителенъ и практиченъ; такое исключительное художественное произведеніе могло быть-можетъ сохранить надолго свой престижъ при тѣхъ особыхъ условіяхъ сцены и съ тою исключительною публикой, какая собиралась въ Байрейтъ, какъ на дѣйствительное священнодѣйствіе. Теперь мы слышали, что наслѣдники Вагнера рѣшились нарушить его волю и отдаютъ *Парсиваля* оперному театру въ Вѣнѣ. Такое дѣйствіе съ ихъ стороны мы считаемъ болѣе, нежели рискованнымъ; для обыкновенной, вседневной публики органическіе недостатки *Парсиваля* должны выступить на первый планъ и совершенно заслонить собою его второстепенныя достоинства. По нашему искреннему мнѣнію, постановка въ Вѣнѣ этой мистеріи погубитъ не только ее, но пожалуй даже будетъ началомъ конца громаднаго авторитета Вагнера.

Н. Кашкинъ.

ПИСЬМА ОБЪ АНГЛИИ.

I.

Бѣдная, бѣдная королева Викторія! Нельзя не пожалѣть ея: всю жизнь окружена она была раболѣпною лестью, дорогою ея сердцу, съ малолѣтства избалована судьбой и людьми, высшими и низшими классами, или, какъ ихъ называютъ въ Англіи, „классами“ и „массами“, и вдругъ, на старости лѣтъ, ей приходится подчиняться деспотической волѣ этихъ „массъ“, какъ на зло, избравшихъ главой англійскаго правительства человѣка, всего болѣе ненавистнаго ея величеству. Именно этотъ избранникъ народа осмѣлился въ 1876 и 1877 годахъ отстаивать христіанъ на Востокѣ, отдавать справедливость безкорыстію и благородству Россіи, въ лицѣ ея храбрыхъ добровольцевъ и всего Русскаго народа, съ его Православнымъ Царемъ во главѣ. Именно онъ помѣшалъ Дизраели втянуть Великобританію въ союзъ съ магометанскою Турціей, въ открытую войну съ православною Россіей. Гладстонъ сдѣлалъ тогда еще болѣе: онъ поставилъ весь Восточный вопросъ въ Англіи такъ, что будь наша дипломатія прозорливѣе и смышленѣе, она бы поняла, что и подпольная война въ Берлинѣ была страшна только на словахъ, что осуществленіе угрозъ было бы внѣ власти тогдашняго премьера и его туркофильствующей коронованной покровительницы. Тогда всѣ наши жертвы пропали бы недаромъ.

Въ Англіи всѣ ожидали, что Россія пойметъ роль оппозиціи, ея силу и значеніе, и что злостная игра шарлатана-Еврея обрисуется въ постыдныхъ краскахъ на глазахъ всего міра.

Эта опасность его миновала чисто по нашей винѣ, но королева не можетъ до сихъ поръ ни забыть, ни простить Гладстону его филлославянской христіанской политики, его воззваній къ свѣтлымъ, къ великодушнымъ чертамъ Англійскаго народа.

Она готова обвинять его въ погрѣшностяхъ, самыхъ невѣроятныхъ.

— Въ отношеніи меня, сказала она однажды,—Гладстонъ не только забываетъ, что я королева, но даже не помнитъ, что я женщина!

По справедливости надо сказать, что даже злостные враги теперешняго премьера не могутъ повторять этихъ словъ безъ улыбки: врядъ ли гдѣ-нибудь найдется человѣкъ болѣе утонченной, болѣе рыцарской вѣжливости въ его обращеніи съ женщиной. Но, конечно, параллели между имъ и Дизраели быть не можетъ. Лесть послѣдняго доходила до грандіозныхъ, до ужасающихъ размѣровъ.

Одинъ англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ мнѣ какъ-то замѣтилъ: „Вѣрьте мнѣ: главная сила „Dizzy“ заключалась въ отсутствіи всякой нравственной удержи и въ невообразимой льстивости, съ кѣмъ бы онъ не имѣлъ дѣло. Разсказать вамъ, какъ и чѣмъ очаровалъ онъ нашу королеву? Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, она написала *Воспоминанія о жизни въ Шотландіи* и разослала ихъ всѣмъ намъ, членамъ парламента, что̀ насъ всѣхъ, по правдѣ сказать, немало смутило: вѣдь, волей-неволей, приходилось нетолько благодарить за любезность, но и высказывать свое мнѣніе...“ Читали вы эту книгу? вдругъ спросилъ меня мой собесѣдникъ.

— Нѣтъ, только перелистовала.

— Съ чѣмъ бы вы ее сравнили? добивался онъ, смотря на меня смѣющимися глазами.

— Да по правдѣ сказать, отвѣчала я,—съ Арно Беркеномъ или съ графиней Genlis.

Почти то же думали и мы; но вѣдь отъ насъ очевидно ожидались мадригаллы, куренія ѳиміама. Какъ быть? Мы смутились; одинъ „Dizzy“ не сробѣлъ. „Это твореніе, писалъ онъ,—можно сравнить только съ Шекспиромъ или съ Евангеліемъ.“ Я молчала. Онъ продолжалъ, какъ бы разговаривая самъ съ собой:—„Да, великую храбрость надо имѣть, чтобы поднести такое блюдо, и исключительное здоровье, чтобъ его осилить!“

Въ парламентѣ премьеръ Дизраели почти стенографировалъ всѣ пренія и пересылалъ ихъ немедля королевѣ. Гладстонъ,

занимая этотъ постъ, не соглашался на роль стенографа, всецѣло отдаваясь государственнымъ дѣламъ, что̀ тоже глубоко возмущало ея величество.

Королевой, какъ и всею страной, нетерпѣливо ожидался день, когда долженъ былъ рѣшиться вопросъ: „быть или не быть Гладстону въ четвертый разъ главой англійскаго правительства?“ Наконецъ, этотъ день насталъ.

Въ четвергъ, 11 августа, въ 4 часа, Камера Общинъ была не только вся въ сборѣ, но переполнена чрезъ мѣру; Камера Лордовъ почти вся перебралась на ея хоры: тутъ былъ лордъ Гартингтонъ, теперешній герцогъ Девонширскій, женившійся на дняхъ на 65-лѣтней герцогинѣ Манчестеръ, — и принцъ Тэкъ, отецъ принцессы „Мау“, бывшей невѣсты бѣднаго принца Георга, наслѣдника Англійскаго престола, герцогъ Вестминстерскій, и разные графы, и бароны. Весь цвѣтъ англійской аристократіи и политическаго міра стремился занять мѣста, задолго до открытія преній. Наконецъ они начались блестящею рѣчью парадоксальнаго, но талантливаго министра Бальфура, племянника лорда Сольсбюри. Всѣ слушаютъ оратора, молчаніе гробовое...

Но вдругъ все мгновенно мѣняется: поднялись восторженные крики, маханіе шляпами, платками: издали завидѣли подходящаго старца: походка не выдаетъ его 83 лѣтъ, взглядъ его живъ и глубокъ, тонкая улыбка на устахъ, бѣлая роза въ петлицѣ... это Гладстонъ, это несомнѣнно онъ, и также несомнѣнно, что побѣда на его сторонѣ... Шумъ все увеличивается, и на его одинъ поклонъ отвѣчаютъ сотни восторженныхъ почитателей... Бальфуръ, какъ Гётевская Шарлотта, непрерывавшая приготовленія своихъ буттербродовъ, несмотря на появленіе любимаго Вертера, продолжаетъ свою рѣчь и свои парадоксы, но, несмотря на громадное стеченіе публики, его голосъ превращается въ гласъ вопіющаго въ пустынѣ.

Вскорѣ узналось, что большинство 40 голосовъ рѣшило въ пользу либераловъ. Утѣшать себя мыслію, какъ это дѣлаютъ консерваторы, что это большинство незначительно,—тоже нельзя. Вотъ что̀ недавно писалъ самъ Гладстонъ: „Бывали побѣды и съ меньшею цифрой; можно было не только стараться работать, но дѣйствительно работать съ пользой для страны и при худшихъ нумерическихъ условіяхъ.“

Въ настоящую минуту судьба Англіи рѣшается въ парламентѣ 80 ирландскими голосами, то-есть 80 людьми явно враж-

дебно относящимися къ Англіи. Это, конечно, аномалія, но цѣль Гладстона въ томъ-то и состоитъ, чтобъ опасныхъ враговъ превратить въ искреннихъ друзей; въ этомъ главная задача, которую онъ хочетъ осуществить прежде всѣхъ остальныхъ.

Нечего надѣяться, что онъ выведетъ англійскія войска изъ Египта, что онъ уничтожитъ привилегіи Камеры Лордовъ,—какъ этого жаждутъ многіе радикалы, или что онъ заключитъ союзъ съ Франціей, Германіей или съ Россіей: все это не въ его власти. Это онъ видитъ ясно.

Слабая сторона Гладстона заключается именно въ томъ, что онъ все еще вѣритъ въ живучесть конституціонныхъ теорій и подчиняется всегда большинству, когда не въ силахъ сломить его, какъ это ему удалось въ незабвенные 1876 и 1877 годы. Слѣпое большинство иногда прозрѣваетъ истину, но только иногда, въ видѣ исключенія. Самъ Гладстонъ въ 1884 году снарядилъ въ 24 часа Гордона въ Картумъ, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія. Эта же незаконная сила лишила его возможности отправить въ Африку подкрѣпленія, необходимыя для спасенія героя Гордона отъ мученической смерти. Мы, Русскіе, тоже не должны забывать, что справедливый и честный Гладстонъ былъ вынужденъ тѣмъ же общественнымъ мнѣніемъ чуть не поссориться съ Россіей изъ-за Пендже.

Какъ ни парадоксально это покажется, но въ рукахъ главы оппозиціи иногда больше власти, чѣмъ у премьера. Первый сосредоточиваетъ все свое вліяніе на одномъ частномъ вопросѣ, какъ бы забывая всѣ остальные; онъ не только не боится подорвать незыблимый авторитетъ правительства, но желаніе скомпрометтировать власть служитъ даже подкладкой почти всѣхъ затрогиваемыхъ имъ вопросовъ. Тогда какъ второй вынужденъ своимъ положеніемъ не только подчиняться большинству народныхъ массъ, но и членамъ своего министерства; а тайныя нити политики какъ внѣшней, такъ и внутренней, — извѣстны правительству, но не извѣстны народнымъ массамъ. Какъ могутъ взгляды двухъ лагерей сходиться при такихъ неровныхъ условіяхъ?

Никогда не забуду я St. James'скаго митинга въ пользу Россіи и ея святаго призванія—защиты христіанства на Востокѣ. На него собралось около четырехъ тысячъ приверженцевъ Гладстона. Всѣ проникнуты были твердымъ намѣреніемъ парализовать Дизраелевское туркофильское правительство; всѣ воодушевлены были сочувствіемъ къ Россіи и ея призванію.

Одинъ ораторъ хотѣлъ указать на свое безпристрастіе и началъ рѣчь словами: „Я не люблю Русскихъ, но"... но тутъ поднялось такое дружное шиканье со всѣхъ сторонъ, что бѣдному оратору пришлось безо всякихъ ограниченій перейти къ заявленіямъ симпатій. Этотъ митингъ представлялъ зрѣлище небывалое, удивительное, которому врядъ ли когда-нибудь придется повториться.

По окончаніи его Гладстонъ, увидавъ меня на лѣстницѣ, при выходѣ, предложилъ проводить меня пѣшкомъ домой, въ Claridgés Hôtel, гдѣ я жила, недалеко отъ St. James'Hall. Вечеръ былъ теплый и свѣтлый.

Я, какъ Русская, обрадовалась случаю поблагодарить его за счастливыя минутыя проведенныя на устроенномъ имъ собраніи.

А понимаете ли вы все значеніе нашего протеста? серьезнымъ голосомъ спросилъ онъ меня.—Вѣдь это ни болѣе, ни менѣе, какъ революція!

— Да, прервала я, „но въ этомъ и роль оппозиціи: вы живете не любовью, не миромъ, не гармоніей, а борьбой". Онъ разсмѣялся.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ настоящую минуту торіи воспользуются каждымъ столкновеніемъ между нами и Афганцами, или Китаемъ, чтобы снова потребовать отъ него „защиты британскихъ интересовъ". (Это ихъ любимая фраза, рѣдко употребляемая кстати.) Вамбери началъ уже подтасовывать аргументы съ цѣлью создать политическій миражъ, который бы поссорилъ Россію съ Англіей.—Вамбери, венгерскій Еврей-проходимецъ, описывавшій мѣста, гдѣ, по увѣренію его знакомыхъ, онъ никогда не былъ; но для политической борьбы, въ конституціонныхъ странахъ на средства неразборчивы, къ истинѣ не пристрастны: жертвуется всѣмъ для усиленія партій!

Недавно одинъ изъ торійскихъ министровъ, описывая несчастія, которыя неминуемо вызоветъ либеральное министерство, объявилъ, при громкихъ рукоплесканіяхъ своихъ приверженцевъ, что Гладстонъ намѣревается уничтожить Тройственный Союзъ.

— Я до него никогда не касался, воскликнулъ удивленный Гладстонъ поспѣшно.

— Ну, такъ это мнѣ такъ показалось, отвѣчалъ обвинитель, вовсе не конфузясь.

Вотъ еще примѣръ:

Газета *Standard*, полуоффиціальный органъ бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ, лорда Сольсбюри, не стѣсняется писать слѣдующее: „Какъ скоро навѣрное узнали въ Петербургѣ, что господинъ Гладстонъ побѣдитъ на всеобщихъ выборахъ, и что, слѣдовательно, надо надѣяться на мирное соглашеніе между Россіей и Англіей относительно Памирскаго вопроса, губернаторъ Ферганской области получилъ инструкціи отъ своего правительства: взять съ собою два орудія, нѣсколько эскадроновъ казаковъ и занять Памиръ."—Это писалось 8 августа; наше же столкновеніе въ Памирѣ было ровно за три недѣли до новыхъ выборовъ въ Англіи. Къ сожалѣнію, мы ничѣмъ не заявили пока такого предугадыванія, и враги наши это хорошо знаютъ; но скоро, вѣроятно, появится цѣлая серія небылицъ, которыя все-таки пугаютъ воображеніе невѣжественныхъ массъ, поднимающихъ свой голосъ все громче и громче въ вопросахъ имъ чуждыхъ. Конституціонная монархія, лишенная духовной связи съ народомъ, равнодушно и лѣниво выпускаетъ власть изъ своихъ рукъ, налагая на народъ непосильныя обязанности и превращаясь сама въ хрупкую декорацію.

Къ счастію Англіи, въ ней находятся еще вѣрующіе энтузіасты, какъ Гладстонъ, готовые пожертвовать собою, лишь бы удачнѣе направить этотъ потокъ народныхъ силъ на стезю долга и добра, достойныхъ христіанской страны, но много ли такихъ, долго ли устоитъ онъ? Шапка его, можетъ-быть, потяжелѣе Мономаховой.

„Бороться добросовѣстно, преслѣдуя высокія цѣли—не легко. Я веду собачью жизнь", замѣтилъ Гладстонъ не такъ давно.—Пожалуй, что такъ, отвѣчали ему,—но жизнь Санъ-Бернардской собаки, спасая заблудшихся, то-есть погибающихъ..."

О. К. (Ольга Новикова.)

25 августа.

КРИТИКА И БИБЛIОГРАФIЯ.

П. Знаменскій. *Исторія Казанской Духовной Академіи,* т. I — II. Казань 1892.

Осенью нынѣшняго года Казанская Духовная Академія собирается праздновать пятидесятилѣтній юбилей со дня основанія, и по этому случаю проф. Знаменскимъ составлена исторія Академіи за первый періодъ ея существованія (1842—1870 гг.).

„Авторъ предлагаемаго труда, говоритъ онъ въ предисловіи, первоначально думая выполнить его съ помощью извѣстныхъ шаблоновъ, какіе обыкновенно употребляются для подобнаго рода юбилейныхъ исторій, но занявшись изученіемъ своихъ матеріаловъ, нашелъ въ нихъ столько интереснаго и важнаго, достойнаго болѣе серьезной исторической работы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самую работу призналъ уже возможною въ настоящее время, что очень скоро совершенно отказался отъ своего первоначальнаго намѣренія. Авторъ осмѣливается думать, что предпринятая имъ попытка исторически осмыслить дореформенную жизнь Казанской Академіи будетъ не совсѣмъ излишня, даже и въ томъ слабомъ видѣ, въ какомъ ему вздумалось осуществить эту попытку, и во всякомъ случаѣ будетъ болѣе полезна, чѣмъ шаблонная юбилейная исторія, говорящая только о томъ, кто изъ членовъ Академіи и съ какого, и до какого числа, мѣсяца и года состоялъ при ней на службѣ.“

Проф. Знаменскій воспользовался не только оффиціальными документами, какъ это обыкновенно дѣлается, но и воспоминаніями и перепиской бывшихъ студентовъ Академіи, большею частью не напечатанными. Мы получили такимъ образомъ прекрасно

написанную книгу, любопытнѣйшую страницу нашего недавняго прошлаго; интересъ книги увеличивается оттого, что авторъ, воспитанникъ Казанской Академіи, былъ очевидцемъ описанныхъ имъ событій, начиная съ 1856 г., и оттого, что онъ заноситъ въ свою исторію не одни только юбилейные факты, но касается и темныхъ сторонъ академической жизни.

Въ первомъ томѣ предъ нами проходитъ цѣлый рядъ очень типичныхъ ректоровъ и инспекторовъ, мастерски очерченныхъ авторомъ. Вотъ, напримѣръ, портретъ арх. Агаѳангела, ректора—аристократа.

„Наружность его, разсказываетъ проф. Знаменскій,—была довольно представительна; это былъ невысокаго роста, черноватый и сухой на видъ, монахъ съ аскетическою наружностью, геморроидальнымъ цвѣтомъ лица, величавыми манерами и не допускающею возраженія рѣчью, всегда въ возвышенномъ тонѣ и, по московской монашеской привычкѣ, нѣсколько въ носъ; онъ держался всегда серьезно и нѣсколько даже натянуто, какъ человѣкъ, привыкшій начальствовать и вмѣстѣ рисоваться своимъ величіемъ. Привычка рисоваться была главнымъ источникомъ всѣхъ его странностей, которыя дѣлали его жертвой разныхъ насмѣшекъ даже въ нашей литературѣ. Онъ любилъ окружать себя всяческою помпой, какая была въ его средствахъ, любилъ парадныя богослуженія въ академической церкви, и пѣвчіе не могли сдѣлать ему бо̀льшаго удовольствія, какъ разучивъ къ его службѣ что-нибудь новенькое и торжественное; одѣвался щеголевато, постоянно носилъ въ рукѣ золотой лорнетъ, въ который и разсматривалъ студентовъ, когда съ ними разговаривалъ; когда онъ шелъ въ классъ на лекцію, впереди его шли два служителя,—одинъ несъ книги, другой отворялъ предъ нимъ обѣ половинки дверей; въ сопровожденіи служителя и еще эконома онъ обходилъ иногда и академическія помѣщенія. Въ связи съ нѣкоторою слабостью къ величію была у него другая слабость считать себя знатокомъ общественныхъ приличій и казаться аристократомъ. Онъ усердно заискивалъ знакомствъ среди казанскаго бомонда, аккуратно дѣлалъ визиты и вечернія посѣщенія къ болѣе виднымъ людямъ свѣтскаго круга и несмотря на то, что былъ скученъ и тяжелъ въ обществѣ, былъ принимаемъ во многихъ дворянскихъ домахъ, часто принималъ гостей и у себя.

„Духовенства ректоръ Агаѳангелъ не уважалъ, а низшее духовенство даже презиралъ за его низменные пороки. „Дьячки,

„семинаристы“ были самыми бранными словами, какія только онъ употреблялъ въ раздраженіи на провинности студентовъ. Особеннымъ расположеніемъ пользовались студенты чистенькіе, хорошо одѣтые и какъ слѣдуетъ причесанные, благовоспитанные во внѣшнемъ поведеніи, преимущественно дѣти городскихъ протоіереевъ. Когда вновь пріѣзжіе студенты являлись къ нему, первымъ вопросомъ его было, чьи они дѣти; если студентъ отвѣчалъ, что онъ сынъ такого-то протоіерея, ректоръ принималъ его благосклонно и удостоивалъ нѣсколькихъ словъ, а когда тотъ докладывалъ, что онъ сынъ деревенскаго пономаря или причетника, ректоръ издавалъ недовольный звукъ и сейчасъ-же отвертывался въ знакъ того, что аудіенція кончена, особенно если явившійся студентъ отличался еще нѣкоторою лохматостью и неотесанностью. Замѣтивъ студента въ шалости, разсказывается въ воспоминаніяхъ о Казанской Академіи 1852—1856 гг., сопровождавшейся крикомъ и шумомъ, онъ обыкновенно спрашивалъ его: „чей вы сынъ?“ и если студентъ отвѣчалъ: „дьячка“, ректоръ говорилъ ему: „ну и видно, что сынъ дьячка, и самъ ведетъ себя по-дьячковски“. Но однажды ему попался бѣгущимъ по корридорру сынъ каѳедральнаго протоіерея:—„сынъ каѳедральнаго протоірея“, съ удивленіемъ развелъ руками ректоръ,—а бѣгаете какъ дьячекъ! Удивляюсь!“

„Чистенькіе студенты много выигрывали у него по окончаніи курса. Это была его странность, но она имѣла и полезную сторону. Въ ректорство Агаѳангела студенчество значительно поднялось не только по высшему своему образованію, но и по внутреннему развитію благородныхъ и эстетическихъ инстинктовъ, устранявшихъ изъ его жизни разныя грязныя наклонности стараго грубаго бурсачества. Наклонности эти ректоръ преслѣдовалъ безо всякой пощады; напримѣръ, пьяныхъ студентовъ немедленно исключалъ изъ Академіи. Онъ одѣлъ студентовъ въ болѣе приличные сюртуки, поощрялъ ихъ знакомства съ порядочными людьми, самъ рекомендовалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ дворянскіе дома въ качествѣ домашнихъ учителей, чего прежде никогда не бывало, и нерѣдко принимался учить ихъ хорошимъ манерамъ, умѣнью говорить съ приличною дикціей, и даже французскому произношенію. Наставленія его по этой части иногда были забавны: французскій языкъ онъ и самъ плохо зналъ и коверкалъ произношеніе французскихъ словъ на костромской ладъ; но важно было то направленіе, какое этимъ наставленіемъ давалось внѣшнему поведенію студентовъ. Въ студенческихъ

комнатахъ началось усердное упражненіе въ танцахъ, хотя уже и помимо ректора; завелись — это даже съ прямаго его разрѣшенія—музыкальные инструменты."

По иниціативѣ Агаѳангела сталъ издаваться при Казанской Академіи журналъ *Православный Собесѣдникъ*. Ректоръ очень много занимался журналомъ, самъ читая корректуры и заказывая статьи преподавателямъ. Радѣніе ректора о достоинствѣ литературныхъ произведеній академическихъ писателей, при недалекой его образованности, было не легко для авторовъ. Еще съ молоду напуганный строгостію, съ какою разбирались тогда разныя литературныя произведенія въ Московской Академіи, онъ и въ Казанскую Академію привезъ съ собой самую скрупулёзную, даже до крайности утрированную цензурную взыскательность относительно сохраненія въ литературныхъ работахъ извѣстнаго этикета, которая иногда совсѣмъ уродовала послѣднія. По мнѣнію ректора, нельзя было написать: протестантская церковь, раскольническій попъ, старообрядецъ; надо было говорить: протестантское сонмище или сборище, лже-попъ, глаголемый старообрядецъ.

Во время ректорства Агаѳангела инспекторомъ былъ одно время архимандритъ Ѳеодоръ, личность тоже очень интересная. Это былъ, по словамъ профессора Знаменскаго, маленькаго роста, очень худой, изможденный, почти безкровный монахъ, съ крупно развитымъ черепомъ, постоянно улыбающимся, милымъ лицомъ и какимъ-то мечтательнымъ взглядомъ большихъ ясныхъ глазъ. Онъ весь жилъ возвышенною, все обнимающею идеей Единороднаго Сына Божія, который есть жизнь всего міра, Агнца, принявшаго въ существо своего Я все человѣческое и все освятившаго и искупившаго кровью Своего закланія. Каждый человѣкъ и все человѣчество, по его убѣжденію, собственность Христа, каждое дѣйствіе наше должно совершаться во Христѣ и по образу Христа, какъ бы оно ни было маловажно, совершаться, какъ дѣло Божіе, богослуженіе, участіе въ единой искупительной тайнѣ Единороднаго, закланнаго Агнца; дѣло дурное или только совершенное не по Христѣ, это отдѣленіе отъ Него, единаго Источника жизни, омертвѣніе. Онъ говорилъ всегда съ величайшимъ одушевленіемъ, горячо, нервно, съ неровными интонаціями голоса, доходившаго то до шепота, то до выкрикиванія, и поминутно срывавшагося отъ слабости дыхательныхъ органовъ, причемъ то останавливался отъ недостатка словъ для выраженія своей высокой

трогательной идеи, или какъ бы въ услажденіи ея созерцаніемъ, слегка похлопывая кистями рукъ одной о другую, то вдругъ начиная быстро, быстро выбрасывать и развивать одну мысль за другою въ порывистыхъ выраженіяхъ, хватая собесѣдника за руку выше локтя или держась за пуговицу на его груди и нервно теребя ее, какъ будто въ гнѣвѣ или въ сильномъ испугѣ. Сильная научная діалектика постоянно перемѣшивалась у него въ самыми простодушными завѣреніями лично убѣжденнаго человѣка: „ужь вы повѣрьте, батенька мой, что Онъ есть любовь! Ужь, батенька мой, это такъ; ужь не сомнѣвайтесь, батенька мой, Онъ потому и троиченъ, что есть любовь“... и трудно сказать, что̀ болѣе дѣйствовало на слушателя, его научная діалектика или эти искренния, простодушныя завѣренія. Во время своихъ разговоровъ, наставленій, лекцій, онъ совершенно забывалъ и время, и свои силы и говорилъ до изнеможенія, стараясь влить въ душу собесѣдника всю свою мысль и всю свою любовь къ Единородному. А встрѣтивъ возраженіе, или просто замѣтивъ разсѣянный взглядъ студента, показывающіе, что тотъ не вникъ въ его мысль, онъ призывалъ такого студента къ себѣ и цѣлые часы, ходя съ нимъ по своей комнатѣ подъ руку, теребя его изо всѣхъ силъ, все внушалъ и внушалъ ему, съ любовью и душевнымъ страданіемъ, пока не встрѣчалъ въ немъ, наконецъ, дѣйствительнаго или наружнаго согласія съ собой. Таковъ онъ былъ и въ аудиторіи, и у себя дома, и въ гостяхъ, и у разныхъ городскихъ его почитателей.

Съ самаго своего пріѣзда онъ сталъ въ совершенно отрицательное отношеніе къ господствовавшему въ Академіи строю жизни, и, какъ душа вполнѣ откровенная и чистая ото всякихъ заднихъ мыслей, началъ высказываться прямо, рѣзко и даже раздраженно; ему не нравились въ этомъ строю формализмъ, видимость исполненія буквы устава, фарисейство, какъ онъ называлъ это. Постоянно занятый своими идеями, онъ приложилъ къ строю тогдашней академической жизни свой научный и глубоко выработанный взглядъ на ветхій завѣтъ въ сравненіи съ новымъ завѣтомъ. Вся дисциплинарная система прежней инспекціи представлялась ему въ чертахъ подзаконнаго пѣстунства, уже исходнаго и даже грѣховнаго въ новой благодати, основаннаго на одномъ внѣшнемъ мертвенномъ законѣ безъ духа, на ветхозавѣтномъ страхѣ безъ любви и свободы чадъ Божіихъ. Нервный и впечатлительный человѣкъ, онъ не таилъ этихъ

мыслей и предъ студентами. Поэтому они сильно надѣялись на ослабленіе при его инспекторствѣ всѣхъ господствовавшихъ доселѣ строгостей и, дѣйствительно, не обманулись въ этой надеждѣ. По самой натурѣ своей, а тѣмъ болѣе по своимъ понятіямъ, онъ положительно не могъ поставить себя начальственнымъ образомъ, какъ было принято до него у всѣхъ другихъ инспекторовъ. Смотря на свое служеніе, какъ на богослуженіе, сообразуясь по своей религіозной системѣ Единородному, онъ самъ принималъ на себя, такъ-сказать, зракъ студента, старался жить студенческою жизнью, какъ членъ одного со студентами тѣла, одной маленькой церкви, смотрѣлъ на все студенческое, какъ на свое и Христово, самыя вины студентовъ считая своими, и страдалъ за нихъ, какъ за свои, какъ за проявленіе своей собственной мертвенности, вслѣдствіе удаленія отъ Единороднаго. Со всѣми студентами онъ обращался съ одинаковою лаской и любовью, съ тѣми, за кѣмъ что-нибудь замѣчалъ, даже еще лучше, чѣмъ съ благонравными.

Совсѣмъ другой типъ представляетъ ректоръ Іоаннъ (1857—1862 г), про котораго студенты сложили стихотвореніе, начинавшееся словами: „Ходитъ ректоръ, ходитъ грозный, палкой стучитъ, видъ угрюмый, видъ серьезный, страшенъ, хоть молчитъ." „Онъ пріѣхалъ на страстной недѣлѣ, разсказываетъ проф. Знаменскій.—Наружность его всѣмъ показалась грозною и внушительною. Онъ былъ очень небольшаго роста, но съ помощью большихъ внутреннихъ и внѣшнихъ каблуковъ на обуви казался значительно выше, а своею манерой держаться гордо, презрительно и крайне серьезно—придавалъ себѣ даже нѣкоторое величіе. Лицо его было некрасиво, неправильно, съ глубокими складками на щекахъ и нѣсколько искривленными губами, что̀ еще болѣе сообщало презрительности его постоянной минѣ; но высокій, хорошо развитый лобъ, сильный, часто уничтожающій и всегда проницательный взглядъ большихъ глазъ, замѣчательно мѣнявшихъ свой цвѣтъ, казавшихся то совершенно безцвѣтными и мертвенными, то совсѣмъ темными, и умное выраженіе—придавали этому лицу невольно обращающую на себя вниманіе оригинальность, даже своего рода красоту. Обычная поза его была горделивая, движенія нетерпѣливы и порывисты; голосъ не громкій, но ясный, твердый и повелительный; рѣчь докторальная, довольно медленная и внушительная, безъ запинанія, поправокъ и присловія, и на одной почти нотѣ, разнообразящаяся только

силой и подчеркиваніемъ словъ. Въ разговорѣ онъ становился къ собесѣднику бокомъ, поднявъ голову и опустивъ глаза внизъ, только изрѣдка бросая на него боковые пытливые взгляды и озадачивая быстрыми, отрывистыми вопросами и замѣчаніями. Такъ онъ держался со всѣми,—и съ студентами, и съ преподавателями, которыхъ принималъ обыкновенно стоя бокомъ въ дверяхъ между своею гостиной и залой, и съ самимъ даже преосвященнымъ, когда не было особенной надобности быть съ нимъ любезнымъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ хотѣлъ быть любезнымъ, лицо его прояснялось, рѣчь дѣлалась увлекательная, блестѣла анекдотами и остротами, большею частью, впрочемъ тоже въ презрительномъ родѣ; въ это время онъ до того былъ уменъ, свѣтски приличенъ и даже красивъ собой, что имъ можно было очароваться. Таковъ онъ былъ при пріемахъ разныхъ вліятельныхъ посѣтителей Академіи и съ немногими своими знакомыми. При первомъ своемъ поступленіи въ Академію онъ, видимо, старался прежде всего задать страху. Въ столовой, въ студенческихъ помѣщеніяхъ, въ церкви всѣмъ остался недоволенъ; все казалось ему мизернымъ, грязнымъ, бѣднымъ. Первая встрѣча его со студентами была суровая, грозная: „Вы кто такой?“ спросилъ онъ одного студента, подойдя къ первому столу. — Студентъ Академіи N. — „Развѣ такіе бываютъ студенты Академіи? Чтобы завтра всѣ были острижены, да глаже.“

Ректоръ Іоаннъ былъ настоящимъ деспотомъ. Въ дѣлахъ Академіи онъ распоряжался всѣмъ единовластно. Чрезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ онъ сильно нашумѣлъ, когда инспекторы распорядились служить всенощную подъ среду св. Пасхи, и грозно объявилъ, чтобы безъ него никто не смѣлъ пальцемъ пошевельнуть въ Академіи. Онъ, было, распорядился сначала запереть самую церковь, но всенощная уже началась. Правленіе при немъ вовсе не собиралось. Онъ самъ собственноручно писалъ правленскія рѣшенія обыкновенно карандашомъ на клочкѣ сѣрой бумаги, и отдавалъ ихъ секретарю, или отсылалъ со служителемъ въ канцелярію съ надписью: изготовить немедленно, журналъ нынче же или завтра; потомъ журналъ отсылался для подписи членамъ правленія, иногда даже не всѣмъ, а одному инспектору. При немъ конференція не собиралась даже для удостоенія кончившихъ курсъ студентовъ учеными степенями. Студенты первыхъ двухъ курсовъ при ректорѣ Іоаннѣ были удостоены степеней въ величайшемъ секретѣ, въ кабинетѣ ректора въ

присутствіи одного секретаря, который самъ собственноручно писалъ и бѣловые списки студентовъ, чтобъ о нихъ не узнали письмоводители; потомъ эти списки подъ величайшимъ секретомъ разсылались по нѣкоторымъ членамъ конференціи для подписей.

Лѣтомъ 1858 г. ректоръ, пользуясь отсутствіемъ профессоровъ, не спросивъ ихъ согласія, перевелъ ихъ съ одной каѳедры на другую. Напр. профессоръ философіи Соколовъ былъ переведенъ на каѳедру церковной исторіи, извѣстный знатокъ восточныхъ языковъ Ильминскій, преподававшій исламъ и руководившій противомухамеданскимъ отдѣленіемъ, долженъ былъ преподавать математику. Это взорвало преподавателей, и они подали коллективную жалобу оберъ-прокурору Синода, въ которой писали: „Истощивъ всякое человѣческое терпѣніе, мы, наконецъ, вынуждены прибѣгнуть подъ защиту и покровительство вашего сіятельства и доложить вамъ, что мы не можемъ болѣе служить вмѣстѣ съ о. ректоромъ. Совершенный произволъ о. Іоанна въ управленіи дѣлами Академіи, выражающійся въ перемѣщеніи наставниковъ съ одной каѳедры на другую, безъ вѣдома и желанія перемѣщаемыхъ, а также безъ дѣйствительной нужды и безъ разумной цѣли, въ оставленіи нѣсколькихъ каѳедръ праздными на продолжительное время и порученія занятія по предметамъ праздныхъ каѳедръ большею частью безъ вознагражденія, что̀ при ограниченности средствъ нашего содержанія очень обидно, въ непредставленіи къ повышенію наставниковъ по должности, полное пренебреженіе къ голосу наставниковъ, гдѣ бы онъ ни выразился, въ составленіи ли списковъ на экзаменахъ, или въ разныхъ законныхъ представленіяхъ, наконецъ, обращеніе съ нами рѣзкое, грубое, презрительное, доходящее до оскорбительныхъ ругательствъ на словахъ и на бумагѣ, все это вынудило насъ просить ваше сіятельство употребить свое ходатайство предъ Св. Синодомъ о назначеніи въ Казанскую Академію новаго ректора на мѣсто о. Іоанна, такого, который имѣлъ бы въ виду не свои только интересы и преслѣдовалъ не свои только цѣли, но главнымъ образомъ благо служащихъ въ оной и воспитывающихся.“

Второй томъ Исторіи проф. Знаменскаго посвященъ состоянію учебной части въ Академіи: общему составу академическаго курса, частному обозрѣнію академическихъ каѳедръ и личному

составу преподавателей, матеріальнымъ средствамъ и быту наставниковъ Академіи.

Матеріальное положеніе преподавателей Академіи было крайне незавидное. По уставу 1842 г. ординарные профессора получали всего 715 рублей, экстраординарные профессора и баккалавры 358 рублей. При этомъ имъ полагались казенныя квартиры, но очень маленькія, достаточныя для холостыхъ, семейнымъ же людямъ приходилось нанимать квартиры на свой счетъ. Изъ одной просьбы, поданной преподавателями видно, что они жили впроголодь, довольствуясь почти нищенскою обстановкой. Они считали достаточнымъ имѣть три пары бѣлья, четыре бумажные носовые платка, мочальный тюфякъ и три простыни; на освѣщеніе полагались сальныя свѣчи, по одной въ сутки, на столъ нельзя было тратить больше 8 рублей въ мѣсяцъ. Покупка книгъ, необходимыхъ каждому ученому, не входила въ ихъ скромный бюджетъ. Помянутая просьба заканчивалась картиной непривлекательной жизни наставниковъ Академіи, удѣломъ которыхъ, по ихъ словамъ, была жалкая бѣдность, нищее одиночество и мрачная изолированность отъ общества. „Наше жалованье, писали они,—явно и сильно несоразмѣрно съ мѣрой тѣхъ потребностей человѣческой природы, голосъ которыхъ мы слышимъ въ себѣ, какъ образованные члены общества, понимающіе, какіе элементы должны входить въ составъ возможно благополучной и благоустроенной жизни труженика-гражданина. Преподаватели, говоритъ проф. Знаменскій,—вели жизнь бѣдныхъ ученыхъ тружениковъ, вполнѣ преданныхъ своему высокому дѣлу, жизнь монотонную, бѣдную внѣшними фактами, одинаковую у каждаго, какъ двѣ капли воды. Ходить другъ къ другу вечеркомъ, особенно накапунѣ лекціи, занятія которою считались священными и неприкосновенными, было не принято. Только ближайшіе сосѣди заходили иногда другъ къ другу на нѣсколько минутъ провести вмѣстѣ короткіе антракты между занятіями, пока курилась папироса, и то освѣдомившись, не мѣшаютъ ли другъ другу. Особыхъ нарочитыхъ собраній между наставниками было мало; если такія собранія по временамъ составлялись, то случайно и безъ предварительныхъ приготовленій. Чаще они бывали по случаю пріѣзда къ кому-нибудь городскихъ гостей (Академія помѣщалась за городомъ), въ свободное время предъ праздниками и почему-то въ день академической бани. Угощеній особенныхъ не полагалось; у кого что̀ было въ хатѣ, тотъ тѣмъ и угощалъ.

Какая-нибудь бутылка дешеваго рома къ чаю или хереса распивалась съ такимъ шумомъ и весельемъ, какого не найти теперь на самомъ богатомъ званомъ вечерѣ. Такъ праздновались даже и особенные праздники, въ родѣ напримѣръ именинъ. Къ шестидесятымъ годамъ, когда жизнь значительно вздорожала, матеріальное положеніе наставниковъ сдѣлалось положительно невыносимымъ. Для увеличенія своего содержанія имъ приходилось прибѣгать къ разнымъ постороннимъ средствамъ, помимо своей прямой службы. Нѣкоторыя средства воспособленія своей бѣдности они могли находить въ самой Академіи; такими средствами были разныя постороннія академическія должности, вознагражденіе за преподаваніе по вакантнымъ каѳедрамъ и за труды литературные. Постороннія должности инспекторовъ, секретарей, библіотекарей и эконома всѣ были довольно трудныя, по множеству работъ, и вознаграждались самыми нищенскими окладами; но нужды наставниковъ такъ были велики, что ни одна изъ этихъ должностей никогда не оставалась долго вакантною; даже болѣе другихъ хлопотливая и болѣе другихъ несовмѣстимая съ наставническими обязанностями, можно сказать даже не приличная для наставника Академіи, должность эконома— и та находила себѣ ученыхъ кандидатовъ."

Профессорскіе оклады были повышены только въ 1864 году, и то очень незначительно; ординарные профессора стали получать по 858 р., вмѣсто 715 р., экстраординарные профессора 429 р., вмѣсто 355 р. На слѣдующій годъ содержаніе было увеличено: ординарнымъ профессорамъ положено было 1.200 руб. экстраординарнымъ 900 р., баккалаврамъ 700 р.

Среди преподавателей, о которыхъ подробно говоритъ проф. Знаменскій, встрѣчается не мало куріозныхъ личностей. Таковымъ былъ, напримѣръ, профессоръ философіи Соколовъ. Онъ сталъ извѣстенъ въ Казани своимъ громаднымъ ростомъ, по которому его нельзя было не замѣтить среди другихъ обывателей, который служилъ въ Академіи неистощимымъ предметомъ для разныхъ шутокъ и болѣе или менѣе остроумныхъ разсказовъ, напримѣръ о томъ, какъ уличный мальчишка, столкнувшись на улицѣ, вдругъ шарахнулся въ сторону, потомъ опомнившись, объяснилъ ему: „а я думалъ, дядинька, ты верхомъ." Держался онъ всегда неподвижно и важно, въ разговорахъ съ низшими любилъ начальственно переспрашивать: „Что? Какъ? Почему?" Говорилъ густымъ басомъ, такъ читалъ и лекціи. Студенты съ перваго же

курса стали его передразнивать, какъ онъ всходилъ на каѳедру, харкалъ, откашливался, нѣсколько разъ принимался складывать въ басовыя складки свои губы, наконецъ издавалъ первыя густыя ноты, и потомъ съ плавными и однообразными волнами повышенія и пониженія голоса читалъ самую лекцію. На лекцію онъ являлся неопустительно въ теченіе всей своей службы при Академіи, и высиживая на каѳедрѣ аккуратно все положенное время, неустанно громя аудиторію своею могучею декламаціей. Аккуратность и методичность были, можно сказать, господствующими чертами его характера и жизни, которую онъ старался всю цѣликомъ превратить въ правильный и неуклонный ходъ машины. По звонкамъ, которыми онъ звалъ къ себѣ прислугу подавать умываться, одѣваться, ставить самоваръ, подавать кушанье и т. д., сосѣдямъ по казеннымъ квартирамъ можно было повѣрять часы. Лекцій своихъ онъ никогда не смѣнялъ и читалъ изъ году въ годъ то же самое. Вновь пріѣзжавшіе студенты еще до открытія лекцій узнавали отъ своихъ предшественниковъ, что первая лекція профессора начнется словами: „Человѣкъ естественно стремится къ вѣдѣнію. Вблизи неизвѣстныхъ ему предметовъ онъ чувствуетъ себя какъ-то неловко.“ Руководясь преданіемъ предшественниковъ, студенты въ теченіе всего курса напередъ знали, когда какія остроты или эффекты употребляетъ ихъ философъ, знали, напримѣръ, что въ такой-то лекціи по психологіи, случайно упоминая о блудномъ XVIII вѣкѣ, онъ остроумно назоветъ его вѣкомъ „слу́чая, или, лучше сказать, случа́я“; что дойдя въ умозрительной психологіи до трактата о смерти, взойдя на каѳедру, онъ начнетъ низкими паннихидными нотами: „Плачу и рыдаю, егда помышляю о смерти“, а въ началѣ первой лекціи о безсмертіи души, крякнувъ и плюнувъ, возгласитъ: „Кто отвалитъ намъ камень отъ дверей гроба?“

Другимъ оригиналомъ былъ профессоръ церковной исторіи Беневоленскій. Это былъ, по словамъ г. Знаменскаго, высокій, худощавый и жилистый человѣкъ, съ рыжеватыми волосами, свѣжимъ пожилымъ лицомъ, однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыя, принявъ сорокалѣтній складъ, затѣмъ застываютъ въ одномъ положеніи, не принимая больше ни одной старческой складки и ни одного новаго старческаго оттѣнка въ колерѣ; имѣя манеры стараго мелкаго чиновника, какого-нибудь повытчика духовнаго правленія въ уѣздномъ городѣ, говорилъ ясно, отчеканивая каждое слово такъ, какъ оно напечатано. Въ аудиторію и лѣтомъ, и

зимой онъ являлся въ одномъ и томъ же коротенькомъ и безъ воротника пальто табачнаго цвѣта, изъ котораго онъ какъ будто давно уже выросъ. Разсказывали, что его супруга подарила ему однажды енотовую шубу, чтобы въ морозы онъ уже не безпокоился завязывать себѣ уши грязнымъ бѣлымъ платкомъ, и въ первый же свой выходъ въ этой шубѣ онъ какъ разъ отморозилъ себѣ уши. Жизнь онъ велъ чрезвычайно аккуратную и воздержную, дозволяя себѣ единственное излишество въ потребленіи чая, котораго выпивалъ чашекъ по семнадцати заразъ, вплоть до опустошенія самовара, и быстро одну за другой, для чего и наливалъ ихъ партіями вмѣстѣ, чтобы дать имъ достаточно остынуть. Для предохраненія себя отъ простудъ, онъ всегда держалъ себя впрохолодь, одѣваясь какъ можно легче, и ежедневно дѣлалъ огромные моціоны, при томъ самымъ быстрымъ аллюромъ. Одною изъ обычныхъ прогулокъ его для моціона была утренняя прогулка до деревни Самосыровой, въ восьми верстахъ отъ Казани, гдѣ онъ пилъ молоко, а къ чаю возвращался домой. Лѣтомъ онъ ходилъ туда босикомъ, оставивъ сапоги при выходѣ изъ города въ какомъ-нибудь укромномъ закоулкѣ кирпичныхъ сараевъ. Въ Академіи было много смѣху, когда однажды эти сапоги кто-то у него стащилъ, и по возвращеніи онъ очутился въ большомъ затрудненіи, какъ безъ нихъ пробраться домой на квартиру.

Не меньшимъ чудакомъ былъ профессоръ математическихъ наукъ Гусевъ, о которомъ г. Знаменскій разсказываетъ слѣдующее: „Математика была даже нѣсколько неудобна для его ораторской манеры преподаванія и для его постоянныхъ поползновеній къ разсужденіямъ о разныхъ общихъ вопросахъ. Но онъ не упускалъ случаевъ всегда какъ можно краснорѣчивѣе выставлять ея высокія достоинства предъ всѣми другими науками, превозносилъ ея строгій по преимуществу научный методъ, высокое изящество ея доводовъ, абсолютную непреложность ея доказательствъ и истинъ, чрезъ усвоеніе которыхъ умъ человѣческій можетъ наипрямѣйшимъ и легчайшимъ путемъ приближаться къ недосягаемой высотѣ ума высочайшаго и т. п. Разсужденія этого рода постоянно вставлялись въ его лекціи и по математикѣ, и по физикѣ, часто въ видѣ облегчающихъ вниманіе интермедій. Замѣтивъ, что студенты утомлены и теряютъ нить его доводовъ, онъ начиналъ доказывать, что математика положена въ основу мірозданія самимъ Творцомъ міра, Который все устроилъ

числомъ, мѣрой и вѣсомъ, или, исписавъ кудрявыми знаками всю доску, обращался къ слушателямъ съ шутливыми сравненіями математики съ изящною леди, которая невольно должна увлекать такихъ прекрасныхъ молодыхъ джентльменовъ своими прелестями. „Извольте видѣть, восклицалъ онъ, указывая на пеструю доску,— какіе у нея локоны и кудерьки. Но осмѣливаюсь предупредить ваши юные восторги, что эта леди, наименѣе доступна, чѣмъ всякія другія прекрасныя леди и требуетъ, чтобы за ней походили да походили!" Лекцій своихъ онъ не читалъ по тетради, хотя онѣ всегда были у него написаны, а все время передавалъ ихъ устно, стоя или ходя посрединѣ аудиторіи и у доски, поминутно обращаясь къ студентамъ съ вопросомъ: правда-съ? и восхваляя отмѣнную основательность и ясность своихъ положеній и доказательствъ. Каждая лекція была имъ тщательно подготовлена, выучена слово въ слово и лилась безъ запинки въ ясной, громкой, красивой, даже нѣсколько вычурной рѣчи. Было извѣстно, что онъ подражалъ своему петербургскому профессору и сослуживцу Ростиславову; своею фигурой и манерой держаться и говорить онъ напоминалъ извѣстнаго въ свое время московскаго артиста Живокини. Говорили, что въ первые годы службы онъ готовился къ своимъ лекціямъ даже предъ зеркаломъ. Манера его преподаванія была, дѣйствительно, очень эффектная и представляла собой невольно возбуждавшее вниманіе аудиторіи гармоническое смѣшеніе важности, полнаго сознанія высоты профессорскаго достоинства, которое Гусевъ искренно ставилъ выше всѣхъ достоинствъ въ мірѣ, съ тенденціозною шутливостью, которая смѣло доводилась имъ даже до потѣшнаго буффонства, и съ полною, почти товарищескою, довѣрчивостью къ студентамъ. Онъ входилъ въ аудиторію обыкновенно серьезный и озабоченный, прямо проходилъ въ уголъ противъ двери и затѣмъ вдругъ оборачивался къ студентамъ, веселый и сіяющій, съ изысканными титулами и величаніями: „милостивѣйшіе мои государи, высокосіятельные джентльмены, лучезарные умы" и т. п. Если такихъ титуляцій не было—это значило, что профессоръ чѣмъ-нибудь огорченъ и ему не до студентовъ. Послѣ изысканной титуляціи лекція начиналась такимъ же шутливо-изысканнымъ вступленіемъ, напримѣръ: „я имѣлъ уже высокую честь въ прошедшій разъ разложить предъ вашею проницательною любознательностью знаменитую и изящную теорему славнаго Пиѳагора и ваши блистательные умы уповательно наилучшимъ образомъ проникли въ ея

суть и взвѣсили всю тяжеловѣсность ея солиднаго содержанія". Начиналась самая лекція, и нѣсколько времени шла серьезно, только изрѣдка прерываемая шутливыми вставками: „Аще вамъ будетъ угодно", какимъ-нибудь величаніемъ студентовъ, требованіемъ согласія на представленный доводъ, или замѣчаніемъ, что излагаемое даже невозможно не понять такимъ удобоподвижнымъ и свѣтлымъ умамъ, какъ у его милостивыхъ государей, что это яснѣе самаго лучезарнаго дня, на что̀ въ знакъ полнаго согласія нѣсколько милостивыхъ государей, сидѣвшихъ впереди, должны были непремѣнно кивнуть головами; потомъ, разойдясь, профессоръ начиналъ все чаще вставлять въ свою рѣчь разныя увеселительныя интермедіи съ самою подвижною мимикой. То съ комическою важностью онъ разставлялъ ноги и всею своею фигурой выпячивался впередъ, то весело глядя на студентовъ съ язвительнымъ хихиканьемъ надъ какою-нибудь остротой, поднимая плечи, съеживался и, запрятавъ руки за фалды фрака, повертывался направо и налѣво въ видѣ какой-то птицы, и мелкими шажками приближался къ партамъ. Не было возможности удержаться отъ смѣха; ему это нравилось, и онъ самъ хохоталъ вмѣстѣ со студентами. Спокойно онъ не стоялъ ни минуты. Вся лекція проходила живо и весело, какъ ни у одного профессора. Въ своихъ интермедіяхъ онъ не стѣснялся самыми рискованными сюжетами, но чаще всего любилъ задѣвать монашествующую братію, прибѣгая въ этихъ случаяхъ обыкновенно къ самымъ отборнымъ своимъ титуляціямъ и величаніямъ и дѣлая это большею частью совсѣмъ нежданно-негаданно. Говоря, напримѣръ, о вѣрности и цѣлесообразности тренія въ матеріи и доказывая что безъ тренія не могъ бы существовать ни одинъ узелъ, ни одинъ шовъ въ нашемъ костюмѣ, расползлась бы и самая ткань всей нашей одежды, онъ вдругъ начиналъ рисовать грустную картину, въ какомъ бы совершенно неприличномъ видѣ очутился онъ тогда предъ своими высокоуважаемыми слушателями: „этого мало, въ какомъ бы положеніи очутился предъ вами, мм. гг. самъ его в—біе высокопреподобнѣйшій о. ректоръ Академіи и разныхъ орденовъ кавалеръ, досточтимый всѣми нами о. архимандритъ Агаѳангелъ?"

П. Безобразовъ.

Церковь и зрѣлища. А. Шевелевъ. Москва. 1892.

Автору этой брошюры мы обязаны инициативой возбужденія въ свѣтской печати вопроса объ отношеніи церкви къ зрѣлищамъ и увеселеніямъ. Возмущенный назначеніемъ спектаклей во всѣхъ Московскихъ театрахъ наканунѣ праздника Покрова Пресвятыя Богородицы, авторъ обратился съ письмомъ по этому поводу къ издателю *Московскихъ Вѣдомостей*. Затѣмъ онъ еще два раза обращался съ письмами въ тотъ же органъ по вопросу о предпраздничныхъ спектакляхъ. Это дало ему поводъ заинтересоваться и спеціально заняться вопросомъ объ отношеніяхъ святой Православной Церкви вообще къ театральнымъ зрѣлищамъ и увеселеніямъ. Результатомъ этого явилась означенная брошюра.

Въ первой главѣ г. Шевелевъ путемъ многочисленныхъ цитатъ изъ твореній св. отцовъ Церкви показываетъ, какъ неодобрительно относилась св. Православная Церковь въ первые вѣка своего существованія къ театральнымъ зрѣлищамъ и увеселеніямъ. Тутъ же онъ приводитъ въ послѣдовательномъ порядкѣ главнѣйшія опредѣленія объ этомъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ.

Во второй главѣ приводится рядъ мнѣній о зрѣлищахъ нашихъ русскихъ церковныхъ пастырей и разсматривается вопросъ о театральныхъ зрѣлищахъ въ дни предпраздничные и постные

Главный недостатокъ брошюры заключается въ полномъ отсутствіи анализа и точнаго опредѣленія понятія „зрѣлище“. А въ этомъ вся суть. Въ разные вѣка и у разныхъ народовъ это понятіе вкладывается различное содержаніе. Византійскія конныя ристалища и цирковыя безобразія, средневѣковыя религіозныя мистеріи и современная драма и комедія все это—*зрѣлища.* Но кому же не ясно, что Церковь ко всѣмъ этимъ видамъ зрѣлищъ относилась и относится различно. Извѣстная *классификація* зрѣлищъ и увеселеній необходима прежде всего тому, кто желаетъ имѣть ясную точку зрѣнія на этотъ предметъ. Отсутствіе этой классификаціи въ брошюрѣ г. Шевелева дѣлаетъ совершенно неяснымъ отношеніе Церкви ко многимъ

видамъ *современныхъ зрѣлищъ*. Что св. отцы Церкви относились отрицательно къ зрѣлищамъ того времени—это понятно. Театральныя представленія того времени носили характеръ языческій, имѣли своею основой идолослуженіе. „Какое зрѣлище безъ идола, говоритъ св. Кипріанъ Карѳагенскій? Какое игрище безъ жертвоприношенія? Какое состязаніе не посвящено какому-либо изъ умершихъ?“ -- Не мудрено, что Василій Великій называетъ театръ училищемъ распутства. Но для того, чтобы примѣнить взглядъ св. отцовъ къ теперешнимъ зрѣлищамъ, г. Шевелеву пришлось упоминать вездѣ только о нѣкоторыхъ изъ нихъ. „Развѣ наша „безстыжая“ оперетка, говоритъ онъ, развѣ всѣ эти увеселительныя заведенія, всѣ эти Шато-де-Флеры, Фоли-бержеры, Альказары, Ренесансы etc., etc., — развѣ все это не тѣ же „училища распутства“, противъ которыхъ направлялъ свои слова св. Василій Великій“ (стр. 10). Конечно, да. Но вѣдь это только извѣстный *видъ* зрѣлищъ. А трагедія, драма, высокая комедія? Гдѣ та точка зрѣнія, которая давала бы правильное отношеніе и къ этимъ видамъ зрѣлищъ? Въ брошюрѣ г. Шевелева мы находимъ указаніе на то, что „Церковь не осуждаетъ искусствъ“. И въ то же время г. Шевелевъ рѣшительно заявляетъ, что у насъ, въ Россіи, даже въ Императорскихъ театрахъ за послѣднее время не появилось ничего, что̀ бы имѣло близкое отношеніе къ искусству (стр. 46). Намъ кажется, что, не предрѣшая вопроса объ отношеніи современныхъ театральныхъ зрѣлищъ къ искусству, мы можемъ взять за исходную точку, въ вопросѣ объ отношеніи къ зрѣлищамъ, прекрасное по своей глубинѣ и ясности положеніе, высказанное архіепископомъ Никаноромъ и приводимое въ брошюрѣ г. Шевелева. „Въ постепенности человѣческихъ дѣяній, склонностей и чувствъ христіанство установляетъ постепенность и точекъ зрѣнія: отъ нетерпимаго и воспрещаемаго чрезъ терпимое и дозволенное къ одобряемому и заповѣдуемому и до идеально-прекраснаго. И въ мастерствахъ, и въ художествахъ, и въ искусствахъ—*необходимое* для удовлетворенія естественнаго самолюбія въ извѣстныхъ предѣлахъ *дозволяется* и терпится; развивающее, смягчающее, возвышающее вслѣдъ за изящнымъ вкусомъ также и нравственное чувство, благословляется; указуется же какъ высшій идеалъ то, что̀ служитъ къ развитію беззавѣтнѣйшей, всепреданной, всепоглощающей душу и сердце, и мысль, и все существо человѣка

любви къ Существу Высочайшему, а затѣмъ къ развитію и самоотверженной любви къ ближнему. Но все, что отклоняетъ отъ этого идеала и въ какой мѣрѣ отклоняетъ, тому и въ той мѣрѣ Евангеліе Христово не сочувствуетъ" (стр. 45—46)... Какая ясная постановка вопроса и какой опредѣленный критерій данъ намъ въ этихъ словахъ преосвященнаго Никанора! Этотъ критерій долженъ быть приложенъ, по нашему мнѣнію, и къ театральнымъ зрѣлищамъ, и только такимъ способомъ мы получимъ ясное пониманіе отношенія Церкви къ зрѣлищамъ вообще, безотносительно времени и мѣста.

Во второй главѣ своей брошюры г. Шевелевъ останавливается на одномъ безобразномъ явленіи нашей жизни, на кощунственномъ изображеніи обрядовъ Церкви на сценѣ. Здѣсь уже не можетъ быть разногласія или разныхъ точекъ зрѣнія. А. Шевелевъ указываетъ только на немногіе факты кощунственныхъ глумленій. Такъ, напримѣръ, „дирекція одного театра осмѣлилась въ видѣ декораціи помѣстить на сценѣ подделку подъ икону Нерукотвореннаго Спаса, съ сіяніемъ даже вокругъ чела"... „Въ другой піесѣ на той же сценѣ понадобилось вывести похоронную процессію съ крестомъ, хоругвями, духовенствомъ, пѣніемъ псалмовъ, колокольнымъ звономъ и съ гробомъ, окуриваемымъ ѳиміамомъ" и т. д. Такихъ возмутительныхъ фактовъ, къ сожалѣнію, множество; они намъ знакомы, потому что мы съ ними сталкиваемся на каждомъ шагу и, если не протестуемъ противъ нихъ, то это указываетъ на нашу дряблость и отсутствіе яснаго религіознаго самосознанія. Тѣмъ болѣе имѣетъ цѣны, хотя бы и одинокій, голосъ свѣтскаго человѣка, „не побоявшагося въ наше время прямо назвать своимъ именемъ допускаемое безобразіе". Охотно присоединяемся къ положенію высказанному г. Шевелевымъ: „не должно быть дозволяемо употребленіе на сценѣ предметовъ христіанскаго богослуженія, образовъ, крестовъ" и т. д. „Не должно позволять произносить со сцены тексты Священнаго Писанія и молитвы, принятыя Церковью". Точно также представляется намъ безспорнымъ и другое положеніе автора о томъ, что „въ теченіе поста не должны быть допускаемы никакія театральныя представленія, ни драматическія, ни оперныя, не только на русскомъ, но и на всякомъ другомъ языкѣ, хотя бы на китайскомъ или турецкомъ, никакія зрѣлища и увеселенія."

Брошюра издана довольно чисто; продается за 40 к. въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

І. Ф.

ЭДМОНДЪ ДЕ-АМИЧИСЪ И ЕГО ПОСЛѢДНІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

(Переводъ съ рукописи Н. Чубарова.)

Читатели Гончарова знаютъ, что̀ можетъ извлечь писатель съ большимъ талантомъ изъ большаго морскаго путешествія. Путешествіе вокругъ свѣта, начиная съ Христофора Колумба, влекло къ себѣ и было осуществляемо сотнями тысячъ путешественниковъ; переѣздъ черезъ океанъ давалъ поводъ массѣ впечатлѣній и ощущеній, но только небольшое число этихъ впечатлѣній и ощущеній могло быть передано: для передачи ихъ требовалась извѣстная сила сосредоточенности ума на такомъ предметѣ, который двигается, легко ускользаетъ отъ наблюденія въ цѣломъ. что̀, однако, единственно могло бы дать родъ эпическаго единства описанію морскаго путешествія. Личныя и мелочныя заботы легко поглощаютъ путешественника, у котораго на морѣ не всегда случится совершенная ясность ума. И вотъ, послѣ „Фрегата Паллады“ Гончарова, относящагося къ 1856 году, прошло болѣе тридцати лѣтъ до появленія другаго художественнаго произведенія, достойнаго сравниться съ нимъ и занять мѣсто съ нимъ рядомъ.

Sull'oceano На океанѣ г-на де-Амичиса воспроизвело въ Италіи часть наслажденія, которое испытывали русскіе читатели за чудными, полными вдохновенія и юмора страницами, на которыхъ великій русскій романистъ, пуская въ ходъ всѣ краски своей богатой, артистической палитры, воскрешалъ магическою кистью картины живой природы, которыя прошли предъ его ослѣпленными, но всегда проницательными глазами, во время его путешествія черезъ два моря—по дорогѣ въ Японію.

Де-Амичисъ былъ приглашенъ участвовать на конференціяхъ въ Монтевидео и въ Буэносъ-Айресѣ. Онъ воспользовался этимъ прекраснымъ случаемъ, чтобъ изучить море какъ артистъ, и

какъ человѣкъ — нищету, которая изъ года въ годъ гонитъ тысячи безземельныхъ и голодныхъ Итальянцевъ съ береговъ Генуи, изъ Пьемонта, Ломбардіи и Неаполитанскихъ провинцій на материки Латинской Америки, гдѣ Итальянецъ, вслѣдствіе сходства языка, немедленно освоивается и акклиматизируется.

Произведеніе де-Амичиса *Sull'oceano* выходитъ теперь 18-мъ изданіемъ; восемнадцать тысячъ покупщиковъ книжки, которая совсѣмъ не романъ,—даже не одинъ изъ тѣхъ научныхъ романовъ, напримѣръ, въ родѣ Жюля-Верна, которые до такой степени возбуждаютъ любопытство первой юности, — служатъ лучшимъ доказательствомъ, что въ Италіи нарождается серьозная публика, способная оцѣнить талантъ писателя, независимо отъ интереса, который можетъ возбудить его разсказъ, въ сущности довольно обыденный; путешествіе двадцати четырехъ дней съ тысячью пятьюстами пассажировъ между Генуей и Америкой въ наше время обстоятельство слишкомъ обыкновенное, и сдѣлать интереснымъ разсказъ о немъ становится труднымъ. Но „Галлилей", колоссальное паровое судно, однажды удостоилось чести принять на себя въ толпѣ пассажировъ великаго итальянскаго писателя, -- и вотъ, что̀ въ другое время могло ускользнуть отъ любопытства публики, приковываетъ теперь наше вниманіе, потому что де-Амичисъ сумѣлъ своимъ волшебнымъ перомъ выставить въ наивыгоднѣйшемъ свѣтѣ и одухотворить самыя мельчайшія подробности.

Только въ подобной книгѣ первая страница одинаково интересна, какъ и послѣдняя. Событія могутъ имѣть свое мѣсто такъ же хорошо въ началѣ путешествія, какъ и въ концѣ его, но тщетно стали бы мы искать то постепенное возрастаніе движенія, которое часто составляетъ всю прелесть романа, даже разсказа о путешествіи, гдѣ достиженіе цѣли становится центромъ старанія.

Въ *Sull'oceano* авторъ гораздо болѣе повѣствуетъ намъ о крайней нищетѣ, которою обусловливается постоянная эмиграція нѣсколькихъ милліоновъ Итальянцевъ изъ своей родины, чѣмъ объ упованіяхъ, вызываемыхъ приближеніемъ Америки. Онъ улавливаетъ и овладѣваетъ этою толпой, когда она перекочевываетъ изъ одной части свѣта въ другую, въ минуту особенную, исключительную. Это-то положеніе и поражаетъ его артистическое воображеніе и даетъ ему цѣлую серію мимолетныхъ типовъ, которые мѣсяцъ назадъ или мѣсяцемъ позже были бы ему пожалуй

совсѣмъ безразличны, или дали бы поводъ къ замѣчаніямъ и выводамъ совсѣмъ инаго свойства.

Де-Амичисъ — тонкій наблюдатель: ничто не ускользаетъ отъ его взора и размышленія; онъ любопытенъ, какъ путешественникъ, все наблюдаетъ, слушаетъ и вспоминаетъ. Артистъ въ душѣ, онъ вездѣ ищетъ типовъ; изрѣдка онъ ихъ находитъ, когда же матеріалъ кажется ему неподходящимъ, онъ устраивается немножко съ помощью воображенія, фабрикуетъ ихъ. Но у него всегда есть и точка опоры и точка отправленія, что̀ даетъ ему возможность создавать маленькія иммортели, такъ какъ всякій удачный типъ безсмертенъ. Это удавалось ему часто за время путешествія черезъ океанъ. Общество, — хотя и многочисленное,—можетъ-быть, и не представляло ни одного поразительнаго типа, а въ путешествіи не случилось ничего необыкновеннаго; въ долгое плаваніе буря почти необходимость, а мертвецъ на борту явленіе также очень обыкновенное, когда сажаютъ на корабль, въ далекое путешествіе, больныхъ. Еслибъ у де-Амичиса были только эти два бѣдные повода, можно бы было поспорить, что онъ отказался бы отъ намѣренія написать книжку объ океанѣ. Правда, описаніе Чернаго Моря, которое онъ намъ даетъ, не лишено оригинальности: субъективная сторона его личныхъ впечатлѣній и ощущеній имѣетъ совсѣмъ особенный интересъ, и нѣсколько мощныхъ штриховъ кисти, которыми де-Амичисъ рисуетъ намъ адскій стонъ „Галилея“, избиваемаго бурей, даютъ величайшее представленіе объ описательномъ талантѣ автора. Художникъ пейзажистъ — онъ имѣетъ часто случай заставлять предъ нашими глазами необозримое, имъ пересѣкаемое, море блистать всѣми различными оттѣнками. Но книжка *Sull'oceano* становится почти романомъ, благодаря ловкости, съ которою авторъ сумѣлъ сгруппировать самыя удивительныя фигуры своихъ дорожныхъ спутниковъ. Ему въ особенности желалось изобразить людскую комедію и драму на морѣ. Эта забота стоила ему нѣкоторыхъ усилій, и эти усилія автора иногда чувствуются читателемъ. Не желая, чтобы думали, что онъ упускаетъ изъ вида хотя кого-либо изъ дѣйствующихъ лицъ, или изъ боязни, что ихъ забудетъ читатель, онъ отъ времени до времени вызываетъ ихъ на сцену; но случается часто, что эти лица, не будучи въ состояніи сказать что-либо новое, повторяются и являются предъ нами съ знакомою уже намъ гримасой, что̀ въ концѣ концовъ вноситъ нѣкоторое одно-

образіе и извѣстнымъ образомъ утомляетъ такъ, что вынуждаетъ пріостановить чтеніе книги и отдохнуть нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ взяться за нее снова. Вообще, при чтеніи книгъ де-Амичиса испытываешь то же впечатлѣніе, какъ при посѣщеніи картинной галлереи. Въ каждой картинной галлереѣ есть пять, шесть картинъ, которыя могутъ имѣть даръ васъ поразить, привести въ восхищеніе, но часть интереса пропадаетъ благодаря обстановкѣ, среди которой онѣ находятся. Только въ Дрезденѣ нашлось достаточно хорошаго вкуса, чтобы помѣстить совершенно одну, въ залѣ, который и наполненъ ея свѣтомъ, дивную Сикстинскую Мадонну Рафаэля! Вниманіе, которое вы вынуждены оказывать въ галлереяхъ, ради очищенія совѣсти, каждой картинѣ, становящейся, такимъ образомъ, предметомъ серьезнаго изученія, мѣшаетъ только чувствовать красоты настоящихъ шедёвровъ. Совершенно то же, когда въ концертахъ васъ подчуютъ до безконечности разнообразною программой, чтобы дать понятіе о разнообразіи таланта виртуоза; вмѣсто чувства удовлетворенности испытываешь невыносимое нервное раздраженіе. Душа ваша въ тотъ именно день и часъ была настроена меланхолично и печаль элегіи такъ шла бы къ этому настроенію; вы отдыхаете въ нѣжной и медленной музыкальной волнѣ, которая тихонько заливаетъ и убаюкиваетъ васъ,—и вдругъ ласкающая мелодія колыбельной пѣсни грубо прерывается громомъ трубныхъ звуковъ. Въ другой разъ чувствуешь въ груди бурное, героическое чувство, электризуешься при первыхъ же звукахъ военнаго марша, зовущаго на бой, — и вотъ его смѣняетъ легкая, возбуждающая нервы, музыка оперетки, которая тотчасъ охладитъ все вдохновеніе и разсѣетъ воинственные призраки. Разнообразіе вредитъ цѣльности и силѣ, и особенно въ области чувства. Никакое чувство не разовьется и не станетъ господствовать, если обстановка будетъ его развлекать. Что̀ бываетъ въ галлереяхъ и концертахъ, то испытывается при чтеніи произведеній де-Амичиса. Авторъ рѣдко разсматриваетъ, выбираетъ, изслѣдуетъ и обрабатываетъ свои сюжеты извнѣ. Онъ все работаетъ со своими моделями; у него ихъ большое количество, и онъ пользуется ими всѣми. Иногда онъ соединяетъ очень умно ихъ въ группы и одѣваетъ ихъ въ разнообразныя платья. Онъ имѣетъ видъ страстно влюбленнаго въ нѣкоторые типы, волнуется самъ и достигаетъ того, что приводитъ насъ въ волненіе; онъ старается съ величайшею рельефностью выдѣлить ихъ

изъ толпы и запечатлѣть ихъ особенно въ нашемъ воображеніи. Онъ увлекается самъ, экзальтируется, любуется тѣмъ, что составляетъ уже продуктъ его собственнаго экзальтированнаго воображенія и вводитъ насъ въ заблужденіе, что великое произведеніе раждается подъ его блестящимъ перомъ. Чистое заблужденіе! Очень скоро геній творчества складываетъ крылья, и галлерея артиста обогатилась лишь новымъ портретомъ, но этой силы внутренней, созданной изъ божественныхъ искръ, которыя придаютъ особенное дѣйствіе творчеству недостаетъ типамъ де-Амичиса. Какъ портретистъ и пейзажистъ, онъ всегда очень хорошъ, но онъ не великій поэтъ, который долженъ господствовать при созданіи дѣйствительнаго шедёвра. Можно думать, что, набрасывая въ *Sull'oceano* типы больной, благотворительной дѣвушки де-Местръ и скептика гарибальдійца, де-Амичисъ хотѣлъ набросать романъ; онъ, конечно, прибавилъ кое-какія черты двумъ лицамъ, романъ которыхъ онъ, дѣйствительно, наблюдалъ на пароходѣ, или, по крайней мѣрѣ, усмотрѣлъ и разгадалъ, но у него не хватило силы и желанія докончить этотъ романъ, едва намѣченный и набросанный такъ, что оба типа входятъ въ галлерею портретовъ, едва-едва выдѣляясь въ ней проблесками идеальности, которые отъ времени до времени освѣщаютъ ихъ взоры, смоченные слезами. Мы сдѣлаемъ теперь быстрый обзоръ различныхъ типовъ, которые де-Амичисъ намъ даетъ въ первыхъ главахъ и къ которымъ онъ не одинъ разъ потомъ возвращается. Съ первыхъ же строкъ становится яснымъ, что ничто не ускользнетъ отъ вниманія де-Амичиса; съ карандашемъ въ рукахъ онъ все отмѣтитъ въ своемъ журналѣ. Авторъ самъ признается, что на морѣ часто теряется сущность вещей, воспоминаніе изглаживается, и если писать, не обращая на это вниманія, рискуешь повторяться. Нѣкоторыя изъ этихъ повтореній почти нечувствительно попали изъ журнала въ книгу и дѣлаютъ чтеніе нѣкоторыхъ въ ней страницъ нѣсколько утомительнымъ.

Въ моментъ отъѣзда де-Амичисъ наблюдаетъ толпу и отмѣчаетъ контрастъ между удаляющимися старыми моряками и толпой пассажировъ. Наконецъ, раздается съ одного борта судна до другаго крикъ матросовъ: „провожающіе должны сойти“.

Эти нѣсколько словъ бросаютъ въ дрожь весь этотъ народъ на „Галилеѣ“. Чрезъ нѣсколько минутъ всѣ посѣтители были

уже на берегу, флагъ былъ поднятъ, отвязали веревки, подняли трапъ, раздался свистокъ и пароходъ тронулся. Тутъ зарыдало нѣсколько женщинъ, молодые люди, что смѣялись, стали серьезнѣе, какой-то бородатый человѣкъ, который оставался до этого невозмутимымъ, провелъ ладонью руки по глазамъ. Предъ этимъ волненіемъ было поразительное спокойствіе, съ которымъ матросы и офицеры экипажа прощались со своими друзьями и родными, столпившимися въ гавани, какъ будто дѣло шло о простой прогулкѣ въ Специи: „всего хорошаго," — „пожалуста похлопочите о посылочкѣ",—„ты скажи Гигѣ, что я исполню его порученіе",—„брось письмо въ ящикъ въ Монтевидео",—„на счетъ вина мы успокоились",—„добрый путь",—„будь здоровъ".

Запоздалые все-таки прибыли вовремя, чтобъ успѣть перебросить морякамъ пачки сигаръ, апельсины.

Судно тихо скользило въ сумеркахъ порта, совсѣмъ воровскимъ образомъ, какъ будто оно увозило грузъ похищенныхъ человѣческихъ тѣлъ. Я двигался среди толпы до кормы судна, обращенной къ землѣ, чтобы до-сыта налюбоваться амфитеатромъ Генуи, гдѣ начинали зажигаться огни. Кое-кто изъ пассажировъ перешептывались, замѣтивъ въ полутьмѣ нѣсколько сидящихъ женщинъ, прижимавшихъ къ груди дѣтей, подпиравшихъ руками голову,—и вотъ возлѣ бака я услыхалъ хриплый голосъ, восклицавшій насмѣшливымъ тономъ: „да здравствуетъ Италія!" Я поднялъ глаза и увидалъ огромнаго старика, показывающаго кулаки своей родинѣ.

Этотъ эмигрантъ, проклинающій въ минуту отъѣзда страну своего рожденія,—фигура драматическая, и съ полнымъ основаніемъ ожидаешь видѣть развитіе этого оригинальнаго типа, интереснаго героя драмы или романа. Де-Амичисъ сдѣлалъ набросокъ его и не заботится о немъ больше, предоставляя его своей судьбѣ, чтобы нарисовать намъ нѣсколько другихъ портретовъ. Первый, кто ему попадается—это лакей, разыгрывающій Рюи-Блаза; онъ охорашиваетъ свое платье, говоритъ съ разстановкой, хочетъ казаться интереснымъ, строитъ дамамъ глазки, и не былъ бы вовсе сердитъ, еслибъ его кто принялъ за переодѣтаго принца.

Затѣмъ слѣдуетъ священникъ, совсѣмъ великанъ, съ маленькою лысою головкой, съ лицомъ ястреба, длинною шеей, съ громадными ручищами, длинные худые пальцы которыхъ похожи

на щупальцы полипа; нѣчто въ родѣ Донъ-Кихота по внѣшности, но безъ поэтической души благороднаго кабалльеро.

Авторъ разсматриваетъ и потомъ очень много занимается тѣмъ, что̀ дѣлаетъ и чего не дѣлаетъ хорошенькая женщина-блондинка, иностранка, лѣтъ тридцати, возлѣ пятидесятилѣтняго ученаго мужа; у нея темно-синіе глаза, маленькій вздернутый носикъ, вся она такая свѣженькая, нарядная, легкая, умная, всегда веселая, довольная всѣми на свѣтѣ, совсѣмъ словно танцовщица на авансценѣ, улыбающаяся каждому, какъ будто этотъ каждый и есть ея истинный другъ.

А мужъ вовсе не ревнивъ, по фигурѣ это человѣкъ тихій и благодушный; онъ прищуриваетъ глаза, какъ человѣкъ желающій имѣть видъ очень тонкій, жену свою онъ знаетъ: онъ вовсе не удивляется, что она нравится и что она занимаетъ; путешествуетъ онъ со всѣми прихотями ученаго и, какъ у настоящаго нѣмецкаго профессора, у него страсть преподавать то, что̀ онъ самъ выучилъ.

Де-Амичисъ представляетъ намъ затѣмъ чету „молодыхъ", очень скромную и очень ничтожную; затѣмъ грубую и обжорливую матрону. капитана, родъ генуэзскаго Геркулеса, который преслѣдуетъ всякаго незаконнаго и тайнаго амура и кончаетъ тѣмъ, что самъ попадаетъ подъ чары голубыхъ глазъ хорошенькой блондинки; серьезнаго гарибальдійца съ благородною, умною головой, съ какимъ-то глубокимъ выраженіемъ глазъ, разочарованнаго въ жизни, невѣрящаго болѣе ни въ религію, ни въ отечество, ни въ семью, скучающаго, можетъ-быть потерявшаго всякую надежду, ѣхавшаго въ Америку самъ не зная за чѣмъ, безъ вѣры и безъ цѣли, мизантропа, любящаго уединеніе и молчаливаго; генуэзскаго адвоката, вынужденнаго часто ѣздить въ Аргентинскую Америку, питающаго паническій страхъ къ морю и боящагося въ каждый переѣздъ разстаться съ жизнью, худаго, хилаго, раздражительнаго; итальянскаго тенора, у котораго нѣтъ никакихъ достоинствъ, кромѣ его голоса; пьемонтскаго мельника, разбогатѣвшаго въ Америкѣ, теперь презирающаго и критикующаго свое отечество, гдѣ онъ, при своемъ положеніи почтеннаго Креза, не удостоился пріятнаго и торжественнаго пріема, котораго онъ ожидалъ; молодую дѣвушку де-Местръ, блѣдную и худенькую, съ крестомъ на шеѣ, призракъ съ глазами, подернутыми глубокою грустью, съ душой ангела. доброты и любви неистощимой, способную на всякое самопожертвованіе, но которой суждено

погибнуть, какъ только она ступитъ ногой на землю Новаго Свѣта, на нее сначала всѣ, и особенно гарибальдіецъ, смотрѣли съ участіемъ и окончили восторженнымъ удивленіемъ; нѣсколько Аргентинцевъ, Бразильцевъ и Перувіанцевъ, довольно поверхностно имъ отмѣченныхъ; коммиссара, родъ слѣдственнаго и мироваго судьи, сдѣлавшагося философомъ, знающаго всѣ секреты судебной жизни; очень любопытнаго и очень болтливаго агента, вѣчно гоняющагося за какимъ-нибудь новенькимъ маленькимъ скандаломъ (авторъ находитъ его забавнымъ, хотя онъ часто дѣйствуетъ на нервы читателя); генуэзскаго негоціанта, который скучаетъ смертельно и ежедневнымъ занятіемъ котораго служитъ единственно ѣда; тщеславную даму, ревнующую всѣхъ дамъ, туалетъ которыхъ обращаетъ на себя вниманіе; при ней некрасивая дочка съ обманчивою внѣшностью святой невинности, втихомолку пишущей страстныя письма, отъ которыхъ могъ бы покраснѣть любой пожарный; влюбленнаго Тосканца, трепещущаго въ обожаніи молоденькой швеи, необычайно хорошенькой и строгихъ нравовъ; самодовольнаго хвастуна съ громкою и пустою рѣчью, у котораго о всякой вещи совершенно готовое мнѣніе и который предполагаетъ, что все рѣшительно понимаетъ, все угадываетъ, выдающаго себя за корреспондента *Journal des Débats* и цитирующаго при каждомъ удобномъ случаѣ *Словарь Писателей*, — произведеніе, которое уцѣлѣетъ во всѣ вѣка, — указывающій весьма тонкія различія, на манеръ Стендаля, въ различныхъ способахъ любви у женщинъ разныхъ народовъ и объявляющаго во всеуслышаніе послѣ бури, которая его страшно потрясла и свалила съ ногъ, что онъ „позабавился страшеннымъ образомъ!“

Всѣ эти портреты рисованы рукой большаго мастера, но, спрашивается, дѣйствительно ли они занимательны? Въ этомъ позволительно усумниться, и первый замѣчаетъ это самъ авторъ, усиливающійся вложить немножко романическаго интереса въ разсказъ, грозившій стать монотоннымъ. Описанія великихъ сценъ на морѣ появляются отъ времени до времени, чтобы возбудить наше удивленіе. Но все это не придало бы еще книгѣ *Sull'oceano* совершенно своеобразный отпечатокъ, еслибъ ея не характеризовала господствующая нота:—это глубокое сочувствіе къ страданіямъ бѣднаго люда, гонимаго голодомъ изъ итальянской земли. Это гуманное чувство овладѣваетъ совѣстью артиста и, кажется, указываетъ ему новый долгъ — служеніе ему своимъ

искусствомъ, дабы вызвать не только одно сочувствіе, но и для исправленія извѣстныхъ вопіющихъ несправедливостей. Во все время этого длиннаго переѣзда по морю авторъ бродитъ среди пассажировъ третьяго класса, гдѣ онъ слышитъ проклятья и заранѣе чувствуетъ приближеніе грозы, которая, быть-можетъ, и разразится въ концѣ этого вѣка. Поэтъ становится пророкомъ и апостоломъ, онъ вблизи видѣлъ раны и слышалъ крики страданія и онъ готовъ совсѣмъ возмутиться. По возвращеніи, конечно, онъ убѣжитъ отъ своего міра и найдетъ себѣ другой, болѣе несчастный; вся дѣйствительная жизнь покажется ему условною, соціальный порядокъ — насиліемъ; языкъ вѣжливыхъ людей — ложью, и сама поэзія — гримасой и скверною шуткой. Онъ отправится въ мастерскія, на фабрики и будетъ выслушивать разсужденія разъяренныхъ рабочихъ. Онъ будетъ слушать рѣчи анархистовъ, и изъ добраго, милаго, плѣнительнаго, уже въ недалекомъ будущемъ онъ грозитъ стать бѣдовымъ, когда старается пошатнуть столпы общественнаго зданія революціонною книжкой: *Il primo Maggio*, гдѣ мы, дѣйствительно, найдемъ краснорѣчивыя страницы, захватывающія описанія извѣстныхъ страданій жизни рабочихъ, но въ то же время мы будемъ горестно поражены видомъ де-Амичиса—грубаго, что-то въ родѣ соціалистическаго Донъ-Кихота, который теперь будетъ часто вызывать удивленіе читателей, улыбку друзей и злословіе своихъ враговъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Анжело де-Губернатисъ.

ЧЕЗАРЕ ЛОМБРОЗО и УГОЛОВНАЯ АНТРОПОЛОГІЯ.

Всякій думаетъ, что слѣпаго можно бы узнать и сзади.

Лихтенбергъ.

I.

Слава Ломброзо гремитъ по всей Европѣ, сочиненія его тотчасъ по появленіи въ свѣтъ переводятся на англійскій, нѣмецкій, французскій, русскій языки, на автора сыплются со всѣхъ сторонъ комплименты и диѳирамбы, расточаемые многочисленными учениками итальянскаго ученаго, которые признаютъ въ немъ главу новѣйшей школы, новаго научнаго направленія. Естественно поэтому желаніе выяснить, какимъ образомъ пріобрѣтается столь завидное положеніе въ научномъ мірѣ. Поддавшись этому желанію, я прочелъ небольшую книжку, только-что вышедшую, носящую слѣдующее заглавіе: „Cesare Lombroso. Новѣйшіе успѣхи науки о преступникѣ. Перевелъ докторъ С. Л. Раппопортъ, редактировалъ магистръ уголовнаго права Л. М. Берлинъ. 1892 года.“

Эта небольшая книга показалась мнѣ настолько любопытною, въ ней я нашелъ столько новаго для себя, что я рѣшился подѣлиться своими впечатлѣніями съ читателемъ. Поразила меня не только новизна содержанія, но и новизна методологіи. Въ этомъ отношеніи предисловіе г. магистра уголовнаго права вполнѣ соотвѣтствуетъ книгѣ знаменитаго итальянскаго ученаго и девизомъ обоихъ могутъ служить знаменательныя слова Ломброзо: „Во всемъ, что̀ представляется дѣйствительно новымъ въ области эксперимента, наибольшій вредъ приноситъ логика и такъ-называемый здравый смыслъ — самый страшный врагъ великихъ истинъ“ (стр. 20). Согласно съ этимъ великимъ откры-

тіемъ, разбираемое сочиненіе, представляющее дѣйствительно много новаго, блещетъ полнымъ отсутствіемъ логики и здраваго смысла.

Остановимся сначала на предисловіи г. Берлина. Онъ говоритъ, что „уголовная антропологія еще не открыла непреложныхъ началъ и системы не выработала. Несомнѣнно однако, что уголовная антропологія имѣетъ свои непреложныя начала и что они (?) будутъ открыты. Великая безсмертная заслуга Ломброзо въ области знанія вообще заключается въ указаніи на эту возможность (?).“ Увѣренность г. Берлина въ существованіи непреложныхъ началъ уголовной антропологіи весьма похвальна, но нужно же чѣмъ-нибудь обосновать эту увѣренность, и одного указанія на „эту возможность“ недостаточно. Для юристовъ, продолжаетъ г. Берлинъ, Ломброзо важенъ потому, что указалъ новые пути къ изученію уголовнаго права: „пути, которыми идетъ всякая истинно-научная работа, пути наблюденій и быть-можетъ даже опытовъ.“ Этимъ путемъ „быть-можетъ даже опытовъ“ рѣшается вопросъ о правѣ наказанія, ибо „преступникъ оказывается особою антропологическою разновидностью „преступника“, котораго можно распознать путемъ медицинскаго осмотра.“—Г. Берлинъ признаетъ, что доказательства Ломброзо не всегда удачны (правильнѣе было бы сказать: всегда неудачны), но хвалитъ его за то, что онъ провозгласилъ непреложную истину—„человѣкъ, это часть природы и подчиненъ всѣмъ ея законамъ“.

Итакъ, новая наука оказывается неимѣющею еще непреложныхъ началъ, недоказавшею своего основнаго положенія, и вся новизна ея состоитъ въ томъ, что она повторяетъ мысль, которую никто никогда не отрицалъ, которая есть предположеніе, дѣлающее возможнымъ науку и поэтому столь старое, сколь стара и сама наука. Ново въ этомъ отношеніи лишь то, что, вопреки г. Берлину, г. Ломброзо, какъ мы увидимъ далѣе, не признаетъ этой непреложной истины.—Далѣе г. Берлинъ говоритъ, что собранъ необъятный матеріалъ для доказательства положенія, что преступники—продуктъ условій жизни общества. Это, безъ сомнѣнія, вѣрно, но настолько общеизвѣстно, что ради этого не стоило собирать „необъятный матеріалъ“ и не зачѣмъ было безпокоить старика Кузьму Пруткова, который, кстати сказать, разрѣшаетъ сдѣлать г. Берлину нѣчто весьма непріятное. [1]

---

[1] Сочиненіе Кузьмы Пруткова, стр. 98, изреченіе 104.

Къ тому же г. Ломброзо вліяніе соціальныхъ условій понимаетъ совсѣмъ своеобразно: дѣйствительно, на стр. 49 мы читаемъ, что преступницы сильнѣе поддаются вліянію соціальныхъ условій, нежели преступники. Итакъ, похвала г. Берлина относится болѣе къ ученію о преступницѣ, что составляетъ вѣроятно особую науку, а не къ ученію о преступникѣ Далѣе г. Берлинъ говоритъ, что преступникъ не подлежитъ наказанію ради его самого, что наказаніе преступника столь же безполезно и безчеловѣчно „для него", какъ наказаніе сумашедшаго, юродиваго, эпилептика; „съ подобною расправой не можемъ мириться мы, люди болѣе тонкой индивидуальной ткани". Отсюда всякій, признающій логику, сдѣлаетъ заключеніе, что наказывать не слѣдуетъ, но г. Берлинъ, желая оправдать изреченіе великаго Ломброзо о вредѣ логики, заключаетъ совершенно иначе: вторая половина введенія доказываетъ необходимость наказаній.

Теперь обратимся къ предисловію Ломброзо, въ коемъ онъ полемизируетъ со своими научными противниками. Блестящія свойства ума Ломброзо обнаруживаются въ совершенствѣ уже въ первыхъ страничкахъ предисловія. Здѣсь находится удивительное изреченіе о вредѣ логики, здѣсь же мы находимъ слѣдующую мысль: „при помощи лупы, при помощи силлогизма и логики вамъ докажутъ, что солнце движется, а земля неподвижна, что астрономы неправы." Могу увѣрить Ломброзо, что лупа и логика для такой цѣли совершенно непригодны и что никто никогда не брался за подобное нелѣпое доказательство. Отвергая логику и здравый смыслъ, Ломброзо пользуется своими собственными правилами изслѣдованія: напримѣръ, онъ говоритъ, что „при изученіи череповъ и мозга онъ соединилъ наблюденія многихъ ученыхъ, несогласныхъ между собой". Отчего бы этого и не сдѣлать? Правда, логика это запрещаетъ, но можно вѣдь обойтись и безъ нея, изслѣдованіе тогда пойдетъ живѣе впередъ и приведетъ къ поразительнымъ результатамъ. Только не слѣдовало бы тогда ссылаться на логику; не слѣдуетъ говорить, что „анализъ всегда предшествуетъ синтезу" (ст. 23), что „при всякой работѣ отъ простаго переходятъ къ сложному, отъ однороднаго къ разнородному" (ст. 25, 49). Боюсь, что подобными ссылками на логику Ломброзо наноситъ величайшій вредъ новизнѣ своего изслѣдованія и ослабляетъ сильное впечатлѣніе, которое несомнѣнно должно получиться у читателей отъ утвержденій, подобныхъ, напримѣръ, слѣдующимъ: „Добродѣтель въ нашемъ

мірѣ уже сама по себѣ представляетъ большую аномалію", или же еще болѣе характерному: „Всѣ явленія подчинены законамъ уродства можетъ-быть болѣе, чѣмъ другія явленія, ибо весьма часто они суть ни что̀ иное, какъ продукты тѣхъ же самыхъ законовъ, доведенныхъ до крайности" (ст. 22). Это объясненіе уродствъ повергло меня въ крайнее уныніе: какъ же согласовать это объясненіе съ похвалой г. Берлина. Оказывается, что Ломброзо не думаетъ, что человѣкъ есть часть природы и подчиненъ всѣмъ ея законамъ, ибо уродства только „весьма часто", а не всегда подчинены законамъ природы, которые кѣмъ-то могутъ быть доведены до крайности. Нѣтъ, кажется, напрасно похвалилъ г. Берлинъ итальянскаго ученаго. Итакъ, изъ предисловія г. Ломброзо ясно, что онъ врагъ логики и здраваго смысла и что онъ по своему понимаетъ законы природы и нравственности. Изслѣдованіе при такихъ условіяхъ идетъ быстро впередъ, и то, что̀ сегодня считается истиннымъ, на завтра отвергается уже какъ устарѣвшее. Такъ самъ г. Ломброзо считаетъ устарѣвшею свою книгу „Человѣкъ-преступникъ", которая появилась въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ. Въ виду этого мы будемъ придерживаться главнымъ образомъ матеріала, который заключается въ книжкѣ, заглавіе коей мы выписали, пополняя его, гдѣ нужно, ссылками на новое сочиненіе г. Ломброзо „О политическомъ преступникѣ и революціяхъ" [1].

II.

Посмотримъ сначала, каковъ предметъ уголовной антропологіи, а потомъ перейдемъ къ разсужденіямъ Ломброзо объ этомъ предметѣ.

Каждая наука должна имѣть самостоятельный предметъ изслѣдованія. Одинъ и тотъ же предметъ, однако, можетъ принадлежать различнымъ наукамъ (напр. человѣкъ); въ такомъ случаѣ науки отличаются другъ отъ друга точкой зрѣнія на предметъ. Предметъ уголовной антропологіи — преступникъ, на котораго она смотритъ иначе, чѣмъ уголовное право. Съ точки зрѣнія уголовнаго права преступникъ есть человѣкъ, совершившій противузаконное дѣяніе; въ этомъ дѣяніи и заключается

[1] Я имѣлъ въ рукахъ лишь нѣмецкій и французскій переводы этого сочиненія, самаго же итальянскаго текста я не видѣлъ.

характерная особенность преступника; уголовная антропологія перевернула это отношеніе и желаетъ объяснить преступленіе преступникомъ, а не наоборотъ. Такой пріемъ даетъ, повидимому, болѣе глубокое объясненіе преступленія, ибо указываетъ на этіологію его, но очевидно, что опредѣленіе понятія преступленія гораздо легче и проще, чѣмъ опредѣленіе понятія преступника, а безъ подобнаго опредѣленія, дающаго предметъ наукѣ, наука существовать не можетъ. — Всякое правонарушеніе, какъ бы нелѣпо не было требованіе, выраженное закономъ, есть преступленіе и можетъ быть караемо, хотя бы преступное дѣяніе съ точки зрѣнія нравственной было безразлично или даже похвально; съ другой стороны, различныя дѣйствія, весьма некрасивыя съ точки зрѣнія нравственной, не преслѣдуются закономъ и посему не могутъ быть названы преступными. Итакъ, ясно, что понятіе преступленій есть терминъ юридическій, до нѣкоторой степени произвольный, т.-е. зависящій отъ нашего усмотрѣнія и именно поэтому могущій быть строго опредѣленнымъ. Но уголовная антропологія смотритъ на преступника не глазами юриста: вѣдь бываютъ случайныя преступленія, не вытекающія изъ характера человѣка, въ которомъ сущность человѣка вовсе не высказывается и, наоборотъ, можетъ случиться, что человѣкъ дурной по характеру въ силу счастливыхъ обстоятельствъ никогда не совершитъ ничего преступнаго; первый — преступникъ съ юридической точки зрѣнія, но не съ антропологической, второй — преступникъ съ антропологической точки зрѣнія, но не съ юридической. Итакъ, юридическая точка зрѣнія не совпадаетъ съ антропологическою, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ даже быть вполнѣ различною. Юридическая точка зрѣнія принадлежитъ міру идеальному, этическому; антропологическая — принадлежитъ міру реальному, физическому. Посему антропологическая школа обязана начинать свое изслѣдованіе съ опредѣленія того, что̀ она разумѣетъ подъ словомъ „преступникъ“, и ежели Ломброзо начинаетъ свою извѣстную книгу L'uomo delinquente съ описанія преступленій у растеній и животныхъ, то его можно упрекнуть въ томъ, что онъ пользуется терминомъ, которымъ не имѣетъ права пользоваться, и впадаетъ такимъ образомъ въ ошибку, извѣстную у логиковъ подъ именемъ μετάβασις εἰς ἄλλο γένος. Итакъ, уголовная антропологія должна опредѣлить свой предметъ, т.-е. выяснить свою точку зрѣнія на преступника.

Очевидно, что не всякій преступникъ можетъ быть объектомъ изслѣдованія для уголовной антропологіи, ибо антропологія, будучи физическою наукой, ищетъ объективныхъ примѣтъ, по которымъ она называетъ извѣстнаго человѣка преступникомъ, независимо отъ того, совершилъ ли онъ что-либо преступное или нѣтъ. Случайный преступникъ не годится для уголовнаго антрополога, не годится для него и профессіональный преступникъ, у него нѣтъ объективныхъ примѣтъ, найденныхъ антропологами, какъ они утверждаютъ; въ противномъ случаѣ можно было бы сочинить науку для каждой профессіи, напримѣръ, науку о танцовщицахъ, у которыхъ не трудно найти и анатомическія, и физіологическія, и психическія особенности; но это очевидная нелѣпость, ибо танцовщицей можетъ быть каждая женщина, имѣющая склонность къ танцамъ и удовлетворяющая нѣкоторымъ условіямъ. Итакъ, уголовная антропологія должна начать съ классификаціи преступниковъ и съ выдѣленія тѣхъ группъ, которыя годятся для нея отъ тѣхъ, которыя не пригодны. Весьма неудовлетворительную попытку подобной классификаціи мы находимъ у Ломброзо (глава III, ст. 77—79, и 91—92). Онъ дѣлитъ преступниковъ на четыре категоріи: врожденные, случайные, непроявившіеся и преступники по страсти; врожденные—имѣютъ ясные субъективные и объективные наслѣдственные признаки, каковыхъ другія группы не имѣютъ; напримѣръ, случайные, очевидно, не могутъ имѣть этихъ признаковъ. Это дѣленіе, въ изложеніи Ломброзо, неудовлетворительно по слѣдующимъ причинамъ: части дѣленія, по требованіямъ логики, должны отличаться другъ отъ друга качественно, а не только количественно, по степени. Тамъ, гдѣ мы видимъ разницу по степени, мы всегда предполагаемъ тождество по существу; между тѣмъ Ломброзо открываетъ качественныя различія, утверждая, что между врожденными и случайными преступниками разница лишь въ степени (стр. 78); а такъ какъ непроявившійся преступникъ, противоположный случайному, очевидно, представляетъ лишь случайное видоизмѣненіе врожденнаго, то въ сущности получается только двѣ категоріи: врожденные и преступники по страсти; но и этихъ послѣднихъ Ломброзо (стран. 92) считаетъ „скрытыми эпилептиками“, то-есть относитъ точно также къ группѣ врожденныхъ преступниковъ. Итакъ, въ результатѣ никакого дѣленія не получается, а въ читателѣ остается тягостное впечатлѣніе отъ того, что Ломброзо какъ будто бы всѣхъ людей считаетъ или дѣйствитель-

ными, или потенціальными врожденными преступниками. Но сказать, что всѣ люди—врожденные преступники, все равно, что сказать, что таковыхъ вовсе нѣтъ. Это значило бы, что уголовная антропологія не имѣетъ предмета. Уголовная антропологія лишь въ томъ случаѣ имѣетъ предметъ, ежели можно качественно различить случайныхъ преступниковъ отъ врожденныхъ. Возможнымъ предметомъ въ уголовной антропологіи явится тогда врожденный преступникъ. Въ такомъ случаѣ нужно доказать, что существуютъ врожденные преступники, то-есть люди, имѣющіе отъ рожденія наклонность къ преступнымъ, дурнымъ дѣйствіямъ; для этого, въ свою очередь, нужно доказать, что такія наклонности бываютъ врожденными, и, вовторыхъ, что ихъ можно узнать по анатомическимъ, физіологическимъ и психологическимъ признакамъ. Мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ нелѣпость названія „врожденнаго преступника"; преступникомъ становишься лишь по совершеніи преступленія, до преступленія можно говорить лишь о прирожденныхъ качествахъ человѣка.

Итакъ, разсмотримъ сначала врожденность, а потомъ признаки, по которымъ опредѣляютъ врожденнаго преступника. Для выраженія факта, что признаки передаются отъ родителей дѣтямъ, существуютъ два термина: врожденность и наслѣдственность; эти термины обозначаютъ не одно и то же. Дарвинъ, напримѣръ, въ сочиненіи о происхожденіи видовъ: „Измѣненіе животныхъ и растеній вслѣдствіе приручения", старается доказать наслѣдственность, разумѣя возможность передачъ отъ родителей дѣтямъ пріобрѣтенныхъ индивидуальныхъ особенностей. Допущеніе такой передачи, повидимому, необходимо защитнику видоизмѣняемости органическихъ типовъ, защитнику эволюціи. Подъ словомъ врожденность (innéité), вообще говоря, разумѣется передача типа отъ родителей дѣтямъ. Такимъ образомъ врожденность въ извѣстномъ смыслѣ противорѣчитъ наслѣдственности, ибо чѣмъ точнѣе передается типъ, тѣмъ меньшую роль играютъ случайно пріобрѣтенныя особенности. Здѣсь не мѣсто разбирать вопросъ, насколько защитникамъ наслѣдственности удалось доказать ихъ основное положеніе и поколебать такимъ образомъ ученіе о врожденности. Достаточно сказать, что весьма многіе серьезные ученые сомнѣваются въ наслѣдственной передачѣ пріобрѣтенныхъ особенностей [1]. Ни врожденность, ни наслѣдственность не объяснены

[1] Напримѣръ, см. «Weismann A. Ueber Vererbung», томъ 1883.

физіологически, но врожденность понятнѣе. легче доступна возможному объясненію; въ простѣйшихъ организмахъ, въ которыхъ размноженіе совершается путемъ простаго дѣленія, рожденные потому имѣютъ всѣ признаки рождающаго организма, что первые суть часть тождественная съ родителемъ. Можетъ-быть. что и въ высшихъ организмахъ какимъ-либо непонятнымъ образомъ имѣетъ мѣсто нѣчто подобное, то-есть то же самое явленіе: слѣдуетъ, однако, замѣтить, что обыкновенно эти два термина—врожденность и наслѣдственность—не различаются, и изслѣдователи, говоря о наслѣдственности, разумѣютъ въ то же время и врожденность. Какъ бы то ни было, но вопросъ о наслѣдственности, темный въ сферѣ физіологической, становится еще болѣе темнымъ въ примѣненіи къ сферѣ психической. Хотя, вообще говоря, и нельзя отрицать извѣстнаго дѣйствія наслѣдственности въ сферѣ психической. но важно вѣдь знать границы дѣйствія закона, а онѣ-то, именно, вполнѣ неопредѣленны. Несмотря на цѣлый рядъ интересныхъ изслѣдованій, Люка [1], Рибо [2], Гальтона [3], Якоби [4] и др., указавшихъ на различныя формы наслѣдственности и перечислившихъ большое количество фактовъ наслѣдованія извѣстныхъ психическихъ состояній, нужно сказать, что вопросъ весьма мало подвинулся впередъ, и зависитъ это, главнымъ образомъ, отъ неопредѣленности тѣхъ психологическихъ терминовъ, [5] которыми обозначаются извѣстныя психическія явленія и которые вполнѣ непригодны для научнаго изслѣдованія. Геній, талантъ, властность, воля, память, страсть обозначаютъ собой столь различныя явленія, и въ каждый терминъ можно вкладывать столь разнообразное значеніе, что выводы на основаніи столь неопредѣленнаго матеріала необходимо должны быть весьма шаткими. Допустимъ, что психическая наслѣдственность, несмотря на ея непонятность, существуетъ. Въ виду зависимости психической жизни отъ физической и физіологической такое допущеніе возможно. Но вѣдь

---

[1] Lucas. „Traité physiologique et philosophipue de l'hèredité naturelle". Paris, 1847, 2 v

[2] Ribot. «L'heredité». Paris. 1883.

[3] Гальтонъ. «Наслѣдственность таланта». СПб. 1875. 8°.

[4] Iacoby. «Etudes sur la section dans ses rapports avec l'heredité chez l'homme». Paris. 1889.

[5] На это, между прочимъ, указывалъ проф. Анучинъ, въ критикѣ книги Дрилля. *Вѣстникъ Европы*. 1889. Май.

дѣйствіе психической наслѣдственности совершенно неизвѣстно, какъ неизвѣстны и границы ея дѣйствія. Посему всякое предвѣдѣніе и предсказаніе становится невозможнымъ. Ежели бы мы знали, какія качества и примѣты, характеръ, etc., передаются отъ матери, какія отъ отца, ежели бы мы могли опредѣлить, какую роль, помимо наслѣдственности, играютъ среда, воспитаніе, вообще внѣшнія вліянія, только тогда можно было бы опредѣлить границы дѣйствія и значеніе наслѣдственности. Такихъ свѣдѣній ни одинъ человѣкъ не имѣетъ, и посему ссылаться на наслѣдственность нужно всегда съ осторожностью: нужно всегда помнить, что это значитъ ссылаться на возможность, а не на условіе, которое вполнѣ извѣстно, вліяніе коего можно опредѣлить и предвидѣть. Эта возможность въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ получить большую степень вѣроятности (напримѣръ, въ случаяхъ душевныхъ заболѣваній), но никогда не можетъ достичь той степени вѣроятности, съ которой мы (путемъ индукціи) доказываемъ законъ природы. Итакъ, наслѣдственность есть одно изъ возможныхъ условій, на ряду съ другими, оказывающими свое вліяніе на развитіе психической жизни человѣка. Это нужно имѣть въ виду, когда говорятъ о типѣ „врожденнаго преступника“. Можно допустить, что человѣкъ рождается съ извѣстными наклонностями, что въ нѣкоторыхъ индивидуумахъ эти наклонности могутъ проявиться съ особенною силой и особенно рано, но нѣтъ никакихъ основаній дѣлать для нѣкоторыхъ наклонностей исключенія и видѣть въ нихъ предопредѣляющія силы, своего рода фатумъ; все прирожденное вліяетъ на ходъ психическаго развитія, вліяетъ, можетъ-быть, больше, чѣмъ внѣшнее, но на какомъ основаніи утверждаютъ, что нѣкоторыя наклонности предопредѣляютъ, а другія лишь вліяютъ. Мы думаемъ, что и въ психическомъ мірѣ всякое вліяніе можетъ быть парализовано дѣйствіемъ противоположныхъ ему вліяній, подобно тому какъ и въ физическомъ мірѣ можно направлять и видоизмѣнять дѣйствіе законовъ природы. Итакъ, „врожденный преступникъ“ обозначаетъ собою лишь человѣка съ унаслѣдованными дурными наклонностями; но вѣдь юридическая антропологія не удовлетворяется этимъ, никѣмъ не оспариваемымъ значеніемъ термина; она говоритъ о типѣ врожденнаго преступника, называетъ его разновидностью антропологическою, полагаетъ, что его можно распознать путемъ медицинскаго осмотра, по внѣшнимъ признакамъ; юридическая антропологія придаетъ такимъ

образомъ термину характеръ естественно-научный, зоологическій, и утверждаетъ, что нѣкоторые люди неизбѣжно, благодаря наслѣдственности, предопредѣлены къ преступленію. Это голословное утвержденіе, которое не доказывается въ сочиненіяхъ Ломброзо; къ тому же это утвержденіе находится въ прямомъ противорѣчіи съ другимъ основнымъ положеніемъ юридической антропологіи, именно, что преступникъ есть продуктъ соціальныхъ условій. Соціальныя условія относительно преступника суть внѣшнія условія, слѣдовательно, противоположны внутренней наслѣдственности. Ежели соціальныя условія создаютъ преступника, то не зачѣмъ упоминать о наслѣдственности, и наоборотъ.

Взамѣнъ доказательства существованія типа врожденнаго преступника, мы находимъ у Ломброзо перечисленіе признаковъ, отличающихъ будто бы врожденныхъ преступниковъ отъ нормальныхъ людей. Ежели преступникъ есть антропологическая разновидность, то, конечно, у него должны быть ясно опредѣлимые признаки, и въ нихъ-то мы можемъ видѣть своего рода доказательство существованія указаннаго типа. Признаки преступниковъ могутъ быть трехъ родовъ, внѣшніе (анатомическіе), внутренніе (физіологическіе и психическіе); изъ нихъ первые—морфологическіе, какъ наиболѣе очевидные, лежащіе въ основѣ классификаціи животныхъ типовъ (по Кювье), должны имѣть преимущественную важность. Но прежде чѣмъ разсмотрѣть самые признаки, слѣдуетъ рѣшить принципіальный вопросъ, возможно ли, вообще говоря, по морфологическимъ признакамъ судить о душевныхъ качествахъ человѣка. То обстоятельство, что всѣ люди постоянно это дѣлаютъ, еще не заключаетъ оправданія подобнаго рода сужденій. Попытокъ научнаго обоснованія возможности судить о духовныхъ качествахъ человѣка по его внѣшнимъ признакамъ чрезвычайно много, начиная отъ псевдоаристотелевской физіономики и кончая книгой Монтегацца о томъ же предметѣ. Но всѣ эти попытки такъ и остались попытками. Никакихъ строго-научныхъ принциповъ френологи и физіономисты не выработали; они удовлетворялись различными сопоставленіями, часто совершенно произвольными (какъ напримѣръ, аналогіи, указываемыя Баптиста Порто, лица человѣка съ типами животныхъ), указывали на связь извѣстныхъ чертъ лица и мимики съ различными характерами; но эти указанія не дѣлаютъ сужденій безошибочными, а лишь болѣе или менѣе вѣроятными. Мы вовсе не желаемъ отрицать ни связи тѣла съ душой,

ни законовъ выраженія въ тѣлѣ душевныхъ состояній, а желаемъ лишь напомнить, что характеръ этой связи намъ, вопервыхъ, неизвѣстенъ, то-есть мы не въ состояніи сказать безошибочно, какъ должно выразиться въ тѣлѣ опредѣленное душевное качество, а вовторыхъ, что связь эта сама по себѣ непонятна, ибо рѣзкая граница, отдѣляющая физическія явленія отъ психическихъ заставляетъ настаивать на противуположности признаковъ душевныхъ и тѣлесныхъ явленій. Съ высшей точки зрѣнія можно требовать единства этихъ двухъ міровъ; задача философіи состоитъ въ томъ, чтобы показать возможность такого единства, но въ предѣлахъ научнаго познанія можно лишь искать взаимныхъ отношеній души и тѣла, указывать на существованіе явленій обоихъ порядковъ, но не слѣдуетъ поступать такъ, какъ будто бы вопросъ о причинной связи души и тѣла рѣшенъ и остается лишь детальнѣю его разработка; между тѣмъ, юридически антропологія именно такъ и поступаетъ, почему всѣ ея выводы шатки, а иногда даже просто смѣшны. Гораздо болѣе, повидимому, простые вопросы, чѣмъ тѣ, за которые берется юридическая антропологія, не рѣшены; тѣмъ менѣе шансовъ на успѣшное рѣшеніе могутъ имѣть адепты новой науки о преступномъ человѣкѣ, но они съ успѣхомъ замѣняютъ смѣлостью и догматичнымъ тономъ то, что̀ въ ихъ сужденіяхъ необосновано. Ежели антропологія до сихъ поръ не могла найти твердыхъ признаковъ высоты психическаго развитія человѣка, ни въ строеніи черепа, ни въ количествѣ или качествѣ мозга, то какую вѣроятность могутъ имѣть сужденія о качествахъ человѣка, построенныя на формѣ ушей или носа? Въ психіатріи въ послѣднее время получило значеніе ученіе о вырожденіи. Нѣкоторыя формы психическихъ заболѣваній встрѣчаются по преимуществу и развиваются на почвѣ, приготовленной наслѣдственностью. Эти дегенеративныя формы заболѣваній встрѣчаются у субъектовъ, которые имѣютъ нѣкоторыя физическія особенности, по которымъ ихъ можно узнать. Однако эти признаки въ строеніи тѣла служатъ указаніемъ для врача лишь послѣ того какъ психическая болѣзнь установлена и не одинъ тифозный психіатръ не станетъ утверждать на основаніи того, что нѣкоторыя физическія особенности встрѣчаются у субъекта, что этотъ субъектъ долженъ заболѣть опредѣленною формой психическаго разстройства. Такая неопредѣленность діагноза происходитъ отъ того, что фактъ

наслѣдственности неопредѣленъ: всякій признакъ, встрѣчающійся у родителей, можетъ передаться и дѣтямъ, но можетъ и не передаться: ясно, что отсюда никакихъ положительныхъ заключеній сдѣлать нельзя.

III.

Обратимся теперь отъ этихъ общихъ замѣчаній къ книгѣ г. Ломброзо и посмотримъ, какъ онъ доказываетъ свои положенія. Г. Ломброзо сначала говоритъ о морфологическихъ аномаліяхъ, а потомъ о функціональныхъ. Къ числу морфологическихъ аномалій нашъ авторъ относитъ—аномалію мозга, черепа, скелета, etc. У преступниковъ г. Ломброзо находитъ увеличенный мозжечекъ въ сравненіи съ величиной мозга. „Всѣ наблюдатели", говоритъ онъ на стр. 40, „подтверждаютъ чистоту ненормальныхъ сліяній бороздъ, что̀ часто совпадаетъ съ увеличеннымъ объемомъ мозга". Въ черепѣ преступника наиболѣе характерною и „наиболѣе атавистическою" чертой является средняя затылочная ямка. Противъ этихъ замѣчаній ничего не найдутъ тѣ, которые преступника считаютъ зоологическою разновидностью, ежели только наблюденія сдѣланы надъ достаточно большимъ количествомъ фактовъ, а самые факты, въ данномъ случаѣ категоріи преступниковъ (дѣло весьма шаткое!), достаточно твердо опредѣлены. Но третье замѣчаніе относительно скелета преступниковъ настолько характеризуетъ манеры размышленія г. Ломброзо, что мы его приведемъ цѣликомъ:

„Изучая 63 скелета преступниковъ, Тенкини нашелъ въ нихъ 6 процентовъ прободенія локтеваго отростка, что̀ наблюдается въ 31 проц. Европейцевъ и въ 34 проц. Полинезійцевъ; онъ замѣтилъ также въ 10 проц. излишнее количество и въ 10 проц. недостаточное количество реберъ и позвонковъ, что̀ напоминаетъ сильныя колебанія численности этихъ костей у низшихъ позвоночныхъ.—Въ послѣднее время Тенкини нашелъ у одного преступника отсутствіе четырехъ крестцовыхъ позвонковъ, замѣщенныхъ четырьмя дополнительными шейными позвонками." Изъ этихъ замѣтокъ рѣшительно ничего вывести нельзя; онѣ не имѣютъ большей цѣны чѣмъ замѣтки, которыя каждый ученый записываетъ себѣ для памяти, чтобы впослѣдствіи воспользоваться ими, если представится удобный случай, но г. Ломброзо эту черновую работу считаетъ готовымъ научнымъ результатомъ и рѣшается предло-

жить его читающей публикѣ. Всѣ книги г. Ломброзо производятъ впечатлѣніе черновика помимо воли автора появившагося въ печати, ибо сырой матеріалъ не подвергся логической обработкѣ. Благодаря отрывочности замѣчаній, читателю можетъ показаться, что Ломброзо часто извращаетъ дѣйствительное отношеніе явленій, принимая слѣдствіе за причину,—напримѣръ, когда Ломброзо говоритъ что 81% преступниковъ предавались пьянству. Такое замѣчаніе можетъ имѣть значеніе лишь въ томъ случаѣ, когда можно установить прочную связь между пьянствомъ и преступностью, но г. Ломброзо подобной попытки не дѣлаетъ. Примѣты убійцы, которыя приводитъ Ломброзо, вызовутъ улыбку въ самомъ серьезномъ читателѣ: „черные густые волосы, отсутствіе бороды, блѣдность лица, толстыя и короткія руки.“ Чухны могутъ быть спокойны, среди нихъ нѣтъ убійцъ; за то сколько честныхъ Итальянцевъ въ этомъ отношеніи найдутъ, съ содроганіемъ, свой портретъ.—Ученики г. Ломброзо и самъ маэстро изслѣдовали уши и носы преступниковъ; они были столь же счастливы, какъ и френологи, съ тою только разницей, что особая антропологическая школа придаетъ особое значеніе ушамъ, френологи же болѣе вниманія обращали на носы. Лихтенбергъ говорилъ о Лафатерѣ, что онъ находитъ въ носахъ современныхъ ему писателей больше, чѣмъ весь образованный міръ въ мѣстностяхъ; а въ предвидѣніи тѣхъ практическихъ результатовъ, которые одинаково вытекаютъ какъ изъ современной юридической антропологіи, такъ и изъ френологіи, онъ говорилъ: „ежели физіогномика сдѣлается тѣмъ, чего отъ нея ожидаетъ Лафатеръ, то дѣтей будутъ вѣшать ранѣе совершенія ими тѣхъ дѣяній, которыми они должны заслужить висѣлицу.“—Выпишемъ характеристику носа „честнаго“ человѣка и вора въ назиданіе читателей.

„У нормальныхъ людей носъ или кривой (26,87%) или волнистый (25,4), нѣсколько длинный (57,27), умѣренной ширины (54,8), у основанія весьма часто опущенный (42) и очень рѣдко отклоненный въ сторону, чаще всего выпуклый (30).“

„Воры преимущественно имѣютъ носъ прямой (40,4), часто вогнутый (23,3), вздернутый у основанія (32,3), короткій (30,92), широкій (53,28), сплющенный (31,33) и во многихъ случаяхъ отклоненный въ сторону (37,5).“

„Ist es auch drollig, hat er doch Methode“.

Относительно скуловой морщины, расположенной посреди щеки, г. Ломброзо говоритъ, что ее можно по справедливости назвать

морщиной порока. Итакъ, горе людямъ съ подобною морщиной! Всѣмъ подобнымъ указаніямъ, какъ и тому, напримѣръ, что преступники позже сѣдѣютъ и лысѣютъ, чѣмъ честные люди, намъ кажется вполнѣ достаточнымъ противопоставить напоминаніе, что поваръ великаго Помпея, Меногенъ, походилъ какъ двѣ капли воды на своего барина (vide Plini Hist nat VII 17). Этимъ въ достаточной мѣрѣ характеризовано значеніе внѣшнихъ признаковъ, какъ морщинъ, такъ и лысины и носа, etc. Страннымъ покажется всякому, что Ломброзо, перечисляя пороки, ставитъ на одну доску пьянство и религіозность и находитъ, что они весьма развиты у преступниковъ.

Перейдемъ теперь къ функціональнымъ особенностямъ преступниковъ.

Самую значительную особенность врожденнаго преступника составляетъ, говоритъ Ломброзо, аналгезія или преступленіе болевой чувствительности, не встрѣчающейся въ такой степени даже у дикихъ племенъ. Сравненіе преступника съ дикаремъ и указаніе на родство между преступникомъ и дикаремъ,—родство объясняемое атавизмомъ,— одна изъ излюбленныхъ мыслей г. Ломброзо, мысль смѣлая, но ложная, какъ это было указано Тардомъ и другими. Факты, которые г. Ломброзо приводитъ въ доказательство своего утвержденія, имѣютъ весьма малую убѣдительность. Нашъ авторъ, напримѣръ, разсказываетъ о ворѣ, которому во время кражи раскололи правую половину лба ударомъ топора, нанесеннымъ сбоку; черезъ 15 дней онъ выздоровѣлъ безо всякихъ послѣдствій (ст. 65). Но вѣдь выздоровѣлъ онъ такъ быстро не потому, что былъ воромъ, и ударъ вѣроятно сопряженъ былъ съ сильными болями, такъ что примѣръ нисколько не поясняетъ аналгезію, на которую указываетъ Ломброзо. Столь же неумѣстенъ и другой примѣръ: Одинъ убійца, каменьщикъ, изъ-за выговора за какой-то незначительный проступокъ бросился изъ третьяго этажа съ высоты 9 метровъ на вымощенный дворъ. Всѣ считали его мертвымъ; послали за врачемъ и даже за священникомъ, какъ вдругъ онъ (то-есть убійца, а не священникъ) поднимается улыбаясь и проситъ позволенія продолжать прерванную работу (ст. 65). Конечно, слѣдуетъ удивляться тѣлосложенію убійцы, но при чемъ же тутъ аналгезія? Оставимъ аналгезію и перейдемъ къ выдѣленіямъ. Сравнивъ выдѣленіе мочи 15 врожденныхъ преступниковъ съ тремя случайными, г. Оттоленги пришелъ къ выводу, что врожденные преступники выдѣляли меньшее

количество мочевины и большее противъ нормы количество фосфатовъ, а количество хлоридовъ оставалось безъ измѣненія (66). Еслибъ это странное заключеніе основывалось на достаточномъ количествѣ наблюденій, то объяснялось бы не свойствами врожденныхъ преступниковъ, а особенностями тюремной жизни и питанія; въ томъ видѣ, въ коемъ намъ предлагаетъ его г. Ломброзо, оно ничѣмъ не лучше гиппократовскаго афоризма (pars IV, 83). Мочиться много во время ночи предвѣщаетъ не такъ-то обильныя изверженія низомъ. То же самое слѣдуетъ сказать о замѣчаніи Ломброзо, что у преступниковъ обоняніе слабѣе развито, чѣмъ у нормальныхъ людей. Единственная возможная причина этого явленія, ежели только самое наблюденіе справедливо, заключается въ условіяхъ тюремной жизни, не способствующей развитію обонянія. Кто читалъ описаніе санитарныхъ условій въ тюрьмахъ, напримѣръ, у Келана, тотъ пойметъ какимъ благодѣяніемъ является для преступника притупленность обонянія.— Замѣчаніямъ Ломброзо о томъ, что преступники имѣютъ „грубый" почеркъ и что они любятъ татуировку, мы не можемъ придать большаго значенія.

Полагаемъ, что приведенныхъ образчиковъ вполнѣ достаточно, чтобы характеризовать манеру г. Ломброзо, его отношеніе къ фактамъ, его логическіе пріемы и степень доказательности его выводовъ.

IV.

Мы ранѣе привели одну классификацію преступниковъ у Ломброзо, въ которой онъ хочетъ подраздѣлить свой матеріалъ на самыя общія группы; но у Ломброзо есть еще другая, болѣе спеціальная классификація, касающаяся врожденныхъ преступниковъ. Онъ ихъ дѣлитъ (ст. 46) на убійцъ, изнасилователей, преступниковъ противъ тѣлесной неприкосновенности, разбойниковъ, поджигателей, мошенниковъ, бродягъ и воровъ. Кажется, что и это дѣленіе столь же неудовлетворительно, какъ и первое. Убійца можетъ быть и воромъ, и бродягой, бродяга почти всегда въ то же время и воръ и т. д.; разбойникъ и мошенникъ суть термины вполнѣ неопредѣленные, особенно послѣдній: большинство изъ людей, означаемыхъ этимъ терминомъ, находится внѣ предѣловъ тюрьмы, а тюрьма есть, очевидно, единственное мѣсто наблюденій для нашего автора.

На одномъ типѣ преступниковъ, который не вошелъ въ указанное перечисленіе, слѣдуетъ однако остановиться нѣсколько долѣе,—и это уже потому, что Ломброзо посвятилъ ему отдѣльное сочиненіе въ двухъ томахъ: мы разумѣемъ политическихъ преступниковъ [1]. Слѣдуя своей своеобразной методѣ, г. Ломброзо считаетъ излишнимъ, какъ онъ это заявляетъ въ предисловіи, дать опредѣленіе предмета, полагая, что оно само собой найдется, когда онъ разсмотритъ политическихъ преступниковъ. Тѣмъ не менѣе, г. Ломброзо и его сотрудникъ Ласта не могли обойтись безъ нѣкоторыхъ общихъ соображеній, составляющихъ какъ бы введеніе ко всему сочиненію; самое же сочиненіе распадается на двѣ части, изъ которыхъ первая называется антропологіей и соціологіей политическаго преступленія и революцій, а вторая—экономическою, соціальною и политическою профилаксіей политическаго преступленія. Итакъ, первая часть носитъ характеръ естественно-научнаго трактата, а вторая, скорѣе, историко-этическій.

Въ замѣчаніяхъ, служащихъ для введенія, г. Ломброзо говоритъ, что одинъ законъ опредѣляетъ собою какъ неорганическій, такъ и органическій и нравственный міръ: это законъ инерціи, который въ нравственной сферѣ выражается ненавистью ко всему новому или мизонеизмомъ. Г. Ломброзо приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ изъ весьма различныхъ областей для доказательства мизонеизма, и нѣкоторые его примѣры весьма остроумны: напримѣръ, онъ утверждаетъ, что не только академики но и первостепенные ученые заражены мизонеизмомъ. Критика указала г. Ломброзо, что въ исторіи человѣчества легко отыскать и противуположную тенденцію, любовь къ новому, филонеизмъ, безъ коей не было бы никакого развитія, но нашъ авторъ съ этимъ несогласенъ, потому что прогрессъ „не есть результатъ внезапнаго движенія или естественной людской склонности, но есть слѣдствіе внѣшнихъ, физическихъ, соціальныхъ (умопомѣшательства, нужды, нашествій) или историческихъ силъ, которыя отклонили законъ инерціи; это конечная производная, какъ выразился бы физикъ, этихъ маленькихъ и незамѣтныхъ измѣненій, которыя свойственны человѣку, смотря по его отношеніямъ, въ связи съ болѣе значительными, хотя въ соотвѣтствующее время и безплодными движеніями, которыя вызываются геніальными или

[1] Мы будемъ цитировать по нѣмецкому переводу, изданному г. Курелло въ сотрудничествѣ съ авторами въ Гамбургѣ въ текущемъ году.

помѣшанными людьми, и еще болѣе значительными физическими и историческими условіями“ [1]. Нельзя сказать, чтобъ эти объясненія были очень отчетливы и понятны, какъ непонятно утвержденіе, что „академикъ будетъ восхищаться открытіемъ финикійской надписи или большимъ изгибомъ какой-либо улитки, но съ негодованіемъ отвергаетъ телефонъ, телеграфъ, желѣзную дорогу и новые законы Дарвина“ [2]. Право же, весьма многіе академики ѣздятъ по желѣзнымъ дорогамъ и посылаютъ телеграммы.

Установивъ законъ о мизонеизмѣ, г. Ломброзо указываетъ во введеніи на различіе революціи и бунта (Revolte). Первое есть „необходимый и медленный процессъ, иногда ускоренный какимъ-либо нервнымъ влеченіемъ или историческимъ случайнымъ событіемъ (?!), второй—искусственное, слишкомъ поспѣшное созрѣваніе зародышей при высокой температурѣ“ [3]. „Важная характерная особенность революціи—это ея успѣхъ, второй признакъ — медленное и постепенное развитіе.. хотя все-таки иногда необходимо нѣкоторое насиліе по отношенію къ приверженцамъ стараго“ [4]. „Революціи обхватываютъ болѣе или менѣе всю страну, бунты же всегда дѣло партіи, дѣло извѣстной группы или касты или индивидуумовъ“ [5]. „Бунты часто возникаютъ изъ неважныхъ, чисто мѣстныхъ и личныхъ поводовъ; они не имѣютъ идеальныхъ мотивовъ... въ противность революціямъ. Бунты прекращаются со смертью главарей, революціи часто распространяются послѣ смерти ихъ... Итакъ, революціи суть физіологическія явленія, бунты же патологическія“ [6]. Отмѣтивъ, что бываютъ явленія, стоящія между революціей и бунтомъ, г. Ломброзо говоритъ, что не легко отличить революціонера и бунтовщика, и что только послѣдній подходитъ подъ понятіе политическаго преступника. Много общаго у перваго съ бунтовщикомъ, и только результатъ опредѣляетъ, станетъ ли тотъ, кого сегодня считаютъ бунтовщикомъ, завтра революціонеромъ. Въ концѣ концовъ г. Ломброзо предлагаетъ слѣдующее антропологическое опредѣленіе понятія политическаго преступленія. Это всякое насильственное покушеніе на политическій, религіозный, соціальный

[1] Ср. ст. I, 38.
[2] Ст. I, 29.
[3] Ст. I, 40.
[4] Ibid.
[5] Ст. I, 41.
[6] Ст. I, 41.

и т. д. мизонеизмъ большинства, на соотвѣтствующую ему форму правленія и оффиціальныхъ ея представителей [1].

Мы сдѣлали эти выписки для того, чтобы показать, что, вопреки обѣщанію, г. Ломброзо не можетъ обойтись безъ предварительнаго опредѣленія предмета, и въ то же время онъ, въ сущности, не даетъ никакого опредѣленія, ибо все различіе сводится къ различію въ степени и къ плачевному признанію, что лишь успѣхъ, результатъ, т.-е. чисто побочное обстоятельство (вѣдь и бунтъ можетъ имѣть успѣхъ), опредѣляетъ искомую разницу. Ломброзо въ данномъ случаѣ подобенъ врачу, который на вопросъ о степени опасности болѣзни отвѣчалъ бы, что это зависитъ отъ исхода болѣзни. Какъ въ болѣзни исходъ зависитъ отъ характера ея, такъ и исходъ политическаго движенія зависитъ отъ самаго движенія, а не наоборотъ. Такое дурное опредѣленіе предмета изслѣдованія не предвѣщаетъ ничего хорошаго. Обратимся теперь къ самому содержанію сочиненія.

Въ первой части, въ антропологіи и соціологіи политическаго преступленія Ломброзо указываетъ сначала на зависимость политическихъ преступленій отъ климата и метеорологическихъ условій. Онъ находитъ, что въ слишкомъ жаркомъ и въ слишкомъ холодномъ климатѣ не бываетъ политическихъ преступленій. Нельзя съ этимъ не согласиться, ибо въ этомъ климатѣ нѣтъ и политической жизни вообще; политическія преступленія встрѣчаются лишь въ странахъ умѣреннаго климата, причемъ теплота оказываетъ большое вліяніе на количество бунтовъ. Въ теплые мѣсяцы бунты чаще, чѣмъ въ зимніе. Я не думаю, что подобныя указанія совершенно безполезны, но они въ извѣстной мѣрѣ способны извратить дѣйствительную зависимость явленій указаніемъ на побочное обстоятельство. Напримѣръ, изъ того факта, что войны начинаются весной и весьма рѣдко ведутся зимой, очевидно нельзя заключить, что весна есть причина войны; но такъ какъ весной и лѣтомъ удобнѣе вести войну, чѣмъ зимой, то онѣ и ведутся въ соотвѣтственное время года; то же самое имѣетъ мѣсто и по отношенію къ политическимъ движеніямъ. Мы не станемъ слѣдить за нашимъ авторомъ въ перечисленіи имъ всѣхъ внѣшнихъ условій, при которыхъ совершаются политическія движенія, замѣтимъ лишь, что онъ съ самаго начала смѣшиваетъ понятія бунта и революціи, т.-е. уничтожаетъ то самое различіе,

---

[1] Ст. I, 46.

которое самъ установилъ и которое послужило ему исходною точкой изслѣдованія [1]. Количество революцій прямо пропорціонально „генію“ (слово это нужно понимать въ смыслѣ высокаго умственнаго развитія вообще) и... длины человѣческаго роста (I, ст. 86).

Большую важность могли бы имѣть замѣчанія 3-й главы, изслѣдующей вліяніе дороговизны жизненныхъ продуктовъ и алкоголизма на революцію, но замѣчанія г. Ломброзо въ этомъ пунктѣ оказываются чрезвычайно бѣдными. Въ 4-й главѣ г. Ломброзо разъясняетъ зависимость политическихъ преступленій отъ свойствъ населенія, расы. Это, безъ сомнѣнія, интересный вопросъ, требующій однако весьма тщательнаго, методическаго изслѣдованія. Для того, чтобы придти хотя бы къ приблизительнымъ выводамъ нужно строго сортировать матеріалъ, и врядъ ли возможно придавать одинаковое значеніе историческому событію и разсказу изъ романа Флобера и Достоевскаго, какъ это постоянно дѣлаетъ Ломброзо, для котораго дѣйствительность и фантазія не слишкомъ отличны. Самые факты, на которые ссылается Ломброзо, не всегда вѣрны [2] и не всегда относятся къ дѣлу, поэтому его выводъ всякому долженъ показаться мало обоснованнымъ. Онъ находитъ, что бѣлокурыя расы болѣе склонны къ революціямъ, черныя болѣе къ бунтамъ [3]. Ломброзо не замѣчаетъ, что этотъ выводъ, по которому германскія племена оказываются революціонными, противорѣчитъ тому, что̀ онъ сказалъ нѣсколько страницъ ранѣе (ст. I, 61); тамъ онъ утверждалъ, что Италія и Испанія имѣли наибольшее количество революцій, Англія же и Германія—наименьшее. Прямо пропорціональными количеству революцій оказываются и ростъ человѣка и долихоцефалія. Оставляя всѣ эти утвержденія на отвѣтственности гг. Ломброзо и Ласскаго, отмѣтимъ, что они удачно и съ любовью характеризовали Евреевъ; что касается другихъ національностей, то характеристики оказались менѣе удачными, иногда слишкомъ смѣлыми: напримѣръ, говоря объ Американцахъ, наши авторы полагаютъ, что они (то-есть Американцы) представляютъ собою въ нравственномъ отношеніи высшую степень человѣческаго

---

[1] Напр. ср. ст. I, 61.

[2] Характеризуя нигилистокъ со словъ романиста Бурже, нашъ авторъ находитъ, что «азіятская отчасти кровь Славянокъ вліяетъ на ихъ фантазію», ст. I, 133.

[3] Ст. I, 107.

развитія [1]. Не будемъ спорить съ авторами, но, судя по ихъ характеристикѣ („умъ и еще болѣе деньги исключительно цѣнятся и имѣютъ вліяніе"), наши авторы имѣютъ весьма низкое мнѣніе о людяхъ вообще.

Въ 5-й главѣ наши авторы перечисляютъ соціальныя, экономическія и политическія условія, вызывающія революціонныя движенія. Они насчитываютъ много условій: борьбу различныхъ классовъ общества между собою, господство кастъ, вліяніе партій и сектъ, подражаніе, историческія традиціи, слишкомъ поспѣшныя реформы, дурное правительство, волненія среди военныхъ, налоги и подати, экономическій кризисъ и т. д.—Все это весьма справедливо и всѣмъ извѣстно. Вопросъ только въ томъ, насколько всѣ эти замѣчанія касаются предмета, т.-е. насколько ими можно объяснить политическія преступленія.

Отъ общихъ условій наши авторы переходятъ къ частнымъ, индивидуальнымъ: къ полу, возрасту, положенію, занятію.

Женщины принимаютъ малое участіе въ бунтахъ и революціяхъ. Большинство революціонеровъ относится къ юношескому возрасту. До сихъ поръ, какъ читатель видитъ, говорилось много о политическихъ переворотахъ, ихъ условіяхъ, но весьма мало о самихъ преступникахъ. Въ 8-й главѣ, наконецъ, авторы обращаются къ вопросу, какой процентъ революціонеровъ относится къ врожденнымъ преступникамъ и къ нравственно помѣшаннымъ. Задача эта не легкая. Наши авторы думаютъ рѣшить ее при помощи внѣшнихъ признаковъ, которые они отыскиваютъ на фотографіи; они указываютъ на то, что у Мирабо былъ кривой носъ (I. 254), что у Сентъ-Юста не было бороды (ibidem), что Мостъ, редакторъ „Свободы", имѣетъ тоже физіономію преступника (Мосту должно, быть весьма пріятно было прочесть это присужденіе. (I. 254). Что большинство революціонеровъ преступники, это видно и изъ ихъ сочиненій и дѣйствій. (I. 254.) Типъ преступника характеризованъ по Достоевскому (I. 261) и другимъ романистамъ. Конецъ перваго и почти половина втораго тома посвящены доказательству, что политическіе преступники душевнобольные. Не станемъ говорить о томъ, какъ группируетъ свой весьма разнообразный матеріалъ Ломброзо, откуда беретъ онъ факты, насколько они провѣрены и насколько они доказательны; намъ пришлось бы повторять то, что мы уже ранѣе сказали:

---

[1] Ст. I, 114—115.

въ цѣломъ, эта глава производитъ впечатлѣніе свода малоцѣнныхъ, случайныхъ свѣдѣній изъ біографій различныхъ политическихъ дѣятелей. Для примѣра приведу лишь одно мѣсто: (II, ст. 2) „Въ Индіи въ новѣйшее время образовалась среди браминовъ новая религія, въ основѣ которой находится раціонализмъ и современный скептицизмъ; очевидно успѣхомъ она обязана помѣшанному основателю своему, Кешабу, далеко опередившему въ умственномъ отношеніи свое время, ибо даже въ гораздо болѣе просвѣщенной Европѣ такая религія еще не могла бы имѣть успѣха“. Таковы всѣ сообщенія нашихъ авторовъ: отрывочная замѣтка неизвѣстно изъ какой газеты заимствованная, по своему существу совершенно нелѣпая, ибо почему же Кешабъ[1] „очевидно“ былъ помѣшанъ, какимъ образомъ скептицизмъ можетъ быть основою религіи, и почему такая религія „еще“ не можетъ разсчитывать на успѣхъ въ Европѣ; все это не разъяснено, да и не можетъ быть разъяснено, ибо все не вѣрно.

Въ концѣ первой части наши авторы вновь возвращаются, обогащенные опытомъ, къ различенію бунта отъ революціи: но они только повторяютъ то, что̀ сказали въ началѣ сочиненія (II, 95—96). Есть, впрочемъ, и нѣкоторое дополненіе; напримѣръ, говорится, что революціи „особенно часты на почвѣ юрскаго известняка“ etc. Далѣе авторъ напоминаютъ, что невозможно сказать, имѣешь ли дѣло съ бунтомъ или революціей иначе, какъ по концу движенія. Это своего рода testimonium paupertatis, данное самимъ себѣ и тѣмъ дѣлающее сухимъ все сочиненіе.

Вторая часть называется „юридическою“ и разсматриваетъ профилактическія мѣры противъ политическихъ преступленій. Дается краткій очеркъ исторіи развитія законодательствъ относительно политическихъ преступленій, разсматриваются соціальныя, экономическія и политическія условія, при которыхъ развиваются преступленія политическаго характера, причемъ г. Ломброзо и его сотрудникъ являются въ несвойственной имъ роли политиковъ и соціальныхъ реформаторовъ. Мы не станемъ говорить о томъ, насколько удачно они справились со своею задачей, ибо насъ интересовалъ Ломброзо какъ антропологъ, а не Ломброзо какъ политикъ.

---

[1] Сдѣлавъ справку относительно Кешаба въ сочиненіи Goblet d'Alviella L'evolution religieuse contemporaine chez les anglais, les americains et les Hindoues. Paris. 1884. ст. 299—319, я не нашелъ ничего чѣмъ бы можно оправдать замѣтку Ломброзо.

V.

Сдѣлаемъ лишь нѣсколько заключительныхъ словъ. Мы полагаемъ, что новая наука Ломброзо есть мертворожденное тѣло, ибо эта наука не имѣетъ ни строго опредѣленнаго предмета, ни правильныхъ методовъ. Прежде чѣмъ изслѣдовать что-либо, надо имѣть отчетливое понятіе о предметѣ и цѣли изслѣдованія, а также и о методахъ, которые въ извѣстномъ случаѣ примѣнимы. Если не признавать разницы между дѣйствительностью и фантазіей, ежели не признавать требованій логики и здраваго смысла, то выводы, конечно, получатся поразительные, но пользоваться ими можно только..... для характеристики автора ихъ. Самъ же Ломброзо отлично характеризовалъ свои писанія, намъ остается только привести его слова: „Въ сочиненіяхъ маттоидовъ встрѣчается стремленіе къ несбыточному, постоянныя противорѣчія, многословіе, и надо всѣмъ этимъ царитъ хвастовство“. Лучшей характеристики сочиненій Ломброзо быть не можетъ. Осуждая сочиненія Ломброзо, мы не хотимъ сказать, чтобъ изученіе преступника было безплоднымъ или неинтереснымъ предпріятіемъ. Вопросъ лишь въ томъ, какъ его изучать. Зоологъ здѣсь не при чемъ, а соціологическіе и этическіе вопросы, къ каковымъ относится и вопросъ о преступникахъ, требуютъ совершенно иныхъ пріемовъ. Сравнивать г. Ломброзо съ Беккарія, какъ это дѣлаетъ г. Берлинъ, значитъ позорить имя Беккарія. Гуманныя стремленія этого почтеннаго юриста не имѣютъ ничего общаго съ тѣми жестокими выводами, которые необходимо проистекаютъ изъ зоологической точки зрѣнія на преступника. Изучать преступника необходимо, чтобы знать какимъ способомъ его сдѣлать лучшимъ, сдѣлать возможнымъ его возвращеніе въ общество. Наслѣдственность у преступника играетъ совершенно такую же роль, какъ и во всякомъ человѣкѣ—не станетъ же природа ради преступника измѣнять законовъ своего дѣйствія—посему дурныя стремленія въ человѣкѣ могутъ быть унаслѣдованными; эту несомнѣнную истину г. Ломброзо совершенно извратилъ, и нѣтъ основанія благодарить его за то, что онъ „обратилъ вниманіе на изученіе преступника“. Его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ перепуталъ всѣ понятія: сначала онъ перепуталъ фантазію съ дѣйствительностію, благодаря

чему онъ можетъ ссылаться на романы Флобера, Золя, Достоевскаго, какъ на источникъ реальныхъ свѣдѣній, изъ которыхъ можно дѣлать заключенія о дѣйствительномъ мірѣ, потомъ онъ перепуталъ реальныя явленія между собою, показавъ, „что геніальность, можетъ-быть, есть особая форма психическаго выраженія, принадлежащая къ группѣ эпилепсій"; но преступники приходятся тоже сродни эпилептикамъ, ибо г. Ломброзо „наблюдалъ, что во время грозы, когда у эпилептиковъ учащаются приступы, заключенные въ тюрьмахъ становятся болѣе опасными"; точно также и слабоуміе оказывается родственнымъ какъ генію, такъ и преступленію; итакъ, пользуясь своеобразною логикой Ломброзо, можно сказать, что геній есть тупоуміе, преступленіе есть геній, эпилепсія есть и геній и преступленіе. Перепутать такимъ образомъ различныя понятія, которыя родственны только поскольку принадлежатъ одному міру явленій, Ломброзо могъ благодаря тому, что онъ спуталъ простѣйшія требованія логики и, спутавъ, отвергъ логику. Такимъ образомъ и получился тотъ странный сводъ разнообразныхъ, часто малоцѣнныхъ свѣдѣній, которыя составляютъ новую науку—уголовную антропологію. Основой всему служатъ матеріалистическія воззрѣнія, господствовавшія нераздѣльно въ шестидесятыхъ годахъ въ Европѣ и нашедшія себѣ отголосокъ въ историческихъ наукахъ. Душу человѣка нельзя понять исключительно изъ внѣшнихъ условій. Преступника же опредѣляетъ преступная душа, и сколько бы мы ни перечисляли внѣшнихъ признаковъ у преступника, даже еслибы пересчитали и всѣ волоски на его головѣ и всѣ пятна на его тѣлѣ, этимъ мы не поймемъ души преступника, нисколько не приблизимся къ пониманію этіологіи преступности. Разъясненіе соціальныхъ, экономическихъ и политическихъ условій и вліяніе ихъ на количество и формы преступности дѣло, конечно, гораздо болѣе важное, чѣмъ описаніе физическихъ примѣтъ преступника, однако и эти условія не создаютъ преступника, а только способствуютъ (или, наоборотъ, препятствуютъ) преступленіямъ. Изъ двухъ людей, поставленныхъ въ совершенно одинаковыя условія, одинъ можетъ сдѣлаться прекраснымъ человѣкомъ, а другой преступникомъ, потому что душевныя свойства ихъ различны, а душевныя свойства хотя, можетъ-быть, и зависятъ отъ признаковъ тѣлесныхъ и отъ соціальныхъ условій, но ими не исчерпываются и не создаются. Перечисленныхъ путаницъ и недоразумѣній г. Ломброзо

показалось недостаточно: въ кругъ своихъ путанныхъ изысканій онъ захотѣлъ ввести еще и политическаго преступника, который ничего общаго, кромѣ названія, съ преступниками не имѣетъ; къ политическимъ преступникамъ г. Ломброзо относитъ и государственныхъ дѣятелей (въ родѣ Ришелье и Бисмарка) и религіозныхъ энтузіастовъ,—однимъ словомъ, всѣхъ выдающихся людей; нормой для Ломброзо служитъ средней руки буржуа, который ничѣмъ не выдается, копитъ деньги и дѣтей плодитъ, всѣ остальные суть преступники. Само собою разумѣется, что изъ статистики внѣшнихъ обстоятельствъ, при которыхъ совершаются политическія движенія, ничего понять нельзя; между тѣмъ, книга Ломброзо представляетъ собою именно подобное внѣшнее статистическое описаніе.

Э. Радловъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Томъ четвертый.

ІЮЛЬ.

Критика и библіографія:

АВГУСТЪ.

